

**АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ**

И наша российская история, да и история любой другой страны наглядно демонстрирует, насколько важна роль людей, стоящих на вершине государственной власти. Это, безусловно, касается и демократических обществ.

**АЛЕКСАНДР ПУМПЯНСКИЙ**

Процесс Ходорковского — это процесс Путина. Путин дал ему отмашку, он лично определяет все детали и этапы, именно он формулирует все приговоры. Ходорковский — самое большое поражение Путина.

**ВЛАДИМИР МОЖЕГОВ**

Широко отмечаемое во всем мире столетие со дня смерти Толстого российской властью и истеблишментом было совершенно проигнорировано. Толстой и сегодня остается слишком неудобен, слишком опасен.

**МАРИНА КУДИМОВА**

О Высоцком написано и сказано, на первый взгляд, все. Нет — о нем написано и сказано с огромным излишком. Вовремя замолчать о том или ином историческом персонаже часто означает предупредить его забвение.

**ДМИТРИЙ БЫКОВ**

Высоцкий очень советское явление: ведь советский проект будет памятен не только бюрократией, репрессиями и запретами, но и установкой на сверхчеловеческое, на преодоление будней, на прорыв в непонятное и небывалое.

**ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ
В НОМЕРЕ:****СТИХИ**

*Владимира Салимона,
Анны Саед-Шах*

РАССКАЗЫ

*Андрея Гребенкина,
Надежды Муравьевой,
Владимира Ротова*

**СТАТЬИ,
ВОСПОМИНАНИЯ,
ИНТЕРВЬЮ**

*Галины Аксерман,
Натальи Горбаневской,
Евгения Ермолина,
о. Владимира Зелинского,
о. Иннокентия (Павлова),
Юрия Колкера,
Михаила Румер-Зараева,
Юрия Малецкого,
Германа Садулаева,
Елены Скарлыгиной,
Ольги Седаковой,
Виктора Шендеровича*

ВНИМАНИЕ!

ДЕТСКОМУ ДОМУ слепоглухонемых
требуется помощь.



Привозить и присылать можно все,
кроме одежды и игрушек, —

*перевязочные средства, медикаменты,
стиральные порошки, постельное белье,
средства личной гигиены, присыпку, детский крем, памперсы
всех размеров —*

по адресу:

141300

Московская область, г. Сергиев Посад,
ул. Пограничная, д. 20,
детский дом слепоглухонемых,
Епифановой Галине Константиновне





Поздравляем

*Нашего дорогого друга,
члена редколлегии «Компинента»
выдающегося русского поэта
Наума Моисеевича КОРЖАВИНА
— с 85-летием*

*Нашего постоянного автора,
проницательного аналитика и едкого публициста
Александра Борисовича ПУМЛЯНСКОГО
— с 70-летием*

*Нашего верного автора,
удивительного поэта и филолога
Ольгу Александровну СЕДАКОВУ
— с присуждением ей премии «Poesia religiosa»
«За необыкновенную силу стихов и
постоянный поиск божественного в человеке и вещах».*

Приносим извинение нашим читателям
за беспрецедентную задержку этого номера.

Обещаем, что в течение 2011 года
постараемся ликвидировать все препятствия
к регулярному выходу журнала
и восстановить привычный график
поступления его к читателям.

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит 4 раза в год

146

**2010, № 4
октябрь — декабрь**

ПАРИЖ • МОСКВА

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

*Журнал основан в 1974 году в Париже
писателем Владимиром МАКСИМОВЫМ*

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 014255

Учредитель — И. И. Виноградов

Издатель:

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«НЕЗАВИСИМАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА “КОНТИНЕНТ”»**

Адреса редакции: ул. Мясницкая, д. 22, офис 114-115
ул. Плющиха, д. 27, кв. 1

ВНИМАНИЕ! Рукописи принимаются по адресу:
119121, Москва, ул. Плющиха, д. 27, кв. 1
Время работы редакции: 14:00—18:00 (вторник, четверг)

E-mail: idugina@mail.ru

Телефон редакции:
(499) 248-62-35

Internet: www.magazines.russ.ru/continent/
<http://continent-rus.ru/>

Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются,
и в переписку по этому вопросу редакция не вступает

Материалы, присланные по электронной почте, не рассматриваются

При перепечатке наших материалов ссылка на «Континент»
обязательна

Авторы несут ответственность за достоверность
приводимых ими фактов и цитат

© АНО «Независимая редакция журнала “Континент”»

© Название журнала «Континент» — В. Е. Максимов

Главный редактор
Игорь ВИНОГРАДОВ

Редакционная коллегия:

Марина АДАМОВИЧ	Роберт КОНКВЕСТ
Юрий АФАНАСЬЕВ	Наум КОРЖАВИН
Александр БЛОК	Эдуард КУЗНЕЦОВ
Армандо ВАЛЬЯДАРЕС	Александр КЫРЛЕЖЕВ
Галина ВЕЛИКОВСКАЯ	Николаус ЛОБКОВИЦ
Галина ВИШНЕВСКАЯ	Эдуард ЛОЗАНСКИЙ
Алла ДЕМИДОВА	Адам МИХНИК
Ион ДРУЦЭ	Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ
Евгений ЕРМОЛИН	Жорж НИВА
Николай ЗЛОБИН	Амос ОЗ
Андрей ЗУБОВ	Мишель ОКУТЮРЬЕ
Вячеслав ИВАНОВ	Ярослав ПЕЛЕНСКИЙ
Андрей ИЛЛАРИОНОВ	Валерий СОЙФЕР
Фазиль ИСКАНДЕР	Сергей ЮРСКИЙ

Редакция:

Галина ВЕЛИКОВСКАЯ, Ирина ДУГИНА,
Евгений ЕРМОЛИН, Марина КОПЫЛОВА, Александр КЫРЛЕЖЕВ,
Сергей ЛЕБЕДЕВ, Светлана ОПАРИНА

Представители «Континента»

АВСТРИЯ

Елена ВОРОНЦОВА
Buchengasse 133/2/32
1100, WIEN, OSTERREICH
☎/fax 0043-1-607-30-23

БОЛГАРИЯ

Наталья ЕРМЕНКОВА
«Интербалканика»,
ул. Карнеги, 11
100 СОФИЯ, БОЛГАРИЯ
☎/fax (359-2) 919-87, 963-42-49

ГЕРМАНИЯ

Лев УКЕЛЬСОН
Wertachstraße 11,
86153 AUGSBURG, BRD
☎/fax (821) 41-77-08

ИЗРАИЛЬ

Юлия ЭЙДЕЛЬМАН
Nashaftim 22
64365 TEL-AVIV, ISRAEL
☎ (03) 69-67-375

ИТАЛИЯ

Александр и Татьяна
СЕРГИЕВСКИЕ
69 via Palestro
00185 ROME, ITALIA
☎/fax (+39) 064-463-249

КАНАДА

Ольга БУТЕНКО
1221, Boul. Rene Levesque
SILLERY QC G1S1V8, CANADA
☎/fax (418) 688-1221

ПОЛЬША

Татьяна ХОХЛОВА
U1 Belwederska 25, Rosyiski osrodek
nauki i kultury
00-594 WARSZAWA, POLSKA
☎/fax (022) 849-27-30

Веслава ОЛЬБРЫХ

Fundacja «Slavica Orientalia»,
Zadanie 05/150, 05-077
WESOLA 4, POLSKA
☎ (022) 773-10-93

США

Марина АДАМОВИЧ
315 Oak Street
Garwood NJ 07027
☎ (908) 789-59-42

Эдуард ЛОЗАНСКИЙ

1800 Connecticut ave., N.W.
WASHINGTON, D.C. 20009 USA
☎ (202) 986-6010,
fax (202) 667-4244

ФРАНЦИЯ

Татьяна МАКСИМОВА
5 rue Chalign, 75116 PARIS,
FRANCE
☎ (1) 45-00-67-56

Анастасия ВИНОГРАДОВА
62-bis, Avenue du general Leclerc
78230 LE PECQ, FRANCE
☎ (1) 30-61-11-24

ШВЕЙЦАРИЯ

Нелли ЗЕДГИНИДЗЕ
25 Malagnou
1208 GENEVE, SUISSE
☎/fax (22) 736-40-69

Татьяна ХОФЕР-НИКОЛАЕВА
15 Ch. de la Rochette
1202 GENEVE, SUISSE
☎ (22) 736-14-82

ЛАТВИЯ, ЛИТВА, ЭСТОНИЯ

Леон Габриэль ТАЙВАН
Raina bulv., 19
LV 1586, RIGA, LATVIA
☎ (3712) 234-145

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ «КОНТИНЕНТА»

Анна САЕД-ШАХ. От Москвы до Ленинграда. <i>Стихи</i>	9
Владимир РОТОВ. Оздодворцы. <i>Рассказ</i>	14
Владимир САЛИМОН. Я легко теряю равновесие. <i>Стихи</i>	31
Надежда МУРАВЬЕВА. Призраки Ковеньяс. <i>Рассказ</i>	36
Андрей ГРЕБЕНКИН. Смерть поэта. <i>Рассказ</i>	54

РОССИЯ И МИР

Александр ПУМПЯНСКИЙ Дело Ходорковского 2	70
<i>Беседы в редакции</i>	
Андрей ИЛЛАРИОНОВ Трудный путь к свободе. <i>Часть вторая</i>	116
Михаил РУМЕР-ЗАРАЕВ Воплощенные миражи.	230
<i>У книжной полки</i>	
Евгений ЕРМОЛИН Жить бедой	272
Виктор ШЕНДЕРОВИЧ Комментарий к событиям российской жизни (январь — декабрь 2010 г.)	291
<i>Библиографическая служба «Континента»</i>	
Проблемы российской современности в русской сетевой и бумажной периодике третьего квартала 2010 г.	307

ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ

К 80-летию со дня рождения Владимира Максимова (1930 – 1995)

Елена СКАРЛЫГИНА Неуспокоенная душа	324
Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ Как порождаются мифы	330
Галина АККЕРМАН Владимир Максимов — судьбы скрещенья	337

РЕЛИГИЯ

К 100-летию со дня смерти Льва Толстого

Владимир МОЖЕГОВ Зеркало Льва Толстого	365
Иннокентий ПАВЛОВ «Зеркало русской революции»	388
Свящ. Владимир ЗЕЛИНСКИЙ Смерть Толстого в русской памяти	398
Основные события церковной жизни в зеркале прессы (<i>сентябрь – ноябрь 2010</i>)	409

ГНОЗИС

Ольга СЕДАКОВА Ветер с Запада	421
<i>Библиографическая служба «Континента»</i> Универсальное: миф или реальность? <i>Философская, социологическая и политологическая мысль в недавней российской периодике</i>	432

ПРОЧТЕНИЕ

Юрий КОЛКЕР. Поэт с эпитетом	441
Юрий МАЛЕЦКИЙ Новые варвары, или Прогулки в садах российской словесности-3	454

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Владимир Высоцкий: через тридцать лет

Владимир МОЖЕГОВ Советской империи Гамлет	481
Марина КУДИМОВА Созависимость	486
Дмитрий БЫКОВ Опыт о сдвиге	519
<i>Библиографическая служба «Континента»</i> Художественная литература <i>Третий квартал 2010 г.</i>	529

РАЗНОЕ

Герман САДУЛАЕВ. Всё в порядке	549
---	-----

Анна САЕД-ШАХ

ОТ МОСКВЫ ДО ЛЕНИНГРАДА

* * *

...И вот он вернулся, пришел, притащился,
приполз на потрепанных крыльях,
где даже пыльцы не осталось.

Что есть у него?

Что может тебе предложить за прощение,
кроме черных, как тучи провисших штанов
да мутной, как лед, катаракты.

— Ну как ты?

И вот он поднялся с колен, аккуратно присел
на краешек стула.

Вот уж просит борща без сметаны
и хлеба кусок.

И смотрит так глупо и странно
на твои загорелые ноги, на жемчужный висок,
На уютный твой быт небогатый

— Ну как ты?

Что ответишь ему? Что ты можешь сказать?

Что, мол, бабой на свете
очень даже не муторно жить,

если смотришь кино,

если дарят цветы на работе.

Что, мол, тело осело и высохли губы давно,
и выросли дети.

**Анна
САЕД-ШАХ**

— родилась в Москве, окончила Филологический факультет Московского областного педагогического института. Стихи публикует с 1985 года, печаталась в журналах «Дружба народов», «Континент», «Новый мир», «Огонек», «Юность» и др. Автор двух поэтических сборников на русском и одного — на болгарском языках. Стихи переводились на английский, фламандский и непальский языки. Живет в Москве.

Что иди, мол, туда, мол — откуда пришел,
откуда прогнали,
откуда ты больше не нужен...

Он кивает послушно,
он не отрицает
и прячет в ладонь восковое, как свечка, лицо.
И так обреченно мерцает
на пальце сутулом, давно безымянном,
венчальное, недорогое когда-то кольцо,
что хочется крикнуть:
— Ну ладно! Уж я потерплю до заката!
Ну как ты уйдешь, нечужой человек —
уж коли вернулся.
Конечно, вернулся.
Допустим, однажды, конечно, вернулся,
конечно, на крыльях, конечно — навек.

* * *

Есть женщины, к которым не прилипает
никакая гадость, никакая дрянь:
шелуха от семечек, пляжная галька, комары и мошки,
кофейные пятна, банные листья,
бродячие собаки и мужчины.
У этих чудесных женщин бокалы блестят,
простыни хрустят, полы скользят,
беленькие фартучки на гвоздике висят.
И каждая вещь знает свое место — даже мужчина.
У этих волшебных женщин
половые тряпки такие чистые,
что ими можно не только протереть
мокрые от глаз очки,
но и перетянуть вскрытые завтра вены.

* * *

Хочется думать, что хочется жить,
только вот для?..
Впрочем, можно придумать повод:

у друзей под проценты
до праздника одолжить
и пахать, пахать до ссудного дня,
до пота седьмого.

А можно проще:

прыщ раздавить на губе
и поливать, поливать его кислотой борной...
или, к примеру, вернуться к тебе
в дом беспризорный.

* * *

Что ты, дура молодая,
зенки мажешь и малюешь губы,
и на рожу сыпешь всякой дряни —
ты и так счастливей всех:
нелюбимую — не разлюбят,
некрасивая — не увянет,
муж не бросит. А у тех
он ночует для утех.
Чтоб вздымалась плаха,
чтоб не зря на свете!
...С ними он — для страха,
а с тобой — для смерти.

* * *

Знаю я такое место,
где у дачного окна
неудачная невеста
жаждет терпкого вина.

Что ж тебе не спится, детка,
коли истина в вине? —
Это я нашла метку
к той, веселой простыне!

Я такая... непростая,
не напрасно двадцать лет
колдовала, подсыпая
приворот в его обед:

мед и перец, сахар с солью
из толченого стекла,
...чтобы жизнь теперь слезою
по усам его текла.

* * *

Под землей лежат люди,
над землей летят люди,
по земле ходят тоже люди —
и никто не знает, как правильно.
А тело давно уже знает
свое место в семи километрах от МКАД
рядом с дедом, которого не знала —
уж он будет рад!
...Когда после жизни
земля перевернется —
ты предашь меня ей собственными руками,
и душа предаст тело.
А при жизни было наоборот.
...И посмотрит Бог и увидит,
что тело под землей,
душа — над ней,
и решит, что это хорошо.

Невский экспресс

Этот дождь косил под ливень,
правый глаз косил налево,
пьяный блеф косил под правду
и под булку — отрубя.
Только смерть косила честно —
всех косила под себя.
...От Москвы до Ленинграда
ночью страшно интересно:
за окном такая бездна —
как в душе у воробья.

* * *

...А из окна квартирки угловой,
качая марсианской головой,
заплывшая луна плыла
ни валко и ни шатко.
И от тоски вселенской мировой
мы в полночь шли
в тот клубик игровой:
я на сердечки ставила,
ты ставил на лошадку.
На старт, на старт,
осенний марафон!
На кто — кого
или на снова — вместе!
...По ком звонит мобильный телефон
уже который месяц?

ОДНОДВОРЦЫ

Рассказ

Вдруг позвонили и сказали, что еще ничего там не ясно, ситуация неопределенная, то ли будут переезжать, то ли нет. Как это — то ли, то ли?.. А вот так: они не решили окончательно, вполне могут еще передумать. Пока не оформлено, могут. У Камышина под сердцем поползла тошнота. Всегда так, что за проклятая чувствительность: малые расстройства поражали с силой больших и чуть ли не смертельных. Не сказать, что это такое уж малое, как-никак он делал на переезд определенную ставку. Поменять жизнь. Ну, может, не так громко, но все же. И вообще... давши, как говорится, слово, держись... что за народ, что за народ!.. Камышин не отставал и требовал объяснений, а голос в телефонной трубке делался все скучнее, голос исчерпал свой лимит времени, которое, как известно, деньги. Скоро трубку и положили, сказав напоследок, что еще ничего не решено и, значит, не совсем потеряно. В крайнем случае, найдется другой вариант. Утешение слабо проникло в Камышина, он-то уже сидел на чемоданах, а тут получалась серединка на половинку, да что еще за другой вариант сыщется. Ему этот приглянулся, этот нужен — не понятно, что ли?

Шур-шур, шур-шур, помешанная на чистоте бабка Скупцова возила тряпкой в коридоре. Он вдруг остро ей позавидовал: она бы не возражала и здесь остаться; как уж ее уговорили, чем сманили — это осталось тайной, старуха была неразговорчива. Ей все едино, она не переживает. Трет своей шваброй с обычной методичностью, и на новом месте будет так же елозить той же шваброй. А его задача, помимо прочего, не остаться в дураках. Он знал, с какой безжалостной яростью рвут душу сожаление и поздний гнев на себя, когда обнаруживаешь, что тебя в чем-то обставили и вышел ты пентюхом. Кроме прямого, вещественного ущерба, который еще можно осмеять, смахнуть с памяти, стократ невыносимее ущерб самолюбию. Камышин имел опыт, да, да. Он ведь сюда, в эту коммунальную ловушку, попал путем разных хитросплетений, на которые была горазда его жена, отбившая в

**Владимир
РОТОВ**

— родился в 1937 г. в Москве. Окончил Факультет журналистики МГУ. Публиковался в журналах «Знамя», «Континент», «Огонек», «Семья и школа», «Юность». Автор двух книг прозы. Живет в Москве.

результате себе уютную квартирку в Сокольниках. Другое дело, что ловушка имела выход, как оказалось впоследствии: тогда он и не помышлял о возможности расселения, это теперь старые коммуналки в центре на вес золота, да еще такие просторные, в таком тихом переулке. Три остальные комнаты тоже были заняты старухами, — квартира напоминала монастырь со старушечьими кельями, только его комната обнаруживала присутствие мужчины запахом табачного дыма, а в тех, остальных, пахло кисло и тленно, он в них никогда не заходил, общаясь со старухами на кухне или в коридоре.

...Камышин пребывал некоторое время в подвешенном состоянии, — как легко понять, не самом комфортном. Он не звонил, ждал. Их инициатива, их интерес, их проблемы, с какой стати он будет дергаться. Но было неуютно. И уже полмесяца прошло. И уже он подумывал, не плюнуть ли на гордыню и не толкнуться ли все же самому к ним. Но последовал новый звонок.

Это был опять тот, торопящийся, Камышин его плохо себе представлял в лицо. Парней было несколько, с кем он имел дело. Теперь было сказано про новый вариант. Про прежний даже не упомянуто. И даже когда Камышин попытался свернуть разговор на него (уж больно понравился ему вид из окна кухни на зеленый дворик), ответом была недоуменная пауза; значит, тот вариант успел не только отпасть, но и забыться: деловые ребята не нагружали лишним ни свое время, ни свою память.

Значит, новый вариант. У ВДНХ, от метро пешком. Вроде бы годилось. Но Камышин подпустил в голосе толику брюзгливости, поломался и поманежил немного, прежде чем назначили время осмотра квартиры. Встреча в семь часов вечера у выхода из метро. Голос был уверенный, и сказано коротко, без лишних уточнений: фирмач не сомневался в том, что они друг друга сразу узнают. Он, видимо, уже успел натренировать память, имея дело с многими людьми.

Он первым и подошел к Камышину, выделившись из кучкующейся толпы. Камышин, впрочем, его быстро признал; он бы его, конечно, сам вспомнил: патлатый, остролицый и остроносый, парень производил двойственное впечатление суетливости и деловитости, некоторой небрежной расхлыстанности и внутренней собранности, простоватости и тяги к внешнему лоску, — лицо простоватое, а одежда с претензией на шик, костюм, галстук, рубашка, на ее воротнике чуждо и нахально, вреда желаемому им образу, лежали соломенные патлы. Фирмач быстро пожал Камышину руку, остро ее сдавив, и тронулся с места, не теряя ни секунды. Ведомый Камышин шел чуть отставая, предварительно сверившись с часами, чтобы после знать, сколько до дома ходьбы от метро.

И оказалось, ходьбы семь минут, вполне можно было принять за истину утверждение, что «рядом с метро». Пока что без обмана, и Камышин, поднимаясь в лифте, имея напротив себя остроносое отсутствующее лицо проводжатога, шарил глазами по изрядно обшарпанной кабине, назойливо сам себе называя плюсы и минусы. Дом старый, лифт старый... Этаж — четвертый — хорош. Главное, конечно, квартира. И вид из окон. Если вид окажется убогим или мрачным, он еще подумает.

Он придиричиво разглядывал обитую черным дерматином дверь, когда она раскрылась на звонок, и фирмач шустро просочился внутрь, едва кивнув хозяину. Хозяин, пропустив его, ждал и смотрел на Камышина. А Камышин смотрел на хозяина.

Камышин смотрел на Ксенофонтова и медленно бурел, наливаясь темной кровью. Сознание его было снесено, раздвинуто и расплющено, и Бог знает, что еще там происходило. Он все тарасился, смутно понимая, что уже перейдены всякие границы молчания, и что-то же должно произойти из этого молчания. Он переглотнул. Тут Ксенофонов сказал:

— Что стоять-то в дверях?.. Славная штука, нечего сказать, — еще он добавил, этими словами, по-видимому, обозначая непомерную глубину своего удивления.

Лицо Ксенофонтова отличалось от камышинского, но не сильно: кровью оно не налилось, а в остальном... в определенном смысле Камышин смотрелся в зеркало, выражение было очень похожим: оба как будто куда-то заглянули и что-то поразительное увидели, что-то немислимое. Они в самом деле увидели невозможное, из потустороннего мира, из канувшего времени. Ксенофонов первым вышел из оцепенения, первым подал голос. «Что в дверях стоять?» — было приглашение войти.

Камышин сдвинулся с места и вошел. Парень из фирмы уже нетерпеливо топтался и смотрел на него недовольно: он знал этих увальней, домоседов и рохлей, это поколение, которое в жизни никогда никуда не спешило, привыкнув получать свой паек и лениво отдавать свое немеряное время на службе, попивая чаек. Патлатый парень топтался и говорил Камышину:

— Ну, давайте, смотрите, решайте, квартира нормальная, по-моему, вон комната, вон кухня, давайте, смотрите...

— Славная штука, — повторял в свой черед хозяин квартиры, который избегал глядеть на нежданного гостя и этими повторяющимися словами, похоже, помогал себе как-то держаться и не впасть в окончательную растерянность. Если бы он молчал, вероятно, было бы со-

всем невыносимо. У Камышина же язык был не помощник, он в эти первые минуты прочно склеился и не пытался шевельнуться, и даже мысленно Камышин молчал, не находя слов и до сих пор не включив полностью сознание.

Он потом обдумает, он предастся эмоциям, воспоминаниям, а сейчас, избегая глядеть на Ксенофонтова, влекомый настойчивым терпением своего гида, который сам стоял с видом постороннего, ничем тут не интересующегося и даже как бы вовсе не заинтересованного, Камышин прошел в глубь квартиры, все пребывая в состоянии какого-то отвлеченного остоленения. Цель прихода смазалась, и то, что еще несколько минут назад казалось насущным, теперь отошло на задний план, и уже было не совсем понятно, зачем он здесь, у Ксенофонтова, с которым, — Господь свидетель, — он не рассчитывал сойтись когда-нибудь даже мимолетно. Даже случайно, — и вот именно случайность и произошла, совершенно фантастическая, хотя, может, и не такая фантастическая: чего не случается, если живешь в одном городе. И все-таки тут была чья-то ворожба, потому что просто так такого не бывает.

Кухня, ванная, он даже в туалет сунулся, движимый неясной потребностью шевелиться, действовать в соответствии с сиюминутной своей ролью, чего от него ждал, во всяком случае, деловой парень из фирмы. Чего ждал Ксенофонтов, было известно Ксенофонтову. Он где-то маячил в сторонке, вероятно, тоже испытывая облегчение при виде хлопотливых перемещений Камышина по его квартире. Камышин все натуральнее преисполнялся делового рвения, рыскал из одного помещения в другое, а сам все сильнее утверждался в мысли, что ни за что и нипочем он в эту квартиру не переедет. Сама квартира к крепнущей его решимости прямого отношения не имела, и, если говорить по правде, осмотр ее был чисто механический, не оставляющий следа в сознании (так бегут глазами по строчкам книги, не видя текста): решимость проистекала из самого факта присутствия здесь Ксенофонтова, из мысли о какой-то его, долгой или недолгой, жизни тут и из убеждения, что жилье хранит слепок живущего, место всегда несет в себе неявные контуры человека.

В последнюю очередь он заглянул в комнату, где особенно откровенно являли себя привычки, стиль жизни, весь облик Ксенофонтова, хорошо видимый в вещах, обстановке и ощущаемый даже в самом воздухе, пропитанном аккуратностью и какой-то вызывающей сдержанностью. Обстановка была полуспартанская: Камышин сразу и очень ясно увидел перед собой юного аккуратиста Ксенофонтова, державшегося среди ребят немного особняком. Во дворе особняком,

зато в школе он был отмечен и, сколько помнил Камышин, активно привлекался все годы к общественной работе, притом к руководящей, начиная с пионеров. Комсорг класса, седьмого, восьмого... Впрочем, это плохо помнилось, они учились в разных классах.

Ксенофонтов жил один, — не требовалось большой пронципальности, чтобы установить этот очевидный факт: ни малейшего следа женщины. Узкая лежанка, которую хотелось назвать койкой, притом солдатской. Пустой стол, чисто вытертый, невразумительные шторы на окне, не оживленные ни узором, ни хотя бы радующим глаз тоном. Камышин подошел к окну, выглянул, — напротив такой же дом, сбоку еще один, с другого боку такой же самый: колодец. Он повернулся от окна и увидел Ксенофонтова, который нерешительно его сопровождал. Камышин, осененный воспоминанием, не смог удержаться, чтобы не взглянуть на левую скулу Ксенофонтова, где когда-то в памятный день горело багровое пятно. Сейчас скула показалась ему по-прежнему вздутой, но то была всего лишь переключка памяти — из того дня в этот.

Еще висели два портрета на стене, Камышин сразу узнал и вспомнил эти лица: родители Ксенофонтова. Он не стал подходить и вглядываться, это было бы равносильно тому, чтобы заговорить сейчас с самим Ксенофонтовым как ни в чем не бывало. Но портреты разили, даже видимые боковым зрением, а не напрямую, особенно резал глаз чопорный портрет отца, старшего Ксенофонтова, в черном костюме и строгом галстуке, с немного надменным и в меру напряженным, как часто на казенных фотографиях, лицом (а портрет был явно увеличен с какой-нибудь карточки для паспорта или пропуска). Портрет был завершающим штрихом беглого и рассеянного осмотра комнаты, но в конце концов Камышин не удержался и в упор глянул на него, и встретился с взглядом, с которым и не помышлял никогда более столкнуться в жизни.

Ксенофонтов-старший любил останавливать во дворе Камышина-младшего и заводить с ним разговоры о житье-бытье. Трудно сказать, что им руководило, скорее всего, тут была странная смесь торжества и страха, злорадства и чувства вины (если предположить наличие в нем такого чувства), а вернее всего, пожалуй, то, что папаша Ксенофонтов желал пощекотать одрябшие с возрастом нервишки и прикоснуться к источнику ненависти: он не мог не догадываться о тех чувствах, какие вызывал в молодом отпрыске старого зэка Камышина. Впрочем, какого же старого: они оба тогда были еще просто пожилые и даже не очень пожилые мужики. Они были на дальнем перевале к старости, едва замаячившей на горизонте.

Высокий и прямой, как столб (сын не унаследовал его роста), ходивший на журавлиных ногах, чуть поскрипывая от соли в суставах, отчего никогда не гнулся, старший Ксенофонтов перехватывал Камышина обыкновенно в предвечернее время, когда тот возвращался из института (а прежде — из школы): он будто дожидался его у подъезда, хотя было очевидно, что встреча всегда случайна. Он надвигался всякий раз неожиданно, сбоку, и Камышин, поймав глазом наплывающую на него длинную черную фигуру, приостанавливался всегда с одинаковым чувством брезгливости. Это чувство возникало спонтанно, без участия воли, оно было таким же рефлекторным, как при виде тараканов, крыс или других подобных существ, изначально призванных вызывать его, отторгая людей от себя. Отторжение Камышина диктовалось и знанием прошлой жизни Ксенофонтова, и масляным тоном его вкрадчивого голоса. В сочетании с тем, что Ксенофонтов прекрасно знал, насколько осведомлен парнишка Камышин о его прошлом, вкрадчивость его отвлеченных вопросов была нестерпима своей почти карикатурной фальшью. «Как жизнь?» — спрашивал он. «Помаленьку», — отвечал Камышин. «Как учеба?» — «Ничего, справляюсь мало-мало». Улыбочка. «А мой Юрка отличник. Надо учиться лучше, мы, родители, не для того здоровье клали, чтобы вы лоботрясничали». Мысленно: где это вы здоровье клали, и, главное, кто и как его клал? Но только мысленно, соблюдался как бы негласный уговор, принятый неизвестно когда и непонятно по какой причине: не говорить вслух. А собственно, почему? Со стороны Ксенофонтова было понятно, почему: не ворошить и не навлекать на себя ненужные слова, — а вот юный Камышин испытывал тут чувства посложнее. Он вообще испытывал сложные чувства, задаваясь вопросом, отчего он останавливается и беседует с ненавистным соседом, вместо того чтобы послать его по батюшке или по матушке, уж как придется.

Ну, во-первых, оставалась еще не до конца отмершая детская робость перед взрослым, которому не след дерзить, пусть это и Ксенофонтов; во-вторых, в нем жило некое любопытство, желающее измерить глубину человеческой низости, любопытство в определенной степени и самоистязательное, поскольку тоже мешало ему оборвать разговор и облегченно отойти прочь; а в-третьих, вероятно, было и мстительное желание что-то узнать такое, что можно будет когда-нибудь на Ксенофонтова обрушить, явившись орудием справедливости и правосудия. Он чувствовал, что в общественной памяти подобные Ксенофонтову деятели мало-помалу теряют свою криминальную сущность, отодвигаясь на зады истории, и даже не на зады, а напротив, случается все чаще, что такой костолом, давно вроде бы закле-

менный как преступник, только не наказанный по закону, выступает в роли героя и патриота своей страны, врагов которой он выметал каленой метлой, борясь за чистоту идеологии; идеология же, хоть и тускнела все больше в глазах подрастающих граждан, с другой стороны, как-то и крепла, набираясь нового дыхания, оправившись после известных разоблачений пятидесятых годов, и подобные Ксенофонтову типы не сильно спешили прятать лицо. Было впечатление, что ветер дул и в ту, и в обратную сторону, история как-то замешкалась и растерялась, и эти люди еще остороженько топтались, ловя носом направление ветра. Иные уже и козыряли своим прошлым, но не Ксенофонтов, хитрый и елейный, вкрадчивый и дразнящий этим непонятным кружением вокруг Камышина. Чего он хотел? (Окончательного ответа на этот вопрос Камышин так никогда и не нашел.) И таким ли он бывал в тех коридорах, в тех кабинетах, с офицерскими погонами на плечах, таким ли вкрадчивым и елейным? Или, не говоря худого слова, бил в дых? Этого тоже так и не узнал Камышин.

Потому что отец с Ксенофонтовым не имел дело, им занимались другие. А Ксенофонтов ему пару раз попался в коридоре, когда вели с допроса, и один раз даже слегка кивнул, или отцу так почудилось. До отцова ареста они, впрочем, друг друга мало знали, дом был большой, в восемь подъездов, набитый до отказа людом, теснившимся в коммунальных ульях. Но, конечно, отец встречал его во дворе при всех регалиях, в портупее, — надо думать, высокая прямая фигура в защитной форме, в расчищенных сапогах гляделась весьма впечатляюще. Отец и до ареста знал, где служил молодой лейтенант из соседнего подъезда. До ареста, который произошел в сорок девятом, в год рождения Камышина.

А вернулся он в тот год, когда Камышин пошел в школу. Таким образом, знакомство с отцом опоздало на семь лет — на те семь лет, в которые близкий человек постепенно, властно и нежно входит в тебя всеми своими особенностями, привычками, голосом, обликом (который из года в год не меняется, когда рядом), и это нормально и хорошо, а ненормально и худо, когда ты, достаточно подросток, видишь незнакомого человека со знакомым лицом, который не сразу решается приблизиться к тебе. Когда он смотрит на тебя и моргает и ты впервые в жизни видишь, как плачет взрослый мужчина. И ты сам не знаешь, что от тебя требуется, а от тебя чего-то ждут — и плачущая мать, и плачущий мужчина, — они смотрят на тебя и ждут, а тебя неудержимо тянет вон, потому что тебе отчего-то страшно и неловко и потому что старшие ребята во дворе сбивают футбольную команду, а тебе доверяют бегать за укатившимся мячом. Худо, когда нужны месяцы,

чтобы лицо, памятное тебе от рождения по фотографиям, растворилось в живом лице отца, к которому ты очень постепенно привыкаешь. И совсем худо то, что так и не наступает полного слияния этого обретенного образа с тем, какой должен был прорасти в тебе с первых дней жизни: остается все равно невидимая щель, зазор, остается в душе какое-то пустое место, пусть крохотное, и пусть ему не следует придавать значения. Но оно есть — и никуда никогда уже не денется. Есть чувство, что тебя обокрали, едва ты появился на этот свет.

Но отец был обокраден больше. Собственно говоря, этот самый зазор в познании отца, это чувство, будто до прибытия из лагерей отца для него не существовало, вызывалось в большой степени одной важной вещью, о которой несколько раз с грустью обмолвилась мать: до ареста отец был другим. То есть в самом почти натуральном смысле Камышин того настоящего отца, о котором говорила она, и не знал, он знал уже изменившегося, сильно полинялого, негромкого и заторможенного человека. На теле его не было ни клейма, ни какой-нибудь особенной — оттуда — татуировки (да и не уголовником он был), и все-таки невидимое клеймо осталось. Отец даже ходил немного гнуто. В речах его постоянно сквозила какая-то особливая осторожность, он словно вечно чего-то недоговаривал, даже если касалось пустяков, — такая стала манера у него, и таким подраставший Камышин, и никаким другим, знал отца. Он привык к нему такому и вроде бы не замечал, как не замечают цвет волос или веснушки, родинки, к которым давно присмотрелся глаз; и лишь когда мать обмолвилась, он внимательно пригляделся и вслушался и тогда заметил эту отцовскую манеру для каждого слова находить некое безопасное место, куда его можно поставить, чтобы с каким-нибудь не туда вставленным словом не попасть впросак. Он, когда отец вернулся, по возрасту не мог интересоваться подробностями его ареста и всего прочего, а затем все это уже стало прошлым, поэтому он и после особенно не допытывался, зная лишь главное: когда взят, за что, где отбывал. Из этих трех вопросов наиболее существенным был, разумеется, один — за что? Ответ на него, как догадался Камышин, многое, если не все, раскрывал в вернувшемся в общем потоке по амнистии отце: его взяли за разговоры. За них брали и позже, при более либеральной власти, а уж тогда-то, в сорок девятом... Подробностей Камышин не знал, они были не важны, какая разница, кому и что отец неосторожно брякнул и кто на него наступал. Но ему открылась тут очевидная связь, и было грустно, что обжегшийся на молоке отец не переставая дул на воду. И он просто не мог представить себе доарестного отца, который во дворе их дома встречал молодого лейтенанта из органов и здоровался с ним по-соседски.

После отец с ним не здоровался. Отец о нем вообще никогда не говорил, вот разве однажды упомянул о забытой встрече в коридоре того учреждения. Он словно отсек от себя прошлое, отсек все связанное с арестом и лагерями, не любил вспоминать. Но вот с Ксенофоновым-старшим не здоровался никогда. Младший Ксенофонов, Юрка, в свою очередь не здоровался с Камышиным-старшим, видимо, от отца будучи наслышанным о том, что были враги и остались враги, пусть и не досидевшие срока. Юрка Ксенофонов тогда был из тихо фыркающих про себя, но наружно не выдающих своих мыслей и своего отношения юнцов, — он как-то учтиво уклонялся при встречах, с задумчивой отстраненностью отводил глаза, беся Камышина этим неуловимым хамством по отношению к его отцу, которое так и дышало презрением, о чем Камышин догадывался. Когда шел с отцом и навстречу Юрка, всегда так бывало. Между ними никогда не было даже детской близости, а позже обстоятельства и вовсе не располагали к мало-мальскому приятельству, как водилось во дворе. Всех ребят в доме Камышин знал, игры были общими; школа перетасовывала всех по-своему, и кто-то из его подъезда учился в другом классе, а с ним учился кто-то из другого переулка. Так и Юрка Ксенофонов, с которым в один год пошли в школу, учился в классе «Б», а он, Камышин, в «А». Ксенофонов в школе блистал — и отличник, и активист, вожак, и чистюля, чистенький такой, папаша по праву им гордился. Ксенофонов всегда был чуть призрачным, чуть ненастоящим, как случается обычно с чрезмерно в чем-то правильными людьми, что-то иллюстрирующими собой, — он и был словно иллюстрация в скучной книге, силуэтно строгая, в черно-белом цвете. Он, как его отец, строго одевался, после школы, студентом — это производило немного гнетущее впечатление. Он, вероятно, и в институте руководил — комсомолом, какой-нибудь дружиной, — этого Камышин уже не знал.

Юрка Ксенофонов (которого он и не помнил, когда звал Юркой), став взрослым, окончательно ушел в сторону и даже как бы совсем пропал из поля зрения Камышина, тоже взрослого и тоже студента. Редко-редко они случайно сталкивались и отрывистым кивком едва здоровались, чтобы стремительно, молчком разойтись. Жест был, по-видимому, с обеих сторон произвольный: сознание фиксировало уже тающий в воздухе след мелькнувшего жеста. Сбоку сознания у Камышина дремала мысль о младшем Ксенофонове, а заодно и об его отце (или, скорее, так: об отце, а заодно и о Юрке), которая могла бы вовсе в конце концов сгинуть: мало ли у Камышина было своих дел и интересов помимо приставучего папаша Ксенофопова, — но тут грянуло горе, да так внезапно, о котором и мысли

не возникало; отец был не стар, и все у него было вроде в порядке со здоровьем, по врачам не ходил. Грянуло в одночасье: обширный инфаркт — и конец. Бывает по четыре, пять инфарктов, а люди живут. Отцу хватило одного. Это было, как разрыв снаряда, который долго лежал, а теперь сдетонировал, — долго в отце зрел этот инфаркт, аж с сорок девятого года.

Камышин через два или три дня после похорон встретил у подъезда младшего Ксенофонтова. Институты свои они уже закончили, оба ездили на работу с «дипломатами», со стороны, наверное, они смотрелись схоже: стройные, тонкие, молодые, с легкими «дипломатиками», один построже, другой чуть повертливее. Камышин еще пребывал в возбуждении, был первый рабочий день после похорон, и отца помянули на службе в знак соболезнования, это дополнительно Камышина взвинтило, он все не мог справиться с нервной улыбкой и беспорядочными жестами, которые проделывала его свободная рука. Она даже чуть дернулась навстречу Ксенофонтову, для пожатия что ли, но тут же опомнилась и убралась за спину, — тоже получилось нелепо, вертляво, вызывающе. Ксенофонтов, казалось, не обратил внимания, он, первым остановившийся в этот единственный раз, смотрел на Камышина в непонятном молчании, и Камышин, остановленный таким внезапным образом, тоже на него смотрел и чего-то ждал, и удивлялся, зачем Юрка Ксенофонтов к нему подошел. Он чувствовал всегдашние отчуждение и неприязнь, но, взвинченный горем и несколькими рюмками водки, чувствовал их с большей, чем обычно, остротой и заикленностью, иначе он, наверное, просто прошел бы мимо, как бывало много раз. А тут ему показалось, что необходимо что-то немедленно прорвать, словно гнойный пузырь, раз уж Ксенофонтов сделал неожиданное движение в его сторону.

Ксенофонтов молчал, смотрел с непонятным выражением своими чистыми серыми глазами прямо в глаза Камышину, которые были не такими чистыми, скорее мутноватыми, заплывшими слегка влажной пленочкой неявных слез. Ксенофонтов их разглядел и чуть насупился. И спросил:

— Я слышал, твой отец умер?

Камышин автоматически кивнул. Он ждал, что еще будут за вопросы, что за слова, его тут что-то враждебно настораживало, ибо с какой бы стати Ксенофонтов к нему подошел и заговорил? И он не уходил и ждал, стараясь больше с ним не встречаться взглядами, не видеть его глаз, в которых кроме стерильной чистоты ничего не разглядишь.

Ксенофонтов тоже скосился в сторону, потом глянул под ноги, совсем вниз, — показалось, смутился.

— Прими, так сказать...

— Приму, так сказать... — быстро ответил Камышин.

«Так сказать...» Ему остро перехватило горло обидой и злостью: вот ведь ума палата, отличник, активист, человеческого слова не может найти. Но злость была оттого, что не в этом дело, за словами-то Ксенофонтов, сколько помнилось, никогда в карман не лазил, председательствуя на собраниях. Не тот случай для него, чтобы искать слова, вот в чем штука. А тогда зачем, умник, подошел? Камышину тут почувдился даже вызов, выпад: вот так подойти и нарочито небрежно высказать... это уж можно принять и за оскорбление. За оскорбление памяти. Ксенофонтов уже не казался ему смущенным, а наоборот, чуть ли не в открытую хамящим. Камышин пристально на него глянул, чувствуя теперь в глазах режущую сухость, и встретил прежний непонятный взгляд. Ксенофонтов не зря подошел, он что-то нес, а когда донес, стал мешкать и затрудняться, не зная, по-видимому, с чего начать и как бы так сказать, чтобы быть понятным. Все это Камышин позже разгадал и прокрутил наедине, сейчас же он все сильнее накалялся, глядя на Юрку Ксенофонтова, который... про другого бы можно было сказать — мялся, но не про него, он никогда не мялся и не тушевался, он просто искал слова поточнее.

— Понимаешь, — наконец промолвил Ксенофонтов, изображая на лице глубокую работу мысли, — время мы переживаем непростое, ты же понимаешь, ты же видишь, что общество умнеет на глазах, оно знает: сколько ни кричи об ошибках, жизнь продолжается, она умнее крикунов, да и их не больно уже слышно. Есть курс — это главное.

— Так, — сказал Камышин. — Это ты мне говоришь?

— Тебе, кому же.

— Так, — опять сказал Камышин. — А почему ты это мне говоришь?

— Потому что... да потому что у тебя, по-моему, представления ложные, это и понятно, — он быстрым намеком скользнул по лицу Камышина, — но все далеко не так, как тебе представляется.

— Что именно? — спросил Камышин. — Что не так, и что мне представляется?

— Напрасным в истории ничего не бывает. Это нить, она прядется, и нельзя ее разорвать, не получится. Наказания без вины тоже не бывает. Мы даже в детстве это знали, когда нас наказывали.

— Ты о каком наказании говоришь, собственно? — спросил Камышин.

Он спросил из-за оторопи, он не нашел сразу должных слов для ответа и как бы тянул время. Он понял, конечно, сразу, о каком наказа-

нии толковал Ксенофонт (и какой наказанный имелся в виду), и это его повергло в полное изумление, — что вот даже не просто при жизни, а именно теперь, теперь, когда отец, когда отца... Он водил взглядом по напряженному лицу Ксенофонтова, который тоже искал свои слова в ответ на заданный вопрос. Ксенофонтову тоже разговор не давался легко, и круглым болваном он никогда не считался, — Камышин позже заподозрит, что у Ксенофонтова тут была своя какая-то душевная надобность, уж не слабая ли попытка в самом деле объясниться — объясниться для того, чтобы утвердиться в собственном взгляде на вещи. Впитанном с молоком матери и с самых первых наставлений отца. Ксенофонт был последовательным отличником и в качестве такового не мог оставить без разъяснения и оправдания (или осуждения — середины он не знал) ни одного факта, ни одного лица, ни одного явления общественной жизни, иначе он, вероятно, чувствовал бы под собой топь вместо твердой почвы, которую привыкли уверенно попирать его крепкие ноги. Его мысль должна была опираться на незыблемую твердь. Вот он и подошел. Выбрав, конечно, наиболее, с его точки зрения, подходящий момент и найдя наилучший повод, — на то он и был Юрка Ксенофонт, опора старших товарищей в школе и институте, бичующий оступившихся. Позже Камышин поймет, что дурь его вовсе не была природным дефектом извилин, а была в нем выпестована многими товарищами, начиная с родного отца. Он это поймет и объяснит себе со всей скрупулезностью и дотошностью, заикнувшись на этом дне, задетый даже глубже, чем сам мог ожидать, объяснит вовсе не ради оправдания и примирения, а чтобы не терзаться загадкой. О примирении уже давным-давно не могло быть речи, хоть они до этого дня ни разу друг другу не сказали даже резкого слова.

Ксенофонт, молодой и потому особенно настойчивый, идущий напролом и желающий все до последнего гвоздика вбить, чтобы поднятый вопрос пришить намертво, тем не менее немного путался в словах, очевидно, все же некоторую душевную тягость испытывая. А Камышин, как понятно, не спешил ему навстречу, молчание затягивалось, отчего Ксенофонт, вероятно, начал испытывать уже другую тяготу, в виде укола самолюбия: он не привык так мешкать, так тянуть нерешительно, и он себя подхлестнул и быстро-быстро проговорил:

— Да все ясно, о чем тут... надо смотреть правде в глаза. Твой отец... он, конечно, теперь, так сказать, вне досягаемости...

— Ну, ну, — подбодрил его Камышин.

— Что — ну, ну? Я говорю... дело прошлое, но ты должен согласиться, что...

— Что? — опять подстегнул, поторопил Камышин.

Ему было невозможно смотреть на Ксенофонта. Ему хотелось, чтобы слово вонзилось, и он уже знал, что за этим последует. Он уже копил в правой руке невыносимую тяжесть, требующую немедленного выплеска, разрядки, после чего ей, руке, станет чудесно легко, и ему станет легко. Он как бы очистится чужой заслуженной болью и унижением, смахнет грязную слизь с души, накопленную не только за эти растянувшиеся минуты противостояния во дворе их длинного дома, а за гораздо более долгий — чуть ли не от начала жизни — срок.

Слово было наконец произнесено: вина, кара по заслугам, — напрямую назван отец в качестве заслуженно наказанного, а ему, Камышину, предложено взглянуть в глаза правде и постараться понять...

Потом Ксенофонтов долго отлипал, и лицо его куда-то удалялось, пламенея левой скулой, и что-то он еще договаривал в продолжение мысли, или то была уже реакция на свершившееся: у Камышина заложило уши, словно он сам получил увесистый, хрясткий удар кулаком. Он ничего не получил в ответ, такого рода средства защиты не входили в арсенал Ксенофонтова: вспомнилось Камышину (и после немного томило подозрением, не на то ли он и рассчитывал, без опаски дробя скулу противника?), что и в детстве Юрка Ксенофонтов никогда не дрался и не защищался, получая тумаки; он был как бы выше, он презрительно относился к этим топорным акциям, к которым прибегают те, кто не способен владеть словом как сильнейшим средством. Он уповал на слово, зная его магическую власть над людьми: трижды, четырежды повторенное, оно уже становится незывлемым. (Надо полагать, отец, его отец, не посвятил его в детали своей прежней работы, где слово было ничто перед действием, после которого из любых окровавленных уст исторгались любые требуемые слова.)

Собственно, это все. Очень скоро дом поставили на капитальный ремонт, а жильцов разбросали по городу, — это отдельная эпопея, какие там происходили баталии, как ловчили и упирались, чтобы не попасть к черту на рога, и преимущественно и попали. Камышины переехали не на самую окраину, и все же получили двухкомнатную квартиру на двоих, поскольку были разнополые — мать и сын, — и будь жив отец, получили бы, вероятно, то же самое; по крайней мере несчастье не было еще вдгон осквернено грубым житейским шлепком, и на том спасибо.

Мать стала стремительно стареть. В несколько лет она превратилась в рассеянную старуху, боящуюся невестки: Камышин тем временем как-то скоропалительно женился. Потом мать умерла. Потом он развелся и попал к чужим старухам. Все это происходило с ним и вместе не с ним: просыпаясь под утро, он с ужасом вспоминал, что

эта жизнь — его собственная жизнь, которая незаметно перевалила к поре, когда на далеком горизонте уже маячит, показавшись и пугая, призрак старости. Той самой, что маячила тогда, там, для его отца и Ксенофонтова-старшего. А теперь и для него.

Изменения в нем, внешние изменения, не были разительны, во всяком случае он не замечал обвальных, катастрофических усадок или, напротив, чрезмерной полноты ни в лице, ни в фигуре, остававшихся, на его статичный взгляд, вполне тридцатилетними... ну, тридцати пяти... много сорока, но это уже много. На взгляд посторонний, берущий внешность человека с неподвзятым равнодушием фотографа, Камышин не отставал и не обгонял, а шел со своим возрастом вровень. Сорок пять — ему примерно так и давали, сорок пять. Той юношеской худобы не было следа, фигура обросла и поплотнела, у кого-то обрастает салом, жиром, у него обросла жестковатым мясом по ребрам, по немного заметному животу, — можно сказать, он оброс плотью, чего не было в молодости, там были костяк, кожа, чуть проваленные щеки, худые руки, ноги, примерно то же было и у Юрки Ксенофонтова.

Ксенофонтон прежде всего полысел. С самой первой секунды, увидев его в дверях и мгновенно признав, Камышин определил и главное в его облике, чего не было прежде даже приблизительным намеком и что поэтому сейчас сразу бросилось в глаза: надо лбом простиралась обрамленная светлыми волосами загорелая плешь, делающая лицо несколько приплюснутым. Само лицо не сказать что изменилось крепко, так чтоб не узнать, оно лишь продубилось, как дубится от времени всякая кожа, и набрало положенное число морщин на лбу; глаза очень бы напоминали те глаза молодого Ксенофонтова, если бы не что-то новое во взгляде, чему Камышин не успел дать определения, а только бессознательно зафиксировал. Новое, пожалуй, появилось во всей манере Ксенофонтова, в движениях, походке, когда следовал по квартире, даже в его молчании. Как-то это все собиралось в мозгу Камышина единым цельным впечатлением, отсекая того, молодого, от этого, нынешнего. Где-то тут была определенная грань, которая пока не прощупывалась, оставалась трудноуловимой. Да Камышин и не стремился ее раскрыть, и вообще не собирался ни во что углубляться, зачем ему.

Он рассмотрел все же портреты, задержавшись дольше на мужском портрете; собственно, его только он и видел, удивляясь своей злой памяти, воскрешающей все интонации и вкрадчивые переливы в речах старика Ксенофонтова. Не старика, не старика, — но теперь-то старика глубокого, если он еще топчет землю. Впрочем, эти портреты...

— Они оба умерли, — подтвердил неожиданно сзади Ксенофонтов. Это были первые слова, произнесенные им с момента вторжения Камышина в его квартиру.

Он стоял и тоже обзирал портреты, минуя взглядом того, к кому обращался. Сцена была такая: обернувшийся Камышин, как бы отвлеченный от него Ксенофонтов и в стороне скучающий лохматый парень, для которого эти нарушившие тишину слова явились сигналом, что осмотр закончен. Он не удивился им. Он не для того сюда пришел, чтобы чему-нибудь удивляться и вообще на что-нибудь обращать внимание кроме дела. Которое, как он решил, было здесь закончено.

— Все? — спросил он у Камышина. — Годится?

Он подразумевал квартиру, он не собирался вникать в тонкости отношений (которых вовсе и не замечал), не желал никаких недомолвок и ставил вопрос по-деловому просто: годится — да, не годится — нет, хотя почему ж не годится, квартира хорошая. Он спросил с уверенностью в голосе, его вопрос сам в себе как бы содержал и ответ; возможно, то был отработанный прием давления на клиента, у которого гипнотически вызывается этот положительный ответ. Камышин на вопрос не спешил отвечать, он бы предпочел это сделать позже, не здесь, не в присутствии хозяина, которому иначе ответ тоже как бы предназначался. Хозяин также стоял с рассеянным видом и казался лицом незаинтересованным. Парень из фирмы глянул на одного и другого и что-то, видимо, учуял наконец своим острым носом. Он подумал и сказал Камышину, чтоб тот позвонил, когда решит, но чтоб не тянул. Завтра, послезавтра... Он недолго затем прохладился, он не тратил время на церемонию прощания — кивнул одному, другому, без ошибки справился с замком, хлопнул дверью, и след его простыл. Камышин, если и собирался ему что-нибудь сказать, пропустил момент. Он остался с Ксенофонтовым наедине, и снова, как в самый первый миг, лицо его побурело. Только теперь это было следствие не оторопи, а смущения, конфуза, как в детстве, когда взрослые мирят рассорившихся мальчишек. Камышин не мог стряхнуть это чувство и избегал смотреть на Ксенофонтова. Дверь была захлопнута — он не успел уйти с тем парнем.

— Давно? — спросил он механически.

Его слух еще хранил отголоском сказанное Ксенофонтовым о родителях. И Ксенофонт тоже не успел отключиться от только что им произнесенной фразы.

— Пять лет, — без промедления ответил он, напомнив Камышину прежнего юнца, любившего опрятность в одежде и точность в словах.

По-видимому, то и другое в нем сохранилось — свежая рубашка с галстуком (не переоделся после работы?), стрелки на брюках, новые шлепанцы... А что до слов, то дело было не в округлости даты: так же не задумываясь, он назвал бы и шесть, и семь лет, ему не нужно было напрягать память, она легко оперировала фактами, датами; а эта дата лежала особо, ее-то он, разумеется, хранил пуше других.

Но слух Камышина зацепил эту дату по простой и удивившей причине: сказано было об обоих родителях, они что же, оба в один год... кто-то кого-то не пережил?.. Должно быть, мать не пережила отца: трудно было ожидать от папаши Ксенофонтова сверхчувствительности и трепетной смертельной любви, утягивающей в могилу вслед за спутницей жизни, — такие быстренько обзаваются новой попутчицей. А мать была незаметна, неслышима, как бы не существовала: едва Юрка подрос и перестал требовать материнского глаза во дворе, она исчезла из поля зрения, редко-редко пробиралась в магазин и ни с кем не заговаривала. Камышин сейчас не вспомнил бы ее лица, если б не портрет. И было даже немного странно видеть рядом на стене эти два портрета: одно лицо, врубившееся в память и поднимающее со дна души зловонную муть, а другое вовсе забытое и никакого душевного отклика не вызывающее. Еще более странно, конечно, разглядывать эти портреты под надзором того самого Юрки Ксенофонтова, вынырнувшего из глубины лет. Он быстрее, чем Камышин, оправился от неожиданности и пытался ввести эту случайную встречу в русло почти непринужденного общения, — насколько оно могло теперь быть непринужденным, не став таковым с первых мгновений. Но как бы то ни было, возник предмет разговора — эти портреты, его родители, и просто так повернуться и уйти показалось Камышину действием несколько неуклюжим. Уйти, но естественным образом, с достоинством, ничего не подчеркивая, не выставляя напоказ своих чувств, — смешно было бы спустя столько лет.

— Вот история, — сказал он, имея в виду их встречу. — Бывает же... А здесь... ты как оказался?

Ну не «выкатать» же ему — еще смешнее.

— Здесь, — ответил Ксенофонтов, — я оказался по обмену. Вот после их смерти, — взгляд на портреты, — я обменял нашу двухкомнатную на эту однокомнатную. Без всякой доплаты, — поспешил он добавить, упреждая удивление слушателя. — Мне отсюда близко было до работы, мне понравился район, и я один. — Резоны были перечислены по пунктам — первый, второй, третий — в той последовательности, какую он считал логически правильной.

Коль уж разговор зашел, Камышин полубопытствовал:

— С женой развелся? Или не женился вовсе?

В нем оседала растерянность и незаметно менялся угол зрения: в конце концов, любая сцена может носить тот характер, какой ей придает наш взгляд, и почему бы не взглянуть проще и не избавить себя от излишнего и никчемного душевного напряжения, как поступают разумные люди. Он — разумный человек? Он независимо сделал два шага по комнате, не стремясь встретиться глазами с Ксенофонтовым, но и не избегая нарочно его глаз, а как придется. Ксенофонтов на него тоже не смотрел. Простой вопрос неожиданно всколыхнул его, так во всяком случае показалось: он не спешил ответить. Когда же ответил, в голосе была незнакомая трещинка.

— Я не был женат никогда.

И потом молчание. Камышин ощутил новую неловкость, смутно подумав, что вопрос мог быть почему-то некстати. Драматическая любовная история? Ксенофонтов по своему складу вполне мог оказаться однолюбом. По отношению к общественному строю, по отношению к женщине... И Камышин перемолчал эту паузу с новой для себя кротостью и растерянностью, он ощутил в воздухе ток печали, той печали, которая, бывает, неизвестно откуда берется — от слова, от вида, от глаз, — весь вид и глаза Ксенофонтова в сочетании со сказанными им словами составили то общее, что еще раньше почуялось, то цельное впечатление новизны, исходящей от него. Нельзя было ничего определить и расшифровать по пунктам и разложить по полкам, то была, если так можно сказать, сама изменившаяся аура, в которой, как в коконе, существовал теперь Ксенофонтов: его чуть погрузневшая (и как бы помягчевшая) фигура, его тронутое мягким загаром лицо, продолженное лысиной, его глаза, голос, слова, молчание. Пауза потянулась, как паутина, и оборвалась, — Камышин достал сигареты и спросил:

— Курить у тебя можно?

Ксенофонтов неопределенно двинул плечом, стало понятно, что сам он не курил.

— Тогда задымлю, — сказал Камышин. — Давно, знаешь ли... сосет...

Потом он еще спросил:

— Куда ж ты отсюда собираешься двигаться?

В смысле, куда надумал переезжать. Ксенофонтов ответил: новая работа, поближе к работе предложили жилье. Вот эти самые ребята.

Больше вопросов не было. Камышин курил, сидел и не уходил. Он не знал, почему он не уходил. Что-то текло в нем, словно река, исток которой пробивался из детских лет.

Я ЛЕГКО ТЕРЯЮ РАВНОВЕСИЕ

* * *

Как муравьи, внезапно облепили
развалины водонапорной башни
грачи и галки, что толпой бродили
еще недавно по окрестной пашне.

Какая-то неведомая сила
заставила залезть на верхотуру,
хотя меня от ужаса тошнило,
как то бывает спьяну или сдуру.

Открылся взору моему бескрайний,
как погорелец, черный лес ольховый,
как будто бы открылся смысл мне тайный,
неведомый дотоле, то есть — новый.

* * *

Голову стиснув ладонями, вдруг
я повалюсь на кровать,
и никогда, никому моих рук
больше уже не раззять.

Замкнутый круг образуют они.
Чтобы забраться не мог
в душу ко мне кто-нибудь из родни,
сцеплены руки в замок.

**Владимир
САЛИМОН**

— родился в Москве в 1952 г. Окончил Педагогический институт. Автор четырнадцати поэтических книг, в том числе: «Уличное братство» (1989), «Невеселое солнце» (1994), «Красная Москва» (1996), «Бегущие от грозы» (2001), «Возвращение на землю» (2002), «Опрокинутое небо» (2004), книги избранных стихотворений «Раз и навсегда» (2003), «Счастливым происшествиям свидетель» (2006). Живет в Москве.

* * *

Не до чтения журналов и газет.
Сад во тьме похрустывает сучьями,
будто он не сад совсем, а старый дед,
и за ним явились черти с крючьями.

Краем глаза глядя на стакан пустой,
я себя веселой мыслью мучаю,
что еще не раз налить живой водой
доверху смогу его по случаю.

* * *

В увлекательное путешествие
на рассвете корабли отправятся.
Станут, отвечая на приветствие,
на лугу коровы низко кланяться.

В реку рыбаки забросят удочки
и в рядок усядутся на корточки,
издали не ясно, то ли курочки,
то ли это — петушки на жердочке.

Смотрит капитан в трубу подзорную,
но сказать не может утвердительно —
дым лиловый или тучу черную
ветер гонит по небу стремительно.

* * *

Терновый куст вонзит в меня шипы,
но Севастьян не станет Севастьяном,
над пошлостью и низостью толпы
не поднимусь прекрасным великаном.

Меня окатит с головы до ног
болотной жижей фура грузовая.
Меня толкнет локтем приятель в бок,
как это больно, не подозревая.

Из года в год со всеми наравне
несу невосполнимые утраты —
курю табак, тоску топлю в вине,
употребляю в пищу химикаты.

Я легко теряю равновесие,
словно под ногами почва зыбкая,
или стала русская поэзия
безнадежно хрупкая и хлипкая.

Словно ощущая неустойчивость,
как по шаткой палубе матросики,
проявив завидную находчивость,
широко шагают долгоносики.

Низко над водой шныряют ласточки.
В небе над землей порхают бабочки.
Старичок сидит в саду на лавочке
в мягкой и пушистой лыжной шапочке.

Каждое второе — инвалид.
Яблоки по большей части — битые.
Словно рать побитая лежит,
есть тут и бояре родовитые.

Экземпляры есть по полкило.
Тут не ополчение народное,
княжеское войско полегло,
воинство садово-огородное.

Ни выгоды, ни пользы никакой
тебе из этой глины не извлечь
при помощи лопаты штыковой.
Я все хочу тебя предостеречь!

А ты все ускользаешь от меня.
Как будто бы старинный менуэт
танцуем мы с тобой средь бела дня.
И в ужасе глядит на нас сосед.

В руках сжимая газовый баллон,
он молча оседает на траву.
Он думает, что это страшный сон,
но это происходит наяву.

* * *

Солнце давно закатилось, но я
долго еще просижу за столом,
так как от уличного фонаря
в комнату падает свет под углом.

Только заглавные буквы видны.
Только мелькают страниц номера.
Что они тайного смысла полны,
мне бы давно догадаться пора.

Словно кресты на воротах домов
кто-то железной рукой начертал,
кто-то на склонах пустынных холмов
горстку опасных смутьянов распял.

* * *

Или умерла внезапно кошка,
отчего пустились мыши в пляс,
или это лунная дорожка
на полу разостлана у нас.

В доме нашем каменные стены,
но сквозь них, как будто сквозь стекло,
кое в чем заметны перемены.
Пруд замерз. Лес снегом занесло.

* * *

Он еще до точки не дошел,
но до точки с запятой дошел, конечно,
и устало положил на стол,
снявши с пальца, обручальное колечко.

Пристально приемщик поглядел
на колечко это в лупу небольшую,
будто сквозь оптический прицел
снайпер в душу заглянуть решил чужую.

Но душа чужая — темный лес,
и от посторонних глаз во тьме сокрыта,
а сидящий в человеке бес
злбно корчит рожи и рычит сердито.

* * *

Кто сидит в саду на лавке старым чертом,
кто витает ангелочком в облаках
в небе синем над родным аэропортом.
Без сомненья — их судьба в твоих руках.

От тебя зависит будущее наше.
Несмотря на то, что утро раннее еще,
что настала осень, ты стоишь на пляже,
перекинув простыню через плечо.

* * *

Брешут те, которым делать нечего,
те, которым есть чего, — молчат.
Это было мной не раз отмечено
в час ночной, когда все в доме спят.

Нет луны там, где ей быть положено,
нету на привычном месте звезд,
но при этом — поле унавожено,
сад посажен, и построен мост.

* * *

Как будто здесь ночуют рыбаки.
Когда их нет, по дому рыщут звери,
обнюхивая злбно лежаки
и сапоги, стоящие у двери.

Похолодало быстро, прежде чем
я ощутил всю прелесть летной куртки.
В клубок сплелись замерзшие совсем,
как черви, в банке жестяной окурки.

ПРИЗРАКИ КОВЕНЬЯС

На юге темнеет быстро. В шесть часов откуда-то сваливается темнейшая тьма, между ней и дневным светом почти нет зазора. В местечке под названием Ковеньяс на Карибском побережье начинается ночь. Она задвигает куда-то во мрак остывшее море, и тогда вдали, на черном заднике горизонта высвечиваются две мерцающие нефтяные вышки и азбукой Морзе двигаются редкие огни неизвестного судна — то пропадают, то снова выпрыгивают из пустоты.

Все это делается очень далеко от нас, а мы живем тихо в маленькой двухэтажной хижине у самой кромки песчаного берега в чешуе крабовых пальцев и осколках блеклых ракушек и на это смотрим...

Я приехала в Колумбию полтора года назад, но все еще не могла привыкнуть к этим мгновенным переходам из света во тьму, будто невидимый палец нажал на выключатель. Я не то чтобы тревожилась, просто мне всегда нравились сумерки, а здесь сумерек не было и быть не могло. Даже Хайме, мой тогдашний друг и спутник, тертый калач и стреляный воробей, говорил, что его родина Колумбия — «страна контрастов», иногда уж слишком разительных. Все здесь вылезает за свои пределы, как тесто из квашни, все чрезмерное, одно отрицает другое: сказочно бедные — немыслимо богатых, роскошные пейзажи — убийственные окраины городов, ослепительный свет — крошечную тьму..

Хижина наша принадлежала самому богатому брату Хайме — Алонсо. Он милостиво разрешил нам пожить там две недели: потом мы поедem в город Картахену, а потом я и вовсе уеду в Россию, так что милостивый жест был, скорее всего, прощальным подарком. Чем-то вроде «ну, пускай побалуют себя напоследок», — потому что Алонсо, как почти все зажиточные люди, с которыми приходилось мне сталки-

**Надежда
МУРАВЬЕВА**

— родилась в 1970 г. в Москве. Закончила МГПУ им. Ленина, по образованию лингвист. Работала в «Независимой газете» (НГ Ex-libris). Некоторое время жила и работала переводчиком в Латинской Америке, в Колумбии. Автор романа «Майя» (2005), поэтического сборника «Cármenes», ряда рассказов и переводов, публиковавшихся в отечественных и зарубежных журналах. Журналист, преподаватель испанского языка. Живет в Москве.

ваться в Латинской Америке, был скуповат, и неумная, нерасчетливая щедрость казалась ему недостойной мачо слабостью.

Но тут как-то это так получилось, что он размяк. Дело было еще и в том, что на дворе стоял ноябрь, а в это время поездки на побережье нормальным людям представляются верхом нелепости. Погода переменчива: небо в лиловых ошметях туч то раздражается коротким ливнем, то не в меру яростным солнцем.

Но это была моя единственная и неповторимая возможность узнать Карибское море, и я раздумывать не стала.

Оно оказалось каким-то странным и ничуть не похожим на пышные воображательные картины, которые осаждали меня, пока мы путешествовали в автобусе с отваливающимся колесом чуть не через всю Колумбию — от Боготы до моря. Мы спустились с гор в самом прямом смысле слова, потом ехали вдоль кофейных плантаций и вот наконец душным распылчатым вечером высадились возле деревни Порвенир, что означает «Будущее».

Точнее, высадились мы возле покоробленной коробки древнего кафеюшника, без окон и дверей, — пустой короткой коробки, крытой пальмовыми листьями. Они были навалены сверху жесткой, неряшливой грудой и неприветливо шуршали от порывистого ветра.

Хайме посадил меня за барную стойку на высокий, ободранный стул и куда-то ушел, — он сказал, договариваться с рыбаком Орландо насчет дома. Орландо, по словам Хайме, был хранителем виллы во время отсутствия Алонсо.

Я сидела, делала вид, что пью сладкий черный кофе, от которого меня мучило, и к сердцу моему что-то подкатывало, взрывая и спотыкаясь, как наш достопамятный автобус. Дело в том, что при взгляде на этот самый «Порвенир», привольно вытянувшийся вдоль шоссе, будущее стало представляться мне довольно-таки сомнительным.

Во-первых, шоссе было пыльным и угрюмым. Во-вторых, те хижины будущего, которые я успела рассмотреть, внушали мне странную смесь чувств. Они, конечно, были местной уважаемой достопримечательностью и частью колоритного пейзажа, как щербатая чашка накрепчайшего черного кофе на стойке бара, но в то же время от них — как от кофе — делалось не по себе.

Небо обливало их порывистым светом из-за туч, и между ними, как сахарные крупинки под размешивающей ложкой, крутились волчком худосочные черно-бурые свиньи. Они действительно были похожи на тростниковый, коричневый сахар, и так же, казалось, истаивали на глазах от прикосновения неласковой жизни... Их молчаливые забеги и прыжки от одной стены до другой демонстрировали высокую степень

домашнего, привычного одичания. Кофейные стены хижин тряслись и вздрагивали.

Впрочем, у этих стен было важное отличие от кофе: они были совсем некрепкими. Я бы даже сказала, прозрачными, как вода в стакане, если бы это хоть что-нибудь объясняло. Проще говоря, стены этих хижин были похожи на кривоватый забор из прореженных бамбуковых палок. Сквозь них в ближайшей постройке что-то подмигивало, тасуя черно-белые пятна, и только через некоторое время мне стало понятно, что это телевизор. Как-то он выпадал из этого оглушительно-первозданного пространства.

С другой стороны, если разобраться, существование хотя бы одного настоящего телевизора, наверное, было праздником для всей деревни: ведь соседи могли смотреть его по вечерам все вместе, как в кинотеатре, благо частокол стены не мешал...

Тут вернулся Хайме с ключами, и мы пошли обживать дом. Возле придорожной лавки мы свернули налево и вышли на деревенскую улицу. Мимо меня, топоча по бело-желтой пыли, промчалось несколько черных поросят. В хижинах уже горели электрические лампочки, и голые кофейные дети с отвислыми животами доигрывали дневные игры наперегонки с плоскими свиньями, видимо, заменявшими им собак.

На сердце было беспокойно, да и небо, этот главный источник погоды, совсем не казалось мне приветливым. На нем было лиловыми широкими мазками написано: «Не сезон». «Погода» же на моем внутреннем языке обозначала солнце, по которому я так истосковалась в стыллом воздухе убийственно-высокогорной Боготы.

Мы миновали сквозные стены с нашлепками из пальмовых листьев, и я хотела сказать, что мне здесь как-то неприятно, и расспросить про Орландо и про дом... «Посмотришь сама», — сказал Хайме, и за этими словами высветилась какая-то более или менее приемлемая реальность: раз есть, на что посмотреть, значит, дом должен быть уютным, карибским, богатым, — действительно, «вилла» на берегу моря, под пальмами... В это хотелось верить, потому что окружающий пейзаж изобилием плодов земных и пышностью форм как-то не поражал...

И тут произошло чудо. Точнее, это была смена декораций, как в театре или во сне, когда одно наплывает на другое, а потом вдруг фокус зрения смещается, и ты обнаруживаешь за более или менее привиденческой нереальностью важное послание — какой-то проблеск истины. Сквозные хижины со свиньями остались на пологом холме, мы же сошли вниз, и прямо перед нами мир начал осязательно меняться, даже воздух стал другим.

По обеим сторонам белой дороги курчавились жесткие кусты, прямо и резко дышащие в лицо нагретыми за день мелкими листьями. По-испански «кусты» — «arbustos».

И в этом слове, и в этих кустах ощутимо круглилась капуста пополам с огромными арбузами. И действительно, кусты на закатном солнце были сплошь разлинованы полосатыми тенями разных оттенков зеленоватости. Они — и тени, и кусты — уходили в необъятные дали. Все пространство по обе стороны пути, куда ни погляди, было занято этими кустами, как будто это был новый вид специально высаженной полезной полевой культуры.

В конце же дороги все пело. Там стояло огромное, ветвистое дерево без названия, опоясанное двумя прудами — поменьше и побольше, и в этих прудах все голосило на разные лады.

Два круглых водоема были под завязку наполнены лягушками, и эти самые лягушки, пузатые и крепкие, как пельмени, в истоме всплывали на поверхность горячего, тропического бульона с кореньями и пряными травами и булькали там, и барахтались, и плескались в свое удовольствие. Правда, в отличие от настоящих, сварившихся пельменей, они пели взхлеб, верещали и свистели.

Дерево же стояло молчаливо, в нем было что-то совершенно особенное, даже не слишком тропическое. Толстое дерево с мощными, где-то в небе развешанными ветвями, со складчатой корой. Вообще, вроде бы самое обычное дерево, даже не хотелось спрашивать, как оно называется. Имена вроде «сикомора» или «баобаб» явно ему не подходили. Когда мы его миновали, я поняла, в чем было дело.

Эта часть Карибского побережья — с прудами, дорогой и деревом — изумительнейшим образом напоминала мне что-то давно не виденное, Костромское, знакомое. Даже курчавые плотные кусты здесь отходили подальше от дороги, чтобы не вклиниваться со своим явно-тропическим, наглым видом.

Дальше, за прудами желтела низкая изгородь, как ножом, отрезая от пути очередной ломоть. За тощими, высохшими на солнце жердями ясно было спокойное море песка. Великанские пальмы в ананасовой чешуе стволов роняли на песок разлапистые, белоснежные, сухие ветви.

Под ногами все шелестело, пересыпалось, валялись не то ракушки, не то панцири каких-то животных, умерших на заре веков. Сомнений быть не могло, это был действительно самый настоящий тропический мир, и хижины здесь были другие — суровые рыбацкие лачуги, продубленные солью и вылизанные ветром. Над их дверями горели голые электрические лампочки, и свет мотал туда-сюда ярко-черные гигантские тени пальмовых ветвей по белому песку.

Вообще-то я не была уверена, что лачуги уж так отличались от тех коробок из Порвенира, но близость моря сообщала им что-то достойное, рабочее, строгое и при этом чуть более призрачное, невероятное.

Эта смесь очевидного с невероятным, видимо, была от природы присуща всем элементам, из которых складывалось пространство Ковеньяс, потому что в следующую минуту Хайме вскрикнул: «Вот!» Он ткнул пальцем куда-то влево, в белый морской воздух, и я увидела дом.

Поначалу мне он показался роскошным — двухэтажная красная вилла в карибском стиле, с остроконечной крышей. Потом что-то сместилось, будто щелчок раздался в левом виске, и я увидела деревянную хижину с пальмовой крышей — вполне под стать тем, за спиной. Ее стены не были сквозными, и телевизор не светился сквозь них, но вполне ощутимая бедность, какая-то неожиданная скудость очертаний поразили меня гораздо больше, чем я показала.

Ведь это был дом Алонсо, богатея и скупердяя, владельца поднебесных вилл и роскошных машин, а тут вдруг, прямо на глазах выяснялось, что Алонсо, оказывается, был липовым богатеем, даже и вовсе не богатеем, а так себе... Словом, дутой величиной.

На втором этаже неудобная комната-мансарда с раскладушками вдоль стен была сплошь завалена скучными резиновыми игрушками — спасательными кругами, поясами, крокодилами и прочей детской белибердой, которая тоже показалась мне подспудным символом и свидетельством этого самого дутого богатства...

— Я сейчас подарю тебе море! — вдруг сказал Хайме с пафосом, не слишком подходящим для этого места, и, расталкивая мертвозрочноцветных, наполненных вялым воздухом крокодилов, пробрался к маленькой двустворчатой балконной двери в середине стены.

Он повозился с замком, рванул створку, она заскрипела, как скрипят двери в нежилом, не обогретом доме. Это очень сиротливый звук, усиленный немотой и нелюдимостью помещения. Он как будто говорит: «Здесь никого нет. И меня тоже нет — я никто».

Хайме попытался растворить обе створки широким, поэтическим жестом, но это ему не удалось. Пришлось открывать их по очереди. Мелькнуло что-то белесое, туман, потемневший кусок неба, мелкие, желтые огни вдали.

Душераздирающе скрипнуло, и частичное, незавершенное пространство за дверью вдруг собралось воедино, даже как-то подтянулось, прихорашиваясь и собираясь с целостными силами. Потом я увидела белоснежное море, нет, все тот же песок, дымчатую воду до самого горизонта и мерцание далеких нефтяных вышек.

Высоко, закавычивая все увиденное своими изогнутыми крыльями, шел увесистый альбатрос. Он не летел, а именно «шел», как «ходят» огромные морские суда.

Море пахло оставленностью. Может, конечно, это был запах дома Алонсо, ненароком смешавшийся с первым в моей жизни видением Карибского моря, не знаю.

Мы еще немного посмотрели из дверей и принялись обустраивать дом для жизни — свалили назойливые игрушки в угол мансарды, кое-как разобрали чемоданы и спустились вниз, на кухню. Там почти ничего не было. То есть, там стояла плита и прямоугольный деревянный стол, в воздухе висел небольшой шкафчик с окаменевшей солью в стеклянной банке.

— Надо какую-нибудь здешнюю бабу попросить рыбу приготовить. Они тут рыбу жарят с бананами, пальчики оближешь, — сказал Хайме. Пока же мы должны были обходиться своими силами — без бабы — и поужинать кофе и хлебом с консервами.

Вскоре выяснилось, что воды нет. Точнее, ее было сколько хочешь за дверью, но она была соленая. Еще одна вода была в шланге за домом, но пить ее было нельзя — она считалась вроде как душем, и в ней жили бактерии. Одним словом, обе этих воды были непригодны для питья.

В тот первый день мы как-то выкрутились, потому что у Хайме в рюкзаке обнаружилась большая бутылка «Кока-колы», а у меня — минеральная вода.

Мы даже сварили тогда кофе и потом сидели с чашками в руках на шатких раскладных креслах — почему они тогда везде и всюду были в синюю полоску? — и снова смотрели на море.

Постепенно жизнь наладилась. Выяснилось, что за водой нужно ходить постоянно — скажем так, через день. Ни колодца, ни родника в окрестностях не было, было одно только море. На совесть выдолбленные каное, как огромные деревянные ложки, лежали вдоль берега.

Еще был рыбак Орландо — сухощавый, загорелый мулат в какой-то рванине и парусиновых штанах с крепким веревочным ремнем. К мулатам не принято прищипливать эпитет «загорелый», но, ничего не поделаешь, морщинистый Орландо и в самом деле был весь просмолен солнцем, и даже его откровенная мулатистость не могла этого скрыть. Скорее, она даже подчеркивала его трудовой загар. Про то, что Орландо тут работает, а не мается дурью, как мы, я узнала на второй день.

На мой вопрос, купается ли он в море, он ничего не ответил, зато поглядел на меня, как смотрит представитель пролетариата на зажрав-

шегося от безделья богача и проговорил что-то на своем неудобоваримом рабоче-морском языке. Я его не поняла. Я была под впечатлением от его взгляда: до этого никто никогда на меня так не смотрел... Я, приехавшая из самой пролетарской страны в мире, не считая Кубы, в свои двадцать с чем-то лет никогда еще не сталкивалась с тем откровенно-простодушным презрением, какое трудовой элемент посылает нетрудовому в качестве письма без обратного адреса. Ведь вернуть этот его взгляд я ему никак не могла: чувствовалось, что он имеет на это исконно-посконное право, а я нет.

В смятении чувств я под конец все-таки догадалась, что он говорит. Он объяснял мне, что море — это не развлечение, а тяжелая, рыбная, — а иногда и безрыбная, — работа. Мне стало неловко перед ним за свой купальник, — он теперь как-то непристойно подчеркивал мою совершенную бесполезность: и здесь, и вообще — в мире. Про то, зачем я купаюсь, Орландо, слава Богу, меня спрашивать не стал.

Когда я рассказала Хайме об этой малопривлекательной беседе, он согласился с Орландо. Он сказал: «Ну конечно, для него море — это работа. Он же с пеленок рыбачит. Выходит в море в пять утра, возвращается в шесть вечера... Он его каждый день видит. Надоело. Оно для него, как завод. И ему странно, что кто-то на его заводе развлекается...»

Потом я выяснила, что карибские рыбаки никогда не купаются. Но меня это уже не удивило: действительно, было бы странно, если бы на пивоваренном заводе кто-нибудь из рабочих полез в сушеварочный чан — мыться... Ведь моются люди, как известно, дома, а на работе — работают.

Итак, Карибское море — это место, вроде рыбозавода.

Так что теперь, глядя на море, я всегда краем глаза словно созерцала эту самую рыбозаготовительную точку зрения. Тогда вода скучнела и вся — от вышек до побережья — делалась надоевшим рабочим местом, к которому глупые слова вроде «красоты», «покоя», и уж тем более пошлое определение «экзотичность» никак не желали приклеиваться. Если уж усилием воли и удавалось их налепить на происходящее, они сразу же отваливались и бутафорски болтались в воздухе, как криво приклеенный нос на праздничной маске...

Мы через каждые два дня ходили в Порвенир за питьевой водой и консервами, привели дом в относительный порядок, достали даже и бабу — невестку Орландо. Она иногда приходила к нам за небольшую плату стряпать огромные зеленые бананы-«платанос» и жарить крапчатую скользкую рыбу — продукт рабочей деятельности ее свекра. Она приносила с собой и поджаривала на огне большие бело-серые лепешки из кукурузной муки, так называемые арепы, — удивительно безвкус-

ную пищу, которую можно потреблять разве что с большим количеством соли, масла и сыра, которого, кстати, в Ковеньяс не продавали...

Мне не очень хотелось выступить в роли столь очевидного паразита и угнетателя карибского пролетариата, но тут выяснилось, что баба отчаянно рада возможности подзаработать, и угрызения совести незаметно испарились.

В тот вечер стемнело, как обычно, в шесть. Стемнело разом, безопасно и небрежно. Вдали дрогнули и заплясали огни над морем, вода прикинулась небом, небо — водой, и все слепилось в долгожданную ночную пустоту, полый орех мира, скромное бултыхание невидимых волн о песок.

Тут-то Хайме и спустился ко мне вниз и, отбросив книжку, сунулся в холодильник. В холодильнике должна была оставаться вода, но там ее не оказалось. Хайме скривился. Эту вот искривленную отвращением физиономию он молча обратил ко мне, так что я уже знала, в чем дело, прежде, чем он заговорил.

— Придется идти за водой, — доложил он мне голосом бесцветным и пустым, под стать мятой пластмассовой бутылке в его руках. Бутылка издала совершенно бессмысленный и вместе с тем многозначительный звук: чем-то он напомнил мне скрип балконной двери в первый день.

Это было не слишком приятное известие. Оно означало, что надо взять рюкзаки с накопленными за два дня бутылками, которые в придорожном магазинчике всегда можно было наполнить свежей водой за несколько песо, и срочно выходить из дома, пока лавочка не закрылась.

Мы еще никогда не ходили в Порвенир в темноте. Само по себе это было никак, просто далеко и неохота. Кроме того, вынужденность похода заранее настраивала душу против. Но впереди была целая ночь без воды, и мы, хоть и корчили рожи, прекрасно понимали, что идти все равно придется, хоть ты разорвись.

— Я возьму фонарик, — сказал Хайме.

Погромыхая пустыми бутылками, мы прошли по песку, в темноте казавшемуся снеговым. По нему бродили пальмовые тени, горящие лампочки у порогов хижин будто месили своим светом белое тесто пещка, то и дело подсыпая туда черно-перечной приправы.

Черный горох теней рассыпался, сыпался в белое и снова вылетал оттуда — как из стеклянной трубочки.

Мы спешили. Как я теперь вспоминаю, мы шли быстро, и бутылки в наших рюкзаках глухо стучались полыми боками. В этом стуке тоже было что-то дополнительно ненужное. Мы так спешили, что даже не разговаривали.

Хайме включил фонарик, едва только мы выбежали за ограду. Магазин вскоре закрывается, напомнил он, пойдем быстрее.

Белая дорога раскатившимся мотком бинта лежала перед нами. Лежала, как в стихотворении английского поэта Хаусмена: «White in the moon the long road lies», — с той лишь только разницей, что луны на небе не было. Были некоторые звезды, но и они светили слабо и рассеянно. Мы прошли несколько шагов, и стало понятно, отчего это так.

Похоже, все звезды переместились в пруды. Они издали сияли, мерцали и оплывали бродячим светом. Крупные, вздрагивающие бусины этого света висли на камышах, зажигались на нижних ветвях дерева, неподвижно горели там некоторое время и затем беззвучно сваливались вниз, в пруд. Их мерцание было полностью синим и незамутненно белым в одно и то же время. Внизу, в прудах, исступленно, разнообразными голосами — басовито, тонко, визгливо и словно бухая в стеклянную банку, — пели лягушки. Иногда бусины вспыхивали ярче, куда-то катились, зигзагообразно подпрыгивали, перемещаясь, но в их мерцательном движении все равно ощущалась некая невесомая плавность.

— Это светляки, — сказал Хайме. — Видишь, как много. Они очень толстые...

Он говорил почему-то вполголоса. Раньше мы никогда не видели здесь светляков, все дело было, вероятно, в том, что они оживали только в темноте, а мы никогда еще не ходили по этой дороге так поздно...

Мы как раз прошли мимо этого дрожания, и кусты виднелись теперь по обе стороны дороги. Наши шаги хлопали по прибитому песку, и фонарик бледно и вяло выхватывал из темноты куски дороги. Светлякам он и в подметки не годился. Те сыпали искрами, как испорченный трансформатор, а он едва светил.

Крик из кустов раздался внезапно. Мне показалось, что он кричал на «о», продлевая и усиливая этот крик каким-то неправильным, пугающим усилием гортани. Он был громким и очень близким, и в то же время похожим на вой где-то вдаль. Кусты словно наполнились стоном — требовательным и заунывным, сиреной стоны, раздирательным *sos*, несущимся неизвестно откуда. Странно, но нам обоим показалось, что он перемещался над кустами с огромной скоростью.

В одно мгновение дорога переменялась. Я еще никогда не видела, чтобы еще секунду назад совершенно безразличное к добру и злу пространство вдруг так резко качнулось в сторону ужаса, угрозы и затаенной вражды. Крик окончился так же сразу, как и возник. За ним все обрушилось в никуда, и пруды в мерцающих синеватых огнях, и верещание лягушек возымели иное, сдвинутое значение. Они стали страшными.

Хайме помолчал немного, выжидая, и окликнул: «Эй, парень, ты где? Тебе плохо? Помощь не нужна?» Голос его был простым и житейским и удивительно не вязался со всей обстановкой дороги. Меж тем блеклый круг фонарика прыгал по пыли, выдавая дрожь державшей его руки. Я поняла, что неуместная житейскость голоса Хайме была своеобразным актом мужества. На самом деле он очень испугался.

Все это были не мысли, а ошметки мыслей, потому что мы замерли возле прудов и не знали, что делать. Мы как будто стояли и ждали, что будет дальше, и оно не замедлило случиться. Крик проклянулся снова. На этот раз он очень заметно двигался, приближаясь к нам по воздуху с поспешностью бегущего и стонущего при этом человека. Он в самом деле раздавался на вывернутое, исковерканное ртом «о», не останавливаясь, не обрываясь и не ослабевая, и это-то, пожалуй, было в нем самое страшное. Обычный стон выдыхается к концу, а этот словно только набирал силу, выл долго и на одной ноте и потом вдруг исчезал так же резко, как возникал. Как будто бегущего сбивали с ног одним ударом.

Фонарик шарил по кустам, но они застыли и не двигались. Никто не шел по ним, никто не пробирался к дороге. Хайме уже не пытался кричать в ответ. Вдруг опять что-то раздалось, или это почудилось...

— Беги, — шепнул он мне шипло. — Беги к Порвениру. Скорее.

Не успев додумать какую-то очень значительную мысль, я уже бежала. Моя черная с золотом юбка мела дорогу, пока я летела вверх по холму. Подол юбки и пыль вокруг него запомнились мне, потому что на бегу я все время смотрела себе под ноги. Мне страшно было глядеть куда-нибудь еще. На полпути мне не хватило воздуха, я начала спотыкаться, почти падать.

Взбежав на холм, я все-таки смогла оглядеться вокруг. Электрические лампочки хижин ровно и исправно светились. Порвенир был совсем рядом, нужно только сделать еще одно усилие. Что-то с безумной поспешностью толкало меня вперед.

Чуть замедлив бег, я поняла, что это был страх.

Я смогла его назвать, я нашла слово. До этого все было — ничто. Отсутствие всего. Дорожная пыль и мельтешащий в глазах черный подол в желтых пятнах. Небытие, абсурд грохочущего в груди провала, там, где было сердце. Это клубился страх в чистом виде. Он валил, как дым, он забивал все поры души.

Он был настолько беспримесным, что ему ничего не стоило поработить душу, заставить ее бросить все и бежать без оглядки, не думая, не слыша, не видя. В каком-то смысле эти полдороги пробежал гранит, осколок скалы, окаменевший до бесчувствия человек, и

было удивительно, что камни, оказывается, могут бегать, да еще так быстро.

Самое странное, что бежала я действительно, как не-человек. Все человеческое, все соображения о том, где ты находишься, о том, разумно это, достойно ли, да и стоит ли вообще это делать, — куда-то испарились, им не осталось места в мире. Со всех сторон ко мне подползал и подкрадывался этот безумный, стонущий голос, в котором тоже ничего человеческого не было, он окружал меня, запаивал в консервную банку страха.

Когда я ехала в Колумбию, меня предупреждали, что в Перу свирепствует страшная холера, опасность заразиться велика. Накануне отлета мне сделали прививку, и, хотя я благополучно забыла об опасности и даже умудрилась выпить воды из-под крана в отеле, я не заболела. Заражения не случилось.

Оно случилось позже, на этой дороге от моря до Порвенира, и было это так же страшно, как бродящая в воде холера, потому что непонятный ужас, от которого неизвестно чего вообще ждать, был заразой, работал, как яд мгновенного действия. Он возник и сразу же включил меня в мир себя. В этом мире не было ничего, кроме страха. Там не было меня, точнее, я стала одновременно и источником страха, и его целью, мишенью.

Едва только я смогла его назвать по имени, как та самая значительная мысль, которую я упустила в начале бега, ткнулась в мою душу, и та с трудом, с мукой, все-таки впустила ее.

Додумать эту мысль оказалось делом секунды. Она заключалась в том, что Хайме остался один на дороге, я его бросила. Бросила, струсив, а он остался один — лицом к лицу неизвестно с чем... Я развернулась и побежала обратно. Я неслась обратно, задыхаясь, но теперь я уже могла немного думать. Я думала о том, что не могу по-другому. Не могу бежать в Порвенир, если Хайме остался на дороге. Почему он остался? Почему не побегал вместе со мной?

Однако этот вопрос решил сам собою — за считанные минуты. Пробежав несколько метров в скачущей перед глазами темноте, я чуть было не налетела на Хайме. Он бежал мне навстречу. Как-то я сразу поняла, что испуган он до последней степени. Мы столкнулись в темноте, он шумно дышал, и все хотел что-то мне сказать и не мог.

— Ты слышишь? Слышишь? Он гонится... Он бежит по дороге... Я слышу пятки... Стук пяток... Я свечу, а там... никого нет... — бормотал он с трудом. Свет фонарика мотался по дороге. Она была белой и гладкой. Там никого не было. Что-то твердо и глухо выстукивало неподатлеку — как палочки по барабану.

Я не знаю, был ли то стук босых пяток или нет, знаю только, что после этого мы потеряли всякое соображение и очнулись только у освещенного входа в лавку. За нами во тьме стояли слабые, бесхитростные огни Порвенира. Мы оба задыхались. Мы ввалились в раскрытые двери магазинчика, и хозяин, огромный толстяк в расстегнутой на волосатой груди рубаше бросил разбираться с коробками и жестянками и выпучился на нас из-за прилавка.

Я упала в плетеное кресло-качалку, и оно волнами заходило подо мной. Хайме попытался что-то произнести, но его опередил хозяин.

— Чего это вы, сеньоры, такие бледные, а? Может, что случилось? — довольно приветливо пробурчал он, глядя в нас и что-то соображая.

— Сигарету, — сказала я громко. Он из-за прилавка протянул пачку Хайме. Тот выгасил две сигареты, одну закурил сам, другую сунул мне.

Я вцепилась в сигарету, как тонущий в одного из резиновых крокодилов Алонсо. Сейчас они, эти спасательные крокодилы, представлялись мне милыми и удивительно приятными, домашними, яркими. Я очень хотела вернуться к ним живой.

Я курила, а хозяин меня разглядывал.

После нескольких затяжек Хайме стал колотить озноб. Хозяин ждал. Он вообще был неторопливым, уверенным в себе мачо. Даже нищенская обстановка его лавки — все эти в кучу сваленные коробки, ряды консервных банок на полках и двухлитровые бутылки «Кока-колы» с красными этикетками, подпирающие занозистый потолок, не могли умалить его чудовищных размеров спокойствия и жизненного опыта. Трудно было представить себе, что есть на свете какая-то штука, способная вывести его из грузного равновесия. Рядом с ним то, что случилось на дороге, немного выветрилось, на время потеряло свой ошеломляющий едкий вкус.

— Так что же с вами произошло? — снова спросил он с довольно-таки блеклым интересом.

Хайме начал рассказывать ему о том, что случилось на дороге, и я слушала его и поражалась, как весело и даже задорно звучит этот рассказ. Видимо, от страха его голос перешкало, свело судорогой и невольно задрало вверх. А может, он и впрямь нашел в себе силы порисоваться перед лавочником, чтобы не выглядеть трусом и мальчишкой.

Хозяин лавки задумчиво внимал ему, переставляя свои банки.

Он выслушал все про крик, хмыкнул громко и даже презрительно через нос и сказал:

— Ну, сеньоры, нашли, чего пугаться... Это наркоман был. Тут их много. Небось, свалился где-то в кустах по обкурке, ну и давай орать.

Они это любят... Что-то там ему померещилось, вот он и того... Завидел ваш фонарик и пошел куролесить...

Видно было, что хозяин веселился, говоря это. Эти самые наркоманы вкупе с нашим испугом забавляли его несказанно. Возможно, сама идея наркомании казалась ему чем-то беспросветно-идиотским, а, может, он предвкушал, как завтра порадует соседей рассказом про трусливых городских гостей из Боготы.

Но тут Хайме не стерпел. Возможно, до того он и сам не знал, стоит ли так явно показывать хозяину свой страх, потому что оба они были мачо. А два мачо, сойдясь, должны обо всех беспокойных делах жизни рассуждать пуленепробиваемо и, так сказать, сверху вниз, как будто едут верхами и взирают с седла на ничтожное копошенье внизу.

Однако все эти мачистские картинки мигом схлопнулись, так как Хайме по-настоящему разозлился. Он заорал:

— Вы когда-нибудь видели невидимых наркоманов? Он бежал, он гнался по дороге за нами... Но мы никого не видели... Вам понятно?.. Сеньор...

Видимо, это «сеньор» Хайме прибавил к своей речи, чтобы окончательно не оскандалиться, потому что про мачистский этикет он мог забыть, разве что будучи в обмороке. Вежливое «сеньор» должно было показать собеседнику, что он крепко держит себя в руках, несмотря на гнев.

Но хозяин не обратил на это никакого внимания. При первом упоминании о невидимости кричавшего он переменялся на глазах.

Что-то суровое и важное выплыло на его щетинистую физиономию. Я забыла сказать, что, несмотря на жару, он был в соломенном сомбреро, размером с собственный необъятный зад в красных штанах.

Едва только Хайме упомянул про то, что за нами гнались, все это — и красные штаны, и тестообразная задница, и сомбреро, и влажная щетина на круглых щеках — как-то подобралось и посерьезнело. Ухмылка схлынула.

Не говоря ни слова, наш лавочник поднял доску прилавка, молча пошел в кладовку и так же молча вынес длиннющую палку. Из-под прилавка он вытащил могучий нож, явно охотничьего свойства, и принялся деловито прикручивать его проволокой к палке. Откуда он извлек проволоку, я не уследила.

Его действия были исполнены сурового величия. Он явно хорошо знал, что делал. Хайме молчал и глядел на него во все глаза. Передо мной все плыло. В лавке было очень душно и пахло нагретой жестию крыши.

— Вот, — наконец промолвил хозяин, протягивая Хайме импровизированное копьё. — Это вам.

— Спасибо, — сказал Хайме с глупым видом. Впрочем, у кого на его месте был бы другой вид?..

— А мне? — спросила я. Я возмутилась. Похоже, он считал Хайме единственным боеспособным существом на всю дорогу.

Хозяин удивился. Он нагнулся и из-за прилавка долго меня разглядывал. Ошеломленный Хайме стоял с копьём наперевес, похожий на неудачливого актера-любителя, подвизавшегося сыграть колумбийского индейца.

Из-за двери кладовки лавочник вытащил несколько палок, отобрал самую толстую и дал мне.

— Больше нет, — сказал он торжественно.

Видимо, он хотел сказать, что у него закончились все ножи и нечего было прикручивать. Я поняла, что палка будет единственным моим оружием и спор здесь неуместен.

Теперь мы все трое стояли: Хайме с копьём, хозяин за прилавком в своей надвинутой на глаза шляпе и я — с палкой. Все молчали. Мы напоминали отряд героических партизан, прощающихся с народом в лице хозяина лавки.

Покинутое щелястое кресло слабо покачивалось в углу у двери.

— Если хотите, переждите до утра, — вдруг предложил хозяин. В его голове прокручивалось что-то немое, какая-то не выговоренная, до конца не проварившаяся мысль.

Хайме поглядел на меня.

— Надо бы... Куда я ее поташу... — сказал он нерешительно, покачивая копьём. — Ты хотела бы остаться? Ты ведь хочешь, да?

Я поняла, что больше всего на свете он сам хочет сейчас остаться в лавке и дожждаться рассвета. И это свое желание он вывалил на меня, как старую одежду из пакета, и оказалось, что вроде как одежда-то эта — моя. Потому что признаться в том, что он очень боится, у него не получалось.

Я прекрасно его понимала. Я отошла и снова села в кресло. Оно заскрипело, и этот звук не был сейчас ни сиротливым, ни бессмысленным. Он был звуком приюта и прибежища, крыши над головой, пусть и жестяной, и вонючей, и пыльной.

Я понимала Хайме, потому что не могла представить, как это я выйду из дверей скудно освещенной лавки и потом пойду вниз по дороге. Вот скроются огоньки Порвенира, и слева высветятся и запрыгают другие огни... Нет. Лучше остаться здесь. Пусть неудобно, пусть даже стыдно. Лучше сказать: «Да, я боюсь. Мы переждем здесь до утра».

Но что-то не давало мне это сделать. Это было очень простое соображение. И при всей своей крайней простоте, оно было обоудо-

острым, острее, чем Хаймово копьё. И чем-то оно напоминало простоту моей главной мысли о брошенном Хайме там, на дороге.

Откуда-то я совершенно точно знала, что потом я не смогу жить. «Я не смогу себя уважать», — думала я тупо, хотя все казалось таким простым и объяснимым.

Они не смогли добраться до дома, потому что на дороге их испугал... Испугало... Кто? Или что испугало нас там? Нелепая ситуация, дурацкая. Переночуем здесь кое-как и утром пойдем.

Но я уже знала, что так не получится. Надо было идти.

Получалось так, будто жизнь переломилась на две части, и надо было немедленно что-то сделать, чтобы их склеить. Ночь и трусливое переживание могли разделить эти части, разбить, как позвоночник.

Надо было что-то сделать. Сделать обязательно. И, к моему тягчайшему сожалению, ничего другого, кроме как встать и выйти отсюда, я придумать не могла.

— Мы пойдем, — сказала я. — Мы тут не можем оставаться. Надо идти.

Хайме молча кивнул. Получилось так, что спорить он со мной никак не мог: ведь тогда хозяин понял бы, как хочется ему остаться, а это было стыдно. С другой стороны, кто мог знать, о чем думал Хайме! Вполне вероятно, что ему тоже было тяжело здесь сидеть и ждать...

Мы вышли из дверей.

Мы шли быстро — я впереди, Хайме позади — с копьём наперевес. Огни Порвенира мелькнули и тотчас же стерлись. Они пропали так быстро, как будто их утянуло на дно колодца. И в этот заброшенный колодец мы теперь шли.

Наши шаги стучали по белой и пустынной дороге. Мы шли, и вокруг была тьма, и я начала молиться, потому что просто так идти было невозможно, это было очень страшно.

Я механически проговорила про себя «Отче наш», потом «Ave Maria» по-латыни, потом что-то еще и еще. Пустые слова полым эхом отзывались у меня внутри. В них не было силы. Они были похожи на выдохшиеся заклинания, сморщенные листья вместо защиты и правды. Я шла и продолжала говорить, я повторяла эти слова, а отчаяние мое росло и увеличивалось с каждой секундой. Хайме шел сзади и молчал. Что-то колотилось во все стороны — наши шаги, его сердце, мое сердце — от страха...

Вот перед нами мигнули и принялись двоиться и троиться светляковые огоньки прудов. лягушки верещали и трещали в тумане. Вдоль дороги зачернели кусты, и потянуло едким, влажным будто дымом... Пар шел от кустов.

Этого нельзя было выдержать. Призрачное нечто повторялось снова, повторялось с упорством болезни, оно двоилось и троилось в глазах и в уме, как эти прыгучие огни в прудах. Было так, как будто время здесь навсегда остановилось, умерло и пошло по кругу инерции. Ссохшееся время не могло расправиться. В нем, как в сухом растении из словаря Даля, «не было жизни, обращенья соков, питанья». И в эту черную воронку времени, в круговорот утраченного или не бывшего никогда смысла были втянуты мы, и там все повторялось, и мы повторялись там, без права на другую реальность, реакцию, мысль.

Что-то перевернулось во мне — не сердце, а жестокая, сильная ярость.

— Давай, давай, только появись, — слышала я свое собственное бормотание, — я тебе раскрошу все зубы, даже если у тебя их нет...

Я шла, взмахивая моей палкой, и бормотала эти слова, которые шли от смысла и были куда лучше и действеннее всяких затверженных молитв. Они были настоящие, эти слова, они прошибали постылую инерцию повторяемости и страха.

Ярость переполняла меня, и трещина между мной и застывшим круговоротом страшного и лживого мира становилась все ощутимей, с каждым шагом я как будто бы отделяла себя от него, обретала право голоса, право на себя — отдельную. Я была не мишень, не часть и не источник страха — я была голос, а, значит, могла сопротивляться этому.

И этот мой голос был живым, а не тем, движущимся, из кустов, все время повторявшим одно и то же.

Я шла, ощущая свое тело и свою ярость, и под ногами у меня скрипел песок, и я размахивала палкой и смотрела прямо перед собой, — почти уже не боясь. Сквозь ужас и торжество моего сопротивления мне невольно представлялась ужасная харя, с провалами глаз, подсвеченная всеми этими огнями, и я знала, что буду по ней бить, ударю в нее изо всех сил, и это уже казалось мне страшным, а даже чем-то ликующим.

Но вот и огни остались позади.

Я до сих пор помню звук скользящего сухого дерева: это Хайме открывает загородку, отделяющую кусок дороги с прудами от берегового, рыбацкого пространства.

Он по-русски говорит у меня за спиной:

— Все... Больше не будет ничего.

И роняет загородку на песок.

Мы вошли под пальмы, и ночь стала заметно светлее: здесь все было белым и сухим, шуршащим и шелестящим.

Под голой лампочкой во дворе в болтающихся на завязке парусиновых штанах стоял Орландо и курил. Он курил, как все пролетарии, — слегка набычившись, сморщив лоб и часто поднося ко рту папиросу, смоля и мусоля свой окурочок. Выражение его смуглого лица было совершенно типическим — мрачно-фабричным и слегка, по-рабочему, вызывающим. Было даже странно, что он стоит под пальмами на песке Карибского моря, а не на лестничной площадке замурзанной хрущобы где-нибудь в Москве.

Увидев нас, он явно изумился. Наше появление с палками наперевес, наши белые, как ареха, физиономии — все явно не увязывалось в его представлении с ленивой жизнью беспечных богатеев-туристов, родственников господина Алонсо.

— Чего стряслось-то, сеньоры? — спросил он, шурясь почти так же, как хозяин лавки. Только что любопытства он не скрывал.

Хайме не заставил себя упрашивать, и рассказ полился снова. На этот раз можно было уже вернуть и про наркомана, и про то, что, дескать, вернее всего, хозяин был прав, хотя... Хайме собирался долго еще разглагольствовать на эту тему, чтобы дать отдых своей душе.

Ему уже неприятно было вспоминать, как он испугался, и я, наблюдая за ним, почти ясно видела, как его нахоленная душа с облегчением вылезает откуда-то из пруда, отряхивается, брызжа водой во все стороны, и вприскок — вслед за своим рассказом — бежит по дорожке.

Но Орландо не дал ей как следует просохнуть.

— Чего тут говорить... — перебил он сурово. — Значит, вот оно что... Значит, заново начал чудить... А мы-то думали, что угомонился...

От этих его слов сделалось прохладно и захотелось домой.

— Кто чудит? — спросил Хайме с запинкой.

— Да этот, который здесь повесился, — произнес Орландо буднично и нахмурясь, словно прикидывая, чего можно от этого повесившегося ждать.

— Где повесился? — спросила я.

— Да там, на дереве, у прудов, — высказался наконец Орландо, крепко и со свистом затягиваясь. — Лет двадцать тому назад уж он того, над собой такое сделал... Что ни ночь, то беспокойство от него...

— Беспокойство? — спросила я.

— Ну, да, сеньоры, — подтвердил озабоченный в меру Орландо. — Воет, иль еще чего... Мешает жить. Мы-то думали, что он затих, — когда эти... лампочки появились.

Он напрягся и, явно довольный собой, выговорил четко и почти по складам:

— С появлением элек-тро-фик-кации он, значит, перестал чудить, а теперь, выходит, опять за свое...

На юге всегда темнеет быстро. В шесть часов откуда-то спускается самая настоящая тьма, между ней и дневным светом почти что нет зора. Как в страхе, когда ты чувствуешь, что нет никакого расстояния между тобой и навалившейся тьмой.

Через несколько дней мы уехали оттуда, — я уехала навсегда, и место, где пересыпались светляки и верещали лягушки, спряталось в тумане.

Иногда оно, впрочем, выступает оттуда — всякий раз, когда ты понимаешь, что надо идти дальше. И не просто идти, покоряясь течению жизни, а самому расщеплять и переиначивать то инерционное, повторяющееся, роковое, что мучает, цепляет и пугает несказанно — именно своей бесконечной, обреченной повторяемостью. Рока может не быть. Есть выбор отчаянья и храбрости. Он действительно есть.

В прорыве храбрости, борьбы за собственный голос и рождается твоя отдельность, твоя неподвластность безумию и бессмыслице.

Ведь, по сути, не так-то и важно, что это было там, на дороге... Кричал ли это наркоман, или и впрямь «чудил» какой-нибудь призрак, или это было что-то третье — неважно.

Это было очень страшно, и это хотело свергнуть тебя в самый настоящий паралич, по принципу всех других страшных вещей в этом мире.

Они бессмысленны. Они наваливаются на тебя, и ты цепенеешь и задыхаешься, и веришь, что весь мир вокруг тебя — один сплошной круговорот зла.

Но я знаю, что это можно прорвать. И еще знаю, что оно рвется, как бумага, когда ты идешь на него.

И в этом смысле сказанное — о том, что страха нет, что его на самом деле нет, что это можно увидеть и ощутить волю к действию, — для меня верно.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Беспорядочные хроники

День начался стремительно. Мгновенная смена картинки: вместо ночной темени — ослепительно-яркое небо и солнце, прожигающее шторы насквозь. Проглотив обжигающий кофе, выбегаю из дома. Дел масса — и все приятные. На книжный развал, в музыкальный, на посиделки с друзьями. Много можно успеть в последний день отпуска.

Какой светлый день! Все лица кажутся приятными, и даже в маршрутке играет веселый там-дадидам вместо вечного шансона.

...Гудит домофон. Прибыла представительная делегация. Встречаю друзей при полном параде, даже тапочки нацепил. Сто лет вместе не собирались. Серый, высоченный блондин с романтической внешностью, мечтательный и неторопливый. Леша, взлохмаченный интеллигент в очках, вспыльчивый и эксцентричный. Гарик, толстеющий эпикуреец, юморист и душа любой компании.

По мере убывания пивных запасов развязывается философская дискуссия. Все уютно расселись по креслам, и только неугомонный Леша жонглирует теннисным мячиком. Разговоры о поиске предназначения, о любви, вечности и свободе. Беда с этими гуманитариями.

— «Жизнь — это сон. Любовь — это сновидение», — красиво цитирует Серый.

Леша идет в наступление:

— Так-так, экзистенциалистами запахло. Уж мы их душили-душили...

— Экзи кем?

— Стенциалистами. Небольшой ликбез для тружеников пера и кофеварки. В европейской мифологии экзистенциалист — крот с горящими глазами и медной шерстью, появляющийся в сумерках. Отличительные черты: жалеет о том, что не умер кротенком, думает, что

**Андрей
ГРЕБЕНКИН**

— родился в 1978 г. в Перми. Окончил Российский университет дружбы народов и Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации; историк и юрист, кандидат юридических наук, подполковник. Автор целого ряда научных публикаций в ведомственных изданиях. Живет в Москве.

сумерки — самое светлое время суток. Презирает себя и одновременно считает того же себя выше других. При попадании на него солнечных лучей становится бесноват и агрессивен. Крайне ядовит. Погибает, случайно укусив самого себя.

— Сартр и Камю были кротами?

Небольшая свалка, пролетает диванная подушка. Дым коромыслом, все уже говорят одновременно.

А мои мысли где-то далеко. Рассеянно слушаю долетающие реплики дискутирующих:

— Стремиться к свободе — значит стремиться к одиночеству. Это вопрос не возможности, а желания...

— Один из древних скульпторов, назовем его Сократ, говорил, что в любви проявляется наше стремление к вечности...

— А вот что я думаю...

— Оригинальная мысль!

— Нельзя не мыслить оригинально. Мысль всегда субъективна и, следовательно, оригинальна, поскольку оригинальны все субъекты...

...Курим на балконе. Далеко-далеко, над краем горизонта показался маленький черный самолет, набирающий высоту. На мгновение он стал оранжевой чайкой, купающейся в закатном солнечном луче, блеснул и скрылся из виду.

Быстро темнеет. Незаметно стих ветер, перестали шелестеть беспокойные листья. И вот уже глубокая ночь. Месяц в последний раз блеснул далеким огоньком из-за дымчатого облака и погас.

* * *

Контора плавилась от жары.

Едва появившись на рабочем месте, получаю звонок.

— Максим, зайди.

Это начальник. Пулей взлетаю на девятый этаж, осторожно перекатываюсь через порог кабинета. Уфф, сбил дыхание. Нужно курить поменьше.

Шеф утопает в кожаном кресле и смотрит в заставку на компьютере. Классический высокопоставленный шеф. Уши, чуткие к политическим колебаниям. Когти, отточенные в подпаркетной борьбе. Череп австралопитека. Ключки шерсти на макушке. Где-то в глубине теплится мозг. Наверное.

— Доброе утро, Николай Николаевич.

— Доброе. Просмотрел я твою справку. В целом пойдет, но нужно внести существенные поправки. Смотри, вот я набросал. Второй и третий абзацы поменять местами, слово «эффективный» вот здесь

заменить на «результативный», вместо «имеет место» напиши «имеет место быть». А здесь все убрать после запятой.

— Николай Николаевич, так же будет хуже. Быть — лишнее. Иметь место — это и значит быть. А тут все предложение станет некрасивым.

— Каким?

— Ну, одного смысла ведь мало. В тексте же должна быть мелодия.

— Чё?

— Я еще подумаю, тут возможны варианты. Нужно поиграть словами.

— Ну-ну, поиграй, композитор. Пятнадцать минут на доводку, мне скоро докладывать.

— Сделаю.

На редкость содержательный разговор. Срочно перекурить.

Звонок.

— Максимыч!

— А?

— Там вратарь на проходной не пропускает делегацию к шефу. Пропуска со вчерашней датой. Сделай что-нибудь.

— Понимаете ли вы, кого отвлекаете от забот о судьбах человечества? Тут героический человек пытается победить природу и обстоятельства, а ему навязывают несвойственные функции.

— Товарищ человек и пароход! Меня сейчас морально изнасилуют!

Шеф скоро убегает.

— Остановить насилие — наша задача. Ладно, сделаю. Кстати... Что-то хотел сейчас сказать, разумное, доброе, вечное. Эпохальное... А, вот: можешь стащить пару скоросшивателей из третьего отдела?

— Статья сто пятьдесят восемь УК РФ. Но для тебя стащу.

...Прибегаю от шефа обратно. Компьютер уже в спящем режиме. Что тебе снится, мой белоснежный соратник?

За окном шелестит мое дерево. Окна моего кабинета выходят во внутренний двор, а сижу я на четвертом этаже. И прямо из стены каким-то образом растет тонкое деревцо с пушистыми темно-зелеными листочками. За что уцепилось, чем питается — непонятно. Маленькая жизнь в каменной коробке.

Звонок.

— Максим!

— Да.

— Выручай, косяк получился.

— What's up, my nigger?

— Помнишь, я писал письмо тому консультанту — члену рабочей группы?

— Ну, Сидоренко его настоящая фамилия.

— Так вот, досадная опечатка вкралась. Вместо «полковнику такому-то» получилось «полкВонику такому-то». И кроме этого, он к моменту получения письма стал генералом. Три дня как дали.

— Обиделся?

— Не очень. Топает ногами и грозит разнообразными карами.

— Внимательнее надо было писать письмо холерику.

— Ты же с ним не раз пересекался и, естественно, оставил хорошее впечатление.

— Не могу устоять против грубой лести.

— Но ведь писал ему положительный отзыв на его бредовую диссертацию. Позвони и тепло поздравь с генералом. А заодно посетуй о досадной технической ошибке.

— Честно говоря, не хочется. Как я к нему подход найду? Слабоват я в теории животноводства.

— Теория мертва без практики. Позвони, а?

— Ща позвоню.

М-да, удовольствие на любителя. Генерал, значит... Полтора центнера самомнения. Физиономия хряка-призера международных выставок. Уши торчком, щеки блестят и шевелятся при ходьбе. Оставляет за собой густой аромат дорожущего парфюма. В мыслях замечен не был. Характерный фрагмент его речи: «Говорить об этой системе, по моему мнению, пока затруднительно, принимая во внимание полное отсутствие этой системы, то есть ее неналичия как таковой». Блестяще. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Но вещать и поучать любит — страсть. И все-таки — генерал. Пробивная сила — как у боевого слона. Вхож, ценим, одобряем, перспективен, незаменим. Архипольное знакомство.

Гкм! Откашливаюсь, чтобы придать мягкости баритону. «Понимаете ли вы, кто сидит перед вами на другом конце провода?» Гоголь. «Шинель». Адаптированная цитата.

— Добрый день, Александр Иванович!

— Слушаю.

— Вас беспокоит Максим Грибоедов, если помните такого. Можно Вас отвлечь на секунду?

— Слушаю.

Обезьяна! Слушает оно. Хоть бы поздоровался, все-таки положительный отзыв писал ему. Да и вообще поддерживал в годы его полковничьей юности.

— Просто хотел вас поздравить с присвоением давно заслуженного звания и переговорить по одному мелкому вопросу..

Уфф! Тяжела ты, папка Мономаха.

Звонок.

— Максимыч!

— У аппарата.

— Можно, я завтра опоздаю на час?

— Переведи будильник на час раньше и не опоздаешь.

— Да не, я серьезно. Нужно порешать проблему на личном фронте.

— Полугодовой отчет готов?

— Завтра и закончу.

— Нет, так не пойдет. Знаешь, что говорит по этому поводу народная мудрость? Не достав зажигалки, не закуривай. Сначала отчет, а потом занимайся чем угодно, — хоть овец разводи в Австралии. Конец связи.

Звонок.

— Максим Максимович?

— Слушаю.

— Вас беспокоят из аппарата юрисконсульты. Вы обещали продиктовать свои предложения к проекту плана на среднесрочную перспективу.

— Диктую...

Звонок.

— Максим Максимович, начальник ждет тезисы его выступления на министерском совещании.

— Уже несу.

И так целый день. Носишься, как собака в репейниках. Все, нужно садиться за вчерашний документ, там какой-то интеллектуальный прорыв намечился.

Звонок.

— Макс!

— Гав!

Это Бегемотов, мелкий очкарик из соседнего отдела.

— Меня завтра не будет. Окажи услугу. Приедет важное тело, передай ему бумаги. И прокомментируй написанное.

— После моего комментария не возьмет.

— Хорошо-хорошо, титан мысли! Такая облезлая папка перед компьютером.

— Других у тебя и не водится. Ладно. С тебя причитается.

— Обижаете, Мафусаил Мафусаилович! Свои люди — сочтемся.

Вот черт, с мысли сбил... Так вот. «Вместе с тем, существуют и определенные резервы для повышения эффективности многостороннего взаимодействия в рамках сложившихся процедур...» Гм, неплохо. Лев

Николаевич заплакал бы от зависти. Нужна ли здесь запятая? «Указанные факторы указывают на...» Нет, нельзя. «Указанные факторы говорят о...» Да не говорят факторы! «Указанные факторы...» Ступор какой-то. Вот! «Анализ указанных факторов показывает, что...» Зашибись.

Звонок.

— Макс!

— Кто это?

— Брюс Уиллис. Хотел сказать спасибо, ты меня здорово выручил тогда в горящем небоскребе.

— Серый, ты?

— Ага. А ты там уже совсем — однокорытников не узнаешь? Звезду поймал. Три дня не отвечаешь на звонки и эсэмэски. Забронзовел и омонументился. Ты мне нужен позарез. По делу, ведь мы коллеги в некотором роде, прости за наглость. Где можем пересечься?

— Давай в Ясенево, у памятника героям-наркодилерам. В восемь вечера.

— О'кей. Точнее, о'кэй.

Итак, на чем я остановился? «Представляется целесообразным... полагаем целесообразным... видится целесообразным...» Как же лучше? «Предложить следующий порядок освоения бюджетных средств... при этом руководствоваться абзацем вторым подпункта пятого пункта шестого раздела тринадцатого (страница восемнадцать)». Так. А затем пойдут выводы и предложения. «Подытоживая сказанное...» Нет, некрасиво. ПодЫтоживая. «Резюмируя вышеизложенное, полагаем целесообразным...» И вот здесь понеслось — и про «полноту и действенность нормативной правовой регламентации», и про «разработку эффективных механизмов взаимодействия». Угу.

Высунув язык, набиваю со скоростью три абзаца в минуту. Минута вдохновения неделю кормит.

Звонок.

— Макс!

— Ну?

— Ты же собирался на заседание экспертной группы.

— Блин, забыл. Пять минут осталось.

— Можешь там перехватить помзамначупра Иванова и передать ему дискету?

— А как я его узнаю?

— Спроси лучше, как ты его забудешь. Такой персонаж! Бабуин, играющий в шахматы. В общем, одухотворенное лицо. Высокий лоб, горящие глаза, папка под мышкой. Волосатая голова. Сориентируешься.

— Исчерпывающее описание. Ладно, заноси.

Итак. «Нарушение геополитического равновесия, обусловленное...» Чем же обусловленное? А, вот: «деструктивной деятельностью ряда субъектов».

Бегу на заседание экспертной группы. Много лишнего народу набилось. Это естественно, все живое ищет досуга. Раскладываю бумаги. Ну, понеслась...

Возвращаюсь к себе в камеру. Нужно позвонить насчет подборки правовых актов к послезавтрашнему совещанию. Надеюсь, хранители юридической мудрости еще не свалили. Шансов мало, рабочий день кончается через полчаса.

— Добрый вечер!

— Здравсьте.

— Я по поводу заявки на подборку, вчера заходил к вам. Грибоедов моя фамилия.

— Зайдите завтра после обеда.

— Спасибодосвидания.

Так, что-то в Сеть не могу выйти. Комп модема не видит. Если только открутить модем и показать ему в монитор? Ну, вообще завис. Твою мать! Кстати, интересно представить себе мать компьютера. Такая пластиковая тетя с прической из проводов и модемной внешностью. Все, перекур, иначе крыша поедет.

Звонок.

— Максимус!

— Я за него.

— Новость слышал?

— Даже не одну. Ученые совершили прорыв в исследовании створовых клеток. Саммит глав государств Евросоюза...

— Все шутим. Завтра приезжает большое начальство, может, даже САМ придет. Ну а зам-сама — точно. Весь отдел уже в беговне.

— Мои действия?

— Сбрось свои прошлогодние тезисы для итогового совещания и всю текущую статистику по форме одиннадцать. В развернутых таблицах.

— Хорошо, подсылай носителя информации.

...Возвращаюсь домой. Догорает последний летний день. Грустно. Закат лета — предчувствие долгой осенней ночи. Над домом зажглась далеким светом моя любимая звезда. Ночью будет дождь, и она на время погаснет. В голове рождается невесомое стихотворение, как будто подсказанное теплым ветром, прилетевшим из сумерек:

Погасли звезды.

Вселенная во власти

Летнего дождя...

Дома включаю телевизор и тупо шелкаю пультом. Да, много каналов. Времена прогресса! Чем порадуют телеведущие? Так, реклама: «Эта стиральная машина станет вашим лучшим другом!» Криминальные новости. Криминальные новости в просто новостях. Интервью с продасером. Реклама прокладок. Какая-то рожа во весь экран. Гопники-фонограммщики. Реклама мыла. Интервью проститутки. Мультик для дебилов. Ужастик. Реклама рекламного агентства. Ток-шоу на тему аборт. Престарелый поп-идол в шортах. Передача про крокодилов. Катастрофы недели. Интервью с козлообразным писателем. Стоп, где там были крокодилы? Вместо крокодилов — уже реклама.

Растерявшись от разнообразия выбора, включаю музыку и перебираюсь с сигаретами на балкон. Высшее все-таки наслаждение — смотреть в ночь и слушать музыку, шемящую сердце.

There's no time for us,
 There's no place for us,
 What is this thing that builds our dreams, yet slips away from us.

Да. Никогда нет времени. Время... Неосязаемая и безжалостная материя. Истончается и тает с каждым днем. Только слышно, как сыплется сквозь пальцы песок разочарований. И нет в этой стремительной жизни места для настоящих чувств. И мечты ускользают одна за другой. Остается лишь тоска и равнодушие ко всему.

Forever is our today..

Завтра — это иллюзия. Есть только сегодня. Бесконечное сегодня.

Who wants to live forever?
 Who dares to love forever?
 When love must die.

Кто хочет жить вечно? Кто осмелится любить вечно? Если любви суждено умереть...

С балкона слышно, как за лесом стучит ночная электричка. Есть что-то романтическое в уходящем поезде. Кажется, что он уходит в другую, лучшую жизнь, мигая на прощание красными огоньками.

С самого утра в колодцах дворов, заслоненных панельными высотками, началась возня доисторических мусоровозов с неподъемными ржавыми баками. Включились выключатели, закрипели диваны, полилась вода из кранов, началось всеобщее незримое шевеление. Завелась пружина каменного муравейника.

Прибегаю на станцию. Огромная толпа в ожидании электрички. Все в Москву, которая не резиновая. Тактическая борьба у мест открытия дверей, выверенных до сантиметра. Гудок машиниста, нетерпеливый гул толпы. Первые такты железнодорожной симфонии...

В голове какая-то каша. Так, приезжает зам-сама с проверкой, потом закончить обзор, перепроверить отчет, обзвонить членов экспертной группы, а там видно будет.

Неожиданно всплывает строчка из давно прочитанной японской антологии: «Светлеет небо. Проснулся ветер в кронах вечных сосен...» Какая дивная поэзия... Светлеет небо...

Проснулся репродуктор: «Покупайте проездные билеты. Это позволит сократить расходы на проезд более чем в три раза, а удобная бесконтактная карта облегчит проход через турникеты».

В Москве уже был день. Интересное все-таки выражение — «на злобу дня». Если приподнять метафизические пласты языка, сколько интересного найдется. Гм. «Анализ языка как средство диагностики менталитета». Любопытная тема для гибрида философа и филолога. То есть философолога.

Краем уха улавливаю голос гида-зазывалы у пустого туристического автобуса. «Через два часа автобус вернется на это же место. Едем отдыхать, знакомиться с городом...».

— Беляши-чебуреки горячие! Горячие беляши-чебуреки-пирожки!!! БЕЕляши! ЧЕЕбуреки горячие!!!

— Мушина! А мушина! Мушина с сумкой!

Тетя в будке платного туалета притаилась за дверью и изготовилась к прыжку.

Нервная утренняя толпа, похожая на серо-бурый оползень, стремительно втекает в подземный переход.

Спускаюсь в метро. «Уголок дедушки Дурова приглашает гостей. Дикобразы, единственная в миремышинная железная дорога... Телефон экстренной психологической помощи... Если вы обнаружили забытые вещи... Если вы обнаружили подозрительных лиц в вагоне поезда...»

Нырять в Контору, раскланиваясь со знакомыми.

* * *

И этот день ничем не отличался от тысяч других. В голове какая-то пустота. С самого утра идет мелкий холодный дождь, и к вечеру он стал еще сильнее. Все вокруг пропитано парящей водной пылью. Весь мир утонул в сером мареве.

Смотрю на часы. Ровно восемь. И вдруг больно становится от мысли, что в этот самый день и час, ровно год назад мы были вместе.

Сквозь пелену дождя всматриваюсь в ее образ, такой близкий и такой далекий. Черные волосы с едва уловимым нежным, манящим ароматом... Темно-карие глаза, в глубине которых как будто прыгают солнечные зайчики. Прекрасное творение жаркой южной ночи. Стоит увидеть ее один раз — и никогда уже не станешь прежним. Вся жизнь расколется на две половинки — «до» и «после». И навсегда останется недоумение: как можно было жить, не зная о ней, как можно было дышать, не при одной мысли о ней. Когда глухой безмолвной ночью просыпаешься и долго смотришь в темноту. Просто показалось, что она рядом, что можно почувствовать тепло ее тела, услышать ее спокойное дыхание. Показалось. И этому не хочется верить. Хочется, чтобы ночь исчезла навсегда и Она пришла бы вместе с рассветом.

Печальный лунный свет
На водной глади...
Рассветный час далек.
Но снится мне:
Так близок...

* * *

Еще один вечер понедельника. Сажу на балконе с сигаретой. Начавшаяся неделя висит на душе своей тяжестью и не дает расслабиться. В самом воздухе есть что-то напряженное. Обдумываю сценарий завтрашнего рабочего дня, мысли насакаивают друг на друга.

Но вдруг все неуловимо изменилось. Я поднял голову и увидел, что взошла луна. Снежно-белая луна над темной грядой наступающих осенних облаков. Проблемы ушли прочь и издалека кажутся нелепыми.

Я знаю, Она тоже любит смотреть на луну. Есть хоть что-то, на что мы смотрим вместе... И, может быть, одновременно...

Листья уже облетели с деревьев, желтым ковром светятся в лунном свете. А над ними — огромное пространство, которое нечем заполнить. Пустой мир, выстеленный листьями. Эту пустоту не заполнить ничем — до весны. До весны...

* * *

Прекрасная пора, очей очарованье! Обледеневшие космы деревьев раскачиваются над грязными тротуарами, в лужах плавают листья-утопленники, серое небо к вечеру наливается черным.

От вокзала в разные стороны расходятся электрички, заполненные усталой биомассой. Москва, Москва... Москва — это город, где звезд не видно.

Машинально бросаю окурочек в шапку нищего.

По вагонам снуют толпы красноречивых торгашей, нагруженных всяким барахлом.

— Для тех, кто забыл взять почитать в дорогу! Кроссворды и сканворды...

— Только наше средство поможет вам победить зловещее насекомое — моль...

— Вы легко можете прикрепить этот фонарик...

— Вам предлагается волшебная игрушка! Игрушка, которая умеет расти...

— Наносим пятновыводитель на влажную поверхность...

Так, а это что-то необычное вползло из тамбура. Что скажет?

— Извините, что к вам обращаюсь... Я ветеран вьетнамской войны...

Понятно. Вечер на дворе, а горло промочить нечем. Тут ветераном Куликовской битвы назовешься.

Напротив меня дремлет миловидная женщина. Пухлые губки, вьющиеся волосы. Аккуратный, чуть вздернутый нос. Неожиданно она открывает глаза. Ее лицо сразу становится некрасивым.

Смотрю в исцарапанное стекло. Предпоследняя станция. На скамейке под газетой спит старый бомж в лохмотьях. А что было вначале? Закрываю глаза и вижу, как бомж превращается в ребенка на руках у матери, смотрящей на него с восторгом и надеждой. Забавный карапуз с синими лучистыми глазами. Судьба — это характер? Или что-то другое?

Из темноты выплывают надписи на заборах. «Менеджеры — слуги дьявола». «Свиньи рулят». «Маша, я тебя люблю!». «Перец — козел».

Недостроенная кирпичная башня. Целых десять минут — одни га-ражи. Труба с лесенкой, похожая на лагерную вышку...

Долетает обрывок разговора: «Нет, ты не понимаешь! С человеческих позиций он поступил хорошо, а вот с других позиций...» Интересно, это с каких же?

Ну, наконец, приехали. По темному подземному переходу бредут недавние пассажиры, мобильниками освещая свой путь по изгрызенным ступенькам.

Сворачиваю к дому. По-больничному ярко светят фонари. Луи цвета нефти. Зацепившись за мусорный контейнер, шелестит и подрагивает большой дырявый пакет. Дорогу перебегают кошка. Слишком темно, чтобы увидеть, какого она цвета. Из темноты выползает старушка с двумя твякающими уродцами в комбинезончиках.

У подъезда разговаривают матом два пьяных окурка. Все как обычно.

Дома не могу найти себе места. В душе какое-то неуютное чувство, как будто свет не выключен в коридоре. Тяжело на душе. Наверное, та кошка все-таки была черной.

Выхожу на балкон. Огромная луна заливает пространство своим желтым дурманящим сиянием. Зловещая, волчья луна в мареве мелкого дождя.

Этот дождь бесконечен,
Как разлука с тобой.
Поздняя осень...

* * *

...Сегодня у меня суточное дежурство, пришлось встать пораньше. За окном — уже настоящая зима. Бесконечная белизна от земли до неба. И только далеко внизу одинокий лыжник упрямо бежит от инфаркта.

В Москве идет мокрый снег. Как будто серое зимнее небо дало трещину и на землю посыпались кусочки небесной штукатурки. Прячусь от пронизывающего ветра за стенами Конторы.

В десять часов сверхважное мероприятие — визит к Саму с бумагами. Распечатываю, выбираю скрепку покрасивее. Нет, красная не пойдет, будит агрессивность. Повязываю новый галстук, смотрю на себя в зеркало. Да, этот молодой человек достоин лицезреть и предвосхищать неизреченное.

Приемная с сонными секретаршами. Помощник Сама делает решающие жесты, раскачиваясь из стороны в сторону. Суетливый, вертлявый человечек. Глазки бегают. Взгляд собаки, пробегающей мимо места, где ее недавно ошпарили.

Неожиданно в приемную забегает толстый дядя по прозвищу Саботаж. Его любимое словечко. Реакция на все служебные происшествия — от просроченного документа до незаряженного степлера. Оставляет дорожную папку на столе, сосредоточенно кивает мне и выходит. Да, у него не так уж много выражений лица в запасе.

Просачиваюсь в огромный кабинет Сама. Ковры, хрусталь, красное дерево. Смотрит на меня поверх очков. Прежде так близко его видеть не доводилось. Разве что по телевизору. Осторожно приближаюсь к нему и кладу на край стола бумаги. На редкость серая внешность, хоть бы что-нибудь примечательное. Хмурое и вялое лицо. Наверняка родился в этом кабинете, сразу в костюме. И никогда не задирал голову, чтобы посмотреть, как падают капли дождя. И никогда не обращал внимания на отражение неба в стеклах офисных зданий. О приближении весны ему говорит календарь, а не свежий ветер, пробившийся сквозь затхлый зимний воздух...

— Как вас?

— Максим Максимович.

— Срочно несите на отправку. Вне очереди.

— Будет сделано.

Долистывает принесенное, рисует подпись.

Ну все, гора с плеч. Теперь вопрос будет решаться в высоких сферах, а мы будем сидеть и наблюдать за полетом гиппопотамов.

Вываливаюсь из приемной и натыкаюсь на Шурика с двумя папками. Сто лет приятельствуем. Хороший парень.

— Макс, привет! Как сам?

— Да осточертело все. Надо сваливать.

— А ты думал, в сказку попал? Жизнь требует усилий. Ладно, давай. У меня уже земля горит под копытами.

Бегу в секретариат. Навстречу — еще один знакомый.

— Макс, куда летишь?

— К чумработницам. Хочу проконсультироваться с Капотней Александровной насчет оформления заявки по форме двенадцать.

— Попутного ветра! Пусть солнце сверкает на твоих доспехах.

— Твоими молитвами, плагиатор!

...Звонок.

— Максим, там шняга пришла. Подключайся.

— Кириллов ее видел?

— Видел.

— Как отреагировал?

— А как он мог отреагировать? Ударил себя пяткой в грудь и побежал исполнять.

— Ладно, завтра с утра посмотрю.

Звонок.

— Максим Максимович, прочитали мы ваш обзор, только одно замечание. Вы разную терминологию используете в двух местах — страницы пять и двадцать один. Нужно бы привести к единообразию.

— Приведу. У вас есть еще пожелания?

— Нет.

Зато у меня есть. Убей себя об стену! Картонный юрист, черт бы тебя побрал! «Единообразие». Вот странное слово. Как представлю себе некое Единообразие, выползающее из-за шторы. Однако нужно собираться. Выступление на конференции.

Народу пропасть. Много незнакомых. Этого бубыря я где-то видел. А вот и завсегдатаи околонаучных тусовок. Высшее наслаждение для них — театрально обронить цитату из самого себя и, по-обезьяньи шевеля бровями и губами, наблюдать за реакцией просвещаемых. Мыльные пузыри самодовольства и бесталанности. А вот и самый матерый.

— Мое почтение, Аркадий Викторович!

Ладно, это все лирика. Выступаю первым. Где там шпаргалка?

Уважаемые коллеги! ...

Вернувшись из серпентария, полчаса вожусь с обзором. Потом подключаюсь к ленте новостей. Так, где у нас хроники болезни социума? Здесь. Под политическими новостями — самое интересное. Освящение здания городской мэрии. Типа, там нечистые заседают. Сошел с рельс вагон с аммиаком. Экологи уверяют, что нет причин для беспокойства. Губернатор, находящийся в следственном изоляторе, издал распоряжение. Сборище коррупционеров отклонило проект закона о борьбе с коррупцией.

Звонок.

— Максим!

— Чего?

— Не подскажешь, как бы побыстрее пропустить проект нашего положения через редакторов?

— Виза Арбузова нужна, я договорюсь.

— Ты же его недолюбливаешь.

— Долюбиваю.

Еще как долюбиваю... Есть такая порода людей, не выделяются ничем, кроме неправильных ударений в очевидных случаях. Скажет такой баран слово «хабс» и посмотрит самодовольно по сторонам. Мол, моему интеллекту даже грамматические условности нипочем.

Смотрю в окно. Снег, первый снег. Манящее зрелище. Из белой пустоты летят снежинки. Исчезают, касаясь черной земли, но падают снова и снова, выполняя свое предназначение. Странное чувство, как будто чего-то не хватает. Смотрю на край окна... Вот и первая потеря зимы. Нет больше моего дерева.

* * *

Брожу по спящей конторе. В голове стучат неотвязные мысли.

— Контора... Сначала относишься ко всему с юмором, скользишь по поверхности. Год, два, десять. А что дальше? Конторе, этому каменному демону, нужна свежая кровь. Хотя и тухлая тоже сгодится. И вот ты чиновник. Сегодня чиновник, завтра, послезавтра. Покойный чиновник. Стихи, которым тесно в твоей голове, погибли здесь. Конторе не нужны стихи. Ей не нужны «зимние сумерки». Ей нужно «представляется целесообразным». Шестеренка не имеет права писать стихи. Это не свойственная ей функция. А ты — только функция, и ничего больше. «Ты не такой, не такой как все. Ты работаешь в офи-се». Пам-пампам.

Сколько ярких, талантливых ребят стали здесь призрачными сутулыми созданиями с выцветшими глазами, суконным языком и мор-

щинами на лбу. И ты станешь таким же. Здесь пахнет склепом. Это могла для тебя, твоих чувств, стремлений, порывов. Здесь любовь останется горьким осадком. Здесь сама душа становится прахом. Это могла для всего. Уходи, пока не поздно. Если еще не поздно...

Ведь где-то есть другая жизнь. Вдохновение, радость от творчества. Яхта, замершая на лунной дорожке у тропического острова. Девушка с ликом античной богини, смотрящая на звезды. Ожидание нового дня. Утренний ветер в солнечных брызгах...

Картонные перегородки, обклеенные древними обоями. Тускло освещенные коридоры. Тишина. Гудение трансформатора за стеной. Вой ветра над далекой крышей, слышный в глубине спящего здания.

Мне, может, предначертано стремиться
К тому, что уготовано не мне...

Заплеванная урна с огромной шапкой окурков, похожая на пень с опятами. Темные пятна на потолке, решетки на окнах. Древняя пыль на подоконниках. Черная паутина на потолке. Стоптаные ступеньки. Насквозь прокуренные лестничные площадки. Истертые взглядами таблички на кабинетах, удушливый запах старых бумаг. Светлое пятно на полу. Кто-то в незапамятные времена пытался отмыть паркет, поскребся-поскребся и бросил. Свидетельство разумной жизни в доисторическую эпоху. Наверное, здесь была стоянка древних бюрократов. Ну ладно, пора домой.

На улице неземная красота. Снежинки кружатся в свете фонарей. В такую ночь думать можно только белыми стихами.

Как жил я до сих пор
Не зная красоты?
Полночный снегопад...

* * *

Помню, как я лежал на дне глубокого каменистого ущелья. Высоко-высоко — темно-синее небо. Цвет космоса. Цвет свободы и одиночества. Неожиданно стало невыносимо страшно. Небо бросало мне вызов. Тысячи погибших душ мерцали на дне этой бездны, и я был следующим. Захотелось съежиться, стать незаметным, найти расщелину и замереть там. Я поворачиваюсь к теплой шершавой стене и прижимаюсь к ней лицом...

За стеной — успокаивающее журчание воды... Неведомый источник сочится капля за каплей. Пи-пи-пи! Пи-пи-пи!! Пи-пи-пи!!!

Треснув по будильнику, бегу в ванную. Чертов кран! Забыл закрыть вечером. Так, двигаться в темпе! Электричка — не метро, промед-

ление смерти подобно. На штурм, на штурм! Вперед, орки, вперед! Белый Город падет в утро понедельника.

Ценой напряжения всех групп мышц, в том числе не известных анатомии, вкрутился в электричку и замер на два часа.

* * *

...Утро. Толпа. Электричка. Москва. Уже конец зимы, пахнет талым снегом, оживленно чирикают воробьи.

— Через два часа автобус вернется на это же место. Едем отдыхать, знакомиться с городом...

— Беляши-чебуреки горячие! Горячие беляши-чебуреки-пирожки!!! БЕЕляши! ЧЕЕбуреки горячие!!!

«Покупайте проездные билеты. Это позволит сэкономить расходы на проезд более чем в три раза, а удобная бесконтактная карта облегчит проход через турникеты».

«Если вы обнаружили забытые вещи в вагоне поезда...»

В обеденный перерыв разношиваю новости по всем этажам Конторы. Пахнет чем-то приятным. У плановиков узнал, что Сам берет меня в командировку. Шеф обмолвился, что я у Сама на хорошем счету и должен оправдать высокое доверие. Ну, вот и я стал перспективным. Теперь главное — не упустить шанса. Ни за что не упущу. Близость к руководителю такого ранга важнее всего. Работаю, как хронометр, жизнь наполнена движением к цели. Переделал кучу дел, одно важнее другого, и везде проявил повышенную настойчивость и безупречную компетентность.

День пролетел мгновенно. Перед сном в тяжелой голове крутятся последние мысли.

Понравился Саму, значит. И шеф сегодня поздоровался за руку. И окружающие стали осторожно-почтительными. Какие горизонты открываются — дух захватывает... А этого упыря, который докладную не подготовил, я загрызу. И нужно наконец перепроверить ведомость и пробить проект заявки. Завтра будет большой день. Большой день...

Александр ПУМПЯНСКИЙ

ДЕЛО ХОДОРКОВСКОГО 2

Судья Данилкин мог войти в историю.

Вынеси он правосудный приговор, — и это было бы доказательством того, что в России 2010 года есть независимый если не суд, то судья. Пусть даже один. Мы бы скоро убедились в том, что это совсем немало. Мы даже не подозреваем, как общество жаждет такого примера — суда по совести, без оглядки на власть. Плоток живой воды способен творить чудеса.

Хамовническому суду выпал особый шанс. Как несколькими годами раньше Басманному суду, только с другим знаком.

Басманный, Мещанский, Хамовнический — рядовые московские районные суды, ничего выдающегося. Все дело в соседстве. На территории Басманного района в Техническом переулке, 2 находится Главное следственное управление Генпрокуратуры. До 2001 года этот факт не имел судьбоносного значения, но с конца 2001 кое-что изменилось.

В тот год был принят новый УПК — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, а в нем — статья, по которой санкции на аресты, обыски и другие *«активные следственные действия»* должен был давать суд, а не прокурор, как ранее. Новшество вызвало яростное сопротивление со стороны генерального прокурора (тогда им был Устинов), но его не послушали. Обществу был послан знак, что система восприимчива к демократическим нормам. Конкретно за санкцией на арест или обыск следователям Главного следственного управления теперь приходилось обращаться в Басманный суд. На практике это оказалось чисто технической процедурой. Все, чего их душеньке было угодно, они получали автоматом. (В любом суде они бы не знали отказа, но реально процедура разыгрывалась именно в Басманном.)

А Главное следственное управление Генпрокуратуры занимается только самыми важными, «резонансными» делами, каждое второе — «под лич-

**Александр
ПУМПЯНСКИЙ**

— родился в 1940 г. в Алма-Ате. Окончил МГИМО по специальности «журналист-международник». Работал в газетах «Комсомольская правда» и «Московские новости», в журнале «Новое время», с 1990 по 2006 гг. — главный редактор этого издания. В настоящее время независимый журналист, обозреватель «Новой газеты». Автор ряда публицистических книг и сценариев документальных фильмов. Живет в Москве.

ным контролем». Трудятся тут только «первые ученики» нашей пенитенциарной системы, «важняки» — следователи по особо важным делам. Имеют слабость к спецэффектам — даже простая выемка документов оформляется как «маски-шоу» под телевидение и прессу. В миллионе других дел беспардонное давление, нарушения прав, бесцеремонное обращение с законом... Все эти прелести — рутина за стеной. А тут порой зрителей вся страна, о голосистых правозащитниках, своих и международных, и говорить нечего.

Так родилось прозвище — «Басманное правосудие».

Хотя сам по себе Басманный суд виноват не больше, чем любой другой суд. Это явление такое.

У нас все свое и все не просто. Закон у нас не закон, а диктатура закона. Демократия суверенная. Ну а правосудие — «Басманное».

Топонимика такая. Калашный ряд.

Тюркское слово «басман» означает «казенный хлеб». Но у «Басманного правосудия» не хлебный дух. Здесь Русью пахнет, казенной, посконной, с невыветрившимся ароматом татаро-монгольского ига.

Нигде так ярко не проявило себя Басманное правосудие, как в деле Ходорковского. И ничто так не содействовало вхождению этого ярлыка в обиход, как это дело.

Этот очерк — о втором процессе Ходорковского — Лебедева. О первом я писал в «Континенте», отошло к № 140 (№ 2 за 2009 год).

1. Процесс без звука

...Что-то происходит с Хамовническим судом. В четверг 12 августа довольно поздно вечером заседание еще продолжалось. А в пятницу, когда мы в 10.31 поднялись к залу № 7, двери его уже были закрыты. Кажется, они топятыся. Где-то в полях созрел приговор?

«Не страшно, — попытался я утешить Сергея Адамовича Ковалева, обескураженного необычайной точностью суда, — на втором этаже есть комната для прессы с трансляцией, где все хорошо слышно и видно».

Но нас ждала еще одна неожиданность. Комната для прессы с тремя телевизорами в ряд оказалась разгорожена пустыми стеллажами. Два телевизора без звука транслировали процесс, по третьему на полную громкость шел совсем другой сериал. За загородкой вольготно устроились свободные от вахты приставы. С нашим появлением они выключили «свой» телевизор, но не живой звук за стенкой. «Разбуди меня без четверти!» — отчетливо произнес голос из-за новодельного деревянного занавеса. Звука на наших телевизорах не прибавилось. «Нельзя ли включить звук», — попросил я. «Как я его вам включу!» — агрессивно ответил крепкий парень в черной форме с воки-токи в руках. «Спросите начальство», — посоветовал я. «Как вам его включит начальство, — стоял на своем пристав, — когда звука нет уже неделю!»

Сюрпризы на этом не кончились. Цокая каблучками, мимо нас куда-то за телевизоры и направо прошла прокурор Ибрагимова. Статная дама,

она эффектно смотрится в процессе — Афина Паллада или Родина-мать с карающим мечом...

Оказывается, то, что мы считали комнатой прессы, таило еще один секрет. Мало того, что на одну треть это помещение превратилось в «приставную» — место роздыха парней в черном. За экранами была еще одна дверь, совсем как в комнате Папы Карло, и она вела, по-видимому, в прокурорскую, куда и зашла прокурор Ибрагимова. Без доспехов она оказалась высокой красивой женщиной. Когда через минутку она вышла, раздосадованный бессмысленной полемикой с приставом, я спросил ее: «Скажите, а у вас там тоже идет все так же — на немую?»

Прокурор Ибрагимова оказалась молодцом. На экране мы увидели, как она села на свое место и в первую же паузу что-то сказала судьбе Данилкину. В ответ судья Данилкин развел руками. Звуча не прибавилось. Похоже, немота была обстоятельством непреодолимой силы.

Тут я добавлю, что суд временами одолевали и приступы слепоты. Профессиональная болезнь Фемиды? Возможно, но симптоматика у нее своеобразная. Телетрансляцию для журналистов требовала прикрыть прокуратура. Причина сугубо процессуальная. А вдруг в комнату прессы проникнет враг (процессуальный) — будущий свидетель? И подслушает, чего не надо... Судья Данилкин принял эту логику. Защита вступалась за гласность, но судья не соглашался на видимость. При этом ссылался на технические причины. В какой-то момент, однако, экраны ожили. Решение о возобновлении телетрансляции из зала № 7 на третьем этаже в комнату прессы на втором этаже приняла глава Мосгорсуда Ольга Егорова. Тоже, думается, не сама. Так, во всяком случае, выяснилось, где находится пульт управления.

А вот радиотоки оказались совсем неуправляемы.

...Все так же без звука говорил адвокат Ключвант. Затем слово было предоставлено Ходорковскому, мы это увидели. В какой-то момент он, видимо, сказал что-то особо изысканное, потому что вскочил прокурор Лахтин. Жаль, что мы не услышали, что он выкрикнул. Хотя потом, уже слыша прокурора Лахтина, я подумал, что этому исполнителю как раз больше подошло бы немое кино. Так или иначе, после его интервенции был объявлен короткий перерыв, и мы наконец смогли покинуть это единое пространство прессы, приставов и прокуроров и переместиться в зал.

В этот день обсуждался вопрос исключительно принципиальный, тем более что он принципиально не влиял на судьбу обвиняемых, — новое продление их пребывания под стражей, с очередным ходатайством чего выступила сторона обвинения. Что а) противозаконно: только что по инициативе президента Медведева была принята норма закона, запрещающая применение ареста в качестве меры пресечения к обвиняемым в преступлениях в сфере предпринимательской деятельности; и б) бессмысленно: отбывающие первый срок Ходорковский и Лебедев и без того под стражей. Хотя свои

тонкости есть и в кулачном праве: новое продление означало ограничение прогулок и отсечение встреч.

В возобновившемся действе Михаил Ходорковский продолжил свое выступление. Физически это выглядит так. В стеклянно-стальном аквариуме на двоих он подходит к щели, где установлен микрофон, и говорит, словно в щель. Из этой щели сидящим в зале как бы и доносится его голос. Глуховатым тихим голосом Ходорковский говорил именно это: ваша честь, закон должен соблюдаться, нельзя допустить, чтобы закон так откровенно игнорировали, а судом так нагло манипулировали. Вам надо оставить нас в СИЗО, — так подумайте хотя бы о том, как сделать это, не нарушая закон...

Следом место у щели занял Платон Лебедев: здесь в этом суде и с этим судом проводится эксперимент по особо наглому манкированию законом и манипулированию из-за кулис, беззастенчивым орудием чего и являются прокуроры, представляющие обвинение. Та сторона не способна доказать свое выдуманное абсурдное обвинение, ее аргументы облыжны либо подложны. Она не останавливается перед прямым нарушением законов. Вы не можете не видеть этого, ваша честь...

Я поймал себя на кошунственной мысли, что в который раз в этом зале являюсь свидетелем потрясающего хэппенинга — торжества свободной мысли. Социальная мудрость, ее высота и даже ироническое высокомерие и кинжальная острота юридико-политического анализа. И общее бесстрашие: мосты сожжены всемогущим противником, и наводить их надо не с ним, а с обществом, которое и есть главная жертва этих произвольных, блатных, по сути, преступных отношений с законом. После того, чему мы были свидетелями все эти последние годы, нет сомнений, что если наше бизнес-сообщество родило две по-настоящему крупные независимые личности, которых обществу стоит послушать, то это Ходорковский и Лебедев. И их приводят к микрофону в наручниках.

Скороговоркой судья Данилкин распустил суд до «приблизительно 11 часов в понедельник», а я подумал, что в этот горячий сезон, когда русское политическое поле окончательно превращено в выжженную землю, одно место, где можно встретить высший пилотаж социальной мысли, а не водяные бочки политического пиара, у нас, все-таки, осталось. Это Хамовнический суд. Странное, конечно, место, но уж какое есть.

А следом пришла другая мысль. Как же надо бояться любой конкуренции и, прежде всего, интеллектуальной, чтобы свести полемическое ристалище к щели аквариума. И как надо не уважать все вокруг, чтобы выставить прокурора Лахтина вместо себя.

В понедельник обстоятельство непреодолимой силы явно не рассеялось, как смог. Ходатайство прокурора Лахтина о продлении срока пребывания под стражей было утверждено без звука.

Так выглядел этот день. От других дней второго процесса, тянувшегося год и восемь месяцев, он отличался деталями процедуры, но не давящей атмосферой обвинения и не вольным духом двух людей в железной клетке.

2. Состав преступления!

Наглядности ради напомним. Первое дело было «чисто налоговое». Даже политика, которой в нем совершенно не было, была тоже чисто налоговой: олигархи, платите налоги и спите спокойно! Ради этой чистой цели Мещанский суд с подачи следствия впаял ЮКОСу недоплату налогов на сумму в 30 миллиардов долларов, компанию отписали в казну для дальнейшего распила ее особо доверенными казначейскими, а Ходорковский и Лебедев налегке сели на восемь лет. Такова предъявленная обществу легальная логика первого процесса. Неважно, что ЮКОС был крупнейшим налогоплательщиком — до 4% бюджета страны, уступая порой по этому показателю лишь «Газпрому». ...Между казной и казнью, если надо, прямая связка... Шесть лет спустя, когда забрезжило окончание срока, выяснилось, что налоги не при чем. То же следствие на том же материале выдвинуло Ходорковскому и Лебедеву другое обвинение — хищение в составе организованной группы нефти на сумму в 45 миллиардов долларов. Это и стало содержанием второго процесса.

Первое, что бросалось в глаза, — гротескность обвинения. Ходорковский, Лебедев и организованная группа похитили не ведро, не цистерну, не эшелон или танкерный флот нефти. Они, якобы, похитили всю нефть, добытую ЮКОСовскими компаниями, и ни каплей меньше. Как они это сделали? Врезались в трубу? Умыкнули саму трубу со всем ее текущим содержимым за данные годы? Куда они, интересно, ее дели? Между прочим, эта труба монополично государственная, оперируется госкомпанией «Транснефть». В нее вливалась нефть и других компаний, там внутри она текла и течет до сих пор единой рекой — не-разлей-нефть. Так что для того, чтобы украсть свою нефть, нужно было сначала отделить ее, скажем, от нефти «Лукойла» и прочей нефти. Но как? Раскопай следствие это удивительное ноу-хау — и ему стоило бы поставить памятник. Но нет, памятника (во всяком случае — за это) следствие не заслужило. Да и сама труба вроде бы на месте — лежит, не шлохнувшись, как бы над ней ни колдовала «организованная группа».

На этом своем тезисе — хищение всей добытой нефти — обвинение стояло как скала в течение всего процесса. Но к концу дрогнуло. Когда пришла пора окончательно сформулировать обвинительное заключение, появилась поправка. Оказывается, организованная группа похитила не всю нефть (350 миллионов тонн), а только ту ее часть, которая пошла на экспорт (220 миллионов тонн). Чем ввергла в не меньшее изумление. А в чем природа этого трюка? Как удалось отделить экспортную нефть от той, что шла на страну? На вкус и цвет они неразличимы, и вообще в трубе это одно и то же...

Не решив основополагающей первой теоремы — не доказав даже, что инкриминируемое преступление *физически* возможно, следствие героически посягнуло на то, что невозможно уже *юридически*. Обвинение № 2, предъявленное в Хамовническом суде (второй процесс), вошло в неразрешимое противоречие с обвинением № 1, отлитым в приговор Мещанско-

го суда (первый процесс). Потому что нельзя недоплатить налоги с того, что украдено. Так же как нельзя украсть то, с чего плачены налоги (недо- или полностью в данном случае значения не имеет). Не говоря уже о том, что нельзя за один и тот же состав преступления судить дважды.

Выясняется, что можно. Если нужно. И никакой закон не указ. И нормы международного правосудия не указ. И вообще ничто не указ, когда есть политический заказ и приказ.

Прокурорские — все как на подбор в полковничьих погонах. Их поведение заслуживает отдельной статьи.

Язык, на котором они изъясняются, неизвестный, но точно не русский. Казенный до невозможности, намеренно грубый новояз. Дескать, с нами разговор короткий... Это не язык дискуссии, когда нужно доказать свою правоту. Это язык подавления, язык команды, подлежащей исполнению любой ценой. Неважно, что его не принимает публика, даже судья порой его не понимает...

Дни напролет сменяя друг друга, прокурорская команда зачитывала какие-то документы — юкосовские контракты, финансовые распоряжения, глотая слова, путаясь в цифрах. «Объясните, зачем вы это делаете? — тщето зывал судья. — Что вы хотите этим сказать?» «Когда надо будет, объясним», — отмахивался прокурор и продолжал бубнить как ни в чем не бывало. Состязательность процесса предполагает убеждение суда, публики, — на то и публичный процесс. Но королей бубнения, похоже, это не волновало вовсе.

Откровенная глупость их нимало не смущала. Мало того, что они отводили всех свидетелей защиты, они пытались отвести даже переводчика. Усомнившись в квалификации Юрия Сомова, синхрониста с 30-летним стажем, который переводил и Рейгана, и Путина, прокурор Лахтин задал ему вопрос в лоб: «В чьих интересах вы переводите?» И получил ответ: «В интересах русского языка».

Невольным украшением фирменного прокурорского стиля были ляпы. Фантазмагорические ляпы! Занизить стоимость компании в миллион раз... — раз плюнуть. Этим отметились и прокурор Шохин, и прокурор Ибрагимов. Рекорд принадлежит, однако, следователю Каримову, который инкриминировал Ходорковскому с Лебедевым хищение 60 триллионов долларов — именно эта цифра красовалась на сайте Генпрокуратуры. Впрочем, что считать рекордом. Когда прокурор Лахтин, мысленно находясь, видимо, не в зале суда, а на трибуне стадиона, слово Oil (нефть по-английски, вообще-то ключевое на этом процессе) прочитал как 0:1 (было такое ощущение, что он видел страницу в первый раз, читал чужую незнакомую заготовку), зал грохнул и долго не мог успокоиться. С этой поры Платон Лебедев будет именоваться не иначе, как «всемирно известным нефтяником». С того как с гуся вода.

Эту манеру — предельно затемнять омут — адвокат Каринна Москаленко охарактеризовала следующим образом:

Все эти годы обвинение совершает одно серьезное злоупотребление — оно всегда скрывает от обвиняемых суть того, в чем их обвиняет. Более того, оно долгие годы скрывает от обвиняемых даже сам факт расследования против них дела. Потом в один момент все, годами накопленное за спиной у будущей жертвы, «вываливается», и всего за несколько дней заканчивается следствие объемом в сотни томов. Это, по их разумению, — добросовестное ведение следствия... Обвинение уклоняется от обязанности разъяснить существо предъявленного обвинения. Обвинение упорно не отвечало на конкретные вопросы по сути предъявленных обвинений, а суд — как ни в чем не бывало — продолжал слушание дела, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В итоге наши подзащитные были вынуждены защищаться от всех возможных версий обвинения, столь лукаво разлитых по всему семитомному обвинительному заключению. А теперь суд, по-видимому, сможет выбрать максимально правдоподобную, минимально опасную и удобную версию и предмета, и способа так называемого хищения, и всего остального.

Действительно, а что именно похитили злостные ЮКОСовские похитители? И каким образом? Это самый первый, очевидный и основополагающий вопрос. Без четкого определения предмета и способа хищения весь процесс становится каким-то жидким, превращается в бессмыслицу.

Ходорковский, пройдясь по обвинению, обнаружил целый букет вариантов.

Версии предмета хищения:

— нефть (на многих страницах обвинительного заключения) — это вещество, жидкость, которую можно украсть, переместить и что-то еще, как сказала уважаемая г-жа Ибрагимова в прениях и с чем я абсолютно согласен;

— право собственности на нефть — имущественное право, которое перенести и украсть нельзя, тем не менее в обвинительном заключении оно упоминается минимум четыре раза;

— нефтепродукты... — это вообще вещество, полученное в результате использования нефти в технологическом процессе;

— нефтедобыча (по крайней мере дважды встречается и, к слову, в прениях повторено) — это вообще процесс извлечения сырья из недр;

— денежные средства, то есть выручка от реализации нефти и нефтепродуктов, упоминаются минимум пять раз.

И это я беру только формулу обвинения, я не беру все обвинительное заключение.

Версии способа хищения:

— изъято — трижды говорится (и одновременно говорится, что отгружено непосредственно производителем и поступило потребителям);

— переводом на баланс — минимум пять раз (бухгалтерский баланс составляется как минимум через месяц, а то и через три, если говорить про годовые балансы, приведенные в качестве доказательств, после того как нефть использована на НПЗ);

— по договору — много раз (однако договор — это соглашение двух юридических лиц, заключаемое до того, как нефть добыта);

— под видом договора (четыре раза нашел) — не понятно, как, но не по договору.

Ваша честь, и вот со всем этим мы подошли к прениям. Видимо, от вас ожидают того, что вы проведете «селекцию»... Но вообще-то суду этим заниматься не положено. И защищаться после того, как вы произведете выбор в совещательной комнате, от того, что вы выберете, я уже не смогу.

Столь навороченное предложение обычно предъявляют заказчику товара — выбирай, дорогой покупатель, что тебе больше по вкусу. Обвинение, представленное в суде, не опцион, оно должно быть абсолютно недвусмысленным.

Что это — неграмотность прокурорской стороны или остаточные следы подготовительного версификаторства?

По-видимому, и то и другое. Вместо состава преступления — эдакая игра в «Составь преступление!»

3. Как дело делается

Механика дела Ходорковского, на которое были брошены лучшие силы Генпрокуратуры, вышла наружу. Более важных преступлений в стране, видимо, не было. Мощная целевая группа годами, не покладая рук, разрабатывала версии всевозможных обвинений, которые бы удовлетворяли привередливости высшего госзаказа. Высшего — в том смысле, что он поступил с самого верха, и в том, что он требовал неких высших мер наказания. Так родилось первое дело. Оно полностью соответствовало заданным параметрам: все отнять, расплющить неугодного олигарха в слякоть. Отняли, расплющили... Но вот незадача: бывший олигарх оказался не слякотью... Творческая работа по уничтожению неугодного закипела с новой яростью. Обвинения на любой вкус, чего изволите? И весь прилавок вывалили во второй процесс.

Механизм политического процесса описал адвокат Юрий Шмидт:

Для меня несомненно, что существует некий **центр принятия решений**, полагаю, под *оперативным* руководством господина Игоря Сечина, который *ставит* конкретные незаконные задачи, а потом *прикрывает* исполнителей, обеспечивая поддержку и круговую поруку. Этот же центр *координирует* действия различных правоприменительных структур и даже формально независимых «**ветвей власти**», включая законодательную и судебную...

Можно сказать, что в деле расправы с Ходорковским и разрушении ЮКОСа вся репрессивная машина государства работала как единый механизм. Откровенно незаконные действия следствия и оперативных служб приобретали «**легитимный**» характер после вынесения **судебных решений**. Когда этого было мало, на помощь услужливо приходила Государственная Дума, весьма оперативно *изменяя действующий закон или принимая новый*, а также **Верховный** и даже **Конституционный** суд Российской Федерации.

Адвокат Вадим Клювгант проанализировал по-своему титаническую работу следственно-прокурорских органов:

По нашим подсчетам, над фальшивкой под названием «дело ЮКОСа» работали и продолжают работать поныне в общей сложности не менее восьмидесяти следователей, не считая надзирающих и обвиняющих прокуроров и не поддающихся подсчету «сопровождающих» оперативных работников различных ведомств.

Мы считаем, что страна должна знать своих «героев», хотя бы основных. Особая лидерская роль в расправе принадлежит генералу Каримову из Генеральной прокуратуры. Руководителями следственной группы, помимо Каримова, в разное время являлись Туманов, Безуглый, Хатыпов, Дрыманов, Алышев, членами следственной группы — Русанова, Ганиев, Ибиев, Иоган, Тютюник, Михайлов, Акимов и ряд других.

Это они, входя в состав следственных групп по всем ЮКОСовским делам одновременно или «перетекая» из одного дела в другое, прикрываясь своими полномочиями, превышая их и злоупотребляя ими, попирали права наших подзащитных.

Так называемое материнское, оно же «основное», дело № 18/41-03 было возбуждено 20.06.2003 и расследуется до сих пор... По имеющимся у защиты сведениям, срок следствия по нему составил уже около 112 месяцев, и... его расследование продолжается.

Первое известное нам упоминание о том, что в отношении Ходорковского существует некое уголовное дело по «отмыванию денег», восходит к 15.08.2003... Ходорковский еще на свободе, и никакими криминальными претензиями ему не предъявлялось. Лебедев, хотя и арестован за месяц до этого, но совсем по другому обвинению, в котором про отмывание денег не было ни слова. А в Швейцарию летит запрос Генпрокуратуры об оказании правовой помощи «в отношении дела Ходорковского по отмыванию денег». Самим же Ходорковскому, Лебедеву и их защитникам об этом стало известно только весной 2007 года, то есть через четыре года почти, при ознакомлении с материалами якобы законченного расследованием дела, вот этого. Так все начиналось с большого, системного и многоуровневого притворства и фальсификаций. Так и продолжается до сих пор: говорят одно, пишут другое, на уме же третье, и главное, — расправа любой ценой! Факты подтасованы, подогнаны под нужную цель или просто придуманы.

В январе 2004 года Каримов снова пишет, уже на Кипр, про «...*орггруппу лиц, в которую входят Ходорковский, Лебедев и другие лица... “отмывают” денежные средства, незаконно полученные на территории России*»... Обвинение в этот момент уже предъявлено, но никакого отмывания в нем нет. Одновременно, 21.01.2004, тот же Каримов выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого Невзлина Л. Б., в котором пишет: «*Невзлин... в составе орггруппы, в которую входили... Ходорковский М. Б., <...> завладел акциями ОАО “Томскнефть” и ОАО “Ачинский НПЗ”*»... Эта свежая мысль неоднократно повторялась в различных процессуальных документах того периода без каких-либо упоминаний о легализации, а Ходорковский узнал о том, что он обвиняется в совершении этого притворного преступления с акциями только в феврале 2007 года — через три с лиш-

ним года. Лебедев же в составе притворной орггруппы... впервые упомянут только в момент предъявления ему обвинения в том же феврале 2007 года, когда его назначили на роль похитителя вместо совсем другого лица.

Дальше — больше. Постановление Безуглого от 21.06.2004 все по тому же бездонно-безразмерному делу 41-03: *«орггруппа под руководством Ходорковского М. Б., в которую входили ...Лебедев П. Л, похитили денежные средства, полученные от реализации нефти и нефтепродуктов дочерних предприятий ОАО «НК «ЮКОС»», которые ... затем «отмывались» в легальный бизнес»*... Вот и еще статьи нашлись для хороших людей! И тоже в 2004 году — за три года до предъявления этого обвинения. Но заметьте, в тот момент, когда Ходорковский с Лебедевым пытаются в Мещанском суде защищаться совсем от другого обвинения, связанного с той же нефтью, но несовместимого ни с хищением, ни с отмыванием!

В июне 2004 года первое дело направляется в суд, и притворщикам нужно было сделать вид, что следствие закончено. Поэтому фамилии Ходорковского и Лебедева из документов следствия исчезают, вместо них появляются *«неустановленные следствием руководители ОАО «НК «ЮКОС»»*. Руководителями ЮКОСа являлись, помимо самого Ходорковского, его заместители, в разное время — разные, например: Лебедев (до 1999 года), Бейлин, Бычков, Невзлин, Брудно, Шахновский, Трушин, Темерко, Мизамор, Сублен. Ходорковский очень подробно об этом рассказывал суду дважды, характеризовал отношения с каждым из этих людей, описывал структуру управления компанией, полномочия менеджеров по уровням управления, порядок делегирования полномочий. Поэтому суду, несомненно, понятно, что круг этот руководителей ОАО «НК ЮКОС» весьма ограниченный, и следствию в 2004 году он уже очень хорошо известен. Так что никаких «неустановленных руководителей» ЮКОСа быть, разумеется, не могло. Но для притворного обвинения это удобная находка — вместо имен писать про «неустановленных руководителей». Это сначала позволило не доказывать ничьи действия и ничью вину, а потом каждый раз, когда нужно, заявлять, что всюду имелись в виду и Ходорковский с Лебедевым, и любые другие из списка...

...Несмотря на яростное сопротивление и неприкрытый шантаж со стороны прокуроров, в данном процессе достоверно выявлено около полутора десятков фактов, когда под прикрытием «основного» и других ЮКОСовских дел в Следственный комитет вызывались свидетели перед их допросом в суде.

Вызывались они понятно для чего: для освежения правильных, с точки зрения обвинения, сегментов их памяти. Других свидетелей допрашивали по «другим» делам, чтобы потом, даже не вызывая их в суд, просто вбросить в это дело некоторые выгодные прокурорам копии протоколов их допросов и попытаться их огласить в суде как доказательства.

Каков же результат этой колоссальной активности целой следственно-прокурорской армии? Гора родила не просто мышшь, мышшь-уродца. Одно большое притворство, необходимое для прикрытия фальсификаций и истинной цели расправы, — вот и весь их результат. Как притворная сделка прикрывает собой другие, истинные, намерения ее сторон, так притворным доказыванием притворной вины заведомо невиновных обвиняемых

и притворного ущерба притворным потерпевшим пытаются прикрыть истинное намерение — сломать жизнь людям, заранее назначенным преступниками, любой ценой не дать им выйти на свободу.

Адвокат Каринна Москаленко дала квалификацию этой методе:

Как известно, и сегодня НИ НА МИНУТУ не прекращается «расследование» (а по сути — фабрикация) того «резинового» дела, из которого до сих пор, как из табакерки, «выныривают» все новые и новые обвинения... Во время рассмотрения дела в суде, — это было и в первом процессе, и, мы подозреваем, во втором процессе — Генпрокуратура ведет параллельное расследование. То есть налицо весь комплекс того, что Европейский Суд называет «недобросовестным или несправедливым обращением с доказательствами»...

Таким образом, в деле нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона. Собираение доказательств в период расследования уголовного дела сторона обвинения подменила копированием выгодных ей материалов «иных» дел. Все представленные стороной обвинения по рассматриваемому делу доказательства, собранные как до, так и после 3 февраля 2007 года, представляют собой копии материалов иных уголовных дел и являются недопустимыми.

Политический заказ, в котором уже содержится приговор. Обвинение, свободное от законов логики, необходимости доказывать свою позицию, не противоречить фактам и самим себе... Вам эта парадигма ничего не напоминает? Это реальное советское право.

Конечно, нет былой скорострельности внесудебных троек и завидной простоты выбивания царицы доказательств с помощью пыток. (Хотя дела Алексаняна и Магнитского ставят под вопрос и это допущение.) Однако в принципе стиль и методы прокуратуры, как и ее назначение, мало изменились с советских времен. Это орган приказного права, ориентированный на карательные цели. Дела не расследуются, они создаются. Если надо, обстоятельства подгоняются, фальсифицируются, сочиняются под требуемый приговор.

4. Встретились гласность и 1937 год

Столу с четверкой голубых мундиров в полковничьих эполетах противостоял стол адвокатов, которые и не думали тушеваться перед прокурорским напором. Хорошо образованные, эрудированные в разных областях права, уверенные в своей правоте, с острой реакцией. Не смущаясь Власти, они апеллировали к Праву. Отстаивали факты, настаивали на нормах и вообще вели себя так, как если бы дело слушалось не в Москве, а в Стокгольме. Любой фальшак тут же выволакивался на свет, все белые нитки, которыми шито дело, наглядно распутывались. Сочетание обвинений на двух процессах называли «околесицей о мирном сосуществовании налоговых пра-

вонарушений и хищений». Ретивых следователей могли запросто окрестить наперсточниками. На Божий суд наперсникам разврата не ссылались, но о Европейском Суде напоминать не стеснялись.

В зале № 7 Хамовнического суда, вмещающем от силы несколько десятков человек, словно сошлись лицом к лицу две эпохи. Гласность и 1937 год. И оттого, что эти реальности совершенно не совмещаются, как топор и интернет, казенный сценарий трагедии с позором провалился. Точнее сказать, он проваливался каждый раз заново, на каждом заседании, каждый день, что шел процесс. То, что должно было быть страшным, становилось смешно, не переставая быть отвратительным.

Главными действующими лицами процесса были двое обвиняемых. Скванные одной цепью — буквально (их приводили и уводили в зал суда в наручниках, прикованными друг к другу), запертые в одну клетку, они стали как бы двумя половинами единой личности. И эта двуединая личность коллег и друзей, сиамских кандалъников, побратимов несправедливой судьбы притягивала как магнит.

Я почти не смотрел на прокуроров, среди которых тон задавал Лахтин — прежде всего своей взвинченностью. Не очень следил я и за печальной мимикой судьи. Так поступал не только я. Все внимание было на железную клетку — стальной аквариум, за пуленепробиваемым стеклом которого на наших глазах проживали свою жизнь эти два такие разные человека с одинаково бледными лицами: многие месяцы они не видели солнца. Один — как ртуть, всегда готовый к рукопашному бою. Никакой нюанс происходящего не проскочит мимо него, ни единое слово обвинителей или реплика судьи. Тут же следует саркастический запрос, жесткое заявление, протест — в десятку. Платон Лебедев — это реактор, от которого всегда жди взрыва. Полная противоположность ему Михаил Ходорковский — всегда спокойный, погруженный в свои записи и мысли. Он поднимает голос реже, говорит тихо, но не услышать его невозможно. Разные темпераменты и ролевые функции, и совершенно неотразимый дуэт. Глубина и безупречная эрудиция, в том числе юридическая, само собой. Но тут еще все краски живой человеческой речи — юмор, пафос, убийственный сарказм.

Лексика Платона Лебедева предельно резка. На грани фола, сказали бы в приличном обществе. Но он и не старается сделать вид, что находится в приличном обществе. Обращаясь к своим гонителям, он не выбирает выражений. Или наоборот: он их выбирает с особой тщательностью:

Индивидуумы типа Каримовых и Лахтиных, паразитирующие на государственной службе.

Картинка с натуры:

Ваша честь! Уважаемая защита и Михаил Борисович! Глубоко презираемые члены преступной группы — подставные прокуроры Лахтин и Шохин! Уважаемая прекрасная прокурорская половина, незнакомки — Кова-

лихина и Ибрагимова, еще не до конца понимающие, в какую мерзость и глупость они вляпались, а также и липовые потерпевшие и гражданские истцы...

— Ваша честь, это переход на личности! — очнулась до того молчаливая Валентина Ковалихина.

Мужчины-прокуроры честь дам не отстаивали и уткнулись в бумаги. Лебедев продолжил:

«Это вовсе не обвинение. Это полная шизофрения, противоречащая не только закону, но и здравому смыслу фальшивка, изобретенная ОПГ (организованной преступной группой) Бирюкова—Каримова для легализации преступлений и злоупотреблений власти, совершенных по так называемому делу ЮКОСа, по которому была уничтожена и разворована разной политической и уголовной шпаной лучшая нефтяная компания России...

На любой вопрос следует прямой ответ. Из интервью:

— Как вы относитесь к действиям власти в отношении юристов ЮКОСа Василия Александяна и Светланы Бахминой?

— ...Это бесчеловечно в XXI веке, это возврат к гестапо. На этих безвинных людях «шпана» тренируется и, возможно, готовит себя к новым «подвигам»...

— Как вы можете охарактеризовать сегодняшний политический строй в России?

— ...у нас сейчас правящий режим похож на режим политической и уголовной шпаны...

— Почему власть так опасается вашего освобождения и пытается сфабриковать новое обвинение?

— ...В том числе потому, что меняться местами не хочет...

Перед судьей он тоже не испытывает ни малейшего трепета.

— Я вам вынужден предложить давать показания, — перебивает судья Лебедева, — поскольку это никак не заявление.

— Я обращаюсь к суду с заявлением! — объясняет Лебедев.

— Вы анализируете выступление прокурора. Вы можете говорить об этом в прениях или в своих показаниях, — настаивает судья.

— Еще раз. Я обращаю сейчас ваше внимание на то, что государственный обвинитель Смирнов вас просто обманывает. Это пока еще не заявление о его отводе. Я всего лишь показываю суду, каким образом вас нагло обманывает государственный обвинитель, делая заявления, которые заносятся в протокол судебного заседания!

— Платон Леонидович! Я уже сегодня говорил о необходимости соблюдать ст. 9 УПК. Я прошу вас воздержаться от подобных высказываний, иначе я лишу вас возможности говорить!

— Прокурор, когда обращается к суду, должен подкреплять свои доводы какими-либо доказательствами!..

Сколько раз мы были свидетелями таких перепапок!..

И еще одна цитата, более развернутая, чтобы лучше оценить стиль и прочувствовать личность. Из лебедевского блога.

Тупость (в обычной, повседневной жизни) — это когда настаивают на очевидной глупости. Каждому из нас в разное время приходилось с этим встречаться в своей жизни. Просто сейчас (наверное, время такое) я столкнулся еще и с тупостью отечественного судопроизводства.

А вот тупость стороны обвинения в уголовном судопроизводстве — это преступление и злоупотребление властью...

Среди откликов, которые появились после моего первого поста в блоге, был и такой вопрос: *«Вам доставляет удовольствие ловить на ошибках следствие и прокуроров? Или в этом есть какой-то юридический смысл?»*

Для меня слова «следствие» и «прокурор» в так называемом деле ЮКОСа уже давно (седьмой год) являются синонимами слова «шпана»... Несоответствие формы и ее содержания, на мой взгляд, очевидны. Отмечу только, что намеренные (т. е. преступные) «ошибки» так называемого следствия и «прокуроров», которые наложились на их явное невежество, это не просто банальное преступление против правосудия. Невежество придает преступлению явный шизофренический характер.

Я уже высказал суду свою позицию (точнее, позицию моего любимца Мишеля Монтеня, которую я полностью разделяю), как должны добросовестные люди относиться к ошибкам. В «Опытах» «Великий француз» в таких случаях советовал своим ученикам:

«... Пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он в первую очередь и должен стремиться, что упорствовать в своих заблуждениях и отстаивать их — свойства весьма обыденные, присущие чаще всего наиболее низменным душам, и что умение одуматься и поправить себя, сознаться в своей ошибке в пылу спора — качества редкие, ценные...»

Поскольку у нас случай иной, то это не «ошибки», это — преступление власти и фикция законности.

А юридический смысл как раз и заключается в том, чтобы общество в итоге понимало, что это не так называемые ошибки, а преступление шпаны.

Р. С. Профессионального удовольствия от ловли невежд на «ошибках» получить нельзя. Они мне не оппоненты. Это не поза, это — факт.

Мое отношение к т. н. российскому правосудию в ходе второго процесса не изменилось: правосудия нет. Есть специальная система уголовного судопроизводства (а не правосудия), которая, манипулируя нормами процессуального и уголовного права, старается услужить власти.

Фактически гражданское законодательство, в соответствии с которым строятся жизнь общества и экономика страны, не имеет никакого значения для профессионально деградировавших следователей, прокуроров и судей.

Примитивное и вульгарное понимание уголовного права и его соответствующее применение этими «оборотнями» от права — самый большой удар по государственности России. Относительно коррупции, клановости и семейственности в прокурорско-судейском бизнесе примеры, полагаю, приводить не надо: они хорошо известны.

...Говорить о правосудии в России, когда судьи зачастую вообще не знают права, преждевременно. Изо всех норм права судьи, как правило,

выбирают только те нормы, которые дают им власть принимать решения, а вот с пониманием тех норм права, которые обязывают их обосновывать и мотивировать свои решения, просто беда.

Другая проблема также очевидна — это отсутствие реальной независимости судей, их зачастую прямое неподчинение Конституции РФ и закону, а подчинение власти.

Я пытаюсь помочь нашим судьям стать более профессиональными и независимыми. Если в том же самом будет заинтересована высшая власть, то институт правосудия (особенно в уголовных процессах) появится достаточно быстро. Если общество и власть в этом не заинтересованы, правосудия не будет никогда...

Но я уверен, что нашей стране, нашему обществу необходим институт правосудия, поскольку без него мы мало чем будем отличаться от варваров и о цивилизованном мире будем только мечтать, а риск превращения остатков гражданского общества в толпу резко увеличивается вплоть до развала страны.

Это мои короткие тезисы, которые я сообщаю адвокатам во время кратких перерывов в процессе, так что если где-то не до конца понятен смысл и не безупречна стилистика, заранее прошу извинить.

«Платон мне друг, но...»

Но попробуем проникнуть в логику обвинения — «без гнева и пристрастия».

5. Что им вменялось

Как все-таки осуществлялось, по представлению прокуратуры, это грандиозное преступление, хищение всей ЮКОСовской нефти?

Прежде всего, она не ЮКОСовская, утверждает обвинение. А чья? Тех, кто ее добыл! «Юганскнефтегаз» и другие добывающие компании извлекли ее из недр Земли, и потому вся выручка, полученная от конечной продажи ее по мировым ценам (цена Роттердамской нефтяной биржи), должна принадлежать им и никому иному. **Иное распределение прибыли — и есть то, что фактически инкриминируется Ходорковскому, Лебеву и организованной группе и квалифицируется как хищение.**

Формальная логика немедленно начинает брыкаться, как норовистая лошадь. Даже если это так, то как можно говорить о «хищении всей нефти»? В крайнем случае — об отчуждении части прибыли... Но приструним логику, даже если для этого придется огреть ее кнутом.

Как выглядело движение нефти от вышки до Роттердамской вешки — физически и финансово — экономически?

«Юганскнефтегаз» и другие компании ее добывали и доставляли до трубы «Транснефти», по которой она доставлялась до потребителей (в стране или за рубежом) или до портовых терминалов, где перегружалась на танкеры, на которых она доставлялась до потребителей (в стране или за рубежом). В такой констатации это выглядит просто, почти как дубинушка, которая

сама пойдет, или Илья Муромец, на 33-м году жизни отправившийся в мир, не слезая с печи. Но хотя нефтяной бизнес не принадлежит к числу высокотехнологических, с печи приходится слезть, чтобы решить транспортные, логистические, торгово-финансовые задачи — заключить оптимальные договора на продажу и на прокачку, заплатить налоги, уплатить экспортные пошлины и т. д. В вертикально-интегрированной компании ЮКОС (как и в любой другой — частной или государственной) это обеспечивали профильные фирмы.

Каждый занимался своим делом. Добытчики добывали и добытую нефть продавали ЮКОСу для дальнейших операций. Законная ли это операция? Настолько, что это даже подтверждено судом. Предыдущим — Басманным. Тот постановил, что ЮКОС — *как законный собственник всей купленной у компаний-добытчиков нефти* — недоплатил налоги.

Доплатил или не доплатил — другая тема. Но то, что он добросовестный покупатель и законный владелец, суд зафиксировал черным по белому.

По какой цене покупал ЮКОС нефть у своих добытчиков? По средней цене, которая складывалась в местах добычи (общепринятая практика). Реально это означало для компаний-добытчиков работу с заметной прибылью, обеспечивающей расширенное производство (самое динамичное в стране) и приличные зарплаты. Производством нефтепродуктов, маркетингом, сбытом занимались другие ЮКОСовские фирмы. ЮКОС в этом сложном организме был мозгом или, если хотите, Госпланом.

Лучшая ли это организация? Хороши ли вообще принципы, на которых строится транснациональная вертикально-интегрированная корпорация?

Философы-моралисты, жители фаланстер или фавел, доктринеры равенства в диапазоне от Совка до Савонаролы, монахи-схимники, дервиши, пикейные бронезилеты, прокурорские работники — да кто угодно — могут иметь по этому поводу самые разные идеи. Что никак не отменяет капитальной реальности. **Все эти транзакции и управленческие решения принимались в рамках одной системы. Все компании — добывающие, производственные, инфраструктурные, торгово-сбытовые — принадлежали ЮКОСу (стопроцентные «дочки»), и Ходорковский был его основным владельцем.**

Суд может объявить эту практику вне закона. Без сомнения. Но только в одном случае. Если первым пунктом своего высокого решения заявит: «Суд постановил, что на территории, ему подведомственной (бывший СССР, РФ, Москва и Московская область или хотя бы Хамовническая округа), право частной собственности, ошибочно полагавшееся священным, вновь объявляется преступным». В последнем случае Хамовники придется объявить еще и офшором.

Пора предоставить слово самому Ходорковскому. Почитайте. Не знаю, на что рекомендовать обратить внимание — на стиль или на суть. Решайте сами. Сам Ходорковский просит только об одном: *«Я прошу общественность в ходе процесса сравнить понятность и открытость моей позиции с закрытостью и непонятностью сути обвинения».*

Ваша честь, я буду исходить из обвинения в том, что я похитил всю нефть. Как звучало первичное обвинение: «*Похищено 350 миллионов тонн нефти*». Сделана корректировка: «*Похищено 218 миллионов тонн нефти*».

Как могла пропасть вся нефть, передаваемая производителем в государственную трубопроводную монополию, да так, чтобы десять лет этого никто не заметил?

Почему я говорю про всю нефть?

«*Подсудимые совершили действия, направленные на хищение путем присвоения всей нефти, добываемой указанными акционерными обществами*». «*Ходорковскому было заведомо известно, что своими действиями по изъятию по трансфертным ценам всей добываемой нефти...*». Это уже после отказа от части обвинения, поэтому я и говорю про «*всю нефть*».

Вся нефть ЮКОСа — это 20% общероссийской добычи. Это железно-дорожный состав, трижды огибающий землю по экватору. После корректировки — дважды, если это кажется более реалистичным. Что с этим делать суду? Сказать: «*Да, похищено*»? Как?

У нас пока — включая прения — одни отрицания. Что они говорили? «*Не канистрами*», «*не бочками*», «*не по договорам*». А как? Ответа нет. Никаких практических действий, которыми можно было бы похитить нефть, не названо. Куда дели? Ответа нет.

Каким образом столько лет скрывали от 150 тысяч сотрудников компании, от отраслевых аналитиков, от аудиторов, от Минобороны, ФСБ, прокуратуры, МВД, которые покупали топливо, изготовленное из этой нефти? Причем миллионы тонн.

Откуда у ЮКОСа огромная выручка — 55 миллиардов долларов (она, к слову, равна по цене произведенной и проданной нефти)? Откуда эта выручка, если нефть похищена?!

Почему с ЮКОСа истребовали дополнительно более 30 миллиардов долларов налогов, если нефть похищена? Как смогли получить с ЮКОСа эти налоги, если все похищено?

Вопросы простые, а ответов нет.

Как, не потеряв лицо, вынести обвинительный приговор? И что, Вы думаете, прокуроры это не понимали? Да все они прекрасно понимают.

В любом суде, руководствующемся презумпцией невиновности, отсутствие в обвинительном заключении ответов на такие простые и очевидные вопросы означает полное оправдание.

Это фрагмент из выступления Ходорковского в Хамовническом суде. Кажется, иногда подсудимые просто развлекались.

Среди прокурорских перлов был и такой. Сторона обвинения опротестовала термин «скважинная жидкость», заявив, что его придумал лично Ходорковский, — естественно, в воровских целях. Возражение, что это матушка природа рождает смесь нефти, воды и примесей, требующую переработки, отлетало как от стенки горох...

В один прекрасный момент из-под стола защиты были торжественно извлечены две банки — литровая с черной маслянистой нефтью и трехлитро-

вая с несуществующей черно-прозрачной скважинной жидкостью. Банки не просили приобщить к делу, и так все было ясно.

Физическая презентация органично перешла в финансово-экономический практикум для несмекалистых. Обвинение постоянно занимается фокусами с «объектом хищения», подменяя понятия: в одних случаях это «нефть», в других — «право собственности». Но пусть тогда оно скажет, как именно совершалось хищение. Ведь это совершенно разные действия! Право собственности передается по договору — без передачи самой нефти. Его не нужно ни переливать, ни перекачать. Посмотрите, как это делается, ваша честь!

Прямо в суде Ходорковский и защитник заключают сделку: один продает другому права собственности на этот самый литр нефти, при этом сама банка остается на столе...

— Что вы хотите этим сказать?

— Просто, чтобы вы обозрели это.

— Да уже обозрели! И понюхали!..

Недовольный судья распорядился прекратить «пожароопасный эксперимент». Приставы забрали банку и вынесли из зала. Зал рассмеялся: вот теперь произошло физическое «хищение нефти», «собственник» остался с пустой распиской. Приставы логично довершили презентацию.

Приговор по этому эпизоду судья вынес немедленно. Судебным приставам и администратору суда был объявлен выговор за то, что пропустили в суд банки с «горючим».

Еще одно выступление Ходорковского:

Хочу сделать суду и государственному обвинению предложение. Это предложение не будет соответствовать ст. 90 УПК. Но данный процесс вообще слабо соотносится с УПК. Предложение, как говорится, «по понятиям», как говорят теперь не только в местах лишения свободы, но и в правительстве РФ.

Обвинение утверждает, что нефть у «Юганскнефтегаза», «Самаранефтегаза» и «Томскнефти» похищена. Похититель я. Законный собственник нефти в период совершения преступления — «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз» и «Томскнефть». В то же время существует шестьдесят одно судебное решение, где установлено, что нефть у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза» и «Томскнефти» куплена. Куплена ЮКОСом. Собственник ЮКОС. Законный. Незаконных собственников не бывает. Собственник ЮКОС или действующие в его интересах торговые «дочки». Именно данное фактическое обстоятельство, что ЮКОС собственник нефти, оно не проходное, оно не просто так установлено судами, послужило основанием ряда выводов этих судебных инстанций на общую сумму более тридцати миллиардов долларов, заплаченных в бюджет.

Кроме этих более пятидесяти судебных решений существует аналогичная позиция РФ в Страсбурге и в Гааге. Там тоже утверждается, что «Самаранефтегаз», «Юганскнефтегаз», «Томскнефть» продали, ЮКОС купил, должен был налоги заплатить, именно в связи с этим его обанкротили...

Предлагаю государственному обвинению продемонстрировать свою последовательность — показать, что господин Чайка, наш уважаемый генеральный прокурор, понимает последствия того, что предлагается сделать в Хамовническом суде, и публично берет ответственность на себя. Чтобы потом Хамовнический суд не склоняли как образец наряду с некоторыми другими московскими судами.

Принесите прокурорские представления (когда будете выступать со своим словом) на отмену всех судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам, где ЮКОС, его торговые «дочки» определены законными покупателями продукции у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза», «Томскнефти», а они, соответственно, определены ее законными продавцами и собственниками, обязанными именно в связи с этими обстоятельствами платить налоги. Наиболее важных решений по суммам пять. О налогах ЮКОСа за 2000, 2001, 2002, 2003 годы и, конечно, о банкротстве ЮКОСа. Принесите представление! Еще не отменил Верховный суд ничего. Только представления.

Вы демонстрируете, что ваша позиция не жульническая, а последовательная, а я отказываюсь от участия в прениях и прошу о том же своих адвокатов.

Ваша честь, я, конечно, не смогу признать себя виновным в хищении нефти, поскольку сторона обвинения не смогла изложить в обвинительном заключении механизм такого события, а я не способен его придумать, не прикидываясь идиотом. Но я готов оставить все это на усмотрение суда!

Вот такое предложение! Вносите представление на отмену судебных решений, а я и мои адвокаты отказываемся от участия в прениях. Спасибо, ваша честь!

И наконец, третий фрагмент. Это выступление Ходорковского в конце прений (конец октября 2010 года).

Уважаемый суд, уважаемые оппоненты, адвокаты и присутствующие!

Начну свое выступление с перечисления того, что доказали наши оппоненты в ходе прений.

Они доказали, что я и мои коллеги владели компанией «Group Menatep Limited». Эта компания существует по сей день, ее легальное существование признано судами.

Доказали они и то, что компания «Group Menatep Limited» владела контрольным пакетом акций ЮКОСа, а мы — акционеры этой компании — обсуждали свои деловые интересы на заседаниях, и даже с ведением протокола. Эти протоколы наши оппоненты продемонстрировали.

Также они доказали, что ЮКОС владел сначала контрольными, а потом 100% пакетами акций дочерних добывающих компаний и «Восточной нефтяной компании»...

Оппоненты доказали, что добывающие предприятия ЮКОСа, а также собственно «ВНК», продавали нефть, продавали акции (причем делали они это с согласия ЮКОСа — своего основного, а затем и единственного акционера), получали выручку, прибыль, расширяли производство.

Также доказано (и оппоненты подтвердили это в прениях), что компании, входящие в торговый блок ЮКОСа, покупали и продавали нефть и нефтепродукты, получали выручку, размещали временно свободные средства, использовали их в хозяйственной деятельности (то есть вкладывали в производство, новые активы), выплачивали акционерам дивиденды.

Доказано и то, что я руководил ЮКОСом, сотрудники компании подчинялись мне, а также своим непосредственным руководителям, и действовали в рамках своих должностных инструкций...

Также оппоненты доказали, что решениями судов, вступившими в законную силу, установлено: ЮКОС становился собственником всей добытой нефти, покупаемой им у своих дочерних предприятий.

Таким образом, обвиняя меня в *«присвоении с использованием служебного положения»*, оппоненты одновременно презюмировали, что я — законный владелец акций ЮКОСа, имеющий в ЮКОСе исполнительные полномочия, что ЮКОС — законный владелец акций добывающих дочек, включая «Томскнефть», а их исполнительный орган — «ЮКОС ЭП» — законно назначен и законно вверил полномочия своим представителям, подписавшим договоры, которые и есть способ распоряжения вверенным имуществом. Юридическая логика однозначно говорит, что это именно так. Иначе обвинение в присвоении с использованием служебного положения в принципе было бы невозможно.

Должен сказать, что я согласен с доказанными фактами. Если в этом прокуратуры видят мое признание, то это признание в обычной, нормальной хозяйственной деятельности, которую в виде обвинительного заключения можно представить только по заказу.

Были в выступлениях моих оппонентов и определенные шероховатости. Главное, они призывали вас, ваша честь, признать решения других судов, установивших ряд фактических обстоятельств, принятыми под влиянием обмана или неполного анализа ситуации.

Я был бы согласен, чтобы Хамовнический суд поддержал наших оппонентов в этой части. Я даже, если вспомните, перед переходом к прениям просил оппонентов внести так называемое представление на отмену упомянутых судебных решений. Почему? Экономически мне выгодно отмена судебных решений, приведших к банкротству компании ЮКОС, потому что в этом случае как ее бывший акционер я имею право рассчитывать на весьма значительное возмещение.

Но наши оппоненты не стали писать представление...

...Я просил бы обратить Ваше особое внимание на господина Ковраева — заместителя руководителя управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры... *«Часть от полученной при реализации нефти выручки направлялась также на создание определенной доли прибыли с целью ее использования для получения еще большей прибыли»*. Вот в этом я обвиняюсь. Нормально, да? На двадцатом году существования в России рыночной экономики...

Что говорится в обвинительном заключении?

«Изъятие нефти у нефтедобывающих предприятий по трейдерским сделкам приводило к занижению прибыли предприятий»...

...Вот теперь давайте посмотрим, что же происходило с прибылью. Наши псевдо-потерпевшие прислали Вам справки. Я их позволил себе отразить графически.

Сверху — это выручка по годам трех наших псевдо-потерпевших. Красная линия — это затраты на производство, себестоимость, или фактическая стоимость, как я ее называю. А зеленая линия — это разница между ними, валовая прибыль. Так вот, эта прибыль — два миллиарда долларов.

Я в дополнительных показаниях говорил о том, что численность занятых в добывающих подразделениях ЮКОСа была восемнадцать тысяч человек... Общая численность сотрудников компании на 2001 год была порядка ста десяти тысяч человек. Компания получила прибыль, и это признано стороной обвинения, — пятнадцать миллиардов долларов за эти годы. Сколько должно было прийти на восемнадцать тысяч работающих? Пропорция простая — порядка двух миллиардов.

На этом слайде показан среднесуточный объем добычи по годам, с 2000 по конец 2002 года, дальше данных в материалах дела нет. В ЮКОСе, у «Юганскнефтегаза», «Томскнефти» и «Самаранефтегаза», у всех — добыча растущая.

Цитирую господина Смирнова, пятнадцатого числа он об этом говорил в прениях: *«Цена устанавливалась организованной группой в целях вос-производства похищаемой продукции».*

Судя по графику, скорее речь идет о расширенном воспроизводстве, во всяком случае, в курсе политэкономии нас учили именно так... Спасибо г-ну Смирнову, подтвердившему очевидный факт: если предоставлялось денег достаточно хотя бы на воспроизводство нефти, то это значит, что реального ущерба не было.

Следующий график не имеет отношения к делу, но столько раз нас укоряли в грабительской добыче, что я не мог смолчать в прениях. Грабительская добыча — это та добыча, которая ведет к тому, что нефти остается в земле больше, чем при нормальной добыче. В этом случае при добыче часть нефти добывается, а остающаяся часть падает. Если добыча грабительская, то запасы падают более резко, чем при нормальной добыче.

Обратите внимание: объем доказанных запасов растет по всем трем подразделениям компании ЮКОС и по компании ЮКОС в целом. Что это означает? Эффективность добычи растет.

Теперь посмотрим на тему с точки зрения здравого смысла. С точки зрения здравого смысла и права невозможно объяснить, почему нефть и выручка или прибыль у «Самаранефтегаза», «Юганскнефтегаза» и «Томскнефть», являющихся стопроцентными дочками ЮКОСа, — это их собственность, а не собственность ЮКОСа. То же самое у «Ю-Мордовии», «ЮКОС-М» и других предприятий, которые у них покупали и которые названы «инструментами» похитителя, а они — стопроцентные дочки ЮКОСа или действовали в его интересах.

Однако судом утверждается, что это не их собственность и не собственность ЮКОСа, а обращено в мою пользу, а в другом месте обвинительного заключения... эта же самая нефть считается не просто обращенной в мою пользу, но еще и «отмытой».

Вот как эту логику вы себе представляете, Ваша честь?..

...Было бы странно, если бы ЮКОС покупал нефть у своих добывающих дочек по ценам Роттердама, потом нес все затраты и продавал, в лучшем случае, опять по ценам Роттердама, а шестьдесят-семьдесят процентов, гораздо дешевле — на внутреннем рынке. Ведь всю нефть, и даже ее половину, экспортировать невозможно, а покупать ее в России по цене Роттердама желающих точно не нашлось бы. Ну разве что господин Лахтин поспособствовал бы.

И напомним: в добывающих «дочках» работало восемнадцать тысяч триста человек, в ЮКОСе — сто десять тысяч. Как суду решить, что восемнадцать тысяч должны были быть в большом плюсе, а все остальные сто тысяч — в столь же большом минусе? Непонятно.

Но самая интересная картина, Ваша честь, разворачивается, если посмотреть на все это безобразие в совокупности. Обвинение предъявлено в хищении нефти, и только. Это значит — безвозмездное, противоправное завладение жидкостью черного цвета против воли собственника...

Однако псевдопохищенная нефть, оказывается, получена потребителями. Вся. Те, кому псевдопотерпевшие ее непосредственно отправили. Факта преступления нет...

...ЮКОС... оплатил ее потерпевшим, то есть продавцам по договорам купли-продажи... Цены равнялись средним ценам других производителей. Потерпевшие полученной выручкой от реализации псевдопохищенного полностью компенсировали фактическую стоимость нефти, то есть свои затраты на производство, и получили прибыль, что ни они не отрицают, ни сторона обвинения не отрицает, ни эксперты, ни решение Басманного суда.

И это заявляют мои формальные оппоненты сами, по доброй воле, без сговора со мной. Басманный и Арбитражный суды города Москвы это подтверждают. Спасибо им всем...

Если это — хищение, то, Ваша честь, оцените как хищение и свои собственные действия.

Вот Вы сегодня-завтра пойдете обедать в зависимую от Вас, как от председателя суда, столовую. За обед Вы, конечно, заплатите. В версии стороны обвинения — несомненно для того чтобы обеспечить возможность последующего хищения обеда. Столовая не понесет ущерба и даже, вероятно, получит прибыль, но не максимально возможную. Любопытно сопоставить цены в судейской столовой с ценами в гостинице «Рэдиссон Славянская». Я думаю, ни один судья по тем ценам не купил бы обед. Я уж не говорю о Роттердаме. Если вы оплатите обед своему знакомому, то хищение будет, видимо, уже в организованной группе. Приятного аппетита.

Где в обвинении хоть слово про продажу нефти за рубеж по внутренним ценам? Наоборот, говорят, цель была продавать дороже.

Где про яхты и дворцы, приобретенные мной или организованной группой за счет ЮКОСа? Где про переводы на мои личные счета?

Ничего этого в обвинительном заключении и в материалах дела нет.

Я весьма признателен стороне обвинения, что все вызванные ею в суд свидетели обвинения фактически стали свидетелями защиты.

Я не упрекаю следователей и государственное обвинение в том, что они не оказались героями и не смогли отказаться от выполнения преступного

приказа — ценой любой фальсификации посадить Ходорковского и Лебедева навсегда. Но я высоко ценю их усилия по подготовке обвинительного заключения, из которого более чем ясно вытекает наша с Платоном Леонидовичем Лебедевым полная невиновность. А также за выступления их свидетелей и поведение государственного обвинителя Лахтина в суде.

Валерию Алексеевичу — особая благодарность. Его удачные репризы навсегда войдут в сокровищницу российского искусства. А каким гражданским мужеством нужно было обладать человеку, взявшему мишенью своей многомесячной пародии внешне суровую фигуру государственного обвинителя. Спасибо ему.

Именно благодаря оппонентам в нашей невиновности убедились, кажется, все, кто интересовался ходом процесса. И в России, и за рубежом. Следствие и обвинение сделали все, чтобы у суда не осталось ни единого законного шанса не оправдать нас. Спасибо вам, уважаемые юристы, я вам этого не забуду.

Уважаемый суд, я понимаю, оправдательный приговор в московском суде — событие почти фантастическое. Но мои оппоненты очень старались. Оцените их усилия по достоинству.

Иначе в следующий раз они могут просто плюнуть на пустой лист бумаги и со штампом «Генеральная прокуратура. Копия верна» прийти к вам за четырнадцатилетним приговором. Собственно, сейчас в суде фактически происходит то же самое.

Большое спасибо за внимание».

Спасибо Ходорковскому.

Спасибо за его слово. Это такое слово, что веришь и в дело.

6. Почему процесс политический

И спасибо за несравненное удовольствие, которое получаешь как слушатель и зритель. Может быть, это звучит цинично — как благодарность публики идущим на смерть гладиаторам.

Но зал № 7, пусть не Дворец правосудия, но все-таки и не Колизей. Кстати, цезаря сюда вызывали — в качестве свидетеля, но тот постарался уклониться. Некоторые близкие к персоне цезаря фигуры пришли и дали показания (Христенко, Грэф), но не Сам. (Не потому ли, что его присутствие здесь и без того ощущалось сверх всякой меры?)

Ходорковский с Лебедевым — не гладиаторы.

Их выступления — блистательные презентации по социо-экономике — в умной стране показывали бы по телевидению. Как лекции, которые с некоторых пор показывает канал «Культура», честь ему и хвала.

Искрящийся интеллект, богатство знаний, житейская мудрость... И внутренняя свобода. Это речи абсолютно свободных людей — вот в чем их неотразимое обаяние.

Смысл процесса — затеянной против них жестокой кампании на уничтожение — заключался в том, что у них отнимали — одну за другой — все

степени свободы. Дело, собственность, положение в обществе — все, чего они достигли в этой жизни и имели. И даже самую свободу. Чтобы подавить личности, с вершины мира их опустили на дно. Итог — с точностью до наоборот — свобода от страха и иллюзий.

На пике успеха они были функцией власти и собственности. *«Приходилось на многое закрывать глаза, со многим мириться — ради собственности, ее сохранения и приумножения. Не только я управлял собственностью — она управляла мною»*, — признается Ходорковский. Теперь у них есть только то, что они представляют собою. Только то, что внутри, что выстрадано и оплачено по высшему счету. Заказчики сильно просчитались. Личности, распрямившиеся во весь рост, с неограниченным кругозором, демонстрирующие ущербность бесконтрольной и произвольной власти, обрели совершенно иной социальный статус.

Возможно, водоразделом стала черта между первым и вторым процессом. Про первый процесс еще можно сказать, что в нем была какая-то рациональность, хотя и в сильно извращенном смысле. Как рационален государственный переворот, который оправдывает полученная власть, или разбойное нападение, наградой которому служит захваченная собственность. Второй процесс не имеет и такого оправдания. Это чистый произвол, упертость властной дубины. Пусть все видят: она занесена, и в любой миг может опуститься на любую голову.

Процесс Ходорковского — это процесс Путина. Он дал ему отмашку, он лично определяет его детали и его этапы, именно он формулирует все приговоры.

Базовый вопрос: в чем вина Ходорковского перед Путиным?

Иными словами: что делает Ходорковского в глазах Путина политическим преступником?

И что делает процесс, развязанный Путиным, самым важным политическим процессом, как минимум, десятилетия?

Защите удалось добыть очень важное свидетельство на этот счет. Бывший премьер-министр страны Михаил Касьянов дал следующие показания Хамовническому суду:

Вопрос:

... Можете объяснить каким-либо образом начавшееся в 2003 году преследование этой компании, сначала как налогоплательщика, не выполняющего свои обязательства, а потом и уголовное преследование руководителей компании?

Ответ:

У меня лично есть однозначное понимание на этот счет. Когда после февраля 2003 года началось напряжение между президентом Путиным и компанией ЮКОС, когда в июле 2003 года был арестован Платон Лебедев, это было очень вредным с точки зрения экономической политики шагом по развитию предпринимательства и привлечению инвестиций в Российскую Федерацию. Поскольку к деятельности председателя правительства

впрямую не относится взаимодействие с Генеральной прокуратурой, я обратился к президенту России Путину с просьбой пояснить, известно ли что-либо ему на этот счет и почему такие вещи происходят.

Президент Путин дважды отказывался поддерживать такой разговор, но потом он все-таки дал мне ответ. И он сказал примерно следующее. Что компания ЮКОС финансировала политические партии — не только СПС и «Яблоко», которые он, президент Путин, разрешил им финансировать, но также и Коммунистическую партию, которую он, президент Путин, не разрешал им финансировать. Я не стал развивать этот разговор, потому что для меня этот ответ был чрезвычайно удивительным по двум причинам. Первое. Для меня было удивительно, что разрешенная законом деятельность по поддержке политических партий, оказывается, требует еще секретного одобрения президента Российской Федерации. И второе. Этот ответ о финансировании партий я услышал от президента Российской Федерации в ответ на вопрос, почему Платон Лебедев находится в тюрьме. После этого у меня сформировалось однозначное мнение о том, что арест Платона Лебедева является политически мотивированным. Уже осенью, после ареста Михаила Ходорковского, мои попытки поговорить с президентом Путиным о неприемлемости таких вещей наталкивались на его нежелание обсуждать. Ответ был простой: «*Генеральная прокуратура знает, что делает*». Безусловно, к концу 2003 года у меня сформировалось однозначное убеждение, что Михаил Ходорковский и Платон Лебедев арестованы и находятся под подозрением по политически мотивированным основаниям.

Это свидетельство очень весомо прозвучит в любом из международных судов по делу ЮКОСа. Президенту Путину не нравился факт финансирования одной из партий! У этих западных маньяков формального права волосы на голове встанут дыбом от столь откровенного признания. Но мы-то живем в этой стране и лучше представляем местные политические нравы. И потому я позволю себе выразить сомнение. Не в том, что президент Путин говорил премьеру Касьянову. А в том, что премьеру Касьянову, которого он не считал своим, которого он опасался и которого очень скоро отправил в отставку, он говорил настоящую правду.

Высказывание Путина явно не слишком искреннее. Финансирование компартии никогда не было для него предметом особой заботы или тревоги — ни по идейным, ни по практическим причинам. Ни до, ни после описываемых событий. Это мы хорошо знаем. Несколько миллионов долларов, которые перепадали коммунистам от симпатизантов — акционеров ЮКОСа, просто несопоставимы с многомиллиардными параметрами грядущего, далеко не мирного атомного взрыва с уничтожением ЮКОСа. Тут не математика, тут диамат.

Я даже позволю себе высказать гипотезу, что, это была такая разводка противника — Касьянова, а через него и всех статусных либералов. Дескать, я поручил поддерживать либералов, а он, такой-сякой, коммунистов вздумал продвигать... Мулька, вуалирующая истинные намерения и очень

далеко идущие планы. На сносях была перетряска всей власти, никак не меньше. Конец операции «Наследник» и начало новой династии. Принц-консорт милостью царя Бориса становился царем милостью... — нет, не будем гневить имя Божье, скажем, «национальным лидером». Приемный сын Семьи, Мальчик-удачник вырастал в Крестного отца и обрастал собственным Семейством, которому отныне перепадут все несметные богатства Земли Русской.

«Операция ЮКОС» послужила запальником куда более грандиозной операции фактической смены режима. Вот в чем состоял ее истинный политический смысл. Более важной задачи не было.

Новые властители — фундамент режима, путинская мафия опричников, «питерские силовики» — ненавидели старых олигархов, но еще больше завидовали им. Они проиграли им первый раунд вчистую — проморгали, прошляпили первый раздел главных богатств. Но теперь-то власть в их руках.

Ходорковский раздражал их вдвойне. Тем, что стал олигархом в лихую пору «бури и натиска», когда они почивали на советской печи. И тем, что возжелал похоронить эту пору, стать респектабельным «западным» капиталистом. Тогда, как они грезили новым переделом. Патриотизм казенных хлебов сменился безудержным духом наживы.

В разгар путинской эпохи станет модно говорить, — естественно, осуждающе, — о «лихих 90-х». Парадокс в том, что реальный план, как поправить действительно лихую пору приватизации, предлагал именно Ходорковский. Вот его идея:

Нельзя сказать, что приватизация 90-х годов была абсолютно неэффективна экономически. Да, многие крупнейшие предприятия России были проданы за символическую стоимость. Но не надо забывать, что главной целью той приватизации было вовсе не немедленное пополнение бюджета за счет доходов от продажи объектов, а создание института эффективного собственника. И эта задача была в целом решена...

Тем не менее приватизация была неэффективной политически и социально. Потому что более 90% российского народа не считают ее справедливой. А значит, результаты приватизации не признаются нашими согражданами, и в таких условиях перманентный и бесконечный передел собственности неизбежен.

Я предлагаю не изобретать колесо и воспользоваться весьма успешной схемой легитимации приватизации, которую в конце 90-х годов использовали британские лейбористы — кабинет Тони Блэра — в отношении инфраструктурных компаний, разгосударственных еще в 80-е годы. Схема состоит в применении так называемого налога на неосновательные доходы от благоприятной конъюнктуры. Сумма налога в наших условиях может равняться реальному годовому обороту, который был у компании в год ее приватизации, и чтобы учесть средства, разворовываемые тогдашними директорами через подставные компании, надо умножить объем производства на рыночные цены, не обманываясь абсолютно непригодной отчетностью по российским стандартам.

Я знаю, как это сделать, мне, как и многим другим, пришлось разгребать горы криминальных схем, обрушивших экономику в 1993 – 1995 годах. Этот параметр четко отражает состояние российских компаний именно в период их разгосударствления с учетом всех параметров, определявших тогда их капитализацию: мировых цен на сырье, качества управления, уровня политических рисков в России того времени и т. п.

Иными словами: каждый, кто хочет снять с повестки дня вопрос о легитимности (справедливости) своей крупной промышленной собственности, должен заплатить в федеральный бюджет России либо в целевые специальные фонды (например, фонд стимулирования рождаемости, из которого будут выплачиваться пособия на новорожденных) налог в размере оборота компании в год ее приватизации. С момента выплаты собственник получает от государства и общества бессрочную «охранную грамоту»: его собственность считается законной и честной.

Легитимация должна явиться результатом осмысленного пакта между государством и собственниками, крупным бизнесом. Бизнес, который собирается жить и работать в России долго, должен пойти на такой пакт, руководствуясь непреложным принципом: лучше отдать сегодня часть, чем завтра — все. Схема единовременного налога и простота его расчета делают легитимационную процедуру прозрачной, исключают коррупцию и избирательное применение нормативных актов в этом процессе.

По моим предварительным подсчетам, качество которых ограничено условиями общей камеры и краснокаменной зоны, легитимация приватизации принесет \$30–35 млрд в течение трех-четырёх лет.

Цифры стоило бы «перетереть», как выражаются сегодня. Да и идею стоило додумать до конца. Это идея не столько расплаты с государством, сколько отделения олигархов от государства. Ее смысл не просто в легитимации сложившихся капиталов, он в стратегической задаче устройства respectable капитализма.

По гамбургскому счету, это развилка. Но только надо понимать, откуда мы идем и куда.

Позади «лихие 90-е»? Безусловно. Главная их лихость заключалась в том, что рухнул казавшийся вечным тоталитарный строй, в безжизненной атмосфере появился воздух свободы, над страной задули ветры перемен. Что породило множество надежд. И столько же разочарований.

На утро вырос капитализм — оскорбительно плохой, младомонстр в стадии бешенства денег. Его беда не в том, что он незаконнорожденный. Законнорожденный капитализм (с относительно человеческим лицом) появляется только во втором, третьем и далее поколении. Его беда в том, что он крайне неэффективен.

Вопрос в том, куда дальше?

От «лихих 90-х» можно двигаться к устойчивым демократическим институтам, а можно к новому авторитаризму, примораживая и удушая один за другим демократические институты, раз уж они такие кособокие и неустойчивые. В Спарте хилых мальчиков-младенцев тоже бросали с утеса.

От дурного неэффективного капитализма можно двигаться к производительному конкурентному капитализму. А можно и не двигаться.

У существующего нашего капитализма два расхожих прилагательных: бюрократический и бандитский. Может показаться, что это противоположности. Ничего подобного, весь могучий эпос рейдерства блистательно иллюстрирует торжество конвергенции между ними. Бандитский капитализм пользуется государственными «крышами». Бюрократический капитализм ведет себя как главный бандит. Оба действуют без оглядки.

(Никогда не забуду.. 17 сентября 2003 года рейдеры захватили наш дом — известное всей Москве здание редакции еженедельника «Новое время» на Пушкинской площади. Ни меня, главного редактора, никого другого не пускали внутрь, на наши яростные стуки в железную дверь просто не отвечали. Только к вечеру по требованию депутатов Владимира Лукина и Николая Гончара на сцене появился подполковник милиции из ОВД Центрального округа. Он-то и произнес историческую фразу: «Ну что вы волнуетесь? Приходите завтра утром. За ночь разберемся, *чья крыша выше...*» И ведь прав оказался подполковник. Разобрались. С нами. У «Нового времени» просто не было «крыши». Редакция оказалась на улице.)

Новый авторитаризм принял форму вертикали власти. Вертикаль власти на поверку оказывается универсальной системой «крыш». Высоко над ними гордо развевается государственный штандарт — трехцветный или красный неважно. Глубоко под ними Голубой Поток — горизонталь врезок в газово-нефтяную трубу и во все остальные трубы, через которые истинно патриотичным ртам так удобно отсасывать национальное достояние...

Идею легитимации бизнеса Ходорковский приносил Путину. Тот ее сразу оценил. Это то, что прямо противоположно интересам его вертикально-интегрированной компании, состоящей из опричников и олигархов. Ставить под угрозу пакт между ними — что за прихоть? Пусть бизнес будет криминальным, лишь бы был послушным. Пусть бизнес будет послушным, государство расплатится за его неэффективность.

А того, кто выдвигает столь вражеские идеи, — с раската! Четвертовать вражину!

И маховик включился.

Олигархи — неугодные — политические заключенные — узники совести — властители дум... Такой сегодня крестный путь. Это не был выбор Ходорковского с Лебедевым. Точно не их. Но то, что не было их выбором, им стало. Свой судный час они приняли как высшую миссию, которую им нужно нести. Не их вина, что единственное место, куда и откуда им дозволено было ее нести в 2010 году, это Хамовнический суд, казенный зал № 7.

Первый процесс уже был политическим. Таковым его сделали своим заказом его инициаторы и организаторы. Второй стал политическим не только «сверху», но и «снизу». Обвиняемые осознали себя политическими узниками. Они понимали, что их защита есть акт политической борьбы и может быть только таковой.

Тут надо оговориться. Слово «процесс» многозначно, в естественных науках оно означает одно, в юриспруденции другое. Точно так же слово «политика» в открытом обществе означает одно, а в авторитарном совершенно иное. В тоталитарном обществе ее просто нет, политикой там являются химические реакции, протекающие в мозгу одного человека. Что это за процесс, и какие процессы он может порождать, мы знаем по 1937 году. Это была патология, — по-видимому, медицинская и, безусловно, социальная, оставившая свой след и через многие десятилетия.

В деле Ходорковского тоже присутствует некая патология. А потому поговорим о властной химии — о взаимоотношениях Ходорковский — Путин. Это можно назвать «третьим процессом».

7. Третий процесс, или Пляски с топором

Выше я упомянул, что защита вызывала Путина в Хамовнический суд в качестве свидетеля. В суд Путин не явился, но свои свидетельства дал. Не отходя от трона и не раз. Сначала шепотом, как бы на ушко доверенным слушателям. Потом очень громко.

...«Разговорсародом». Я бы писал это словосочетание слитно, как «Околоноля». Это регулярное официальное телешоу уже даже не жанр, это парадигма. Лицом к лицу субъект и объект власти. Субъект в телецентре, как в центре мироздания, что в данном случае одно и то же. Сидит. Организованный, притом без всякого ОМОНа, объект построен и стоит — во всех городах и весях необъятной страны. Объект строго по очереди вопрошает, субъект великодушно отвечает. Виртуальное действо единения и благодати катится час за часом от пояса до пояса, от рекорда к рекорду — как по писаному. Самые главные ответы точно были писаны раньше, чем вопросы. По-иному, впрочем, и не может быть в системе, где все импульсы исходят от субъекта. Это демократия вертикали в самом наглядном виде. Идеальная модель взаимоотношений национального лидера со своими подданными. Познавательная ценность «разговорсародом» — околоноля. Хотя, нет, кое-какая информация — психологическая по преимуществу — просачивается, помимо воли. Это ведь единственное ток-шоу не в записи, живьем. Задействованы все пиротехники и пиартехнологии, личность на экране упакована по всем законам должного и желаемого, но так хочется при этом быть живым и сексапильным. А самое главное, личность ведь остается сама собой, что и проявляют порой крупный план и остаточная спонтанность действия.

«По-моему, Фридрих Великий, один из прусских королей, сказал: “Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак”», — блеснул Путин. Это ему задали вопрос про животных. И очень удачно добавил: «Но это никак не связано с моими отношениями ни с министрами, ни с моими друзьями, с коллегами...»

К чему я это? Я ведь собираюсь прокомментировать пассаж про Ходорковского, а он уж точно не входит в число министров — коллег — друзей.

Вот эти злосчастные вопрос — ответ:

Э. МАЦКЯВИЧЮС: Когда отпустят Ходорковского?

В. ПУТИН: Я когда во Франции был, мне тоже этот вопрос задавали. Известный фигурант находится в местах лишения свободы по приговору суда. И проблема не в том, когда и кого отпустят, а проблема в том, чтобы преступлений подобного рода у нас больше не повторялось.

Речь идет в данном случае о хозяйственных преступлениях. Кстати говоря, процедуру банкротства компании ЮКОС инициировали западные кредиторы, западные банки. И это банкротство было осуществлено в полном соответствии с российским законодательством.

Я об этом никогда еще публично не говорил, но сейчас скажу: реализованные от продажи активов компании ЮКОС средства поступили в бюджет, но не просто в бюджет. Когда это произошло, а основная масса средств поступила в 2006 году, я тогда убедил своих коллег в том, что мы не просто должны погрузить эти средства в бюджет и там растворить, или отправить их в резервы, хотя и резервы нам сейчасгодились бы, но использовать их на тех направлениях, которые являются наиболее острыми.

Если когда-то эти деньги были украдены у народа, надо отдать их напрямую этому самому народу. Причем не просто какой-то массе людей, а конкретным людям — тем, которые оказались в наиболее сложных жизненных условиях в результате тяжелых, я бы сказал, даже трагических экономических событий начала и середины 90-х годов; наименее обеспеченным категориям граждан Российской Федерации. Из этих средств, вырученных от реализации активов компании «ЮКОС», мы сформировали Фонд жилищно-коммунального хозяйства, в который направили 240 млрд рублей.

Результатами работы этого фонда воспользовались уже 10 млн человек, которым отремонтированы дома и квартиры, 150 тыс. будет переселено в новые дома из трущоб. Фонд будет функционировать и дальше. Эти средства пошли также на благоустройство в городах и поселках Российской Федерации.

Что же касается другой составляющей, а именно криминальной составляющей, то здесь мы тоже будем действовать исключительно в рамках российского законодательства.

Никто не вспоминает, к сожалению, о том, что в местах лишения свободы находится один из руководителей службы безопасности компании ЮКОС. Вы что думаете, что он действовал по собственному усмотрению, на свой собственный страх и риск? У него не было конкретных интересов. Он не главный акционер в компании. Ясно, что он действовал в интересах и по указанию своих хозяев. А как действовал? Там только доказанных убийств — пять.

Нужно было им присоединить к своему офису в Москве расположенный рядом магазин «Чай». Женщина возглавляла это коммерческое малое предприятие. Вызвали, потребовали отдать. Не отдала — киллер застрелил ее прямо на лестничной площадке на глазах у собственного мужа.

Мэр города Нефтеюганска, где осуществлялась основная производственная деятельность компании ЮКОС, — что он требовал от компании? Налоги платить. Убили.

Те люди, которыми пользовались руководители службы безопасности для организации убийств, семейная пара, начала шантажировать их, требуя себе долю в бизнесе. Убили.

Это доказанные преступления, доказанные в ходе следствия и судебного разбирательства. Давайте не будем забывать и об этом.

Но, разумеется, судьба каждого человека, находящегося в местах лишения свободы, в любом случае должна быть подчинена действующему в России законодательству. В соответствии с этим законом государство и будет действовать.

Это из «разговора с народом»-2009. Цитируется по сайту правительства РФ «www.government.ru».

Феноменальное знание подробностей... Диву даешься: и как только можно было хранить в себе так долго такое... Это самый развернутый, самый продуманный, самый далеко идущий ответ Путина по самому острому, самому болезненному для Путина вопросу.

Давно замечено, что одно только имя Ходорковского вызывает у Путина какую-то совершенно чрезвычайную реакцию. Имидж, который пестует национальный лидер, — взвешенность и благоразумие, — обеспечиваемый исключительно гладкой речью, когда каждое слово трижды взвешено и дважды уравновешено, этот имидж вдруг дает сбой. Такое ощущение, что премьер-президент теряет контроль над собой. Мой друг Адам Михник, блистательный редактор варшавской «Газеты Выборчи», с некоторым даже удивлением свидетельствует: когда на последней по счету Валдайской встрече он задал вопрос Путину о Ходорковском, тот поменялся в лице...

Так повелось с самого начала.

Осенью 2003 года вскоре после ареста Ходорковского я опубликовал в старом еженедельнике «Новое время» статью «Олигархи-преступники и президент-скала. Попытка расшифровки президентских слов как наскальных надписей». Она была как раз про это — про путинские оратории и про стиль личности, что в них проявляется. Позволю себе процитировать ее как некое свидетельство времени.

...Речи политика от человеческого языка отличаются две особенности. Всегда немножко (или множко) лицедей и заговорщик, политик свято верит в то, что публику надо обольщать и держать в неведении по поводу своих истинных намерений. И потому он либо недоговаривает — не хочет или не может сказать чего-то существенного, часто самого главного. Либо говорит лишнее — под влиянием эмоций, в сердцах. Убеждая в чем-то одном или оправдываясь за что-то другое, он проговаривается — в третьем... Так или иначе, речи политиков, подобно языкам иных цивилизаций, требуют дешифровки.

Попробуем понять, что происходит с ЮКОСом, по речам президента. У него в последние дни было несколько высказываний на эту тему. Вынужденные разными обстоятельствами, в разной степени подготовленные, они, — во всяком случае, некоторые из них, — были на удивление эмоцио-

нальны. Взятые вместе они поразительно противоречивы. Что, кстати, совершенно не в ладу с его привычками. Обычно, когда, не дай Бог, происходит нечто критическое, президент выжидает, — как бы ни волновалась публика, как бы остро ни нуждалось общество в немедленной оценке. Непосредственная реакция исключается. Нет, он благоразумно даст ситуации устаканиться, после чего произнесет нечто средневзвешенное, безошибочное, что можно сразу заносить на первую попавшуюся скрижаль. Не то сейчас. Впрочем, кризис с ЮКОСом отличается от кризисов, скажем, с «Курском» или «Норд-Остом», тем, что он рукотворный. И что за руки его натворили, президенту хорошо известно. Как, по-видимому, и собственная позиция. Тут не было неведомого хода стихии, если не считать за такую общественную реакцию. Тем не менее из президентских уст вылетали очень уж разные слова.

Первая реакция разразилась словно гром среди ясного неба. Или не очень ясного. Не успел РСПП устами Чубайса высказать протест против картинной посадки Ходорковского, как президент отреагировал:

«В связи с арестом главы компании ЮКОС ко мне есть обращения руководств РСПП, а также некоторых политических деятелей с просьбой о встрече. Однако никаких встреч, никакой торговли по поводу деятельности правоохранительных органов не будет, если, конечно, эти органы действуют в рамках российского законодательства... — выразительно читал он из блокнота написанные от руки фразы. — В связи с рассматриваемым делом никаких обобщений, аналогий, прецедентов, тем более связанных с итогами приватизации, не будет. Поэтому все спекуляции и истерики на этот счет просил бы прекратить, а правительство прошу в эту дискуссию не втягиваться».

Президент в гневе! Никому не дозволено давить на трон!

Это, однако, слишком облегченное прочтение разыгранной на Большом Хурале сцены. Президент не просто дал отповедь взволнованным капитанам бизнеса. Он высказался по существу. Действия Генпрокуратуры полностью санкционированы, — пусть на сей счет ни у кого не останется ни малейших сомнений. Больше того, правительству приказано не совать свой нос не в свое собачье дело. Что означает одно-единственное. Все государевы люди да знают: в стране с высочайшего одобрения проводится важнейшая политическая кампания. Точка.

Последовавшие за этим маленькие чудеса стоит, по-видимому, списать на остаточную демократию либо на недоукорененную вертикальность власти.

Сначала замминистра экономического развития и торговли Аркадий Дворкович сказал:

«Риск преследования со стороны властей в связи со “старыми грехами” должен постоянно учитываться предпринимателями, которые ведут бизнес в России. Прецедент с ЮКОСом показал, что риск обращения к старым грехам существует. Мне остается лишь надеяться, что диалог между властью и бизнесом все-таки будет идти не через решетку, а за круглым столом».

Высказывание это, прозвучавшее на камерном семинаре с международным участием, делает честь академической честности молодого замминистра. Его не затмили даже слова премьера — истинный шедевр дипло-

матии отмежевания. Публично нарушив запрет, Касьянов на словах его как бы и соблюл, сказав буквально следующее:

«Я очень глубоко озабочен этим явлением. Его последствия трудно оценить. Я бы даже воздержался пока от каких-либо оценок. Арест акций акционерного общества, торгуемых на бирже, — явление новое, последствия этого трудно определить, так как это является новой формой воздействия».

Долго или коротко останется Касьянов на своем посту — он обозначил свою позицию. Действия прокуратуры опасны для экономики — и он не имеет к ним никакого отношения.

То, что президент и премьер — не одной группы крови, всем известно. Но уж новоназначенный глава президентской администрации Дмитрий Медведев точно из президентского стана и стаи! Он, однако, произнес нечто удивительное:

«Полагаю, что государство должно помогать правоохрнительным органам обеспечивать их независимость в повседневной работе, не допуская вмешательства различных сил в их деятельность... В то же время административные органы, включая и органы правоохрнительные, — это такой очень серьезный инструмент. Он вызывает очень мощную реакцию в самых разных сферах. И в какой-то момент в их деятельности может возникнуть некий административный раж. Это опасная вещь. Последствия не до конца продуманных действий незамедлительно скажутся в экономике, вызовут смущение в политической жизни».

И кто его тянул за язык?

У главы президентской администрации по определению нет собственного голоса. Он может быть только голосом президента. Значит, президент откорректировал свою позицию? Общество может быть спокойно, за действиями прокуратуры следят, и дров никто не наломает. Не так ли?

Не совсем так.

Накануне своего итальянского вояжа Путин беседует в Кремле с итальянскими журналистами. На этот раз он доброжелателен, терпим и предельно доходчив. Он только хочет, чтобы его собеседники, то есть итальянская и вообще западная публика, его правильно понимали.

«На Западе появились некоторые опасения, что в политике России появились авторитарные моменты, которые также могут привести и к изменению общего политического курса...» — говорит итальянский журналист.

Путин отвечает:

«Я не вижу оснований так думать. Если вы посмотрите, что происходило в Соединенных Штатах за последние два года, то увидите, что к уголовной ответственности были привлечены руководители самых разных компаний общим числом около двадцати. Только по одной компании “Энрон” было возбуждено двадцать уголовных дел. Аресты проводились прямо в офисах компаний с надеванием наручников и с демонстрацией всего этого действия по телевидению... И почему-то не возникает сомнений по поводу того, что там происходит».

Уверю вас, у нас ничего экстраординарного не произойдет...

Конечно, я понимаю, возникают, а кем-то специально подогреваются мысли о том, что все, что происходит, может привести, допустим, к деприватизации... Должен вам сказать, что я категорический противник пе-

респонда результаты приватизации, даже если исходить из того, что эти результаты не являются идеальными, потому что, по моему глубокому убеждению, это приведет к серьезным негативным последствиям для экономики и, соответственно, как следствие для социальной сферы...»

Иными словами, никто не впадает в раж, меньше всего прокуратура. Волноваться нечего. И вообще, в деле ЮКОСа нет политической составляющей. Есть налоговые недоимки, экономические нарушения, и за них надо отвечать. Вы же понимаете, господа итальянцы в России, такова универсальная практика... Все буквально, как у вас, на Западе, наши правоохранители даже еще более либеральны.

Правда, выясняется, что у президента очень приблизительное представление о том, как на Западе. Газета «Ведомости» в редакционной статье уточнила: а) по делу «Энрон» в тюрьме оказался только один человек — и не до суда, а после, то есть по решению суда; б) обвиняемые в экономических преступлениях никогда не подвергаются предварительным арестам... Президентские аналогии не слишком корректны. ЮКОС не «Энрон», Россия не Запад, то, что говорит президент, не описывает того, что он делает.

Однако все это мелкие придирки. В самом начале итальянского визита всдержительная позиция верховного арбитра блеснула новой гранью: президент защитил ЮКОС от нелепых нападков, правда, не прокуратуры, а министерства. Воспользовавшись удобной ситуацией, Минприроды решило отозвать лицензию компании на разработку месторождений. Не тут-то было. На первой же пресс-конференции в Риме президент заявил:

«...получается, что одна госструктура арестовывает акции. А другая на этом основании лишает лицензии. Может создать впечатление, что государство хочет прекратить работу компании... Вряд ли государство может стремиться к тому, чтобы разрушить ее деятельность...»

И ведь действительно такое впечатление может создаться. Так что хорошо, что государство не стремится разрушить деятельность компании. Отлегло от сердца. Правда, ненадолго — ровно на один день.

Что уж там происходило на римском саммите, каких неприятных вещей слышался президент от европейских коллег, но на прощальной пресс-конференции он дал себе волю.

«Конечно, люди, которые за пять-шесть лет заработали миллиарды долларов ...стати, ни в одной западноевропейской стране такой результат был бы невозможен, допустим, они заработали их законно. Но, заработав миллиарды, они, конечно, истратят миллионы, десятки и сотни миллионов, чтобы спасти эти свои миллиарды. Мы знаем, куда тратятся эти деньги: на каких адвокатов, на какие пиаровские кампании, на каких политиков. В том числе и на то, чтобы задавать эти вопросы...»

И он продолжает.

«У нас проблема есть, и я бы разделил ее на две части. Первая часть заключается в осмыслении того, что произошло в процессе приватизации в начале 90-х годов. Нам часто говорят: “Такие сложные законы. Поэтому если мы что-то и нарушили, давайте не будем об этом говорить...” Во-первых, должен сказать, что даже если законы и были сложными, противоречивыми, их надо было бы все-таки исполнять. Второе, особое внимание государства должны привлекать случаи, когда в процессе дележа государственной

собственности были совершены преступления против личности. В том числе убийства. Некоторые из арестованных, — а это целая группа лиц, — подозреваются именно в организации убийства. И наконец, третье — все должны исполнять действующие законы сегодня... Наши действия продиктованы только одним: желанием навести порядок в стране, заставить всех жить по закону и бороться с коррупцией...»

А вот заключение этой мысли:

«Наша цель — не “поципнуть” конкретных лиц, а навести порядок в стране. И мы будем это делать последовательно и жестко вне зависимости от попыток этих людей защищаться, используя в том числе и шантаж. Шантаж государственной власти бесперспективен».

И куда только подевалась былая терпимость? И сколько демонов проснулось разом!..

Остановлю автоцитату 2003 года.

Читателю нетрудно мысленно охватить прошедшие годы и события, соотнести героев, так или иначе высказывавшихся по проблеме. Касьянов все еще премьер, но недолго ему оставалось пребывать в этой роли. Дальше он будет высказываться уже в качестве выставленного на обочину оппозиционера. Медведев совершит противоположную траекторию, но никогда больше не раскроет рта на крамольную тему... А демоны спляшут не раз в путинских эскападах, и это будут всегда одни и те же демоны.

Впервые они выскочили после ареста Пичугина и Лебедева, но еще до ареста Ходорковского. В сентябре 2003 года Путин высказался следующим образом:

«Что касается расследования уголовного дела, связанного с компанией ЮКОС, — это частный случай... Компания большая, но не единственная в России... Никакого пересмотра итогов приватизации не будет, но если были нарушения закона и прокуратура реагирует на это, я не могу воспрепятствовать». Еще бы, ведь это находится за рамками его президентских полномочий. Тем не менее, он счел необходимым подчеркнуть, что одно из направлений расследования — это возможная причастность отдельных личностей к убийствам в ходе слияния и роста компании. «Как же можно мешать прокуратуре работать на этом направлении», — сказал он (в изложении РИА «Новости»).

Та же тема была опять проакцентирована летом 2008 года в интервью французской газете «Монд»:

А что касается Ходорковского, то дело... в том, что он нарушил закон. Многократно и грубо. Больше того, часть группы, в которую он входил, обвиняется, — и это судом доказано, — в совершении преступлений против личности, а не только в сфере экономики. За ними убийства, и не одного человека. Вот такая конкурентная борьба недопустима. И мы, конечно, всячески будем ее пресекать.

Тот же запах серы не заставил себя ждать и на встрече с группой избранных писателей в день рождения Путина в 2009 году.

По словам пресс-секретаря премьера, — излагает АПН, — Путин заявил, что, упоминая о Ходорковском и других фигурантах этого дела, главное — помнить, что они были причастны к убийствам людей и это было доказано судом. При этом, отвечая на вопрос о возможном помиловании Ходорковского, премьер-министр подчеркнул, что и такая возможность предусмотрена законом, но, чтобы воспользоваться ею, «осужденному необходимо полностью признать свою вину и обратиться с соответствующей просьбой».

Интересная получается вилка: от пожизненного заключения за убийства до возможного помилования. Свобода воли у верховного арбитра необыкновенная.

В ходе ноябрьского визита Путина во Францию 2009 года на вопрос о деле Ходорковского он предлагает уже и такую разработку все той же темы:

По другим известным, так называемым резонансным делам, в том числе, о которых вы упомянули, хотел бы сказал следующее. Вот господин Мэддофф в Соединенных Штатах получил пожизненный срок, и никто не чихнул. Все говорят: «Молодец», так ему и надо. Сейчас в Великобритании решается вопрос о выдаче хакера. Ущерб, который он нанес, — миллион долларов. Его собираются выдать в США, где ему грозит шестьдесят лет тюрьмы. Чего вы о нем не спрашиваете?

У нас деятельность некоторых наших фигурантов по уголовным делам нанесла ущерб России в миллиарды долларов, в миллиарды! Кроме того, есть и претензии с точки зрения как раз покушения на жизнь и здоровье конкретных людей в ходе их так называемой коммерческой деятельности. И эти деяния, эти эпизоды доказаны судом. Как вы помните, в тридцатых в США Аль Капоне судили за уклонение от налогов формально, но фактически — за целую совокупность совершенных преступлений. Но доказали уклонение от налогов и осудили в рамках действующего законодательства.

Эту тираду известный экономист Сергей Гуриев, человек в высшей степени корректный, прокомментировал так: *«Слова Путина, скорее всего, искажены в переводе. Во всяком случае, на официальном сайте премьера они отсутствуют. Я не могу верить в то, что Владимир Путин может публично и всерьез сравнивать Ходорковского... с Мэддоффом и Аль Капоне. Он известен как компетентный и информированный человек. Он не может не знать, что ни первое, ни второе дело Ходорковского-Лебедева не содержит обвинений в убийствах. Что обвинения в первом деле применимы к большинству российских предпринимателей, что ни один квалифицированный юрист не может сформулировать суть второго дела непротиворечивым образом».*

Увы, не искажены... И действительно, не может не знать... Но он сознательно и намеренно мажет избранного врага кровью, чтобы век не отмылся. Все аллюзии — на процесс (два процесса) Пичугина (бывшего руководителя службы внутренней экономической безопасности ЮКОСа), в результате которого (которых) его приговорили к пожизненному заключению. За-

одно к той же мере, правда, заочно, приговорили и бывшего первого зама Ходорковского Невзлина. Наблюдатели, включая «Эмнести Интернешнл» и представительницу ПАСЕ, неизменно отмечали, что доказательная база там крайне, что называется, сомнительная. Достаточно сказать, что главный «свидетель» обвинения Коровников был ранее осужден на пожизненное заключение (8 убийств, 5 изнасилований, в том числе малолеток, похищения людей, изготовление взрывных устройств и другие «художества»). Другой «свидетель» и тоже осужденный Цигельник позже отказался от своих показаний. *«Я оговорил Пичугина и Невзлина по просьбе следователей Генеральной прокуратуры (имена...). Мне обещали защиту и минимальный срок, а дали максимальный»*, — заявил он. Мнение Председателя Московской Хельсинкской группы Людмилы Алексеевой: *«От Пичугина ждали, что он обвинит в убийствах и Ходорковского, и его друга и компаньона Невзлина. Приговор был метью ему за то, что не оправдал ожиданий, не дал тех показаний, которые хотелось добиться от него следствие, не оболгал людей, которые к убийствам причастности не имеют, и себя не признал убийцей»*. Это мнение типично.

Вот на доказательства такого происхождения и достоинства и ссылается Путин. То, что он говорит, — откровенная и намеренная диффамация... Ее пик, как и пик угроз, объявление тотальной войны на уничтожение, наступил в ходе магического сеанса под названием «разговорсародом». Защита Ходорковского, тщетно вызывавшая Путина в Хамовнический суд, могла бы квалифицировать это выступление как самое масштабное лжесвидетельство в истории.

Суммирую то, что с заранее обдуманными намерениями, взвешенно до миллиграмма было сказано с телетрона на всю страну:

Все путем, все было сделано на чистом сливочном масле — в полном соответствии с отечественным законодательством.

Но это не мы! Процедуру банкротства затеяли иностранные кредиторы.

Имя противника при этом не называется, — просто «фигурант», как бы высоко, но, думается, больше из суеверия или страха.

А дальше — на всю катушку:

Мы имеем дело с врагом народа, обокравшим весь народ. (Зюганов мог бы позавидовать простоте этой инвективы.) Но, по моей личной инициативе, все украденные деньги были возвращены народу через фонд ЖКХ, персонально под расписки. Те, кто получил квартиры в последние годы, знайте, этот тать посягает на ваш кров, на ваши убогие жилища, ненавидьте его лично с этой минуты!

(Ссылка на ЖКХ, за которую кто-то из спичрайтеров явно получил премию как лучший придумщик, особенно умилительна. Так верить в популярность бюрократической затеи, всем известной своей неэффективностью и воровством! Когда вельможа строит потемкинские деревни, чтобы умастить взор царицы, это еще понятно. Но когда царь вдохновенно рисует по телевизору потемкинские деревни своему народу, это уже немислимый полет. Впору было мальчику воскликнуть: «Да что же вы такое несете?»

Ведь народ-то голый!» Но в теледекорации «разговореснародом» ни одного мальчика не оказалось. Мария Ситтель, по уважительной — восхитительной — причине, на эту роль никак не подходит, а Мацкявичус уж точно не мальчик, но муж.)

Никто, естественно, не спросил и другого: если Ходорковский тать, то что, он один такой? А как быть с Дерипаской и Абрамовичем, которым при всем честном народе чистоганом передавались многие миллиарды долларов разом — больше, чем весь бюджет ЖКХ?

Всего этого, однако, вещающему с виртуальных вершин было мало. Сейчас он режет правду-матку, или, что то же самое, поделится с народом особо важной агентурной информацией.

На руках у Ходорковского кровь, он убийца и должен ответить за это по всей полноте закона...

Стоп!

Если у Путина есть такая информация, то почему она не в суде? Почему соответствующее обвинение даже не предъявлено? А если оно даже не предъявлено, то как может ответственное лицо говорить об этом? Это же называется диффамация!

Не у нас. У нас пока лицо ответственное, оно ни за что не отвечает.

Это очень похоже на угрозу новым процессом.

Во всех хорошо подготовленных путинских экспромтах на Ходорковскую тему виден метод — то, что можно назвать путинским фирменным стилем. Он всегда норовит, выражаясь языком шукшинского героя, «срезать» публику, отсюда все эти хамеры, Мэдоффы и Аль Капоне — экстравагантные сравнения и безотказная логика «сам дурак». И он преследует одни и те же цели.

Во-первых, трансляция всемогущества (все, что происходит в стране важного, — это он, без него муха не пролетит). И при этом... собственное алиби (лично он ни при чем, он не имеет никакого отношения к делу Ходорковского). Тут идут ссылки на прокуратуру, в дела которой никому не дано вмешиваться. Генпрокурора, как известно, легче сменить, чем дозвониться до него... И на независимый по определению суд. Это для тех, кто хотел бы нормы и ищет справедливости. А для кровожадных — дискурс про диктатуру закона... И вообще, рефрен на все случаи жизни, что дело не политическое... Алиби, впрочем, никак не склеивается. Сказочки про разделение властей в нашем вертикальном отечестве в лучшем случае одноразового свойства — для простаков за границей. Тут как в «разговореснародом» сначала пишутся ответы, потом под них подгоняются вопросы.

Ходорковский — преступник. Вот, что следует доказать, во-вторых, а если и не доказать, то внушить, вдолбить, вбить в мозги любой ценой. Экономический, политический, уголовный — неважно, какой, в конце концов, эпитеты произвольны. Главное, что особо тяжкий.

В «разговореснародом»-2010 все повторилось как наваждение. С той разницей, что год назад это была полностью его, Путина, инициатива. Он

хотел это сказать, иначе бы Мацкявичюс не задал своего вопроса. А тут вопрос оказался незапланированный.

Н. СИМАКОВА: «Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Мой вопрос достаточно простой. Вы считаете справедливым, что Михаил Ходорковский уже который год сидит в тюрьме? На ответ я даже не рассчитываю, так как вам больше по душе вопросы благодарных бабушек и вопросы о вашей любимой собаке. Спасибо».

Вопрос явно не нравится адресату, это видно по раздражению, которое он с трудом сдерживает.

В. ПУТИН: «У меня две любимые собаки. Я не знаю, какую из них вы сейчас имеете в виду.

Что касается благодарных бабушек, то, да, действительно, мы все, я считаю, в долгу перед гражданами России старшего поколения, и мы эти долги должны отдавать. И мы еще не все сделали для них, хотя пытаемся делать, и кое-что получается, но сделали еще не все.

Что касается Ходорковского, то я уже высказывался много раз на этот счет. Если вы считаете, что я должен сказать еще что-то по этому вопросу, могу сказать. Я так же, как известный персонаж Владимира Высоцкого, считаю, что вор должен сидеть в тюрьме. А, в соответствии с решением суда, Ходоровскому вменяется в вину хищение, хищение достаточно солидное. Речь идет о неуплате налогов и мошенничестве, и счет идет там на миллиарды рублей. Правда, есть и личная неуплата налогов, что очень важно.

Но то обвинение, которое ему предъявляют сейчас, там счет идет уже на сотни миллиардов рублей: там 900 в одном случае, во втором случае 800 млрд рублей, тоже хищение.

Если мы посмотрим практику других стран, г-н Мэдзофф в США получил за аналогичное преступление, да и деньги примерно такие же, 150 лет лишения свободы. У нас, по-моему, гораздо все либеральнее смотрится. Тем не менее мы должны исходить из того, что преступления г-на Ходорковского в суде доказаны.

Да, и кроме всего прочего, вы же знаете, еще раз хочу повторить, я не говорю про него лично, напомним, что руководитель службы безопасности ЮКОСа сидит в тюрьме за убийство. Не понравился им мэр Нефтеюганска Петухов — убили. Женщина здесь в Москве не отдала им свое помещение маленькое, которое они хотели забрать, — убили. Киллера, которого наняли, убили. Мозги только одни нашли в гараже. Что, руководитель службы безопасности сам что ли, по собственной инициативе все эти преступления совершил?

Так что есть суд, он у нас, как известно, один из самых гуманных в мире, это его работа. Я исхожу из того, что доказано судом».

Как заезженная пластинка, за год добавились только скрипы. Никаких новых домашних заготовок. Те же безразмерные натяжки и безапелляционная грубость. Но вот *момент* этого соло на всю страну чрезвычайно показательный. Накануне, 15 декабря, судья Данилкин должен был объявить при-

говор. Не объявил. Без объяснения причин перенес этот акт на 27 декабря. Паузу, оставленную судьей Данилкиным, заполнил премьер-министр Путин. 16 декабря, наплевав на все формальности, он оглашает свой вердикт. Свобода от каких-либо юридических или политических норм — абсолютная. При этом он еще ухмыляется... Кто же не помнит хрестоматийной фразы: «Советский суд самый справедливый в мире»!

Все мыслимые составы преступлений были заочно примерены на фигуру Ходорковского еще до его ареста. И все эти годы под лавкой лежит последнее средство устрашения — топор с несворачивающейся кровью, готовый к употреблению. На тот день, когда совсем уже станет немогогу.

А терпеть все трудней и трудней. Ну, ничего человек не понимает. Его так красиво посадили! Отправили за тысячи километров во глубину сибирских руд. Сиди себе и молчи в тряпочку, а то хуже будет. А он не унимается, философствует, видите ли. «Левый поворот»... «Российские альтернативы»... «Ходорковские чтения»...

«Современная демократия — это не референдум по выбору “руссбаши”, как это представляют отдельные идеологи “суверенности”, а система государственного управления, основанная на сложном балансе самостоятельных государственных и общественных институтов в их совокупности...»

После каждой статьи сажают в ШИЗО. Никакого эффекта.

«Либерал — человек, отстаивающий приоритет личности над обществом, государством и всеми прочими изобретениями человечества. Права человека — вот, на мой взгляд, главная либеральная идея... Либералов, судя по количеству жалоб в Страсбургский суд, у нас полстраны (шучу)».

Из СИЗО в суд на автозаке. «Железный ящик на одного размером 120x80x50 см. Всегда с ужасом думаю о возможности ДТП. Шансов выжить маловато при любой скорости». Два часа туда, два обратно. Четыре раза в неделю. В суде пересадка в «аквариум» из бронированного стекла... Для основателя «Открытого общества» избрана участь Железной Маски. А он гнет свое:

«Сильное государство, построенное методами, подавляющими гражданское общество, будет мало отличаться от оккупационного режима. Отказ от правосудия во имя целесообразности уничтожает возжеленную стабильность и т. д. В то же время уверен: желание бесконечно накапливать власть или богатство — редкий психический дефект...»

Лишили даже прав, гарантированных заключенному, — общения с близкими, прогулок. Свидания возможны только два раза в месяц, один час ровно, через двойное стекло. В этом и был реальный смысл прокурорской настойчивости в бесконечном продлении режима двойной строгости. «Я — сын, муж, отец и дед “по переписке”. Как это помогает моей стране — не знаю, но “системе” так, видимо, спокойнее, — констатирует Ходорковский. — Младшие не только пошли в школу без меня, боюсь, ее без меня и закончат»...

А он еще объявляет голодовки — в знак солидарности с соратниками, взятыми в заложники. Или для того, чтобы президент, принимающий правильные постановления, не делал вид, что не знает, что они не исполняются.

Ничто не отражается на ясности его мысли:

«Основная причина коррупции и низкой эффективности экономики в целом одна — архаичная система управления страной (так называемая вертикаль). Это телега на современной автомагистрали. А мы пассажиры телеги. Навоз из-под хвоста лошади — неизбежная опция».

«Жадных людей, которые так грубо и бессмысленно повели себя по отношению к десяткам тысяч акционеров ЮКОСа, мне, простому постсоветскому заключенному, даже жаль. Им предстоят долгие годы страха и перед новыми поколениями желающих “отнять и поделить”, и перед настоящим, а не “басманным” правосудием».

Ходорковский — самое большое поражение Путина. До этого момента это была сказка, ставшая былью. Наш родной «Колобок» — штучка посильней «Крошки Цахеса».

Всего на свете достиг Колобок. От бабушки ушел, к дедушке пришел, волков по дороге съел. Либерастов — коммунилов вокруг пальца обвел. Всех недоброжелателей победил, заодно с доброжелателями. «Куклы» закрыл за ненадобностью. Зачем они, когда окружение превратилось в куклы? Политиков постриг под ноль, олигархов под себя построил, да так, что ничто не растет, только рейтинг. Все формулы отменил, кроме Формулы 1 — Власти, на трассе которой за вертикальной стеной среди сплошного марафета осталась одна его «Лада-Калина». А тут вдруг прямо по курсу столп — не выкорчевывается и не гнется! Как тут не взбелениться!

Дворцовая (или дворовая) разборка вылилась в самый показательный политический процесс России начала XXI века. Он не просто о нефти и миллиардах. Он о том, что за процессы происходят в стране. Что есть суд. Что есть власть. Что есть политика с экономикой.

И о том, кто есть кто.

Общественное восприятие склонно все упрощать — до символизма. Процесс, который начинался под девизом «Государство против олигарха», останется войной Путина против Ходорковского. Символическим противостоянием, в которой один сражался за власть, а второй за свободу.

8. Не последнее слово

То, что Ходорковский сказал перед вынесением приговора, меньше всего было юридическим. Его послание было политическим, потому что человеческим. Последним словом Ходорковского на процессе в Хамовническом суде я и завершу этот очерк.

Уважаемый суд! Уважаемые присутствующие!

Сегодня для меня очередная возможность оглянуться назад. Я вспоминаю октябрь 2003 года. Последний мой день на свободе. Через несколько недель после ареста мне сообщили, что президент Путин решил: я должен буду «хлебать баланду» восемь лет. Тогда в это было сложно поверить.

С тех пор прошло уже семь лет. Семь лет — достаточно большой срок, а в тюрьме — особенно. У всех нас было время многое переоценить и переосмыслить.

Судя по смыслу выступления прокуроров: «дайте им четырнадцать лет» и «наплюйте на прежние судебные решения», — за эти годы меня опасаюсь стали больше, а закон уважать — еще меньше.

В первый раз они хоть озаботились предварительно отменить мешающие им судебные акты. Теперь решили — и так сойдет, тем более отменять теперь потребовалось бы не два, как в прошлый раз, а шестьдесят судебных решений.

Я не хочу сейчас возвращаться к юридической стороне дела. Все, кто хотел что-то понять, — давно всё поняли. Я думаю, признания вины от меня никто всерьез не ждет. Вряд ли сегодня кто-нибудь поверит мне, если я скажу, что похитил всю нефть своей собственной компании.

Но также никто не верит, что в московском суде возможен оправдательный приговор по делу ЮКОСа.

Тем не менее я хочу сказать о надежде. Надежда — главное в жизни.

Я помню конец восьмидесятых годов прошлого века. Тогда мне было двадцать пять. Наша страна жила надеждой на свободу, на то, что мы сможем добиться счастья для себя и для своих детей.

Отчасти надежда осуществилась, отчасти — нет. Наверное, за то, что надежда осуществилась не до конца и не для всех, несет ответственность все наше поколение, в том числе — и я.

Я помню и конец прошлого десятилетия. Тогда мне было тридцать пять. Мы строили лучшую в России нефтяную компанию. Мы возводили спорткомплексы и дома культуры, прокладывали дороги, доразведывали и разрабатывали десятки новых месторождений, начали освоение Восточно-Сибирских запасов, внедряли новые технологии, в общем, — делали то, чем сегодня гордится «Роснефть», получившая ЮКОС.

Благодаря значительному увеличению добычи нефти, в том числе и в результате наших успехов, стране удалось воспользоваться благоприятной нефтяной конъюнктурой. У нас у всех появилась надежда, что период потрясений, смуты — позади, что в условиях достигнутой огромными трудами и жертвами стабильности мы сможем спокойно строить новую жизнь, великую страну.

Увы, и эта надежда пока не оправдалась. Стабильность стала похожа на застой. Общество замерло. Хотя надежда пока живет. Живет даже здесь, в зале Хамовнического суда, когда мне уже почти пятьдесят лет.

С приходом нового президента, а с того времени прошло уже больше двух лет, у многих моих сограждан тоже вновь появилась надежда. Надежда, что Россия все же станет современной страной с развитым гражданским обществом. Обществом, свободным от чиновничьего беспредела, от коррупции, от несправедливости и беззакония.

Ясно, что это не могло случиться само собой и за один день. Но и делать вид, что мы развиваемся, а на самом деле стоять на месте и пятиться назад, пусть и под личиной благородного консерватизма, уже невозможно и просто опасно для страны.

Невозможно мириться с тем, что люди, называющие себя патриотами, так отчаянно сопротивляются любому изменению, ограничивающему их кормушки и вседозволенность. Достаточно вспомнить судьбу поправки к статье сто восьмой УПК РФ — арест предпринимателей или чиновничьи декларации о доходах. А ведь именно саботаж реформ лишает нашу страну перспектив. Это не патриотизм, а лицемерие.

Мне стыдно смотреть, как некоторые, в прошлом — уважаемые мной люди, пытаются оправдать бюрократический произвол и беззаконие. Они обменивают свою репутацию на спокойную жизнь в рамках сложившейся системы, на привилегии и подачки.

К счастью, такие — не все, и других все больше.

Я горжусь тем, что среди тысяч сотрудников ЮКОСа за семь лет гонений не нашлось тех, кто согласился бы стать лжесвидетелем, продать душу и совесть.

Десятки человек испытали на себе угрозы, были оторваны от родных и близких, брошены в застенки. Некоторых пытали. Но, теряя здоровье и годы жизни, люди сохранили то, что сочли для себя главным, — человеческое достоинство.

Те, кто начинал это позорное дело, — Бирюков, Каримов и другие, — тогда презрительно называли нас «коммерсантами», считали быдлом, готовым на все, чтобы защитить свое благополучие, избежать тюрьмы.

Прошли годы. Кто оказался быдлом? Кто ради денег и из трусости перед начальством врал, пытал, брал заложников?

И это они называли «государевым делом»!

Мне стыдно за свое государство.

Ваша честь, я думаю, мы все прекрасно понимаем — значение нашего процесса выходит далеко за пределы наших с Платоном судеб и даже судеб всех тех, кто безвинно пострадал в ходе масштабной расправы над ЮКОСом, тех, кого я оказался не в состоянии защитить, но о ком я не забываю, помню каждый день.

Спросим себя: что сегодня думает предприниматель, высококлассный организатор производства, просто образованный, творческий человек, глядя на наш процесс и полагая абсолютно предсказуемым его результат?

Очевидный вывод думающего человека страшен своей простотой: силовая бюрократия может все. Права частной собственности нет. Прав у человека при столкновении с «системой» вообще нет.

Будучи даже закрепленными в законе, права не защищаются судом. Потому что суд либо тоже боится, либо является частью «системы». Стоит ли удивляться, что думающие люди не стремятся к самореализации здесь, в России?

Кто будет модернизировать экономику? Прокуроры? Милиционеры? Чекисты? Такую модернизацию уже пробовали — не получилось. Водородную бомбу и даже ракету сделать смогли, а вот свой хороший, современный телевизор, свой дешевый, конкурентный, современный автомобиль, свой современный мобильник и еще кучу современных товаров — до сих пор не можем.

Зато научились красиво демонстрировать производимые у нас чужие, устаревшие модели и редкие разработки российских изобретателей, которые если и найдут где применение, то не у нас, за границей.

Что случилось с прошлогодними президентскими инициативами в области промышленной политики? Похоронены? А ведь они — реальный шанс слезть с сырьевой иглы.

Почему похоронены? Потому, что для их реализации стране нужен не один Королев и не один Сахаров под крылом всемогущего Берии и его миллионного войска, а сотни тысяч «королевых» и «сахаровых», защищенных справедливыми и понятными законами и независимыми судами, которые дадут этим законам жизнь, а не место на пыльной полке, как в свое время — Конституции 1937 года.

Где эти «королевы» и «сахаровы» сегодня? Уехали? Готовятся уехать? Опять ушли во внутреннюю эмиграцию? Или спрятались среди серых бюрократов, чтобы не попасть под каток «системы»?

Мы, граждане России, патриоты своей страны, можем и должны это изменить.

Как сможет Москва стать финансовым центром Евразии, если наши прокуроры в публичном процессе прямо и недвусмысленно, как двадцать или пятьдесят лет назад, призывают признать стремление к увеличению производства и капитализации частной компании преступно-корыстной целью, за которую надо сажать на 14 лет?

Если по одному приговору компания, заплатив налогов больше всех в стране, — ЮКОС заплатил больше всех в стране, кроме Газпрома, — оказывается, недоплатила налоги, то по второму, который здесь предлагается принять, очевидно, что предмета для налогообложения вообще не было, потому что его украли!

Страна, которая мирится с тем, что силовая бюрократия в своих интересах, а вовсе не в интересах страны, держит по тюрьмам, вместо преступников и вместе с ними, десятки, если уже не сотни тысяч талантливых предпринимателей, управленцев, простых граждан, — это большая страна.

Государство, уничтожающее свои лучшие компании, готовые стать мировыми чемпионами, государство, презирующее своих граждан, государство, доверяющее только бюрократам и спецслужбам, — это большое государство.

Надежда — главный движитель больших реформ и преобразований, она залог их успеха. Если она угаснет, если сменится глухим разочарованием, — кто и что сможет вывести нашу Россию из нового застоя?

Я не преувеличу, если скажу, что за исходом этого процесса следят миллионы глаз по всей стране, по всему миру.

Следят с надеждой, что Россия все-таки станет страной свободы и закона, где закон будет выше чиновника.

Где поддержка оппозиционных партий перестанет быть поводом для репрессий.

Где спецслужбы будут защищать народ и закон, а не бюрократию от народа и от закона.

Где права человека не станут больше зависеть от настроения царя. Добро или злого.

Где, наоборот, власть будет действительно зависеть от граждан, а суд — только от права и от Бога. Если хотите — называйте это совестью.

Я верю, так — будет.

Я совсем не идеальный человек, но я — человек идеи. Мне, как и любому, тяжело жить в тюрьме и не хочется здесь умереть.

Но если потребуется — у меня не будет колебаний. Моя Вера стоит моей жизни. Думаю, я это доказал.

А ваша, уважаемые господа оппоненты? Во что вы верите? В правоту начальства? В деньги? В безнаказанность «системы»? Я не знаю, вам решать.

Ваша честь!

В Ваших руках гораздо больше, чем две судьбы. Здесь и сейчас решается судьба каждого гражданина нашей страны. Тех, кто на улицах Москвы и Читы, Питера и Томска, иных городов и поселков рассчитывает не стать жертвой милицейского беззакония, кто завел свой бизнес, построил дом, добился успеха и хочет, чтобы это досталось его детям, а не рейдерам в погонах, наконец, — тех, кто хочет честно исполнять свой долг за справедливую зарплату, не ожидая ежеминутно, что будет под любым предлогом уволен коррумпированным начальством.

Не в нас с Платоном дело, во всяком случае — не только в нас. Дело в надежде для многих наших сограждан. В надежде на то, что суд завтра сможет защитить их права, если каким-то очередным бюрократам-чиновникам придет в голову эти права нагло и демонстративно нарушить.

Я знаю, есть люди, я называл их в процессе, которые хотят оставить нас в тюрьме. Оставить навсегда! В общем, они это особо не скрывают, публично напоминая о существовании «вечного» дела ЮКОСа.

Почему не скрывают? Потому что хотят показать: они — выше закона, они всегда добьются того, «что задумали». Пока, правда, они добились обратного: из нас, обычных людей, они сделали символ борьбы с произволом. Это получилось. Это не наша заслуга — их. Но им необходим обвинительный приговор, чтобы не стать «козлами отпущения».

Я хочу надеяться, что суд с честью выдержит их психологическое давление. А давление будет, мы все знаем, как и через кого оно будет происходить.

Я хочу, чтобы независимый суд стал реальностью и буднями моей страны, чтобы слова о «самом справедливом суде в мире», рожденные в «совке», перестали столь же иронично звучать сегодня. Чтобы мы не оставили в наследство нашим детям и внукам опаснейшие символы тоталитаризма.

Ваша честь, я готов понять, что Вам очень непросто, может быть, даже страшно, я желаю Вам мужества.

Все понимают, что Ваш приговор по этому делу, — каким бы он ни был, — станет частью истории России. Более того, он будет ее формировать для будущих поколений. И Вы это понимаете лучше многих. Все имена останутся в истории — и обвинителей, и судей — так же, как они остались в истории после печально известных советских процессов.

* * *

30 декабря 2010 года судья Данилкин закончил четырехдневный речитив. Все юридические фантазии и галлюцинации прокуратуры насчет невиданного и неслышанного воровства собственниками собственной собственности у самих себя он признал явью.

...суд приговорил: признать Ходорковского Михаила Борисовича виновным... по совокупности совершенных преступлений, путем частичного сложения, назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет, 6 месяцев... к назначенному наказанию частично присоединить наказание, неотбытое... и окончательно назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима...

...Признать Лебедева Платона Леонидовича виновным... по совокупности совершенных преступлений, путем частичного сложения наказаний, назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 13 лет, 6 месяцев... к назначенному наказанию частично присоединить наказание, неотбытое... и окончательно назначить... наказание в виде лишения свободы сроком на 14 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Срок отбытия наказания осужденному считать: Ходорковскому Михаилу Борисовичу с 7 февраля 2007 года, Лебедеву Платону Леонидовичу — с 8 февраля 2007 года. В окончательное наказание зачесть наказание, отбытое осужденными по приговору суда: Ходорковскому Михаилу Борисовичу — с 25 октября 2003 года по 7 февраля 2007 года, Лебедеву Платону Леонидовичу — со 2 июля 2003 года по 8 февраля 2007 года.

* * *

«Пожизненное заключение». Так должен был звучать истинный приговор. С разъяснением: имеется в виду политическая жизнь Путина — во всех ее возможных реинкарнациях.

Судья Данилкин мог войти в историю как человек, повернувший стрелку. Не войдет.

Хамовнический суд мог опровергнуть «Басманное правосудие». Не опроверг.

Все у нас не как у людей. Хлеб — казенный. Дело вовсе не дело, а скорей «процесс». Процесс не столько процесс, сколько «дело» и приговор. А приговор — заговор и заговор... И с этой дурной бесконечностью — в мировой прогресс?

То ли это власть топонимики, то ли топонимика власти. А может, язык во всем виноват — грешный наш язык?..

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

**О роли личностей и их мировоззрения
в недавней российской истории***

От редакции

Предлагаем вниманию читателя вторую часть беседы с Андреем Илларионовым, начало которой было опубликовано в прошлом номере. Читатель обратит, несомненно, внимание на то, что эта часть материала существенно отличается от уже напечатанной: текст оснащен большим количеством сносок и примечаний, он буквально пестрит ссылками на источники и документы, которые почти на каждой странице подтверждают высказанные в интервью суждения. Можно даже сказать, что перед нами совершенно новый формат — произведение смешанного жанра: жанра комментированного интервью. Однако поскольку проблемы, затронутые в интервью, очень серьезны и точка зрения, вы-

* Начало в № 145 (№ 3 за 2010 год).

Андрей ИЛЛАРИОНОВ

— родился в 1961 г. в Сестрорецке. Окончил Экономический факультет и аспирантуру ЛГУ, кандидат экономических наук. В 1983 – 1990 гг. — ассистент кафедры международных экономических отношений ЛГУ. В 1990 – 1992 гг. — старший научный сотрудник и заведующий сектором Проблемной научно-исследовательской лаборатории региональных экономических исследований Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. В 1992 – 1993 гг. — первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при правительстве РФ (РЦЭР). В 1993 – 1994 гг. — глава Группы анализа и планирования при премьер-министре России В. С. Черномырдине (советник премьер-министра). В 2000 – 2005 гг. — советник президента России по экономическим вопросам, личный представитель президента России (шерпа) в Группе восьми. С 1994 года — директор, с 2000 г. — президент Института экономического анализа в Москве. С октября 2006 года — старший научный сотрудник Института Катона в Вашингтоне. Живет в Москве и Вашингтоне.

сказанная по их поводу, требует очень серьезного обоснования, мы согласились с А. Н. Илларионовым в том, что такая форма подачи материала наиболее целесообразна. Именно эту работу А. Н. Илларионов и постарался проделать, готовя текст интервью к печати. К сожалению, это потребовало очень большого времени, из-за чего и произошла столь небывалая задержка с выходом настоящего номера. Мы приносим извинение читателям, терпение которых так долго испытывали, но полагаем, что игра стоила свеч.

Пользуемся также случаем, чтобы принести свои извинения нашим читателям и Андрею Николаевичу Илларионову за то, что по нашему недосмотру в первой части материала было допущено несколько неточно воспроизведенных авторских формулировок.

В частности,

четвертый абзац на стр. 165 следует читать так:

Но если точкой перелома оказался августовский кризис 1998 года, то тогда возникает вопрос: а можно ли было его избежать или же каким-либо образом смягчить? Как мы уже отмечали ранее, непосредственно к кризису 1998 года страну привели: макроэкономическая политика, получившая популярное название «валютного коридора», проводившаяся в течение почти четырех лет (1995 – 1998 годы) Чубайсом и Дубининым при активном участии Гайдара, а также политика, проводившаяся руководством Центробанка (Дубининым и Алексашенко) летом 1998 года. Конечно, такие действия могли привести к кризису чуть раньше или немного позже, с более или менее тяжелыми экономическими и политическими последствиями. Но неизбежность и валютного, и долгового кризисов была фактически predetermined с момента начала проведения политики «валютного коридора» в 1995 году;

третий абзац на стр. 169 следует читать так:

Однако по прошествии относительно короткого времени выяснилось, что многие другие постсоветские республики осуществили свои реформы и в целом прошли постсоветскую трансформацию успешнее, чем Россия. Одним из важных критериев успеха можно считать изменение ВВП на душу населения по сравнению с 1991-м — годом распада СССР, когда бывшие советские республики вступили на самостоятельный путь развития. Среди тех, кто в 2009 году по этому показателю опережал Россию, — Эстония, Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Латвия, Литва, Армения. Если успех стран Балтии в какой-то степени можно объяснить их отчасти более высоким стартовым уровнем, другой политической традицией, культурным наследием протестантизма и католицизма, исторической памятью о других общественных институтах, близостью к Европе, то эти факторы неприменимы по отношению, например, к Армении и Казахстану, для более позднего времени (начиная с 2004 года) — к Грузии. Эти республики, находившиеся и на-

ходящиеся в более тяжелых внешних условиях, чем Россия, тем не менее смогли провести у себя более успешные реформы;

и шестой абзац на стр. 183 следует читать так:

Но все же мне кажется, что если бы экономические реформы, столь ожидавшиеся российским обществом, столь поддерживаемые им в конце 1980-х — начале 1990-х годов, были проведены хотя бы так, как это было сделано тогда же в Польше, Чехии, Эстонии, Латвии, Литве, если финансовая стабилизация была бы проведена сразу, если инфляция была бы подавлена в течение года, то устойчивый экономический рост возобновился бы не осенью 1998 года (как это фактически произошло), а, возможно, осенью 1993 года или уж точно осенью 1994-го (когда он начался на самом деле, но продолжался всего лишь несколько месяцев — до тех пор, пока не был раздавлен чубайсовской политикой «валютного коридора»). Тогда, скорее всего, не произошло бы дефолта и девальвации в августе 1998 года, не было бы экономического и политического кризиса, уничтоживших практически все сколько-нибудь заметные достижения полудемократического режима, тогда Борису Ельцину не угрожал бы импичмент, у него не было бы острейшей необходимости радикально менять сферу поиска своего преемника, и тогда, возможно, он не принял бы фатальных для страны решений, распахнувших сотрудникам спецслужб ворота к политической власти в стране. А, может быть, начавшееся в 1993 — 1994 годах восстановление производства настолько способствовало бы нормализации экономической, общественной, политической жизни в стране, что спора не возникло бы не только на преемника из силовиков, но и вообще на любого преемника? И тогда на президентских выборах 1996 года обошлось бы вообще без каких-либо манипуляций?

ЧАСТЬ II. АНАТОМИЯ РЕФОРМ

12. Истоки мировоззрения

— *Андрей Николаевич, в прошлый раз мы прервали нашу беседу на Ваших словах: «Неизвестно, какой была бы недавняя российская история, если у руля российской власти оказались бы другие люди, с другими взглядами, иными принципами и целевыми ориентирами». Вы говорили о том, что неудачи реформ во многом объясняются личными качествами Егора Тимуровича Гайдара. О том, что главным ограничителем реформ был он сам — его мировоззрение, его взгляды, его правила поведения.*

То есть, как это и следует из подзаголовка нашего интервью, Вы придаете исключительное значение роли отдельных личностей в недавней истории России. Но, может быть, у Вас есть объяснение, отчего людям, находившимся тогда у власти, оказались присущи именно те взгляды, принципы и целевые ориентиры, которыми они и руководствовались, приступая к реформам?

Действительно, и наша российская история, да и история любой другой страны, наглядно демонстрирует, насколько важна роль тех или иных людей, стоящих на вершине государственной власти. Даже для демократических обществ весьма значимой оказывается роль лидеров, пусть регулярно сменяемых, пусть находящихся у государственного кормила определенное законом время, пусть ограниченных в своих действиях системой конституционных сдержек и противовесов, политической борьбой с конкурентами, реальным риском потерять электоральную поддержку, свободными средствами массовой информации, независимым судом. Достаточно вспомнить, какое воздействие на судьбы своих стран оказали такие люди, избранные демократически, как Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, Конрад Аденауэр, Маргарет Тэтчер, Рональд Рейган.

Что же касается полудемократических, полуавторитарных, а тем более авторитарных и тоталитарных обществ, то в них роль лиц, достигших самой вершины власти, для судеб и всей страны, и миллионов ее граждан поистине огромна. Причем чем более недемократической, менее ограниченной другими центрами силы, более централизованной является власть, тем меньше шансов для сторонних групп повлиять на нее, тем относительно большей становятся и роль персоны, находящейся на вершине властной пирамиды, и последствия ее действий даже в спокойное, мирное время. Значимость же лица, оказавшегося на вершине власти во время национального кризиса, войны, трансформационного перехода, — мы об этом говорили с вами в первой части интервью, — увеличивается многократно. Неслучайно то внимание, какое в объяснении причин происходивших событий историческая наука уделяет первым лицам — руководителям государств, лидерам политических и национальных движений, командующим войсками. Неудивительно и то, что во все времена воспитание образованного человека требовало знакомства с биографиями выдающихся людей.

Понимание природы человека, оказавшегося на вершине власти, включает в себя, по меньшей мере, понимание того, что такой человек говорит, что делает, чем именно его слова и его дела можно объяснить. Причем понимание того, что и почему человек делает, является более важным, чем понимание того, что и почему он говорит.

Среди факторов, влияющих на поведение людей, наряду с экономическими особую роль играют факторы социологического и психологического характера.

— Может быть, уточним, — духовно-психологические?

Возможно. Мы говорили с вами о макроэкономике, о финансовой стабилизации, о роли частного сектора, о других экономических, а также политических, правовых и иных категориях. Отношение к этим категориям героев, оказавшихся в центре нашего обсуждения, оказалось различным.

Мы говорили о различиях в персональных представлениях о сути и целях экономических реформ у их авторов из стран Центральной и Восточной Европы, стран Балтии, других постсоветских государств, России. Мы говорили, насколько различавшимся было отношение к бюджетной дисциплине, предоставлению финансовых льгот, масштабам допустимой денежной эмиссии у работавших в российском правительстве в одно и то же время Егора Гайдара и Бориса Федорова. Мы отмечали, насколько различным было отношение к экономической свободе, обеспечению гарантий частной собственности, правовому равенству экономических субъектов у Егора Гайдара и Григория Явлинского. Мы обращали внимание, насколько различными были подходы к индивидуальному предпринимательству, свободной экономике, свободному обществу у Егора Гайдара и Михаила Киселева. Эти персональные различия повлияли на содержание экономических реформ в нашей стране и внесли свой вклад в особенный характер осуществленной российской экономической и политической трансформации.

Чем эти различия объясняются?

Традиционные объяснения исторических событий обращают внимание на так называемые *структурные* причины произошедшего — на уровень экономического развития, величину дохода на душу населения, структуру экономики и занятости населения, на уровень и динамику цен на нефть, зерно или другие важные для данного общества природные ресурсы, на внешние воздействия, включая кризисы — «азиатский», глобальный финансовый и т. д. Марксистские и квазимарксистские концепции, согласно которым сознание определяется бытием, долгое время господствовали в нашем обществе. Однако их адекватность реалиям была подвергнута сомнению историей нашей страны, историей других стран, да и, похоже, всей историей человечества. В одних и тех же или очень похожих условиях рождаются, развиваются, формируются весьма разные люди. Действуя в весьма похожих, аналогичных и даже идентичных условиях, они придерживаются разных взглядов, следуют разным принципам, осуществляют разные действия, проводят разную политику. При схожести общих внешних условий различия в их поведении невозможно объяснить этими общими условиями.

Что действительно может пролить свет на различия в их действиях, так это личное мировоззрение действовавших лиц, их индивидуальное отношение к происходившим событиям, следование различным правилам и приверженность соблюдению разных принципов. Тут мы вступаем в совершенно особую сферу природы человеческих душ, в которой я точно не являюсь специалистом. Тем не менее для понимания причин действий лиц, оказавшихся у руля государственной власти, необходимо все же попытаться понять, каким образом формировалось их мировоззрение.

Также очевидно и другое. Существуют некоторые общие условия, правила и закономерности формирования человеческого мировоззрения. Если последовательно заниматься формированием так называемого *нового* человека, — например, так, как этим занимались коммунисты в нашей стране

и в ряде других стран, в том числе путем физической ликвидации носителей иных, некоммунистических, взглядов, с одной стороны, и насильственного воспитания и перевоспитания миллионов людей с помощью всеобщего обязательного идеологического образования, тотальной пропаганды, ГУ-Лага, — то можно добиться существенных результатов. В нашей стране мы стали свидетелями такого рода «успехов» в деле формирования «человека нового общества», создававшегося в том числе путем ликвидации целых социальных классов и этнических групп, стирания индивидуальной и коллективной памяти о прошлом, создания новых культов, специальных этических кодексов, особой морали.

— *Нового мировоззрения...*

При господстве тотальной или монополярной системы образования, государственной системы распространения информации желаемое для власти мировоззрение методично навязывается всему обществу при сохранении островков иных видов мировоззрения преимущественно в семье, а также в немногих остающихся негосударственных организациях. В условиях всеобщего государственного образования, тотальной пропаганды, обязательной воинской повинности, контролируемого властями массового производства семья остается едва ли не единственным уголком, в котором может сохраниться, пусть частично, альтернатива навязываемому государством мировоззрению. В тоталитарном обществе, пожалуй, лишь семья хоть в какой-то степени в состоянии предложить отдушину от государственной идеологии. Именно родители оказывают решающее воздействие на формирование мировоззрения детей — намеренно или невольно, примером своего положительного и отрицательного поведения, системой стимулов и наказаний, тем, как они реагируют на разные события и какую информацию дают детям. Поэтому, наверное, именно фактор семьи оказывается первоочередным для анализа, если мы хотим разобраться в природе мировоззрения того или иного человека.

Но к этому мы вернемся чуть позже. А сейчас я хотел бы напомнить, что первые признаки специфичности действий российских властей, в том числе и по сравнению с другими странами, осуществлявшими реформы, стали заметны уже в конце 1991 года.

— *В то самое время, о котором сейчас вспоминают как о периоде массового голода?..*

13. «Спасение от угрозы голода»

Во-первых, должен сказать, что восприятие событий 1991 — 1992 годов тогда и сегодня заметно различается. Сейчас, как оказывается, подзабылось, какие именно вопросы находились в центре дискуссий в начале 1990-х годов; многие тогдашние события в свете прошедшего времени воспринимают-

ся уже по-другому. Сегодняшнему восприятию тех событий немало помогает реальный контраст между тем, что видно на полках магазинов сейчас, и тем, что действительно находилось (и не находилось) на них в то время.

Во-вторых, несомненно, что продовольственное снабжение крупных городов тогда было весьма напряженным. Тем не менее в то время лишь немногие из участников событий описывали тогдашние действия российского правительства в рамках парадигмы спасения страны от угрозы голода. В рамках ликвидации плановой экономики — да. В рамках уничтожения коммунистической системы — да. В рамках проведения рыночных реформ — да. В рамках преодоления кризиса продовольственного снабжения крупных российских городов — да. Но не в рамках спасения страны от угрозы массового голода.

В-третьих, чтобы доказать, что действия тогдашнего российского правительства на самом деле были направлены на спасение страны от угрозы реального голода, недостаточно привести переписку государственных чиновников о запасах продовольствия, процитировать воспоминания о пустых полках и поездках по магазинам за хлебом, привести пример изменения маршрута судна, шедшего с зерном в Россию. Для этого необходимо было бы привести более весомые доказательства угрозы массового голода в стране, подтверждения усилий властей по его предотвращению, а также свидетельства того, что именно эти усилия смогли изменить ситуацию.

Тогда необходимо было бы продемонстрировать факты, подтверждающие наступление голода или его угрозы: привести статистические данные о значительном росте относительных цен на продовольствие по сравнению с ростом цен на непродовольственные товары, сделавшем продовольствие недоступным по цене для миллионов людей. Необходимо было бы привести данные о бегстве или, как минимум, о массовом отъезде людей из городов, оказавшихся под «угрозой массового голода». Необходимо было бы привести данные о фактическом сокращении объемов и ухудшении качества потребления миллионов граждан, причем в таких масштабах, что это действительно вызвало статистически значимый рост болезней и смертей.

Необходимо было бы продемонстрировать конкретные решения правительства, которые можно было бы интерпретировать в качестве мер по «борьбе с угрозой голода». Если верны утверждения о том, что российское правительство осенью 1991 года занималось спасением страны от голода или его угрозы, то, очевидно, найти документальные подтверждения этой борьбе было бы нетрудно. Тогда необходимо было бы предъявить эти документы интересующейся публике.

Наконец, необходимо было бы показать, каким образом в результате действий правительства произошли (если произошли) изменения во всех упомянутых трендах (если такие тренды имели место), — например, привести данные о развороте тренда относительного роста цен на продовольствие на противоположный; обнародовать подтверждения того, что люди в 1992 году перестали покидать города, а ранее уехавшие горожане стали воз-

вращаться в них из сельской местности; представить свидетельства того, что фактическое потребление граждан в результате действий правительства увеличилось, а его структура улучшилась.

Однако таких данных приведено не было. И это по-своему понятно, потому что привести такие данные непросто.

Разбор же правительственных документов того времени приводит к несколько иным выводам. Выясняется, что преодолением продовольственного кризиса крупных российских городов занимались все кабинеты, оказавшиеся у власти в нашей стране в 1991 — 1992 годах, — и союзные правительства и республиканские. Их деятельность осуществлялась по трем основным направлениям: 1) административное установление производителям продовольствия государственных заданий по закупкам зерна, мяса, молока, яиц, других продуктов; 2) предоставление гражданам и предприятиям, занимавшимся производством продовольствия, дополнительных материальных и финансовых ресурсов — земли, тракторов, автомобилей, бензина, удобрений, кормов; 3) закупка дополнительного продовольствия за рубежом.

Причем если по числу и характеру решений, устанавливавших административные задания производителям, не заметно принципиальной разницы между двумя российскими правительствами: И. Силаева — Г. Кулика и Б. Ельцина — Г. Бурбулиса, — то по объемам предоставленных материальных и финансовых ресурсов производителям продовольствия очевидное преимущество принадлежит силаевскому правительству.

Что касается участия различных правительств в импорте продовольствия в 1991 — 1992 годах, то каждое из них внесло в него свою лепту. Стоимость импорта продовольствия по решениям союзного правительства М. Горбачева — В. Павлова составила примерно 42% от его совокупного ввоза за эти два года, по решениям российского правительства И. Силаева — Г. Кулика — около четверти, по решениям российского правительства Б. Ельцина — Г. Бурбулиса — Е. Гайдара — примерно треть. При этом в российском правительстве Б. Ельцина — Г. Бурбулиса — Е. Гайдара главные решения об импорте продовольствия (по совокупной стоимости сделок более чем на 85%) были инициированы Г. Бурбулисом¹.

Что касается деятельности по организации импорта продовольствия непосредственно Егором Тимуровичем, то результаты ее достаточно скромны: в списке документов правительства есть два распоряжения Гайдара по завершению сделок о закупке зерна, инициированных и частично проведенных его предшественниками, а также одно распоряжение о сделке по закупке сахара, инициированной непосредственно им самим. Кроме того, им было подписано несколько распоряжений об установлении административных заданий регионам страны и различным организациям по поставкам продовольствия на государственные нужды.

¹ Структура импорта продовольствия в Россию в 1991 — 1992 гг.: <http://aillarionov.livejournal.com/282110.html>.

К чему Егор Гайдар (как, впрочем, и вся правительственная реформаторская команда, да и все российские власти) действительно имел отношение, так это к решению о *частичной либерализации цен*, начатой 2 января 1992 года. Однако при этом следует иметь в виду по крайней мере несколько следующих обстоятельств.

Во-первых, к осени 1991 года экспертное сообщество страны было едино относительно необходимости либерализации цен. Разногласия существовали относительно ее масштабов, скорости и последовательности ее проведения, размеров компенсации гражданам потерь из-за роста цен и т. д. Относительно же необходимости проведения самой либерализации цен разногласий не было.

Во-вторых, по отношению к либерализации цен сложился политический консенсус среди победителей антикоммунистической революции августа 1991 года. Этот консенсус был законодательно закреплен решениями V Съезда народных депутатов России, состоявшегося в конце октября — начале ноября 1991 года. Депутаты России абсолютным большинством голосов поддержали программу радикальных экономических реформ (включая полномасштабную либерализацию цен)², изложенную в речи Б. Ельцина 28 октября³. Более того,

² «В свое время он [Хасбулатов. — А. И.] поддержал наш проект либерализации цен». — Гайдар Е. Дни поражений и побед. М., 1997. С. 171.

³ Б. Ельцин: «Реформа пойдет по ряду направлений одновременно, комплексно и динамично. Первое направление — экономическая стабилизация.... Самая болезненная мера — разовое размораживание цен в текущем году. Без нее разговоры о реформах, о рынке — пустая болтовня. За последние годы все это уже поняли, но никто не решался пойти на этот тяжелый шаг. Отсюда бесконечные компромиссы, проложившие дорогу хозяйственному хаосу... Среди них, как я уже сказал, наиболее тяжелая — это либерализация цен. Ни один чиновник не придумает справедливые цены, которые стали бы реальным измерителем труда. Опыт мировой цивилизации говорит, что решить эту проблему может только рынок. Либерализация цен у нас идет, но стихийно. Это порождает много противоречий, несообразностей и лазейку для коррупции и взяток. Все сложнее купить товары, на которые установлены жесткие цены. Не помогают нормирование, карточки и талоны. Те же самые талоны, попадая на черный рынок, стоят все дороже и дороже. Выход из этого противостояния находили в так называемых договорных, кооперативных ценах и так далее. Но это вновь породило массу злоупотреблений, преступлений, от которых страдает сегодня почти каждый гражданин России. Такой подход дезорганизует производство, вызывает огромные потери важнейших товаров массового спроса. Свободные цены должны быть инструментом роста производства, что поставит предел росту цен. Кроме того, Россия является традиционным поставщиком сырьевых ресурсов в другие республики. В условиях ценовой неразберихи мы оказываемся в крайне невыгодном положении (теряем в год 33 миллиарда рублей). Цены на сырье до сих пор фиксированы. Но продукция, которая производится из нашего сырья, возвращается к нам все чаще по другим ценам. Торгуем себе в убыток. Мириться с таким положением больше нельзя. Ряд суверенных государств бывшего Союза уже продвинулись по пути либерализации цен. И рос-

правительству, возглавлявшемуся Б. Ельциным, Съезд предоставил исключительные полномочия по проведению экономических реформ (сроком на год).

В-третьих, политическую ответственность за разовую либерализацию цен взяли на себя руководители российского правительства Б. Ельцин и Г. Бурбулис, подписавшие соответственно Указ президента от 3 декабря 1991 года⁴ и постановление правительства от 19 декабря 1991 года⁵.

Наконец, справедливости ради надо признать, что не только российское правительство, но и правительство СССР готовило либерализацию цен⁶. В тексте записки В. Дурасова от 20 июня 1991 года описан тот самый вариант частичной либерализации цен, который и был фактически осуществлен в России 2 января 1992 года. В документе В. Щербакова либерализация цен в СССР планировалась на то же время, что и по более поздним решениям российских властей, — после 1 декабря 1991 года⁷. Иными словами, среди специалистов, в том числе и занимавших самые высокие правительственные позиции, заметных разногласий относительно необходимости, деталей

сийские фиксированные цены оказались для них сверхпривлекательными... В последнее время идет буквально рублевая интервенция в Россию, где покупают товары, а взамен оставляют “деревянные” рубли, тем самым увеличивая и без того огромный разрыв между денежной и товарной массой. Я призываю всех граждан России понять: разовый переход к рыночным ценам — тяжелая, вынужденная, но необходимая мера. Таким путем прошли многие государства... Если не провести либерализацию цен организованно, под строгим контролем, она будет идти стихийно, уродливо и потери будут неизмеримо выше... Правдами и неправдами устанавливается завышенная цена на товар, что заставляет потребителя платить втридорога. В то же время имеется немало монополистов поневоле. Предприятие нередко удерживает в концерне-монополисте всеобщий дефицит. Либерализация цен все поставит на место». — РСФСР. Съезд народных депутатов (5; 1991). Стенографический отчет. Т. 2. Москва, 1992 года С. 4—29.

⁴ Указ Президента РСФСР № 297 от 3 декабря 1991 г. «О мерах по либерализации цен»: <http://bestpravo.ru/fed/1991/data01/tex10466.htm>.

⁵ Постановление правительства о мерах по либерализации цен № 55 от 19 декабря 1991 г.: <http://bestpravo.ru/fed/1991/data01/tex10257.htm>.

⁶ «Суть этого варианта состоит в последовательной, начиная с июля, либерализации всех цен с тем, чтобы к началу 1992 года сохранить фиксированные и регулируемые цены лишь на ограниченный перечень топливно-сырьевых ресурсов, тарифы на массовые перевозки грузов, а розничные цены — на товары, составляющие основу потребительского бюджета». — В. Дурасов (заместитель министра экономики СССР) в Кабинет министров СССР. Материал о комплексе осуществляемых и планируемых мер по стабилизации экономики СССР и прогноз ее развития в 1991 году. 20 июня 1991 года. — Цит. по: *Гайдар Е.* Гибель империи. М., 2006. С. 344.

⁷ «На втором этапе (после 1 декабря 1991 г.) осуществляется переход к преимущественно свободному ценообразованию с включением нового механизма формирования фондов оплаты труда»... — Первый заместитель Председателя Кабинета министров СССР В. Щербаков — в Совет Федерации СССР (16 августа 1991 г.). — Цит. по: *Гайдар Е.* Гибель империи. С. 382.

и даже сроков освобождения цен не было. Если и была разница между союзными и российскими властями, то она заключалась лишь в отсутствии у руководства СССР решимости своевременно взять на себя такую политическую ответственность. Иными словами, главное отличие России в январе 1992 года от СССР в июле и декабре 1991 года заключалось не столько в том, что вместо В. Дурасова и В. Щербакова появился Е. Гайдар, сколько в том, что вместо М. Горбачева появился Б. Ельцин.

Начатая 2 января 1992 года частичная либерализация цен действительно сыграла важную роль в деле наполнения прилавков магазинов продовольствием и преодоления продовольственного кризиса крупных городов. Тем не менее даже это, наиболее часто цитируемое, решение реформаторских властей при внимательном рассмотрении оказывается не лишенным серьезных изъянов. Согласно президентскому указу о либерализации цен, воспроизведем основные подходы записки В. Дурасова, государственное регулирование цен было сохранено на ряд важнейших продовольственных товаров — пшеничный и ржаной хлеб, молоко, кефир, творог, соль, сахар, растительное масло, водку, спирт, детское питание⁸. Иными словами, вопреки созданной в последующие годы мифологии, указ не предусматривал свободного ценообразования на важнейшие продовольственные товары и прежде всего на хлеб. Следовательно, достижение баланса между спросом и предложением на эти продукты и преодоление их дефицита, во-первых, затянулось (в общей сложности почти на два года), а, во-вторых, было обеспечено не столько либерализацией цен на них, сколько их административным повышением. Проблемы с насыщением рынка этими товарами признавал и Е. Гайдар⁹.

⁸ Приложение № 2 к Указу Президента РСФСР № 297 от 3 декабря 1991 г. «О мерах по либерализации цен». ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ И УСЛУГ, НА КОТОРЫЕ ПРИМЕНЯЮТСЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕГУЛИРУЕМЫЕ ЦЕНЫ (ТАРИФЫ):

Некоторые виды хлеба (из муки пшеничной первого и второго сорта и ржаной)

Молоко, кефир, творог обезжиренный

Основные виды детского питания, включая пищевые концентраты

Соль поваренная пищевая, реализуемая населению

Сахар

Масло растительное

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10466.htm>.

⁹ «Как следовало ожидать, наиболее серьезные проблемы обозначились с теми продуктами, цены на которые оставались под централизованным контролем, — хлебом, водкой, молоком, подсолнечным маслом, сахаром. Выработать единый порядок их дотирования, который бы устраивал все регионы, не только трудно, но, пожалуй, невозможно. В начале января подписываю распоряжение о передаче решений по контролю большей части этих цен на места. В зависимости от конкретных условий предоставляем право местным властям отказываться от дотирования, давая импульс рыночному ценообразованию, что позволит быстрее расстаться с дефицитом, ликвидировать очереди». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 157.

Иными словами, центральный элемент важнейшей экономической реформы был не столько либерализационным и рыночным, сколько административным. В этой части решение российского правительства от 2 января 1992 года напоминало решение союзного правительства В. Павлова от 2 апреля 1991 года об административном повышении регулируемых цен на базовые виды продовольствия. Последующей передачей местным властям права отказываться от дотирования продовольственных товаров российское правительство тем самым отказалось и от своих потенциальных заслуг в деле полной либерализации цен в этом секторе рынка, в насыщении его продуктами, в преодолении продовольственного кризиса крупных городов.

31 декабря 1991 года российское правительство приняло еще один знаменательный документ. Он ограничил вывоз и отправку почтовыми посылками одних продовольственных товаров (хлеб, колбаса, животное масло, маргарин, яйца, рыбные консервы, конфеты, чай, кофе, сахар, алкогольные и табачные изделия)¹⁰ и полностью запретил вывоз за пределы страны других (мясо и мясопродукты, мясные консервы, сыры, растительное масло, пищевые жиры, рыба, пищевые концентраты). Это же постановление потребовало создания в недельный срок на границах России «специальных стационарных пунктов по контролю за вывозом товаров народного потребления», а также создания Минюстом, Министерством безопасности, МВД, Прокуратурой, Минтрансом, Минсвязи, Таможенным комитетом «системы органов контроля за вывозом гражданами товаров народного потребления»; установления «порядка личного досмотра граждан и досмотра вещей, применения санкций к правонарушителям, изъятия у граждан товаров народного потребления».

¹⁰ Приложение № 2 к постановлению правительства «Об ограничении вывоза товаров народного потребления» № 88 от 29 декабря 1991 года. Нормы вывоза гражданами продуктов питания за пределы Российской Федерации (в расчете на одно лицо):

Хлебобулочные изделия — 1 кг

Колбасные изделия — 0,5 кг

Масло животное — 0,5 кг

Маргарин — 1 пачка

Яйца — 10 штук

Рыбные консервы — 2 банки

Конфеты и карамель — 0,5 кг

Чай — 1 пачка

Алкогольные напитки — 1 бутылка

Табачные изделия — 4 пачки

Сахар — 0,5 кг

Кофе и кофейные напитки — 1 банка

<http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10069.htm>.

Распоряжение правительства РСФСР от 27.12.91 № 203-Р о мерах по обеспечению сырьем перерабатывающих предприятий сахарной промышленности и бесперебойного снабжения населения сахаром в I квартале 1992 года: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10111.htm>.

Даже не затрагивая вопросы о соответствии этих решений базовым принципам свободной экономики и свободного общества, о нарушении ими неотъемлемых прав и свобод российских граждан, об их экономической бессмысленности в условиях опережающего роста цен на продовольствие в России по сравнению с большинством постсоветских республик, с политической точки зрения, они не могли не быть контрпродуктивными. Запреты на движение товаров через границу, особенно в странах, имеющих отрицательный баланс по торговле продовольственными товарами (как в случае России), часто приводят к эскалации контрмер со стороны торговых партнеров, что больше всего ударяет как раз по странам, больше импортирующим продовольствия, чем экспортирующим. К счастью, это решение не было воплощено в жизнь. Но характер мышления новых властей показало.

Иными словами, при отсутствии в стране в 1991 году «угрозы массового голода», но наличии кризиса продовольственного снабжения крупных городов преодоление последнего произошло путем применения новым правительством мер не только рыночного, но и административного характера.

— Хорошо, пусть голода не было, пусть не было угрозы голода. Пусть в своих выступлениях более позднего времени Е. Гайдар и А. Чубайс излишне драматизировали ситуацию, приукрашивая собственные действия. Но Вы же сами говорите, что кризис продовольственного снабжения городов все-таки был. И власти так или иначе пытались с ним справиться. Пусть они действовали не лучшим образом, пусть предпочитали административные методы, пусть совершили при этом большое количество ошибок. Но намерения-то у них были благородными, они пытались облегчить страдания людей, как умели...

14. Осколок империи

Обсуждать чьи бы то ни было намерения непросто. Более продуктивно обсуждать реальные действия. Недавно произошло обсуждение документов, обративших на себя внимание своей, мягко говоря, необычностью. 27 декабря 1991 года своим распоряжением бывший тогда вице-премьером российского правительства Егор Гайдар принял решение о предоставлении финансовой помощи режиму Фиделя Кастро в размере ста миллионов долларов.

— Вы не шутите?

Увы. Распоряжение правительства было выпущено в те дни, которые годами позже будут названы тем же Е. Гайдаром временем «угрозы наступления голода в стране» и которые, объективно говоря, действительно были пиком кризиса продовольственного снабжения крупных российских городов. К этому времени прошло уже два месяца со времени произнесения Б. Ельциным речи на V Съезде народных депутатов России о радикальной экономической реформе и о либерализации цен в качестве ее ключевого

шага. Почти месяц прошел со дня публикации Указа Президента о либерализации цен. О том, что цены после Нового года будут освобождены и, следовательно, намного возрастут, знала вся страна. Потому все люди, у кого оставались хоть какие-то деньги, постарались их побыстрее потратить. Неудивительно, что полки магазинов опустели, — и потому что люди пытались обратить свои деньги в товары, понимая, что цены на них неизбежно вырастут, и потому что те, кто распорядился товарами в магазинах и на складах, постарались их приберечь до того момента, когда их можно будет продать по более высоким ценам.

Правда, отсутствие продовольствия на полках не имело ничего общего ни с голодом, ни с его угрозой, а объяснялось ажиотажным спросом на товары повседневного спроса накануне значительного роста цен на них, ожидавшегося со 2 января 1992 года. Об экономическом механизме такого исчезновения товаров с полок магазинов было подробно написано в записке бывшего тогда председателем Госбанка СССР В. Герашенко от 19 сентября 1990 года¹¹. Пять месяцев спустя, 17 февраля 1991 года, близкое к этому описание появилось и в статье Е. Гайдара¹².

Иными словами действия властей немало способствовали краткосрочному усугублению кризиса на товарном и в особенности на продовольственном рынке.

¹¹ В. Герашенко: «В ряде регионов страны снабжение населения отдельными продуктами питания осуществляется по талонам — сахаром, мясом, маслом сливочным и растительным, чаем, крупой, макаронными изделиями... Положение на внутреннем рынке в 1990 г. резко обострилось не только из-за высоких темпов роста денежных доходов населения, но и в результате изменения поведения покупателей, которые в ожидании повышения розничных цен и в связи с предложениями некоторых экономистов о проведении денежной реформы или «замораживании» средств на вкладах, стремятся любыми путями израсходовать имеющиеся деньги — создают дома запасы, производят излишние (против обычного) покупки товаров. Это усиливает напряжение на потребительском рынке». — Цит. по: *Гайдар Е.* Гибель империи. С. 316 — 317.

¹² «Сообщение о предстоящем крупном повышении цен дало мощный импульс инфляционным ожиданиям населения и предприятий. И те, и другие отреагировали в соответствии с азбукой экономической теории: энергичными попытками сократить денежные активы, обратить деньги в любые материальные ценности... Начинается стремительное, небывалое по масштабам сокращение запасов в розничной торговле... Ажиотажный спрос распространяется практически на все хранимые товары... Массовое вынужденное переключение спроса... на сравнительно легко доступные нехранимые товары (хлеб, молоко) усугубляет трудности в торговле ими... В обзоре за 1989 год («Коммунист», 1990, № 2) мне пришлось писать, что по-настоящему пустые полки магазинов у нас еще впереди, что ситуация радикально ухудшится, когда начнется массовое бегство от денег». — *Гайдар Е.* В начале новой фазы. Экономическое обозрение. — «Коммунист». 1991, № 2, 17 февраля 1991 г.: <http://www.iet.ru/ru/v-nachale-novoi-fazy-ekonomicheskoe-obozenie.htm>.

— *Да, это был очень тяжелый момент...*

Какое же решение принимается в этот тяжелый момент? Решение о предоставлении финансовой помощи режиму Кастро. Причем для понимания масштабов предоставленной помощи следует упомянуть, что, например, в январе 1992 года — в один из месяцев того первого квартала 1992 года, на который, собственно говоря, и распространялось гайдаровское распоряжение о помощи кубинскому режиму, — все расходы федерального бюджета России составили 148 (сто сорок восемь) миллионов долларов. Это все бюджетные расходы — на образование, здравоохранение, пенсии, государственный аппарат, армию, правоохранительные органы, поддержание инфраструктуры, науки и т. д. Курс рубля к доллару тогда был скромным, внутрироссийские цены относительно мировых — низкими, экономическая ситуация — сложной, а все расходы федерального правительства составляли сто сорок восемь миллионов долларов. В такой ситуации руководитель экономического блока российского правительства принял решение о направлении ста миллионов долларов не на то, чтобы «спасти страну от голода» или «от угрозы голода», не на закупки хлеба, про важность обеспечения которым населения он позже напишет и расскажет не раз, не на закупки мяса, масла, яичного порошка, не на оплату фрахта транспортных судов, везших зерно в российские порты. Эти средства были направлены режиму Фиделя Кастро.

— *Сто миллионов из тех самых ста сорока восьми?*

Нет, это помимо ста сорока восьми миллионов. Дело в том, что по Распоряжению российского правительства № 203 было принято выделить квоты на экспортную поставку полутора миллионов тонн нефти, четырехсот тысяч тонн дизельного топлива и трехсот тысяч тонн мазута — в общей сложности 2,3 миллиона тонн нефти и нефтепродуктов — «для республиканских государственных нужд»¹³. Мы с вами раньше уже говорили о том, что нефть, нефтепродукты, газ в нынешнем мире — это фактически готовая валюта.

— *То есть Фиделю Кастро мы все-таки выдали сто миллионов не наличными?*

Попробую пояснить схему. Согласно Распоряжению № 203, указанные 2,3 миллиона тонн нефти и нефтепродуктов Всероссийское внешне-торговое объединение (ВВО) «Союзнефтеэкспорт» должно было продать «на внешнем рынке на свободно конвертируемую валюту». Затем на полученную от этой реализации валюту другое ВВО — «Продинторг» — должно

¹³ Распоряжение правительства РСФСР от 27.12.91 № 203-Р о мерах по обеспечению сырьем перерабатывающих предприятий сахарной промышленности и бесперебойного снабжения населения сахаром в I квартале 1992 г.: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10111.htm>.

было закупить миллион тонн сахара-сырца на Кубе и поставить его в Россию. Казалось бы, это достаточно традиционная бартерная операция. Могут ли быть к ней какие-либо претензии? Ответ на этот вопрос зависит от цен — цен и продаж, и покупок.

Несложные расчеты показывают, что по действовавшим на тот момент мировым ценам реализация указанных нефтепродуктов могла дать выручку примерно в 315 — 320 миллионов долларов. Стоимость же закупки миллиона тонн сахара-сырца на мировом рынке с доставкой в российские порты составляла чуть более 200 миллионов долларов, а с учетом стоимости страхования и транспортировки — около 215 — 220 миллионов долларов. Иными словами, суть операции, изложенной в правительственном распоряжении, заключалась в появлении разницы в экспортно-импортном контракте в размере почти ста миллионов долларов.

Куда, кому предполагалось направить эти сто миллионов долларов? Строго говоря, в распоряжении Е. Гайдара не указывалось направление использования этих средств. Поэтому можно предположить, что эти средства могли быть использованы как минимум четырьмя различными способами. Они могли быть: а) переданы кубинскому руководству; б) оставлены посредникам, осуществлявшим эту операцию (ВВО «Союзнефтеэкспорт» и ВВО «Продинторг»); в) переданы этими посредниками кому-то еще, кто не был указан в этом распоряжении; г) в какой-то пропорции распределены между некоторыми или всеми участниками этой операции. Как бы то ни было, «норма отката» (термин, ставший весьма популярным в нашей стране в последнее время) в этой операции был поначалу запланирован на уровне 32% (100 миллионов долларов разницы между экспортом и импортом по отношению к 320 миллионам долларов экспорта)¹⁴.

О том, что с такого рода операциями, проводившимися по решению Политбюро ЦК КПСС в интересах «братских компартий», Е. Гайдар был хорошо знаком, свидетельствуют комментарий в его книге «Дни поражений и побед»¹⁵ и пример, приведенный в его книге «Гибель империи», о поставках 600 тысяч тонн нефти и 150 тысяч тонн дизельного топлива фирме «Интерэкспо»¹⁶. Правда, «норма отката» в большинстве таких операций, проводившихся советскими органами, составляла «всего лишь» от одного до пяти процентов от стоимости заключенных контрактов¹⁷.

¹⁴ *Илларионов А.* Норма отката — 69%: <http://aillarionov.livejournal.com/263505.html>.

¹⁵ «Познакомившись со спецификой многих контрактов, в которых цены на поставляемую продукцию необъяснимо занижались, а цены закупаемых комплектующих столь же необъяснимо завышались, нетрудно было догадаться, что все это служило прикрытием различных форм финансирования нелегальной деятельности или помощи коммунистическим партиям в зарубежных странах». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 140.

¹⁶ *Гайдар Е.* Гибель империи. М., 2006. С. 187.

¹⁷ Там же. С. 188.

Через месяц, 28 января 1992 года, распоряжением № 155 Егор Гайдар внес поправки в распоряжение № 203. Согласно новому документу, объем экспортируемых нефти и нефтепродуктов остался прежним, а вот объем закупаемого сахара-сырца был сокращен в два с половиной раза — до 400 тысяч тонн. Более того, в новом распоряжении появилась точная цифра валютных средств, какие можно было потратить на закупки сахара, включая и издержки по его доставке, — 100,5 миллиона долларов¹⁸. Иными словами, текстом своего нового распоряжения Е. Гайдар не только подтвердил правильность применения мировых котировок в проведенных расчетах определения стоимости закупки сахара, но и увеличил разницу между стоимостью экспорта нефтепродуктов на мировой рынок и стоимостью закупаемого сахара со ста до почти двухсот миллионов долларов. Таким образом в конце января 1992 года «норма отката» по этой сделке была увеличена с 32% до 69%.

Для понимания масштабов спецоперации величиной в 200 миллионов долларов, утвержденной двумя правительственными распоряжениями, еще раз напомним, что в январе 1992 года все расходы федерального бюджета Российской Федерации на все цели составили 148 миллионов долларов. То есть в результате «сахарной сделки» российское правительство заплатило на какие-то цели сумму, на треть превышавшую тогдашние месячные расходы всего федерального бюджета.

Если сравнивать эту сделку, например, с операцией, утвержденной постановлением правительства № 57 от 19 декабря 1991 года (подписанным Г. Бурбулисом), то, в соответствии с последним документом для закупки пяти миллионов тонн зерна и полутора миллионов тонн кормового белка за рубежом на экспорт были направлены четыре миллиона тонн нефтепродуктов и два миллиарда кубометров газа общей стоимостью по мировым котировкам того времени примерно семьсот миллионов долларов¹⁹. Иными словами, стоимость «сахарной сделки» превысила сорок процентов суммы, потраченной властями практически в то же самое время на закупку зерна и кормового белка для снабжения всей страны в рамках главного решения тогдашнего российского правительства по преодолению продовольственного кризиса.

Еще одно сравнение: общая задолженность по фрахту транспортных судов с зерном, направлявшихся в Россию, на 10 февраля 1992 года составляла 172 миллиона долларов²⁰. Иными словами, если бы 200 миллионов долларов, получавшиеся в результате нефте-сахарной («кубинской») сделки, были бы использованы, например, на оплату задолженности по фрахту, то

¹⁸ Распоряжение правительства РФ от 28.01.92 № 155 о закупке и оплате закупаемого за границей сахара-сырца: <http://bestpravo.ru/fed1992/data03/tex15258.htm>.

¹⁹ Постановление правительства РСФСР от 19.12.91 № 57 о чрезвычайной ситуации по обеспечению РСФСР хлебопродуктами: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10248.htm>.

²⁰ Чешинский Л. С. — Гайдару Е. Т. Архив ЦБ. Д. 5088. 27.11.1991. Л. 169. Цит. по: *Гайдар Е. Смуты и институты. С.-Пб., 2009. С. 131.*

это решение сразу же закрыло бы проблему поставки зерна в страну и, следовательно, устранило бы столь часто упоминавшуюся «угрозу голода». Но именно это решение и именно тем, кто это, казалось бы, понимал лучше других, и не было принято. Почему?

Более того, в имеющихся документах 1991 года, а также в последовавших затем многочисленных комментариях Е. Гайдара и его коллег по правительству о том, что, как и почему делалось в те месяцы, речь всегда шла о нехватке хлеба, муки, зерна. Можно спорить о том, насколько точно был сделан анализ продовольственной ситуации, на какие сроки на самом деле хватило бы имевшихся тогда хлебных ресурсов, какие действия со стороны власти необходимо было предпринять по увеличению их доступности, но ощущение, что в определенном дефиците находился именно хлеб, по крайней мере, в некоторых российских городах, действительно было.

Однако ни в документах двадцатилетней давности, ни в публикациях, последовавших затем в течение этих двух десятилетий, никогда не говорилось о нехватке на рубеже 1991 – 1992 годов сахара. По данным Росстата, запасы сахара в розничной сети в конце 1991 года составляли 191 тысячу тонн, а, например, в конце 1997 года, когда никакой речи о дефиците сахара не было, — только 84 тысячи тонн. Более того, буквально за неделю до распоряжения о нефте-сахарной «кубинской» сделке Е. Гайдар собственноручно подписал распоряжение о закупке во Франции и поставке в Россию в декабре 1991-го и первом квартале 1992 года еще 400 тысяч тонн сахара²¹. Иными словами, срочной необходимости дополнительных закупок сахара в конце 1991 года не было.

Спрашивается, а зачем же тогда, в конце декабря 1991 года, в условиях отсутствия дефицита сахара, при наличии его, возможно, небольшого, но все же излишка, понадобилось закупать его дополнительные объемы и тратить на него остродефицитную валюту? Почему в условиях валютного кризиса и банкротства Внешэкономбанка СССР, оставившего без вкладов тысячи организаций и сотни тысяч вкладчиков, в условиях кризиса в закупках именно хлебных ресурсов, в условиях кризиса задолженности по оплате фрахта зерновозов дефицитную валюту Е. Гайдар в первую очередь направил не на решение именно этих проблем? Почему вместо этого понадобилось закупать сахар, к тому же не там, где он мог быть дешевле, а именно на Кубе?

— *И почему?*

Не скрою, ответ на эти вопросы оказался для меня, мягко говоря, не совсем ожидаемым. Судя по имеющейся информации, двести миллионов долларов были отданы режиму Кастро за оплату сохранения на острове элемен-

²¹ Распоряжение правительства РСФСР от 19.12.91 № 169-Р о закупке во Франции и поставке для нужд Российской Федерации сахара, говяжьего мяса, сухого молока и детских молочных смесей: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10239.htm>.

тов разведывательной сети, доставшейся России от развалившегося СССР. Одним из крупнейших объектов советской разведки за рубежом был центр прослушивания телефонных разговоров в Западном полушарии, расположенный в Лурдесе, южном пригороде Гаваны. Позже он получил название Российский электронный центр (РЭЦ). За эту «игрушку», на которой тогда служило более двух тысяч военных, Советский Союз, а затем Россия платили кубинскому коммунистическому режиму по двести миллионов долларов в год.

В советское время схема финансирования разведывательного центра предусматривала поставки нефти из СССР на Кубу и закупки у нее сахара по завышенным ценам²². В 1990-е годы соглашения между российскими и кубинскими спецслужбами о сотрудничестве в разведывательной деятельности подписывались одновременно с российско-кубинскими сделками по взаимным поставкам нефти и сахара. В результате последних образовывались суммы, необходимые для финансирования РЭЦ. Суммы субсидий по нефте-сахарным сделкам в течение ряда лет или равнялись, или были близкими к 200 миллионов долларов.

В 1992 году Е. Гайдар ликвидировал свободную торговлю с Кубой по ценам мирового рынка в СКВ, введенную в конце 1990 года М. Горбачевым и Н. Рыжковым²³. Бартерная торговля по преференциальным ценам и субсидиям, восстановленная Е. Гайдаром в 1992 году, продолжалась все 1990-е годы²⁴ и прекратилась лишь в начале 2000-х, когда В. Путин принял решение закрыть разведывательный центр в Лурдесе.

²² «...он [А. Кортунов, автор статьи об экономической помощи зарубежным странам “Щедрость или расточительство?” — “Московские новости”, № 49, 3 декабря 1989 г. — А. И.] не мог не заметить того, о чем на Западе очень много пишут: существования на Кубе неких объектов для сбора электронной информации, базирования на острове наших самолетов, осуществляющих разведывательные полеты вдоль атлантического побережья США. Наверное, все это нужно для нашей безопасности. Американцы за подобные объекты в других странах платят, прямо скажем, немалые деньги в твердой валюте, разумеется». — *Тарасенко С.*, начальник управления МИД СССР. Широко, и даже очень. — «Московские новости», 31 декабря 1989 г.

²³ Соглашение между правительством СССР и правительством Республики Куба о переходе на новый механизм взаимных торгово-экономических взаимоотношений от 29 декабря 1990 г.: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data02/tex12133.htm>.

²⁴ О финансировании содержания РЭЦ Лурдес см. протоколы о поставках российской нефти, в частности, в постановлении правительства № 142 от 20 февраля 1995 г.: «Для выполнения обязательств Российской Федерации в соответствии с межправительственными соглашениями утвердить поставки нефти и нефтепродуктов... по протоколу... к Соглашению от 3 ноября 1992 года об объемах и формах компенсации Кубинской стороне Российской стороной в связи с пребыванием на территории Республики Куба РЭЦ»: <http://www.pravoteka.ru/pst/731/365108.html>. См. также постановление правительства № 348 от 25 марта 1996 года <http://infopravo.by.ru/fed1996/ch06/akt20276.shtm>, постановление правительства № 1145 от 23 сентября 1996 г.: <http://tomsk.gov.ru/ru/documents/?document=12191>.

— *Получается, что своими распоряжениями Егор Гайдар вместо попыток преодоления продовольственного кризиса поддержал разведку развалившейся империи? А других действий по улучшению продовольственной ситуации в стране он не предпринимал?*

15. Егор Гайдар и Владимир Путин

Были и другие решения. Например, ряд подписанных им поручений по импортным закупкам продовольствия был адресован санкт-петербургской мэрии. Правда, относительно того, помогло ли это жителям города с питанием, ясности нет.

В своем недавнем выступлении бывший министр экономики российского правительства Андрей Нечаев не без гордости рассказал, что, придя в правительство, он вместе с бывшим министром топлива Владимиром Лопухиным убедил Е. Гайдара «отменить все ранее выданные разрешения на экспорт нефти», в частности, потому что это была очень коррумпированная сфера, а с коррупцией надо было кончать²⁵. Е. Гайдар также вспоминает об этом решении²⁶.

Действительно, одним из самых первых документов нового правительства в сфере экономической политики стало Постановление № 7 от 15 но-

²⁵ А. Нечаев: «Мы когда пришли, буквально через неделю или две обнаружили, что квот (тот, кто не знает: разрешений на вывоз нефти из страны) было выдано больше на 1992 год, чем в стране добывается нефти. Просто надо понимать, что это значило: говорят, в Советском Союзе не было коррупции, ну, не знаю, как в момент создания Советского Союза, а во время развала там все с коррупцией было очень в порядке у этих партийных деятелей. Но дело не в этом, надо просто понимать, что это было такое: внутри страны нефть стоила 50 рублей за тонну, а на мировом рынке она стоила 200 долларов за тонну, то есть, в общем, получив некое количество тонн, можно было быстро стать долларовым миллионером. И мы пришли тогда с Володией Лопухиным к Егору и сказали — “Егор, надо отменять!” И мы отменили все ранее выданные разрешения на экспорт нефти. Такие вещи делаются или с крайнего мужества, или, конечно, может быть, отчасти, от необыкновенного романтизма. Как нас не перестреляли после этого прямо на следующий день — это удивительно. Но вот такого рода решений, которые затрагивали очень конкретные интересы, иногда большого числа людей, Егор принимал каждый день, иногда десятки в день, и это были решения всегда безусловно на пользу стране, но очень часто они требовали огромного мужества»: <http://kborovoi.livejournal.com/40982.html>, http://www.youtube.com/watch?v=t-IWLUF1wMc&feature=player_embedded.

²⁶ «Мы разом и решительно перекрыли этот денежный кран... Все выданные ранее квоты и лицензии подлежали проверке и перерегистрации, для чего была создана оперативная комиссия во главе с министром топлива и энергетики Владимиром Лопухиным. Указ об этом был подписан одним из первых». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 147.

ября 1991 года Этим решением правительство возложило полномочия по «формированию и распределению генеральных квот на экспорт нефти и продуктов ее переработки» на два министерства — Минэкономики и финансов (министр Е. Гайдар; замминистра А. Нечаев, с февраля 1992 года — министр экономики) и Министерство топлива (министр В. Лопухин)²⁷. Это же постановление потребовало пересмотра всех лицензий и квот, выданных ранее. Очевидно, что какая-то часть разрешений, выданных предшественниками, действительно не была перерегистрирована и, следовательно, отменена. Часть же — сохранила свою силу.

Этим же Постановлением правительства вводился запрет Комитету внешнеэкономических связей и его уполномоченным на местах выдавать новые лицензии на экспорт нефти и нефтепродуктов в течение ближайших полутора месяцев — до 1 января 1992 года. Правда, приняв решение о моратории на выдачу квот и лицензий, Е. Гайдар тем не менее, не дожидаясь истечения назначенного им самим срока, приступил к выдаче новых разрешений на экспорт. Один из пакетов таких разрешений был выдан Санкт-Петербургской мэрии в лице мэра города Анатолия Собчака, а также его заместителя и одновременно руководителя Комитета по внешним связям (КВС) мэрии Владимира Путина. На запрос КВС от 4 декабря 1991 года, подписанный В. Путиным, о поставках на экспорт леса и лесоматериалов, нефтепродуктов, лома черных металлов, цветных металлов, редкоземельных материалов, цемента, аммиака на общую сумму в 124 миллиона долларов для закупки продовольствия Е. Гайдар поставил свою резолюцию: «Согласен»²⁸. В тот же день, 4 декабря 1991 года, Гайдар дал разрешение на экспорт 50 тысяч тонн мазута и 100 тысяч тонн дизельного топлива на сумму свыше 32 миллионов долларов, которое (разрешение) через две недели было исполнено В. Путиным для выдачи лицензии производственно-торговой компании «Невский дом» для экспорта нефтепродуктов, произведенных компанией «Киришинефтеоргсинтез»²⁹. Имя нефтрейдера этой компании — Геннадия Тимченко — тогда было мало кому известно. 5 декабря 1991 года Е. Гайдар дал КВС питерской мэрии новое разрешение на экспорт сырьевых ресурсов № 1. 16. 03-03. 2984³⁰. 9 января 1992 года появилось гайдаровское поручение № ЕГ-5-00931³¹, выпущенное уже после либерализации внешнеэкономической деятельности и принятия правительством Постановления № 90 от 31 декабря 1991 года «О лицензировании и квотиро-

²⁷ Постановление правительства РСФСР от 15.11.91 № 7 о регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10619.htm>.

²⁸ С. 1: <http://gdb.rferl.org/67044219-456F-48BC-B9F6-3A857FCEDC23.jpg>, стр. 2: <http://gdb.rferl.org/A9C77D43-F453-4178-98D6-09F57EE85C32.jpg>.

²⁹ <http://gdb.rferl.org/EC711B61-9E1D-4958-8487-B459DA427C00.jpg>.

³⁰ <http://gdb.rferl.org/DCE6B47C-5EFB-421F-9890-A02427C20A30.jpg>.

³¹ <http://gdb.rferl.org/DCE6B47C-5EFB-421F-9890-A02427C20A30.jpg>.

вании экспорта и импорта товаров». По этим документам КВС мэрии выдал новые лицензии на экспорт сырьевых ресурсов, что было затем подтверждено соответствующей справкой В. Путина³².

— Иными словами, это значит, что руководству города дали лицензии, то есть просто возможность на определенную сумму что-то продать?

Да, это так. Но при выдаче этих документов был совершен целый ряд нарушений и допущены, скажем мягко, трудно объяснимые ошибки. Во-первых, было нарушено постановление самого гайдаровского правительства о моратории на выдачу новых квот до 1 января 1992 года. Во-вторых, в нарушение сложившейся практики и инструкций квоты впервые были выданы не уполномоченным республиканского Комитета по внешнеэкономическим связям при МИДе (КВЭС), превратившегося затем в Министерство внешнеэкономических связей (МВЭС), а местным органам власти; причем у этих органов отсутствовали как соответствующие кадры, обладавшие необходимым опытом, так и возможности проверки коммерческих партнеров. В-третьих, само выделение квот и лицензий очевидным образом противоречило логике рыночных экономических реформ, казалось бы, провозглашенных самим гайдаровским правительством. В-четвертых, поскольку либерализация цен и либерализация внешнеэкономической деятельности были начаты с января 1992 года, выдача квот и лицензий на новый, 1992-й, год явным образом разрушала единое правовое поле экономической деятельности в новых условиях: если цены на товары освобождены, а внешнеэкономическая деятельность либерализована, то зачем же тогда нужны лицензии на экспорт?

В-пятых, если правительство и региональные власти нуждались в закупках максимального количества продовольствия, к тому же в кратчайшие сроки, то зачем его надо было закупать на Западе? Цены на продовольствие на мировом рынке тогда были в десятки, если не сотни, раз выше, чем в сельскохозяйственных регионах России, в Украине, Молдавии, Белоруссии. Следовательно, за те же деньги можно было бы закупить продовольствия на территории бывшего СССР в десятки и сотни раз больше, чем на Западе. Заодно таким образом можно было дополнительно укреплять СНГ и поддерживать те самые межреспубликанские экономические связи, о необходимости сохранения которых тогда столько говорилось. Наконец, в-шестых, простой расчет показывал, что лицензии и квоты были выданы на закупку такого количества продовольственных ресурсов, которое в разы превышало объем физического потребления населением Петербурга. А ведь в город поступало продовольствие еще и по другим каналам.

Кроме того, в-седьмых, в силу того, что реализация решений, основанных на лицензиях, выданных еще во времена СССР, осуществлялась в первом квартале 1992 года в условиях существования уже новой страны — Рос-

³² <http://gdb.rferl.org/C4D2FBE0-34A9-412B-8F7B-F6C95F7B38F3.jpg>.

сии, то исчезли юридические основания гарантий выполнения этих решений после 1 января 1992 года. Как выяснилось, вывезти сырье из страны удалось, а вот обеспечить поступление продовольствия в нее после 1 января оказалось невозможным. По крайней мере, именно такое объяснение — переход от юридической базы Советского Союза к юридической базе Российской Федерации — было названо бывшим председателем Петербургского Совета Александром Беляевым в качестве главной причины невыполнения заключенных контрактов на поставку в Санкт-Петербург продовольствия³³.

После выхода правительственного Постановления от 31 декабря 1991 года № 90 «О лицензировании и квотировании экспорта и импорта товаров (работ, услуг) на территории Российской Федерации в 1992 году», предоставившего исключительные права по выдаче лицензий только КВЭС при МИДе России, 14 января 1992 года Е. Гайдар, казалось бы, потребовал его выполнения от руководителя Таможенного Комитета России А. Круглова: «Прошу Вас дать указание не пропускать грузы по лицензиям, оформленным государственными органами или организациями, на то не уполномоченными»³⁴.

Выполняя это распоряжение вице-преьера российского правительства, начальник Санкт-Петербургской таможни В. Степанов остановил погрузку древесины на теплоход «Космонавт В. Комаров» в Санкт-Петербургском порту, поскольку лицензия на ее экспорт была выдана Комитетом по внешним связям Питерской мэрии, не уполномоченным на такие операции. 27 января 1992 года руководитель КВС В. Путин потребовал от В. Степанова разрешить возобновление отгрузки древесины, ссылаясь в своем письме на поручение правительства, подписанное Е. Гайдаром³⁵. Одновременно мэр города А. Собчак обратился за дополнительной поддержкой к Е. Гайдару. В своем письме он ссылаясь на принятые ранее Е. Гайдаром решения (разрешение от 5 декабря 1991 года и поручение от 9 января 1992 года)³⁶. Фактически немедленно — на следующий же день — Е. Гайдар откликнулся на просьбу А. Собчака и выпустил новое Поручение правительства от 28 января 1992 года № ЕГ-5-03444: «КВЭСу при МИД России (т. Авену), Минэкономки и финансов России (т. Нечаеву). Поддерживаю без изменения квот и экспортных пошлин. По экспортным пошлинам согласен по договорам, заключенным между Мэрией Санкт-Петербурга и поставщиками до 15.01.92 г. В. В. Путин под личную ответственность. *Е. Гайдар*»³⁷.

³³ Александр Беляев о питерской карьере Путина: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1990526.html>.

³⁴ <http://gdb.rferl.org/15CC4F08-318F-40E4-AA64-BB1C658A636D.jpg>.

³⁵ <http://gdb.rferl.org/B4B76202-5FA4-4EE7-BEE0-4F371F1927C2.jpg>.

³⁶ <http://gdb.rferl.org/DCB27280-08B8-4AE6-8B40-D2D647B4B8B1.jpg>.

³⁷ *Иванидзе В.* Спасая подполковника Путина: <http://www.svobodanews.ru/articleprintview/1983851.html>.

Важно даже не то, что поручение вице-премьера российского правительства было адресовано одновременно двум федеральным министрам и, что весьма необычно, персонально вице-мэру нестоличного города, находившемуся на заметно более низкой ступени бюрократической иерархии. Важно то, что своим поручением Е. Гайдар дезавуировал постановление своего собственного правительства. Личная ответственность чиновника петербургской мэрии В. Путина оказалась для Е. Гайдара более весомой, чем решение его правительства.

Народный депутат России и депутат Петросовета Марина Салье, возглавлявшая депутатскую комиссию, расследовавшую аферу по экспорту сырья и закупкам импортного продовольствия, так прокомментировала новый шаг Е. Гайдара, отменившего его собственные предыдущие решения: «Письмо Гайдара, в котором он согласился с иезуитскими формулировками Собчака, закрыло все. Путину разрешили оформлять лицензии и узаконили лицензии, выданные ранее. Само оформление лицензий ниже всякой критики — на некоторых дат нет, на некоторых печатей нет, подписей. Чего там только не было — масса нарушений»³⁸.

Почему Е. Гайдар предоставил полномочия по совершению нарушений лично В. Путину?

Как показало расследование комиссии Петросовета под руководством М. Салье, результаты которого затем подтвердил председатель Петросовета А. Беляев, по лицензиям и квотам, выданным КВС мэрии, были экспортированы сырьевые ресурсы на десятки миллионов долларов, однако ни одного килограмма — ни мяса, ни муки — на полученную валюту в Петербург не поступило. Общая сумма потерь города от первого пакета квот и лицензий, по данным комиссии М. Салье, составила 92 миллиона долларов. Всего же мэрии Санкт-Петербурга гайдаровское правительство выдало квот и лицензий, по данным М. Салье, на сумму около одного миллиарда долларов. Из них не менее 850 миллионов долларов «сгнило» в недрах КВС, руководителем которого был В. Путин³⁹. Следует иметь в виду, что на эти средства можно было бы приобрести такое количество продовольствия, которого хватило бы для потребления населением Петербурга и области в течение нескольких лет.

Когда петербургские депутаты в лице комиссии М. Салье провели расследование и потребовали по его результатам отстранения от дел Владимира Путина и Анатолия Собчака, то российское правительство встало на сторону руководства петербургской мэрии. Более того, правительство лишило юридических полномочий по выдаче экспортных лицензий регионального уполномоченного МВЭС Анатолия Пахомова и передало их КВЭС В. Путина, само же дело было замято.

³⁸ Кириленко А., Тимофеев Ю. Почему Марина Салье молчала о Путине 10 лет? <http://www.svobodanews.ru/content/article/1972366.html>.

³⁹ Салье М. В. Путин — «президент» коррумпированной олигархии: <http://www.anticompromat.org/putin/salie.html>.

Очевидно, не следует ставить знак равенства между непосредственными организаторами и исполнителями криминальной аферы из сотрудников петербургской мэрии, с одной стороны, и членами российского правительства, сделавшими своими решениями эту аферу возможной, с другой. И роль и ответственность и тех и других — разные. Кроме того, неизвестны какие-либо документы, позволяющие говорить о личной заинтересованности Е. Гайдара в последовательном принятии целого ряда решений российского правительства, создавших необходимые условия для осуществления одной из крупнейших коррупционных афер в России начала 1990-х годов. Однако именно его личные решения сделали эту аферу возможной. Если бы Е. Гайдар не подписал — в нарушение логики провозглашенных им самим экономических реформ, неоднократных собственных публичных заявлений, постановлений собственного правительства — незаконные разрешения и поручения о выдаче петербургской мэрии экспортных квот, если бы тогда, когда только что обнаружилось злоупотребления, Гайдар не встал де-факто на защиту нарушителей закона, если бы он все же настоял на выполнении постановлений, принятых его собственным правительством, то, скорее всего, этих преступлений не случилось бы вовсе, а если бы они все-таки и произошли, то виновные в них были бы либо привлечены к уголовной ответственности, либо, по меньшей мере, освобождены от своих должностей. И тогда, возможно, и вся история нашей страны как минимум последней дюжины лет могла оказаться иной.

Следует также иметь в виду, что лицензии и квоты, подобные тем, что выдавались петербургской мэрии, выдавались не только ей, но и московской мэрии, нижегородским, иркутским властям, а также, возможно, другим региональным органам власти. Однако в этих регионах, судя по всему, не оказалось своих Марин Салье, готовых разбираться в том, кому такие права были предоставлены и что из таких решений получилось. Поэтому общий объем квот, выданных российским правительством в 1991 — 1992 годах, остается пока неизвестным.

— *Это все решения, принятые Е. Гайдаром в тот период? Или были и другие?*

16. Экономические реформы и иерархические структуры

Да, были. Список всех правительственных распоряжений, подписанных непосредственно Егором Гайдаром с 6 ноября по 31 декабря 1991 года и относившихся к проведению экономической политики, насчитывает, как минимум, 55 документов⁴⁰. Знакомство с их содержанием оставляет странное впечатление.

Оказывается, что так называемая *борьба с угрозой массового голода* занимала в работе вице-премьера по экономике относительно скромное место:

⁴⁰ *Илларионов А.* Что это было? <http://aillarionov.livejournal.com/279369.html>, <http://aillarionov.livejournal.com/279653.html>.

из пятидесяти пяти распоряжений Е. Гайдара лишь семь могут быть охарактеризованы как прямо и три — как косвенно (административное выделение кормов животноводческим хозяйствам⁴¹) — нацеленные на преодоление продовольственного кризиса в стране. Подавляющее большинство распоряжений, — как по их числу (свыше 80%), так и по масштабам использования бюджетных средств, снижения налоговых платежей, уменьшения государственных активов, увеличения государственной задолженности, — не имели отношения к решению вопросов продовольственного снабжения населения.

В этих пятидесяти пяти документах не зафиксировано каких-либо инициатив со стороны Е. Гайдара по улучшению обеспечения страны хлебом, которые базировались бы на использовании рыночных механизмов. Три распоряжения⁴² из семи устанавливали административно-командное распределение имевшихся продовольственных ресурсов. Причем делали это в более жесткой форме⁴³, чем, например, предлагалось Постановлением Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР № 4 от 31 августа 1991 года⁴⁴, которое было затем использовано Е. Гайдаром и его последователями в качестве основания для обвинений его авторов в планировании введения продразверстки⁴⁵.

⁴¹ Распоряжение правительства РСФСР от 29.11.91 № 78-Р «О выделении концентрированных кормов для производственного объединения “Липецкое” по птицеводству»: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10495.htm>; Распоряжение правительства РСФСР от 05.12.91 № 100-Р «О выделении концентрированных кормов для свиноводческих комплексов “Жуковский” и “Катинский”»: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10429.htm>; Распоряжение «О распределении концентрированных кормов на I квартал 1992 г.» № 192 от 23 декабря 1991 г.: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10200.htm>.

⁴² Распоряжение «О поставках продовольствия для государственных нужд в I квартале 1992 года» № 110 от 6 декабря 1991 г.: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10410.htm>; Распоряжение «О поставках продовольствия в Москву» № 145 от 12 декабря 1991 г.: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10345.htm>; Распоряжение «Об использовании хлебных ресурсов (О запрете перевозок хлебопродуктов)» № 238 от 29 декабря 1991 г.: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10073.htm>.

⁴³ Об угрозе «введения продразверстки» осенью 1991 года: <http://aillarionov.livejournal.com/274648.html>; об угрозе государственного интервенционизма осенью 1991 года: <http://aillarionov.livejournal.com/274863.html>.

⁴⁴ Постановление Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 31.08.91 № 4 «О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием»: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex11121.htm>.

⁴⁵ *Гайдар Е.* Гибель империи. Гл. 8, §3. М., 2006. С. 412 — 413: «Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР 31 августа 1991 года принимает Постановление “О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием”. Тем, кто знает отечественную экономическую историю XX в., оно до боли напоминает реалии 1915–1921 гг. Вот несколько выдержек из этого документа: “Считать недопустимым, что в ряде мест при наличии достаточных зерновых ресурсов в

Три других распоряжения о поставках продовольствия представляли собой лишь одобрение вице-премьером России сделок, инициированных и частично проведенных другими экономическими и политическими субъектами (брокерские фирмы Росагробиржи; правительство СССР, получившее кредит Французской Республики; Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР)⁴⁶.

хозяйствах, благоприятных экономических условий для закупки зерна сдерживается его продажа государству. <...> Ввести временно порядок, в соответствии с которым указания Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР о поставках зерна и продовольствия общесоюзным потребителям, по межреспубликанским поставкам и об отгрузке продовольствия в районы крайнего Севера являются обязательными для исполнения. Возникающие при этом вопросы взаимных расчетов рассмотреть при разработке и подписании Экономического соглашения и утверждении балансов продовольствия на 1992 год". Прочитав этот текст, становится очевидным: у тех, кто его подписывал, нет уверенности в том, что они способны арестовать и расстрелять сотни тысяч людей, как это было сделано в 1918–1921 гг., во время продразверстки. А без воли сделать это, подобные решения не работают»: <http://lib.gus.ec/b/129836/read#r602>;

«...почитайте вот текст постановления Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, одним из руководителей которого в конце 1991 года был Лужков, от 31.08.1991 года "О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием". Пункт 4 этого постановления говорит о фактическом введении в стране натуральной продразверстки, экспроприации зерна у собственников. "Другое решение" проблемы дефицита... Вот говорят: разговоры о том, что Гайдар предотвратил гражданскую войну, — якобы преувеличение. Да никакого преувеличения. Встань во главе правительства Силаев и Лужков с их идеями продразверстки — вот и получилась бы самая настоящая гражданская война»: <http://echo.msk.ru/blog/milov/652255-echo/>;

«...я в своем посте о Егоре Гайдаре... специально привел ссылку на текст постановления Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР от 31.08.1991 года "О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием", которым напрямую предлагалось ввести в стране продразверстку в связи с угрожающими проблемами в заготовке продовольствия»: <http://echo.msk.ru/blog/milov/655820-echo/>;

«После провала путча был создан Комитет по управлению народным хозяйством СССР, который возглавил И. Силаев. Тридцать первого августа этот комитет принял постановление "О неотложных мерах по обеспечению населения продовольствием", четвертый пункт которого говорил о фактическом введении в стране натуральной продразверстки, экспроприации зерна у собственников»: http://ej.ru/?a=note_print&id=10777.

⁴⁶ Распоряжение правительства РСФСР от 18.11.91 № 18 «О закупке зерна»: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10593.htm>; Распоряжение правительства РСФСР от 16.12.91 № 150 «О выделении Минсельхозу РСФСР и Комитету по хлебопродуктам Министерства торговли и материально-технических ресурсов для обеспечения закупки продуктов питания, зерна и сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности»: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10297.htm>; Распоря-

Единственное решение (из общего числа пятидесяти пяти распоряжений, в том числе семи распоряжений, относившихся к поставкам продовольствия в Россию), инициированное непосредственно Е. Гайдаром, — это уже упоминавшееся ранее Распоряжение № 203 от 27 декабря 1991 года. Правда, оно касалось закупок не зерна, муки или хлебопродуктов, названных позднее Е. Гайдаром наиболее дефицитными видами продовольствия в то время, а сахара-сырца. Это была та самая сделка с режимом коммунистической Кубы, главной целью которой стала, очевидно, не столько поставка продовольствия в Россию, сколько оплата пребывания разведывательного центра в этой стране.

В качестве инициативных действий Е. Гайдара по обеспечению страны продовольствием на рыночной основе обычно называется *решение о либерализации цен* со 2 января 1992 года. Это действительно одно из важнейших решений всей программы реформирования. Однако при этом необходимо сделать несколько существенных оговорок.

Во-первых, экономисты, в том числе и оказавшиеся в команде Гайдара, пришли к решению о необходимости либерализации цен задолго до обострения продовольственной ситуации в стране; это решение и готовилось и осуществлялось в качестве важнейшего элемента программы экономических реформ по переходу от плановой системы к рыночной, безотносительно к продовольственной ситуации; это решение было бы осуществлено в любом случае, даже если бы в стране не было кризиса продовольственного снабжения крупных городов.

Во-вторых, документы по либерализации цен готовились и союзным правительством и затем российским правительством; в российском правительстве не только Е. Гайдаром, но и всей реформаторской командой — и до ее прихода во власть и во время работы во власти.

В-третьих, принципиально это решение было принято российской властью хотя и под воздействием в том числе рекомендаций Е. Гайдара (а также и других экономистов), но еще до назначения Е. Гайдара в правительство⁴⁷.

жение правительства РСФСР от 19.12.91 № 169 «О закупке во Франции и поставке для нужд Российской Федерации сахара, говяжьего мяса, сухого молока и детских молочных смесей»: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10239.htm>.

⁴⁷ «Я помню заседание Государственного совета, где было все руководство России (по-моему, 25 октября 1991 г.), когда Ельцин собрал руководство, включая Хасбулатова и Руцкого, и рассказал, что он собирается делать. Он спросил: “Есть ли кто-нибудь, кто с этим не согласен?” Ни одной руки не поднялось, было только гробовое молчание». — *Гайдар Е.* Смуты и институты. Лекция: <http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>.

«Самая болезненная мера — разовое размораживание цен в текущем году... Подготовлены конкретные меры, реализации которых начнется уже в самое ближайшее время. Среди них, как я уже сказал, наиболее тяжелая — это либерализация цен... Свободные цены должны быть инструментом роста производства, что поставит предел росту цен... Ряд суверенных государств бывшего Союза уже про-

В-четвертых, политическую ответственность за это решение взяли на себя лица, подписавшие соответствующие юридические документы. Указ по либерализации цен был подписан бывшим тогда и президентом России и руководителем правительства Б. Ельциным, постановление о либерализации цен — его первым заместителем Г. Бурбулисом.

В-пятых, острота продовольственной ситуации, судя по всему, не играла существенной роли в принятии решения о сроках либерализации цен; усугубление продовольственного кризиса в стране сопровождалось не ускорением процесса либерализации, а ее откладыванием; дата либерализации цен, первоначально назначенная на начало декабря 1991 года, сперва была перенесена на середину декабря, а затем на 2 января 1992 года. Наконец, 2 января 1992 года цены на основные продовольственные товары и прежде всего на хлеб либерализованы не были, государственное регулирование цен на хлеб и зерно сохранялось еще в течение почти двух лет, оно было отменено лишь осенью 1993 года.

Эти особенности проведения либерализации цен в России, а также фактические решения Е. Гайдара, принятые в конце 1991 года, не подтверждают популярного позднее представления о том, что главной сферой деятельности Е. Гайдара тогда была борьба с так называемой *угрозой массового голода* в России. Структура решений, принятых и правительством в целом, и Е. Гайдаром индивидуально (по их общему числу, по материальным затратам, финансовым, в том числе валютным, расходам), дает некоторое представление о структуре внимания и предпочтений тогдашнего российского правительства.

Список распоряжений, подписанных Е. Гайдаром, обращает на себя внимание тем, что некоторые из них имели откровенно нерыночный, административно-командный, характер. В частности, это касается распоряжений о поставках продовольствия для государственных нужд (Распоряжение № 110 от 6 декабря и № 145 от 12 декабря), распоряжения о национализации производства шпал и введении шпальной разверстки (Распоряжение № 206 от 27 декабря)⁴⁸. Распоряжение № 128 от 11 декабря, требовавшее от Центробанка выделения оборотных средств и кредитных ресурсов территориальным органам Минторга, а также внесения предложений о выделении валютных средств Минтранспорту⁴⁹, свидетельствовало как о наруше-

двинулись по пути либерализации цен. И российские фиксированные цены оказались для них сверхпривлекательными... Я призываю всех граждан России понять: разовый переход к рыночным ценам — тяжелая, вынужденная, но необходимая мера». — *Ельцин Б.* Речь на V Съезде народных депутатов России 28 октября 1991г. См: <http://aillarionov.livejournal.com/280307.html>.

⁴⁸ Распоряжение правительства РСФСР от 27.12.91 № 206 «О порядке выписки лесорубочных билетов лесозаготовительным предприятиям»: <http://bestpravo.ru/fed/1991/data01/tex10110.htm>.

⁴⁹ Распоряжение правительства РСФСР от 11.12.91 № 128 «О мерах по энергообеспечению народного хозяйства и населения РСФСР и перевозке важнейших грузов в зимний период 1991/92 года»: <http://www.bestpravo.ru/fed/1991/data01/tex10365.htm>.

нии со стороны правительства независимости Центробанка, так и о непризнании (непонимании?) его роли в рыночной экономике.

Большинство же распоряжений, подписанных Е. Гайдаром, носили шокирующе лоббистский характер. Среди них были решения о выделении отдельным коммерческим предприятиям, организациям и даже политическим партиям различных материальных, финансовых и квази-денежных ресурсов — от легковых и грузовых автомобилей для ПО «Гжель» и Демократической партии России до десятков и сотен миллионов долларов фирме «Капо», заводу «Красный двигатель», НПО «Центр инженерной научной Ассоциации». Веер предоставленных льгот впечатляет — тут и передача ста тонн бензина, и разрешение поставок на экспорт сотен тысяч тонн чугуна и проката, и освобождение от поставок государству миллионов тонн угля, и предоставление изумрудов совместным предприятиям... Адресаты распоряжений освобождались от налогообложения, рентных платежей, обязательной продажи государству продовольствия, обязательной продажи валютной выручки. В то время как по более поздним утверждениям Е. Гайдара на страну надвигался массовый голод, сам вице-премьер считал более приоритетным выделять бюджетное финансирование для изготовления искусственных спутников Земли. Нельзя не обратить внимание и на контрасты в суммах, направлявшихся на различные цели. Если на закупку аппаратов радиоактивной диагностики и томографов для граждан России выделялось 100 тысяч инвалютных рублей и 700 тысяч долларов США соответственно, то гарантии восточногерманским предприятиям по закупкам у них товаров были предоставлены на суммы в десятки и сотни тысяч раз больше — в 6,3 миллиардов немецких марок. Как известно и студенту экономического вуза, самые неэффективные государственные расходы — это субсидии, в особенности производственные, тем более зарубежным компаниям. Если совсем невозможно обойтись без субсидий, то тогда уж лучше предоставлять эти средства напрямую гражданам, — чтобы именно они решали, какого рода товары им покупать, покупать ли им товары, произведенные восточногерманскими или западногерманскими, или российскими, или какими-то еще предприятиями, покупать ли им товары, оплачивать услуги или же использовать эти средства каким-то иным образом.

Правительственные распоряжения, подписанные в ноябре-декабре 1991 года Е. Гайдаром, свидетельствуют о господствовавшем в его действиях селективном подходе, об отсутствии единых правил по распоряжению бюджетными средствами, об отсутствии обоснования таких решений, об отсутствии сколько-нибудь внятной кратко- и среднесрочной стратегии правительственной деятельности, о предоставлении огромного количества льгот и принятии на счет государства значительных обязательств на годы вперед, о нарушении базовых правил демократического государства по расходованию бюджетных средств и использованию государственных ресурсов (передача государственных материальных и финансовых активов частным предприятиям, политическим партиям, общественным организациям). О по-

рочности таких действий сам Е. Гайдар подробно писал и говорил как до своего прихода в правительство, так и после ухода из него, используя для их характеристики, в частности, такие термины, как «частная собственность номенклатуры», «неразделенность власти и собственности».

Кроме того, эти решения свидетельствовали о наличии в России осенью 1991 года в целом сносно функционировавшего государственного аппарата. Количество решений, скорость их выпуска, качество их подготовки, отсутствие каких-либо признаков их невыполнения и/или жалоб на их невыполнение не подтверждают возникшего позже и популяризовавшегося затем утверждения о развале работы системы государственной власти осенью 1991 года. Эти решения также опровергают более поздние утверждения, будто бы в распоряжении правительства тогда находились валютные средства в размере всего лишь 26 (или 60) миллионов долларов США. Стоимостная оценка принятых распоряжений, в том числе в валюте, свидетельствует о том, что правительство (и его вице-премьер) на самом деле распоряжались существенно (на порядки) большим объемом валютных средств.

Нельзя не обратить внимание также и на несопоставимость масштабов государственных ресурсов, предоставленных Е. Гайдаром производственным компаниям, вовлеченным в предпринимательскую деятельность и, следовательно, способным зарабатывать средства самостоятельно, с одной стороны, и, например, государственным органам судебной власти, не участвующим в предпринимательской деятельности, с другой. Несопоставимыми также оказались масштабы перераспределения государственных ресурсов Е. Гайдаром, с одной стороны, и другими представителями российской исполнительной власти, включая и президента России, с другой.

Естественно, возникает необходимость понять причины столь активной перераспределительной деятельности со стороны вице-преьера по экономике. Среди возможных объяснений можно предложить следующие: намеренные действия, основанные на мировоззрении Егора Гайдара; некомпетентность, неадекватность, непонимание последствий своих действий; коррупция; личная слабость, неспособность противостоять давлению лоббистов. Сам Е. Гайдар, похоже, считал главной причиной своих действий собственную недостаточную твердость⁵⁰.

Как бы то ни было, реальные действия Егора Гайдара в конце 1991 года на посту вице-преьера, ответственного за проведение экономических реформ, оказываются несколько отличными от тех, что соответствовали бы популярному образу либерального реформатора, рыночными методами спасавшего страну от угрозы массового голода.

⁵⁰ «Если к вам приходит один лоббист и просит денег, вы можете ему отказать. Если к вам приходят второй, третий, пятый лоббист, вы им тоже можете отказать. Но когда к вам приходят пятнадцатый-двадцатый, вы отказать не можете и даете им денег». *Илларионов А.* Трудный путь к свободе. Ч. 1. «Континент», № 145: <http://iea.ru/macroeconom.php?id=25>.

— Вы критикуете Гайдара за эти решения. Но, может быть, именно они и были нужны тогда? Может быть, именно они спасли важнейшие предприятия страны? И многих российских граждан?

17. Дни поражений без побед

Во-первых, это не столько критика, сколько нескрываемое удивление, переходящее в недоумение. В конце 1991 года страна действительно находилась в кризисе. Можно спорить о его масштабах и глубине, можно не соглашаться с оценкой, данной одним экспертом, и предлагать другие, можно обсуждать различные варианты выхода из кризиса. Но факт остается фактом — страна была в тяжелом экономическом кризисе. От решений того, кто находился во главе исполнительной власти, зависела сама возможность преодоления кризиса, скорость адаптации граждан и предприятий к новым условиям, быстрота выхода страны на траекторию устойчивого экономического роста. Увы, среди распоряжений, подписанных Е. Гайдаром, совсем немного таких документов, которые можно считать действительно направленными на преодоление или даже смягчение кризиса.

Во-вторых, в течение нескольких лет, предшествовавших началу экономических реформ, по крайней мере с 1986 года, мне приходилось участвовать в обсуждении готовившихся реформ совместно с рядом экономистов, вошедших затем в российскую власть. Среди них был и Е. Гайдар. Ничего подобного тем решениям, какие были затем фактически приняты, на тех семинарах не обсуждалось. Точнее, если и обсуждалось, то только в качестве иллюстрации примеров абсолютно недопустимого лоббизма, которому нет места в деятельности сколько-нибудь ответственного правительства (не говоря уже о реформаторском). Собственно говоря, об этом было немало написано и сказано самим Е. Гайдаром. И до того, как он вошел в российскую власть. И после того, как он ее покинул.

В-третьих, большинство распоряжений, подписанных Е. Гайдаром в конце 1991 года, не проходят проверки с точки зрения даже самой благожелательной по отношению к нему политической экономии, — мол, таким образом необходимо было откупиться от политического давления противников реформ, обеспечить политическую поддержку важных социальных сил или нейтрализовать опасные. Не проходят проверки потому, что политическая поддержка исполнительной власти тогда уже имела, причем на самом высоком возможном уровне — на уровне почти абсолютной поддержки со стороны Съезда народных депутатов, на уровне, о каком не могли мечтать другие реформаторы в России и в других странах.

Какую политическую поддержку могло обеспечить распоряжение Е. Гайдара о выделении тысячи тонн концентрированных кормов свиноводам комплексов «Жуковский» и «Катынский» Смоленского облисполкома? Или распоряжение о закупке оборудования по производству черепицы для фирмы «Капо» на сумму в 38,6 миллионов долларов «в счет испанского

кредита» Советскому Союзу? Или распоряжение о выделении автомобилей производственному объединению «Гжель»? Или распоряжение о предоставлении многомиллионных льгот предприятиям ТЭК и транспорта?

В-четвертых, трудно понять, каким образом в принципе могли помочь России и российским гражданам в условиях жесточайшего экономического кризиса такие решения, как, например: разрешение совместному советско-американскому предприятию «Росамаг» продавать свою продукцию за валюту, финансирование РЭЦ в Лурдесе и предоставление многомиллионной субсидии кубинскому режиму, выделение многомиллиардной гарантии на закупки у восточногерманских предприятий.

В-пятых, предоставление индивидуальных льгот, выделение селективной поддержки, оказание избирательной помощи российским предприятиям вело к разрушению единого правового пространства, созданию неравных условий ведения хозяйственной деятельности и, соответственно, к получению преимуществ менее эффективными предприятиями за счет более эффективных. Это не только не имело ничего общего с соблюдением элементарных принципов либеральной политики, но и замедляло адаптацию российской экономики к новым условиям, углубляло и удлиняло течение экономического кризиса, многократно увеличивало его социальные, а затем, как выяснилось, и политические издержки.

В-шестых, эти, а также многие другие решения, принятые уже в 1992 году, внесли свой существенный вклад в провал объявленной тогда финансовой стабилизации.

Как мы уже отмечали в первой части нашего разговора, инфляция, составлявшая 160% в 1991 году, подскочила до 2600% в 1992-м. В этом скачке — не только монетизация денежного навеса (крайне неприятное, но в пределах 1000% в условиях постсоветских стран, очевидно, практически неизбежное следствие либерализации цен). В этом скачке — и резкое увеличение бюджетного дефицита в 1992 году, большая часть которого правительством Е. Гайдара не была унаследована от его советских и российских предшественников. В 1991 году дефицит российского бюджета (с учетом расходов Союза ССР, профинансированных Россией) составлял примерно 15% ВВП, а в 1992-м он вырос до 23% ВВП.

Увеличение бюджетного дефицита на восемь процентных пунктов ВВП было обусловлено прежде всего ростом удельного веса расходов расширенного правительства почти на четырнадцать пунктов ВВП за один год. Похоже, это был абсолютный рекорд прироста бюджетных расходов в истории нашей страны по крайней мере со времени Второй мировой войны. Одновременное увеличение государственных доходов примерно на пять с половиной процентных пунктов ВВП (прежде всего за счет повышения налогового бремени, в том числе из-за введения НДС со ставкой двадцать восемь процентов) не компенсировало роста государственных расходов, но означало дополнительное увеличение бремени государства на экономику.

Развал бюджета при резком ослаблении макроэкономической политики (массированное субсидирование различных отраслей, импорта, задержка с введением единого курса валюты, грубое нарушение установленных самими властями лимитов кредитования, заниженные реальные процентные ставки, отказ от введения национальной валюты) привел к резкому скачку инфляции, нарастанию кризиса неплатежей, падению производства, росту безработицы, обострению социальной и политической ситуации.

Контраст политики, проводившейся *либеральными реформаторами* в других странах, с политикой, проводившейся в России, колоссален⁵¹. Независимо от того, в каких странах — на Западе или на Востоке — действовали реформаторы, проводившие либеральные реформы, независимо от того, проводили ли они реформы *до* или *после* российских, независимо от того, как они сами себя называли, безотносительно к тому, сопровождали ли они свои действия каким-либо пиаром, все они в год начала реформ провели впечатляющее сокращение дефицита государственного бюджета. В среднем по шести странам (Польша, Чехия, Эстония, Латвия, Литва, Казахстан) в первый год экономических реформ дефицит бюджета был сокращен на 10,5 процентных пунктов ВВП, в России же он был увеличен более чем на 8,4 пунктов ВВП. В результате разница в величинах бюджетных дефицитов в странах, проводивших либеральные реформы, с одной стороны, и в странах, проводивших нелиберальные реформы (в России), с другой, для первого года проведения реформ составила почти 19% ВВП.

Сокращение бюджетного дефицита в странах, проводивших либеральные реформы, произошло за счет радикального сокращения государственных расходов в первый же год реформ — в среднем по шести странам на 16,9 процентных пунктов ВВП. По контрасту в России произошло увеличение государственных расходов на 13,9 процентных пунктов ВВП. В итоге разница в величинах удельного веса государственных расходов ВВП (размеров «*государства*») между странами, в которых проводили либеральные реформы, и Россией, где проводились нелиберальные реформы, составила за один год невероятные 30,7% ВВП. Кроме того, республики Балтии и Казахстан смогли провести существенное сокращение налоговых изъятий. В среднем для шести упомянутых стран сокращение налогового бремени составило 6,3% ВВП. В России государственные изъятия из экономики не только не уменьшились, но и увеличились — на 5,5% ВВП, и таким образом разница между этими странами и Россией только по этой статье выросла до 11,8% ВВП.

Неудивительно поэтому, что решительные меры в бюджетной политике помогли странам, проводившим либеральные экономические реформы, добиться быстрой бюджетной, а затем и общефинансовой стабилизации. В отличие от них в России в год «начала реформ» были увеличены и налоги, и государственные расходы, а также дефицит бюджета. Иными словами,

⁵¹ *Илларионов А.* Чем Гайдар отличается от Бальцеровича, Клауса, etc.? <http://aillarionov.livejournal.com/179370.html>.

была проведена не только и не столько либерализация экономики, сколько либерализация «государства». Неудивительно, что развал бюджетной и макроэкономической политики в России привел к неудаче финансовой стабилизации и затягиванию почти на десятилетие экономического, социального, политического кризиса в нашей стране.

— Из Ваших рассказов получается, что Гайдар не спасал от голода ни страну, ни жителей Петербурга. Кроме того, он не смог добиться финансовой стабилизации. Единственное, что, получается, ему удалось спасти, это интересы нескольких десятков лоббистов и разведбазу в Лурдесе. И это все?

18. Пропавший миллиард

Вы правы, такая картина была бы неполной и несправедливой. Е. Гайдар действительно сыграл важную роль в либерализации цен — при всех тех оговорках, какие при этом необходимо делать. Однако, похоже, ему удалось спасти еще кое-что. Но об этом — отдельная история. Вернемся в 1992 год.

1 июня 1992 года Россия стала членом Международного валютного фонда. Через два месяца, 5 августа, совет директоров МВФ принял решение о предоставлении ей первого так называемого *резервного кредита* в размере одного миллиарда долларов. Кредит был получен на довольно мягких условиях — российские власти должны были сократить бюджетный дефицит до 5% ВВП, сократить кредитную эмиссию Центрального банка коммерческим банкам, проводить гибкую политику процентных ставок и валютного курса, ускорить структурные реформы в сферах приватизации, финансового и аграрного секторов, проводить последовательную антимонопольную и про-конкурентную политику. Относительно мягкие условия, на которых был получен кредит, расценивались в качестве своеобразного приза нашей стране по случаю ее вступления в МВФ, в качестве своеобразной награды за интеграцию России в международные финансовые организации. Получение кредита было одним из крупнейших экономических событий 1992 года. Это были первые свободные деньги значительного размера, которыми могло распоряжаться российское правительство, находившееся тогда в тяжелейшем финансовом кризисе. Чтобы представить, насколько значимыми были эти средства, следует упомянуть, что совокупные доходы федерального бюджета за весь 1992 год составили 10,7 миллиардов долларов. К ноябрю 1992 года, когда был получен первый транш кредита, доходы бюджета не превышали 750 миллионов долларов в месяц.

14 декабря 1992 года Егор Гайдар, исполнявший обязанности российского премьера, VII Съездом народных депутатов был отправлен в отставку. 23 декабря 1992 года вице-премьером российского правительства стал Борис Федоров, в марте 1993 года он также занял пост министра финансов.

Через некоторое время, разобравшись с унаследованным от предшественников хозяйством, Федоров обратился ко мне с вопросом: «Андрей, а где миллиард долларов?» Ответа у меня не было. Федоров настаивал: «Послушай,

ты же в прошлом году работал здесь, в правительстве. Где МВФ-овский миллиард?» Хотя я действительно работал в Рабочем центре экономических реформ при правительстве России, но честно ответил Федорову, что не в курсе. Высказал предположение: «Может быть, он находится в валютных резервах?» Но валютные резервы Федоров уже проверил: в них этого миллиарда не было.

Ни в резервах Центробанка, ни в государственной казне на счетах Минфина МВФ-овского миллиарда не было. Дело казалось загадочным: от кредита МВФ, полученного буквально накануне прихода Федорова в правительство, не осталось никаких следов. Миллиард долларов как будто бы испарился. Не найдя следов кредита по документам, Федоров стал обращаться с вопросами к сотрудникам Минфина, Центробанка, правительства: «Куда делся миллиард?» Ответа не было.

В любые времена миллиард долларов — это немаленькие деньги. В 1992 — 1993 годах, в условиях жесткого экономического кризиса, они были особенно весомы. Тогда это были большие средства, которые могли сыграть заметную роль в деле реформ, в их успехе, оказать ощутимую помощь многим людям. «Потерять» миллиард долларов, то есть сумму, превышавшую среднемесячные бюджетные доходы, десятую долю годового бюджета, — такое было просто невозможно себе представить.

Так или иначе, но в течение всего 1993 года Федоров, весьма нуждавшийся в деньгах (а какой министр финансов не нуждается в деньгах?), так найти этот миллиард и не смог. По документам было видно, что МВФ перечислил этот миллиард долларов российскому правительству и деньги на счета правительства поступили. Однако в 1993 году их там уже не было. Очевидно, что этот миллиард долларов был каким-то образом использован. Но как, когда, на что — это было неизвестно. Пожалуй, единственное, что было известно, это «кем». Распоряжение финансовыми ресурсами страны осуществлял — и по должности и по факту — руководитель правительства Российской Федерации, которым тогда был Е. Т. Гайдар.

Прошел 1993 год, в течение которого Борису Федорову все-таки удалось добиться коренного оздоровления российских финансов. Наступил 1994 год, и 20 января нового года Федоров был вынужден из правительства уйти. Когда он пришел во власть в декабре 1992 года, валютные резервы страны составляли 787 миллионов долларов. Через год они превысили 4,5 миллиарда долларов. Федоров еще раз на короткий срок возвращался в правительство в 1998 году — на пост министра по налогам и сборам. И снова был вынужден уйти из правительства. Два года назад он ушел из жизни. Мне неизвестно, удалось ли Борису Федорову узнать, куда исчез тот миллиард долларов.

— *А Вам?*

В течение долгого времени мне тоже это было неизвестно — до тех пор, пока почти случайно не удалось узнать его судьбу. Сказать, что я был шокирован полученной новостью, значит, не сказать ничего.

После того, как мне стала известна судьба этого миллиарда, я регулярно проводил своеобразный эксперимент. Выступая в разных аудиториях, я задавал слушателям один и тот же вопрос: «Представьте себе, что вы являетесь премьер-министром страны, переживающей тяжелейший экономический кризис — с падением производства, ростом безработицы, галопирующей инфляцией, непростыми проблемами продовольственного снабжения крупных городов. Вам не хватает всего, но в особенности реальных денег, иностранной валюты. И тут вам в руки “с неба” (точнее, от МВФ) падает “манна небесная” в виде миллиарда долларов. Которая, правда, в отличие от библейской “манны” является кредитом и потому требует оплаты. Однако оплату кредита надо будет осуществить лишь через несколько лет, когда экономическая и финансовая ситуация, скорее всего, будет более устойчивой. Как бы вы использовали этот миллиард долларов?»

За годы регулярного проведения этого эксперимента мне удалось накопить некоторый банк возможных ответов — в зависимости от интересов опрашиваемых, их мировоззрения, знакомства с российской ситуацией начала 1990-х годов, уровня понимания экономических проблем. Разные люди давали разные ответы. Кто-то предлагал потратить эти деньги на социальную поддержку пенсионеров или молодежи, кто-то считал важным поддержать образование, кто-то — думал о будущем здравоохранения. Были люди, настаивавшие на вложениях в инфраструктуру. Некоторые экономисты рекомендовали не тратить эти деньги, а поместить этот миллиард долларов в резервы для обеспечения стабильности национальной валюты. Однако за годы проведения этого эксперимента в десятках аудиторий в России и за рубежом не нашлось ни одного человека, кто дал бы ответ, соответствовавший тому, как *на самом деле* был потрачен этот миллиард долларов.

— *Так как же он был потрачен?*

Оказалось, что этот миллиард долларов российское правительство использовало так, как никто не смог ни предложить, ни предположить. Егор Тимурович дал разрешение на использование этого миллиарда долларов для спасения от банкротства Коммерческого банка для Северной Европы — Евробанка.

— ?

Примерно так же, как и вы, реагировала на услышанный ответ каждая аудитория. Везде возникала примерно такая же недоуменная пауза. Лишь оправившись от первоначального шока, люди начинали спрашивать: «Что-что? Что вы сказали? Какой банк? Что за банк?»

— *А так называется российский банк?*

Не совсем. Этот банк — сокращенное название «Евробанк» — был французским, поскольку он был создан в соответствии с французским законодательством в 1921 году в Париже. В 1925 году он был приобретен советским Наркоматом иностранных дел, и со временем большой пакет его акций оказался в распоряжении Госбанка СССР, а затем Центробанка России. Поэтому, строго говоря, его точнее было бы именовать одновременно и французским банком, и совзагранбанком на французской территории.

На рубеже 1980-х — 1990-х годов Евробанк испытывал серьезные трудности. Многие организации, бывшие его заемщиками, не смогли вернуть выданные им кредиты. Кроме того, тогда стал пересыхать важный источник, обеспечивавший существование Евробанка в течение почти семи десятилетий, в виде отчислений советских внешнеэкономических организаций — нефтяных, зерновых, лесных, машиностроительных, — оставлявшихся на его счетах⁵². После либерализации внешнеэкономических связей и ликвидации государственной монополии внешней торговли значительная часть такого рода отчислений в Евробанк поступать перестала. А сеть организаций, кредитовавшихся и финансируемых Евробанком, очевидно, продолжала требовать средств на свою поддержку. В результате возник, как говорят экономисты, *mismatch*, т. е. разрыв между резко сократившимися доходами и, очевидно, не столь резко сократившимися расходами. Евробанк, оказавшийся на грани банкротства, по законодательству страны пребывания должен был прекратить работу. Вместе с ним, очевидно, серьезные проблемы ожидали и структуры, с этим банком связанные и этим банком финансируемые. Чтобы этого не произошло, первый свободный миллиард долларов, полученный в виде кредита от МВФ, отправился в Париж.

Строго говоря, этот миллиард оказался чуть более замысловатым. Судя по всему, вначале Минфин передал его Центробанку России. Затем тот дал кредит на 1,08 миллиарда долларов Внешэкономбанку, Внешэкономбанк передал его Евробанку. Затем Евробанк положил эти средства в FIMACO — офшорную компанию, «прославившуюся» позже аферой с инвестированием валютных резервов страны, которые следовало размещать лишь в перво-классных зарубежных банках, в российский рынок ГКО. Наконец, FIMACO использовала полученный миллиард для выкупа долгов Евробанка. В результате всех этих операций Евробанк был спасен от банкротства, а на его счетах оказался депозит Центрального банка, превратившийся в так называемый *партисипационный кредит на пополнение капитала второго уровня Евробанка*⁵³. Затем большая часть этого кредита «в результате крайне неэффектив-

⁵² См., например: *Сотник А.* Дефолт 98-го года был предрешен: http://www.compromat.ru/page_13469.htm.

⁵³ *Альбац Е., Пауэлл Б.* Черная касса страны: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=217230>; Олег Можайсков: на помощь росзагранбанкам ЦБ потратил \$800 млн: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=219479>; *Васильева В.* Eurobank продан не по-русски: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=426497>.

ной деятельности Евробанка» для кредитора (Центробанка) была утрачена⁵⁴. Поскольку средства кредита были использованы в соответствии с поручением правительства, то счета Минфина в Центробанке в июле 1995 года были закрыты, а у Центробанка исчезли обязательства перед российским Минфином в отношении кредита⁵⁵. Поскольку полученный кредит МВФ не попал в валютные резервы страны, то их величина не изменилась, а внешняя задолженность российского государства возросла на этот миллиард долларов. В конечном счете возникший из-за кредита МВФ внешний долг был погашен за счет российских налогоплательщиков в 1996 – 1997 годах⁵⁶. А программу экономических действий, согласованную с МВФ на вторую половину 1992 года, ради которой собственно и выдавался первый кредит МВФ, российское правительство успешно провалило.

— *А, может быть, так и надо было сделать? Ведь было же такое объяснение, что российские валютные резервы, находившиеся под угрозой конфискации из-за исков компании «Нога», надо было прятать...*

Да, действительно, такая версия популяризировалась некоторыми сотрудниками Центрального банка, например, бывшим его первым зампредом С. Алексашенко⁵⁷. Однако средства первого кредита МВФ не стали валютными резервами страны, относительно которых хотя бы теоретически могли возникнуть какие-либо риски конфискации. Вместо этого они были потрачены на выкуп «плохих долгов» Евробанка. Это во-первых. Во-вторых, первый иск фирма «Нога» подала против российских властей в июне 1993 года, а первый кредит МВФ оказался в Евробанке в конце 1992 года, то есть до того момента, когда даже теоретически могла возникнуть какая-либо угроза российским активам. Наконец, иски компании «Нога» возникли из-за невыполнения договора с российской стороны. Чтобы избежать таких ситуаций, лучше все-таки выполнять заключенные контракты. Или не заключать такие контракты, которые власти не собираются выполнять.

⁵⁴ «Депутаты обратили внимание на то, что по консолидированному мнению ВТБ и “Еврофинанса”, “в результате крайне неэффективной деятельности Eurobank значительную часть кредита, почти \$780 млн, следует считать безвозвратно утраченной для кредитора — ЦБ”»: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=426497>.

⁵⁵ Аудиторская проверка: http://jurists.su/pravo/2_auditorskay_proverka_5.html.

⁵⁶ Russian Federation: Transactions with the Fund from May 01, 1984 to January 29, 2011: http://www.imf.org/external/np/fin/tad/extrans1.aspx?memberKey1=819&endDate=2011%2D01%2D29&finposition_flag=YES.

⁵⁷ «Решение о переводе Центральным банком РФ резервных средств в оффшорную фирму “ФИМАКО” Алексашенко считает абсолютно правильным. “Виктору Герашенко надо памятник поставить, что он спас деньги от ареста”, угроза которого возникла в 1993 г., заявил он»: <http://www.uni-potsdam.de/u/slavistik/zarchiv/0299wc/n029h12.htm>.

Сейчас того Евробанка больше нет. В 2005 году он был поглощен Внешторгбанком и растворился в нем. Исторически Евробанк входил в систему совзагранбанков, дочерних банков вначале Госбанка СССР, а затем ЦБ России. В мировой практике это было не совсем обычное явление, поскольку ни в одной стране мира у центральных банков нет дочерних коммерческих банков. В большинстве стран существует так называемая двухуровневая банковская система: на одном уровне — Центральный банк, государственный банк, занимающийся эмиссией национальной валюты, обеспечением стабильности коммерческой банковской системы; на другом уровне — коммерческие банки, занимающиеся кредитованием частного сектора.

Во времена Советского Союза у Государственного банка СССР был ряд дочерних банков, например, таких как Московский народный банк в Лондоне, Евробанк в Париже, Ост-Вест Хандельсбанк во Франкфурте, Донау банк в Вене, банк Восход в Цюрихе, Ист-Вест Банк в Люксембурге, банки в Бейруте, Сингапуре, других местах. Это те самые банки, в которых провел значительную часть своей плодотворной творческой жизни Виктор Владимирович Геращенко, руководя этими замечательными банками в Лондоне, Франкфурте, Бейруте, Сингапуре.

О том, чем занимались сотрудники этих банков, англоязычная Википедия сообщает следующее: «Советский Союз контролировал за рубежом несколько банков. Банки использовались для операций во внешней торговле, шпионаже, отмывании денег, финансировании коммунистических партий»⁵⁸. Крупнейшими и наиболее уважаемыми среди совзагранбанков были Московский народный банк и Евробанк. Кроме внешнеторговых операций Евробанк, как и другие совзагранбанки, в течение десятилетий занимался поддержкой коммунистических партий, национально-освободительных движений, террористических организаций, отмыванием денег, финансированием советской разведывательной и нелегальной сети в Европе⁵⁹. Е. Альбац, занимавшаяся историей КГБ, называ-

⁵⁸ Foreign trade of the Soviet Union. Banks: http://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_trade_of_the_Soviet_Union#Banks.

⁵⁹ «Тогда эта контора [Евробанк. — А. И.], созданная еще в 1921 году, называлась “Коммерческим банком Северной Европы” и использовалась для перекачки капиталов между финансовыми структурами советского Политбюро и французской коммунистической партии»: <http://archive.svoboda.org/archive/crisis/corruption/1999/ll.091099-1.asp>. Ю. Пономарев, бывший руководитель Евробанка: «После моего появления во Франции, выявления первых противоречий по вопросу кредитования приближенных к партии коммерческих организаций (таких как компания “Интерагра”, издательство “Юманитэ” и десяток других) мне предложили встретиться с главным казначеем партии, а когда я отказался, то и с главой французских коммунистов Жоржем Марше... У меня желания финансировать французскую компартию, как и любую другую партию, не было. И я стал

ла его, как и созданный Евробанком «Еврофинанс», «банком с погонами»⁶⁰, находившимся «под крышей российских специальных служб»⁶¹.

В 2000-х годах в рамках приближения деятельности российских институтов к мировым стандартам совзагранбанки были ликвидированы, некоторые из них, включая Евробанк, были приобретены государственным Внешторгбанком. В наиболее же критический момент существования Евробанка — накануне почти неизбежной гибели этого ключевого элемента имперской сети «банков в погонах» — помощь ему пришла от Егора Гайдара.

— *А откуда Вы знаете судьбу миллиарда?*

Об этом сейчас уже довольно много написано⁶². Хотя, конечно, большого желания делиться информацией на эту тему у государственных чиновников не наблюдается⁶³.

блокировать сделки, имевшие не коммерческую, а политическую основу. Здесь были обидные потери, причем, в основном, по причине того, что обанкротившиеся в дальнейшем компании этой группы (в частности, занимавшиеся торговлей сельскохозяйственной продукцией) были слишком зависимы от контрактов с СССР. В 1989—1991 годах они потеряли свой бизнес, не по своей вине, хотя справедливости ради надо сказать, что и получили этот бизнес не по своим заслугам»: <http://bankir.ru/publication/article/4865883>.

⁶⁰ Альбац Е. Кому продали НТВ: <http://www.novayagazeta.ru/data/2002/72/00.html>.

⁶¹ «В годы СССР руководящие сотрудники совзагранбанков, бессменным представителем которых являлся Ю. Пономарев (Моснарбанк, Евробанк, опять Моснарбанк...), прямо или косвенно сотрудничали с советской разведкой... Подпись Пономарева стоит на всех главных учредительных договорах ФИМАКО, созданной им по поручению Герашенко в 1991... году. В этом году он уезжает в качестве председателя Евробанка, Париж. Известно, что большинство документов об операциях ВЭБа с Евробанком в 1991-1993 гг. в Москве исчезло. Именно в Евробанк, Париж, Герашенко переразмещает начиная с 1993 года практически все получаемые международные кредиты, которые шли как в Евробанк напрямую, так и на счета ФИМАКО в Евробанке... Известно, что в эти годы Ю. Пономарев подписывал документы и за ФИМАКО, и за Евробанк»: http://www.compromat.ru/page_10394.htm.

⁶² Сухотина И. Сколько стоит приданое «дочек» Банка России?: <http://www.rg.ru/2003/11/10/banki.html>; «Раньше они отстегивали на компании, а сейчас — на персональные имена». Интервью Е. Альбац с В. Герашенко: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=221768>; Панфилова Ю. МВФ в ложном положении: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=15796>; Яковлева Э. Оффшорная компания ФИМАКО использовалась для прокрутки предоставляемых для России займов МВФ: <http://www.pressaarchive.ru/index.php?menu=75341&year=1999&docdate=1999-03-24&docid=1156533200>.

⁶³ «Чем меньше мы будем говорить о ФИМАКО, — сказал Герашенко, — тем лучше будет для страны». Степашин поддержал его: «Да, я это уже понял, когда был в США»: <http://www.d-orlov.ru/book.php?num=9>; «В. Герашенко... также обви-

— *А почему Вы думаете, что это именно Егор Гайдар отдал распоряжение о спасении Евробанка, а не, например, Виктор Геращенко?*

19. Егор Гайдар и Виктор Геращенко

Своим постановлением от 22 мая 1992 года⁶⁴ Верховный Совет России определил финансовым органом по всем операциям с МВФ министерство финансов, являвшееся и по-прежнему являющееся неотъемлемой частью российского правительства, депозитарием был назначен Центробанк. Все средства МВФ должны были зачисляться на счета Минфина в Центробанке. Решения об использовании полученных средств могло принимать только правительство России. Действие именно этой схемы подтвердил в своем интервью и В. Геращенко: «В 1992 году, когда Минфин получил первый транш (кредита МВФ. — Б)... естественно, эту валюту положили на наши счета»⁶⁵.

Мог ли В. Геращенко самостоятельно, без согласования с правительством, принять решение о каком-либо использовании средств, пусть и лежащих на счетах в Центробанке, но принадлежавших Минфину? Естественно, нет. Даже в тех случаях, когда Центробанк участвовал своими средствами в операциях с государственным долгом, он запрашивал разрешение на такие операции у руководителя правительства⁶⁶. В другом случае, когда валютные резервы страны, находившиеся в распоряжении Центробанка, использовались для операций на рынке ГКО, такие операции не

нил Генпрокуратуру в распространении сведений о компании ФИМАКО. В. Геращенко заявил, что сведения подобного характера являются коммерческой тайной и не должны появляться в широкой печати»: http://my.online.ru/money/news/99/02/05_219.htm; «Председатель ЦБ Виктор Геращенко заявил в Госдуме: что шуметь с трибуны? Какая вам разница, каким образом Центральный банк оказывает поддержку Eurobank, это вообще вопрос “философский”»: <http://www.rg.ru/2003/11/10/banki.html>.

⁶⁴ Постановление ВС РФ от 22.05.92 № 2815-1 «О вступлении Российской Федерации в Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития»: <http://www.bestpravo.ru/fed1992/data02/tex13676.htm>.

⁶⁵ «Раньше они отстегивали на компании, а сейчас — на персональные имена». Интервью Е. Альбац с В. Геращенко: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=221768>.

⁶⁶ В. Геращенко: «Что касается 1993 года, то мы тогда действительно внесли предложение: появилась возможность скупить некоторые наши старые обязательства по вполне приличной цене. Естественно, частично средства были и у самого Внешэкономбанка, и у Внешторгбанка, но, конечно, требовалось получить на это “добро”. К тому же надо было получить разрешение поддержать их ликвидностью за счет средств, которые есть у взрослого дяди — у ЦБ. Поэтому я писал это письмо Черномырдину — чтобы никто потом не говорил, что кто-то там вслепую этими операциями занимается. Операции эти, естественно, конфиденциальные»: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=221768>.

могли проходить без ведома руководителя правительства: «Один из экс-премьеров... сказал: “Сомневаюсь, чтобы Геращенко или Дубинин пошли на столь рискованные операции (по вложению госрезервов через FIMACO в ГКО. — Б), если у них не было соответствующего политического прикрытия. Как минимум, премьер об этом должен был знать”»⁶⁷.

Судя по всему, неназванным информированным экс-премьером в материале Е. Альбац и Б. Пауэлла был Е. Гайдар. Он знал, о чем он говорил. За несколько лет до этого решения (об инвестициях валютных резервов в ГКО) принималось гораздо более серьезное и гораздо более рискованное решение — об использовании кредита МВФ на спасение Евробанка. И если даже менее значимое решение об использовании средств, находившихся под контролем Центробанка, В. Геращенко не мог принять без политического прикрытия, то гораздо более рискованное решение об использовании средств, принадлежавших правительству, для спасения Евробанка он тем более не мог принять без аналогичного прикрытия со стороны премьера. Премьером, а точнее — исполнявшим обязанности премьера, тогда был Егор Гайдар. В дальнейшем Гайдар не раз давал знать, что он был в курсе того, что совзагранбанки были на грани банкротства, и что он был неравнодушен к их судьбе⁶⁸.

⁶⁷ Альбац Е., Пауэлл Б. Черная касса страны: <http://kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=217230>.

⁶⁸ Гайдар Е. Гибель империи. Глава 8: «На фоне нарастающих валютных трудностей Советского Союза в кризисную ситуацию попадают советские банки, работающие за рубежом. А. Бутин, исполняющий обязанности финансового директора Моснарбанка — в Правительство Российской Федерации: “Трудности в привлечении средств с межбанковского рынка Моснарбанк начал испытывать с середины 1990 года. Банк также был вынужден создавать в крупных размерах страховые резервы против задолженности бывших соцстран (Болгарии, Венгрии, Югославии). В этот же период он был взят Банком Англии под особый контроль. <...> В 1991 году положение банка резко ухудшилось. Отток депозитов достиг сначала 40%, а затем и 75%. Продажа активов не могла в достаточной сумме и в короткие сроки решить проблему”.

К концу 1991 года банкротство советской зарубежной банковской системы становится очевидной и почти неотвратимой угрозой. Представители коммерческих банков СССР за рубежом — Б. Ельцину (декабрь 1991 г.): “Сеть коммерческих банков за рубежом включает в себя банки в Австрии — Донау-банк, Великобритании — Московский народный банк (основан в 1915 г.), Германии — Ост-Вест Хандельсбанк, Люксембурге — Ист-Вест Юнайтед банк и во Франции — Коммерческий банк для Северной Европы (Евробанк) (основан в 1921 г.). Эти коммерческие банки имеют отделения в Сингапуре и в Берлине, а также целый ряд дочерних лизинговых, консультационных, торговых и других специализированных фирм как на территории России, так и за границей. Совокупный баланс всех вышеуказанных банков составляет 9,7 млрд долл. США. <...> Возникает риск ареста кредиторами Внешэкономбанка СССР денежных средств, размещаемых им в иностранных банках, в том числе в наших зарубежных банках. Эти и другие факторы, в частности, острая нехватка ресурсов в не-

Наконец, если бы В. Герашенко принял решение об использовании кредита МВФ на спасение Евробанка самостоятельно, без согласования с Е. Гайдара, то это могло бы стать и предметом криминального расследования и уж точно основанием для серьезных обвинений со стороны исполнительной власти. Однако такие обвинения, в том числе и со стороны самого Е. Гайдара, никогда в адрес В. Герашенко не звучали: ни тогда, когда в 1992 году Гайдар был руководителем правительства; ни тогда, когда в 1993-м он вернулся в него же на пост первого вице-премьера; ни позже, когда занимаясь написанием работ по истории российских реформ, он мог бы возложить часть вины за неудачу макроэкономической стабилизации (причем, надо сказать, совершенно обоснованно) на «исчезновение» миллиардного кредита МВФ. Но такого упрека в адрес В. Герашенко Е. Гайдар никогда не делал.

— Скажите, а почему все-таки В. Герашенко с его послужным списком, о котором Вы уже неоднократно упоминали, вообще оказался в руководстве российского Центробанка? Да еще чуть ли не с самого начала реформ?

Вы задаете очень важный вопрос, убедительного ответа на который публично до сих пор не звучало. Действительно, назначение Герашенко на пост руководителя Центробанка в июле 1992 года по предложению Гайдара имело, прямо скажем, странный привкус. Мы затрагивали эту тему и в нашем разговоре трехгодичной давности и в первой части нашего нынешнего разговора⁶⁹. Действительно, другие кандидаты на пост главного банкира страны,

которых из зарубежных банков, обострившаяся в связи с неплатежами СССР, делают реальной перспективу официального банкротства этих банков. <...> Банкротство банков обязательно повлекло бы за собой цепь банкротств других зарубежных коммерческих организаций, обслуживаемых этими банками, осложнило бы работу пароходств, Аэрофлота, привело бы к потере личных средств наших сограждан, открывших банковские счета. Капиталы банков были бы безвозвратно утеряны»: <http://lib.rus.ec/b/129836/read#r602>. — Гайдар Е. Смуты и институты. Глава 3: «Из обращения представителей советских зарубежных коммерческих банков к Президенту РСФСР: “Объявление моратория на платежи по обязательствам СССР еще более осложнило обстановку в зарубежных банках. Местные власти требуют создания в этих банках резервов по кредитам, выданным советским заемщикам. В крупных суммах. Так, в Ост-Вест Хандельсбанке требуется создать резервы в сумме 250 млн марок, что более чем в два раза превышает капитал банка. Такие же требования выдвигаются в Великобритании и в ряде других стран. Возникает риск ареста кредиторами Внешэкономбанка СССР денежных средств, размещаемых им в иностранных банках, в том числе в наших зарубежных банках. Эти и другие факторы, в частности, острая нехватка ресурсов в некоторых из зарубежных банков, обострившаяся в связи с неплатежами СССР, делают реальной перспективу официального банкротства этих банков”»: <http://www.iet.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>.

⁶⁹ Илларионов А. Слово и дело. Ч. 1. Антисоветник. — «Континент», № 134: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>; Илларионов А. Трудный путь к

прежде всего Борис Федоров, выглядели и профессиональнее, и политически сильнее и гораздо естественнее в психологическом климате только что совершенной антикоммунистической революции начала 1990-х годов. Обсуждение возможных кандидатур среди членов правительства выявило консенсусную поддержку Бориса Федорова. Более того, Борис Ельцин настолько не хотел назначения Виктора Геращенко и так этому сопротивлялся, что даже упоминал имевшиеся у него на Геращенко «тома компромата». В конце концов Гайдару потребовалась организация специальной интриги, чтобы заставить Ельцина выдвинуть на пост руководителя Центробанка кандидатуру именно Геращенко⁷⁰. Самое поразительное, что, вопреки запущенному самим Гайдаром и ставшему весьма популярным мифу, председатель российского парламента Р. Хасбулатов поначалу не только не был сторонником В. Геращенко, но и встретил его кандидатуру в штывки⁷¹.

Похоже, что Е. Гайдар был не только инициатором назначения В. Геращенко, но и в течение какого-то времени, очевидно, его единственным сторонником. Когда затем Е. Гайдара спрашивали, как могло случиться, что он выдвинул кандидатуру именно Геращенко, ответы, которые он давал, звуча-

свободе. Ч. 1. — «Континент», № 145: <http://magazines.russ.ru/continent/2010/145/ill1.html>.

⁷⁰ А. Шохин: Кстати, появление Геращенко на посту председателя Центрального банка — полностью инициатива Егора.

А. Кох: Подожди, подожди. Это уточни. Мы не знали, что это Гайдар придумал. Мы считали, что он не мешал этому назначению, а вот ты говоришь, что это была его инициатива!

А. Шохин: Это его выбор был. Было явно, что Верховный Совет сделает ставку на Геращенко. Ельцин был против. Я присутствовал сам как минимум на двух мероприятиях, где эта тема обсуждалась. Внуково, отлет Ельцина куда-то. Он в «веселом» настроении. Ему Гайдар дает проект письма о внесении кандидатуры Геращенко на пост председателя Центрального Банка. Борис Николаевич: «Вы что, с ума сошли, что ли? Вы знаете, сколько у меня на него компромата? Два тома компромата на Геращенко, а вы его хотите на ЦБ двинуть?» Не удалось. Потом встреча вице-премьеров, вице-спикеров Верховного Совета, Гайдара и Хасбулатова с президентом, по-моему, в Ново-Огарево. Сидим. Гайдару как-то неудобно снова Геращенко вносить. Он к Хиже, который в тот момент только был назначен: «Георгий Степанович, ну, как договаривались?» Я слышу, как Гайдар просит Хижу. Георгий Степанович говорит: «Борис Николаевич, вот мы тут в правительстве еще раз долго обсуждали и предлагаем вам подумать по поводу назначения Геращенко». Борис Николаевич: «Мы этот вопрос обсудили». А поскольку это в присутствии Хасбулатова, вице-спикеров, то момент был удачный. Все они загалдели: «А что, нормальный вариант, правительство хорошее предложение сделало». Гайдар сидел, как говорится, в стороне, но дирижировал этим он: <http://www.forbes.ru/node/57754/>.

⁷¹ В. Геращенко: «...завершая беседу, я посоветовал моим “наимателям” поговорить на эту тему с Хасбулатовым: Центробанк все-таки подотчетен Верховному Совету. “По-моему, — говорю, — он будет возражать”. И не ошибся. Хасбулатов был категорически против моей кандидатуры...»: <http://www.itogi.ru/report/2010/11/149893.html>.

ли не особенно убедительно. Поначалу он говорил о высоком профессионализме Геращенко, затем был вынужден признать прямо противоположное.

Неоднократно он говорил о том, что ни одна другая кандидатура, кроме Геращенко, не смогла бы пройти утверждение Верховного Совета⁷². Однако эта версия, получившая благодаря Гайдару широкое распространение, не подтверждается фактами. Геращенко не мог и, как выяснилось, не смог пройти «сито» демократического Верховного Совета России образца 1992 года. Поэтому в июле 1992 года он получил назначение с трудом, причем лишь из рук президиума Верховного Совета и лишь на должность исполняющего обязанности председателя Центробанка. Только углубление противостояния исполнительной и законодательной ветвей российской власти к ноябрю 1992 года позволило Верховному Совету снять с его должности приставку «и. о.». Следовательно, оценка «проходимости» кандидатур на пост руководителя Центробанка, дававшаяся Гайдаром летом 1992 года, была неверной и явно противоречащей оценкам всех других участников обсуждений. Почему?

Когда Гайдару позже задавали вопрос о его выборе Геращенко, он, как правило, давал односложный ответ: «Это была ошибка», — и старался разговор на эту тему не продолжать. Но, во-первых, для большинства наблюдателей эта ошибка выглядела очевидной и в тот момент, когда она совершалась. А, во-вторых, даже если это решение и было позже признано ошибочным, то какие именно причины вынудили Гайдара совершить эту ошибку?

Е. Гайдар неоднократно говорил, что проблема назначения нового руководителя Центробанка возникла лишь после того, как Верховный Совет решил снять Г. Матюхина в июне 1992 года. Однако это не так. Во-первых, судя по обсуждениям в правительстве весной и в начале лета 1992 года, инициатором снятия Матюхина был не Верховный Совет, а именно Егор Гайдар. Во-вторых, кандидатура В. Геращенко была выбрана Гайдаром не в июле 1992-го, а, как минимум, в ноябре 1991 года.

Из воспоминаний Е. Гайдара можно сделать вывод, что кандидатура Геращенко появилась в июле 1992 года чуть ли не случайно, лишь после того, как выяснилось, что кандидатуры Б. Федорова и С. Игнатьева оказались «непроходимыми». Однако такое изложение искажает реальные события. На самом деле Е. Гайдар «задумался» о В. Геращенко не летом 1992 года, а намного раньше. По крайней мере уже в ноябре 1991 года, то есть практиче-

⁷² *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. Гл.8: «Веду переговоры с нашими сторонниками в Верховном Совете, пытаюсь понять, какие кандидатуры смогут пройти через его сито. Советуюсь с Павлом Медведевым, который руководит банковским подкомитетом. Ответ неутешительный — на его взгляд, кандидатуры Бориса Федорова и Сергея Игнатьева для депутатов абсолютно неприемлемы. Консультации с другими парламентариями эту оценку подтверждают. Называют, как правило, людей, работа с которыми для нас будет практически невозможна либо крайне сложна. Но одна кандидатура, имеющая серьезные шансы получить поддержку большинства Верховного Совета, заставляет задуматься. Это Виктор Геращенко, последний председатель Госбанка СССР»: <http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Gosudarstvo/8.pdf>.

ски сразу же после назначения самого Е. Гайдара вице-премьером российского правительства, он предложил Виктору Геращенко возглавить Центробанк России⁷³. Иными словами, для Е. Гайдара как минимум с самого начала его работы в правительстве приоритетной кандидатурой главного банкира страны был именно В. Геращенко.

И этот выбор, совершенно очевидно, никоим образом не был связан ни с позицией парламента, ни с мнением Р. Хасбулатова. При этом в глазах Е. Гайдара, бывшего высокопоставленного сотрудника журнала «Коммунист» и газеты «Правда», не являлись ни секретом, ни препятствием для выбора В. Геращенко ни его долголетняя, тесно связанная со спецслужбами, работа в совзагранбанках⁷⁴, ни его борьба против демократических вла-

⁷³ В. Геращенко: «Занять эту должность мне предложили впервые еще до развала Союза, в конце ноября 1991 года. Я был на каком-то совещании в российском правительстве. Егор Гайдар, недавно назначенный вице-премьером, попросил меня выйти для конфиденциального разговора. Вместе с ним был Геннадий Бурбулис, ельцинский госсекретарь. “Как смотрите на то, чтобы возглавить Центробанк?” — спрашивает Гайдар. А мы с ним, надо сказать, были неплохо знакомы. Познакомились в августе 1989-го, когда я только заступил на пост предправления Госбанка. Гайдар на тот момент работал в журнале “Коммунист” и пришел ко мне брать интервью. А потом, когда он уже был завотделом экономики в “Правде”, часто привлекал меня к участию в различных правдинских мероприятиях. Видимо, Егор Тимурович понимал, что я что-то соображаю»: [http://www. itogi. ru/report/2010/11/149893. html](http://www.itogi.ru/report/2010/11/149893.html);

В. Геращенко: «В конце 91-го года позвал меня Гайдар, у него сидел Бурбулис и сверлил меня глазами. Они стали спрашивать: не соглашусь ли я перейти в Центральный банк России, который, естественно, будет основным эмиссионным институтом после роспуска Союза». — «Общая газета», 02.01.2001 [http://www. comrgomat. ru/page_10488. htm](http://www.comrgomat.ru/page_10488.htm).

⁷⁴ Выдержки из биографии В. Геращенко: «В 1963 году состоялась его первая зарубежная служебная командировка в Лондон, а через два года 28-летний Геращенко стал директором Московского народного банка (Moscow Narodny Bank) в Лондоне — крупнейшего советского кредитного учреждения за рубежом. Ряд СМИ объясняют быструю карьеру Геращенко тем, что он пользовался связями своего отца — Владимир Сергеевич Геращенко (1905 — 1995) в 1948 — 1958 годах был первым заместителем председателя правления Государственного банка СССР. В 1967 году Геращенко был назначен заместителем управляющего, а в 1969 году — управляющим отделением Московского народного банка в Бейруте (Ливан). По данным ряда СМИ, в Бейруте Геращенко работал с будущим министром иностранных дел и премьер-министром РФ Евгением Примаковым (с 1962 по 1970 год Примаков был обозревателем, заместителем редактора отдела Азии и Африки газеты “Правда” и собственным корреспондентом издания на Ближнем Востоке, а с 1970 по 1977 год — заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР). Газета “Известия” обращала внимание, что пребывание Геращенко в Ливане совпало с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке и с наибольшим проникновением советской политики в арабский мир. Издание напоминало, что в начале 1970-х годов

стей России и Б. Ельцина в предшествовавшие годы. Более того, именно эти факты из биографии В. Геращенко были названы самим Е. Гайдаром в качестве важнейших причин его собственных симпатий к Геращенко⁷⁵. И именно в факте нахождения на другой стороне политических баррикад, в активном участии в борьбе демократических властей России против союзного центра, заключалась главная претензия Егора Гайдара к Георгию Матюхину⁷⁶.

Егор Гайдар хотел работать с Виктором Геращенко и не хотел работать с Борисом Федоровым⁷⁷. Возможно, из-за того в том числе, что тот раньше

Ливан являлся крупнейшим центром деятельности советской разведки, где осуществлялась вербовка всей ближневосточной агентуры. Кроме того, в этой стране тогда действовало либеральное финансовое законодательство, благодаря которому МНБ мог осуществлять операции по финансированию “кого угодно”. Еще одно подтверждение версии о возможных связях Геращенко со спецслужбами газета видела в том, что получить должность директора Московского народного банка в Лондоне в 28 лет по обычным аппаратным законам было невозможно, а кроме того — в том, что вся система советских заграничных банков жестко контролировалась Комитетом государственной безопасности. В 1972 году Геращенко занял должность заместителя начальника, а в 1973 году — начальника Управления валютно-кассовых операций Внешторгбанка СССР. В 1974 году стал председателем правления Ост-Вест Хандельсбанка во Франкфурте-на-Майне. В 1976 году Геращенко стал председателем правления Советского банка в ФРГ. В 1977 году был назначен управляющим отделением Московского народного банка в Республике Сингапур. Занимал эту должность до 1982 года, за это время несколько раз ездил в командировки в Цюрих»: <http://lenta.ru/lib/14161802/full.htm>.

⁷⁵ Е. Гайдар: «Это Виктор Геращенко, последний председатель Госбанка СССР. Знаю его довольно давно как одного из самых квалифицированных банкиров, занимавшихся внешнеэкономической деятельностью. Он много работал в системе заграничных банков и во Внешэкономбанке СССР. Назначенный возглавлять Госбанк Советского Союза в самый разгар бюджетной и банковской войны между республиками и центром, он пытался поддержать банковскую систему на плаву и активно противостоял недопустимой здесь анархии»: <http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Gosudarstvo/8.pdf>.

⁷⁶ «К концу 1991 года ЦБ РФ находился в полном подчинении Верховного Совета, практически — его председателя Р. И. Хасбулатова. В кабинете председателя ЦБ стоял телефон прямой связи с Верховным Советом, и телефоном, насколько мне известно, активно пользовались. О Григории [Георгии. — А. И.] Матюхине, возглавлявшем в это время банк, знал мало — только то, что он близок к Руслану Хасбулатову... и что принимает активное участие в банковско-бюджетной войне России и Союза... Большого оптимизма все это не внушало. Начинать сложнейшие преобразования без надежного взаимопонимания и взаимодействия правительства с главным банком страны было опасно». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 193.

⁷⁷ Б. Федоров: «Одно время ходили слухи, что меня пригласят в правительство или Центральный банк. Однако таких предложений ни от Б. Ельцина, ни от Е. Гайдара мне не поступало. Насколько я понимаю, Е. Гайдар по какой-то причине не хотел видеть меня в Москве». — «Десять безумных лет», 1999. Глава «Встречи в Москве и Лондоне»: <http://www.archive.org/details/BorisFedorov10BezumnykhLet>.

работал в российском правительстве. В отличие от Федорова Геращенко не был для Гайдара чужим, и сотрудничать с ним Гайдару было вполне комфортно. Причем настолько, что для назначения Геращенко он пошел и на введение в заблуждение своих коллег по реформаторской команде, и на интригу против Бориса Ельцина. Наконец, по каким-то причинам свой собственный выбор кандидатуры Геращенко Гайдар в своих мемуарах и последующих комментариях попытался замаскировать, приписав решающую роль в этом назначении сопротивлявшемуся поначалу такому решению Верховному Совету. Почему?

— *И какие ответы на все эти вопросы даете Вы?*

Полного ответа мы не знаем. Но одно можно сказать точно: Егор Гайдар не только не испытывал никаких проблем и трудностей — политических, идеологических, моральных — для работы с Виктором Геращенко. Кажется, даже наоборот.

— *Вот уже не в первый раз — и с финансированием разведывательного центра на Кубе, и со спасением «банка в погонах» в Париже, и с назначением В. Геращенко — действия Е. Гайдара в бытность его в руководстве российского правительства оказываются связанными со спецслужбами и, даже более того, направленными на помощь им. Как это можно объяснить? Ведь традиционное общественное восприятие относит Гайдара к либерально-демократическому лагерю, так что эта политическая фигура с силовиками не только не ассоциируется, но как будто бы принадлежит к их оппонентам... Может быть, имеет смысл спросить прямо: у Вас есть основания полагать, что Гайдар был сотрудником спецслужб?*

20. Наш человек в Гаване

В СССР, в нынешней России, да, наверное, и в любой более или менее крупной стране работа на заметной должности в госаппарате без тех или иных контактов со спецслужбами является маловероятной, а на посту руководителя правительства — очевидно, невозможной. Однако, похоже, степень вовлеченности Е. Гайдара в дела спецслужб заметно превышала то, что можно видеть на примере действий других российских премьеров, включая, кажется, и выходцев непосредственно из спецслужб Е. Примакова, С. Степашина, В. Путина, М. Фрадкова.

Не вполне ожидаемым для традиционной картины мира выглядит, например, сравнение действий воспринимаемого в качестве либерала Е. Гайдара с действиями воспринимаемого в качестве силовика бывшего подполковника КГБ В. Путина. Если тяжелейшие условия экономического кризиса не помешали Е. Гайдару передать кубинскому режиму двести миллионов долларов для финансирования разведцентра в Лурдесе, то весьма

благоприятная мировая конъюнктура и быстрый экономический рост в стране, казалось бы, предоставлявшие ресурсы для сохранения этого разведцентра, не помешали В. Путину его закрыть (так же, как и базу в Камрани). Если Е. Гайдар отдал миллиард долларов для спасения Евробанка, то В. Путин закрыл и этот, и другие совзагранбанки. Если Е. Гайдар добился назначения В. Герашенко на пост руководителя Центробанка, то В. Путин его уволил.

Хотя у нас нет документов, которые бы подтверждали или опровергали предположение, содержащееся в вашем вопросе (и сомневаюсь, что они появятся), думаю все-таки, что Е. Гайдар не был кадровым сотрудником спецслужб. Однако, судя по всему, он им искренне симпатизировал, а роль, какую он, похоже, сам для себя выбрал, можно назвать «добровольный помощник». Причем помощь с его стороны была направлена, судя по всему, не всем спецслужбам, а преимущественно, если не исключительно, военной разведке. И его действия в соответствии с этой, взятой им на себя, ролью скорее всего базировались не на формальном членстве в той или иной организации, а, скорее всего, на его собственном представлении, что лучше для интересов разведывательного сообщества рухнувшей империи, на его собственном понимании, в чем заключается «служба государству», на его личном ответе на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо».

Когда пытаются анализировать истоки чьих-либо взглядов, то обращают внимание на такие факторы, как влияние семьи (родителей), полученного образования, ближайшего окружения. Очевидно, что немалую роль в формировании мировоззрения Егора Гайдара сыграли его родственники по восходящей линии⁷⁸ и прежде всего его родители. Особое место в формировании взглядов Егора Тимуровича занимали его отец, Тимур Аркадьевич Гайдар, характер его занятий, друзья, знакомые и близкие отца. Егор Гайдар об этом неоднократно говорил и писал⁷⁹, да и его собственные действия в зрелом возрасте вполне это подтверждают. Желание быть достойным своих отца и деда во все времена считалось одним из наиболее уважаемых качеств человека. Правда, при этом обычно стараются не забывать, чем именно за-

⁷⁸ Насколько значимым для Е. Т. Гайдара было поддержание ментальной связи со своим дедом, говорит, в частности, название книги его воспоминаний «Дни поражений и побед», практически дословно воспроизводящее название одной из первых малоизвестных повестей А. П. Гайдара «В дни поражений и побед».

⁷⁹ Е. Гайдар: «Я тогда по молодости постеснялся сказать о том большом влиянии, которое на протяжении всей моей жизни оказывал на меня отец. Он, я видел, обиделся, хотя не сказал ни слова, и это до сих пор камнем лежит у меня на сердце. Он должен был при жизни услышать мое публичное признание, что я всегда восхищался им, любил и ценил то, что мы всегда были единомышленниками. Впрочем, уверен, он это знал. Мы всегда были близки и понимали друг друга с полуслова, по взгляду, по улыбке. Я всегда хотел быть его достойным сыном». — *Гайдар Е.* Слово об отце. Мы были единомышленниками: <http://chiz.vostok-inc.com/ppedd.php3?newsid=462>.

нимались отцы и деды и в чем именно их сыновья и внуки хотели бы быть достойными своих предков.

Тимур Аркадьевич взял с собой юного Егора в длительную командировку на Кубу в начале 1960-х годов. Годы, проведенные на «острове Свободы», младший Гайдар называл самыми счастливыми в своей жизни. Именно в том времени берет свое начало его особое теплое отношение к Кубе и весьма личное отношение к руководителям кубинского режима, которых он, кажется, так никогда и не смог назвать (по крайней мере, публично) диктаторами. Более того, его оценки Фиделя Кастро, несмотря на подчеркнутые оговорки, имели для обычно довольно сдержанного Е. Гайдара совершенно исключительный, полный нескрываемого восхищения, характер⁸⁰. Егор Гайдар неоднократно говорил о близких отношениях его отца с обои-

⁸⁰ Е. Гайдар: «Фидель — фигура уникальная в истории второй половины XX века. Политика такого масштаба, который не руководил бы великой державой, второго придумать трудно... Конечно, это человек с абсолютно уникальной харизмой... Он, пожалуй, единственный такой человек на Кубе... Он, в общем, автор анти-американской революции, которая демонтировала американскую империю в Латинской Америке... Он, по меньшей мере, Боливар, латиноамериканский Ленин... Это великий политик... Он оказывается первым человеком, который способен противостоять американцам в Латинской Америке. Это человек необычного масштаба... Чтобы противостоять США, нужен был Фидель Кастро — с его харизмой, бесконечной храбростью, талантом на самом деле. Он, между прочим, во время войны гражданской, во время боев за Плая-Херон, проявил чудеса храбрости и действительно прекрасно командовал войсками»: <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>; «Ну это совершенно уникальный персонаж, таких вообще в XX-м веке было очень немного. Это конечно уникальный харизматик, человек, который способен просто силой убеждения вести за собой миллионы людей, которые живут в тяжелейших условиях... Речи по три часа блестящие!»: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>; «Это был один из самых ярких — как бы к нему ни относиться, — политиков второй половины XX — начала XXI века»: http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/hi/russian/business/newsid_7254000/7254681.stm; «Не надо думать, что режим совсем мягонький, такой пушистый, что там репрессий нет: я знаю многих людей, которых сажали в тюрьмы за их высказанное мнение. Но в общем, вот такого, чтобы режим сидел совсем на штыках, — вот это неправда»: <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

Для справки: По разным источникам кастровский режим казнил от 9 до 17 тыс. кубинцев: <http://www.cubaarchive.org/downloads/CA03.pdf>, <http://blackrotbook.pagod.ru/pages/30.htm>. Число утонувших *бальсерос* — людей, пытавшихся добраться до Флориды на лодках и плотках, — оценивается в 78 тыс. чел. — <http://www.cubaarchive.org/downloads/CA03.pdf>; число политических заключенных одновременно достигало 100 тыс. чел. Около полумиллиона человек прошли через тюрьмы и лагеря. В результате эмиграции из кастровской Кубы только на территории США к 2000 года оказалось 829 тыс. кубинцев: <http://books.google.com/books?id=QCSJ61F4j34C&pg=PA156&hl=ru#v=onepage&q&f=false>. Общее число эмигрантов из страны с населением в 7 млн чел. по состоянию на 1960

ми братьями Кастро, с Че Геварой. Гайдар-сын не только не скрывал, но и, судя по интонации, гордился тем, что мог называть Рауля, по его собственной характеристике, «убежденного коммуниста», другом своей семьи, что его мать была подругой Вильмы, жены Рауля, что Рауль бывал дома у Тимура Гайдара⁸¹, что его собственный сын, Петя, знаком с Раулем и дружит с его внуками⁸².

В 2006 году Егор Гайдар пролил свет на то, чем занимался его отец на Кубе: «Мне было шесть лет, я был там с отцом и матерью, но как мальчишка, понимал тогда мало. Естественно, когда тебе показывают прямо перед окном 15 кораблей седьмого флота США, и когда у себя в приемной отец беседует с командующим ракетными войсками генералом Стаценко и начальником контрразведки контр-адмиралом Тихоновым и с министром обороны Кубы, Раулем Кастро, то, в общем, что-то тебе из атмосферы передается»⁸³.

Атмосфера, передававшаяся младшему Гайдару, — это атмосфера одного из наиболее опасных кризисов времен холодной войны, вызванного размещением на Кубе советских ракет средней дальности, кризиса, чуть было не приведшего к мировой ядерной войне. Упомянутые «ракетные войска» — это части 40-тысячной группировки Советской Армии, секретно доставленные на Кубу летом-осенью 1962 года в результате так называемой *операции Анадырь*; генерал-майор И. Д. Стаценко — командир 53-й (41-й) ракетной дивизии, оснащенной четырьмя десятками ракет Р-12 и Р-14 с ядерными боеголовками и являвшейся ударной частью Группы советских войск на Кубе (ГСВК); контр-адмирал А. М. Тихонов — начальник контрразведки ГСВК, только что совместно с кубинскими спецслужбами разгромившей две подпольные организации антикастровского сопротивления — «Дивизию Нарцисса Лопеса» и «Альфа-66», что закончилось казнями более 670 человек; Рауль Кастро — министр обороны и начальник секретной службы кастровского режима.

В свете сказанного Егором Тимуровичем естественно возникает вопрос: чем занимался на Кубе, какой пост занимал Тимур Аркадьевич Гайдар? Официальные биографии и сам Егор Гайдар сообщают, что он был журналистом, «корреспондентом военного отдела газеты “Правда”, спецкорреспондентом в странах Латинской Америки, Югославии», что он «побывал на Кубе во время боев на Плайя Хирон и во время Карибского кризиса, в Афганистане во

год составило к 2000 году примерно 1,5 млн чел.: <http://lanic.utexas.edu/project/asc/pdf/volume16/pdfs/diazbriquets.pdf>.

⁸¹ Е. Гайдар: «С Раулем отец были друзьями со времен Плайя-Хирона, со времен Карибского кризиса. Мама дружит с Вильмой (отец умер). Они были у них в гостях уже намного позже тех времен Карибского кризиса, Рауль бывал, по-моему, у него в Москве в гостях»: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

⁸² <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

⁸³ <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

время войны, в Сирии, Индонезии, Персидском заливе, Абхазии и Нагорном Карабахе в период острого кризиса», что он «пробирался недоступными горными дорогами в Афганистане, проехал на лошадях по нашим горным заставам на Кавказе»⁸⁴. В эфире «Эха Москвы» Егор Гайдар сообщил, что его отец был офицером с *формальной* позицией военного корреспондента газеты «Правда»⁸⁵. Однако выясняется, что у *формально* военного журналиста в Гаване оказалась *приемная*. У многих ли журналистов в принципе, а в стране командирования в особенности, бывает *приемная*? Зачем журналисту вообще нужна *приемная*? Каким журналистам нужна *приемная*?

Кроме того, из гайдаровской цитаты видно, что это не корреспондент оказывается в приемных военных руководителей (кстати, у многих ли военных руководителей в то время в условиях спешного развертывания ГСВК на острове уже появились свои *приемные*?). Оказывается, наоборот, это военное руководство — командир ракетной дивизии, начальник контрразведки ГСВК, министр обороны принимающей страны и руководитель секретной службы кубинского режима — беседуют в приемной военного корреспондента газеты «Правда»...

Кем был Тимур Гайдар, прилетевший на Кубу на одном самолете с членом Политбюро ЦК КПСС Анастасом Микояном⁸⁶, близко знакомый с Фиделем Кастро, десятилетиями «друживший семьями и домами» с начальником секретной службы режима Раулем Кастро, с которым у него по «естественным причинам было больше дел»⁸⁷, в конце концов ставший единственным журналистом в советской истории, получившим звание контр-адмирала?

⁸⁴ Гайдар Е.. Слово об отце: <http://chiz.vostok-inc.com/pheed.php3?newsid=462>.

⁸⁵ Е. Гайдар: «Ну, он был офицером. В это время формальная позиция у него была — корреспондент газеты “Правда”»: <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>. Другим *формальным* корреспондентом газеты «Правда», правда, в другом регионе мира — на Ближнем Востоке, ставшим позже также широко известным, был Е. М. Примаков.

⁸⁶ Е. Гайдар: «Отец с ним [Микояном. — А. И.] летал, тогда он мне рассказывал подробности этого визита»: <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>; «Отец мой, Тимур, был на Кубе и во время карибских событий, и с Анастасом Ивановичем как раз летал, вместе с Кастро, когда Анастас Иванович прилетал объяснять Кастро, почему мы договорились с американцами о компромиссе»: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

⁸⁷ Н. Асадова: А почему ваш отец дружил с Раулем и не дружил с Фиделем?

Е. Гайдар: Ну так просто сложилось по жизни.

А. Венедиктов: Так не бывает: сложилось там... У политиков так не бывает, Егор Тимурович, вам бы не знать.

С. Микоян: Нет, но он более близок, доступен, наверное, был.

Е. Гайдар: Во-первых, все-таки он был министром обороны. И по естественным причинам у отца с ним было больше дел: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

Рассказанное Егором Тимуровичем позволяет предположить, какой на самом деле была на Кубе работа Тимура Аркадьевича. Единственная должность, которая позволяла бы человеку, занимавшему *формальный* пост военного корреспондента, общаться на равных с братьями Кастро, генералом Стаценко, контр-адмиралом Тихоновым, тем более в своей приемной, называлась *резидент советской военной разведки ГРУ на Кубе*⁸⁸. Очевидно, именно эта основная профессия Т. А. Гайдара привела его затем и в Югославию, и в Афганистан. Вполне откровенные намеки о непубличной стороне работы его отца заставляют также задуматься, почему Егор Тимурович посчитал возможным сделать их публичными именно в 2006 году, а, например, не в начале 1990-х годов, накануне назначения в российское правительство или во время работы в нем.

Тот факт, что Тимур Аркадьевич был высокопоставленным военным разведчиком, руководителем и участником операций ГРУ на Кубе, в Югославии, Афганистане, естественно, никоим образом не означает, что ответственность за них каким-либо образом может лежать на Егоре Тимуровиче. Как известно, сын за отца не отвечает. Это также не означает, что взгляды Тимура Аркадьевича Гайдара, его мнения, позиции, принципы должны были автоматически передаваться его сыну. Однако в деле формирования мировоззрения молодого человека трудно переоценить роль, которую играет атмосфера его собственной семьи, мнения, взгляды, позиции его родителей, принципы, которым они следуют. По крайней мере, скорее всего от отца передались Е. Гайдару особое отношение к сотрудникам военной разведки и в целом к разведывательному сообществу, а также готовность к применению силы.

Естественно, мировоззрение формировалось на примере не только отца, но и матери. Многими десятилетиями позже мать Егора Гайдара, Ариадна Павловна, расскажет супруге Егора Тимуровича Марии, что в случае высадки американцев она не могла допустить, чтобы интервенты захватили их живыми, и потому вначале собиралась убить сына, а потом покончить с собой⁸⁹.

⁸⁸ Б. Минаев: «У писателей Москвы в веселые 60-е годы был такой спорт — перепить Гайдара. Чемпионов, вторых и третьих призеров в этом спорте не было. Перепить веселого человека в черном повседневном или в парадном белоснежном кителе, слегка похожего на китайца, было нельзя. Скорее всего, потому, что в свое время по заданию Родины ему приходилось заниматься этим же видом спорта с такими людьми, как Фидель Кастро или Иосиф Броз Тито. То есть, по сути, выступать на профессиональном ринге. Тимур Гайдар с улыбкой выслушивал разговоры своих друзей о том, какое задание Родины он выполнял на Кубе во время Карибского кризиса и в Югославии в 70-е, когда социализм и нейтралитет в СФРЮ все же удалось отстоять. С молчаливой улыбкой разведчика»: <http://www.ogoniok.com/archive/2002/4732/06-14-17/>.

⁸⁹ «Моя мама рассказала об этом много десятилетий спустя и не мне, а моей жене, Марии Аркадьевне. Она тоже все видела и понимала, что происходит, она решила, что [если] высадка американцев станет очевидной данностью, она пойдет ку-

Семейные истории проливают некоторый свет прежде всего на атмосферу, в которой выросал и воспитывался Егор Гайдар, а также на систему взглядов и принципов его поведения, на те решения, какие он принимал, в том числе и будучи руководителем российского правительства в 1991 — 1992 годах и позже. Принадлежность к высшей государственной номенклатуре, к наследственной советской имперской элите, семейная связь с советским и российским разведывательным сообществом, воспитание в атмосфере «борьбы с американским империализмом» — все эти факторы, очевидно, не могли не наложить свой отпечаток и на мировоззрение и на многие стороны деятельности Егора Тимуровича Гайдара.

21. Дух империи

Следы номенклатурного воспитания, особенности имперского мировоззрения можно увидеть не столько в интервенционистской экономической политике, проводившейся гайдаровским правительством в 1991 — 1992 годах, сколько в личных решениях Егора Тимуровича по финансированию базы в Лурдесе и поддержке кубинского режима с помощью нефте-сахарных сделок; в настойчивых попытках назначить руководителем Центробанка России представителя другого семейного клана имперской номенклатуры Виктора Герашенко; в использовании МВФ-ского миллиарда для спасения Евробанка, финансировавшего имперскую разведывательную и подрывную сеть в Европе; в искреннем восхищении антиамериканизмом Фиделя Кастро, способствовавшем, по мнению Е. Гайдара, «демонтажу квази-империи США в Латинской Америке»⁹⁰; в попытках противодействовать США во время операции НАТО против С. Милошевича в Югославии в 1999 году; в поддержке руководимым Гайдаром Союзом правых сил Владимира Путина на президентских выборах 2000 года; в высказанной Гайдаром в 1997 году идее о крахе СССР как о «геополитической катастрофе»⁹¹ (идея, нашедшей восемь лет спустя отклик у В. Путина⁹² и получившей благодаря последнему столь широкий общественный резонанс); в молчаливой поддержке лозунга А. Чубайса о «либеральной империи»; в теме, названии, настроении одной из наибо-

паться и меня утопит, сама утонится». — *Гайдар Е.* Интервью Эху Москвы: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286>.

⁹⁰ Фидель Кастро: уходит эпоха. Какая грядет? <http://www.echo.msk.ru/programs/albac/45275/>.

⁹¹ «В 1990 — 1991 годах у нас, безусловно, произошла мировая геополитическая катастрофа вне зависимости от ее оценки, со знаком “+” или “-”»: *Гайдар Е.* Государство и эволюция, СПб, 2009. С. 257. Глава 4. Частная собственность номенклатуры: <http://www.gaidar.org/stati/gosevolut/glav4.htm>.

⁹² В. Путин: «Прежде всего следует признать, что крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века»: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

лее известных книг Е. Гайдара «Гибель империи»; в достаточно неожиданном для экономиста особом увлечении, казалось бы, далекой от экономических реформ темой ядерных потенциалов; в необычно резком, если не сказать грубом, окрике Гайдара по поводу статьи двух американских профессоров, посвященной нелицеприятному для России сравнению ядерных потенциалов США, России и Китая⁹³; в его нападках на идею размещения элементов американской ПРО в Польше и Чехии⁹⁴; в характерной манере идентифицировать себя (регулярное использование местоимения «мы») с путинской администрацией в ее весьма сомнительных и откровенно антилиберальных действиях, включая ренационализацию нефтяной промышленности и проведение «сердечных» переговоров с ОПЕК⁹⁵; в однозначной поддержке агрессии российского режима против независимой Грузии⁹⁶.

Искренней ностальгией по утрате последнего шанса сохранить советскую империю в августе 1991 года пропитаны гайдаровские строчки: «Теперь, после августовской победы, вся ответственность за происходящее в России, и в значительной степени на территории бывшего Советского Союза, ложится на плечи российских лидеров. На этом политическом фоне

⁹³ Е. Гайдар. «Ядерные расчеты ученых являются опасной игрой»: <http://www.inosmi.ru/world/20060329/226440.html>; Опасные игры: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2006/03/30/104641>.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ «Вот когда мы приватизировали нефтяную отрасль, в том числе с помощью залоговых аукционов, у нас возникла другая проблема — что делать с таким быстрым ростом добычи нефти, которая создает нам проблемы, скажем, в переговорах с ОПЕК, которая говорит нам: “Почему же вы так быстро наращиваете свою долю на рынке?”»... «После того, как мы решили ренационализировать часть нефтяной отрасли, проблема с ОПЕКом исчезла, потому что нефтедобычи упали в 5 раз. Как раз с того момента, как мы решили, что лучше ренационализировать часть нефтяной отрасли»:

Егор Гайдар об эпохе Ельцина. — «The New Times», 24 апреля 2007 г.: http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html. «Когда мы начали национализировать нефтяную промышленность...»: www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html.

⁹⁶ «...мы, в отличие от “горячей” войны, войну за информацию проиграли... Конечно, сказалось то, что в грузинском руководстве очень много людей, говорящих на хорошем английском языке, которые апеллируют вполне понятно к американским ценностям, к их образу жизни, а у нас этого не было. Все, что смогли сделать грузины профессионально, — это убедить американцев, что речь идет об акте агрессии со стороны России, и сделали, это, к сожалению, очень качественно... беда наших СМИ состояла в том, что они были целиком ориентированы на нашего зрителя и сделали это замечательно, справились хорошо. А что касается воздействия на войска противника, тут было хуже». Егор Гайдар: «Информационную войну мы проиграли»: <http://www.iet.ru/egor-gaidar-informacionnuyu-voinu-my-proigrali.html>.

еще оставалась, как мне тогда казалось, единственная возможность сохранить СССР: Горбачев немедленно отрывается от своего поста, передает его Ельцину, как президенту крупнейшей республики Союза. Ельцин легитимно подчиняет себе союзные структуры и, обладая безусловным в ту пору авторитетом общенародного лидера России, обеспечивает слияние двух центров власти, борьба между которыми и служит одной из основных причин развала. Так возникает надежда... Реально же происходит иное: российское руководство бездействует, процесс дезинтеграции Союза приобретает лавинообразный характер... Формально Союз существует, но из него вынули душу... Давать указания, требовать исполнения, контролировать — это утопия. Нельзя даже вообразить, например, что Горбачев укажет теперь Назарбаеву, как поступить с проектом “Тенгиз-Шеврон”... Союза, как реальной силы, нет... Каркас власти остался, но нет хозяина. Кто хозяин?»⁹⁷.

Используемая терминология не может не обратить на себя внимания — «отрывается», «легитимно подчиняет», «обеспечивает слияние двух центров власти», «давать указания», «контролировать», «хозяин». Эта программа в приложении к постсоветскому пространству, похоже, выглядит даже более амбициозной, чем действия Слободана Милошевича, приведшие Югославию к полномасштабной гражданской войне. Милошевич пытался выкроить из распадавшейся Югославии сербское государство на территориях, где сербы действительно жили в течение длительного времени. Е. Гайдар писал о своей «надежде» сохранить весь СССР. Нетрудно представить последствия реализации такой ностальгической «программы надежды» для граждан «ядерной державы», премьером которой был Е. Гайдар⁹⁸, прими М. Горбачев и Б. Ельцин такого рода советы к воплощению.

Позиция же Б. Ельцина тогда была иной: «Россия не ставит перед собой цели возвыситься в ходе реформ над соседями, осуществить их за счет тех или иных республик. Мы готовы тесно сотрудничать в деле преобразований с дружественными суверенными государствами. Реформы в России — это путь к демократии, а не к империи. Россия не допустит возрождения и нового командного центра, стоящего над ней и другими суверенными государствами. Она станет гарантом того, что диктатура сверху уже не будет. Межреспубликанские органы призваны играть только консультативно-координирующую роль. Реальную власть теперь осуществляют республики»⁹⁹.

Два лидера — СССР и России, похоже, действительно спасли граждан постсоветских стран от неизбежных гражданских войн. В частности, тем,

⁹⁷ Гайдар Е. Дни поражений и побед. С 81.

⁹⁸ Гайдар Е. А я был премьер-министром ядерной державы. Интервью «SmartMoney»: http://www.gaidar.org/smi/2007_07_16_ms.htm. Гайдар Е. У моих американских коллег бледнеют лица и отвисают челюсти. Интервью: <http://www.vedomosti.ru/smartmoney/article/2007/07/16/3353>.

⁹⁹ Ельцин Б. Речь на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября 1991 г.

что не стали воплощать «надежды» Е. Гайдара и других имперских мечтателей. Справедливости ради следует сказать, что в декабре 1991 года Е. Гайдар принял активное участие в подготовке Беловежских соглашений, завершивших существование СССР, а пятнадцать лет спустя опубликовал книгу «Гибель империи», в которой, в частности, не раз говорил об опасности постимперской ностальгии.

Показательно и отношение Е. Гайдара к обеим чеченским войнам, связанным российскими властями. Известно, что по поводу второй чеченской войны он сохранял оглушительное молчание. Так же, как и по отношению к провозглашенному А. Чубайсом лозунгу о «возрождении российской армии в Чечне». Однако также хорошо известно, что против первой чеченской войны Е. Гайдар возражал, в том числе даже участвуя в антивоенных митингах и демонстрациях. Этот факт заставил многих, включая и меня, предположить, что критика Е. Гайдаром по крайней мере первой чеченской войны базировалась на соображениях ее моральной неприемлемости. Хотя заметная разница в отношении Е. Гайдара к двум аналогичным войнам не могла не обратить на себя внимание. Данные им пояснения вносят коррективы в такое понимание¹⁰⁰. Оказывается, Е. Гайдар был не столько против войны в Чечне, сколько против неподготовленной войны в Чечне. И потому ошибкой Б. Ельцина, по его мнению, была не сама по себе чеченская война, ошибкой была лишь неподготовленная война. Гайдар также подчеркивал, что он выступал за установление в Чечне «порядка».

Как известно, установление так называемого *конституционного порядка* стало популярным эвфемизмом властей для обозначения карательной опе-

¹⁰⁰ Е. Гайдар: «Я, как вы знаете, был категорическим противником первой чеченской войны... Борис Николаевич... знал, что я буду пытаться доказать ему, что не надо сейчас, по крайней мере, сейчас, начинать никаких военных действий в Чечне. Это не то, что я там категорический противник того, что в Чечне должен быть какой-то элементарный порядок, такой или сякой... Еще раз подчеркну, дело было не в том — “Надо наводить порядок в Чечне или нет?” Надо было думать: “Когда, какими методами и как к этому готовиться, если ты хочешь это сделать”. Эдуард Аркадьевич Воробьев — прекрасный военный, генерал-полковник, тогда первый заместитель командующего сухопутными войсками, очень квалифицированный, один из лучших российских генералов, много раз доказывающий это в действительности, — когда его послали руководить чеченской операцией, прибыв в войска, разобравшись в том, как обстоят дела с боевым слаживанием, разведкой, сказал начальству, что нужно, по меньшей мере, два месяца на подготовку операции, налаживание нормальной информации,.. слаживание войск, сколоченных по взводу неизвестно откуда. Ему сказали: “Нет. Какие два месяца? Послезавтра”. Он ответил: “На мой взгляд, так не воюют”. И подал рапорт об отставке. Потом выяснилось, что, действительно, так не воюют. Ну, это была ошибка... Мне сегодня, честно говоря, не хочется говорить об ошибках Бориса Николаевича». — Егор Гайдар об эпохе Ельцина. — «The New Times», 24 апреля 2007 г.: http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html.

рации, в результате которой были уничтожены десятки тысяч жителей Чечни. По мнению Е. Гайдара, «дело было не в том — “надо ли наводить порядок в Чечне или нет?” Надо было думать: “Когда, какими методами... это сделать”. Ошибкой было «воевать так», «воевать само по себе» ошибкой не было.

— *Извините, а, как по-Вашему, Гайдар служил империи: он совершал для нее, скажем так, морально неоднозначные поступки, рисковал своей репутацией, исходя лишь из приверженности имперской идее, действуя из чистого альтруизма? Или за этим стояли материальные интересы?*

22. Власть и собственность. Смуты и институты

В сугубо бытовом плане Егор Тимурович производил впечатление достаточно щепетильного человека. Казалось, что своими решениями или рекомендациями он вряд ли мог преследовать что-то персонально для себя. Складывалось впечатление, что здесь проявлялось скорее всего то, о чем мы уже начали говорить, — черты личного характера, индивидуальные взгляды, собственное мировоззрение.

Одной из самых любимых идей, регулярно воспроизводимой во многих работах Е. Гайдара, была идея разделения власти и собственности. Воплощение этого принципа в жизнь называлось им в качестве важнейшего условия современного экономического роста¹⁰¹. Правда, в собственной практической деятельности следовать этому принципу удавалось не всегда.

Бывший генпрокурор Ю. Скуратов называл фамилию Е. Гайдара среди тех государственных чиновников и высокопоставленных советников властей, кто участвовал в инсайдерской игре с ГКО накануне августовского кризиса 1998 года¹⁰². Это были те самые ГКО, в которые по решениям С. Дубинина и С. Алексашенко инвестировала валютные резервы страны уже упоминавшаяся офшорная компания ФИМАКО, через которую по решению Е. Гайдара происходило спасение Евробанка «с погонами». Документы по расследованию августовского кризиса 1998 года подтвержда-

¹⁰¹ «Никакой не секрет, что надо сделать, чтобы вывести развитие российского капитализма на иной, цивилизованный путь. Нужно:

— Четко отделить собственность от власти.

— Обеспечить равенство правил игры в экономике.

— Заделать дырки в налоговом... режиме». — Гайдар Е.. Дни поражений и побед. С. 366;

«... разделение власти и собственности — это важнейшая предпосылка долгосрочного устойчивого экономического роста». — Гайдар Е. Смуты и институты. Лекция: <http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>.

¹⁰² «Среди активных игроков оказались Гайдар... Операции-то все расписаны, они все остались в компьютерном банке данных! Как и операции Гайдара и других игроков...». — Скуратов Ю. Вариант дракона: <http://tululu.ru/b56726>.

ют участие Е. Гайдара в инвестициях на рынке ГКО в размере шесть миллиардов рублей¹⁰³.

К сожалению, Егор Тимурович никогда не опровергал этой информации, обнародованной на заседании Совета Федерации и в ходе пресс-конференции руководителя подкомитета по банкам и банковской деятельности Совета Федерации. Более того, он (так же, как и А. Чубайс) не откликнулся на многочисленные приглашения временной комиссии Совета Федерации прийти на ее заседания и опровергнуть эту информацию, если он считал ее не соответствующей действительности¹⁰⁴. Следует также заметить, что сумма в шесть миллиардов рублей (примерно один миллион долларов), инвестированная Е. Гайдаром в рынок ГКО до августа 1998 года, многократно превышала суммарную зарплату государственного чиновника — вице-премьера, и. о. премьера, депутата Государственной Думы, которую теоретически можно было получить за предшествовавшие шесть лет.

Участие в инвестициях на рынке ГКО, возможно, объясняет персональную заинтересованность Е. Гайдара в продлении действия так называемого «валютного коридора», его умеренно оптимистические оценки финансового состояния страны на заседании клуба «Взаимодействие» 25 июня 1998 года, его просьбу ко мне не говорить о неизбежной девальвации рубля жур-

¹⁰³ А. Суриков: «Господин Гайдар — участник рынка ГКО (6 млрд. рублей), комиссия по рынку ценных бумаг этим занимается. Господин Кох — тоже крупнейший участник рынка ГКО, господин Алексашенко, первый заместитель Председателя Центрального банка, — также крупнейший участник рынка ГКО. Это люди, владеющие всеми секретами рынка ГКО». — Стенограмма 44-го заседания Совета Федерации России 17 марта 1999 года. <http://council.gov.ru/files/sessionsf/report/20070404165957>. DOC.

«Господин Гайдар тоже один из крупнейших игроков на рынке ценных бумаг нашего государственного бюджета. По-моему, объем его участия равен 6 миллиардам долларов...» [Очевидная оговорка: речь идет о 6 млрд. рублей. — А. И.] «В докладе [Временной комиссии Совета Федерации по расследованию причин кризиса. — А. И.] содержатся фамилии крупнейших игроков на рынке ГКО: Алексашенко, Гайдара, Коха». — Суриков А. Роль Центрального банка России в экономическом кризисе. Пресс-конференция 18 марта 1999 г.: <http://www.akm.ru/rus/press-club/990318report.Stm>

¹⁰⁴ В. Пивненко: «Временная комиссия провела семь заседаний, на которых были заслушаны начальник Департамента ценных бумаг Министерства финансов Российской Федерации Златкис, заместитель председателя Российского акционерного общества «Газпром» Дубинин, первый заместитель Председателя Банка России Козлов, председатель Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг Васильев, генеральный директор Московской межбанковской валютной биржи Захаров, первый заместитель Министра финансов Российской Федерации Выюгин. Отказались от встреч с временной комиссией Кириенко, Гайдар, Чубайс»: <http://council.gov.ru/files/sessionsf/report/20070404165957>. DOC.

налистам¹⁰⁵. Правда, каждый день продления действия валютного коридора обходился стране ценой рекордных темпов наращивания государственного долга, в том числе внешнего, а также ценой продолжения промышленного и общеэкономического спада.

Е. Гайдар ожидал соответствующую оценку своих трудов не только от рынка, но и от власти. Он полагал, что за то, что, по его мнению, он сделал для страны, он заслуживает соответствующего признания от «начальства». В феврале 2001 года, когда я работал советником президента, мне позвонил один из ближайших соратников Е. Гайдара и, ссылаясь на приближавшееся тогда 45-летие своего шефа, попросил похлопотать перед В. Путиным о награждении его орденом. Мне казалось, что получение государственной на-

¹⁰⁵ «Это было 25 июня 1998 года на заседании клуба “Взаимодействие”... Поскольку летом 1998 года в воздухе явно носилось ощущение чего-то надвигающегося (правда, про катастрофу не говорили), то на заседание клуба был приглашен Гайдар, чтобы рассказать правду о том, что происходит, и дать ответ на вопрос, будет ли кризис или нет. На заседании был аншлаг — пришло, наверное, человек 150 — сливки либеральной общественности, бизнеса, журналистики. Гайдар выступал в течение минут сорока, сказав примерно следующее: да, ситуация не совсем простая, но кризиса не будет. Мы все держим под контролем, инфляция снижается, вот сейчас Чубайс съездил в МВФ, получил большой кредит, так что все в порядке, не беспокойтесь. Переживем. Трудно было не поверить Гайдару. Не то чтобы полностью исчезли все сомнения, но уровень напряженности стал постепенно снижаться. Вторым в прениях слово дали мне. Хотя по регламенту надо было задавать вопрос, вместо него я сделал небольшое собственное выступление — такой содоклад минут на пятнадцать-двадцать. Я сказал, что слова Гайдара не соответствуют действительности. Ни один из факторов, названных им и якобы препятствующих кризису, не работает. Зато работают другие факторы, о которых он ничего не сказал. Кредиты МВФ не помогут, в лучшем случае оттянут начало кризиса, но увеличат его масштаб. Будет кризис. Будет девальвация рубля. Хотя точные сроки предсказать невозможно, но кризис произойдет до конца 1998 года. Если, говорю, девальвацию проводить в июле, то курс рубля упадет раза в два с половиной — рублем до 15 за доллар (в июне курс был чуть больше 6 рублей за доллар). Если оттягивать девальвацию, то курс может упасть вчетверо — до 24 — 25 рублей за доллар. В то время как экономические последствия девальвации будут обещающими — возрастет экспорт, улучшится платежный баланс, возрастет занятость, упадет безработица, начнется экономический рост, политические ее последствия могут оказаться очень тяжелыми. Гайдар не стал дожидаться завершения моего выступления, собрал свои бумаги и ушел. На следующий день, 26 июня, в трубке я услышал голос Гайдара: “Андрей, ты знаешь, я тебя мало о чем просил. У меня к тебе есть просьба”. Я сказал: “Да, я слушаю тебя”. — “Я тебя прошу: все, что ты рассказывал вчера на клубе, не говори, пожалуйста, журналистам”. Я был потрясен: “Почему?” — “Ну, знаешь, бывают вещи, которые говорить публично нельзя”. Я говорю: “Я таких вещей не знаю”. Он повторяет: “Ты знаешь, я тебя мало о чем просил. А сейчас я действительно прошу: не говори, пожалуйста, ничего об этом журналистам”. — *Илларионов А.* Слово и дело. Ч. 1. «Континент», № 134: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>.

грады из рук В. Путина лидером партии, называвшей себя либеральной и демократической, находившейся в полуоппозиции к тогдашнему политическому режиму, да еще и по случаю дня его рождения, было бы для Е. Гайдара дискредитирующим. Попытка объяснить это звонившему оказалась безуспешной. Моих соображений он, кажется, просто не понял.

Не исключено также, что один из мотивов участия Е. Гайдара и сотрудников его института в подготовке программы реформ для новой российской власти оказался чуть более прозаическим, чем об этом часто принято думать¹⁰⁶. Обострение «квартирного вопроса» для Института экономической политики, возможно, сыграло не последнюю роль в истории и экономических реформ и всей страны. Однако с успешной защитой здания Академии народного хозяйства история институтского «квартирного вопроса» не закончилась. Год спустя год он был решен на другом уровне.

По мнению Андрея Нечаева, приглашенного Гайдаром на пост заместителя директора по науке, институт был «подарен» Е. Гайдару М. Горбачевым в знак благодарности за хорошо им подготовленное и удачно воспринятое народными депутатами выступление¹⁰⁷. Аналогичное мнение высказал и В. Мау¹⁰⁸. Однако ни М. С. Горбачев, ни его коллеги, помощники, советники того времени В. А. Медведев, Н. Я. Петраков, Г. С. Остроумов, О. И. Ожере-

¹⁰⁶ «Вообще, когда мы согласились писать программу, мы относились ко всему этому очень скептически. Программ уже было некое количество, и никто их не собирался реализовывать. Программы превратились в такие академические упражнения. Плюс у нас был совершенно смешной побудительный мотив: [мэр Москвы] Гавриил Попов тогда собирался отобрать у [Абела. — А. И.] Аганбегяна здание Академии народного хозяйства, где сидел и Институт экономической политики. Соответственно, мы лишались площадей. И это была одна из причин, почему мы решили откликнуться на предложение Бурбулиса, — чтобы помочь Аганбегяну отстоять здание». — *Нечаев А.* Никто из солидных людей не хотел брать на себя ответственность: <http://www.forbes.ru/interview/46600-reformatory-prihodyat-k-vlasti-andrei-nechaev>.

¹⁰⁷ «Потом он [Гайдар. — А. И.] мне позвонил... и предложил стать его заместителем, когда ему Горбачев сделал институт экономической политики. И соответственно год я у него был замом в этом институте». — *Нечаев А.* Неприлично во всех грехах обвинять прежнюю власть: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/60059-neprilichno-vo-vseh-grehah-obvinyat-prezhnyuyu-vlast>; «Одно из выступлений Горбачева, почти полностью написанное Гайдаром, оказалось весьма удачным и было хорошо принято депутатами Верховного Совета СССР. В итоге осенью 1990 года Горбачев решил “вознаградить” Гайдара за выполненную на высоком профессиональном уровне работу созданием “под него” Института экономической политики, призванного разрабатывать практические и теоретические вопросы экономических преобразований». — *Нечаев А.* Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М., 2010. С. 10–11.

¹⁰⁸ «Институт был создан в конце 1990 года как структурное подразделение Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР, инициаторами были академик Абел Аганбегян (незадолго до этого возглавивший АНХ) и Михаил Горба-

льев, А. Г. Аганбегян не подтвердили, что М. Горбачев имел какое-либо отношение к созданию Института экономической политики — ни «под Гайдара», ни под кого-либо другого. В то же время Аганбегян сообщил, что именно он был инициатором создания ИЭП под руководством Е. Гайдара¹⁰⁹.

С самого рождения институт имел специфический статус. Хотя ИЭП первоначально был создан в рамках Академии народного хозяйства при Правительстве СССР, однако затем Гайдар добился его двойного подчинения — не только АНХ, но и Академии наук СССР. Поэтому хотя институт и был государственным, его двойное подчинение делало возможное смещение его руководителя, если бы такая идея у кого-либо и возникла, практически неосуществимым. Такая административная находка означала если не фактическую приватизацию государственной организации, то в любом случае приобретение условной собственности на нее.

По своему происхождению и юридической природе Институт экономической политики (в 1992 — 2009 годах: ИЭППП, Институт экономических проблем переходного периода; сейчас: ИЭП, Институт экономической политики имени Гайдара) принципиально отличался и отличается от «Эпицентра», Института национальной модели экономики, Института экономического анализа, Института проблем глобализации, Института национальной стратегии — от любых других институтов, созданных в России в последние два десятилетия. Каждый из этих институтов (за исключением ИЭП) с самого начала создавался, являлся и продолжает оставаться частной исследовательской организацией, не получившей от российского государства ни финансирования, ни каких-либо иных активов.

В отличие от них двойственная природа гайдаровского института и особый характер его взаимоотношений с государством были усилены Постановлением российского правительства № 874 от 11 ноября 1992 года «Вопросы Института экономических проблем переходного периода», предоставившим ИЭППП бюджетное финансирование, в том числе для приобретения статистической информации, вычислительной техники, оргтехники, услуг связи, транспортных средств, социально-бытового и медицинского обслуживания¹¹⁰. По договору аренды власти передали Институту в долго-

чев». — *May B.* Экономическая политика. Институт Гайдара: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/10/05/246984>.

¹⁰⁹ *Илларионов А.* История одной ошибки: <http://aillarionov.livejournal.com/272119.html>.

¹¹⁰ «2. Возложить на Институт экономических проблем переходного периода как независимую некоммерческую научно-исследовательскую организацию и научно-методический центр переподготовки кадров в области экономических исследований и финансов организацию и координацию исследований и разработок, представляемых Россией в международные финансовые организации.

3. Министерству финансов Российской Федерации и Министерству науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации: предусматривать начиная с 1993 года выделение из республиканского бюджета Российской Федерации

срочную аренду помещения площадью 4652 квадратных метров (затем она была увеличена до 5077 квадратных метров, а потом до 6107 квадратных метров) с имуществом и средствами связи в комплексе зданий на улице Огарева (ныне: Газетный переулок), занимаемых ранее департаментами электротехнической промышленности и приборостроения бывшего Министерства промышленности Российской Федерации¹¹¹. По указанному договору раз-

средств для Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации на финансирование приоритетных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выполняемых Институтом экономических проблем переходного периода. Выделение средств осуществляется с учетом оплаты статистической информации, вычислительной техники, оргтехники, видов связи, транспортных средств, социально-бытового и медицинского обслуживания сотрудников; выделить в 1993 году на указанные цели по разделу «Наука» 140 млн. рублей.

4. Институту экономических проблем переходного периода согласовывать объем необходимой Институту статистической информации с Государственным комитетом Российской Федерации по статистике на договорной основе.

5. Министерству связи Российской Федерации и Федеральному агентству правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации обеспечить Институт экономических проблем переходного периода необходимыми видами связи на договорной основе...

7. Установить, что сотрудники Института экономических проблем переходного периода пользуются услугами Медицинского центра при Правительстве Российской Федерации на договорной основе.

8. Государственному комитету Российской Федерации по управлению государственным имуществом: разместить до 1 декабря 1992 года на условиях долгосрочной аренды Институт экономических проблем переходного периода на площадях, занимаемых ранее департаментами электротехнической промышленности и приборостроения бывшего Министерства промышленности Российской Федерации, в зданиях по адресу: г. Москва, ул. Огарева, дом 3, строения 2 и 3; дом 5, строение 3; передать на баланс указанного Института имущество и средства связи, находящиеся в передаваемых помещениях». — Постановление правительства РФ от 11 ноября 1992 года № 874 «Вопросы Института экономических проблем переходного периода»: http://www.pseudology.org/Gaydar/Postanovlenie_institut.htm.

¹¹¹ «Руководитель правительства России подарил сам себе институт. <...> На выселение старых хозяев и вселение нового отводилось 19 дней. Гайдар знал, что его премьерские дни сочтены. Вероятно, департаменты сопротивлялись реформам. 3 декабря 1992 г. Госкомимущество приказывает: «Обеспечить в срок до 10 декабря освобождение площадей, занимаемых ранее департаментами электротехнической промышленности и приборостроения. Разместить в срок до 10 декабря 1992 г. ИЭППП». Подписал Чубайс. Он дал на въезд и выезд еще неделю... Площадь, полученная Гайдаром для своего ИЭППП, составляла 4651,5 кв. м, затем она выросла. Стала 5077,41 кв. м». — *Минкин А.* «Новая газета», 14 — 20 октября 1996 г.

«9 декабря 1992 г. эти 6106,6 кв. м по договору аренды № 95 были переданы Егору Тимуровичу Гайдару, бывшему в то время первым заместителем председателя правительства РФ, советником Президента РФ по вопросам экономической по-

мер годовой арендной платы в течение срока аренды был зафиксирован на минимальном уровне. В 1996 году он составлял 17 660 руб. (по рыночному курсу — 3,5 дол. США) за кв. м при рыночных ставках 500 — 800 дол. за кв. м, а с 2001 года он составил 32,8 у. е. за 1 кв. м» в год при рыночных ставках в центре Москвы от полутора до нескольких тысяч долларов¹¹². В 2008 году Е. Гайдар обратился в правительство России с просьбой освободить его институт и от этих платежей¹¹³.

Суть проведенных операций может быть выражена формулой государственно-частного партнерства в соответствии с популярными российскими понятиями: «приватизация прибылей, национализация убытков». Задолго до крупнейших афер более позднего времени — приватизации РАО ЕЭС и IPO (первичного публичного размещения) акций Роснефти в пользу самой компании — эта формула была применена путем предоставления государственных активов и государственного обеспечения ставшему затем квази-частным ИЭП.

Тем не менее условность собственности на руководимый им государственный институт у самого Егора Тимуровича сомнений, кажется, не вы-

литики, под офис на срок до 1 декабря 2042 года»: <http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

¹¹² «Гайдар платит за аренду по 17 660 рублей за кв. м в год. А “излишки” сдает всяким фирмам по всяким ценам. Кому — по 500 долл. за кв. метр в год, кому — по 600, кому — по 800. В результате этой полезной деятельности Гайдару досталась разница в сумме 7 346 723 513 рублей. <...> Сейчас ИЭППП сдает площадь семнадцати фирмам». — *Минкин А.* «Новая газета», 14–20 октября 1996 г.; «Нетрудно подсчитать, что до недавнего времени “Институт экономики переходного периода” уплачивал в казну чуть более 200 тыс. долл. за аренду “под офис”. При “безвозмездном пользовании” и того не будет. Зато какой гешефт можно получить, имея право передачи в пользование третьим лицам, то есть сдавать офисную площадь в центре столицы по коммерческим ценам! Как известно, коммерческая стоимость аренды помещений в центре Москвы на сегодняшний день составляет от 1500 до 5000 долл. США. По первым подсчетам такая коммерция дает и может давать минимум 10 млн долл. ежегодно. Неплохой подарок преподнес себе в 1992 г. Егор Тимурович на десятилетия вперед, фактически воспользовавшись своими властными полномочиями!» — Гайдар зарабатывает на государстве \$ 10 000 000 ежегодно: <http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

¹¹³ «...Прошу Вас рассмотреть возможность передачи Фонду “Институт экономики переходного периода” нежилых помещений, находящихся по адресу: г. Москва, Газетный пер., дом 3–5, строение 1, в безвозмездное пользование на срок до 01 декабря 2042 г. с правом передачи их в пользование третьим лицам. В настоящее время указанные нежилые помещения находятся у Фонда “Институт экономики переходного периода” в собственности на праве аренды на срок до 01 декабря 2042 г.». Такое вот официальное письмо написал 19 сентября 2008 г. директор этого фондо-института Егор Гайдар руководству Федерального агентства по управлению государственным имуществом». — Гайдар зарабатывает на государстве \$ 10 000 000 ежегодно: <http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

зывает. В начале ноября 2005 года мы встретились с Е. Гайдаром на проходах в последний путь замечательного журналиста и достойного человека Отто Рудольфовича Лациса. После похорон мы задержались с Гайдаром, чтобы обсудить, что можно было бы сделать против наступления политической реакции. Тогда я спросил его, собираются ли он и руководимая им партия СПС делать хоть что-нибудь для противодействия тому, что уже и он сам в некоторых своих интервью стал называть наступающим фашизмом¹¹⁴. Реакция Гайдара поразила меня. На мой вопрос он ответил вопросом: «А они заберут у меня институт?»

С точки зрения номенклатурной логики служения государю он, наверное, был по-своему прав. Активы, данные «хозяином» подданному, — шуба, дарованная с царского плеча; поместья с крепостными, золотые или серебряные прииски; государственные монополии или научные институты, отданные в управление, — все это могло быть у подданного и изъято, — если и как только сюзерен проявит недовольство своим вассалом. Тем более, по этой логике вассальной зависимости, они и должны быть изъяты, если служба со стороны подданного прекращается, и он начинает демонстрировать сюзерену свою нелояльность.

23. Государство и эволюция

Хотя лица, оказывавшиеся на вершине власти, этого и не требовали, но появление каждой новой персоны у государственного руля — независимо от ее идеологических взглядов и политической программы — сопровождалось инициативным принесением ей присяги. Правда, как только маятник качался в сторону нового лица, появлявшегося на властной вершине, прежняя присяга переставала действовать. Еще летом 1990 года безоговорочным сюзереном Е. Гайдара был Горбачев¹¹⁵. 19 августа 1991 года «начальством» был назван Б. Ельцин¹¹⁶. 23 марта 1998 года о лояльности было доложено С. Кириен-

¹¹⁴ *Гайдар Е.* Испытание России фашизмом: <http://www.inosmi.ru/inrussia/20060512/227393.html>.

¹¹⁵ «Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1997. С. 60.

¹¹⁶ 19 августа 1991 г.: «Из института иду по телефону всех, кому можно дозвониться. Звоню помощнику Горбачева, О. Ожерельеву. Спрашиваю: жив ли Михаил Сергеевич и можем ли мы для него что-нибудь сделать? Отвечает крайне уклончиво — разговор не поддерживает. Звоню в Белый дом Сергею Красавченко, Алексею Головкову. Прошу передать начальству, что институт в распоряжении российской власти». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 74; «Он начал писать экономические обзоры в журнал “Коммунист” в 1986 году. Успел написать, наверное, четыре обзора... В то время он скорее был человек Горбачева, чем Ельцина.

ко¹¹⁷. Осенью 1999 года СПС взял на вооружение лозунг «Кириенко — в Думу! Путина — в Президенты!»¹¹⁸ В начале 2008 года публичная забота о популярности и условиях работы была проявлена в отношении Д. Медведева¹¹⁹.

В конце концов «научное» обоснование динамичной смене лояльности было дано в чеканных формулировках морально-политического релятивизма чиновника, принадлежащего государственной номенклатуре: «...я пережил крах советской экономики... Люблю я власть, или не люблю, второй раз этого я не хочу видеть. Поэтому я сделаю все, что могу, чтобы помочь власти не делать ошибок»¹²⁰; «Вне зависимости от моих симпатий или антипатий к тем, кто стоит у власти в моей стране, я всегда буду пытаться сделать все возможное, чтобы подобная ситуация [экономические ошибки властей. — *А. И.] не повторилась»¹²¹.*

Ни насилие властей по отношению к частной собственности, ни репрессии против демократической оппозиции, включая и собственную партию СПС, не говоря уже о жестоких разгонах «маршей несогласных», ни агрессия против Грузии с оккупацией части территории соседнего независимого

Когда стало понятно, что Горбачев совсем не контролирует ситуацию, деваться было некуда. Надо было хоть на кого-то уже опираться». — *Стругацкая М.* Он не понимал, как дальше все повернется. — «Огонек», №10 (5169), 14 марта 2011 г.: <http://kommersant.ru/Doc/1597249>.

¹¹⁷ «Тут приехали Гайдар с Чубайсом и... потребовали разговора с Кириенко наедине. Цель их разговора была очевидной...». — *Илларионов А.* Слово и дело. Ч. 1. — «Континент», № 134: <http://magazines.russ.ru/continent/2007/134/il7-pr.html>.

¹¹⁸ «Конференция подтвердила состав блока СПС, приняла программный документ — «Правый манифест» и одобрила общедокументальный список кандидатов в депутаты. В первую тройку списка вошли С. Кириенко, Б. Немцов, И. Хакамада, московскую региональную часть списка возглавил Е. Гайдар... Блок СПС поддержал возобновленную осенью 1999 премьер-министром В. Путиным войну в Чечне... В декабре 1999 СПС выдвинул лозунг «Путин — в Президенты, Кириенко — в Государственную Думу!»»: http://www.anticompromat.org/sps/spr_sps.html.

¹¹⁹ 22 января 2008 г.: «При неблагоприятном развитии событий в мировой экономике, замедлении экономического роста в России в сознании элиты и общества может укорениться иллюзия, что оно напрямую связано со сменой первого лица государства». — *Е. Гайдар.* Состояние мировой конъюнктуры и перспективы экономической политики в России. Доклад на заседании Ученого Совета 22 января 2008 г.: http://www.iet.ru/files/persona/gaidar/Doklad_konf_22_01_08.doc, <http://www.sps.ru/?id=225359&PHPSESSID=491fd0959d5936f368ae30c17e0d78e>; 28 января 2008 г.: «У него [будущего президента] будут более жесткие условия работы, чем у нынешнего главы государства». — *Гайдар Е.* Будут более жесткие условия. — «Русский Newsweek», 28 января 2008 г.: <http://www.sps.ru/?id=225095>, <http://www.iep.ru/ru/egor-gaidar-budut-bolee-zhestkie-usloviya.html>.

¹²⁰ *Гайдар Е.* Интервью «Эху Москвы»: <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

¹²¹ *Гайдар Е.* Мировой кризис и Россия. Суть разногласий. — «Ведомости», 21 марта 1998 г.: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/03/21/144035>.

государства и признанием в нарушение международного права независимости его двух регионов, ни бряцание оружием во время крупнейших в истории страны военных маневров в сентябре 2008 года, сопровождавшееся заявлениями Д. Медведева о том, что он «не боится войны», не ослабили желания Е. Гайдара помогать такому режиму и своими заявлениями¹²² и своими советами¹²³. «Доступ к телу» чиновников был оценен им дороже, чем разговор с обществом, в том числе и с теми его членами, кто считал Е. Гайдара своим сторонником и союзником. Совпадение по времени заявлений в поддержку правительства с рассмотрением в нем вопросов освобождения ИЭППП от налогообложения, очевидно, было совершенной случайностью¹²⁴.

Справедливости ради следует сказать, что такое желание помогать государственной власти обнаружилось у Е. Гайдара лишь тогда, когда во главе нее оказался В. Путин. Когда же президентом России был Б. Ельцин, а премьером — В. Черномырдин, позиция Е. Гайдара относительно собственной работы и работы его коллег по реформаторской команде на государство была несколько иной: «*Чем меньше нас там будет, тем быстрее они обосрут-ся, и мы опять вернемся*»¹²⁵. Причиной ухода Е. Гайдара из правительства в

¹²² 10 сентября 2008 г.: «Все умные люди, которые причастны к процессу принятия инвестиционных решений, прекрасно понимали, что после одностороннего признания Косово все, что уже произошло на Кавказе, было неизбежным, и включали эти риски в свои инвестиции в Россию. Это значит, что котировки российских ценных бумаг строились исходя из гипотезы неизбежности больших неприятностей на Кавказе. Поэтому, по моей информации, прямые инвесторы никак не отреагировали на события в Грузии. То есть те, кто вкладывал напрямую в российские предприятия, они деньги не стали выводить. Бежал лишь спекулятивный капитал фондового рынка». — *Гайдар Е., Чубайс А.* До 2009 года кризисов в России не будет. А потом... <http://kp.ru/daily/24162/375899/>.

¹²³ 16 октября 2008 г.: «Известный экономист и демократ Егор Гайдар уже дал Кремлю совет, как справиться с финансовым кризисом... В целом, по его словам, правительство предпринимает правильные действия по преодолению финансового кризиса. На вопрос, что именно он посоветовал Кремлю, Егор Гайдар уточнять не стал. Он ответил, что банковская сфера очень “тонкая сфера” и все, что ее касается, огласке не подлежит. “Деньги любят тишину”, — подтвердил Гайдар. Для справки: ЦБ и минфин выделили на поддержку финансовых институтов и рынков порядка 3 триллионов рублей». — *Гуленок О.* За совет — любовь? <http://www.kasparov.ru/material.php?id=48F73018D08ED>.

¹²⁴ «...заместитель министра экономического развития РФ А. Ю. Левицкая подписала письмо № 14228-АЛ/Д08 от 2 октября 2008 года, которым, по сути, предписывает Росимуществу в кратчайший срок решить вопрос о размещении гайдаровского фонда “на условиях договора безвозмездного пользования с правом передачи третьим лицам”. Срок исполнения — до 13 октября 2008 года»: <http://stringer.ru/publication.mhtml?Part=48&PubID=10381>.

¹²⁵ «А. Шохин: Поначалу ЧВС [В. С. Черномырдин. — *Ред.*] был настроен резко. Он мне объяснил почему: «Я бы всех вас из правительства убрал, но после того, как

Гайдар порекомендовал мне сделать именно так, за исключением Чубайса и Салтыкова, я решил погодить с этим решением. Если Гайдар не хочет, чтобы, скажем, ты был в моем правительстве, ну тогда поработай, я еще посмотрю — чего ты стоишь. Я сначала думал, что вы одна команда, а оказывается, у вас такие сложные отношения».

А. Кох: У тебя к тому моменту с Гайдаром были непростые отношения?

А. Шохин: У меня с Егором стали непростые отношения. После этого разговора с Виктором Степановичем я поехал к Гайдару и спросил его в лоб: «Егор, правда, что ты сказал, что лучше и меня убрать, и всех убрать, кроме Чубайса и Салтыкова?» Он говорит: «Правда». Я говорю: «А мотивация?» «Чем меньше нас там будет, тем быстрее они обосрут, и мы опять вернемся». «А Чубайс с Салтыковым зачем?» «Ну, кто-то должен там все-таки следить за тем, что происходит».

А. Кох: Получается, что ты с Гайдаром поругался...

А. Шохин: Поругался, сказав, что он, мягко говоря, не прав. «Всех на хер из правительства» — это крайний, но возможный вариант. Но надо было сесть, поговорить хотя бы и решить, что у нас тактика вот такая, что мы все дружно подаем заявление, из этого делаем некую политическую акцию. А когда этого не взяли, другого взяли, Петя написал заявление, а остальные сидят, ждут, а Гайдар их тайком всех сдает, не поставив их даже в известность о такой своей позиции, то это как называется? <...> мы дружили семьями, сидели в соседних кабинетах, через стенку, когда в науке работали... его рекомендация Черномырдину не брать никого в правительство меня очень сильно задела. Я сильно возмутился по этому поводу и сказал ему всякие нехорошие слова...

А. Кох: А ты приехал к Егору после разговора с Черномырдиным?

А. Шохин: Мы ж на соседних дачах жили. Вижу, огонек горит и Гайдар подъехал. Ну, я и пошел...<...> На тот разговор, в декабре 1992 года он нас всех отослал в отставку, и я ему наговорил много разного, причем при свидетелях...

П. Авен: Свидетелями были только я и моя жена.

А. Шохин: Нет, свидетелем был ты, Андрей Бугров... Костя Кагаловский (тогда директор от России в МВФ) и Маша Гайдар — жена Гайдара... Они у меня на даче сидели (настроение было возбужденное), вижу, Егор приехал, говорю: «О, Гайдар дома, пошли ему морду бить!»... Костя сказал: «А что, пошли». Я, кстати, ничего обидного не сказал. Я сказал: «Егор, так дела не делаются. Ты обязан был сказать до того, с чем ты идешь. Ты имеешь право говорить, что хочешь. Но я-то должен был знать. Если мы члены одной команды, почему я не знаю, с чем ты идешь по моей персоне?» Причем Черномырдин сказал, что он каждому из нас дал характеристику. А я его спрашиваю: «А почему я должен вам верить, Виктор Степанович?» Он отвечает: «А вот видишь блокнотик? У меня все записано. Я бюрократ старой школы. Тебе почитать?»

П. Авен: Он не стал читать?

А. Шохин: Не стал читать. Или нет, он зачитал? Сейчас уже не вспомню. Ну, может, про кого-нибудь, но не мне про меня. Много примеров привел со слов тогда, правдивых, на самом деле. Можно было по-другому. Собрать ребят: «Ребята, я вас прошу, давайте все уйдем сейчас. Поверьте, мы потом вернемся». — *Шохин А.* Мы взяли власти столько, сколько было возможно: <http://www.forbes.ru/node/57754>.

тем или иным принципам, сколько надежда на получение полного контроля над правительством¹²⁶.

Формирование В. Путиным авторитарного режима, обострившееся осознание связи между властью и полученной от нее собственностью, принадлежность к бюрократической номенклатуре, приверженность имперскому мировоззрению, очевидно, сыграли свою роль в публичном позиционировании Е. Гайдара — во всяком случае по тем вопросам, которые он воспринимал в качестве интересов своего давнего знакомого и нового сюзерена в опасный, по мнению Гайдара, для того момент. Как это было, например, в попытках оправдать А. Лугового, подозреваемого британской полицией в отравлении Александра Литвиненко¹²⁷; в безосновательных обвинени-

¹²⁶ «...для “Выбора России”, конечно, результаты выборов 1993 года были холодным душем, потому Егор и ушел из правительства в январе. Психологически было понятно, хотел стать премьером парламентского большинства. Но зачем тебе уходить? Второй человек в правительстве. Черномырдина можно окружить соратниками. Но он ушел. Я считаю, что он хотел вернуться через некоторое время на коне». — *Шохин А.* Мы взяли власти столько, сколько было возможно: <http://www.forbes.ru/node/57754>.

¹²⁷ «Мне трудно представить Лугового в качестве мирового заговорщика, который вместе с детьми едет в Лондон кого-то травить, — заявил Гайдар в эксклюзивном интервью ИР “Радио Свобода — Екатеринбург”, — зная его, я во всю эту историю не верю ни на грош... Егор Гайдар поставил под сомнение причастность английских спецслужб к отравлению Александра Литвиненко, несмотря на то, что «все, что рассказывает Луговой, по мнению Гайдара, очень похоже на правду»: <http://www.svoboda.ural.ru/chr/chr20070608.html>; <http://grani.ru/Politics/Russia/m.123241.html>;

Е. Гайдар: Знаете, я Андрея знаю — он у меня работал охранником, когда я работал в правительстве. Там у него есть свои преимущества, свои недостатки, но знаете, человек, который с вами много часов проводит, вы его неизбежно знаете. Представить себе Андрея, который везет с собой двоих детей и жену с тем, чтобы травиться полонием, — я не могу. У меня не получается.

Е. Альбац: Но у вас нет независимой информации?

Е. Гайдар: Нет, конечно, нет.

Е. Альбац: Это исключительно ваше предположение. А как давно вы видели Лугового?

Е. Гайдар: Давно.

Е. Альбац: Годы или месяцы?

Е. Гайдар: Годы, конечно.

Е. Альбац: А вы допускаете, что человек мог измениться, или у человека были обстоятельства?

Е. Гайдар: Знаете, у меня был вопрос очень деликатный от разных информированных структур, связанных с этим делом. У меня спросили — могу ли я представить себе, что Андрей из патриотических соображений решился пойти на этот шаг — я имею в виду на отравление Литвиненко. Я сказал, что у него есть преимущества и недостатки, но в этом заподозрить его я абсолютно не могу.

ях в этом преступлении Бориса Березовского и Александра Гольдфарба¹²⁸, в предложенной Гайдаром для общественного потребления версии о его соб-

Е. Альбац: В патриотизме?

Е. Гайдар: В том, что он из патриотических соображений решил отравить Литвиненко, — вот в это я поверить не могу совсем. Ни при каких обстоятельствах: <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

¹²⁸ **Е. Гайдар:** ...вот независимая английская бюрократия, история с тем, что кому-то не предоставили политическое убежище в Лондоне, и он залил пол-Лондона полонием, — вот она просто...

Е. Альбац: И Королевская прокуратура на весь мир врет, и предъявляет дело, в условиях, когда 30 граждан Великобритании оказались заражены полонием? Вы сами верите в это, Егор Тимурович?

Е. Гайдар: Исходя из большой жизненной опытности — верю. Я не утверждаю, что я это знаю, не утверждаю, что я стопроцентно информирован, но я довольно прилично информирован, чтобы иметь такие мысли: <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

Е. Гайдар: Так получилось, что у известного наверняка вам прекрасно диссидента советских времен, Жореса Медведева и одного из ближайших коллег Б. А. Березовского одна и та же специальность. И эта специальность дает им возможность много знать по поводу полония-210.

Е. Альбац: У Березовского специальность?

Е. Гайдар: Нет, что вы — у Гольдфарба, естественно. У Гольдфарба и Жореса Медведева одна и та же специальность — они оба специалисты по ядерной химии.

Е. Альбац: И вы полагаете, что это они привезли полоний, который доказывает, что ...

Е. Гайдар: Нет, я совершенно ничего не полагаю. Я просто скажу, что я бы очень вам советовал провести подробное интервью с Жоресом Медведевым — он много вам интересного расскажет, что он знает про технологию.

Е. Альбац: Когда Жорес Медведев последний раз занимался...

Е. Гайдар: Тогда же, когда и Гольдфарб, на самом деле.

Е. Альбац: Лет сто назад?

Е. Гайдар: Ну, зачем же?

Е. Альбац: Извините.

Е. Гайдар: Тогда же, когда и Гольдфарб.

Е. Альбац: Я вам скажу, Егор Тимурович, — я просто хочу закончить эту тему...

Е. Гайдар: Жорес написал книжку, которую я читал.

Е. Альбац: Простите, смешно сейчас говорить о Жоресе Медведеве, потому что сейчас в Москве есть Курчатowski институт, в нем есть специалисты, есть специалисты в бывшем Горьком, Нижнем Новгороде, и так далее. И, конечно же, в том же самом журнале «Нью Таймс»; когда мы проводили свои расследования, то мы консультировались с большим количеством физиков.

Е. Гайдар: Конечно, не сомневаюсь.

Е. Альбац: Поэтому апелляция к Жоресу Медведеву сейчас выглядит несколько забавно. Г-н Гольдфарб давно не занимался, — я вообще не знала, что он когда-либо занимался...

Е. Гайдар: Занимался...

ственном «отравлении» в Ирландии¹²⁹, отраженной также в письме Гайдара Джорджу Соросу¹³⁰ и в комментариях Екатерины Гениевой¹³¹.

Е. Альбац: Вам очень много идет сообщений о том, что Алик Гольдфарб был молекулярным биологом и никакого отношения к ядерной физике не имел, работал он в Институте генетики.

<http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

¹²⁹ «Когда днем 25 ноября впервые промелькнула мысль о том, что произошедшее может быть результатом чьих-то целенаправленных действий, задумался о том, кто за этим может стоять. Кому выгодно? Собственности, о которой имеет смысл говорить, у меня нет. Прибыльной металлургической или нефтяной компании — тоже, отбирать нечего. Значит, если это покушение, за ним стоит политика. В российской политике далеко не первый год, немало о ней знаю. Неплохо знаком с ее основными участниками. К этому времени понимаю, что выжил чудом. Быстрота восстановления организма показывает: задачей было не искалечить, а именно убить. Кому в российской политике была нужна моя смерть 24 ноября 2006 года в Дублине? Подумав, почти сразу отклоняю версию о причастности к произошедшему российского руководства. После смерти Александра Литвиненко 23 ноября в Лондоне еще одна насильственная смерть известного россиянина, произошедшая на следующий день, — последнее, в чем могут быть заинтересованы российские власти. Если бы речь шла о взрыве или выстрелах в Москве, в первую очередь подумал бы о радикальных националистах. Но Дублин? Отравление? Очевидно не их стиль. Значит, скорее всего, за произошедшим стоит кто-то из явных или скрытых противников российских властей, те, кто заинтересован в дальнейшем радикальном ухудшении отношений России с Западом. За несколько часов, сопоставляя по датам события последних полутора месяцев, формулирую для себя довольно логичную и целостную гипотезу о причинах произошедшего. Картина мира вновь обретает внутреннюю логику, перестает напоминать кафкианский кошмар. Правда, от этого она не становится веселее». — *Гайдар Е.* От себя: Понимаю, что выжил чудом: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/117194/>.

¹³⁰ Письмо Е. Гайдара Дж. Соросу: «Дорогой Джордж!.. Что касается вопроса о том, что Вы могли бы сделать, выскажу несколько соображений. Вы, как и я, знаете Бориса Березовского. Общественное мнение в последнее время подзабыло о том, с кем мы имеем дело. Вам напомнить об этом особенно удобно. Все знают, что Вы не являетесь лучшим другом сегодняшнего Кремля... Сейчас его главная цель — создать неприятности В. В. Путину, подорвать его власть. Средство — ухудшение отношений России с Западом... Когда речь идет о Б. Березовском, о соображениях морали стоит забыть. Это не более чем набор моих соображений. Еще раз благодарю Вас. С уважением, Е. Гайдар»: <http://grani.ru/files/32450.gif>.

¹³¹ А. Гольдфарб: «В начале апреля 2007 года в зале вылетов берлинского аэропорта я столкнулся с Катей Гениевой,.. которая сопровождала Гайдара на конференции в Дублине. Я хотел узнать подробности... Она также подтвердила аутентичность письма Соросу. «Может быть, Гайдара шантажирует Кремль, чтобы замаскировать Бориса?» — поинтересовался я. «Конечно, нет, — ответила Катя. — Егор Тимурович действительно верит, что за этим стоит Березовский»: <http://vlad-ab.livejournal.com/15950.html>.

Егор Гайдар неоднократно сетовал на то, что в результате проведенных с его участием реформ не удалось обеспечить разделение власти и собственности¹³². Однако, кажется, ему трудно было признать свой собственный вклад в неудачу такого разделения, роль своих собственных решений, усиливших уже существовавшие традиции такой неразделенности, а также положивших начало новым традициям такого рода. Принципы экономической и политической жизни, которые Е. Гайдар проповедовал российскому обществу, ему, похоже, было непросто применить по отношению к самому себе.

Авторитарный режим по достоинству оценил усилия Е. Гайдара, не только отозвавшись на его кончину особенно теплыми телеграммами от обеих голов тандема¹³³, не только организовав беспрецедентную кампанию восхваления Гайдара в российских средствах массовой информации, запретив публикацию любых мнений, кроме положительных¹³⁴, но и увековечив

¹³² «Он [современный российский капитализм. — А. И.], к сожалению, не решил одну из важнейших проблем, которая стояла перед страной после краха Советского Союза, — разделение власти и собственности. Именно этот принцип послужил основой беспрецедентного в мировой истории ускорения экономического развития, которое произошло на рубеже XVIII — XIX веков, и во многом сформировал современный мир... В России проблему разделения власти и собственности не удалось решить ни в девятых годах, ни в двухтысячных... Я пытался объяснить это в книге, написанной в 1994 году... Сегодня мы как общество по-прежнему заинтересованы, чтобы между элитами не было конфликта, чтобы они поняли: постепенное разделение собственности и власти и либерализация режима нужны им самим... Да, важная проблема раздела власти и собственности не решена, но это не повод опускать руки». — *Гайдар Е.* Режим может рухнуть неожиданно, за два дня: <http://www.novgaz.ru/data/2009/129/09.html>.

¹³³ В. Путин: «Кончина Егора Тимуровича Гайдара — тяжелая утрата для России, для всех нас. Не стало настоящего гражданина и патриота, сильного духом человека, талантливого ученого, писателя и практика. Не каждому государственному деятелю выпадает возможность служить Отечеству на самых переломных этапах его истории, принимать ключевые решения, которые определяют будущее страны. Егор Тимурович Гайдар достойно выполнил эту сложнейшую задачу, проявив лучшие профессиональные и личные качества. Он не стал уклоняться от ответственности и в самых непростых ситуациях с честью и мужеством держал удар»: <http://government.ru/smi/messages/8597/>.

Д. Медведев: «Ушел из жизни выдающийся ученый-экономист. Государственный деятель, с именем которого связаны решительные шаги по формированию основ свободного рынка и переходу нашей страны на принципиально новый путь развития. Егор Тимурович Гайдар был смелым, честным и решительным человеком. И в период кардинальных перемен взял на себя ответственность за непопулярные, но необходимые меры. Он всегда твердо следовал своим убеждениям, что вызывало уважение его единомышленников и оппонентов»: <http://news.kremlin.ru/news/6351>.

¹³⁴ «Вчера заехал к другу на день рождения (юбилей). В ресторане собралось человек 50 народа: газетчики, телевизионщики, радийщики. Почти все хорошо знают

его память соответствующим президентским Указом¹³⁵ — решением, подобным которому тот же тандем не считал возможным удостоить, например, Б. Н. Ельцина¹³⁶. В октябре 2010 года В. Путин также освободил от налогообложения гранты, предоставляемые Фондом наследия Егора Гайдара¹³⁷. В правительственный перечень организаций, освобожденных от уплаты налогов по предоставляемым грантам, государственная корпорация «Роснано», возглавляемая А. Чубайсом, к этому времени уже была включена¹³⁸.

— *Вы говорите, что отношение авторитарного режима к Е. Гайдару было очень теплым, намного теплее, чем, например, к Б. Ельцину. Но ведь многие считали и по-прежнему считают Егора Гайдара настоящим демократом. Даже более того: одним из лидеров демократического движения. Вы с этим согласны?*

24. Закрытие демократии

Взаимоотношения Егора Гайдара с российскими демократами, демократическими организациями, демократическими институтами простыми не назовешь.

Один из наиболее популярных и уважаемых российских демократических политиков 1990-х годов Галина Васильевна Старовойтова рассказывала мне, какую «войну на уничтожение», по ее словам, вели против нее Егор Гайдар и Анатолий Чубайс. Мы встретились с ней 13 ноября 1998 года — за неделю, как потом оказалось, до ее трагической гибели. У нас шел очень откровенный разговор о ситуации в формировавшемся тогда широком движении либерально-го и демократического направления. К тому времени Галина Васильевна соз-

друг друга. Все дружно шептались о том, что пришла команда сверху снять любую отрицательную информацию о Гайдаре. А один из замов главного редактора на втором канале выступил и сказал: — А давайте поставим рубрику “Разные мнения”? Так ведь честно будет! — Честно будет на пенсии! — ответили ему. — Лепим только позитивняк!!!»: <http://blog.kp.ru/users/panzir56/post116882701/>.

¹³⁵ Указ Президента РФ от 17 мая 2010 года «Об увековечении памяти Егора Гайдара»: <http://kremlin.ru/acts/7772>.

¹³⁶ *Илларионов А.* Не «свой»: <http://aillarionov.livejournal.com/270942.html>.

¹³⁷ Постановление правительства РФ от 25 октября 2010 года № 856 «О внесении изменения в перечень российских организаций, получающие налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению»: <http://www.government.ru/gov/results/12761/>.

¹³⁸ Постановление № 602 от 15 июля 2009 г. «Об утверждении перечня российских организаций, получающие налогоплательщиками гранты (безвозмездная помощь) которых, предоставленные для поддержки науки, образования, культуры и искусства в Российской Федерации, не подлежат налогообложению» (в ред. Постановлений Правительства РФ от 25.10.2010, № 856, от 27.11.2010, № 936): <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=107428>.

дала движение «Северная столица», готовилась к выборам в Законодательное собрание Петербурга, на которых надеялась получить хорошие результаты (предварительные оценки показывали, что поддержка была неплохой). Она говорила о том, что в ходе формирования объединенного либерально-демократического движения ее буквально «изводят и уничтожают» лидеры этого нового движения Гайдар и Чубайс. Она спрашивала, что в этой ситуации делать: дискуссия внутри движения результатов не давала, публично говорить о разногласиях было неудобно, к тому же были опасения, что внутренние споры, вынесенные в публичное пространство, будут расценены как удар по общему делу; но если продолжать молчать, то от этого становится только хуже. А через неделю Галина Васильевна погибла от руки наемного убийцы.

О том, какой невыносимый моральный климат был создан в СПС, не раз говорил мне Сергей Николаевич Юшенков. «Я больше не могу там находиться», — повторял он. В январе 2002 года Сергей Николаевич вместе с коллегами Виктором Похмелкиным, Владимиром Головлевым, Юлием Рыбаковым вышел из фракции СПС. Он пояснил свое решение «невозможностью далее находиться в составе фракции СПС, которая в целом поддерживает проводимую руководством страны политику на фактическое построение полицейско-бюрократического режима в России»¹³⁹. Вместе с В. Головлевым С. Юшенков начал создавать Либеральную партию России. В апреле 2003 года у подъезда своего дома он был застрелен. Насильственной смертью погиб и другой организатор Либеральной партии Владимир Головлев.

Сергей Адамович Ковалев был одним из учредителей движения «Выбор России» и партии «Демократический выбор России», в 1999 году он был избран в Госдуму по списку СПС. Однако, познакомившись с СПС поближе, он вышел из него и в 2003 году уже баллотировался в Госдуму по списку «Яблока». В члены партии «Яблоко» С. А. Ковалев вступил в 2006 году.

Свидетелем кампании, которая в течение десятилетия велась против Григория Явлинского и партии «Яблоко», стала вся страна. Осенью 1999 года за отказ поддержать карательную операцию, проводившуюся российскими властями в Чечне, за предложение о переговорах с А. Масхадовым Анатолий Чубайс назвал Григория Явлинского «предателем»¹⁴⁰. Егор Гайдар ничем не возразил своему лучшему другу. Наоборот, он нашел возможность продемонстрировать, что с А. Чубайсом у него разногласий нет¹⁴¹.

¹³⁹ Похмелкин, Юшенков, Головлев и Рыбаков вышли из СПС: <http://www.newsru.com/russia/14jan2002/sps.html>.

¹⁴⁰ «А. Чубайс назвал войсковую операцию в Чечне “началом возрождения армии” и публично объявил “предателем” лидера “Яблока” Григория Явлинского, предлагавшего возобновить переговоры с чеченскими сепаратистами»: http://www.anticomprat.org/sps/spr_sps.html; Яковлев Е. Оглобля вместо шпаги: <http://www.yabloko.ru/Publ/Articles/obsch-14.html>.

¹⁴¹ Е. Гайдар: «Вы знаете, мы с Анатолием Борисовичем просто такие друзья, про которых можно сказать, что мы спиной к спине у мячи, против тысячи вдвоем»: http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html.

Лев Пономарев недавно напомнил, что Е. Гайдара не устраивало широкое демократическое движение, которое было принесено им в жертву компактной, хорошо управляемой партии¹⁴². О характере отношения Е. Гайдара к демократическим политикам, диссидентам, правозащитникам можно судить по тону его ответа на статью Александра Некрича в ходе дискуссии на страницах «Московских новостей» осенью 1989 года¹⁴³.

В книге «Гибель империи», содержащей сотни ссылок на работы разных авторов, не сопровождающихся какими бы то ни было авторскими пояснениями, особо изощренного комментария удостоился именно безукоризненный Владимир Константинович Буковский¹⁴⁴. Цитирование материалов, оказавшихся в книгах советских чиновников Ю. Андропова, Н. Байбакова, М. Горбачева, В. Крючкова, Л. Замятина, В. Медведева, М. Ненашева, Н. Рыжкова, В. Семичастного, Е. Чазова, А. Черняева, Г. Шахназарова, А. Яковлева, подобных комментариев со стороны Е. Гайдара не потребовало.

Конфликты с демократическими политиками у Е. Гайдара, судя по всему, были не совсем случайными. Еще до крушения Советского Союза на фоне быстрого ослабления властных позиций М. Горбачева поиск политических сил, «на которые можно было бы опереться», привел Е. Гайдара в депутатскую группу Съезда народных депутатов СССР «Союз», по многим вопросам экономической и политической жизни занимавшую позиции, про-

¹⁴² «Он [Е. Гайдар. — А. И.] мне прямо сказал, что его не устраивает широкое, управляемое демократическое движение, он намерен был создать компактную партию. “У коммунистов надо брать лучшее — дисциплину”, — говорил он. Создавая партию власти с жесткой дисциплиной, Гайдар переманивал кадры из “Дем-России”». — Пономарев Л. Народ, Ельцин, Горбачев. — «ЕЖ», 21 марта 2011 г.: <http://ej.ru/?a=note&id=10894>.

¹⁴³ «То, что Александр Некрич до сих пор считает главным препятствием углублению преобразований идеологические соображения, извинительно. В политическом анализе особенно важны конкретность, четкость в оценке меняющейся ситуации — качества, которые нелегко сохранить в эмиграции. Полагать, что антикооперативные настроения — результат продолжающейся социалистической пропаганды, можно лишь вдали от отечественных реалий. Куда важнее, на мой взгляд, другое. Набравший силу процесс демонтажа идеологических стереотипов грозит обернуться формированием новых, противоположных по знаку. И вот уже многим кажется, что достаточно произнести магические слова “частная собственность”, “свобода предпринимательства” — и проблемы решатся как по мановению волшебной палочки. Конечно, мир не перевернется, если даже личную собственность на средства производства переименовать в частную». — Гайдар Е. Частная собственность — новый стереотип. — «Московские новости», 9 октября 1989 г.: <http://aillarionov.livejournal.com/276579.html>.

¹⁴⁴ «Здесь и далее мы ссылаемся на материалы, приведенные в книге В. Буковского, которые в настоящее время недоступны в открытом хранении в российских архивах. Цитируя их, мы полагаемся на ответственность автора. Позволю себе использовать эти материалы, так как, на мой взгляд, репутация человека, который их опубликовал, не позволяет сомневаться в их подлинности». — Гайдар Е. Гибель империи. С. 133.

тивоположные позициям Межрегиональной депутатской группы, в которой тогда объединились многие депутаты, придерживавшиеся демократических взглядов¹⁴⁵. По словам одного из создателей и организаторов депутатской группы «Союз» В. И. Алксниса, Егор Гайдар был экономическим консультантом этой группы и одним из авторов ее экономической программы¹⁴⁶. Об этом же говорил и С. Белковский¹⁴⁷.

¹⁴⁵ «Вторым депутатским объединением в составе Съезда народных депутатов СССР, имеющим собственное политическое лицо, была депутатская группа “Союз”, образованная в феврале 1990 г. Сопредседателями группы были избраны Юрий Блохин (Молдавия), Виктор Алкснис (Латвия), Георгий Комаров (Киргизия), Анатолий Чехов (Южная Осетия). Идеологической платформой группы являлось требование сохранения СССР в виде федеративного (фактически унитарного) государства, недопущение отделения союзных республик или ослабления роли центра (в связи с этим члены группы выступали против заключения Союзного договора в его новоогаревской редакции, поскольку, по их мнению, он превращал Советский Союз в конфедерацию). Во всем остальном единства среди членов группы “Союз” не было — в нее входили сторонники как восстановления монополии КПСС на политическую власть, так и политического плюрализма, сторонники рынка и его противники. На IV Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990 г.) в группе “Союз” был зарегистрирован 561 человек, и она стала второй по численности парламентской группой (после «Фракции на платформе КПСС»). К V Съезду народных депутатов СССР (март 1991 г.) в группу “Союз” вступило более 700 депутатов»: http://www.partinform.ru/ros_mn/rm_11.htm.

¹⁴⁶ В. Алкснис: «Среди этих документов [архив депутатской группы “Союз”. — А. И.] находятся и бумаги с мыслями г-на Гайдара, который в те годы числился среди консультантов нашей депутатской группы. И могу сказать, что эти мысли, которые он предлагал для внедрения депутатской группе “Союз”, весьма далеки от того, что он делал на практике в 90-е годы. Мне вспоминается, что он скорее был апологетом РЕГУЛИРУЕМОЙ ГОСУДАРСТВОМ рыночной экономики и был категорическим противником стихийного рынка образца XIX века...»: <http://v-alksnis2.livejournal.com/157429.html?thread=12688629>; «Е. Гайдар был консультантом группы “Союз” по экономическим вопросам и был одним из авторов нашей экономической программы. Сама экономическая программа группы “Союз” достаточно много обсуждалась в СМИ того времени... Могу еще раз подтвердить, что Е. Гайдар на тот момент времени был сторонником регулируемой государством рыночной экономики, причем регулируемой достаточно жестко». — Письмо В. Алксниса автору от 25 января 2011 г.; «В тот период времени... десятки людей приходили как в МДГ, так и в группу “Союз”, предлагая свои проекты и предложения. Среди них был и Е. Гайдар... Невзирая на то, что таких консультантов у группы “Союз” были десятки, именно Е. Гайдар мне запомнился потому, что у него была “громкая фамилия”, а буквально через полтора года он оказался исполняющим обязанности Председателя Правительства РФ. И проводил при этом политическую линию принципиально отличающуюся от той, которую он предлагал группе “Союз”, что вызвало в те дни у меня шок». — Письмо В. Алксниса автору 31 января 2011 г.

¹⁴⁷ С. Белковский: «Я просто хочу сказать, что это люди, которые перебежали из одного спецраспределителя в другой. Кончился советский спецраспределитель,

Подтвердить эти заявления документально в настоящее время представляется затруднительным. Однако обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Никаких опровержений заявлений С. Белковского и В. Алксниса, сделанных еще в апреле 2004-го и августе 2009 года соответственно, не последовало ни при жизни Е. Гайдара, ни после его кончины.

Во-вторых, во многих программных документах группы «Союз» обнаруживаются хорошо знакомые современному читателю утверждения о необходимости спасения страны от «голода», от «гражданской войны», от «распада»¹⁴⁸, отсутствовавшие и в документах союзной власти, и в доку-

Егор Тимурович успел поработать идеологом экономическим группы «Союз», который возглавляли Алкснис, Блохин и Чехоев, — почему-то об этом никто не помнит, — потому что он считал, что они победят. Как только он понял, что они не победят, летом 91-го г., он перебежал в ультралиберальный лагерь. Я считаю, что главная проблема наших либералов состоит в том, что они не готовы... это не убеждения то, за что они борются. Они борются за кормушку, за спецраспределитель...»: <http://www.echo.msk.ru/programs/oblozhka/25443>; «...антинародные либеральные реформы начала 1990-х годов — тоже ужасное наследие совка. Идеологом-то их был не кто иной, как редактор отделов экономики журнала «Коммунист» и газеты «Правда», разработчик экономической доктрины группы «Союз» Верховного Совета СССР (если вы еще помните, там были депутаты Алкснис, Блохин, Коган, другие официальные лица) Егор Тимурович Гайдар. Он буквально за несколько месяцев до начала реформ прямо объявлял, что от советского наследия отказаться нам никак не можно, а кто думает иначе — опасный мечтатель»: <http://www.gzt.ru/topnews/politics/-istrebiteli-sovetskogo-nasledstva-/286607.html>.

¹⁴⁸ Выдержки из программных документов депутатской группы «Союз»: «Все это в целом создает реальную угрозу существованию СССР... чреват возникновением гражданской войны...». — Платформа Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней «Союз», Москва, 1 — 2 декабря 1990 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/04.htm; «Всесоюзное объединение народных депутатов... «Союз» создается... для того, чтобы... приостановить... распад... страны...». — Резолюция Учредительного съезда Всесоюзного объединения народных депутатов СССР всех уровней «Союз» о единстве Союза ССР. Москва, 2 декабря 1990 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/07.htm; «Народные депутаты, входящие во Всесоюзное объединение народных депутатов... «СОЮЗ», заявляют о своей... борьбе со всеческими попытками свергнуть страну в состояние... гражданской войны...». — Заявление Учредительного съезда Всесоюзного объединения народных депутатов всех уровней «Союз» о политической и экономической ситуации в стране. Москва, 3 декабря 1990 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/05.htm; «...ввести чрезвычайное положение на всей территории страны с целью... предотвращения голода на шестимесячный срок (апрель—октябрь месяцы)...». — Резолюция II съезда Движения «Союз» «О первоочередных задачах», 21 апреля 1991 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/11.htm. «... намечаемое реформирование неминуемо приведет к расколу общества, ожесточенной борьбе и, не исключено, — к граж-

ментах Межрегиональной депутатской группы (МДГ), и в материалах московско-ленинградской группы экономистов.

На семинарах этой группы обсуждений угрозы грядущего «голода» или опасности «гражданской войны» не припомню. Что же касается «угрозы распада страны» (т. е. СССР), то роспуск Советского Союза воспринимался многими ее членами как событие, во-первых, абсолютно неизбежное — независимо от личных эмоциональных оценок и чьих бы то ни было усилий по противодействию ему, а, во-вторых, как необходимое условие проведения успешных экономических и политических реформ. Необходимость такого условия убедительно демонстрировал провал многочисленных попыток реформирования в федеративной Югославии при наличии относительно качественной программы и сильного руководителя реформаторской команды. Поэтому не исключено, что интеллектуальными источниками пропагандируемых идей о спасении страны от голода, гражданской войны и распада могли быть документы депутатской группы «Союз».

В них также настойчиво проводилась линия на противодействие двум политическим крайностям, рассматривавшимся ее членами в качестве нежелательных, — как «тоталитарной диктатуре», так и «демократической диктатуре»¹⁴⁹, позиция, фактически осуществленная в 1990-е годы. В них

данской войне... признаются недопустимыми: гражданская война; расчленение страны и потеря ее государственности; голод... Самые срочные меры в Программе на этапе выживания... снятие угрозы повсеместного голода... При этом возможно разрастание гражданского противостояния и братоубийственной гражданской войны»... — Доклад председателя Всесоюзного объединения депутатов (ВОД) «Союз» Ю. В. Блохина на 11-м съезде ВОД. Москва, 21–22 апреля 1991 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/12.htm; «Наша цель —... не допустить, чтобы острота политической борьбы... привела к гражданской войне»... — Программа действий Всесоюзного народного движения «Союз», 21–22 апреля 1991 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/02.htm; «Все мы стоим перед выбором: либо междоусобица и начало гражданской войны... Необходимо сплочение всех сил спасения страны от развала... на основе Всесоюзного движения “Союз”... Нельзя не видеть опасности развязывания гражданской войны»... — Декларация о создании Всесоюзного народного движения «Союз», 30 апреля 1991 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/01.htm; «Наши главные задачи. — Не допустить развала страны. Предотвращать реальную угрозу гражданской войны»... — Обращение Московской региональной организационной конференции Всесоюзного народного движения (ВНД) «Союз» к соотечественникам, 16 мая 1991 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/13.htm.

¹⁴⁹ «...преодоление катастрофической ситуации в стране возможно только... при сильной власти в центре и на местах, исключающей попытки установления любой диктатуры — либо тоталитарной, либо новой — “демократической”. — Программа действий Всесоюзного народного движения «Союз», 21–22 апреля 1990 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/02.htm.

же отстаивались необходимость введения *чрезвычайного положения*, как минимум, на шестимесячный срок, необходимость проведения *шоковых стабилизационных мер*, а также создания института *полномочных представителей президента* на местах и восстановления *единства банковской системы*¹⁵⁰ — идеи, во многом реализованные во время работы гайдаровского правительства.

Следует также заметить, что взгляды, весьма созвучные позициям группы «Союз», неоднократно высказывались Сергеем Кугушевым, человеком, бывшим в течение нескольких предреформенных лет одним из наиболее близких к Е. Гайдару, — как непублично — во время многих семинаров московско-ленинградской группы экономистов, постоянным участником которых он был, так и публично¹⁵¹. В то же время, по воспоминаниям

¹⁵⁰ «...необходимо немедленно ввести Чрезвычайное положение по всей территории страны. Проект Программы предусматривает его ввод на шестимесячный период — апрель — октябрь месяцы... Чрезвычайное положение — это то необходимое и решающее условие, без которого все другие меры останутся благими пожеланиями: катастрофа неминуема... И тут не нужно пугаться этих слов о чрезвычайном положении. Достаточно посмотреть нашу прессу, послушать наши радио и телевидение, везде одно и то же — твердят, что положение чрезвычайное, что нужны чрезвычайные меры. Действительно, общий кризис налицо. Нужны “шоковые” действия во благо всех. Промедление смерти подобно! Чрезвычайное положение обеспечит условия, необходимые для проведения в жизнь неотложных мер по выживанию государства и стабилизации общественно-политического положения... создать институт полномочных представителей Президента СССР на местах, которые брали бы на себя всю полноту власти;.. восстановить единство банковской системы»... — Доклад председателя Всесоюзного объединения депутатов (ВОД) «Союз» Ю. В. Блохина на 11-м съезде ВОД. Москва, 21–22 апреля 1991 г.: http://www.nasledie.ru/oborg/2_18/0104/12.htm.

¹⁵¹ «Обсуждение возможности выхода из кризиса путем создания института военно-полицейской власти переключало на страницы изданий самой различной политической ориентации... Так, например, идея “блока настоящих предпринимателей, армии, спецслужб, опирающихся на широкую народную поддержку, могущих приостановить дальнейшее разграбление страны, провести приватизацию в интересах всего народа”, “реформы, опирающиеся, если не непосредственно на военную, то на очень жесткую власть”, высказанная... экономистом и предпринимателем Сергеем Кугушевым (статья “Пока не приватизирован Кремль”. — “Комсомольская правда” от 6.02.1991 г.): <http://old.russ.ru/antolog/1991/massmed.htm>; «...именно блок настоящих предпринимателей и армии, спецслужб, опирающийся на широкую народную поддержку, способен приостановить дальнейшее разграбление страны и провести приватизацию в интересах всего народа... если оставить эмоции и обратиться к историческому опыту самых разных стран, выбравшихся из ужасов тоталитаризма к рынку; то следует признать: в любом случае реформы опирались если и не на военную силу непосредственно, то на очень жесткую власть. Собственно, существуют два пути такого перехода. Первый путь — это путь Германии и Японии, второй — Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. В пер-

руководителей МДГ Ю. Н. Афанасьева и Г. Х. Попова, в работе Межрегиональной депутатской группы Е. Гайдар не принимал участия, в том числе и в качестве консультанта.

Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Виктор Похмелкин, Юлий Рыбаков, Сергей Ковалев, Григорий Явлинский, Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Юрий Болдырев, Лев Пономарев, Владимир Буковский — это российские демократические политики первой величины. Конечно, их взгляды не по всем вопросам совпадали и совпадают. Несомненно, каждый из них индивидуален. У каждого и свои представления о демократии и либерализме, и свой собственный вклад в российское демократическое движение. Ни у кого из них не было и нет индульгенции на исключительное понимание того, какой может и должна быть демократия в России. Но каждый из них — приверженец демократической политической системы в нашей стране. И у каждого из них раньше или позже обнаружались принципиальные разногласия с Е. Гайдаром, нередко приводившие к острейшим конфликтам и сделавшие невозможным их совместную работу в одних и тех же политических организациях. Устойчивость разногласий по принципиальным вопросам между демократическими политиками, с одной стороны, и Е. Гайдаром, с другой, заставляет серьезно задуматься об их природе.

Конфликты с демократическими политиками, войны против других демократических организаций дополнялись глубоким неприятием со стороны Е. Гайдара российских демократических институтов. Его публикации полны негативных, уничижительных комментариев по отношению к депутатам, к парламенту, в целом к российской представительной власти¹⁵². Такие оценки российского парламента, особенно периода 1992 — 1993 годов,

вом случае бывшая тоталитарная структура разрушена до основания, но остается трудовая этика плюс ощущение национального поражения. Реформы осуществляет фактическая оккупационная администрация, которая создает заново структуры власти, опираясь на сохранившуюся трудовую этику и желание людей забыть кошмары тоталитаризма. Этот путь для нас заказан. Значит, остается второй путь — путь рыночного реформаторства, осуществляемого сильной властью. Типичный пример — Чили». — *Кугушев С.* Пока не приватизирован Кремль. — «Комсомольская правда», 6 февраля 1991 г.

¹⁵² Из книги Е. Гайдара «Дни поражений и побед»: «Депутаты в зале многозначительно, с гордостью поглядывают друг на друга: выходит, они вовсе не отраслевые лоббисты, выколачивающие из казны ничем не обеспеченные деньги, и не демагоги, раздающие избирателям невыполнимые обещания» (С. 219); «Тулеев выступил с развязной, но яркой речью... Н. Травкин, испытанный боец, ключевой оратор оппозиции, на этот раз подкачал. Накануне в одной из газет появились откровения одной дамы, рассказавшей, как она спала с Хасбулатовым, а вот Травкину заполучить ее не удалось. Задетый за живое, он начал оправдываться и объяснять, что ему не очень-то и хотелось, а если бы захотелось, то и получилось бы» (С. 228); «Убежден, что мы и второй ногой — в ведьмин студень, креп-

как «коммунистический», «красно-коричневый», «хасбулатовский», стали расхожими штампами не без усилий Е. Гайдара.

Конечно, в любом парламенте были и есть депутаты разных, в том числе и экстремальных, политических взглядов, и российские Съезд народных депутатов и Верховный Совет не были исключениями. Однако при этом следует иметь в виду, что, во-первых, российские депутаты того времени, времени противостояния с исполнительной властью в 1992 – 1993 годах, были избраны гражданами нашей страны. В отличие от назначенных правительственных чиновников, включая и Е. Гайдара.

Во-вторых, эти самые «коммунистический съезд» и «коммунистический парламент» избрали в 1990 году своим руководителем Б. Ельцина, проголосовали за суверенитет России, обеспечили мирный роспуск СССР, оказали энергичное сопротивление августовскому путчу руководителей компартии и спецслужб, приняли Декларацию прав и свобод гражданина, реабилитировали целые народы и миллионы граждан, репрессированных коммунистическим тоталитарным режимом, поддержали программу радикальных экономических реформ, предоставили исполнительной власти запрошенные ею чрезвычайные полномочия.

Без антикоммунистической революции 1990 – 1991 годов, осуществленной во многом благодаря и с помощью Съезда народных депутатов России, избранного российскими гражданами, в России не появился бы демократический режим, сколь бы коротким и несовершенным он ни оказался, не были бы проведены затем экономические преобразования. Называть такой съезд «коммунистическим», такой парламент — «красно-коричневым» — фальсификация нашей недавней истории. Называть их антикоммунистические действия «коммунистическими», пытаться оболгать только что возникшие, но быстро возросшие органы представительной власти было выгодно тому, кто был заинтересован в неудаче новых демократических институтов, в дискредитации их антикоммунистической, антиимперской, антибюрократической деятельности.

В отличие от уничижительных характеристик, которые Е. Гайдар в своих работах давал политикам, обязанным своим возвышением демократическим процедурам, способствовавшим созданию демократических институтов и отстаивавшим демократические принципы, — М. Горбачеву, Г. Явлинскому, Г. Попову, в отличие от пренебрежительного отношения к демократическим политикам Г. Старовойтовой, С. Юшенкову, диссидентам и правозащитникам А. Некричу, В. Буковскому, совершенно иное отношение — уважительное и даже восхищенно-возвышенное — проявлялось у него к неизбранным представителям имперской бюрократии — В. Геращенко, Э. Воробьеву, Ю. Маслюкову, Н. Гаретовскому, Ю. Московскому, многочисленным министрам, замминистрам, руководителям департаментов, служб, банков.

нет» (С. 230); «Р. Хасбулатову удалось провести его через съезд лишь благодаря своему таланту манипулятора» (С. 233).

Судя по всему, общение с представителями номенклатуры было для Е. Гайдара более комфортным, чем с демократическими политиками, не говоря уже об «обычных гражданах».

В каком-то смысле негативное отношение к людям, почти мгновенно катапультированным демократической волной конца 1980-х — начала 1990-х годов к национальной известности, общественной значимости, политической власти, со стороны членов советской номенклатурной аристократии, *привыкшей управлять Россией*, напоминает сложившееся в представлении Е. Гайдара негативное отношение к «прорвавшемуся к власти» на Кубе «высочке» сержанту Ф. Батисте со стороны традиционной аристократии, *привыкшей, по мнению Е. Гайдара, управлять Кубой*, которым он поделился на примере своего кумира Фиделя Кастро¹⁵³. Правда, оказалось, что аристократическое происхождение Фиделя — не более чем миф. Как сообщает общедоступный источник, отец Ф. Кастро не имел отношения к кастильской аристократии, а был неграмотным крестьянином из Галисии, эмигрировавшим на Кубу в начале XX века и сумевшим тяжелым трудом заработать средства на покупку сахарной плантации¹⁵⁴.

Восприятие Е. Гайдаром людей, характера государственного устройства, способов принятия решений сквозь призму принадлежности к административной и политической элите не ограничивалось лишь Кубой и Россией. Примечательным для понимания общественно-политических взглядов Е. Гайдара оказалось его мнение о механизмах принятия политических решений в Великобритании¹⁵⁵.

¹⁵³ Е. Гайдар о Ф. Кастро: «Ну так именно потому, что он происходил из аристократии. Происходил из кастильской аристократии — это круг людей, которые привыкли всю жизнь управлять Кубой. А потом приходят американцы на Кубу, ставят там режим, который им лоялен, и после этого, да, кастильской аристократии оставляют собственность, ей оставляют поместья, но никогда больше ее к власти на Кубе не подпускают, а правят там люди, которые, на взгляд людей таких, как Фидель, являются высочками. Какой-нибудь сержант Батиста. Кто для Фиделя, отца Фиделя сержант Батиста? Да вообще никто — карикатура»: <http://www.echo.msk.ru/programs/48minut/46286/>.

¹⁵⁴ «He was the third child born to Ángel Castro y Argiz, a Galician immigrant from the impoverished northwest of Spain who became relatively prosperous through work in the sugar industry and successful investing»: http://en.wikipedia.org/wiki/Fidel_Castro.

¹⁵⁵ **Е. Гайдар:** Я не знаю, что там на самом деле реально, не в курсе дела. Я говорю о том, что мне говорили очень информированные люди, которые абсолютно интегрированы туда. Вот когда мы закончим передачу, я вам скажу, кто. Потому что не могу это сказать публично. Понимаете, какая проблема — если это связано с кем-то из тех, кто получил политическое убежище в Британии, это не проблема премьер-министра Блэра, это проблема всей административно-политической элиты. Поэтому органы правоохранные находятся под сильнейшим давлением — так что, пожалуйста, эту тему — как там чего дальше...

Недоверие к демократии при опоре на бюрократические механизмы вертикальной миграции, неприятие демократических процедур и институтов оказались, судя по всему, взаимными. Партии, возглавлявшиеся Е. Гайдаром (Выбор России и СПС), смогли пройти в Государственную Думу лишь тогда, когда пользовались очевидным административным ресурсом. Так было в 1993 году, когда в федеральном списке Выбора России оказалось десять действовавших министров и руководитель администрации президента, и в 1999-м, когда СПС, поддержав В. Путина и поддержанный В. Путиным, шел на выборы в качестве одной из двух партий власти. В отсутствие же административного ресурса партии, возглавлявшиеся Е. Гайдаром, терпели электоральные неудачи. Причем характер господствовавшего политического режима, судя по всему, большой роли не играл. Поражения на выборах происходили как в условиях быстрой ликвидации политических свобод в 2003-м, так и в условиях существования относительно демократического режима в 1995 году.

Неслучайно поэтому, что массовое демократическое движение начала 1990-х годов, оказавшееся под контролем бюрократической структуры, достаточно быстро было умерщвлено. На поле, занятом разлагавшейся нomenclатурной организацией, не могло возникнуть и сколько-нибудь влиятельного демократического движения. Принадлежность бюрократической

Е. Альбац: Вы действительно верите в то, что «Форин офис» мог надавить на Королевскую прокуратуру Великобритании?

Е. Гайдар: Ой, что вы, это не «Форин офис». При чем тут «Форин офис» — это то, что называется «Совет старейшин», это лидеры британской бюрократии, которым совершенно не хочется быть в положении полных идиотов. А там они интегрированы. Если вы думаете...

Е. Альбац: Подождите, я еще раз хочу понять — вы хотите... я правильно вас понимаю, что вам кажется, что представление о независимости судебной системы Великобритании...

Е. Гайдар: Ну, что вы — естественно, она независима, честна. Но если вы думаете, что она не интегрирована со всей другой административной элитой, что прокуратура не общается с министерством финансов...

Е. Альбац: Егор Тимурович, а вы представляете, что там есть выборы и что тори сейчас следят за лейбористами.

Е. Гайдар: Это вопрос к ключевым заместителям министров ключевых ведомств.

Е. Альбац: То есть, Гордон Браун...

Е. Гайдар: Нет, это другая история. Это не к политикам, это к...

Е. Альбац: Вы денонсируете всю систему парламентаризма Великобритании, которая построена на независимом суде.

Е. Гайдар: Английская система включает в себя действительно функционирующую систему парламентаризма, свободу, которая важна, где выборы имеют значение. Но там есть еще независимая бюрократия. Вот независимая бюрократия, кстати, которая смотрит на политиков, прошу прощения, как на детей, которая считает, что они-то умные, а политики — своеобразные: <http://echo.msk.ru/programs/albac/52528/>.

номенклатуре наряду с имперским мировоззрением плохо сочетается с подлинной приверженностью демократии.

Понимание собственной несочетаемости с демократическими организациями и институтами в конце концов пришло и к Е. Гайдару, нашедшему в себе силы признать это публично¹⁵⁶.

— *Мы готовы были услышать многое. Но такого, признаться, не ожидали...*

25. «Полк, готовый стрелять в народ»

Негативное отношение Е. Гайдара к демократически избранным представительным органам власти в центре и регионах, его враждебное отношение к парламенту, очевидно, сыграли свою роль в том, как был разрешен осенний кризис 1993 года. Однако для Б. Ельцина, возможно, даже более важной была позиция Гайдара в деле получения идеологического обоснования и морально-психологической поддержки для разгрома укрепившейся парламентской системы. По мнению А. Коха, автором идеи о роспуске Верховного Совета, приведшего к краткосрочной гражданской войне на улицах Москвы в сентябре-октябре 1993 года, был именно Е. Гайдар¹⁵⁷.

На это указывает также эволюция позиции самого Е. Гайдара¹⁵⁸. Однако, по воспоминаниям А. Шохина, Е. Гайдар хотел силового разгона парламента еще в декабре 1992 года¹⁵⁹. Поэтому, возможно, не слишком удивитель-

¹⁵⁶ «Связывать с моим именем надежды тех, кто хочет построить в России реально функционирующую демократию, мне кажется ошибкой»: <http://www.sps.ru/?id=227866&PHPSESSID=5e553367f96fe9cafl00a3bcd6d18f49>; «Зачем с моим именем ассоциировать любые инициативы по созданию демократической оппозиции? По-моему, это просто неразумно»: <http://www.svobodanews.ru/content/article/1516760.html>.

¹⁵⁷ **«Кох:** Петя, помнишь мою теорию про 3 октября 1993 года ? О том, кто это придумал?

Авен: Помню, конечно. Алик считает, что это Егор подговорил Ельцина распустить Верховный Совет. И в случае чего не бояться силовой конфронтации.

Нечаев: Допускаю, кстати.

Кох: Не ельцинский это стиль, нет... По стилистике — нет»: <http://www.forbes.ru/ekonomika/vlast/60059-neprilichno-vo-vseh-grehah-obvinyat-prezhnyuyu-vlast>.

¹⁵⁸ «Очень долго, на протяжении всего 1992 года, я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но в 1993 году убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете беспрекословно подчиняется людям, которые не признают никаких этических рамок и демократических норм... Вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым при необходимости применить силу». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С. 276.

¹⁵⁹ **А. Шохин:** В итоге схема Егора была жесткой. Борис Николаевич должен понять, что единственный «его» кандидат — это Гайдар. Если не Гайдар, то к едреной матери весь Верховный Совет, и съезд нужно разогнать. Хотя у меня лично (да я

ным стало весьма необычное решение Б. Ельцина по возвращению Е. Гайдара в исполнительную власть 16 сентября 1993 года, произошедшее непосредственно накануне публикации Указа № 1400 и начала силовой конфронтации с парламентом и обнародованное в весьма запоминавшейся обстановке — во время посещения Б. Ельциным дивизии внутренних войск имени Дзержинского. Как будто бы этим решением он предоставлял свободу рук одному из инициаторов планировавшихся затем действий.

Е. Гайдар принял активное участие в событиях 3 — 4 октября 1993 года, а через три месяца после них правительство покинул. Складывалось впечатление, что главным, для чего Гайдар возвращался во власть, было его участие в силовом разрешении кризиса с Парламентом. В персональном участии Е. Гайдара в разгоне Съезда присутствовал, похоже, и элемент его личного чувства: в предшествовавшем декабре Съезд народных депутатов отказался утвердить его премьером.

Если со стороны могло показаться, что Б. Ельцин таким образом «подставлял» Е. Гайдара, то изнутри власти это выглядело по-иному. На фоне практически поголовной растерянности руководителей правительства и сотрудников правительственного аппарата в ночь с 3 на 4 октября 1993 года лишь один человек демонстрировал удивительное спокойствие и поразительную уверенность, как будто бы он заранее знал весь сценарий происходивших событий. Это был Е. Гайдар. Вечером 3 октября, когда многие члены правительства, полупарализованные происходящим, не могли оторваться от экранов телевизоров и лишь обменивались друг с другом малосодержательными комментариями, он по собственной инициативе отправился на резервную студию телевидения и к зданию Моссовета. Откликаясь на его призыв, тысячи москвичей вышли на улицу, что сделало использование силы практически неизбежным.

О том, что Е. Гайдар был если и не инициатором, то, как минимум, очевидным сторонником силового решения осеннего кризиса 1993 года, свидетельствуют и его многочисленные выступления по этой теме. Возможное неприменение Б. Ельциным силы против парламента расценивалось Е. Гайдаром как «предательство» его, Е. Гайдара, а также «всех, кто разделял его убеждения». То, что Б. Ельцин, очевидно, после непростых размышлений и

уверен, не только у меня в нашей команде) особого желания начать эту конфронтацию не было, поскольку можно было реализовать другой сценарий. Но тогда начался следующий этап этой истории. Когда Гайдара не утвердили, Б. Н. готов уже был распустить съезд. Депутаты чуть ли не всем миром встречались и с патриархом, и с Зорькиным и прочее. Ельцин же, после того как не утвердили его кандидата, готов был их распустить!

А. Кох: Что в какой-то степени могло предотвратить 1993 год?

А. Шохин: Наверное. Так сказать, «предотвратить» октябрь 1993-го, потому что он состоялся бы в декабре 1992-го. — *Шохин А.* «Мы взяли власти столько, сколько было возможно»: <http://www.forbes.ru/node/57754/>.

колебаний в конце концов вынужден был применить силу, вызвало у Е. Гайдара нескрываемую радость¹⁶⁰.

Слова Гайдара демонстрируют драматическую разницу в подходах к одному и тому же событию двух людей — пренебрежительное отношение самого автора: «Эти десять болванок, выпущенных по 10-му этажу Белого дома, и два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили...» и глубоко личное, полное драматических переживаний, отношение Б. Ельцина: «для него, тем не менее, были тяжелой травмой»¹⁶¹...

Событиям 3 — 4 октября 1993 года посвящена значительная часть третьей главы в последней книге Е. Гайдара «Смуты и институты», где обращает на себя внимание триумфаторская апология действий исполнительной власти по осуществлению силового подавления политических сил, выступивших в защиту российского парламента и парламентской политической системы. С точки зрения противостояния бюрократии и демократии, осенний кризис 1993 года можно рассматривать в качестве силового реванша избранной бюрократической элиты против политиков новой волны, поднявшихся к вершинам государственной власти с помощью вертикальных лифтов демократической системы, возникших во многом в результате усилий М. Горбачева и его команды в 1989 — 1990 годах.

После разгрома парламента принятая на референдуме Конституция 1993 года фактически закрепила реставрацию слегка модернизированного, бы-

¹⁶⁰ Е. Гайдар: «И если бы Борис Николаевич Ельцин 3 — 4-го не сделал того, что он сделал, я бы считал, что он предал, например, меня и всех, кто разделяет мои убеждения... А Ельцин... не хотел насилия, но только он не был слабаком. И вот я очень рад тому, что он оказался в это критическое время нашим президентом»: http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajidar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html.

¹⁶¹ «Е. Гайдар: “Там был безумный перелом — осень 1993 года. Он не хотел насилия, он очень не хотел... Очень не хотел насилия, пытался его избежать. В общем, по большому счету, избежал... Но в полном объеме не допустить насилия, видимо, в это время было невозможно, хотя он очень этого хотел. Эти десять болванок, выпущенных по 10-му этажу Белого дома, и два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили, для него, тем не менее, были тяжелой травмой”»: http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajidar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html; «Е. Гайдар: У меня ощущение, что я знаю двух Борисов Николаевичей Ельциных. Первый прекратил свое существование 4 октября 1993 года. Я его хорошо знаю, с ним работал. Был еще один человек, который тоже называется Борис Николаевич Ельцин. Но он совсем другой. Я не говорю о том, что до осени 1993 года Борис Николаевич напоминал рыцаря без страха и упрека, но это был один человек, а после 1993 года — уже другой...

А. Кох: У него произошел нравственный надлом?

Е. Гайдар: Да, какой-то надрыв. И нравственный, и моральный, и физический...

А. Кох: Как ты думаешь, этот надрыв случился после путча?

Е. Гайдар: Да, думаю, после событий 3–4 октября 1994 года [очевидно, имеется в виду 1993 г. — *Ред.*]: <http://www.sps.ru/?id=219244>.

стро адаптировавшегося к рыночным условиям, бюрократического Ancien Regime. В терминах самого Гайдара это было подавление «смуты» — незавершенной попытки замены господствовавшего бюрократического режима — и укрепление новых политических институтов, закрепивших переход к президентской форме правления.

Сам Е. Гайдар хорошо понимал, насколько значимой была его персональная роль в осуществлении этого контрпереворота. Похоже, он тяжело переживал то, что его собственный вклад в успех подавления «смуты» оказался, по его мнению, недостаточно оцененным теми, кто более всего от этого контрпереворота выиграл. И потому, очевидно, неслучайно его постоянное возвращение во многих его работах и в финальных параграфах его последней книги «Смуты и институты» именно к осеннему кризису 1993 года.

Главный тезис этой книги, а также многочисленных статей, выступлений и интервью последних лет жизни Е. Гайдара — это необходимость для господствующего режима быть готовым — технически, организационно, морально — к успешной борьбе против «смут» и революций. По мнению Е. Гайдара, важнейший фактор выживания политического режима (безотносительно к его идеологической направленности, характеру его взаимоотношений с обществом и внешним миром, степени его авторитарности или демократичности и т. д.) в условиях смуты и революции, звучащий бесконечным рефреном, — это *наличие вооруженных сил («хотя бы одного полка»), готовых стрелять в народ, способность режима отдать приказ на применение силы (на открытие огня), способность войск выполнить такой приказ*¹⁶².

¹⁶² Вот несколько выдержек из последних работ Гайдара.

«Смуты и институты»:

С. 31: «Выяснилось, что в армии нет полка, готового выступить по приказу короля. Отказ солдат стрелять придал смелость тем, кто выступал против существующего порядка».

С. 40: «Верность армии существующей власти, ее готовность выполнить приказ применить оружие против народа — не гарантирована».

С. 51: «При крахе военной организации решающее значение имеет то, остались ли в распоряжении властей пусть небольшие, но надежные части. Полковник Кутепов просил для выполнения приказа одну надежную бригаду».

С. 56: «В распоряжении Временного правительства надежных войск нет. А это значит, что несколько тысяч вооруженных людей могут установить контроль над ключевыми точками столицы».

С. 57: «История русской революции начала XX в. показывает, какую роль в периоды хаоса и анархии играют пусть немногочисленные, но боеспособные, готовые исполнять приказы части».

С. 66: «У них не было инструментов принуждения»...

С. 118: «В условиях рухнувшей власти, при отсутствии дееспособных силовых структур такая толпа опасна».

С. 124: «... если нет боеспособной армии, действующих правоохранительных служб, пограничного контроля, центр перестает контролировать ситуацию на местах».

Этот тезис настолько часто звучал в его последних текстах и выступлениях, что его можно считать своего рода *научно-политическим завещанием Егора Гайдара*. В нашем разговоре нет места и времени для детального обсуждения этого тезиса, но несколько коротких комментариев по поводу него не сделать нельзя.

Во-первых, после знакомства со многими текстами Е. Гайдара и особенно с книгой «Смуты и институты» складывается впечатление, что общество для автора делится на две неравные части. С одной стороны, есть административно-политический режим (элита, государство) — «режим». При этом неважно, какова природа этого режима. Это может быть и французский королевский режим абсолютной монархии, и царский режим Российской Империи февраля 1917-го, и демократический режим Российской республики октября 1917 года, и коммунистический режим СССР августа 1991 года, и демократический режим РСФСР ноября 1991-го. С другой стороны, есть толпа, публика, «боевики» (часть общества, настолько недостой-

С. 179: «Вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым применить силу».

С. 180 — 181: «В сложившихся условиях задействовать армию трудно. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутривнутриполитических конфликтов. Это стало символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 года. Однако развитие событий 3 октября показало, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве... Необходимость срочно поднять армейские части стала очевидной. Но будут ли приказы выполнены, не получится ли, как в августе 1991 года, что армейская машина просто откажется сдвинуться с места?..»: <http://www.iet.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>; «Раньше или позже выясняется, что у него нет ни одного надежного полка. В 1917 году, когда развивались ключевые события, связанные сначала с борьбой за власть, а затем с борьбой за власть между большевиками и Временным правительством, ни одна из сторон не могла выставить хотя бы надежную бригаду. Кутепов, преданный царю офицер, безусловно, готовый стрелять по толпе из пулеметов, получил приказ прекратить беспорядки. Он просил бригаду. Бригады не нашлось, дали сводный отряд. Тут же выяснилось, что в сводном отряде пулеметы без глицерина, стрелять из них нельзя»: <http://www.novgaz.ru/data/2009/129/09.html>; «... в какой-то момент у авторитарного, не очень популярного режима вдруг не оказывается ни одного надежного полка. После этого он рушится, причем рушится стремительно. Вот у ГКЧП не нашлось ни одного надежного полка... Совершенно ясно, что ни одного полка, который готов выполнить приказ Горбачева, в его распоряжении нет... Устойчивость власти зависит от того, кого поддержит улица. Причем речь идет не о поддержке миллионов людей, а о поддержке двух — пяти тысяч людей, но организованных. Этого вполне достаточно, чтобы свергнуть власть... всегда вопрос заключался в том, кого поддержат две-три тысячи организованных людей. И это вопрос, ответ на который определял будущее очень большой страны»: <http://www.polit.ru/lectures/2009/12/10/gaidar.html>.

ная внимания, что во многих случаях она даже лишена какого-либо особого термина). Наиболее часто встречающийся по отношению к ней термин — по крайней мере в обстоятельствах 1993 года — это «*оппозиция*». Оппоненты режима не заслуживают того, чтобы серьезно заботиться об их судьбе — *даже ни одного депутата не убили, комичный президент*¹⁶³.

Во-вторых, каждая из частей общества, по мнению Е. Гайдара, обладает неравными правами. «Режим» по определению должен *иметь в готовности хотя бы один полк, готовый стрелять*, и имеет не только право, но и обязанность дать приказ военным на использование силы. Открывать огонь против другой части общества — «оппозиции» — в случае смуты, революции, восстания, неповиновения, беспорядков, национально-освободительного движения не только можно, но и нужно. Автор также полагает, что силовой метод разрешения конфликтов приемлем лишь со стороны «режима». Отсутствие правомочий на применение силы на стороне «оппозиции», толпы, публики не обсуждаются: у народа нет не то что права на восстание против незаконного, неправового, криминального режима, но нет даже права на оборону и самооборону — права, являющегося, в частности, неотъемлемым элементом, например, англо-саксонской и в целом общеевропейской правовой традиции. Применение силы разрешено только со стороны власти, лишь со стороны «режима».

В-третьих, самую большую опасность, главное зло для общества, по мнению Е. Гайдара, представляют нарушение сложившихся институтов, наступление «беспорядка», смуты, революции. «Я уже пережил одну революцию. Больше не надо», — не устает повторять он, последовательно занимающая открыто консервативную, контрреволюционную, карательную позицию — независимо от того, какую именно природу и какой характер имеет та или иная революция.

В-четвертых, главный, если не единственный, способ преодоления беспорядка, смуты, революции — это применение силы. Требования к действующему режиму — «иметь хотя бы один полк, готовый стрелять в народ», быть готовым отдать приказ открыть огонь на поражение, способность войск выполнить такой приказ — иллюстрируются примерами из истории, когда эти требования не выполнялись (французская революция 1789 года, российские революции февраля 1917-го, октября 1917-го, августа 1991 годов, подавление чеченской революции в ноябре 1991 года), и одним примером (сентябрьско-октябрьская «смута» 1993 года), когда эти требования были выполнены. Отсутствие хотя бы одного верного власти полка, неспособность господствующего режима отдать приказ на применение силы, неспособность «боеспособных частей» его выполнить есть недопустимая и

¹⁶³ «два зажигательных снаряда, которые ни одного депутата не убили»: http://www.intelros.ru/2007/04/27/egor_gajdar_ob_jepokhe_elcina_the_new_times_24_aprelja_2007_g.html; «Указы... «президента» Руцкого производят комичное впечатление»: <http://www.ict.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>.

непростительная «слабость» режима, заканчивающаяся его крахом («гибелью империи»).

В-пятых, вопрос о правомочности применения внутри страны армии (не только полиции и ОМОНа) — для подавления гражданских беспорядков, смут, революций Е. Гайдаром не только не обсуждается, но и не задается. Наоборот, отказ от использования армейской силы в политических целях признается им как совершенно нетерпимая слабость «режима»¹⁶⁴.

В-шестых, показательно, что в целом правовые вопросы — вопросы законности, конституционности, права как такового вообще (в значении: не законодательства), правовые вопросы применения силы, в частности, не говоря уже, например, о *базовых свободах и правах человека*, Е. Гайдаром не только не обсуждаются, но и вообще не затрагиваются. И, следовательно, правомочия «режима» — и на сохранение власти в своих руках, и на применение насилия против собственных граждан — находятся за пределами обсуждения Е. Гайдара и воспринимаются им как совершенно естественные.

Наконец, способы урегулирования существующих конфликтов в обществе — политических, идеологических, экономических — мирными средствами, в том числе посредством переговоров, соглашений, договоренностей, круглых столов, демократических выборов, раздела власти и т. д. Е. Гайдаром не рассматриваются. Единственный обоснованный, приемлемый, эффективный ответ на существующие в обществе противоречия и конфликты — силовой.

Совершенно очевидно, что такие взгляды не имеют отношения ни к демократии, ни к либерализму. В лучшем случае такое мировоззрение может характеризовать своего носителя как сторонника консервативного авторитаризма. Впрочем, строго говоря, подход, продемонстрированный Е. Гайдаром, ближе всего к марксистской традиции захвата и удержания политической власти (ленинскому лозунгу «*Всякая революция лишь тогда чего-то стоит, если она умеет защищаться*»; маоистскому лозунгу «*Власть растет из ствола винтовки*»), коммунистическо-кастровским методам гражданских войн и массовых репрессий.

— То, что вы говорите, довольно сильно отличается от традиционных рассказов о проведенных реформах — как с точки зрения их сторонников, так и противников. А общественное мнение в этом отношении остается разделен-

¹⁶⁴ «В те дни [ноябрь 1991 г. — А. И.] офицеры и генералы в интервью журналистам заявляли, что не готовы выполнять приказы, с содержанием которых не согласны. Общую атмосферу в армии того времени иллюстрируют два тезиса из выступления участников армейского собрания в январе 1992 года: «армию не удастся втянуть в политические игры» и «терпение людей в погонах имеет предел». Прочитав их, нетрудно понять, что армии у государства нет». — *Гайдар Е.* Смуты и институты. С. 123: <http://www.iety.ru/files/publications/gaidar-2009.pdf>.

ным. Есть немало людей, которые Е. Гайдара проклинают. Но есть и те, кто его действиями восхищаются и, можно даже сказать, боготворят его. Нас интересует позиция тех, кто Гайдара поддерживает. Как Вы считаете, эти люди не знают упомянутых Вами фактов? Или они их знают, но тем не менее считают, что сделанное им правильно (то, что они считают сделанным правильно) перевешивает другие стороны его деятельности?

26. Дар сказителя

Мне кажется, отношение к Е. Гаюдару индивидуально. Диапазон оценок его деятельности широк. Но появлению взвешенной оценки его роли в формировании нынешнего российского экономико-политического режима серьезно мешают попытки создания культа личности Гаюдара. Вместо воспевания осанны, идущего с одной стороны и провоцирующего тотальное отрицание с другой, необходим спокойный анализ всех сторон его деятельности — с разбором достижений и недостатков, удач и провалов, успехов и поражений.

Даже публикация документов, представляющих нюансированную картину произошедших событий, отличающуюся от постоянно приукрашиваемого мифа, вызывает агрессивную реакцию у ряда сторонников Е. Гаюдара, называющих это очернением и оскорблением их идеала. С другой стороны, и некоторые оппоненты Гаюдара в каждом его действии готовы видеть руку Моссада и происки ЦРУ. Для тех, кто не хотел бы допустить объективного анализа произошедшего, такая ситуация поляризованной вражды является наиболее желанной.

Кому нужен культ Гаюдара? Мне кажется, здесь есть разные причины.

Понятна заинтересованность некоторых коллег самого Егора Тимуровича, пытавшихся и при его жизни и особенно пытающихся теперь капитализировать его имидж в своих целях, создать некий храм поклонения Гаюдару. Понятны и цели нынешнего режима сотрудников спецслужб, заинтересованных в том, чтобы символом борьбы с коммунистической системой, олицетворением диссидентского движения оказались бы в памяти российских граждан не Андрей Дмитриевич Сахаров, не Анатолий Тихонович Марченко, не Петр Григорьевич Григоренко, а сын резидента ГРУ, высокопоставленный сотрудник журнала «Коммунист» и газеты «Правда», прошедший немало времени не в советских психушках и мордовских лагерях, а в цэковских санаториях и на совминовских дачах. Понятно желание авторитарного режима и его политических союзников, чтобы символом либерально-демократического движения в нашей стране были бы не Галина Васильевна Старовойтова, Владимир Константинович Буковский или Сергей Адамович Ковалев, а Егор Тимурович Гаюдар.

Отмечая интересы тех или иных политических и общественных сил в мифологизации Гаюдара, тем не менее нельзя отрицать, что сам Е. Гаюдар был, вне всякого сомнения, незаурядным человеком. И теплое отношение к нему многих людей связано и с его личными качествами.

Е. Гайдар заслуженно привлек к себе внимание прежде всего тем, что хорошо говорил и писал по-русски. До него это качество не слишком часто встречалось в отечественной общественной жизни и довольно редко — среди тех, кто оказывался в государственной власти. Когда он говорил с трибуны Верховного Совета или Съезда народных депутатов, то зал — даже критически настроенный к нему — замолкал, замороженный правильной, содержательной, умной речью.

Оказавшись почти на вершине государственной власти, Е. Гайдар старался, по крайней мере в начале своей публичной карьеры, говорить преимущественно на языке интеллигенции, что расположило к нему миллионы людей и в России и на всем постсоветском пространстве. Сработали механизмы подсознательной психологической идентификации «свой — чужой». Его успехи и удачи воспринимались как успехи и удачи всей социальной группы, а его неудачи и ошибки многими представителями интеллигенции прощались ему, — как могут прощаться только «своему», оказавшемуся среди «чужих».

Взгляды и действия Е. Гайдара часто выглядели и нередко были альтернативой ортодоксальному коммунизму. Поэтому его позиция, особенно в условиях ожесточенного противостояния с коммунистами, у многих вызвала искреннюю поддержку. Хотя высказывания и решения Гайдара действительно бывали антикоммунистическими, многие из них не были ни антиимперскими, ни антиноменклатурными. Еще чаще у них не было ничего общего с либерализмом и демократией, несмотря на регулярные попытки Е. Гайдара ассоциироваться именно с ними. И, увы, не раз то, что им говорилось, не совпадало с тем, что им делалось.

Е. Гайдар был одним из наиболее образованных людей своего времени. Прочитав немало хороших книг, храня в памяти большое количество фактов из истории разных народов и эпох, он активно использовал свою эрудицию. Он часто демонстрировал очевидное интеллектуальное превосходство над своими оппонентами, многие из которых не могли составить ему конкуренции — ни в плане содержания, ни с точки зрения логики и аргументов.

В отличие от политических дебатов, в научных дискуссиях Е. Гайдар старался не занимать однозначных позиций, располагая к себе слушателей и читателей тем, что привлекал внимание скорее к последствиям осуществления того или иного варианта действий. Тем самым у сторонников разных, в том числе и противоположных, позиций создавались впечатление широты его подхода и ощущение, будто Гайдар согласен именно с ними. За редкими исключениями он избегал непосредственной конфронтации, почти всегда оставляющей у наблюдателей не самый лучший осадок по отношению к обеим спорящим сторонам. Он предпочитал пользоваться инструментарием иного рода, в том числе оружием иронии, которым неплохо владел.

Он был, несомненно, харизматической фигурой, восхищавшей и влюблявшей в себя многих, кто имел возможность с ним общаться. Со встреч с Гайдаром многие люди уходили окрыленными общением с приятным и

симпатичным человеком, воодушевленными ощущением нового знания, приобретенного в разговоре с ним.

Е. Гайдар писал легко и образно, был талантливым рассказчиком, а его выступления и публикации привлекали и продолжают привлекать немалое общественное внимание. У него был несомненный журналистский и писательский талант — качество, очевидно, унаследованное от его родственников по восходящей линии — Аркадия Петровича, Павла Петровича, Тимура Аркадьевича, Ариадны Павловны. Более того, это был не просто писательский талант, а дар сказителя — человека, не просто рассказывавшего или пересказывавшего различные факты, но создающего новые увлекательные истории.

Особенно ему удавалось производство правдоподобных объяснений сложных явлений экономической и политической жизни. При этом в научных и публицистических текстах им широко использовались тропы, характерные более для художественного языка — гиперболы (преувеличения), литоты (преуменьшения) наряду с применением типовых сказочных приемов — наличие темных грозных сил, требующее невероятных усилий противоборство с ними, почти чудесное спасение положительных героев.

Как оказывалось впоследствии, многие элементы в предложенных версиях событий оказывались либо преувеличенными, либо преуменьшенными, либо не соответствовавшими действительности, а предлагавшиеся автором версии последовательности событий часто не имели места.

Например, с легкой руки Е. Гайдара его последователи стали настаивать, что руководство Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР (И. Силаев) осенью 1991 года собиралось вводить в стране прудразверстку. Однако изучение принятых документов показало, что это миф. В другом месте Е. Гайдар сообщил, что либерализация цен 1992 года была аналогична переходу на свободные цены на зерно во времена НЭПа. Но такого события не было. В книге «Долгое время» Е. Гайдар утверждал, что экспортные цены СССР с ноября 1980 года по июнь 1986 года упали почти в шесть раз¹⁶⁵. Однако среди почти ста товарных групп и индексов товарных цен в базе МВФ¹⁶⁶ снижение цен в шесть раз за это время было зафиксировано лишь по одной позиции — сахару-сырцу (отгружаемому из портов Карибского моря), обычно не относимому к традиционным товарам отечественного экспорта. Максимальное же снижение цен на экспортные товары из СССР коснулось нефти: цены на нее упали в 3,4 раза, — цены на другие товары либо снизились в меньшей степени, либо даже возросли.

Многokrратно и Е. Гайдар, и его сторонники утверждали, что осенью 1991 года желающих идти в правительство не было, что «власть перебрасы-

¹⁶⁵ «При радикальном — почти 6-кратном (с ноября 1980 г. по июнь 1986 г.) — падении цен на основные экспортные товары страна столкнулась...» — *Гайдар Е. Долгое время. М., 2005. С. 344.*

¹⁶⁶ World Economic Outlook Database: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/02/weodata/weoselagr.aspx>.

вали из рук в руки как горячую картошку». То, что это не так, что кандидатов на место премьера было несколько, хорошо известно. Даже сам Е. Гайдар в своих мемуарах вспоминал, что премьерства добивался в том числе и Р. Хасбулатов¹⁶⁷. Зачем же было распространять заведомо ложный миф, будто бы никто не хотел власти?

Неоднократно Е. Гайдар говорил и писал, что тогда, когда он стал вице-премьером российского правительства, в России не было таможи. Однако органы союзной таможи на территории России были переподчинены российской власти еще 25 августа 1991 года¹⁶⁸, президиум Верховного Совета РСФСР принял решение о создании российского таможенного комитета 21 октября 1991 года¹⁶⁹, а сам комитет был создан Указом российского президента 25 октября того же года¹⁷⁰. В адрес ГТК сразу же, с первых же дней работы нового правительства, стали выпускаться постановления и отдаваться распоряжения, в том числе и подготовленные непосредственно Е. Гайдаром, — как, например, постановление о лицензировании экспорта нефти от 15 ноября 1991 года¹⁷¹. Доказательством того, что российская таможня не только существовала, но и эффективно работала, может служить, например, принципиальная позиция начальника Санкт-петербургской таможи В. Степанова, пытавшегося не допустить незаконную отгрузку сырья по поручению руководителя КВС мэрии В. Путина. Однако в этом споре, как мы теперь знаем, вице-премьер Е. Гайдар занял не сторону якобы *несуществовавшей*, по его утверждению, *таможи*, а В. Путина. Зачем же надо было распространять миф об отсутствии таможенных органов в России?

Е. Гайдар утверждал, что Ф. Кастро принадлежал родовой «кастильской аристократии, привыкшей управлять Кубой». Однако на самом деле оказывалось, что Фидель был сыном галисийского крестьянина, в первый раз

¹⁶⁷ «Позже от Ельцина узнал — Хасбулатов сам усиленно добивался назначения на должность премьера». — *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. С.171.

¹⁶⁸ Распоряжение Президента РСФСР от 25 августа 1991 г. № 25 «О деятельности таможенной службы на территории РСФСР»: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex11172.htm>.

¹⁶⁹ Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 октября 1991 г. № 1780-1 «Об образовании Государственного таможенного комитета РСФСР»: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10806.htm>.

¹⁷⁰ Указ Президента РФ от 25 октября 1991 г. № 161 «О Государственном таможенном комитете РСФСР»: <http://www.bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10770.htm>.

¹⁷¹ «Таможенному комитету РСФСР... обеспечить строгий контроль за соблюдением установленного настоящим постановлением порядка вывоза нефти и продуктов ее переработки за пределы республики... Взыскание штрафа производится государственными налоговыми инспекциями по представлению соответствующих органов Таможенного комитета РСФСР». — Постановление Правительства РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 7 О регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР: <http://bestpravo.ru/fed1991/data01/tex10619.htm>.

прибывшего на Кубу в 1898 года солдатом испанской армии для подавления движения за независимость Кубы, после поражения Испании вернувшегося на родину, а затем вновь приехавшего на Кубу и начавшего трудовую жизнь рабочим в американской United Fruit Company¹⁷².

Е. Гайдару удавалось создавать яркие, образные, запоминающиеся версии происходившего: гибель советской империи в результате четырехкратного снижения нефтяных цен и возникшего дефицита хлеба; спасение страны от массового голода, гражданской войны и распада в результате действий реформаторского правительства; наступление августовского кризиса 1998 года в России в результате воздействия «азиатской инфекции», а также нового падения цен на нефть; наступление российского кризиса 2008 — 2009 годов в результате воздействия американского и глобального кризисов и опять же падения мировых цен на нефть.

Однако оказывалось, что в 80-е годы максимальное падение по месяцам было не в 4, а в 3,4 раза, а по годам — лишь двукратным; локальный минимум цен был не накануне прихода Е. Гайдара в правительство, а более чем за пять лет до этого — в июле 1986 года; с июля же 1986-го по ноябрь 1991 года цены на нефть не упали, а выросли (в 2,2 раза); во время работы самого гайдаровского правительства цены на нефть были выше, чем в течение пяти лет до него и в течение шести лет после него¹⁷³. Хотя в период работы во власти М. Горбачева, Н. Рыжкова, В. Павлова, И. Силаева, В. Черномырдина цены на нефть были ниже, чем во время работы гайдаровского правительства, никто из других бывших руководителей страны не пытался объяснить свои собственные неудачи динамикой мировых цен на нефть.

От внимания Е. Гайдара странным образом ускользнул тот факт, что из более чем четырех десятков стран-нефтепроизводителей и нефтеэкспортеров, испытывавших так же, как и СССР, воздействие колебаний мировых цен на нефть, распад страны и гибель существовавшего политического режима на рубеже 1980-х — 1990-х годов произошли лишь в одной — Советском Союзе. Е. Гайдар никак не комментировал то, что ни одна другая страна, вовлеченная в производство и экспорт энергоносителей, включенная в мировой рынок, зависящая от мирового разделения труда, не испытала в те годы не только экономического и политического краха, но и сколько-нибудь серьезного кризиса. В то же самое время — в конце 1980-х — начале 1990-х годов — кроме СССР прекратили существование еще три государства — ГДР, Югославия, Чехословакия. Крах политических режимов во всех трех, а в двух случаях и территориальный распад («гибель мини-империй») произошли в странах, являвшихся не энергоэкспортерами, а энергоимпортерами, и, следовательно, экономически не проигрывавших, а выигрывавших от (объявленного Е. Гайдаром) падения мировых цен на нефть. Одна-

¹⁷² Ángel Castro y Argiz/: http://en.wikipedia.org/wiki/%C3%81ngel_Castro_y_Argiz.

¹⁷³ Илларионов А. Чувство острой неловкости: <http://aillarionov.livejournal.com/27338.html>.

ко и эти факты, очевидным образом опровергавшие предложенную им концепцию экономико-политического развития, никоим образом не привлекли внимания Егора Тимуровича.

О том, что в 1991 году в России не было ни массового голода, ни его угрозы, было сказано уже не раз; гражданские войны на территории и СССР и России предотвратить не удалось; а распад Советского Союза не только произошел, но и оказался не столько «геополитической катастрофой», как полагал в свое время Е. Гайдар и как об этом позже заявил В. Путин, сколько благом для граждан России и других постсоветских стран.

Августовский кризис 1998 года в России произошел не под влиянием «азиатского кризиса», а в результате ошибочной макроэкономической политики, проводившейся А. Чубайсом во многом по советам Е. Гайдара и рекомендациям МВФ, — политики, сочетавшей «гремучую смесь» неизбежной экономической катастрофы, ингредиенты которой — «валютный коридор», поддержание значительного бюджетного дефицита и массивные внешние заимствования, — казалось бы, столь многократно были осуждены Е. Гайдаром в его статьях 1989 — 1991 годов и столь детально были описаны им в работах, посвященных краху СССР.

Российский кризис 2008 — 2009 годов вряд ли был вызван воздействием финансового кризиса в США, поскольку он начался и завершился раньше американского; падение промышленного производства в нашей стране происходило не на фоне снижения цен на нефть, а во время их увеличения; возобновление же промышленного роста началось не тогда, когда нефтяные цены были наиболее высокими, а тогда, когда они находились на минимальном уровне последних лет.

Однако отсутствие убедительных доказательств предложенных Е. Гайдаром версий событий и даже обнаружение большого количества фактов, их опровергавших, тем не менее, кажется, не ослабили эффект психоэмоционального воздействия предложенных им моделей на многих граждан нашей страны и лишь подтвердили сказочно-религиозный характер их восприятия.

Вскоре после второго ухода Е. Гайдара из российского правительства один из наиболее близких его коллег В. Мау заметил: «Борьба за реформы закончилась. Теперь начинается борьба за их интерпретацию». Похоже, что эта, вторая, борьба оказалась для Е. Гайдара и его коллег более успешной, чем первая.

Увы, выбор Е. Гайдаром характера реформ, методы их проведения, а также его позиция по многим значимым вопросам общественной и политической жизни страны внесли свой вклад в становление и укрепление нынешнего российского авторитарного режима. Это не значит, что в этом виноват только он. Это не значит, что ему не оказывалось сопротивление. Это не значит, что у него не было оппонентов, готовых воспользоваться любой его оплошностью. Но именно результаты интервенционистских реформ, проводившихся номенклатурно-бюрократическими методами, усугубивших и удлинивших экономический кризис, подорвавших общественную под-

держку либеральных сил и демократических институтов, породили со стороны Б. Ельцина, реформистской части государственного аппарата и российской интеллектуальной элиты спрос на силовиков, способных защитить их политически и обеспечить выполнение программы рыночных реформ, не выполненной в свое время Е. Гайдаром. Во многом именно этот провал вытащил силовиков из политического небытия во власть.

Экономические реформы, которых многие граждане страны так ждали, так поддерживали, в которых сами собирались участвовать, оказались совсем не теми, на которые надеялись люди, не теми, какие были обещаны реформаторами, не теми, о каких объявили российские власти осенью 1991 года. Много из того, что надо было делать, сделано не было. А многое из того, чего делать не следовало, увы, было осуществлено. Лишь в небольшой степени проведенные реформы оказались либеральными. Причем либеральными во многом не столько для граждан страны, сколько прежде всего для властей, для госаппарата, для бюрократии. В реформах Е. Гайдара слишком много оказалось интервенционизма и популизма. И немало нечестного. Именно поэтому и необходимо детально анализировать решения Е. Гайдара, чтобы понять, какие ошибки и когда были сделаны, можно ли их исправить и как и чего ни в коем случае не следует повторять.

Нелиберальная, интервенционистская, популистская политика, называвшаяся ее авторами «радикальными либеральными реформами», привела к ликвидации общественной поддержки и такого рода реформ, и их авторов, называвших себя либералами и демократами, и ассоциировавшихся с ними политических сил. Поддержка либерально-демократического пути развития страны, бывшая в 1991 — 1993 годах на невероятно высоком уровне, оказалась раздавлена.

Е. Гайдар действительно смог легализовать рыночные отношения в России. Но тем, что и как он делал и какую политическую позицию занимал, он как минимум на поколение уничтожил массовую политическую поддержку российских либералов и демократов. Если он и оказался *спасителем* и *освободителем*, то прежде всего «спасителем» циничной власти, государственной бюрократии, спецслужб, «освободителем» нашей страны, по крайней мере, на какое-то время, от «угрозы» либерально-демократической альтернативы.

Егор Гайдар стал неотъемлемой частью современной российской истории. Он был незаурядным, во многом выдающимся человеком. Его вклад в легализацию рыночных отношений в нашей стране, в создание нынешних вариантов рыночной экономики и политического режима России трудно переоценить. Много в том, что он говорил и что делал, было свежим и смелым, нередко — мужественным.

Но ничто из этого — ни масштаб фигуры Егора Гайдара, ни его личные качества, ни его вклад в создание нынешнего российского экономико-политического режима — не отменяет ни его ошибок, ни его взглядов, ни политических интересов, ни личной слабости. Его не стоит ни демонизировать, ни обожествлять.

— Сказать, что Ваш рассказ производит почти шоковое впечатление, значит мало что сказать. Мы ожидали, конечно, чего-то похожего, но чтобы картина оказалась столь масштабной и столь определенной и четкой по смыслу, а главное — столь убийственно выразительной по своей фактической мотивированности... Жизнь, как видно, и в самом деле куда неожиданнее и фантастичнее, чем самые смелые умозрительные предположения.

И, конечно, Вы совершенно, на наш взгляд, правы, когда утверждаете, что размышляя о поступках и делах того или иного человека, очень важно иметь перед собою, если можно так выразиться, мировоззренческий портрет этого человека, отдавать себе отчет в том, каково его общее мировидение, общесоциологическое понимание ключевых вопросов: что такое человеческая жизнь, что такое человеческое общество, что такое собственно человек и какова цена отдельной человеческой жизни. Думается, уяснение всех этих вещей действительно первичнее и важнее всего, поскольку именно они стоят за всеми нашими поступками и, в конечном счете, определяют их общий характер. Вот и Гайдару был свойствен ведь совершенно определенный тип мировидения, и именно им определялась, как видим, уже и вся та конкретная идеология, которая лежит в основе его решений и действий и в области экономики, и в области политики, и в области демократии... Недаром создается ощущение, что сознание Егора Тимуровича было устроено таким образом, что для него в общем-то отдельный человек, — в том числе и он сам, Егор Гайдар, — значил не так уж и много, поскольку человек все-таки мал, смертен и конечен. И вот эта конечность всякой человеческой жизни, если встать на точку зрения безрелигиозного гуманизма, превращает цену этой жизни в какой-то почти ноль, когда решаются более сложные задачи — арифметически-алгебраического оперирования абстрактными множествами целых социальных слоев, классов, а то и наций. Вряд ли, конечно, Гайдар был таким уж рьяным и философски-сознательно рефлексирующим атеистом (скорее всего, он над такими вещами даже не задумывался), и все же создается ощущение, что все вещество его сознания было устроено именно таким образом...

27. Факторы общественной эволюции

В этой связи я хотел бы еще раз вернуться к теме детерминант общественной эволюции, которую мы затрагивали в первой части нашего разговора. Два десятилетия назад в нашей стране была господствующей, а в настоящее время по-прежнему остается весьма распространенной концепция, согласно которой ведущим фактором общественной эволюции является экономика. Согласно этому подходу экономические преобразования определяют в общественных изменениях если не все, то очень многое. Поэтому первоочередной практической задачей при переходе от тоталитарного общества к свободному считалось создание «нормальной» рыночной экономики. Если удастся этого добиться, то, пусть не сразу, но со временем смогут измениться и все остальные компоненты общества, способные в ко-

нечном счете привести его в качественно новое состояние. Многих из нас так по-марксистки и учили: «надо найти звено, потянув за которое, можно вытащить всю цепь». Это звено называлось «экономика», и оно должно было вытащить за собой все остальные сферы общественной жизни. Опыт посткоммунистической трансформации последних двух десятилетий как в нашей стране, так и в других странах показал, как минимум, ограниченную пригодность этой концепции.

В последнее время стал весьма популярным другой взгляд на историческую эволюцию, согласно которому ключевые элементы общественной структуры — *институты и культура*, однажды возникнув и закрепившись в том или ином обществе, затем сохраняют свою устойчивость в течение длительного времени. В приложении к истории нашей страны элементами такого институционально-культурного «вечного проклятия» часто называются коррупция, авторитаризм, деспотизм, рабство, бесправие. В качестве причин, когда-то создавших и с тех пор стабильно воспроизводящих это «проклятие», называются такие факторы, как: бескрайние просторы, холодный климат, низкая плотность населения, монголо-татарское иго и т. п.

В разных вариантах элементы этой концепции можно увидеть в работах весьма различных авторов — от Р. Пайпса до А. Паршева. По мнению одного из наиболее известных специалистов по российской истории Ричарда Пайпса, русским в принципе чужды ценности свободы и демократии, им имманентно присущи имперскость и холопство, они всегда были угнетателями Европы и обречены оставаться такими навсегда. В чем-то близкую концепцию предопределенности развития нашей страны «постоянным отставанием России от передовых западных стран на 50 — 60 лет» выдвинул в ряде публикаций и выступлений Егор Гайдар¹⁷⁴. По-своему, не обвиняя, а ужасаясь этому, такие взгляды, как мне кажется, отстаивает сейчас Юрий Николаевич Афанасьев.

— Вы не правы, Юрий Николаевич Афанасьев придерживается вовсе не такой позиции. Весь смысл его последних статей заключается как раз в том, что надо вырваться из дурных традиций нашей истории.

В тех случаях, когда Юрий Николаевич говорит, что «надо вырваться», я полностью разделяю его позицию.

Два десятилетия последней трансформации в нашей стране и других странах показали, что можно и чего нельзя достичь с помощью рыночных реформ. С их помощью можно создать рыночную (но не обязательно свободную) экономику, обеспечить экономический рост, повысить благосостояние миллионов людей. Однако только рыночные реформы не могут изменить систему власти. С помощью только рыночных реформ невозможно создать или защитить политические свободы, обеспечить безопасность граждан, гарантировать правопорядок.

¹⁷⁴ Online-интервью с Егором Гайдаром: <http://www.kommersant.ru/Doc/1288838>.

Еще осенью 1989 года в дискуссии с А. Некричем на страницах «Московских новостей» Е. Гайдар зафиксировал разницу между правозащитно-демократическим и номенклатурно-бюрократическим подходами к начатой М. С. Горбачевым трансформации СССР. Некрич полагал, что «если перестройка действительно является революцией, а не косметическим ремонтом фасада, то она должна вести к революционным принципиальным изменениям в структурах “реального социализма”. Это азбучная истина, что революция означает изменение характера власти и характера собственности»¹⁷⁵. В своем ответе Е. Гайдар холодно заметил, что создание рыночной экономики не предусматривает изменений ни власти, ни собственности: «рынок не дает однозначного ответа на вопрос: кто должен присваивать результаты производства — он может обслуживать самые разные социальные структуры. Все зависит от распределения собственности и власти»¹⁷⁶.

Через два года Егор Гайдар начал рыночные реформы, не предусматривавшие изменения власти, а Анатолий Чубайс провел распределение собственности, закрепившее ее значительную часть в руках прежней коммунистической и новой бандитской номенклатуры: «В чем политическая конструкция? Политическая конструкция в том, что мы отдали собственность тем, кто был к ней ближе. Бандиты, секретари обкомов, директора заводов. Они ее и получили... Мы признавали, что приватизация дала собственность тем, кто наиболее влиятелен, что и определило ее несправедливость, но при этом мы отдали ее легитимным путем, а легитимность идет от государства»¹⁷⁷.

Неудивительно, что такого рода способы проведения как непосредственно приватизации, так и других реформ не только не помогли созданию нового правопорядка, но и разрушали пусть и весьма несовершенный прежний правовой порядок, подрывая существовавшее в обществе представление о справедливости: «представление о справедливости у народа мы сломали еще ваучерной приватизацией»¹⁷⁸. Слом представления о справедливости неизбежно разрушал фундаментальную основу цивилизованного общества — институт общественного доверия, прежде всего доверия к новой власти, к реформаторской команде, к принципам и идеям, с которыми они себя ассоциировали.

¹⁷⁵ Некрич А. СССР: История и перестройка. Взгляд из-за океана. — «Московские новости», 8 октября 1989 г.

¹⁷⁶ Гайдар Е. Частная собственность — новый стереотип. — «Московские новости», 8 октября 1989 г. См.: <http://aillarionov.livejournal.com/276579.html>.

¹⁷⁷ Чубайс А. Мы были единственной группой в стране, потратившей больше 10 лет на профессиональную работу по проектированию реформ: <http://www.polit.ru/analytics/2010/11/01/chubays.html>.

¹⁷⁸ Чубайс А. Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией: <http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/55203-intervyu-s-anatoliem-chubaisom?from=button1>.

Поразительно даже не то, что еще осенью 1989 года Е. Гайдар считал несущественным переход к «частной собственности на средства производства» — то, что он называл тогда «новым стереотипом». И даже не то, что еще в феврале 1990 года он боролся против расширения экономической свободы и ее законодательного закрепления, против освобождения экономики от государственного контроля, против того, чтобы союзное правительство и КПСС понесли ответственность за развязанную ими инфляцию¹⁷⁹. Поразительно то, что даже в 2006 году одна из причин краха СССР в 1991 году была обнаружена Е. Гайдаром не в природе коммунистической системы как таковой, а лишь в реализации одной из ее версий — в выборе в 1920-х годах сталинской модели индустриализации в противовес бухаринской¹⁸⁰.

Масштабные изменения, произошедшие в последние десятилетия, также продемонстрировали абсолютную необоснованность утверждений о какой-либо «столетней», «тысячелетней» или какой-либо иной «n-летней» предопределенности в национальном историческом развитии, о каком-либо пятидесяти-шестидесятилетнем (или любом другом по длительности) отставании нашей страны от стран Запада, о якобы невозможности для нашей страны «вырваться из исторической колеи». Даже изменение положения России, например, относительно США по такому показателю, как ВВП на душу населения, в течение последней трети века происходило колоссальными скачками за очень короткие сроки — падение с 43% до 17% в 1976 — 1998 годах, затем рост с 17% до 30% в 1998 — 2009 годах. Трудно понять, имея представление о таких «свингах», можно было вообще предложить идею «заданности» сроков отставания, а зная о динамическом изменении положения разных стран в мировой экономике, — настаивать на предопределенности какого-либо отставания в принципе.

¹⁷⁹ «Проще всего в ближайшее время... продолжать линию на расширение самостоятельности предприятий, ее закрепление в новых законах. Беда в том, что при всей кажущейся политической привлекательности экономически такой курс наиболее опасен. Если следовать ему, хозяйственное развитие вскоре полностью выйдет из-под контроля государства, подавленная инфляция перейдет в открытую, а ответственность за это ляжет на правительство и правящую партию». — *Гайдар Е.* Трудный выбор. Экономическое обозрение по итогам 1989 года. — «Коммунист», № 2, 17 февраля 1990 г.: <http://www.iet.ru/ru/trudnyi-vybor-ekonomicheskoe-obozrenie-itogam-1989-goda.html>.

¹⁸⁰ «И. Сталин, выбрав модель индустриализации, противоположную бухаринской, заложил фундамент экономико-политической системы, в котором со временем стали образовываться крупные трещины, создающие риск его разрушения при относительно скромных внешних воздействиях. Развитие событий в СССР в последние годы его существования демонстрирует, сколь важно, вырабатывая экономическую политику, учитывать долгосрочные риски, оценивать принимаемые решения не только с точки зрения годовой или трехлетней перспективы, а на десятилетия вперед. Если этого не делать, следующим поколениям россиян придется отвечать за ошибки, допущенные сегодня». — *Гайдар Е.* Гибель империи. С. 428.

В отсутствие таких заданности и предопределенности, естественно, возникает вопрос о том, что именно, какие факторы могут служить толчком, запускающим (останавливающим) процесс ускорения (замедления) общественной эволюции. В последние годы мы неоднократно слышали, что на роль таких факторов назначались *внешние воздействия* — колебания цен на нефть и зерно, мировые и региональные кризисы, резкие изменения в притоках и оттоках отечественного и зарубежного капитала. Какую-то роль эти факторы, наверное, играют. Но если они работали в одной стране и не работали в десятках других, то, видимо, суть проблемы была не в этом.

— *А в чем же?*

Именно в том, о чем мы и говорим сегодня. Это мировоззрение людей в целом в обществе и в особенности мировоззрение тех, кто оказывается у руля государственной власти.

За исключением, возможно, совершенно экстремальных вариантов тоталитарных режимов взгляды, господствующие в обществе, оказывают существенное влияние на мировоззрение лиц во власти. Опасность мировоззренческого разрыва между обществом и элитами на всех ступенях общественной пирамиды способна эффективно блокировать необходимые решения. Знаменитая поговорка (и отговорка) советских времен «там не поймут» работала в обоих направлениях — как «снизу вверх», так и «сверху вниз».

Но все же главную роль в общественной эволюции (как ее ускорения, так и замедления) играет мировоззрение политического руководства. Принимаемые решения определяются мировоззрением тех, кто оказался на вершине государственной власти, в не меньшей степени, чем воздействием внешних факторов. Взгляды и позиции лидеров могут эффективно консервировать сложившиеся обычаи, традиции, институты, культуру, препятствуя осуществлению назревших и перезревших общественных изменений. Но их мировоззрение может оказываться и источником инноваций, мотором изменений, катализатором революций, — тем самым спусковым крючком, с помощью которого общество «может вырваться из исторической колеи».

В аналогичных и даже одних и тех же обстоятельствах люди, имеющие разные мировоззрения, придерживающиеся разных взглядов, следующие разным поведенческим кодексам, поступают по-разному. Часто можно услышать: «любой на его месте сделал бы так же». Жизнь показывает, что это не так. Любой другой на месте Ельцина *так* бы не сделал. То, что сделал Ельцин, и так, как сделал Ельцин, мог сделать только Борис Ельцин. И любой другой на месте Гайдара так бы, как Гайдар, не сделал. То, что сделал, и так, как сделал Гайдар, мог сделать только Гайдар. Другой сделал бы по-другому. Григорий Явлинский, стань он во главе российских реформ, сделал бы по-другому. Борис Федоров, когда он оказался на месте Гайдара, не только мог, но и сделал по-другому. Владимир Путин, занявшийся реформами, сделал их по-своему. Будь на месте Бориса Ельцина кто-то дру-

гой — Николай Рыжков, Иван Полозков или кто-то еще, их решения были бы иными. Это означает, что роль мировоззрения, роль персонального поведенческого кодекса, роль личности, принимающей решения, и в обычной ситуации и тем более на поворотных моментах истории, оказывается ключевой.

— *С учетом того, что Вы сказали о значении мировоззрения людей, находившихся у руля государственной власти, как бы Вы оценили их вклад в то, что в первой части нашего разговора Вы назвали Большим переходом к свободе?*

28. Большой переход к свободе: роль личностей

Напомню, что Большой переход к свободному обществу подразумевал осуществление трансформации (по крайней мере, по представлениям двадцатилетней давности) в трех основных сферах: в экономике, в национально-государственном устройстве, в политической системе.

В *сфере экономики* процесс хозяйственной либерализации был начат М. Горбачевым с принятием в 1986 — 1990 годах пакета законов — об индивидуальной трудовой деятельности, о государственном предприятии, о кооперации, о банках и банковской деятельности, а также ряда постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР, в том числе о совместных предприятиях, о переводе предприятий на хозрасчет и т. д. В то же время бюджетная политика администрации М. Горбачева вела к разрушению финансовой сбалансированности. Деятельность российских властей под руководством Б. Ельцина в 1990 — 1991 годах эту финансовую дисбалансированность лишь усилила. Действия правительства Е. Гайдара в 1991 — 1992 годах ее дополнительно усугубили и привели к новому уровню финансовой дестабилизации, хотя и сопровождалась рядом мер по экономической либерализации. Макроэкономическая стабилизация была в конце концов обеспечена в результате серии шагов, проведенных в 1993 — 1999 годах усилиями прежде всего Б. Федорова, а также А. Чубайса и Е. Примакова. Большой блок экономических реформ либерализационного и структурного характера был осуществлен в 2000 — 2002 годах под руководством В. Путина. В последующие годы действия администраций В. Путина и Д. Медведева привели к значительной деградации качества экономической политики, в особенности в отношении прав частной собственности.

В *сфере национально-государственного устройства* радикальные меры по ликвидации внешней империи (за пределами СССР) были предприняты М. Горбачевым. Однако он оказался не готов использовать принципы неприменения силы, использовавшиеся им самим по отношению к восточно-европейским странам, в отношении союзных республик. Решительные шаги по деколонизации, приведшие к роспуску СССР, были осуществлены в 1991 году Б. Ельциным. Однако он, в свою очередь, оказался не готов использовать на практике принципы, примененные им в отношении бывших союзных республик СССР, по отношению к автономиям России. В. Путин

отказался от де-юре деколонизационной идеологии и практики в отношении республик и регионов собственно России, а также всего постсоветского пространства, ряда территорий внешней империи (в Восточной Европе), некоторых клиентов бывшего СССР в Африке, Азии, Латинской Америке. Однако он существенно изменил характер имперской политики, перенес акцент с политического и идеологического контроля на использование инструментов личной унии, финансовой поддержки, информационного сопровождения, специальных мероприятий.

В сфере *политической системы* изменения революционного характера с радикальной политической либерализацией, созданием протодемократических институтов, установлением системы прямых выборов в 1986 — 1990 годах были совершены М. Горбачевым. Августовская антикоммунистическая революция 1991 года, совершенная под руководством Б. Ельцина, привела к достижению максимального уровня политической свободы в нашей стране. В результате разгона парламента в 1993 году, одобрения нового текста Конституции, декабрьских парламентских выборов 1993 года сложился полудемократический режим президентской власти, просуществовавший без значительных изменений до 1997 года. Начатая в 1998 году эрозия гражданских свобод и политических прав резко ускорилась с осени 1999 года в результате действий В. Путина и его коллег. К 2004 году основные институты частично свободной полудемократической системы были разгромлены, и в стране был установлен авторитарный политический режим.

Следует заметить, что в деятельности каждого из указанных российских лидеров можно выделить, как минимум, два этапа. На первом этапе работы каждого хотя бы по одному из направлений общественной жизни проводились меры по ее либерализации. Однако на втором этапе сфера либерализационных мероприятий существенно сужалась, затем они прекращались и начинались реставрация и деградация.

На фоне предшественников президентство Д. Медведева отличается принципиальным отсутствием этапа либерализационной деятельности в какой бы то ни было сфере.

— Какие по-Вашему ошибки были сделаны в процессе реформирования страны с точки зрения приоритетов этого реформирования?

Практика последних двадцати лет показала, что с точки зрения критериев свободного общества приоритеты общего реформирования были, судя по всему, расставлены неверно. Несмотря на всю необходимость осуществления экономических реформ, концентрация усилий власти, внимания общества и экспертов именно на них была, очевидно, ошибочной. Такой подход, конечно, не был ошибочным с точки зрения интересов политического режима — как позднесоветского, так и нового российского, пытавшихся с помощью экономических реформ и создания более эффективного экономического механизма обеспечить себе политическое выживание и успешную

адаптацию к новым условиям внешней и внутренней жизни. Такой подход был отчасти и неизбежным, потому что постоянные неудачи экономического реформирования не позволяли ни обществу, ни властям сосредоточиться на других, не менее важных, темах. Однако при всей значимости экономических реформ, очевидно, все же не они являются определяющими для долгосрочного успеха страны.

— *А что является?*

29. Власть и граждане

Главное все же заключалось и по-прежнему заключается в необходимости успешной *политической трансформации*. Лишь политические реформы способны создать политическую систему свободного общества, обеспечивающую как максимальный уровень безопасности для граждан и их собственности, так и наилучшие условия для постоянной и естественной эволюции всего общественного организма.

Долгосрочный успех страны обеспечивается не просто разовыми, пусть и весьма радикальными и масштабными, преобразованиями в экономике, социальной сфере, здравоохранении, образовании или любой другой области. Наилучшим образом успех достигается не с помощью скачков — от кризиса к краху, от многолетнего застоя к реформе, от одной реформы к другой, от революции к контрреволюции, а с помощью политических институтов, способных обеспечить необходимые преобразования *путем непрерывной эволюции*. Стратегическая задача заключается в создании институционального механизма, при котором будет снижен спрос как на «великие переломы» и «великие реформы», так и на невероятные усилия сверхъестественных героев-богатырей, народной молвой и специальной пропагандой наделяемых необычными взглядами, особыми силами и специальными полномочиями, «спасающих страну» от фиктивных и реальных напастей, преодолевающих непреодолимые обстоятельства, героически ломающих сопротивление разнообразных «отсталых» классов, групп и партий.

Такой политический механизм в нашей стране не был создан. Даже обсуждение необходимости создания такого механизма пока по сути дела не начиналось. Сколько-нибудь серьезных предложений на эту тему также не было сделано. Хотя время от времени высказывались отдельные идеи, но постоянной систематической работы в этом направлении обществом не велось. В отличие, повторюсь, от колоссального внимания к экономическим реформам.

— *А что, на Ваш взгляд, могло бы обеспечить работу такого эволюционного политического механизма?*

Одним из вариантов такого механизма могла бы стать парламентская система государственной власти. Парламентская система является, прямо

скажем, далеко не идеальной, у нее немало недостатков, по эффективности в краткосрочной перспективе она очевидно проигрывает президентской, однако в долгосрочной перспективе представляется более устойчивой и более эффективной.

Парламентская система предполагает гораздо более постоянную и более кропотливую работу большого количества специалистов, а не только относительно небольших групп экспертов, приближенных к исполнительной власти. Парламентская система невозможна без массовой работы политических партий, профсоюзов, общественных ассоциаций, средств массовой информации, она требует включения в процесс обсуждения, подготовки и принятия политических решений большого числа участников. Парламентская система способствует достижению большей политической и психологической *приемлемости* предлагаемых решений для многих членов общества.

Какими бы правильными, разумными, необходимыми ни казались или ни были на самом деле реформы, проводимые узкими группами — реформистской частью исполнительной власти, привлеченными властью экспертными группами, ими совместно, — такого рода реформы могут так и остаться чужими для значительной части граждан. Оставаясь чужеродными, они затем могут быть отторгнуты обществом, несмотря на свою кажущуюся эффективность в узкотехническом смысле. Лишь когда в политическом процессе участвует само общество, все его заинтересованные граждане, лишь тогда принимаемые решения становятся более органичными для общества, они приобретают большую устойчивость и меньшую отторгаемость.

Даже если многие реформы прошедшего двадцатилетия кажутся необходимыми, номенклатурно-бюрократический способ их проведения значительно увеличил риск их отторжения обществом. Если такой способ их осуществления мог еще рассматриваться в качестве приемлемого при проведении реформ Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II, П. Столыпина, то в настоящее время он выглядит явным анахронизмом.

Частный пример из современной жизни это лишь подтверждает. Не так давно компания РЖД на линии Москва — Петербург запустила новый скоростной поезд «Сапсан». Содержательно решение выглядело весьма привлекательно — современный построенный в Германии поезд, курсирующий с высокой скоростью между двумя столицами. Однако нововведение было внедрено таким бюрократическим способом, что были нарушены права многих людей. Ряд ранее действовавших электричек был отменен, расписание изменено, время ожидания проезда и прохода через железнодорожные пути увеличено, огромное количество людей, живущих в Московской, Тверской, Новгородской, Ленинградской областях, лишились своих традиционных прав за счет тех, кто теперь пронесится мимо них на скоростных поездах. Реакцией на новинку стало движение современных луддитов, обстреливающих поезд «Сапсан» булыжниками, ледяными глыбами, подкладывающих камни на рельсы и т. п. Так внедрение суперсовременной техники, казалось бы, расширяющей права и увеличивающей благосостоя-

ние одних граждан, сокращает права, уменьшает благосостояние, вызывает отторжение и ненависть других. Получилась готовая иллюстрация к идее технико-экономической модернизации, сопровождаемой общественно-правовой деградацией.

Парламентская система, повторюсь, не является идеальной. Однако она запускает процесс максимального вовлечения в обсуждение и принятие решений различных политических сил. В том числе и тех, кто предлагает альтернативы, оппонирует предлагаемым вариантам, отстаивает консервативные взгляды. Парламентская система включает мощные механизмы обсуждения и достижения компромиссов, союзов, сделок, договоренностей, способствует формированию национальных консенсусов по принятию тех или иных решений.

Двадцатилетний опыт перехода от коммунизма показал, что в среднесрочной перспективе наиболее успешными оказались страны, имевшие (создавшие) парламентскую систему государственной власти. В странах с президентской системой на коротких промежутках могли проводиться весьма успешные реформы, приносившие впечатляющие результаты. Однако часто они оказывались неустойчивыми, а при смене первого лица (что рано или поздно неизбежно) эти реформы оставались без необходимого институционального подкрепления.

— Мы можем только совершенно согласиться с Вами, что самый главный вопрос реформирования страны даже не был, в сущности, поставлен. То есть не была осознана центральная проблема российской истории — проблема действительного преобразования страны в иную социально-политическую реальность. Ничего не было сделано, чтобы уменьшить наш постоянный разрыв между властью и народом, совершенно не вовлеченным даже в те новации, которые порою пытаются осуществить сама власть. А она вынуждена идти на такие новации хотя бы уже потому, что ей необходимо преодолевать отставание от Запада, поскольку такое отставание угрожает существованию страны, а значит — и безопасности самой власти. Но никакая модернизация не может быть действительно радикальной и действительно вывести из алгоритма инерции, если в дело преодоления этой инерции не будет включено само общество. Несомненно, что именно это с самого начала и предопределило неуспех реформ, поскольку любые реформы заранее обречены, если приоритетом не взято участие в них народа. Кстати, осознание необходимости решения прежде всего именно этой проблемы для преодоления хронического отставания России — отнюдь не какая-то новость: проблема эта в истории российской общественной мысли давно уже поставлена, в частности, очень много сказано на эту тему и у того самого Ивана Ильина, приверженность взглядам которого так охотно и явно демонстрируют нынешние власти. Ильин (если брать его мысль в ее сути) считал, что путь от коммунизма к демократии неизбежно должен будет включить в себя какой-то период авторитарной власти, что коммунистический тоталитаризм просто по природе своей не мо-

жет сразу переродиться в демократию. Но в том-то и дело, что задачу авторитарной власти в этот переходный период Ильин как раз и видел прежде всего именно в том, чтобы заложить фундамент гражданского общества, создать инструменты демократии. Создать, воспитать демократию — вот в чем, по Ильину, главная задача посткоммунистической власти. Однако за весь более уже чем двадцатилетний период постсоветской истории России именно эта-то главная задача как раз и не ставилась по-настоящему никогда и никем. Разве что — в 1989 — 1991 годах, в горбачевскую пору, да и то, пожалуй, это происходило скорее стихийно...

Горбачев, начавший процесс реальной, хотя и ограниченной, демократизации, совершил, очевидно, самый важный — первый — шаг на пути к свободному обществу в нашей стране. В этом, несомненно, был элемент сознательного решения со стороны реформистской части руководства КПСС — в лице самого М. С. Горбачева, А. Н. Яковлева, их коллег. Для авторов этого решения в нем заключалась немалая опасность, поскольку в политический процесс неизбежно включались силы, какие реформаторами из КПСС не могли контролироваться и чьи взгляды, представления и цели существенно отличались от целей Горбачева и его команды. Столкновение интересов было неизбежно, так что развивавшийся процесс демократизации довольно быстро превратил в своего врага союзное руководство, инициировавшее этот процесс. Конфликт приобрел особый драматизм, когда власти, уже утратив демократические ресурсы для решения проявившихся конфликтов, попытались использовать вооруженную силу — «последний довод королей» — против политических сил, которые сами же и разбудили. Прежде всего — против национально-освободительных движений в республиках и демократического движения в самой России. В тоталитарных и авторитарных обществах руководство, начинающее процесс политической демократизации, нередко оказывается и его же первой жертвой.

30. Носители свободы

Наряду с реформами в сферах экономики, политической системы, национально-государственного устройства страны следует отметить еще одну область, внимание к которой в прошедшие годы, с моей точки зрения, было явно недостаточным, — это *правовые реформы*. Без существенного прогресса в этой сфере успех по продвижению к свободному обществу недостижим. Российская ситуация также осложняется тем, что даже крайне несовершенный правовой режим, унаследованный от советской эпохи, в последние годы оказался во многом разрушенным, в том числе и в результате того, какие реформы и как проводились.

Правовые реформы оказались во многом на периферии внимания и власти и общества. Хотя по частным вопросам — проекту Конституции, судам, адвокатуре, пенитенциарной системе — время от времени происходили

важные дискуссии, суть проблемы все же серьезно не затрагивалась. Корневая проблема заключается в том, что *правовое сознание свободного общества*, утверждающее *приоритетность индивидуальных прав и свобод*, необходимость их защиты всеми возможными ресурсами — и самого индивидуума, и общества, и государства, в стране существует лишь в зачаточном состоянии. Обсуждение необходимости создания и укрепления этого фундамента свободного общества было заменено и подменено обсуждением достаточно важных, но все же по сравнению с этим второстепенных вопросов — финансовой стабилизации, приватизации, экономического роста, монетизации социального обеспечения, геополитической катастрофы, удовлетворения чувства национальной гордости, модернизации и т. п. Строго говоря, каждый из этих, а также других достойных общественного внимания вопросов вполне мог и должен был бы обсуждаться не только и не столько с точки зрения их узко технической эффективности, сколько с точки зрения соблюдения расширения и защиты прав и свобод российского гражданина. Однако ничего подобного у нас пока не было.

Зачаточное состояние правосознания свободного общества затрудняет формирование устойчивого правопорядка, отсутствие которого, в свою очередь, блокирует переход к демократической политической системе. Без укорененного правового сознания в обществе в целом, принципы которого разделяются различными политическими силами, без гарантии следования базовым правовым принципам если не всех, то хотя бы большинства субъектов политического процесса, успех демократизации невозможен. Небезосновательные опасения различных политических сил, связанные с переходом к демократии, касаются возможных последствий победы их оппонентов, которая может быть использована против проигравших с целью их политического или даже физического уничтожения.

— *Да, такая практика слишком хорошо известна и из нашей истории, и из истории многих других стран. Собственно это на наших глазах разворачивается сейчас в Украине...*

Изменение культурных стереотипов, воспитание правового сознания свободного общества — это отдельная задача, требующая особых усилий. Такая задача вряд ли может быть решена за год или за два. Да и готовых рецептов по ее решению тоже нет. Можно сказать лишь одно: если уж для чего-то и можно пытаться оправдывать временное существование режима так называемого *просвещенного (правового) авторитаризма*, то, пожалуй, лишь для периода обучения, распространения, укоренения в обществе правового сознания, необходимого для будущего свободного общества.

Историческая эволюция ряда европейских стран к демократии современного типа проходила через промежуточную стадию просвещенного абсолютизма XVIII — начала XIX века: в Пруссии Фридриха II, в Австрии Марии-Терезии и Иосифа II, в Скандинавии, Испании, Португалии, Неа-

политанском королевстве. Политические режимы того времени не были демократическими. Однако в них были проведены реформы, заложившие основы правопорядка, создавшие базу *правовых государств*. Переход от неограниченного абсолютизма к просвещенному абсолютизму, ограниченному правовыми рамками, с формированием авторитарных, но правовых государств, был, судя по всему, необходимой стадией для будущего успеха демократизации, состоявшейся в этих странах столетие с лишним спустя.

Встречающееся в современной литературе противопоставление западного, в том числе англо-саксонского, варианта *демократического капитализма* восточному варианту *авторитарного капитализма* (в качестве примера обычно используется сингапурская модель Ли Куан Ю) является отчасти обоснованным, но отчасти и искусственным. Западные демократии заметно отличаются от авторитарной системы Сингапура по характеру *политического режима*. Однако и те и другая относятся к тому же типу правовой системы, характеризующейся и на Западе и на Востоке как *система верховенства права, правового порядка*.

В России задача создания правопорядка, правового государства в качестве важнейшей цели общественной трансформации не была сформулирована ни реформаторской частью КПСС, ни новыми российскими властями, ни командой экономических реформаторов. Неудивительно, что она не была решена и в практическом плане.

Возможно, первая попытка создать прототип правовой среды свободного общества была предпринята три года назад путем формирования Национальной Ассамблеи. Конечно, нынешняя Национальная Ассамблея далека от правового идеала, она не является ни органом, представляющим большинство граждан страны, ни дискуссионной площадкой, оказывающей значительное воздействие на формирование влиятельных позиций в обществе. Тем не менее она стала, кажется, первой в тысячелетней истории России попыткой заключения *правового контракта* между силами, придерживающимися различных политических и идеологических взглядов, — *пакта*, заключенного не по предложению власти, не под ее давлением, не в результате подкупа с ее стороны, а в результате добровольного *соглашения* представителей разных общественных сил.

— *Кто, какие люди, какие силы, с Вашей точки зрения, могут создать будущее свободное российское общество?*

Почему у нас не получился переход к свободному обществу, казавшийся осенью 1991 года столь реалистичным, столь возможным, столь многообещающим? Почему у нас не получилось так, как, например, получилось в Польше, Чехии, Эстонии, Литве, Грузии, многих других посткоммунистических странах?

Можно, конечно, сказать, что парламентские системы, сыгравшие большую роль, например, в Польше и Чехии, сложились в этих странах еще до

Второй мировой войны и советской оккупации, и потому этим странам было легче возвращаться к своим историческим истокам и восстанавливать действовавшие ранее политические модели. Отчасти это так. Но в той же Польше, например, в межвоенный период в течение длительного времени существовал вполне авторитарный режим Ю. Пилсудского. Однако после крушения коммунизма поляки восстановили не авторитарный президентский режим, а парламентскую демократию. Республики Балтии большую часть 1930-х годов также были авторитарными государствами. Конечно, те режимы были гораздо свободнее, чем тоталитарный Советский Союз, но монополизация власти в них тогда была весьма высокой. Тем не менее все балтийские государства после восстановления независимости в отличие от России пришли к парламентской системе. Почему?

Если политически свободные сегодня Польша, Чехия, Венгрия, даже Болгария, Румыния, Хорватия, Сербия, даже Монголия и Албания — это страны, не входившие в Советский Союз и потому имеющие иную историческую традицию, то республики Балтии провели под одной политической и правовой крышей с Россией не менее двух последних столетий лишь с коротким двадцатилетним перерывом в межвоенное время. А у Грузии перерыв оказался еще короче: он был всего лишь трехлетним. Тем не менее все эти страны сегодня политически несопоставимо свободнее, чем нынешняя Россия. Почему? Почему у нас не получилось так, как получилось у других? Почему с точки зрения политического устройства Россия, с одной стороны, и многие посткоммунистические страны, с другой, пошли разными путями?

Мне кажется, что наряду с рядом факторов, традиционно называемых в таких случаях, как: длительность коммунистического эксперимента, масштабы репрессий, конфессиональные различия, принадлежность к национальному ядру империи, «удаленность от Лондона и Брюсселя», наличие нефти и газа, — есть и еще один фактор. Это *мировоззрение лиц, пришедших к государственной власти в результате политических революций.*

Практически во всех странах, в конце концов ставших политически свободными, у руля государственной власти раньше или позже оказывались те, кто не принадлежал властной номенклатуре в коммунистическом режиме, кто был его последовательным противником в течение длительного времени, кто боролся против режима и им преследовался. Например, такие люди, как Лех Валенса, Тадеуш Мазовецкий, Яцек Куронь, Лешек Бальцерович, Вацлав Гавел, Вацлав Клаус, Март Лаар, Марью Лауристин. Многие из них, хотя и не все, были *диссидентами*. Коммунистический режим был для них неприемлем во всех своих проявлениях — не только в экономике, но и в политике, в судебной, правовой сфере. Задача совершенствования, улучшения, исправления существовавшей политической и правовой системы являлась для них абсолютно невыполнимой, в то время как цель полной замены прежнего политического режима не подлежала сомнению. Диссиденты не нуждались в разработке специальной программы политических ре-

форм. Главное ее содержание — демонтаж тоталитарной политической системы, создание правового порядка — они несли с собой. Это первое.

Во-вторых, диссиденты и правозащитники, как и некоторые другие аутсайдеры коммунистического режима, уже сами по себе были *носителями свободы*, готовыми протоэлементами политической, правовой, моральной системы будущего свободного общества. В подавляющем большинстве это были люди с высокими нравственными требованиями прежде всего к самим себе. А также к поведению власти, в том числе и той, в которой они сами оказались. Ни во время, предшествовавшее их приходу к власти, ни в период, когда они находились у ее руля, ни тогда, когда они из власти ушли, в большинстве своем они не оказались вовлеченными в какие-либо скандалы и коррупционные сделки. Иными словами, диссиденты уже сами собой представляли четкий моральный императив, демонстрировали целостный кодекс поведения, какой им во многом удалось распространить и на реформируемые и создаваемые ими государственные институты.

В отличие от них в России государственная власть осталась в руках представителей прежней государственной номенклатуры. С тем только отличием, что ее ортодоксальную, консервативную часть заменила ее реформистская фракция. Многие представители последней оказались весьма незаурядными людьми.

Борис Николаевич Ельцин был, вне всякого сомнения, выдающимся представителем когорты партийных руководителей. Среди тогдашних секретарей обкомов не оказалось никого подобного ему. Даже те, кто был затем рекрутирован им же в систему новой российской власти, показали, насколько они были несопоставимы с ним по масштабу личности.

Егор Тимурович Гайдар оказался самой яркой звездой номенклатурного экспертного и научного сообщества, работавшего во власти и на власть. По своему интеллектуальному запасу, по эрудиции, по кругозору он оказался выше любого другого его представителя.

Владимир Владимирович Путин проявил себя как один из наиболее талантливых выходцев из советских спецслужб — с редкими личными качествами, готовностью и умением быстро учиться, способностью принимать нестандартные решения и добиваться их исполнения.

Но каждый из них — и Борис Ельцин, и Егор Гайдар, и Владимир Путин — в свое время были нерядовыми членами КПСС, организации, являвшейся ядром тоталитарного режима, а В. Путин был еще и сотрудником КГБ. Каждый из них поработал на укрепление этого режима на далеко не последних постах. Все они были и остаются — талантливыми, способными, выдающимися, — но представителями прежней советской номенклатуры. Все они по своему мировоззрению принципиально отличались и отличаются от Леха Валенсы, Вацлава Гавела, Марта Лаара. Лидеры российской трансформации не были ни диссидентами, ни даже аутсайдерами прежней государственной системы. Они не смогли, да, похоже, и не стремились осуществить ее полный демонтаж.

Главное отличие российского перехода последних двух десятилетий от аналогов в странах, ставших политически свободными, — в отсутствии в государственной власти в нашей стране наиболее последовательных противников тоталитарного политического режима — диссидентов и правозащитников — людей, которые своей деятельностью и своим поведением могли бы заложить основы свободного общества в нашей стране. И потому главная причина неудачи российского Большого перехода к свободе заключается, очевидно, в незавершённости, а точнее — в *несовершённости* настоящей политической и нравственной революции в России.

ВОПЛОЩЕННЫЕ МИРАЖИ

Сто лет кибуцного движения

I. Дгания

Поселение Дгания имеет почетное наименование «мать кибуцев». Этот поселок на южном берегу Кинеретского озера (оно же Генисаретское, оно же Тивериадское), по водам которого Христос ходил *аки по суху*, был создан в 1910 году первыми коммунарами, положившими начало кибуцному движению.

Российский философ и социолог Виктория Чаликова, побывав в Дгании в 1990 году на международной конференции «Утопия: воображение и реальность», с восторгом описывает синь озера, берега Иордана, *людей, убежденных, что они живут в реализованной утопии, имя которой “кибуц”*.

Далее Чаликова приводит такой трогательный эпизод: *«Мукки, историк кибуцного движения, с неподражаемым юмором рассказывал нам в саду Дгании историю о горстке выходцев из России, которые пришли сюда почти сто лет назад, голые, босые, с портретом Льва Толстого и твердым решением жить хорошо и справедливо; об их спорах, ссорах, ошибках, победах, борьбе, торжестве, кризисе. Свой рассказ он закончил словами: “Только умоляю вас: не вздумайте повторить увиденное в своих странах. Это случилось в особое время, в особых обстоятельствах. Чудо не может тиражироваться”*».

В этом монологе все многозначительно: и упоминание о Льве Толстом как идеологическом источнике мировоззрения поселенцев, и заклинание не повторять сделанного в Израиле, подразумевающее некое печальное знание... Но что же это за особое время и особые обстоятельства?

Вторая алия¹ продолжалась десять лет вплоть до Первой мировой войны. Импульсом очередной волны иммиграции послужили, как и в первую алию,

¹ Алия — 1. переселение евреев в Израиль на постоянное жительство; 2. группы евреев, прибывшие в Эрец-Исраэль из какой-либо страны или в определенный про-

**Михаил
РУМЕР-
ЗАРАЕВ**

— родился в 1936 г. в Москве. Окончил Московский институт инженеров землеустройства. Автор книг «Семейное поле», «По следам Смоленского архива», «Сошествие в ад», «Одиночество власти». Проза и публицистика публиковались в журналах «22», «Дружба народов», «Звезда», «Кольцо А», «Новый мир», «Октябрь», и др. Работал в российских газетах и журналах «Век», «Московская правда», «Огонек», «Сельская жизнь», сейчас редактирует русскоязычную газету в Германии. Живет в Берлине.

погромы и прежде всего Кишиневское побоище 1903 года, своей жестокостью и попустительством властей ужаснувшее мир. Этот погром вызвал ряд взаимосвязанных последствий. Теодор Герцль, один из основателей и лидеров сионистского движения, стремясь предпринять хоть какие-то действия по спасению восточноевропейского еврейства, бросается в Россию, надеясь на встречу с императором. Дескать, не хотите обеспечить безопасность евреев, которых считаете источником революционной заразы, так помогите уговорить турецкого султана предоставить политические гарантии для еврейского заселения Палестины. Таков был смысл просьбы. Царь, конечно же, Герцля не принял, и сионистскому лидеру пришлось встречаться с тем, кого считали главным погромщиком, министром внутренних дел Плеве.

Чувствуя зыбкость всей этой своей политической конструкции, Герцль вскоре поддерживает на сионистском конгрессе угандийский проект². Русские сионисты яростно протестуют, происходит раскол движения. Но пока на конгрессе кипят страсти, стучат колеса поездов, увозящих евреев к морским портам, откуда для большинства — путь за океан, в Новый свет, а для меньшинства — в землю обетованную.

Между 1904 и 1914 годами в Палестину приехало более 40 тысяч человек. Сколько из них уехало обратно, не выдержав безработицы, жары, неприкаянности, полуголодного существования, сказать трудно. Среди оставшихся было немало молодых людей, пропитанных духом сионизма. Некоторые из них с молоком матери впитали эти идеи. Так у Давида Бен-Гуриона и Берла Кацнельсона отцы были убежденными палестинофилами. И то, что не свершили отцы, не решившиеся оставить родные местечки, сделали дети, влекомые романтической идеей и не вполне представлявшие, что ждет их на земле обетованной.

Первые шаги этих двух молодых людей, приехавших в Палестину с интервалом в три года, были характерны для многих их сверстников. Оба дети польско-белорусских местечек, проникнутые не только сионистскими, но

межутков времени, — например, германская алия, пятая алия. Первая алия длилась с 1882-го по 1903 год, вторая — с 1904-го по 1914-й, третья — с 1919-го по 1923-й (Источник — «Электронная еврейская энциклопедия»).

² *Угандийский проект* — планы создания еврейского автономного государственно-образовательного образования не на территории Палестины, а в Африке, в Уганде, разрабатывались в руководящих сионистских кругах в самом начале XX века. Как это ни парадоксально, инициатива исходила от идеолога политического сионизма Теодора Герцля, посвятившего значительную часть своей жизни идее создания еврейского государства на исторической родине — в Палестине. Не отказываясь от своей программы образования еврейского национального очага в Палестине, он предложил создать независимое еврейское поселение на Кипре или на Синайском полуострове, в Эль-Ариши, находившихся под британским протекторатом в непосредственной близости от Палестины. Однако египетское правительство отвергло этот проект, ссылаясь на невозможность выделить воды Нила для ирригационных нужд населения (Источник — Яков Этингер. «Израиль на неисторической родине»).

и социалистическими идеалами, оба убежденные сторонники земледельческого труда, который, по их мнению, преобразует личность, они испытали шок уже на набережной Яффо, увидев многочисленные лавочки, у которых сидели нищие торговцы-евреи. *«Это еще хуже, чем в Плонске, — писал Бен-Гурион, имея в виду родной городок. — И это не Эрец Исраэль³».*

Это как раз и был Эрец-Исраэль, но только реальный — нищая заброшенная окраина турецкой империи, оказавшаяся столь не похожей на объект романтических мечтаний пылких революционеров из местечка. Такой эту землю видели первопроходцы первой алии четверть века назад, такой она представилась и молодым сионистам второй алии. Но колонисты 1880-х годов за эти четверть века превратились в зажиточных плантаторов, использовавших дешевый арабский труд и крайне неохотно нанимавших своих земляков. И одной из первых кампаний, которую проводили только что созданные ячейки Поалей-Цион — партии социалистов-сионистов, — была борьба за трудоустройство евреев, то есть за вытеснение батраков-арабов.

Бен-Гурион (впрочем, он тогда носил свое родовое имя — Давид Грин) первое время тоже батрачил, переезжая с места на место, когда кончалась работа. Правда, через год Давид перебрался в сельскохозяйственное поселение Седжера в Галилее, ставшее одним из первых прототипов будущих кибуцев: и земля, и весь инвентарь, и полученный урожай были общей собственностью всех поселенцев. *«Здесь обрел я тот Эрец-Исраэль, о котором мечтал, — писал родным будущий премьер-министр. — Нет больше торговцев, маклеров, наемных рабочих, бездельников, живущих чужим трудом. Все жители села работают и пользуются плодами рук своих. Мужчины пахут, боронуют и засевают землю. Женщины работают на огороде и доят коров. Дети пасут гусей, верхом на конях скачут к родителям в поле. Это сельские жители с загорелыми лицами, от них пахнет полем и навозом. Просыпаюсь в половине пятого утра и целый день паху».*

Судя по письмам, он был счастлив. И каким же зарядом самовнушения, каким запасом идеализма надо было обладать этому низкорослому, физически слабому двадцатилетнему парню, чтобы испытывать ощущение счастья в тяжелейших и столь непривычных условиях! Берл Кацнельсон, готовя себя к алии, еще в родном Бобруйске стал работать подмастерьем у жестянщика, слесарем, кузнецом, приходя порой в отчаяние от нехватки навыка и сноровки к физическому труду.

Но и Давид, и Берл были молодыми людьми. А каково же приходилось Аарону Давиду Гордону, совершившему алию в почти пятидесятилетнем возрасте и пережившему все, что испытывали многие другие новоприбывшие: малярию, голод, безработицу и даже тяжелое ранение во время нападения арабов. Он работал с мотыгой в поле, трудился на виноградниках и апельсиновых плантациях, упорно отказываясь от должности служащего, которую при своем широком образовании и знании европейских языков вполне мог

³ *Эрец-Исраэль* — буквально «Земля Израиля».

получить. Это было принципиально важно для него, человека, ставшего духовным вождем и идеологом халуцианского движения⁴, у кого личный образ жизни не расходился с проповедуемым учением. Собственно, уже участники первой алии исповедовали народническую идеологию возврата к продуктивному крестьянскому труду. Впрочем, в условиях рынка и под влиянием борьбы за существование эта идеология у первопоселенцев 1880-х годов понемногу вырождалась. Превращаясь в состоятельных плантаторов, использовавших наемный труд феллахов, они давали пример классического столкновения утопических мечтаний с жестокой действительностью.

Гордон же был противником частной собственности на землю и средства производства и при этом отвергал марксизм, в котором видел городское индустриальное начало. Не общество надо совершенствовать, к чему стремится марксизм, а человеческую личность, возвращаясь к естественному изначальному ее существованию, к изначальным религиозным догмам. Под влиянием Толстого и библейских мыслителей Аарон Давид Гордон создал некий религиозный анархизм, своего рода религию труда, и прежде всего земледельческого труда, как наиболее близкого к природе и к истокам человеческого бытия. Только земледелие обеспечивает органическую связь человека с природой и заполняет пропасть, которая образовалась между личностью и миром в эпоху машинной цивилизации. Гордон видел в физическом труде на земле средство интуитивного постижения Бога. Совместная трудовая жизнь людей — вот путь исправления общества. И трагедия еврейского народа, считал Гордон, заключается не только в рассеянии и преследованиях, а и в том, что в силу сложившихся исторических обстоятельств евреи оказались оторванными от производительного земледельческого труда.

Эта возвышенная утопическая философия, впитавшая в себя и толстовство, и взгляды французских физиократов, и учение американского мыслителя Генри Торо, воодушевляла представителей второй алии. Личность Гордона, его обаяние, его аскетизм пророка, весь образ его жизни, как и статьи, которые он публиковал в журнале «Молодой рабочий» (когда он умудрялся их писать, весь день вкалывая в поле?!), оказывали большое влияние на сионистскую молодежь. Влияние это оказалось настолько велико, что созданное сразу же после его смерти в 1922 году всемирное молодежное движение, сыгравшее немалую роль в создании кибуцев, в честь своего идейного вождя было названо «Гордония».

Как начиналось кибуцное движение? После смерти Герцля (1860–1904), в мировом сионистском движении произошел пересмотр его стратегии. Все большее влияние приобретал так называемый практический сионизм, сторонники которого настаивали на ускоренной колонизации Палестины евреями еще до получения от турецкого правительства чартера — юридического права на заселение. Для руководства поселенческой деятельностью в

⁴ *Халуцим* — буквально пионеры, первопроходцы.

Яффе было создано Палестинское бюро по приобретению и освоению новых земель, во главе которого стал германский экономист и социолог Артур Руппин. Именно к нему обратилась группа молодых людей — десять юношей и две девушки, приехавших из украинского города Ромны, до поры до времени батрачивших у колонистов Хадеры и живших коммуной, — с просьбой дать им землю для коллективного труда.

Будучи человеком зрелым и житейски опытным, Руппин тем не менее поверил им, сдал в аренду землю, принадлежавшую Еврейскому национальному фонду, и снабдил ребят сельскохозяйственными орудиями. Эти украинские выходцы назвали свое поселение Дгания, что означает на иврите злак или злаки. Ведь они собирались выращивать пшеницу и другие злаки. Трудиться на святой земле, выращивать на ней злаки и жить сообща — вот все, чего они хотели, о чем мечтали в своих Ромнах.

Почему они жили коммуной? Конечно, это соответствовало их социалистическому идеалу, их представлениям о равенстве и коллективизме, но и другое обстоятельство играло немаловажную роль в их выборе: сообще было легче выжить, легче прокормиться, перенести жару и малярию, набеги арабов и мучительное чувство неуверенности в завтрашнем дне. И многие годы спустя, когда начатое ими движение разовьется, станет одной из фундаментальных особенностей израильской жизни, в кибуце будут по-прежнему укрываться от тягот, проблем окружающей жизни, подчиняя индивидуальную свободу со всеми ее страхами и заботами коллективистскому идеалу и монастырской дисциплине.

Но все это потом, потом... А пока эти двенадцать ребят строят свое первое барачное жилье, сеют пшеницу, вырабатывают принципы коммунального труда и общежития. Как организовать охрану от бедуинских набегов? Должны ли женщины работать наравне с мужчинами в поле или их место в коровнике и на кухне? А что делать с детьми? Жить ли им вместе с родителями или они должны быть отданы на общественное попечение, в детский сад? Шмуэль Даян сгоряча предложил самое радикальное решение проблемы — в течение пяти ближайших лет воздержаться от заключения браков и, стало быть, от деторождения. Но сам же одним из первых забыл об этом предложении, в результате чего Израиль получил своего полководца.

Эти первые шаги, споры, мечты и надежды давным-давно ушли в историю государства, стали ее неотъемлемой частью, предметом изучения школьников. Сейчас Дгания — развитой современный поселок под названием Дгания Алеф, в отличие от расположенного рядом на выделенных первопроходцами землях другого поселения — Дгания Бет.

Здесь живут совсем по другим законам, чем вырабатывались теми двенадцатью идеалистами из города Ромны. И занятия в кибуце другие. Пшеницу давно не выращивают. Невыгодно. Выгоднее производство фиников. Но и на финиковых плантациях работают гастарбайтеры из Восточной Европы. Где там идеи Гордона о том, что сельскохозяйственный труд очищает душу! Очищать он, может, и очищает, но выгоду не всегда приносит.

Кроме финиковых плантаций здесь еще и завод по производству деталей бурильных установок. Некоторые же члены кибуца вообще предпочитают работать на стороне — программистами, инженерами и Бог знает кем еще. Конечно, зарплату они перечисляют в кассу «Дгании». Из этой общей кассы оплачивается питание членов кибуца, содержание квартиры или дома, детский сад, прачечная и химчистка, медицинское обслуживание, спорт, культурные мероприятия, туристические путевки. Оттуда же идут денежные выплаты, размер которых зависит от продолжительности пребывания в коммуналке. Не обязательной стала и совместная трапеза, которой отцы-основатели движения придавали своего рода религиозное значение. Ужинают жители Дгании, как правило, дома, в кругу семьи. Завтракают и обедают, если хотя бы в общей столовой.

Для обитателей кибуца, судя по всему, так жить лучше, практичнее, чем в реалиях обычной израильской действительности. Вмешательство коллектива в личную жизнь минимально, уровень удобств и освобождения от бытовых забот довольно высок. В сущности, перед нами типичная ситуация приспособления утопического проекта к требованиям реальной жизни и человеческой природы, трансформации высокой коммунальной, можно даже сказать, коммунистической идеи в кооперативную капиталистическую практику. Но путь этой трансформации был не так прост, и проследить его важно для наших социально-исторических штудий.

II. Первопроходцы

Кибуцная эпопея теснейшим образом связана не только с историей ишува⁵, а затем и Государства Израиль, но и с этапами жизни мирового еврейства, извергавшего по мере прихода сотрясавших его катаклизмов иммигрантские потоки в Эрец Исраэль.

«Нам нужно создать поколение, у которого не было бы ни интересов, ни привычек. Просто кусок железа. Гибкого — но железа. Металл, из которого можно выковать все, что только понадобится для национальной машины. Не хватает колеса? Я — колесо. Гвоздя, винта, блока? Берите меня. Надо рыть землю? Рою. Надо стрелять, идти в солдаты? Иду. Полиция? Врачи? Юристы? Учителя? Водоносы? Пожалуйста, я за всё. У меня нет лица, нет психологии, нет чувств, даже нет имени: я — чистая идея служения, готов на все, ни с чем не связан; знаю только один императив: строить.

— Таких людей нет, — сказал я.

— Будут».

Этот диалог вели летом 1916 года в тесной эмигрантской камерке в Лондоне два интеллигентных русских еврея, два ровесника (обоим по тридцать шесть). Одному суждено было стать сионистским лидером, преемни-

⁵ *Ишув* — буквально «заселенное место», «население», также «заселение», собирательное название еврейского населения Эрец Исраэль.

ки которого находятся у власти в современном Израиле, а другому — стать национальным героем этой страны, ее символом и легендой. Одного звали Зеев Жаботинский, а другого — Иосиф Трумпельдор.

Жаботинский приводит в своих воспоминаниях этот разговор для того, чтобы пояснить, какой смысл его собеседник вкладывал в понятие халуцианство. *«Он и сам был такой: юрист, солдат, батрак на ферме, — пишет далее Жаботинский. — Даже в Тель-Хай он забрел искать полевой работы, нашел смерть от ружейной пули, сказал “эн давар” (“Ничего”, “не беда”, “сойдет”) и умер бессмертным».*

В этих мемуарных строчках — квинтэссенция эпоса о Трумпельдоре, занимающего немаловажное место в истории государства израильского, все его героическое житие — российского воина, предпочевшего эту стезю мирному зубоприветанию, потерявшего на русско-японской руку и получившего там полный бант георгиевских крестов и офицерские погоны, а потом по окончании петербургского юрфака уехавшего в Палестину работать в Дгании. Затем — создание «еврейского корпуса погонщиков мулов» — транспортного отряда, которым он командовал на Первой мировой на стороне англичан, лидерство в халуцианском движении в России во время революции и снова Палестина, где он и погибает в бою с арабами при защите поселения Тель-Хай. Дальше легенда: умирая от пули в живот, он сказал: «Как сладко умереть за родину». Правда, некоторые демифологизаторы считают, что, слабо владея ивритом, он вряд ли бы сконструировал такую фразу — в смертный-то час. Уж скорее крепко бы выругался на родном русском солдатском языке. Может, так, а может, и не так. Хорошо знавший его Жаботинский уверяет, что он никогда не матерился.

Но нам важна его халуцианская идея, выраженная в приведенном Жаботинским утопическом пассаже, производящем жутковатое впечатление на носителя либерального сознания. Этот культ чистого служения идее, готовность на все — на любые занятия и действия, отречение от индивидуальных склонностей, растворение личности в общем деле — разве это не апология фанатизма, рождающего, в конечном счете, революции и тоталитарные режимы? Но Трумпельдор и был апологет сионистской революции, одержимый двумя ее проявлениями — кибуцианской коммунистической формой общегития и созданием боевых отрядов, защищающих от погромов, будь-то российских — в диаспоре — или арабских — в Эрец Исраэль. И вся его недолгая сорокалетняя жизнь солдата и кибуцника была подчинена достижению этих двух целей.

Еще в юности, в Ростове-на-Дону, на него огромное впечатление произвела толстовская коммуна, существовавшая неподалеку от города. Годы спустя, учась в Петербургском университете, он собирал студентов-единомышленников, готовых участвовать в создании сельскохозяйственных коммун в Палестине. Все повторялось: так же за тридцать лет перед тем билуицы собирали народ для отъезда на Святую землю. И в первый свой приезд туда Трумпельдор вступил в Дганию, а затем организовывал охрану поселений в Нижней Галилее.

Но он был не из тех, кому суждено мирно работать на полях. Вся его жизнь — сплошные скитания коммивояжера сионистской революции. Он и в Россию весной 1917 года отправился, полагая, что ему удастся сколотить там еврейский полк, который отправят на Кавказ или на фронт в Персию, а уж оттуда нетрудно добраться до Палестины. Такой вот экзотический план. И как романтично это выглядело в его воображении. *«Очень может быть, через месяц получим разрешение, — писал он в июне 1917 года из Петрограда, — а там через два или три — уже на фронте, и знамена русской революции, красные, и знамена еврейского возрождения, бело-голубые, — будут развеиваться над нашими головами».*

Ничего не получится как из этого проекта, так и из другого — создать отряд еврейской самообороны от погромов.

После октября Трумпельдор с головой уходит в халуцианское движение, которое в виде сформировавшихся групп студентов и рабочих существует в разных городах страны, и становится его фактическим лидером. Отстаивая надпартийный, внеполитический характер движения, он организует центры сельскохозяйственной подготовки, кружки изучения иврита, группы самообороны, проводит конференции, пишет брошюры. И все это в условиях гражданской войны, разрухи, транспортного коллапса.

В конце 19-го года Трумпельдор приезжает в Палестину, где призывает к преодолению межпартийных дразг, раздирающих рабочее движение. Его воззвание «К рабочим Эрец Исраэль» написано в возвышенно-экстатическом духе: *«Русское еврейство выкорчевывается с насиженных мест, массы евреев ждут с котомками за плечами, когда распахнутся ворота Страны. Они стоят на распутье, исполненные горя и надежд... Нам будет зачтена за грех минута опоздания. Постарайтесь же выкарабкаться из болота партийности... Помогите стоящим на пороге Страны вступить в нее! Спасите их!»*

Четыре месяца спустя он погибнет от арабской пули.

Во взбаламученном море, которое представляла собой Восточная Европа времен Первой мировой войны, явственна была и волна, которая накачивала на еврейскую диаспору. Она несла с собой переселения обитателей местечек из полосы военных действий, революционное брожение и гражданскую войну на территории Российской империи, погромы и разорение. И в это же время за пять дней до залпов «Авроры», возвестивших о начале большевистского переворота, 2 ноября 1917 года британский министр иностранных дел лорд Бальфур подписывает свою знаменитую декларацию, которая положила начало осуществлению мечты Герцля — юридической защите еврейского национального очага на земле Палестины.

С классической английской торжественностью и велеречивостью в декларации говорится: *«Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению Национального очага для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к облегчению достижения этой цели».* И если одни дети местечка ощущали в залах «Авроры» гул надежды на счастливое будущее в

России, на полях и весях этой родины, то другие их единоплеменники жили надеждой на обретение другой исторической родины на земле Палестины.

Особенно чутко откликалась на этот вызов истории молодежь. Халуцианское движение в самых различных его политических формах охватило весь еврейский мир, но особенно сильно оно заявляло о себе в Восточной Европе — России, Прибалтике, Польше, Румынии. Это были тысячи молодежных сионистских кружков и объединений, действовавших под знаменем того или иного духовного лидера — Трумпельдора, Гордона, Жаботинского.

Какими виделись истоки халуцианского процесса? В конце 1980-х годов 72-летняя женщина, доживая свой век в кибуце Афиким, что в переводе с иврита означает «речные протоки», пишет воспоминания о детстве и юности, проходившие в 30-е годы в Таллине.

Представьте себе семью владельца известного в городе магазина деликатесов, отца трех дочерей, младшая из которых Сима и есть автор этих воспоминаний. Магази́нщик — ассимилированный еврей, в синагогу ходит только по большим праздникам, еврейский Новый год справляет в соответствии с обрядом, но вместе с тем на Рождество у него дома наряжают елку.

Палестина — для него не пустой звук. На его письменном столе стоит голубая коробочка-копилка с надписью «Еврейский национальный фонд», куда постоянно опускают мелочь. Когда копилка наполняется, приходит молодой человек — представитель фонда — и опорожняет ее, оставляя на память цветную пропагандистскую открытку, на которой еврейский крестьянин идет за плугом по пашне. Девочке объясняют, что на собираемые в таких голубых коробочках деньги в Палестине покупают землю — с тем, чтобы евреи могли когда-нибудь туда приехать.

Сима учится в еврейской школе. Как-то на перемене она видит парня, окруженного плотным кольцом старшекласников. Она узнает, что зовут его Лесик Гольдберг, что приехал он из Палестины, из кибуца. Он охотно отвечает на расспросы о тамошней жизни, рассказывая об осушении болот, о садах, плодоносящих в пустыне, об алии — приезде молодежи из разных стран. Это уже не открытка с пахарем, которую девочка видит дома, это живой и волнующий ее рассказ о грядущем воссоздании государства, затрагивающий романтические струны юного воображения.

По окончании школы Сима вместе с десятком таких же пылких молодых людей создает кибуц-хахшара — группу по подготовке к алии, действующую под эгидой молодежной халуцианской организации. Прежде чем получить сертификат на право въезда в Палестину, надо у себя на родине два года поработать на простых и тяжелых работах. Летом ребята за еду и жилье нанимаются к крестьянам на хутора — учатся ухаживать за скотом, косить, пахать, а зимой, сняв сообща общую трехкомнатную квартиру в городе, устраиваются на разные производства: парни на лесопилку, девушки на фабрики. Платят им плохо, мало, так что едва хватает на еду. Симу вскоре увольняют из мастерской по окраске тканей, она подрабатывает колкой дров во дворах, однако не сдается и не только не берет из дома ни копейки, но, проникнувшись

коллективистским мироощущением, во время нечастых визитов к родителям категорически отказывается там есть и пить. Как же это — разделять богатую буржуазную трапезу, когда ребята в кибуце сидят полуголодные!

Весной 1936 года двадцатилетняя Сима уехала со всей своей группой в Палестину. Она уже больше никогда не увидела ни родителей, ни сестер, сгоревших в пламени Холокоста. Вся ее жизнь прошла в кибуце Афиким.

В этой достаточно типичной для молодежи ишува истории загадочным остается импульс поступков ее героини. Что заставило девочку из состоятельной еврейской семьи, которой совсем неплохо жилось на родине, бросить спокойную сытую жизнь с перспективой благополучного замужества и устремиться за море, в чужую, далекую, жаркую страну, где ее не ждало ничего, кроме тяжелого физического труда? Что здесь играло роль: охота к перемене мест, романтический настрой, социалистический идеал, помноженный на национальную мечту? Трудно ответить на эти вопросы.

III. Рабочий батальон

Они пробирались по дорогам Европы, сотрясаемой Первой мировой и гражданской войнами, революциями, бунтами, погромами, плыли на утлых судах через Черное, Средиземное моря, стремясь к своей цели, своей земле, как рыба идет к нерестилищу через реки и моря, движимая могучим биологическим инстинктом. Они шли, вырываясь из прошлой — жестокой и страшной — жизни, к новой, которая казалась им обетованной, как сама земля, обещанная Богом их предкам.

Шли по одиночке или небольшими земляческими группами из разных краев России, Украины, Польши. Кто-то добирался в Палестину через Турцию, а некоторые даже через Японию.

Группа халучим из Крыма сумела из Тавриды попасть в Ливан, договориться там с местными контрабандистами и выйти в Средиземное море на рыбацком суденышке. После нескольких дней дрейфа они оказались накопец в Хайфе.

Из двух старых пароходов «Руслан» и «Екатерина», обеспечивавших до войны регулярное морское сообщение между Одессой и Яфпой и перевозивших, в основном, богомольцев, навешавших Святую землю, сохранился лишь «Руслан», но и тот прекратил регулярные рейсы. И вдруг в конце декабря 1919 года он приплыл в Яффу. На его борту оказалось 670 иммигрантов.

Это был груз столь же ценный, как и у другого парохода, совершившего три года спустя рейс из Петрограда в Штетин и получившего в истории России название «философского». Врачи и архитекторы, поэты и художники — цвет еврейской интеллигенции, — те, кому суждено определять интеллектуальную жизнь Израиля, — были среди пассажиров «Руслана».

Воспользовавшись кратким периодом французской оккупации, пароход вышел из Одессы и плыл больше месяца, заходя то в турецкие, то в греческие порты, чтобы дать пассажирам помыться в бане (с водой на судне были

проблемы), отдохнуть от мучительного плавания, чтобы затем в просторном трюме они снова могли предаться любимому занятию — политическим диспутам. В яфский порт пароход вошел под двумя флагами — бело-голубым сионистским и красным социалистическим.

Приход «Руслана» ознаменовал начало третьей алии, за четыре года которой в еврейскую общину Палестины влилось около 35 тысяч новоприбывших, более половины которых иммигрировали из России и треть — из Польши. За эти четыре года число кибуцев увеличилось с тридцати до шестидесяти шести, а их население возросло в пять раз — с 450 до 2800 человек.

Это была в основном молодежь, отличавшаяся от иммигрантов первой и второй волны. Многие воспитывались в кружках различных сионистско-социалистических течений, широко распространившихся в диаспоре, — Хашомер Хацаир («Юный страж»), Хе Халуц, Гордония. Молодые люди приобретали там опыт коллективного общежития, осваивали иврит, обучались приемам сельскохозяйственного труда и к тому же были более идеологизированы, чем их предшественники, чувствуя себя детьми одной революции, готовыми к свершению другой — сионистской.

Довольно туманный и осторожный текст декларации Бальфура, где говорилось о благосклонном отношении Великобритании к сионистскому движению, пробуждал надежды на близкое воплощение идеи Герцля. Но молодежь третьей алии шла дальше, она мечтала о превращении Палестины в одну большую коммуну и готова была на многое ради исполнения этой мечты. Приведенный выше монолог Трумпельдора о поколении, готовом на все, полностью подчинившем себя чистой идее служения, знающем лишь одну цель — строить, казалось, обретает реальность.

Собственно, Трумпельдору и принадлежала мысль о создании трудового легиона, или, как его еще называли, Рабочего батальона (Глуд ха-Авода), для обустройства Палестины и подготовки почвы для массовой иммиграции. И такой батальон в виде рабочей коммуны был создан последователями Трумпельдора через несколько месяцев после его гибели. Создатели батальона так и обозначали свою цель — *«строительство страны посредством создания всеобщей коммуны трудящихся»*, что звучало отголоском коммунистических экспериментов, которые в том же 1920 году апробировались на их далекой российской родине.

Но как же это — строить всеобщую коммуну трудящихся? В России для подобных экспериментов у большевиков была и политическая власть, и армия, и ЧК, и измученный гражданской войной, послушный кнуту и прянику народ. Здесь же власть переходила от турок к англичанам, взявшим под свой мандат, сиречь под свое управление, эту разоренную страну, потерявшую за годы войны даже то, что ишув сумел создать в предвоенные годы. Экспорт фруктов и вина из поселений первой волны прекратился, банк сионистов закрылся, строительные фонды исчерпались, цены на продовольствие и предметы первой необходимости бешено выросли... И главное, что особенно мучило, — безработица.

Помощь пришла от британской администрации, которая решила покончить с бездорожьем в подвластной ей стране. Первый свой строительный подряд на прокладку дороги вдоль западного побережья Кинеретского озера Рабочий батальон получил с помощью Пинхаса Рутенберга, который из российского эсера-террориста превратился здесь в предприимчивого бизнесмена. Получив от британских властей лицензию на производство электроэнергии с помощью вод Иордана, он добился передачи подряда на сооружение дороги не арабским строителям, а своим соотечественникам из Рабочего батальона.

Кинерет представляет собой самый низкий на земле проточный водоем. Он лежит в глубокой впадине среди выжженных солнцем гор, которые словно плавают в неподвижном воздухе. Дорога проходила по узкой полосе иссохшей земли, заросшей сорняками и колючками. Ни ветерка, ни тучки в белесом жарком небе. И враждебные арабские деревни поодаль.

Жили в палатках, питались сообща, доходы поступали в общий фонд, и во всем — абсолютное равенство: в труде, в еде, в обеспечении жизненных нужд. Технологически это была своего рода ПМК — передвижная механизированная колонна, как впоследствии называли в России строительные коллективы подобного рода. Только здесь транспортными средствами были ослы да быки, а средствами механизации — тачка да кирка.

Первоначально Рабочий батальон насчитывал восемьдесят человек и делился на роты (плугот) по десять-двенадцать человек. Такая численность считалась оптимальной для создания кибуца, который должен был быть одной большой семьей. Но за шесть лет существования через «Общую коммуну еврейских рабочих в Стране Израиля» (так еще назывался этот Рабочий батальон) прошли более двух тысяч человек. Собственно, батальон представлял собой десятки небольших отрядов, которые, в соответствии с военной терминологией, «бросались» на выполнение фронта строительных работ в разные концы страны. А когда строительство подошло к концу, эти отряды занялись заселением и освоением земель — и в первую очередь Израельской долины, где на территориях, купленных Национальным фондом, на осушенных и дренированных участках в 20-е годы возникла сеть кибуцев и кооперативных поселений — *мошавов*.

Драгоценным свидетельством того времени, свидетельством быта, психологии, ментальности создателей этих поселений может служить «Русский роман» Меира Шалева, выросшего в мошаве Нахалал, внука одного из его основателей. Эта сага о трех поколениях (жанр весьма распространенный в современной мировой литературе, где тема поиска корней становится доминирующей) начинается историей компании молодых евреев, отправившихся перед Первой мировой войной из России в Палестину и ставших там земледельцами. Повествование ведется от лица внука одного из первопоселенцев.

Книга эта, написанная столь изощренно, что ее автор приобрел славу первого писателя современной израильской литературы, и тонко перевер-

денная на русский язык Рафаилом Нудельманом и Аллой Фурман, несет в себе то же явственное ощущение корней, почвы и рода, которое мы находим у Фолкнера, представителя нации, так же сравнительно недавно заселившей свою землю, как евреи Палестину.

Мне думается, что такое ощущение реже возникает в литературе наций, живших на своей земле всегда, что там оно размыто во времени и пространстве. У евреев же, этих вечных странников, обретших, наконец, свою землю и уже проследивающих существование на ней дедов и внуков, такое чувство острее и радостнее. Россия, откуда родом отцы-основатели Нахалала, для их внуков становится легендой, мифом.

«Пинес процедил несколько слов по-русски, на который все отцы-основатели переходили, когда бормотали что-то про себя гневным и приглушенным шопотом»...

«Эти дедушкины друзья были героями бесчисленных историй моего детства. Все они, — так объяснял мне дедушка, — родились в далекой стране Украине, нелегально перешли границу и взошли в Страну много лет назад, некоторые ехали на телегах мужиков, — еще одно непонятное слово, — медленно пробираясь среди глубоких снегов и диких яблонь, вдоль скалистых берегов и соленых пустынных озер, одолевая лысые холмы и песчаные бури».

И далее в сюрреалистическом ключе — вход в сказку, в миф: *«Другие летели верхом на белых северных гусях, крылья которых были в ширину “как от конца нашего сеновала до птичника”, летели и кричали от восторга над широкими полями Украины и высоко над Черным морем. Третью произносили тайные слова, которые “вихрем переносили их” в Страну Израиля, все еще разгоряченных и с зажмуренными от страха глазами».*

В этом крохотном отрывке — словно океан в капле — проступают черты еврейской цивилизации, национального исторического сознания. «Дедушкины друзья» *взошли* в Страну — здесь не ошибка переводчика. Именно *взошли*, а не *вошли*. В Страну (это слово тоже не случайно пишется с большой буквы, Страна — извечно одна, она же — главная историческая цель — Эрец Исраэль — земля Израиля) не входят, а восходят. Репатриация в Израиль — всегда алия, что буквально означает восхождение — понятие многозначное, многослойное. Тут и древний географический смысл: гористая Палестина, куда в библейские времена переселялись из Египта и Вавилонии, топографически лежала выше этих стран. Но и духовный смысл — возвращение из диаспоры в Святую землю. В еврейской традиции — это возрождение моральное, духовное.

А «тайное слово», которое вихрем переносит человека в Страну, — здесь аллюзия на магическую сущность каббалы, на сотворение чудес неизреченным именем Бога, на ритуалы, граничащие с волшебством, которые сохранились и в канонах современного иудаизма.

Библейские ассоциации, скрытые цитаты из Торы, которыми пересыпают свою речь герои романа, соседствуют с терминологией социалистических движений. Кстати Движение в книге тоже с большой буквы. Это оби-

ходное название израильского рабочего движения — разветвленной системы сионистских рабочих партий, молодежных группировок, — которое монополизировало общественную жизнь ишува.

Собрания деревенского комитета, споры, обвинения в политическом уклонизме, в предпочтении личных благ интересам коллектива — обо всем этом Шалев пишет со смесью ностальгического умиления и иронии. Когда владелец решил продать на колбасу свою корову Хагит, некогда бывшую рекордсменкой Страны по надою и жирности молока, местный самостоятельный историк поднял скандал в деревенском комитете, заявив, что это неуважительное отношение к *«нашему преданному товарищу Хагит»*. Комитет передал дряхлую корову ему, и историк *«в тот же день угостил “преданного товарища Хагит” солидной порцией крысиного яда и с помощью ветеринара превратил ее в чучело»*.

Весь роман пропитан густой ментальной смесью, формирующей сознание израильтянина XX века. Но вернемся, однако, к Рабочему батальону.

Одним из его создателей и руководителей был Менахем Элькинд — человек причудливой и трагической судьбы. Это он с группой своих земляков дрейфовал в рыбацкой лодке по Средиземному морю, пробираясь из Крыма в Хайфу. В Крыму он во время гражданской войны познакомился с Трумпельдором, пленился образом и идеями этого человека и, в конце концов, следуя заветам своего учителя и пророка, совершил алию. Именно Элькинд и стал инициатором собрания памяти Трумпельдора, на котором по его заветам был создан Гдуд ха-Авода, Рабочий батальон.

Разумеется, этот крымчак (так называли в Палестине халуцим из Тавриды) был не единственным лидером «коммуны еврейских рабочих». Уж чего-чего, а ярких личностей в этом движении хватало. Взять хотя бы семейство братьев Шохат, каждый из членов которого имел позади большой и трудный путь политических исканий.

Жена одного из братьев Маня Вильбушевич-Шохат ко времени создания батальона испытала столько головокружительных приключений, что их хватило бы на авантюрный роман. Она и просвещением российских рабочих занималась вместе со знаменитым эсером Григорием Гершуни, и бундовские кружки создавала, и на деньги Ротшильда закупала оружие для еврейской самообороны во время революции пятого года, и, наконец, очаровалась проповедью жандармского полковника Зубатова, который убедил ее создать партию еврейских рабочих, защищающую исключительно их профессиональные интересы. С той же страстью она вместе с мужем Исраэлем Шохатом отстаивала идеологию Рабочего батальона.

Вместе с Шохатами в это движение включилась группа земледельцев, уже имевших опыт коллективной жизни в Палестине, во главе со Шломо Лави и Ицхаком Табенкиным, руководителями только что созданной рабочей партии Ахдут ха-Авода. Они ратовали за хозяйственную автономию отдельных рот батальона и создание на их основе аграрных кибуцев.

Собственно, уже в сочетании столь разнородных личностей, за которыми стояли разнородные политические программы, таилась опасность раскола. Элькинд стремился к превращению батальона в партию коммунистического типа: коли уж коммуна, то и идеология должна быть коммунистической. Табенкин и Лави полагали, что коммунистические отношения должны быть внутри кибуца, в отношениях же с другими кибуцами и внешним миром — рыночные. В результате Гдуд ха-Авода раскололся на правое и левое крыло. Правое начало создавать кибуцы в Изреельской долине, а руководитель левых Менахем Элькинд с делегацией своих сторонников в 1926 году отправился в Москву.

Там его приняли с распростертыми объятьями. В Коминтерне перед «группой товарищей», которые готовы были представлять советские интересы в Палестине, поставили четкие задачи: вести борьбу с социалистами, привлечь к политической борьбе арабов, прикрывать находящуюся в подполье коммунистическую партию и содействовать вхождению коммунистов в разные влиятельные организации. Программа была обширная, но только осуществлять ее оказалось невозможным, так как по возвращении в Палестину «шпионов Коминтерна» ждала в Гдуде форменная травля: их лишали общественного жилья и медицинской помощи, перекрывали воду, били детей в школах. Жить стало невозможно, а тут еще экономический кризис, который нанес удар по сионистскому движению и заселению страны. И Элькинд со товарищи решили вернуться в Советский Союз.

Далее этот трагический сюжет, который можно было бы озаглавить «свой среди чужих, чужой среди своих», развивался по законам времени. Москву устраивал и вариант реэмиграции. Коль скоро товарищи не могут послужить делу мировой революции в Палестине, пусть своим возвращением в Советский Союз нанесут удар по сионистским настроениям, бытующим еще среди советских евреев, и продемонстрируют преимущества социализма. Первым в августе 1927 года уехал Элькинд, призывая еврейских рабочих последовать его примеру. Вскоре, в 1928 году, за ним отправилась небольшая группа его сторонников, а позже к ним присоединились самые активные члены левой фракции Гдуда, заключенные британскими властями в тюрьму как агенты Коминтерна и высланные затем из страны.

Они оказались в Крыму, откуда многие из них совершили алию восемь лет назад. Неподалеку от курортного поселка Саки, что в районе Евпатории, им выделили полуразрушенное помещичье имение, предоставили на льготных условиях денежную ссуду, дали скот, технику и даже трактор, бывший сравнительно редкой вещью в те времена. «Агроджойнт» помог построить два двухэтажных жилых дома на 32 квартиры каждый.

Их было 110 человек, что вместе с семьями составляло население изрядного сельского поселка. Конечно же, они организовали кибуц по образцу тех, что действовали в Палестине: коллективная собственность, коллективное потребление, коллективный труд. Все нужды поселенцев в еде, одежде, жилье, образовании удовлетворяла коммуна. Органом власти было общее

собрание, которое определяло политику коммуны, выбирало руководство, принимало новых членов. И дело шло, хозяйство развивалось. Ну, а местные власти — райком, райисполком, — они-то как, не стоять же им в стороне, не пускать дело на самотек?

Первый конфликт возник уже при создании кибуца. Как назвать его? Коммунары хотели дать имя на том языке, на котором они говорили, учили детей, — на иврите. Но он считался здесь языком религиозным, контрреволюционным; это там, в Палестине, подвластной британским империалистам, на нем говорят. Здесь же, в стране Советов, принят если уж не русский, то идиш — разговорный язык еврейских народных масс. Но от идишистского названия коммунары отказывались. Остановились на эсперанто, тогда модном и пока еще не осужденным высшей властью. Назвали кибуц «Войо Ново» — «Новый путь».

Кого принимать в коммуны? В коллективе опасались случайных людей, делали ставку на реэмигрантов из Палестины, имеющих опыт работы и жизни в тамошних кибуцах, а не на советских переселенцев, которые, как правило, не выдерживали испытательного срока. Районные же власти посылали именно советских евреев, настаивая на их приеме. Потом оказалось, что в «Войо Ново» пренебрегают социалистическим соревнованием, неправильно организуют труд, игнорируют указания районного руководства. Кругом идет коллективизация, создаются колхозы, 25-тысячники вроде шолоховского Давыдова несут на село классовую правду, укрепляют партийные ячейки, райкомы диктуют, когда пахать, убирать и сеять, — словом, идет нормальная советская жизнь, а тут коммуна, построенная на каких-то своих принципах, своем коллективистском самовластье...

В марте 1931 года Элькинда снимают с работы и отдают под суд за халатность. Он пару лет еще остается в Крыму, ожидая результатов расследования. Как-то все обходится, и он уезжает с семьей в Москву, где идет рабочим на подшипниковый завод и одновременно заочно учится в институте механизации сельского хозяйства. Вслед за своим лидером «Войо Ново» покидают большинство старых коммунаров, и в феврале 1934 года коммуна преобразуется в обычный колхоз.

Почти всех участников этой драмы ждала ужасная судьба. Элькинда арестовали в 37-м и вскоре расстреляли. Оба его сына погибли на фронтах Великой Отечественной. Большинство старых коммунаров разделили судьбу своего вождя — были расстреляны или замучены в сталинских лагерях. По законам того времени иная судьба их и не могла ожидать: достаточно было пребывания в зарубежном капиталистическом государстве, чтобы получить срок или «высшую меру социальной защиты» за шпионаж. Те же, кто не погибли от руки советской диктатуры, растворились в пламени Холокоста. Во времена гитлеровской оккупации все население еврейского поселка Войо Нова было живьем брошено в большой колодец, вырытый еще членами старой коммуны. В 1948 году это место, уже заселенное переселенцами из других областей Украины, стало называться село Листовое.

Единственным человеком из тех, кто уехал вслед за Элькиндо из Палестины в Крым и дожил до наших времен, была еврейская писательница Шира Григорьевна Горшман. Вся ее долгая 95-летняя жизнь прошла в переездах из Эрец Исраэль в Россию и обратно. Семнадцатилетней с мужем и новорожденной дочерью, которой через много лет суждено будет стать женой Иннокентия Смоктуновского, она уехала из Литвы в Палестину, вступила там в Рабочий батальон, работала дояркой в кибуце, а в 29-м году вместе с другими членами левой фракции Гдуд ха-Авода, уже без мужа, но с тремя детьми, отправилась в Крым и доила коров уже в «Войо Ново».

Трудно себе представить, какова была мера решительности и идеализма этой молодой женщины, которая совершала такие вояжи с малыми детьми. Ей бы погибнуть от руки немцев или своих российских чекистов, если бы не брак с художником Менделем Горшманом, который в составе группы еврейских деятелей культуры приехал в «Войо Ново» отображать счастливую жизнь еврейских переселенцев, влюбился в молодую доярку и увез ее в Москву. Там следы ее вроде бы затерялись для всевидящего гэбистского ока. В Москве поэт Лев Квитко, друживший с Горшманом, пленился выразительностью устных рассказов Ширы, уговорил ее писать и ввел в идишистскую литературу, в которой она успешно работала много лет, издавая свою прозу и входя в редколлегию журнала «Советише Геймланд».

Казалось бы, здесь можно было бы поставить точку в биографии этой незаурядной женщины. Но особый характер сказывался до конца ее жизни, обрекая на решительные поступки. В 89-м, на девятом десятке жизни, она, оставив в Москве детей и внуков, снова совершает алию, встречается в Израиле друга юности, с которым некогда работала в кибуце, выходит за него замуж и доживает в Ашкелоне до 95 лет, участвуя в литературных объединениях, издавая рассказы, общаясь с молодежью. На праздновании своего 90-летия во время выступления юношеского театра еврейской песни она пустилась в пляс, обнимая и целуя юных артистов.

Как говорится, на этой оптимистической ноте можно закончить рассказ о судьбе левой фракции Гдуд ха-Авода.

IV. Стена и башня

Проще всего было бы сопоставить судьбу членов Рабочего батальона, уехавших в Советский Союз, с жизнью оставшихся в Палестине: вот вам два мира, два Шапиро — одни погибают от чекистской или немецкой пули, а другие строят светлое будущее на своей исторической родине. Но жизнь сложнее всяких идеологических построений. Тем, кто остался, пришлось пройти через такие испытания, будущее это было оплачено ценой таких лишений и такого смертельного риска, что придти к нему смогли немногие.

Взять хотя бы первый крупный кибуц, основанный одной из рот Рабочего батальона у источника Эйн-Харод, расположенного у подножья горы Гильбоа. Место здесь было историческое, упоминающееся в Библии (впро-

чем, какое же место в Израиле не обладает библейскими аллюзиями?!). Это здесь стоял станом один из героев Книги Судей Гедеон, победивший многочисленное войско мидианитов; из этого источника, по библейскому свидетельству, локали воду, «как локает пес», триста отборных воинов Гедеона.

Трудно сказать, как выглядели те места во времена Судей, но осенью 1921 года, когда ребята из Глуда поставили свои палатки, здесь было сплошное болото. Приходилось рыть каналы, стоя по пояс в воде, и ведрами поднимать оттуда грязь, а затем ходить с тачками по полям, собирая камни. Потом пахали (благо, в хозяйстве имелись два трактора), высевали пшеницу, ячмень, кормовые травы, сажали плодовые деревья и эвкалипты. Словом, в Эйн-Харод разворачивался классический сюжет основания большинства первых киббуцев: болота, комары, малярия, предельное напряжение физических и нервных сил и бесконечные споры о том, как жить дальше, как строить коммуны.

Но болота, комары и малярия были традиционным началом жизни многих коммун того времени. Дальше здесь к мотыге и лопате присоединилась винтовка. Это в Эйн-Хароде в 30-е годы действовала уже не трудовая, а боевая «ночная рота», отражавшая нападения арабов и по ночам преследовавшая их отряды вплоть до уничтожения. Здесь во время войны за независимость дислоцировались подразделения Пальмаха — израильского спецназа. Здесь после войны проходила линия прекращения огня, и набеги из Иордании происходили до самой шестидневной войны. И недаром именно из Эйн-Харода вышел Меир Хар-Цион, знаменитый спецназовец, которого Моше Даян называл лучшим солдатом Израиля со времен Бар-Кохбы, поднявшего восстание против римлян. Боевая составляющая — от Трумпельдора до Хар-Циона — часть киббуцианской идеологии: да, мы не воевали две тысячи лет, но теперь воюем, коль скоро нам бросают вызов, и киббуцы поставляют лучших солдат.

Киббуц поставляет лучших солдат, он же дает целые поколения государственных деятелей, большинство послевоенных лидеров партий прошли школу коммунального воспитания. Киббуц кормит, киббуц воспитывает, учит, защищает... Это знает каждый израильский школьник. Ну, а теперь сдернем идеологическое покрывало с нашей темы и вернемся к повествованию, которое разворачивается в межвоенный период — в 20-е — 30-е годы.

Это было время мандата — полномочий, данных после Первой мировой войны странам-победительницам на управление колониальными владениями побежденных государств — Германии и Турции. Палестина после долгой торговли и всяких дипломатических игр досталась Англии, и британская администрация управляла ею 28 лет. И при всем маневрировании между интересами арабов и евреев, заканчивавшемся чаще всего кровавыми столкновениями, при всем сопротивлении национальным устремлениям ишсува эта власть была все же лучше, чем дряхлеющая турецкая с ее восточным менталитетом.

После четырехсот лет османского владычества, дававшего ощущение дремотного существования на дне огромной распадающейся империи, ишув оказался под державной рукой совсем иной империи — матери западной демократии, западного парламентаризма, что в конце концов предопределило положение будущего еврейского государства как форпоста западного мира на арабском востоке.

Волны четвертой, польской, и пятой, германской, алий накатывались на иные берега. В отличие от идеалистов первых волн, иммигранты 20-х—30-х годов привозили с собой опыт предпринимательства, торговли, ремесел и капиталы, которые можно было вкладывать в открытую экономику. В стране развивалась текстильная, пищевая промышленность, были построены порт в Хайфе, гидроэлектростанция на Иордане, на Мертвом море добывался поташ, многократно вырос экспорт цитрусовых, с севера на юг протянулась почти непрерывная цепь городов и сельскохозяйственных поселений, создаваемых на десятках тысяч гектаров скупленных земель.

Да и сам ишув стал иным и количественно (к началу Второй мировой войны его численность приблизилась к 400 тысячам), и качественно. Он обрел черты современного общества с общинным самоуправлением, партиями и политическими лидерами, с национальным языком, которым стал иврит, с культурой — театрами, прессой, школами, университетом, с подпольной армией, обеспечивающей безопасность еврейского населения... Все эти общественные реалии мгновенно трансформировались в государственные институты, как только ишув обрел независимость и превратился в государство. И кибуцианское движение играло немаловажную роль в столь активно идущем процессе формировании национального общества. 1930-е годы обозначились для этого движения лозунгом «Хома у мигдал» — «Стена и башня».

«Их было 25 человек — 20 мужчин и пять женщин... Группа существовала уже пять лет, все пять лет готовясь к этому дню. Большинство приехали из Центральной Европы, несколько человек из России, Польши, с Балкан...

Ядро группы образовалось на пароходе по пути из Триеста в Хайфу. Прибыв в Палестину, они зарегистрировались в сельскохозяйственном отделе Гистадрута (федерация профсоюзов. — М. Р.-З.) и были внесены в список групп, ожидающих очереди на получение земельных участков, купленных Национальным фондом. В Национальный фонд средства поступали из голубых копилочек, имевшихся во всех синагогах мира и других местах, где собирались евреи, а также из частных пожертвований. Участки, приобретенные Национальным фондом, представляли собой по большей части брошенную землю, болота, песчаные дюны, безводные пустыни и камни...

В ожидании своей очереди на получение участка группа работала как наемная рабочая сила, но уже в этот период их зарплата шла в общую кассу, а жили они коммунально. Временами группа разделялась: одни работали на поташной фабрике у Мертвого моря, другие на апельсиновых плантациях Самарии, третьи

проходили профессиональное обучение в одном из старых кибуцев в долине Изрезль. Потом группа объединялась. И все это время они считали себя одной семьей. Их средний возраст по прибытии в страну был 18 лет, сейчас 23 года...

Они приехали юнцами, теперь это были закаленные жизнью мужчины и женщины».

Так начинается одна из глав романа Артура Кестлера «Воры в ночи». У романа подзаголовок «Хроника одного эксперимента», достаточно точно определяющий жанр и сущность этого почти документального повествования, насыщенного реальными подробностями создания и существования кибуца «Башня Эзры», прототипом которого послужил расположенный в Галилее и существующий по сей день кибуц «Эйн-ха-Шофет». Только сейчас в нем не 25 человек, как было в самом начале, в 1937 году, а 676, хозяйствующих на 138 гектарах возрожденной земли.

Артур Кестлер имел право писать хронику этого эксперимента. Венгерский еврей, студент, в 1926 году он восемнадцатилетним, будучи очарован идеей сионизма, приехал в Палестину, вступил в кибуц Хефциба, но не прошел обязательного испытательного срока, так как, по воспоминаниям его товарищей, *«был индивидуалистом и совсем негодным для жизни в коллективе».*

Потом Кестлер снова и снова, уже став европейским журналистом, приезжал в Палестину, жил в кибуцах, собирал материал для романа «Воры в ночи», получившего широкую известность. И в конце концов он смог сказать после образования Государства Израиль знаменательные слова: *«Я ощутил глубокое удовлетворение, узнав, что некоторые из членов Комиссии ООН, высказавшиеся за образование еврейского государства в 1947 году, потрудились прочесть роман “Воры в ночи” и что книга оказала на них определенное влияние. В тяжелые минуты, когда я спрашиваю себя, добился ли чего-нибудь стоящего за сорок восемь лет своей бурной жизни, этот факт... утешает меня в моих сомнениях. О большей награде за его труд писатель мечтать не может».*

Заметим, что при всем том роман написан трезвым пером западного интеллектуала и ничего такого, что можно расценивать как апологию кибуцанской идеи, в нем нет.

Действие «Воров в ночи» происходит во второй половине 30-х годов. Это было время арабских забастовок и бунтов, доходивших до того, что англичанам приходилось применять для усмирения восставших авиацию и танки. Пытаясь утихомирить взбаламученное мирной еврейской экспансией арабское море, британская правительственная комиссия под руководством лорда Пиля предложила разделить Палестину на два государства — арабское и еврейское. План этот Верховный арабский комитет отверг, но идея была брошена в массовое сознание, вызывая тревогу и беспокойство обеих сторон.

В этих условиях безотлагательное создание новых поселений на уже купленных землях, скорейшее освоение этих земель становились задачей не только сельскохозяйственной, но и политической. Но нужна была тактика осуществления этой задачи с учетом того, что всякая попытка создать поселение на законно приобретенной земле наталкивалась на воору-

женное сопротивление арабов. И вот тогда-то, как всегда это бывает, нашлся умный еврей (его имя и сроки жизни сохранились в анналах истории — Ш. Гур — 1913 — 1997). Так вот этот самый украинский уроженец Ш. Гур, о котором я, к сожалению, больше ничего не знаю, предложил монтировать укрепленное поселение скоростным способом, получившим название «стена и башня».

Делалось это так. Группа новых поселенцев собиралась в «материнском» кибуце, который брал шефство над нею, и оттуда караваном машин, груженных техникой и строительными материалами, в сопровождении вспомогательного отряда и бойцов Хаганы отправлялась на место будущего поселения.

Обычно центр его располагался где-нибудь на вершине холма, где сразу же по прибытии — чаще всего ночью — размечался прямоугольник двора: тракторным плугом проводилась первая борозда, что по арабскому обычаю означало владение землей. По периметру прямоугольника выкапывалась траншея, и двор ограждался двойными деревянными стенами, между которыми засыпался гравий, а внешняя стена опутывалась колючей проволокой. В центре двора устанавливалась заранее в «материнском» кибуце смонтированная десятиметровая вышка, снабженная электрогенератором и мощным прожектором. По углам двора располагались бараки поселенцев, которые быстро монтировались из привезенных стройматериалов. Все это, как правило, отнимало сутки, по истечении которых бойцы вспомогательного отряда разъезжались по своим кибуцам, а в новом укрепленном поселении оставалась группа его постоянных обитателей, которые продолжали работы и несли круглосуточную охрану.

И не успевали обитатели близлежащей арабской деревни опомниться, как холм оказывался заселенным, в траншее и на вышках стояли вооруженные часовые, а ночью медленно вращался луч прожектора, высвечивая округу во избежание нападения.

Впервые этот метод в 1937 году опробовали при заселении кибуца Нир-Давид, расположенного, как и Эйн-Харод, у подножья горы Гильбоа. Предыдущая попытка группы выходцев из Польши освоить предоставленную им здесь Национальным фондом землю, предпринятая за год до этого, не удалась из-за постоянных нападений арабов. Пришлось возвращаться в расположенный по соседству «материнский» кибуц Бет-Альфа и уже оттуда ездить обрабатывать поля. Тогда-то Ш. Гур (я даже имени его не знаю — Шимон или Шалом?) и предложил идею «стена и башня», которую нир-давидовцы удачно реализовали, так что никто уже не смог их выкинуть с их земли, на которой они стали весьма успешно выращивать зерновые и первыми в стране разводить в вырытых водоемах карпов. Теперь это преуспевающее хозяйство с развитым плодоводством и птицеводством, металлообработкой и производством сельхозоборудования.

Период «стены и башни» для пятисот обитателей этого поселка — давняя история. Историей же здесь, как и повсюду в Израиле, пропитано все. В местном музее археологии Средиземноморья вам покажут остатки распо-

ложенного на земле Нир-Давида (что, кстати, означает «нива Давида», но это не библейский царь Давид, а один из сионистских лидеров Давид Вольфсон) бесконечно древнего израильского поселения, разрушенного войсками фараона Шешонка аж в X веке до нашей эры. И тут же рядом — национальный парк Ган ха-Шлоша — «парк троих», названный в память трех кибуцников, убитых здесь арабами в 1936 году. Так вот оно все плывет и смыкается на этой земле.

Вторая кампания строительства поселков методом «стена и башня» проводилась в другой критический момент существования ишува — в 1946—1947 году, накануне провозглашения Государства Израиль. Всего таким способом было построено 118 укрепленных сельскохозяйственных поселений.

В «Ворах в ночи» можно найти подробности жизни кибуца 30-х годов, созданного в боевой обстановке «стены и башни».

Площадь укрепленного двора на вершине холма — четыре тысячи квадратных метров, сорок соток по российским дачным меркам.

В первом же ночном бою, состоявшемся через несколько дней после высадки кибуцного десанта на холм, был убит один человек из состава первой группы, а всего за первый год погибли четверо, один — от сыпняка, двое — во время ночных нападений, один замучен, когда шел в одиночку по вади: его, прежде чем убить, кастрировали, выкололи глаза.

Первые каменные строения — коровник и детский сад, в котором пятеро малышей.

Первые источники дохода — урожаи пшеницы и ячменя с трех акров (это примерно 1,2 гектара) земли, молоко и масло от коров, овощи с огорода и зарплата нескольких кибуцников, работающих на хайфской цементной фабрике. Считается, что первые три года кибуц будет работать с убытком и только на пятый год начнет выплачивать арендную плату за землю и ссуду Национальному фонду.

Рабочий день восьмичасовой. В субботу — выходной.

В пятницу вечером — мясной обед. Перед обедом — выдача всего необходимого. Это полтора десятка сигарет, кусок мыла, тюбик зубной пасты, бумага, конверты и марки, гребни, шпильки, противозачаточные средства, батарейки для карманных фонариков. На год каждый получает один комплект рабочей одежды и один выходной. Пудра и косметика под запретом — как атрибуты «буржуазного разложения».

Отношения с «материнским» кибуцем сложные. Вообще-то связь сохраняется. Новички ездят к соседям на концерты филармонического оркестра, гастролирующего по поселениям, одалживают технику, из-за чего бывают порой конфликты: скажем, вернули грузовик с поломанной рессорой. Но это пустяки, главное — политические разногласия.

Новый кибуц входит в объединение коммун, которое поддерживает левоцентристскую социалистическую партию МАПАЙ (аббревиатура Миф-легет по-аеи эрец Исраэль — рабочая партия Израиля), а старый относится

к объединению Хашомер Хацаир, на основе которого создана левосоциалистическая партия МАПАМ (Мифлегет поалим ха-меухедет — Объединенная рабочая партия). Разница в аббревиатурах в одной последней букве, да и в полных названиях эта разница невелика, обе партии — рабочие, только одна центристская, а другая — на левом фланге. Но такой сдвиг — из центра налево — определял разное отношение ко многим политическим реалиям и, прежде всего, к Советскому Союзу.

И вот после филармонического концерта, который, казалось бы, своей симфонической классикой должен вселять умиротворение и успокоение в души, в читальном зале старого кибуца (там, конечно же, библиотека с читальным залом, — это одно из обязательных заведений в кибуцах) разгорается яростный спор о России. Мапаевцы говорят об однопартийной системе в стране победившего социализма, неравенстве доходов, массовых арестах (действие происходит как раз в 37-м году), предательстве по отношению к республиканской Испании. Но у мапамовцев свои контраргументы. Обвинения против троцкистской оппозиции лживы? Но всякая оппозиция в рабочем государстве априори контрреволюционна. Неравенство зарплаты и привилегии бюрократии? Необходимо стимулировать производство временными мерами. Вождизм, шовинизм? Надо подготовить отсталые массы к войне с империалистами и к фашистской агрессии.

Особенно трогателен диалог двух женщин:

— В России поощряют буржуазное разложение вроде губной помады, пудры и крема.

— Здоровый пролетарский секс противостоит проституции буржуазного брака.

А сколько страстей кипит вокруг колхозов! Если мы в Палестине можем строить коммунизм в чистом виде на территории, находящейся под властью капиталистической Англии, то почему русские энтузиасты не могут таким же образом экспериментировать на территории Советской России, спрашивают одни. Советские колхозы не следует смешивать с нашими кибуцами, отвечают им другие. Там социализм пришлось строить с отсталым населением, а наши кибуцники — избранная элита. И, в конце концов, вопрос-вопль: так почему же русские не пришлют к нам делегацию экспертов, чтобы изучить наши достижения на месте? Ведь даже упоминать о нас в их печати запрещается. Не мы должны ими восхищаться, а они нами.

Ироническим завершением этого диалога может прозвучать цитата из статьи писателя Амоса Оза «Опаленные Россией»: *«Эти люди (имеются в виду марксисты. — М. Р.-З.) поклонялись Сталину и лелеяли надежду, что в один прекрасный день он придет к ним в кибуц. Тогда-то они ему покажут все. Как водится, разгорится великая полемика о марксизме-ленинизме и всем таком прочем, и вот тут-то они Сталину докажут раз и навсегда, каким должен быть подлинный марксизм-ленинизм. И тогда, надеялись они, Сталин, усмехнувшись в свои усы, скажет им: “Ну, жиды, вы построили социализм почище, чем в России, честь вам и хвала!”»*

V. Бунт личности

Колхоз и кибуц — два великих утопических проекта, в основе которых лежала, казалось бы, одна коммунистическая идеология. К тому же оба были инспирированы мощными политическими структурами: в одном случае государством, которое называло себя социалистическим, а в другом — социалистическим рабочим движением — главной политической силой ишува. Но почему же один проект оказался поразительно неэффективным и, существуя «на штыках» государства, как только это государство потеряло свой тоталитарный характер, исчез, растворился во мгле истории, а другой, породив высокоэффективное аграрное производство, реализуется до сих пор, правда, в сильно трансформированном виде?

Вспомним конфликт, расколовший Рабочий батальон, о котором я писал выше. Левое крыло этой всеобщей коммуны трудящихся во главе с Элькиндром ратовало за превращение батальона в партию коммунистического типа, еще не осознавая, к чему привело в России владычество такой партии (это Элькинду пришлось узнать по возвращении в Крым, да только поздно было). А правое, во главе с Табенкиным и Лави, лидерами социалистической рабочей партии Ахдут ха Авода, впоследствии преобразованной в МАПАЙ, а еще позже в нынешний блок Авода, настаивало на том, что коммунистические отношения должны быть внутри кибуца, но рыночные — в отношениях с другими кибуцами и внешним миром. Это вот коммунистическое коллективистское начало, которое внутри, и рыночное, свободное, когда тебе никто ничего не диктует, — снаружи и есть главное отличие израильских кибуцев от советских колхозов, существовавших в условиях экономического и административного террора.

Достаточно ярко это отличие ощущается при сопоставлении двух литературных сочинений, написанных на одну тему двумя писателями-ровесниками Моше Шамиром и Федором Абрамовым.

Надо сказать, что в Израиле существовала целая литература, посвященная жизни кибуцев со всеми их страстями и проблемами, так же, как в Советском Союзе имелаась деревенская литература с поколениями писателей-деревенщиков. Не будем говорить о художественных средствах обеих литератур. Отметим только, что израильтянам в не меньшей степени, чем их российским коллегам, свойственен был пропагандистский пафос эпохи социалистического реализма. Это теперь, в 1990-е и 2000-е годы появились такие писатели, как Меир Шалев с его изощренной прозой, а в 40-е — 60-е кибуцианская литература была искренна и топорна, несла в себе восторг неопитов, что не отменяло ее документальной достоверности.

Моше Шамира можно считать типичным представителем этой литературы. Он родился в 1921 году, долгие годы провел в кибуце, сражался в войне за независимость своего государства, занимался журналистикой, политической деятельностью, прожил долгую жизнь, став классиком ивритской литературы.

Федор Абрамов старше его на год и так же, как Шамир, был сыном своего времени в рамках своей страны. Юность в архангельской деревне, война, где он был ранен на передовой, а потом стал следователем военной контрразведки СМЕРШ, филологическое образование в Ленинградском университете, приобщение к клану литературных критиков, участие в борьбе с космополитизмом, романы о северной российской деревне, написанные с осторожной правдивостью и в известной степени отражавшие трагизм колхозной жизни.

Они не только не были знакомы, но и, думаю, никогда не слышали друг о друге, что не помешало им написать рассказы, в сюжетной основе которых лежало одно и то же явление природы — дождь в деревне.

Бесконечный обложной ливень застигает израильский кибуц в дни, когда надо проводить сев озимых, грозит оставить коллектив без урожая зерновых. И такой же многодневный обложной дождь не позволяет российскому колхозу убрать сено, что может лишить колхозных коров кормов. Посмотрим же, что происходит в обеих деревнях под стук осеннего дождя.

Рассказ Абрамова «Вокруг да около» (его иногда именуют повестью или очерком) начинается с телефонного разговора председателя колхоза «Новая жизнь» Анания Егоровича Мысовского с секретарем райкома. Партийный начальник требует ускорить заготовку силоса. Оба собеседника понимают, что сейчас, когда сухо, главное поскорее скосить и высушить травы, а силос можно заложить и в сырую погоду. Но секретарь отчитывается перед обкомом, — контроль тотальный сверху донизу, — и важно, чтобы заготовка кормов в сводке шла равномерно. Поэтому непослушный председатель получает строгий выговор, но вместе с выговором приходят дожди, и тут-то и разыгрывается настоящая драма. Скошенные травы гниют на лугах, людей не выгонишь в поле. Получая жалкие крохи на заработанные трудодни, колхозники озабочены своим приусадебным хозяйством, которое у них, собственно, и кормит, а колхозный труд для них — барщина, сродни той, на которую выходили их крепостные предки. Но и личное хозяйство приходит в упадок, так как все труднее прокормить корову. На трудодни сена выдают десятую часть от скошенного для колхоза. Это значит, что крестьянин, чтобы обеспечить свою корову двумя тоннами необходимого ей на зиму сена, должен заготовить его для колхоза восемнадцать тонн, но это для него непосильно. В результате колхозу, который утопает в травах, не хватает кормов. Мысовский все это понимает, но изменить навязанный сверху порядок распределения кормов боится и делает это только в пьяном беспамятстве, очнувшись же, в страхе идет к секретарю райкома на правож.

Очерк был написан в 1963 году — предпоследнем году правления Хрущева, объявившего наступление на личное хозяйство, этот последний островок крестьянской свободы. И появление его в журнале «Нева» привело к увольнению редактора за публикацию произведения клеветнического, очерняющего советскую действительность, что в советской действительности служило очевидным доказательством правдивости изображаемой картины.

В рассказе Моше Шамира, так же как и у Абрамова, — живописные картины дождя: старое русло реки, по которому катится бурлящий поток, мягкая и топкая пашня, пропитанная влагой, мощные тракторы с сеялками, стоящие в боевой готовности под навесами, и разговоры людей, распивающих чай в столовой, мающихся от безделья и ищущих выход в этой очевидной для всех отчаянной ситуации: не посеем — останемся без хлеба.

Между тем в соседнем арабском селении уже все закончили и играют свадьбы. Там работают по старинке — сеют вручную, скребут землю примитивным плугом, который тянет худая низкорослая лошадка. Так, может, привлечь на помощь феллахов, решают кибуцники, пусть они помогут нам посеять вручную, а мы по весне поможем их вспахать землю своими тракторами.

В конце рассказа, названного «Сила дождя» (видимо, в данном случае сила дождя — в пробуждении дружбы народов), — картина совместной работы арабов и евреев — эдакий апофеоз единения.

У каждого автора свои проблемы. У Абрамова — тоска по свободе, подавленный вопль угнетенного, замордованного жестокой властью крестьянина. У Шамира — отношения с арабами, столкновение двух цивилизаций, приводящее, многие годы спустя, к глобальному конфликту Третьей мировой. У каждого — свои иллюзии. У Абрамова одна: дай крестьянину землю и свободу — и дело пойдет. У Шамира другая: главное — найти общий язык с соседями и работать мирно и дружно. Не получилось мирно и дружно и по сей день.

Кибуцная литература при всей иллюзорности многих своих надежд дает возможность заглянуть во внутренний мир коммун, уже созревших и сформировавшихся к 40-м — 50-м годам, прошедших через этапы становления и войн.

Почти все двенадцать авторов сборника рассказов «Маковый холм», изданного в 1978 году, долгие годы (а иные — и всю жизнь) прожили в кибуце, что не помешало некоторым из них стать известными писателями, обладателями национальных и международных литературных премий. Кибуцное бытие для них — это не собранный и освоенный материал, а часть собственного существования, собственных проблем. Будь то судьба поля, захваченного иорданским противником во время войны за независимость и отвоеванного кибуцниками («Маковый холм» Цви Арад) или распашка тремя халуцим пограничной борозды, очерчивающей владения нового кибуца в пустыне Негев («Удел» Йонат и Александр Сенет), — в каждом сюжете ошутим пафос личного переживания, личного опыта. Тема земли — ее освоения, расширения жизненного пространства — одна из основных, постоянно животрепещущих в кибуцианской литературе.

Не менее значительна и тема внутренней жизни, коллектива и личности, за которой встает одно из главных слагаемых коммунального проекта — перестройка человеческой природы.

Рассказ Ханоха Бартова называется «Наш товарищ Лахадам возвращается с войны». Война, судя по всему, Вторая мировая, а Лахадам — простой кибуцный парень, вернувшийся с нее другим человеком — веселым, раскованным, повидавшим большой мир с его свободой, радостями и соблазнами, и вносящий эти соблазны и эту свободу в аскетическую атмосферу коллектива. Лахадам возвращается на работу в плодовый сад и работает как все, но вот живет не как все. Вечером в его комнате — звуки радиопатефона (предмета, между прочим, запретного для индивидуального пользования) и запах кофе, сваренного в импортной кофеварке, на право иметь которую также надо просить разрешение у секретариата кибуца. И сервиз для кофе, и большой ковер, и целая библиотека художественных альбомов — все это он привез с войны и всем этим пользуется сам. А когда смолкает патефон, звучит гитарный напев — шотландские и французские песенки, итальянские романсы. Лахадам поет и угощает молодежь, которая набивается в его комнату, всякими заморскими напитками: для парней кубинский ром и бренди, для девушек — ликер кюрасао или вермут. И весь-то вечер допоздна из комнаты доносится музыка и звонкий девичий смех, разрушающий тишину сонного отдыха весь день тяжело работавших людей.

Вот этот девичий смех больше всего и волнует кибуц. Парни постепенно перестают ходить к Лахадаму, а несколько девушек стали постоянными посетительницами его комнаты. И что там происходит, за кем ухаживает хозяин, нет ли поводов для ревности у парней? Да и вообще эти сепаратные вечеринки нарушают принципы коллективного общежития. Никто не против пения, музыки, танцев, но ведь есть самодельные кружки, организованные мероприятия.

«Каждое общество обязано поддерживать механизм самообороны, — говорит возглавляющая педагогическую комиссию Гинка, — и упорно защищать свои основные ценности, иначе оно рухнет, как стол, изъеденный жучком. У нас есть свой особый стиль жизни, свой образ жизни, и тот, кому это не по душе, имеет право выбирать, что ему больше нравится... Вокруг ущербной личности Лахадама собираются те, кто склонен к истерии. Я уверена, что он решил расшатать основы нашей жизни».

Все это произносится всерьез, с убежденностью пионервожатой, наставляющей класс на пионерских сборах моего советского детства, с логикой армейского старшины — «сегодня ты не подшил воротничок, а завтра родину продашь», с пафосом революционных ригористов, полагающих, что они строят новое общество, утверждают новую мораль.

Нет ни одного утопического проекта, который не утверждал бы наряду со строительством нового общества воспитание нового человека. И кибуц не составлял исключения.

Парадоксальным противоречием кибуцианской действительности было сочетание демократизма (все решается на общем собрании, руководители находятся у власти не более двух лет, по истечении этого срока члены секре-

тариата превращаются в рядовых работников) с диктатом коллектива, доходящим до подавления личности.

Причем конфликт индивидуального начала с коллективистским проявляется вовсе не обязательно в поступках, обозначающих бунт личности. В рассказе С. Изхара «Эфраим возвращается на люцерну» собрание убеждает кибуцника, выращивающего кормовые травы, не переходить на другую работу, на что он имеет право по прошествии трех лет. Весь разговор происходит в мягких тонах. Посмотрите, как его убеждают, как вкусно изображают картину чередования работ: *«Еще годик, Эфраим, один только годик... Не мне тебе рассказывать, как быстро бежит время. Не успеешь оглянуться — и прошла неделя, и еще неделя. Вот мы уже идем, собираем маслины. Вскоре пойдут дожди, станет холодно и сыро. Начнем сеять, а тут уже подспела пора сбора апельсинов, затем наступит жатва, пришло время сбора винограда, и... прошел год».*

Но тяготы Эфраима — не только в монотонности и однообразии работы. Он мечется, ищет себя, понимая, что уход с поля люцерны в цитрусовый сад только на время смягчит его душевные метания, а затем лишь усилит прежнюю жажду свободы, стремление скинуть гнет идеологии, всех этих разговоров об общественной морали, укреплении братских чувств, о том, что интересы коллектива выше интересов личности.

В рассказах Бартова и Изхара ничего особенного не происходит; мы так и не узнаем, удалось ли Гинке исключить бунтовщика Лахадама из кибуца, да и Эфраим в конце концов остается на люцерне. В обоих повествованиях дается лишь абрис проблемы, напоминает, что не все так спокойно в «датском королевстве» и что такого рода ситуации могут служить причинами ухода людей из кибуца. А тема ухода несомненно волнует авторов сборника.

Нежелание сына оставаться в кибуце служит в рассказе Адама Зерталя «Встреча» причиной его разрыва с отцом, суровым ветераном движения. Примирение происходит, лишь когда отец лежит уже на смертном одре. Только сейчас, исповедуясь перед сыном, он пересматривает прожитую жизнь, осуждает свою жесткость и непримиримость.

«Это все от нашего движения, — говорит отец. — Эта уверенность, это умение втиснуть любое дело в мертвые формулы. А для того, что не укладывается в эти формулы, нет места. Они учили меня замыкать живых людей за непроницаемыми стенами идей... Мы сами себя окружили стеной. Стеной идей. И все ради чего-то и во имя чего-то. И никогда ради меня. Ради тебя, ради самих себя. Мы забыли, что такое сострадание и любовь».

В семье кибуцника Реувена, героя рассказа Цви Луза «Шломит», все проще и приземленнее. Его жена Шломит хочет жить *«в тихом и культурном пригороде... Там приятные дома каждый на одну семью, просторные дворы с палисадниками и фруктовыми деревьями, небольшой чистый торговый центр, хорошее автобусное сообщение и приличная школа для детей».* В кибуце, в Долине жить тяжело. *«Тут трудный климат. Тут трудные люди. Молчаливые, но иногда их прорывает. Казалось, они всегда ищут какую-то внутреннюю правду».* Но Реувена Долина держит. Здесь могилы его родителей, и живы еще

ветераны, создававшие кибуц. А ночью можно почувствовать, *«как за домами и хозяйственными постройками созревают почвы, темные и простые в своей сущности; и они требуют, чтобы ты их обрабатывал, чтобы ты их любил, чтобы ты был им предан как божеству»*.

Семейный конфликт развивается. Шломит уходит с детьми к своим родителям в город. Реувен на месяц приезжает к ней, но потом возвращается в кибуц. Долина зовет.

Коллизия, знакомая со времен, когда в советской литературе господствовал социалистический реализм: муж после окончания института готов ехать на стройку коммунизма или на целину, а жена хочет остаться в своем мещанском городском мирке. Но в рассказе Луза эта коллизия не теряет своей достоверности, ощущения жизненности и угрозы, которая неизбежно приходит во всякий утопический эксперимент со стороны человеческой природы и разрушает или трансформирует эту утопию.

VI. Израильский дневник. Лохамей ха-Геттаот

Меня охватило ощущение курорта. Мягкое тепло солнечного дня, свежесть морского побережья. Люди в шортах и майках привольно и неторопливо шли по бетонным дорожкам среди южных деревьев. Легкие аккуратные домики, где в тени открытых веранд стояли шезлонги. Все это напоминало Сочи или Ялту, санатории прошлых советских времен.

И девушка в шортиках с полотенцем через плечо тоже, видно, спешила в бассейн или на пляж. Она вежливо ответила на наши вопросы о том, когда вернется ее отец, в каком доме жили покойные дедушка и бабушка и что она сама собирается делать после школы, в какой институт поступать.

Это была воспитанная смышленная девушка. Она привыкла к вопросам невесты откуда взявшихся людей о ее дедушке и бабушке.

Стояла пятница — первый день израильского уик-энда. В этот день полагалось отправляться на рынок — на роскошный южный базар — запастись продуктами на неделю. В пятницу желательно сделать все хозяйственные дела, ибо впереди суббота — день отдыха и благочестивых размышлений.

И мы неторопливо завтракали с моим другом юности, его женой и сыном, а потом сели в его субару и съехали с горы Кармель по улицам Хайфы на побережье Средиземного моря. А еще через полчаса шли по улицам кибуцного поселка, впитывая в себя его мирную благостную атмосферу.

Разумеется, жители этого поселка умели не только отдыхать. В будни они выращивали фрукты, разводили птицу, доили коров, монтировали электроприборы. Кибуц назывался Лохамей ха-Геттаот — «Борцы гетто», и основали его в 1949 году руководители восстания в Варшавском гетто — дедушка и бабушка девушки, которую мы остановили по дороге на пляж.

Вот что говорила ее бабушка сразу же по приезде в Палестину 7 июня 1946 года на конференции одного из кибуцных объединений: *«Грустно мне на этой встрече. Двенадцать лет я мечтала о ней... И все же я не могу ска-*

зать, что на сердце у меня радостно. Передо мной проходят образы людей — близких и совсем незнакомых, — образы сотен, тысяч, миллионов евреев, которых больше нет. Эти испепеляющие душу воспоминания сопровождают меня на каждом шагу. Печально. Не думала я, что так мы встретимся, что я буду единственной из миллионов, кто уцелеет... Тяжело мне говорить. Есть, видимо, какой-то предел для переживаний и потрясений, которые человек может вобрать в себя. Не верила я, что смогу нести все это в своей душе и продолжать жить. В той действительности, где нас окружали развалины и гибель, где не оставалось ни малейшего признака того, что есть еще на земле люди, сохранившие человеческий облик, где мы уже потеряли способность чувствовать и испытывать потрясения, — единственной силой, которая нас поддерживала и укрепляла, были вы: страна, рабочее движение, кибуц, наш дом».

Я показал ее портрет своей жене, прикрыв подпись.

— Что можно сказать об этой женщине, судя по внешности?

— Фанатична. Добра. Пожалуй, привлекательна. Умна. Решительна. Ярко выраженный командир. Лидер. Кто это?

— Цивья Любеткин.

После гибели Варшавского гетто и восстания варшавских поляков, в котором она также принимала участие год спустя, была еще «Бриха». В переводе с иврита это означает «побег». Так называлась подпольная организация молодых сионистов, созданная в конце войны для переправки евреев из Восточной Европы в Палестину.

В январе 45-го в недавно освобожденном Люблине собрались несколько молодых евреев. У каждого из них позади была лесная партизанская война, участие в восстаниях гетто. Каждый считал, что уцелел чудом, что отмечен и сохранен Господом для некой цели.

Долгие годы они мечтали попасть в Палестину, видя смысл своего существования в диаспоре лишь до той поры, пока другие их молодые единоплеменники не были готовы отправиться вслед за ними. Теперь им предстояло собирать остатки своего народа, рассеянные по лагерям, тайным убежищам, и выводить через границы многих государств на черноморское и средиземноморское побережья для последнего тайного броска на незнакомую родину.

На этом январском совещании были Цивья Любеткин и ее муж Ицхак Цукерман, руководитель боевой организации Виленского гетто Абба Ковнер, партизанский командир из-под Ровно Элизер Лидовский и другие уцелевшие молодые сионисты. Именно они и создавали «Бриху».

Уже в марте Цивья вместе с Ковнером оказались в Румынии, оттуда они установили связь с подпольной организацией, в которую входили солдаты еврейской бригады британской армии. Эти молодые сабры⁶, упорно доби-

⁶ *Сабры* — термин, обозначающий евреев — уроженцев Израиля. Ивритское слово «цабар» изначально было сленговым, но постепенно превратилось в нормативное. (Источник — «Путеводитель по Израилю», <http://guide-israel.ru/society/narody/13309-sabry/>)

вавшиеся и добившиеся, наконец, права воевать с немцами, были потрясены встречей с евреями, пережившими Холокост. Вместе с активистами «Брихи» и представителями палестинских тайных служб они направляли потоки репатриантов по дорогам Восточной Европы в порты Италии, Румынии и Болгарии. Снабжали их фальшивыми документами, помогали переходить через еще зыбкие военные границы, учили говорить на иврите, который пограничники принимали почему-то за греческий, создавали специальные пограничные кибуцы, которые в полном составе переходили на другую сторону. Они собирали детей, выходивших из леса, укрывавшихся в христианских семьях, монастырях, и вели их по тайным тропам к морю.

Когда после погрома в Кельцах⁷ евреи, вернувшиеся из Советского Союза, стали массами покидать Польшу, Ицхак Цукерман по поручению «Брихи» вел переговоры с правительством Польши о беспрепятственном их выезде. Это задержало его в Варшаве, и он прибыл в Палестину через год после жены.

К этому времени и Цивья, и Ицхак были уже широко известны в еврейском мире. На XXII сионистском конгрессе в 46-м году Цивья удостоилась одной из высших почестей — права сидеть в кресле Теодора Гершля.

В 61-м она стояла перед микрофоном на свидетельской трибуне. Напротив, в пуленепробиваемой прозрачной клетке сидел человек, который создавал систему уничтожения ее народа. Показания на процессе Эйхмана давали и Цукерман, и Абба Ковнер.

И Цивье, и Ицхаку суждено было прожить еще многие годы. Он остался хранителем памяти прошлого, создал в кибуце мемориальный музей Варшавского гетто имени своего друга, поэта Ицхака Кацнельсона, составил антологию восстания. Она работала в Еврейском агентстве, в объединении кибуцев. Он умер в 81-м, она тремя годами раньше — в 78-м.

Я никак не мог вообразить их в обыденной жизни: ведь они любили, ссорились, воспитывали сына, гуляли с внучкой, жили, как обычные естественные люди. Между тем позади были страдания сверхъестественные, трагедия, масштабы которой не в состоянии охватить человеческий ум.

Впрочем, Израиль в этом отношении — общество особое. Тебе могут показать грузного приземистого еврея, эдакого дедушку — добродушного или сварливого — и сказать: «Знаешь, кто это? Он воевал в партизанском отряде на Украине, потом в польской, а потом в израильской армии, его засылали с особыми поручениями в Европу...»

Или сидим в Яд-вашем с моим старым варшавским знакомым, историком Шмуэлем Краковским. День жаркий, он в рубашке с короткими рукавами. На тыльной стороне руки — выцветшая татуировка — номер узника Освенцима...

Прошлое как бы вынесено за скобки. Оно в глубинах памяти, в духовном фундаменте этого общества, живущего, как и положено всякому нормальному обществу, сегодняшним днем.

⁷ См. также статью Адама Михника в «Континенте», № 145.

Жизнь идет. По дорожкам поселка кибуца Лохамей ха-Геттаот бежит юная израильтянка в шортиках с полотенцем через плечо — внучка Цивви Любеткин и Ицхака Цукермана.

Кибуц, в который мы приехали тем благословенным летним утром, известен не только тем, что относится к числу самых богатых в стране, но и личностями, с которыми связана его история. Если основатели Лохамей ха-Геттаот известны как руководители восстания в Варшавском гетто, то и поколение их детей вписало свои имена в героическую летопись еврейского народа. Одним из таких славных эпизодов была Война Судного дня.

Как известно, она началась с внезапной атаки египетских и сирийских войск в праздничный день Йом-Кипур 6 октября 1973 года. Этот праздник двадцатилетний лейтенант Цви Грингольд встречал дома с семьей, в родном кибуце. Как только в два часа по всей стране взвыли сирены, возвестившие о начале войны, он отправился в свою танковую бригаду на Голанские высоты: на прорыв тамошних укреплений сирийцы бросили 1400 танков против 170 израильских. Если бы оборона была прорвана до подхода резервов, через несколько часов арабские танки были бы на улицах Тель-Авива и Хайфы.

Лейтенанту было приказано собрать экипажи из уцелевших в первых боях танкистов и на двух боевых машинах выйти навстречу противнику.

В девять вечера Грингольд повел в бой свои две машины, вскоре подбил один сирийский танк, сам получил повреждения, пересел на другую машину, занял позицию на холме, уничтожил еще три вражеских танка и в сгустившейся темноте отправился дальше на поиски противника.

В половине двенадцатого ночи он обнаружил ни много ни мало тридцать сирийских танков, с которыми и ввязался в бой. Приборов ночного видения у израильтян тогда еще не было, и для эффективного ведения огня приходилось максимально сближаться с противником. Лейтенант открывал огонь с дистанции в двадцать метров, после каждого выстрела меняя месторасположение. Когда нескольких сирийских танков были уничтожены, противник отступил, видимо, предположив, что ему противостоит целое соединение, и не решаясь продолжать бой в темноте.

В час ночи Цвика (так Цви Грингольда впоследствии стал называть весь Израиль) примкнул к группе из десяти прибывших танков резерва, но она вскоре была уничтожена. Грингольд сумел спастись из горящей машины, получив ожоги лица и рук. Однако он снова перешел в другой танк и продолжил бой.

Утром Грингольд примыкает к еще одной прорвавшейся резервной группе и уничтожает еще двенадцать вражеских танков. К тому времени, когда раненого и обожженного его отправили в больницу Цфата, на его счету было тридцать подбитых танков.

Через полгода Цвика уволился из армии, но в октябре 1974 года вернулся еще на год на сверхсрочную службу, после окончания которой остался в

резерве, дослужившись в конце концов до звания полковника. Сейчас он живет в родном кибуце и работает, по одной версии, механиком, а по другой, — одним из руководителей принадлежащего Лохамей ха-Геттаот завода соевых заменителей мяса.

Эта история — из героического эпоса Израиля. А вот другая — на сей раз из экономической жизни. Герой ее — скромный молодой сабра Гези Каплан, бывший в 60-е годы рабочим на кибуцной птицеферме. Для кибуцного движения это было время, когда становилось ясно, что одним сельским хозяйством не проживешь, необходимо создавать промышленные предприятия, пусть небольшие, но дающие ощутимую прибыль. В Лохамей культивировали зерновые, имели плантацию авокадо, птицеводческую и молочную ферму, разводили прудовую рыбу, а лет через десять после создания коммуны наладили еще и производство электроконденсаторов. Но объем продаж этих приборов был невелик. Приходилось искать хозяйственное решение, позволившее бы серьезно заявить себя на рынке. Каплан к этому времени завершил экономическое образование и стал координатором производства в Лохамей, так что поиск хозяйственного решения был его прямым делом. Какими путями шел этот поиск, и откуда пришло, наконец, к Гези озарение, — все это стало предметом журналистских расследований и породило целую мифологию на тему «История успеха».

По одной версии, предприимчивый координатор увидел в совете кибуцев буклет, на котором была изображена соевая сосиска, и это стало моментом истины. По другой, о соевых шницелях ему рассказал некий ученый из Хайфского технологического института. По третьей, он услышал о великоколепных рыночных перспективах продуктов из сои от специалиста по маркетингу и воодушевился этим рассказом. Как бы там ни было, но замечательная идея пришла-таки в голову Гези Каплана. Однако осуществление ее уперлось в следующую проблему. Надо было купить патент на технологию производства соевых шницелей. Патент же принадлежал знаменитому в Израиле молочному концерну «Тнува». И хотя в самой «Тнуве» эту технологию использовать не собирались (там было довольно своих молочных дел), оценили патент в миллион долларов.

А теперь представьте себе молодого менеджера, нахватавшегося знаний о маркетинге и законах рынка и сумевшего уговорить двести девяносто кибуцников — и прежде всего почтенных старейшин — взять миллионный кредит в банке для организации совершенно нового, неслыханного производства (подумать только: котлеты из сои взамен мяса, да кто их будет покупать?!), сулящего баснословные выгоды. Уговорить-то он уговорил и даже некоторую часть денег для строительства завода взял из пенсионного фонда, но, как он сам потом признавался, ночей не спал, изнывая под грузом взятой на себя ответственности.

Его земляк Цвика Грингольд воевал несколько суток, освоив тактику ночного танкового боя, вошедшую в историю войны Судного дня. Война

Гези Каплана длилась долгие месяцы, и рисковал он не собственной жизнью, как Цвика, а благосостоянием родного кибуца, обеспеченной старостью его ветеранов.

Завод назвали «Тивал», что означает «полностью натуральное». Спустя двадцать лет он контролировал 70 процентов израильского рынка соевых продуктов, выпуская более сотни их наименований. Расчет Гези Каплана оказался верным: в середине первого десятилетия XXI века товароборот пищевых продуктов и напитков на соевой основе в Европе измерялся миллиардами долларов. Для того, чтобы выйти на международный рынок, кибуц в 1994 году передал свой контрольный пакет фирме «Осем» — дочернему предприятию знаменитой компании «Нестле», крупнейшему в мире производителю продовольственных товаров. Это было еще одно нетрадиционное для кибуцной психологии решение Гези Каплана. Сам же он, оставаясь членом кибуца и председателем совета директоров «Тивала», стал заместителем генерального менеджера «Осем».

Продвижение по пути капитализации и обогащения хозяйства отражалось и на внутреннем укладе кибуца, приводило к все большему отказу от основополагающих принципов, некогда положенных в основу создания коммун. Первым таким принципом, который предавали забвению повсеместно, был запрет на использование наемного труда. В Лохамей ха-Геттаот половина жителей поселка — не члены кибуца. В середине 90-х годов здесь отказались от равенства в распределении доходов и потребления — была введена дифференцированная оплата труда. Личный бюджет члена кибуца теперь напрямую зависит от заработка, более того, все в меньшей степени людей связывает общность труда. Более ста кибуцников работают на стороне. Собственно, единственное, что сохранялось от первоначальных принципов, — это коллективная собственность на средства производства, приносящая их владельцам ощутимые блага.

Так уходило в прошлое многое из того, что основатели этого утопического проекта считали принципиально важным. Однако отказ от базовой идеологии с лихвой окупался высокими пенсиями ветеранов, комфортабельными коттеджами и личными автомобилями кибуцников, а кроме того всевозможными социальными преимуществами — частичной оплатой образования, бесплатным лечением зубов, клубом, гимнастическим залом, даже конюшней для верховой езды. Оставалось благословлять Гези Каплана с его проектами, обогатившими кибуц, и поменьше вспоминать об идеологических заморочках отцов-основателей.

VII. Закон квуцы

Эта идеология нигде специально не фиксировалась в качестве непренного и широковещательного закона в духе советского кодекса строителя коммунизма. Но каждый из основателей нового кибуца, когда бы он ни создавался — в 20-е или 40-е годы, понимал, что речь идет о крайней степе-

ни обобществления, максимальном равенстве прав и обязанностей, о коллективном труде на общей земле.

В 20-е годы член Дгании, первой и старейшей коммуны, этой «матери кибуцев», О. Лебл сформулировал «Закон квуцы»⁸ в семнадцати пунктах, описывающих основные принципы коммунального бытия. И, читая их, поражаешься светлоте, казалось бы, незамутненному практическим жизненным опытом идеализму первопроходцев. Так и видишь, как этот тщедушный, полуголодный, обожженный солнцем уроженец украинского местечка вечером после долгого дня непосильного и непривычного для него земледельческого труда, сидя в углу жилого барака, формулирует раздел за разделом этот закон — с тем, чтобы потом обсудить его с товарищами после коллективной трапезы.

Конечно же, первая и главная заповедь — общая обязанность трудиться; затем идут коллективный труд и самоуправление при распределении рабочего времени, коммунистическая жизнь при равных условиях, равенство прав в сообществе и хозяйстве, свобода каждого в том, что касается политики, религии, партий... А потом (внимание, читатель!) отказ от использования наемного труда, общественное воспитание детей до достижения ими возраста работоспособности, обеспечение по старости и неработоспособности, равная обязанность всех членов квуцы — и мужчин, и женщин — работать в домашнем хозяйстве (кухня, стирка...) и т. д.

Если отделить общую декларативную часть закона от четко очерченного регламента жизни, то выясняется, что по мере развития кибуцного движения эти принципы один за другим не выдерживали испытания временем. Прежде всего подверглась такому испытанию заповедь политической и партийной свободы.

Я уже писал выше о яростных спорах представителей двух кибуцев, призывавших к разным социалистическим партиям МАПАЙ и МАПАМ, по поводу советского коммунизма. Но эти споры, подчас доходившие на фоне бурного национального темперамента до драк, происходили и в рамках одной коммуны, приводя порой к разделу хозяйства по идеологическим мотивам. В этом отношении характерна история кибуца Эйн-Харод, о котором я также писал выше. В этой истории был героизм энтузиастов из Гдудха-Авода, по пояс в воде осушавших болота, а затем с оружием отстаивавших свои земли от арабских банд, но было и другое — непримиримость по отношению к позиции друг друга, приводившая к расколам и к созданию новых коммун.

Первый такой раскол произошел между сторонниками дальнейшего развития и укрупнения хозяйства и теми, кто полагал, что только в небольшом коллективе сохраняется интимность и дружелюбность отношений, что необходимо для успешной реализации идеи. В результате уже через два года после организации Эйн-Харода, в 1923 году, от него откололся ки-

⁸ *Квуца* — коллектив, группа, прообраз кибуца.

буц Тель-Йосеф, названный в честь Трумпельдора. Разумеется, оба хозяйства развивались и укрупнялись (в соответствии с мечтаниями активистов одного из них и вопреки принципам активистов другого).

В конце 40-х Эйн-Харод, как и многие другие кибуцы, потрясла конфронтация, корни которой уходили в события мировой истории. Когда анализируешь истоки политического кризиса, разламывавшего в те годы кибуцное движение, то сначала поражаешься: какое, казалось бы, дело земледельцам, борющимся за свое существование в этой средиземноморской глухомани, до сталинизма, лейборизма, марксизма и политических репрессий в Советском Союзе?! И в самом деле, паши себе обретенную, наконец, землю, дои коров, выращивай апельсины и радуйся жизни! Но надо только представить себе недавнее прошлое этих людей, выкованное в пламени Холокоста, болезненную связь с диаспорой, чтобы понять, насколько политизировано было их сознание. С одной стороны, многие из них помнили, как под ударами Красной Армии открывались ворота концлагерей, а с другой, — они узнавали о деле врачей, о всплесках государственного антисемитизма в Советском Союзе. Их социалистическое мировоззрение металось между симпатиями к стране-освободительнице от нацизма, к ее строю, казавшемуся им коммунистическим, и отвращением к царящему в СССР политическому террору. В масштабах израильского общества это приводило к внутрипартийным конфронтациям и межпартийным блокам, а в кибуцах — к ожесточенным идеологическим спорам вокруг примыкания к тому или иному политическому течению. Спорам, фактически торпедировавшим саму идею коллективизма.

Вот такая обстановка складывалась в Эйн-Харод по описанию Зеэва Альтгара, который по поручению газеты «Едиот ахронот» в июле 1953 года побывал в кибуцах Изреельской долины: *«Столовая оставалась единственным местом, где собирались все кибуцники: они приходили туда поесть. Но это уже не было тем общением, характерным для кибуцев, где люди обменивались впечатлениями, делились друг с другом бедами и радостями, хвастали друг перед другом успехами детей. Теперь два ряда столов справа занимали хмурые представители одной части, за столы слева усаживались представители другой. В зале царило угрюмое молчание. И это было куда лучше, чем яростные споры, зачастую приводившие к рукоприкладству».*

Тут надо пояснить, что некоторые из кибуцников были сторонниками присоединения к либеральному объединению «Ихуд ха квуцот ве ха кибуцим» (Ихуд — значит объединение), близкому к социал-демократическому крылу партии МАПАЙ, другие же ратовали за вхождение в «Ха кибуц ха меухад» («Объединенный кибуц»), ориентированное на левое крыло той же МАПАЙ. В конце концов Эйн-Харод разделился на два хозяйства — ихуд и меухад, но, видимо, в то время, когда там побывал Альтгар, оба еще существовали на одной территории.

Такие оттенки в названиях — ихуд, меухад, — почти неразличимые для постороннего, для кибуцников означали разные системы взглядов на многое и в том числе на Советский Союз.

Далее тот же журналист описывает, к чему приводили эти разные мировоззренческие позиции. «На информационной доске кибуца Эйн-Харод меухад прикреплено сообщение секретариата за номером 146, в котором говорится буквально следующее: “На исходе субботы кибуцники из ‘ихуд’ встретили нашего товарища Зорика, которого обвинили в подслушивании того, что происходило на их собрании. Не разбираясь, где правда, а где навет, они учинили самосуд, жестоко избив его. Зачинщик ‘разборок’ Яков Янай и его товарищи затащили полураздетого и истекающего кровью Зорика в зал заседаний и, усадив за стол, продолжали избивать. Особенно усердствовал Шломо Лави, между прочим, депутат кнессета от кибуцного движения. Он бил несчастного по лицу”. А в нескольких метрах, на информационной доске Эйн-Харод ихуд, висело другое объявление: “В 2.45 ночи хулиганы пробрались в комнату Якова Яная, набросили на него, спящего, одеяло и несколько раз ударили палкой по голове. Оказавший сопротивление Яков успел заметить среди своих линчевателей Йосефа Михаэли. Он поднял крик, и соседи, поспешившие ему на помощь, насчитали восемь человек, разбегавшихся с места преступления”».

Хорошенькие нравы. Между прочим, Шломо Лави, который «бил несчастного по лицу», к этому времени был уже семидесятилетним стариком с богатой политической биографией. Один из основателей Гдуд ха-Авода, кибуцного движения и партии МАПАЙ, он пользовался популярностью как публицист, автор весьма острых саркастических статей, и прозаик.

Разделу по политическим причинам подверглись и ряд других коммун. Весьма драматично это происходило в кибуце Яд-Хана, основанном венгерскими евреями, уцелевшими во время немецкой оккупации Венгрии. Большинство из них в силу своего прошлого сохраняли особое отношение к России-освободительнице и примыкали к компартии Израиля. В конце концов, антикоммунистическое меньшинство восстало, и после споров и драк кибуц распался на две части.

Этот и многие другие примеры из жизни кибуцного движения 40-х — 50-х годов говорили, что ни о какой терпимости по отношению к взглядам друг друга в коллективах речи не было. И столь любовно выписанный мечтателем 20-х годов раздел закона квуцы о свободе политических воззрений внутри кибуца так и оставался прекраснородушным воспарением этого мечтателя. Инакомыслящий или группа инакомыслящих, чьи взгляды шли вразрез с мнением большинства, вынуждены были покидать коллектив или создавать свое хозяйство. Таким образом, общенациональный халуцианский идеал, вдохновлявший Трумпельдора, подобно исходному потоку, разветвлявшемуся на ряд речных рукавов, трансформировался в различные политические течения.

Исходя из своих мировоззренческих позиций, кибуцы объединялись затем в федерации. Создание и развитие таких федераций представляет собой особый сюжет, включающий в себя и трагикомические ситуации, подобные тем, которые были в Эйн-Харод. Эта коммуна, где политическая активность всегда кипела ключом, еще в 1927 году была инициатором создания феде-

рации «Объединенный кибуц», ориентированной на МАПАЙ. В тот же год сформировалось объединение «Всеизраильский кибуц», разделявшее более левые взгляды движения «Хашомер Хацаир», а потом партии МАПАМ. А двумя годами раньше в «Товарищество квучот» объединились небольшие кибуцы, в которых насчитывалось не более пятидесяти семей, принципиально занимавшихся исключительно сельскохозяйственным трудом и полагавших, что только в таких малых коллективах можно сохранить демократические принципы самоуправления.

VIII. Крушение идеалов

Как осенние листья, опали с древа кибуцной жизни идеалы, вдохновлявшие пионеров халуцианского движения. Жить сельским трудом, обрабатывать землю Израиля, ощущая свое единение с природой, — таков был один из этих идеалов, рожденный проповедью великого романтика Аарона Давида Гордона. И те чудеса, которые творили кибуцники на земле, были покруче и, главное, куда реальнее сталинского плана преобразования природы — одной из химер советского социалистического строя. Но как только кибуцы стали выходить из экономических пеленок и производить больше, чем съедали сами, возникла потребность в собственных промышленных предприятиях. Сначала это были небольшие производства по переработке выращенного на полях: мельницы и пекарни, консервные и молочные заводы. Сбывать не сырье — пшеницу, фрукты, мясо и молоко, — а готовый пищевой продукт было куда выгоднее, так же, как великой сырьевой державе России куда выгоднее продавать бензин и химикаты, а не сырую нефть, да вот только она никак не может справиться с этой проблемой. Характерно, что и у российских колхозов были постоянные поползновения обзаводиться перерабатывающими предприятиями, что приносило ощутимую выгоду, да только власть, используя оружие государственного монополизма, не давала этого делать, предпочитая забирать доходы от переработки в свою казну. В Израиле же никто ничему не мешал, наоборот, рынок требовал: хочешь жить — умей вертеться, изыскивай возможности и получай прибыль любыми путями.

Агропромышленная инфраструктура развивалась. Кибуцы производили несложную сельскохозяйственную и мелиоративную технику и ремонтировали ее. Постепенно производство все больше выходило за рамки собственных потребностей, откликалось на любые запросы рынка. Во время Второй мировой войны английская армия, будучи отрезанной от источников снабжения, нуждалась в обмундировании, амуниции, — и кибуцы начали создавать текстильные и металлообрабатывающие предприятия.

Развитие промышленного производства потребовало найма рабочей силы, что противоречило основному принципу существования коммуны как сообщества людей, объединившихся ради труда, свободного от эксплуатации. Наемный же труд превращал коммуну в коллективного капиталиста. Чтобы справиться с этой нравственной дилеммой, надо было убедить

себя, что найм — мера временная, обусловленная чрезвычайными обстоятельствами военного времени. Но за войной последовали другие важные события, образовалось государство, прозвучал призыв Бен-Гуриона к кибуцам принять хлынувшие в страну потоки репатриантов. Все это, разумеется, еще больше обострило трудовую ситуацию. Выходцы из разных стран, обладающие разным менталитетом, новоприбывшие далеко не всегда подходили для кибуцного житья. Проще и естественнее было использовать их на заводах и фабриках в качестве наемников, тем более что таких предприятий становилось все больше и масштабы производства росли. В 50-е годы кибуцы уже брались за машиностроение, изготовление мебели, изделий из пластмасс. И экономическая устойчивость коллектива все больше определялась успехами не в сельском хозяйстве, а в промышленности.

Создание и развитие кибуцной промышленности — это сюжет, полный драматизма и противоречивых переживаний. Это история крушения утопических иллюзий и обретения новых представлений о жизни. Надо только представить себе, как эти коллективы идеалистов, объединившихся, чтобы жить в ладу с природой и своими коммунистическими принципами, входили в суровую стихию рынка... как от небольших мастерских и цехов переходили к крупным заводам... как нанимали гастарбайтеров, ощущая себя коллективными капиталистами, эксплуатирующими занесенных ветрами миграции русских, тайландцев и представителей бог знает каких еще народов... как складывались отношения с частными инвесторами, которые то и дело вторгались на кибуцный материк... Все это могло бы стать предметом особого и длинного разговора.

Отмечу только, что в середине нулевых годов в Израиле насчитывалось 265 предприятий, принадлежащих кибуцам как отдельным, так и в совладении с другими коммунами и частными инвесторами. На 66 из них приходилось 70 процентов общего объема продаж, что говорит об уровне концентрации производства. Причем лишь 40 процентов их продукции идет на внутренний рынок, а 60 — на экспорт. В десятках стран мира действуют филиалы кибуцных фирм, активно участвующих в процессе промышленной глобализации. Теперь героями кибуцных саг становятся не собиратели земель времен турецкого владычества и британского мандата, не отцы-основатели сионистского движения, чьими именами названы многие поселения, не Трумпельдор и Анилевич, а проницательные и рискованные менеджеры, чьему предвидению и организационным талантам коллективы обязаны своим преуспеванием, такие как генеральные менеджеры концерна «Тнува» Ариэль Райхман, компании «Гранот» Ицхаке Бадере, фирмы «Тивал» Гези Каплан. Об их решениях и деловом чутье ходят легенды. Зарабатывая для своих коллективов многие миллионы, они живут в кибуцах, внося в их кассу большую часть своих доходов.

Рыночные перемены не могли не оказать воздействия на все слагаемые коммунального бытия. Вот как описывает этот процесс итальянский анархист Джерардо Латтаруло, ряд лет проживший в кибуце:

«В начале продукты предназначались исключительно для собственного потребления, в дальнейшем однако они стали направляться на рынок, что неминуемо искажало законы кибуца. Вместо того, чтобы создать сеть обмена, была создана рыночная сеть, в которой продукты покупались и продавались за деньги. Это было тяжелейшей ошибкой <...> А несколько лет назад мой кибуц построил мебельную фабрику с целью увеличения своих прибылей, не учитывая возможные социальные последствия этого шага. Не была принята во внимание, что среди членов кибуца не найдутся работники для нее и дело закончится... наймом рабочей силы извне. Точно также не была принята во внимание наша способность контролировать процесс производства, так что дело закончилось тем, что фабрика стала автоматизироваться, а сегодня даже решения принимаются руководящим советом, не спрашивающим разрешения у кибуца. <...> В теории кибуц — это превосходное самоуправляющееся общество, но на практике это уже много лет не так. Принцип состоял в том, что все решения должны приниматься на общем собрании и все должности должны выполняться по очереди всеми членами кибуца, которые должны периодически отчитываться перед общим собранием. Существовало три должности: секретарь по социальным вопросам, администратор, занимавшийся вопросами экономики, и кассир для финансовых расчетов. Но когда ежегодный оборот составляет миллионы долларов, самоуправление становится крайне затруднительным. Создается разрыв между различными секторами производства. Очередность выполнения руководящих функций становится формальностью, поскольку в действительности руководители начинают "меняться" постами между собой. Все реже бывает так, что тот, кто закончил занимать ту или иную должность, возвращается работать в хлев или в столярную мастерскую. Все это происходит потому, что гораздо меньше обращают внимание на этические и политические ценности кибуца, который пытался стать альтернативой существующему обществу, а кончил тем, что принял его ценности».

Вот такое признание, где все характерно для идеологии мечтателя-анархиста — и стремление заменить денежный обмен обменом товарами, и тоска по самоуправлению, прямой демократии, при которой нужны еженедельные, если не ежедневные собрания, где принимаются коллективные решения, наконец, мечта о воздействии на общество, призванное превратиться в сеть самоуправляющихся коммун. Тень Петра Алексеевича Кропоткина встает над этими размышлениями.

Но в сознании все большего числа кибуцников укрепляются иные ценности, рожденные существованием в современном рыночном мире. Около семидесяти процентов коммун установили у себя дифференцированную систему оплаты труда. Эта система предусматривает минимальную заработную плату, возрастающую с зависимости от продолжительности членства в кибуце, а также в связи с занятием особо ответственных должностей или высокооплачиваемой работой за пределами кибуца. Бюджет кибуцников увеличен и допускает более широкий спектр личного потребления, так что каждая семья решает, что для нее предпочтительнее: субсидированные

обеды в общей столовой или приготовление пищи дома. И все громче звучат голоса тех, кто требует приватизировать производственные фонды коллективного хозяйства и распределять хозяйственные активы в виде акций. Таким образом, кибуц, пройдя путь от сельскохозяйственной коммуны к агропромышленному объединению, вступает на дорогу, ведущую к превращению его в закрытое акционерное общество.

В 2010 году Израиль отмечал столетие кибуцного движения. Торжества и всяческие юбилейные мероприятия — научная конференция, велопробег от Дана до Эйлата, кинофестиваль, экскурсии — продолжались весь год. Но начало празднествам было положено в Дгании Алеф, *матери кибуцев*, поселении на восточном берегу Иордана, основанном в 1910 году двенадцатью молодыми людьми из украинского городка Ромны, воодушевленными коммунистической идеей.

Все было мило и трогательно. На сцене, установленной на «первом подворье», давно ставшем мемориальным объектом, сидели всякие знатные гости и в том числе пять столетних ветеранов, привезенных из разных кибуцев. «А вот и наш юный президент», — сказала столетняя Хайка Ашори, завидев 87-летнего Шимона Переса, который запросто, в домашнем вязаном пуловере, приехал в Дганию на правах бывшего кибуцника, чтобы поприветствовать собравшихся и предаться вместе с ними ностальгическим воспоминаниям о молодости, проведенной в одном из галилейских кибуцев.

Генеральный секретарь движения Зеэв Шор сообщил, что в 273 кибуцах проживает почти 126 тысяч человек. Причем полторы тысячи человек, которые в свое время оставили коммуны, теперь вернулись в них.

Угощали в основном финиками, которых у Дгании немалая плантация, обрабатываемая гастарбайтерами. Секретарь кибуца Шай Шушани показывал гостям и ее, и коровник, и завод, выпускающий инструмент для буровых установок, не забывал рассказать о переменах в жизни коллектива, приватизации и акционировании, приносящих кибуцникам дивиденды. Когда эти реформы произошли в «Дгании», газета «Едиот ахронот» отметила знаковую роль такого события, написав, что кибуцники обменяли идеалы на деньги.

Откликаясь на этот юбилей, другая влиятельная израильская газета «Гаарец» писала: *«Жители израильских кибуцев составляют сегодня незначительное меньшинство среди населения страны: лишь один из пятидесяти израильтян является в наши дни кибуцником. Знамя социалистических идей, которое гордо несли эти люди на протяжении десятилетий, все еще худо-бедно реет на ветру. Однако ни для кого не секрет, что современные кибуцы все дальше уходят в сторону приватизации и все больше отдают предпочтение удовлетворению потребностей отдельного индивида, ставя общие интересы на второе место. Немногое осталось от того грандиозного проекта, каким он был в первой половине прошлого века.*

И все-таки еще не настало время оплакивать кибуцное движение... <...> Идея, стоявшая за созданием кибуцев, была возвышенной, хоть и мало осуще-

ствимой на практике. Речь шла об общине, которая стремилась закрепить свое присутствие на этой земле, особенно в неосвоенных, периферийных ее районах, путем ведения коллективного образа жизни, зарабатывая себе на хлеб сельскохозяйственным трудом.

Однако кибуцу не удалось изменить природу человека. Разного рода деятели игнорировали принципы, на которых было построено движение, используя особенно его экономики и товарищей по хозяйству в собственных целях. Экономическая реальность в стране также не способствовала успеху уникального опыта израильской сельскохозяйственной коммуны. Наиболее успешными кибуцами являются те, кто в последние десятилетия инвестировали средства в современное промышленное производство, пользующееся спросом, а не те, кто сделали ставку на обработку земли, животноводство или разведение рыбы.

Но если экономический вклад кибуцев в создание и развитие государства сложно назвать решающим, то влияние этого движения на политическую и общественную жизнь, на формирование облика страны трудно переоценить. Без кибуцников, без их участия в наиболее судьбоносных политических и военных проектах, без качественных людских ресурсов, которые поставляли кибуцы, без их энтузиазма и готовности к самопожертвованию, еврейский ишув вряд ли сумел бы продержаться три десятилетия британского мандата и дать отпор арабскому сопротивлению в период создания государства. Ударные подразделения, составившие основу армии обороны Израиля, опирались на кибуцников. Многие израильские военачальники, командиры, летчики и герои военных сражений росли и воспитывались в коммунах. Израильская культура многим обязана писателям, поэтам, композиторам, исполнителям, живописцам, скульпторам, родившимся, выросшим и жившим в кибуцах.

Сто лет спустя после создания первого кибуца, движения, которое переживает сегодня не самые легкие времена, можно с уверенностью сказать, что без кибуцев Израиль выглядел бы совершенно иначе».

Праздник в «Дгании» состоялся, но, пожалуй, то был праздник со слезами на глазах, слезами, пролитыми по забытым идеалам, по великому утопическому проекту, утратившему свою суть, как только он стал реальностью.

ЖИТЬ БЕДОЙ

История России. XX век: 1894-1939 / под ред. А. Б. Зубова

М.: Астрель: АСТ, 2009. — 1023 с.

История России. XX век: 1939-2007

М.: Астрель: АСТ, 2009. — 829 с.

1

Двадцатый век закончился, а мы еще живы. Чисто случайно, сказал бы я, будь чуть постарше и, следовательно, попав фактом рожденья в зону особого риска первой половины и середины века. И вот, есть книга о русской беде, книга, которую стоит прочесть не только подростку, но и взрослому человеку, хотя связный очерк истории России в XX веке уместился в целых два весьма объемных тома, около 1900 страниц.

Отчасти ведь это и о нашем прошлом, читатель. Мы жили в этом сначала страшном, а после подлом веке — в этом очень разном, но все-таки, все-таки страшном и подлом веке; в его зловонных клоаках и мрачных катакомбах многие из нас сохранили или обрели, может статься, нашу веру. Но вера эта чаще подчинена закону **вопреки**. Она питается лишь диалогом с вечностью и лишена уверенности в завтрашнем дне, в состоятельности человека и народа на экзамене истории и на Божьем суде. Да, мы вышли из этой тьмы, как из Дома рабства, но — со стигматами несбывшихся надежд и убитой памяти.

Книга предлагает вспомнить заново. А для кого-то и впервые. Опомниться и задуматься. Если ты даже знаешь о XX веке немало, все равно найдешь много нового. Если не знаешь ничего... то я просто не могу предположить, как ляжет этот текст на душу. Скорей всего — как добросовестный отчет о самоубийстве страны и народа. Пожалуй, не было еще более детализированного очерка истории русской Катастрофы (а именно определение «катастрофа» мы чаще всего встречаем в книге как общую характеристику

**Евгений
ЕРМОЛИН**

— родился в 1959 г. в Архангельской области. Закончил факультет журналистики МГУ. Как критик публикуется с 1981 г. Кандидат искусствоведения (1987), доктор педагогических наук (1999). Член редколлегии и постоянный автор «Континента». Дневник в Живом Журнале — erm_kontinent. Живет в Москве и Ярославле.

русского XX века). Перед мертвящим фактом такого итога, фиксируемого в тексте книги, опускаются руки и замирает творческая воля. Однако авторы нашли в себе мобилизационный ресурс, который и стал предпосылкой создания фундаментального труда. Работу большого коллектива (у книги более 40 авторов¹) возглавил публицист, историк, религиозный и социальный мыслитель Андрей Зубов. Ему явно принадлежит концептуальный чертёж опуса, он сумел организовать усилия соавторов и сконцентрировать их в текст, который построен четко и логично, концептуально выверен и направлен на выявление истины. Ощущается в книге также неформальное присутствие и участие Александра Солженицына (вплоть до публикации его манифестального текста «Жить не по лжи!»).

Взгляд на историю в книге принципиален и выдержан очень последовательно. *В XX веке в нашей стране произошла катастрофа. В 1917 — 1954 гг. самими русскими людьми были убиты десятки миллионов лучших граждан России, изгнаны из страны миллионы других. Невыносимые условия жизни, голод, нищета и репрессии привели к тому, что многие люди предпочитали не создавать семьи, не рождать детей. В 1939 г. народ России оказался втянутым в страшную мировую войну, стоившую нам новые десятки миллионов жизней. В XX веке страна потеряла, по нашим оценкам, 95 процентов своих культурных сокровищ, множество природных богатств и, наконец, в 1991 г. распалась на части. Нынешняя Российская Федерация и по населению, и по обжитой территории составляет немногим более половины той России, которая была в начале XX века².*

Как же это? Почему? Зачем?

В книге приведено огромное количество фактов, не всегда общеизвестных. Но перед нами не просто фактология. И не курс детерминирующей все на свете позитивистской логики, тем более не дешевый идеологический симулякр вроде одиозного «учебника Филиппова». Это — опыт историсофского осмысления предложенных материалов по истории человека, общества и власти.

Как же понимают, как объясняют себе и нам авторы книги происхождение Катастрофы XX века?

Объяснение, которое мы находим в книге, требует внимания и осмысления.

В том, как интерпретируют авторы книги произошедшее, есть простая, но не свободная от противоречий логика. Попробую о ней порассуждать.

Логика эта — в зерне — основана, как кажется, во-первых, на социальной адаптации библейского алгоритма народной истории. Там, если помните, Бог избирает народ (потомство Авраама) и вступает с ним в союз, дого-

¹ Среди них такие умы, как Борис Илизаров, Алексей Кара-Мурза, Борис Любимов, прот. Георгий Митрофанов, Юрий Пивоваров, Никита Струве, Шариф Шукров и многие другие.

² Здесь и далее курсивом выделены цитаты из книги.

вор, награждая за исполнение условий договора и наказывая за нарушение, что влечет за собой катастрофические последствия. Часть народа (*остаток*), которая покаянно возвращается к исполнению договора после исторической катастрофы, совершает тем самым акт *исхода* и продолжает затем нести бремя избрания. А во-вторых, в концепции зубовской книги есть явная опора на сложившееся в культуре Запада представление о необходимости заключения и соблюдения общественного договора для здоровой жизни социума. Таким образом, народ образуется исполнением обязательств перед Богом и взаимных договоренностей составляющих его людей. Этот двойной фундамент народной жизни создает как огромное множество возможностей, так и немало проблем. При истолковании русской истории он позволяет многое понять, но оставляет и место для произвола толкований...

Пространство истории мыслится авторами как место свободы. Да, можно и нужно много говорить о логике и детерминации. Но свобода все-таки первична, человек не просто агент внешних сил или жертва обстоятельств, и это придает истории, поступкам, словам и деяниям, нравственный смысл. Разделяя героев и злодеев, авторы книги никогда не отказываются от объяснения, от интерпретации поведения исторического персонажа или социальной группы. Авторы ищут в истории нечто закономерное, но находят не фатальные законы, подчиняющие себе ход событий, а скорее факторы, предпосылки, условия, сплетение которых могло привести и к иному результату, но привело все-таки туда, где мы сидим сейчас у разбитого русского корыта и думаем свою безнадежную думу. Авторы *объясняют*, — но при этом абсолютно чужды сухому счету исторического детерминизма. История имела варианты. Человек свободен, народ свободен в выборе. А значит, и человек, и народ отвечают за последствия своих решений (хотя сами последствия чаще всего непредвидимы и фатальны).

Свобода может обернуться личным и групповым произволом и насилием над другими. А может вести и к поиску согласия, к чаемому авторами идеалу солидаристского общества, основанного на заповеди взаимной любви (каковая и есть, в сущности, тот установленный Богом для человеческого общества высший «закон», от степени соблюдения которого зависит жизнеспособность этого общества). В первом случае народы и общества чахнут и гибнут, во втором — живут и здравствуют.

Исторический обзор не обходится без морального суда. Этого не избежать, и авторы книги это знают. Их взгляд неизбежно оказывается судом над народом в истории. Конечно, авторы не берутся судить от имени Бога. Но они стремятся исходить из евангельской логики и этики. Отчего получилась книга большой любви и большой печали. Книга, где нет места отчаянию, но есть прожигающее душу сочувствие. Однако же суд — дело страшно ответственное, дело рискованное, и некоторые приговоры в книге, мне кажется, не до конца убедительны. Да и в целом аналитическая трезвость, пафос понимания, объяснения подчас уступают в книге место горячо выраженной нравственной оценке, исторической дидактике. Диалектика исто-

рии заменяется логикой простой поляризации добра и зла, закреплённых за теми или иными социальными силами и личностями. Неудивительно, что книга особенно понравилась симпатизантам исторической России, Белой Идеи, Белого Дела — и совсем не понравилась поклонникам советского опыта. Впрочем, и апологеты исторической России и Белого Дела часто оказывались не удовлетворёнными книгой, что показала общественная дискуссия; упрощающая поляризация — все-таки не главный конек авторов.

Мне было легко читать зубовскую книгу. Я нередко даже наслаждался тем, как складно и ладно выражено по разным поводам то, что я о них (этих поводах) думал или мог бы подумать. Социальный идеал солидаризма, который дорог мне так же, как и А. Зубову, хорошо сработал при чтении книги. Гораздо лучше, чем работал он в российской истории XX века. И это давало странную сшибку в восприятии: радость от опознаваемой истины сочеталась с глубокой печалью. Когда стыд, а когда и бессильная ярость жгли щеки. Однако раздумья и разговоры о книге в конце концов привели меня к выводу, что согласиться с ней трудно в довольно принципиальных вещах...

Сначала, неизбежно опуская многие детали, попробую передать генеральную мысль этого капитального труда. А попутно начну задавать вопросы.

2

Новый, XX век Россия встретила грандиозными обещаниями и перспективами, которые были связаны с огромными ресурсами страны. Но все случилось наперекосяк. *XX век — трагичнейшее для России столетие.* Главным событием века авторы учебника полагают *катастрофу 1917 года*. Роковой исторический перелом от христианской империи — к гнусной богорборческой химере почище древних Ассирии и Вавилона, антихристианскому и антигуманистическому тоталитарному конструкту — СССР. У России, у русского народа, у власти была, считают авторы, миссия — служение Богу. После 1917 года ее не стало. И не просто вдруг не стало. В том, что относится к советской власти, к значительной части общества, ко многим людям, она подменилась, если ставить точки над *i*, на служение дьяволу.

К такому пониманию ведут нас авторы.

Здесь, однако, назревает роковой вопрос. Хорошо, люди в России были всякими и разными, есть святые, страстотерпцы, а есть и мерзавцы, христопродавцы. Факторов и обстоятельств, толкавших человека туда или сюда, было немало. Но как же получилось, что христианская, по логике авторов, страна, христианский в основе своей народ изменили в XX веке Богу, причем с исторически беспрецедентной отчаянностью? Изменили и, в общем, в массе своей не раскаялись; несколько поколений ушли в небытие без сожаления...

В этом есть что-то поистине удивительное, что-то щемяще-жуткое и до конца не постижимое.

Чтобы мотивировать свое понимание логики истории, А. Зубов začínает книгу обширным очерком «Как Россия шла к XX веку». Вот его пассажи на сей счет: *Катастрофа XX века произошла не случайно и не вдруг: собы-*

тия такого масштаба не могли не подготавливаться десятилетиями. И действительно, многие проницательные русские люди, начиная с Радищева, Пушкина, Лермонтова, Хомякова, а позднее Достоевский, Владимир Соловьев, авторы сборника «Вехи» (1909 г.) и некоторые умные иностранцы предсказывали страшный русский бунт «бессмысленный и беспощадный», который может погубить нашу страну. Предсказания этих мыслителей были не голословны. Они хорошо знали русскую историю, современную им Россию и процессы, протекавшие в других странах мира. Они видели много неправды в русской жизни. В чем же источник неправды?

Любое общество в любую эпоху будет прочным и несокрушимым, если люди, его составляющие, помогают друг другу, заботятся друг о друге, уважают свободу друг друга и общий интерес ставят выше своего личного. Такие отношения называются солидарными. Там же, где люди свой интерес ставят на первое место и не заботятся о ближних, там и семья, и государство разрушаются. В армии, состоящей из себялюбцев, кто пойдет умирать за отечество? Принцип солидарности всеобщ, но для христиан он — обязательный закон веры. Церковь, возглавляемая Иисусом Христом, строится на любви и жертве. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» [Ин 13:35] — учит Господь. Для общества, считающего себя христианским, солидарность совершенно обязательна. Она есть проекция Церкви в общественно-политические отношения. Было ли солидарным русское общество?..

Да, было ли?.. Вот принципиальный вопрос!

В целом, по А. Зубову, получается так, что историческая Россия плохо или хорошо, но усвоила христианские и гуманистические понятия. Уже в I веке после Крещения Руси автор вступительного обзорного очерка видит торжество солидаристских идеалов. И дальше, не игнорируя бед и проблем, исторических провалов, он настойчиво гнет свою линию: в основе российского общества и государственности были христианские ценности, была и солидаристская практика.

Но в том-то и горе, что эти утверждения являются скорее попыткой убедить себя, чем реальной данностью почти исключительно жестокой и бесчеловечной российской истории. Россия — страна, в которой секрет солидарности, духовной общности не был утрачен. Он не был даже найден. Хотя лучшие русские люди искали его беспрестанно.

Не стоит сглаживать. Россия — не страна *утраченных гражданского единства, доверия и солидарности*. Не страна свободы, являющейся естественной предпосылкой названных социальных добродетелей. Она перманентно — страна господ и рабов. Провал XX века — это плата за извечное отсутствие в русской жизни свободы и справедливости, за русское рабство, за самодержавный деспотизм и крепостное право. Рабство, которое было тем более вопиющим фактом, что не имело даже фиктивного духовного оправдания среди тех, кто считал себя христианами, которое юридически было упразднено только в 1861 году, а житейски и душевно и не кончалось, давало метастазы, и в минувшем веке обнаружив страшной силы рецидив.

Конечно, было в исторической России и нечто другое, не только рабство. Но эти пространства социальной свободы русский человек находил либо в аскетическом служении Богу, святом подвижничестве, либо в искусстве, творчестве, либо на периферии социума, уходя из него в степь, в Сибирь, в эмиграцию. Свободная и духовно убедительная Россия и случилась только в опытах святости и творчества, чаще всего — в личном уходе из социума, от его рабских детерминант, каковой уход и есть наш аналог библейского исхода. Об этом в принципе сказано и в книге, но, думается, должно было быть сказано гораздо сильнее и ярче.

А. Зубов с соавторами показывает, что несвобода (и *глубокая несправедливость в распределении благ и свобод*) искажала формы личного опыта и сознания, деформировала народную душу, подселив в нее злые помыслы и научив ее ходить путями зла. Она рубила общество на части, размежевывала его, провоцировала углубление общественных противоречий. И даже в начале XX века, хотя рабство крестьян уже давно было вроде бы отменено, оставалось огромное число наследовавших ему форм социальной несвободы и несправедливости, сделавших вопрос об общественной солидарности, о «классовом мире» и социальном консенсусе неразрешимым. В книге подробно освещены не решавшиеся в начале века задачи государства. Неравноправие крестьян с другими сословиями. Земельный вопрос. Упадок и перепривилегированность дворянства. Рабочий вопрос. Национальный вопрос. Отсутствие политических свобод и невозможность для образованного сословия (интеллигенции) влиять на жизнь страны и менять ее мирным и законным путем...

Точнее сказать, реформировать страну было можно. И были, напоминают нам авторы книги, люди, администраторы вроде Петра Столыпина, Александра Кривошеина, Владимира Коковцова, некоторые правые кадеты и октябристы (Александр Гучков, Михаил Родзянко и др.), которые понимали важность вопроса и что-то верное знали о средствах решения проблем, но... Но.

Происходящее в России в этот период описывается в книге красками нарастающего кризиса (хотя многие его признаки кажутся в России перманентными и вовсе не характеризующими сугубо начало XX века). В обществе царил атмосфера всеобщей и глубокой ненависти — идеологической, этнической, социальной. Люди начинали жить лучше, но это не делало их щедрее и человечней. Жить в свое удовольствие становилось нормой. Служение, верность чести и исполнение долга выходили из моды. Корысть процветала. Алкоголизм, падение семейной морали, рост числа самоубийств, дикий размах хулиганства. Общество чувало неправду, несправедливость — и делалось до патологии враждебно-нетерпимым ко всему и всем, с чем связывали эту неправду: к государству, к власти, к церковному клиру, к богатым.

С одной стороны, в обществе началось духовное возрождение, религиозное пробуждение. Но времени, чтоб духовно *просветить всю толщу 150-миллионного необразованного престопадаря*, не оставалось: *упущены были века*.

Упущены, да, бездарно в социальном отношении прожитые века. Уточним только, кем упущены. Не земской же интеллигенцией. Скорее светскими и духовными властями.

И, с другой стороны, в гораздо больших масштабах люди начали отходить от Церкви и веры вообще.

Так описывается в книге духовно-религиозное состояние русского общества в канун 1917-го. Не стало общей веры. Не стало общего дела. *А за чужое дело страдать и умирать никто не хотел.* Это сказано о войне. И это, в сущности, относится к ситуации в стране в целом.

Но скажите, а была ли когда-либо у русских общая вера и общее дело в гармонической слиянности? Назовите этот период в истории! ...И народ, и власть к этому так и не подошли, умея объединяться лишь иногда и на краткое время для отражения внешнего неприятеля (1812) или перед фактом полного социального хаоса (смута XVII века). Да и то, отнюдь все же не в масштабе всей страны. А в основном государство российское было главным врагом русского человека, наиболее опасным, потому что всемогущим и несправедливым. Опасным оно было всегда, хотя на максимально короткой и предельно опасной дистанции к человеку оказалось лишь в XX веке.

В книге содержится, среди прочих, отличный очерк-портрет Николая II. Замечательно показано, как и он, в конечном счете, безответственно сдал без сопротивления ту власть, даже крупицей которой самонадеянно не хотел ни с кем делиться прежде: бездумно распорядился ею как своей личной собственностью, вопреки законам. Но уже неважно оказалось, что вся процедура отречения и поведение главных действующих лиц были незаконными. Хотя для авторов книги юридическая сомнительность процедур как раз очень важна. По излагаемой ими логике, пойдя на нарушение законов, Временное правительство построило свою власть *ни на чем.* *Это была чистая узурпация, отягченная неловкой попыткой сознательной правовой фальсификации.* И это обернулось *скорой гибелью и для него* [Временного правительства], *и для России.* Легитимирующая порядок власть права кончилась уже в феврале 1917 года. Большевики окончательно отбросят принцип права, заменив его властью, опирающейся непосредственно на насилие.

Позвольте, хочется спросить здесь у авторов, а насколько ценны были для общества законы как таковые, если они не давали людям жить по правде, если в них было слишком много рефлексов несправедливости, социальной лжи? И насколько значим в этом контексте факт пренебрежения *такими* законами? Правовая система плохо приживалась в России, потому что законы не разрешали по справедливости основных вопросов народной жизни.

Февральская эйфория знаменательна. Это был истинный праздник освобождения от реальной социальной неправды и порчи, что бы о том ни думал суровый критик Февраля Александр Солженицын. Другое дело, что неправдой была поражена не только власть. Общество в целом оказалось не готово к новому для себя бремени социальной ответственности; людей *это не учили.*

Смута в народной душе в 1917 году описана в книге красноречиво: *Никто не желал теперь над собой больше никакого насилия, все митинговали и наслаждались «свободой», но от Временного правительства ждали, что оно сохранит и даже улучшит строй жизни, которым пользовались люди до революционного переворота. Не имея реальной власти, не обладая средствами принуждения, не встречая со стороны подавляющего большинства российских граждан ни малейшего желания «сознательно» воевать, трудиться и соблюдать законы, Временное правительство было бессильно навести порядок в стране. И государственный корабль России начал тонуть буквально с первых же недель революции.*

За века самодержавия люди привыкли, что власть ставит их на работу. По своей воле большинство умело только бунтовать и отдыхать. <...> Организовывать жизнь должно было правительство, и естественная в обстоятельствах революции неспособность Временного правительства решить насущные вопросы раздражала митингующее население. <...> Очень скоро сознанием многих овладела мысль, что власть захватили буржуи, которым «чужды интересы народа».

Нарастал вал требований своекорыстного свойства. К примеру, о захвате земли у помещиков. *Если бы крестьяне были образованней юридически и по-христиански нравственной, они бы не польстились на грубый лозунг большевиков «Земля крестьянам». Но русские крестьяне были такими, какими они были. И не следует думать, что от безысходного голода и нищеты решилась на грабеж русская деревня. Не безлошадная голь, но деревенские богатеи, «справные» мужики, кулаки и середняки, страстно жаждали помещичьей земли даром. И они получили этот кусок земли, чтобы через несколько лет потерять все.*

Авторы не по каждому случаю прожимают эту логику исторического возмездия, которая довольно исправно работала в XX веке, но не сомневаются в ней. Однажды ответственный редактор А. Зубов даже и специально напоминает, что *только добровольное согласие на зло подчиняет ему и отдельного человека, и целое сообщество. Вот это и случилось в России.*

А мне кажется, что здесь в книге как-то все же расбалансированы отношения между христианской этикой и логикой социального контракта. Авторы вроде как требуют от людей быть любящими, совестливыми христианами в социальном быту (*образованней юридически и по-христиански нравственной*), при том что сам этот быт был устроен патологично и никакого взаимовыгодного социального соглашения между людьми не было. Ни царь, ни правящая бюрократия, ни верхи общества в целом не обеспечивали свободы и справедливости. И даже редко о ней задумывались. Это касается и клира. Духовенство так беспринципно обслуживало власть, сросшись с нею, вера так долго использовалась правящей имперской бюрократией в своих интересах для сохранения несправедливого порядка, что потеряла свою силу и привлекательность для большинства народа. *Вера не уберегла русских людей от соблазна революцией, как она уберегла, скажем, калмыков. Вот и вышло, что сознательных и твердых в вере православных хри-*

стиан в русском обществе оказалось даже меньше, чем сознательных и ответственных граждан, а и тех было мало. В ржаво-красных туманах Октября погибло десятилетиями подготавливавшееся освобождение России, — писал цитируемый в книге Федор Степун, напоминая, что за победу зла в первую очередь отвечают духовно зрячие служители добра...

Власть держалась на силе и на привычке. Ушли они, и встал столбом русский хаос...

Неполных 500 страниц отдают авторы историческому периоду, предвещающему победу большевистской диктатуры, которую они однозначно понимают как победу зла. Далее следует рассказ о том, как *восстание на Бога* победило и чем это обернулось.

Однако где же в социальной жизни империи было то добро, которое оказалось побеждено? Не в частностях ее, не в семейном быту, не в личном опыте и практике микросообществ (там, положим, немало мы встретим добрых и хороших людей), а в социальных механизмах, в официальных практиках? Социального мира не было в России и до 1917 года. Никогда.

Авторы упрекают русских в своекорыстии, в эгоизме. Они поддались агитации большевиков, по поводу программы которых сказано так: *Вместо любви к родине у большевиков лозунг «рабочие не имеют отечества». Заповеди «не пожелай имуществу ближнего своего» коммунисты противопоставили призыв «полного уничтожения частной собственности», то есть отобрание всего имущества, которое накопил сам человек и его предки. Заповеди «не кради» — лозунг «грабь награбленное!». Вместо заповеди «не прелюбодействуй» коммунисты, вслед за «Коммунистическим манифестом» 1848 г., объявляли о желании ввести «общность жен» и отменить «буржуазную» семейную мораль <...> Ложь из принципиально запретной, так как отцом лжи по убеждению христиан является человекоубийца сатана, становится у большевиков не только возможной, но и повседневной нормой... И именно на такого человека, какого христианская мораль именует «врагом Бога», грешником, коммунисты рассчитывали как на своего последователя и приверженца. На того, кто готов нарушить все заповеди, порвать с законами и моралью, лгать и уничтожать все, что мешает в борьбе...*

Пусть даже так! Хотя не всякий большевик был изначально лгун и циник. Но все же едва ли по причине тотального морального саморазложения русские люди ринулись в воду, не зная броду. Проблема в том, что у многих, почти у всех, не было веры в старую Россию, в старый порядок (а на самом деле неравенство и произвол, едва умеряемые работой честных юристов в судах, правдолюбием журналистов и писателей, служением обществу земской интеллигенции). Почему удалась большевистская агитация? Потому что слишком трудно было догадаться, что власть имущие в России живут согласно христианским заповедям, дают пример их исполнения. Если и была в верхах общества декларируема любовь к родине, то слишком мало там водилось любви к ближнему, слишком заметна была явная нехватка практического человеколюбия. И если даже не всякая собственность в исторической

России — кража, то все-таки слишком очевидны здесь своекорыстные богатых и сильных, беззастенчивое пользование неоправданными привилегиями за счет крестьянина и рабочего... Мало было причин любить такое отечество, и агитация большевиков работала на владевшее многими чувство возмущения торжествующей в России несправедливостью.

Исход Гражданской войны (*войны за Россию*) видится авторам определенным тем, что в этой войне народ сделал *выбор не за Россию, а против нее*. В книге смысл происходящего прописан так. *Большая часть народа еще была во власти бунта, еще была ослеплена вседозволенностью грабежа и позором дезертирства*. Русские, в отличие, скажем, от поляков и финнов, эстонцев и латышей, оказались неспособны отстоять свою родину и свою свободу. Плод упал в корзину *Красного интернационала*. Это измена. Способствовали ей, как сказано в книге, и лживые посулы большевиков, и межсословная ненависть, и внутрисословные политические антагонизмы в лагере Белых, партийное доктринерство. Народ в подавляющей массе не был воспитан национально-патриотически, не знал и не любил своей истории, не испытывал благоговения перед отеческими гробами. Потомки крепостных привыкли жить для себя, своих близких. Крестьяне продолжали жить своей общинной жизнью, совершенно не понимая, что происходит. Они не готовы были к жертвам во имя родины, ее чести и свободы. К тому же редко кто в России был способен к самоорганизации, к личному решению и выбору, к добровольному участию в борьбе (а армия Белых была добровольческой).

Опять все вроде бы верно — с абстрактно-прямолинейной моралистической точки зрения. Но отчего же именно народ, — причем рядовой народ, те ж крестьяне, — оказывается в книге виноватей всех? Кто должен был его воспитать? Как воспитывать народ, как учить подставлять другую щеку, если на улице столько неправды и зла? Как учить любви к жестокому и бессердечному монстру-государству и воспитывать верность ему?

Много правды в книге, да только все же попытка найти светлые, христианские стороны в досоветской общественно-государственной жизни выглядит не исторично, а дидактично (и еще — отдает травматическим знанием о том, что случилось потом). Революция, может заключить читатель, стала, как это обычно бывало, возмездием за старое, прежнее зло. Многим ее сторонникам казалось как раз, что она — *выбор за Россию*. За новую, справедливую Россию. При том что в не предвиденном ими итоге, конечно, революция только несоразмерно, неимоверно увеличила количество зла.

И вот авторы книги пишут: Белое движение, выступившее *за Россию и свободу*, в процессе духовного самоопределения многих его участников нашло свою перспективу так, чтобы Россию *не учредить заново, но, преобразовав во многих отношениях, возродить*. <...> *Для Красных Россия была полигоном мировой революции, для Белых — любимой и единственной родиной*.

Но что такое родина в этом контексте, из чего она состоит, каков ее социальный состав? Что такое *возрождение, которое не есть учреждение заново*? На эти вопросы и нам ответить непросто, а потому и Белое движе-

ние на этом постоянно спотыкалось: слишком мало было в дореволюционном прошлом убедительных для всего общества начал справедливости, добра и правды.

Помнится, как Блок писал в дневнике: «*Правду, исчезнувшую из русской жизни, — возвращать наше дело*». Но ни одного готового рецепта возвращения не было. И вообще, возвращение в какой-то золотой век — только лукавый миф. Хотя рецепты были: в опыте других народов — англичан, американцев, французов даже. Но применить их в Белой России получалось редко. Что-то там уж Врангель под конец экспериментировал, но поздновато...

Вот яркие пассажи из книги: *На Белый призыв охотней всего откликнулись дети, учащаяся молодежь <...> В Белом движении их было непропорционально много. Они были той новой сознательной Россией, которая приходила после 1906 г., новым будущим гражданским русским обществом. Их отцы, почти все, еще были в прошлом. Как это ни парадоксально, Белое движение стало движением будущего, нарождавшейся свободной, религиозно сознательной и культурной России, России инициативного хозяина и ответственного гражданина. А большевистская власть черпала свою силу в отживавшем прошлом, в вековом озлоблении крепостных, в неграмотности мужиков, в той лени и пьянстве, суеверии и безнравственности, которые были унаследованы от умершей уже абсолютистской России.*

Здесь мы уже в полушаге от популярной идеи, что Октябрь 1917 года на самом деле был контрреволюцией, бунтом прошлого против настоящего и будущего. Выходит все-таки, что студентам и гимназистам пришлось бы при другом историческом раскладе начинать Россию почти что заново, строить ее без пиетета перед бесславным прошлым? (В прошлом были, повторюсь, подвиги святости и творчества, были военные победы, было рядовое и личное служение человека другим людям... Но не было хорошего государства и хорошего общества.)

И я сейчас с большим сочувствием отношусь к Деникину и Каппелю, чем к Троцкому и Фрунзе, но не потому ли в основном, что они потерпели поражение? — и потому... Потому. Их идею можно назвать национально-демократической. Ну да, многие белогвардейцы воевали не за привилегии. Они тоже хотели правды и готовы были демократически ее искать. Но та семейная, личная русская правда, которую они знали, не входила ни в какую связь с общей неправдой, царившей в исторической России.

Читаем далее: *К Белым шли те, кто любили Россию больше себя и ценили свободу выше имущественного достатка. Трагедия России в том, что таких оказалось слишком мало. Большевики же нашли в России покорное и пассивное большинство, запуганное и дрожащее над своей только жизнью, над своим куском земли, а когда надо — идущее в бой по принуждению.*

В этих обобщениях есть упрощение. Было среди красных немало правдоискателей или не чувствовавших историческую Россию своей родиной юных идеалистов — романтиков мировой революции и освобождения человечества, каких-то маяковских максималистов и светловских мечтателей-

бойцов, типа Аркадия Голикова, или Сергея Есенина с его Инонией. Ну да, их идеал на весах истории практически невесом, это — утопия чистой пробы, воображаемая химера теоретического рассудка и наивных эмоций. Но ведь и старая Россия как страна явно не состоялась.

А главное, в массовой Красной Армии было много людей, воевавших во-все не по принуждению, людей, озлобленных старым порядком, ненавидевших его, и это, а не страх, двигало ими в этой войне народа против народа.

...Какие воспоминания о прошлом уносили с собой Белые, те, кто, так сказать, хранил Россию в сердце, кто унес ее с собой в тюрьму и в могилу, во внешнюю и внутреннюю эмиграцию? Это семейная идиллия пошмелевски, это юношеские романы и мужские приключения по-бунински, это иногда акварель и лубок, но никогда — хорошая, мудрая власть или успешный пример свободной социальной инициативы...

Двухглавый орел — того, издох-с...

Овеянный тускнеющею славой,
В кольце святош, кретинов и пройдох,
Не изнемог в бою Орел Двухглавый,
А жутко, унизительно издох.

Один сказал с усмешкою: «Дождался!»
Другой заплакал: «Господи, прости...»
А чучела никто не догадался
В изгнание, как в могилу, унести.

(Г. Иванов)

По мысли авторов книги, Россия (*новая Россия*) состоялась и выжила *только в изгнании*, в эмиграции. Она брала не числом, а качеством и состоялась в истории XX века как яркое явление, рассказу о котором в книге отведено немало места. Смысл эмиграции авторы книги видят *в послании миру*. Это мир *героических поступков и жертвенных подвигов* боевиков, безуспешно пытавшихся продолжить вооруженную борьбу с коммунистическим режимом, — но это и мир *культурного и религиозного творчества*, религиозной жизни и философской мысли, искусства. И эти русские дары миру огромны.

В эмиграции русский человек жил, по сути, безгосударственно. Старое государственное зло ушло, новое почти его не касалось. Он получил то, чего ему так не хватало на исторической родине, канувшей в небытие. Свободу от иллюзий и возможность духовной и творческой самореализации.

Постепенно эта Россия в огромной мере растворилась в человечестве, отдала себя ему. Значит ли это, что она прекратила существовать? Вопрос спорный. Для авторов эмигрантская Россия отдала себя не только человечеству в целом, но и России будущего, которая наступает и уже почти что наступила. Но так ли это? Вернемся к этому сюжету позже.

А чем была советская Россия? Была ли она вообще Россией? Ответ на этот вопрос в книге звучит так: *в России прошлое («проклятое прошлое») <...> задушило будущее, раздавило его или изгнало из страны. И с неизбежностью в Россию вернулся и абсолютизм, и крепостное право, и бесплодная коммунистическая вера.* Таким образом, советская Россия — это мутант, который взял из русского прошлого самое худшее. С существенной добавкой: воинствующим богоборчеством. *Главной помехой для раздувателей мирового пожара классовой войны было сообщество искренно и глубоко верующих в Бога людей — христиан, мусульман, иудеев, буддистов. <...> На него и был обрушен удар захвативших власть в России большевиков. Коммунизм попытался поставить под вопрос само существование Церкви, по крайней мере, у нескольких европейских народов. И главному столкновению между Церковью и богоборческим коммунистическим режимом в XX в. суждено было на протяжении многих десятилетий происходить именно в России.*

Советская власть видится авторам книги очевидным, несомненным и бесспорным злом. *Аморальным и циничным чудовищем.* (Но мы добавим: это достойный потомок славных предков!) С октября 1917 года она не прекращает *войну против народа России.* Воздух закаменел. Сатана пришел в мир, Булгаков не ошибся в диагнозе, хотя в деталях и пытался найти хоть глоток надежды. Русским, убеждают авторы книги, по библейской логике возмездия, пришлось заплатить за свою измену полной мерой бедствий. Потерей родины, уничтожением русского общества, измельчением и вырождением, смертями и бедствиями, а пожалуй что, и Второй мировой войной.

В религиозном ракурсе мы, наверное, можем так сказать. Но в социальном — измены не было. И в этом жуть ситуации.

Устоять удавалось только личностям, лишь одиночкам, микрочайкам (церковным общинам, семьям), которые хранили веру и *совесть от порабощения и осквернения сотрудничеством с сатанинским режимом.* Но и свободная личность как общественно значимое явление была уничтожена в конце 30-х годов, во время «Большого террора». Страх, ложь и беспамятство были орудиями уничтожения личностного начала. Народ *становился народом доносчиков, предателей своих ближних. Солидарное, соборное начало истончилось и исчезло.* Ложь была всеобъемлющей; нормой отношений, средством выжить. *Те, кто не умели врать, — погибали. Выживали лжецы.* Для выживания практиковалось и беспамятство: лучше было забыть про свой род и племя, дедов-прадедов, *выдумать себе происхождение попроще, предков позабытей.* От прошлого приходилось отречься. *Так стиралась историческая память и сжигалась совесть.*

В итоге нескольких лет «Большого террора», фиксируют авторы книги, очень многие до того веровавшие люди потеряли веру в Бога. В 1937 году верили, а к 1940 году уже нет. *Многие люди той эпохи пишут об этом, сами себе удивляясь, — вера к выжившим вернулась намного позже, лет через двадцать-тридцать.* В книге это явление объясняется великим разочарованием в че-

ловеке, оказавшемся предателем, негодяем, лжецом. *Столь отвратителен был образ человека в России конца 1930-х, что Бог выдавливался русским человеком из своего сердца.*

Казалось, все кончено. Почва ушла из-под ног. Сталин и Гитлер сговорились и начали Вторую мировую войну.

Новое окно возможностей открылось в июне 1941 года. Вообще, именно по поводу фактов, суждений и оценок, относящихся ко времени Второй мировой войны, вокруг книги в прессе и интернете больше всего шума. Демифологизация вековых тем, правда о Катыни, правда о Власове для некоторых соотечественников оказалась невыносимой.

После нападения Германии на СССР, проблематизировавшего в первую очередь существование режима, начинается, как показывают авторы книги, движение ищущего духа в разные стороны света. Показалось: что-то и как-нибудь может измениться. Но что и как? Диапазон возможностей оказался широким: от адаптированного советского патриотизма (но уже с включением досоветской исторической памяти и славы) до власовского движения за новую несветскую Россию.

Авторы не молчат о том, что эти поиски неоднозначны. Многим приходилось выбирать между двумя монстрами, Рейхом и СССР, альтернативы иногда не было. В книге есть гуманный и точный по своей сути призыв не судить однозначно, не подменять трагедию мелодрамой или фарсом, понять и принять сложность и фатальную противоречивость ситуации, в которой оказывался человек: *Страдания народов России под большевиками были столь невыносимы, что мы сейчас не имеем права судить никого, признавая нравственные изъятия в любом выборе судьбы в те годы.* Нас там не стояло.

Да, нам достались более вегетарианские времена. Кто без греха, бросайте камни хоть во Власова, хоть, к примеру, в Мережковский. По крайней мере, есть разница между изменой режиму и изменой родине. А чем была родина в 1941 году? Возможно, только надеждой... *Армия Власова была обречена с самого своего создания, — читаем мы, — в случае победы Гитлер бы не потерпел ее, в случае поражения ее не потерпел бы победитель — Сталин. Они жаждали правды после лжи большевицкой пропаганды и мира после кошмара подсоветской жизни, но нацистская Германия дала им другую ложь вместо правды и вместо кошмара ГУЛАГа ужас братоубийства на стороне врага.*

Проблема, однако, не только в том, что хорошего будущего не было. Проблема в том, что власовцы воевали на стороне чужих против своих. Как ни крути. Вопрос, таким образом, остается открытым — и, наверное, навсегда...

В последнее время много спорили и о том, чем была Вторая мировая для России. Одни твердо стояли на той ветхозаветной позиции, что, даже если война и не была дана Богом в наказание, то она стала естественным последствием богоотступничества и историческим возмездием за предательство, и этим все сказано. Другие говорили, что смысл войны, начатой СССР в союзе с Гитлером, к 1942 году переменялся, — и стало можно вести речь о вой-

не Отечественной, народной войне для изгнания внешнего врага как о факте русских сознания и жизни.

В книге ощущается тяготение ко второй позиции. После полного разгрома довоенной Красной Армии формируется, по сути, новая армия с новым командным составом, практически не связанным с временами Гражданской войны; возникают новые мотивации для борьбы и победы (спасение от неприятеля — и «завоевание» реформ победой)³. Но существенной оказалась в контексте книги, мне кажется, вывод, что Вторая мировая не смогла решить проблемы России. Парадоксальным образом СССР, этот угрюмый тоталитарный монстр, способствовал победе народов Запада, отстоявших свободу и демократию. Но Россия, человек в России ни свободы, ни демократических прав не получили. И мы не видим больших волнений в обществе по этому поводу. Народ стерпел. Несогласие оказалось сконцентрировано в личном переживании ситуации отдельными людьми, в микросообществах. Лишь постепенно пробуждается человек от обморока. Неприятие зла, отторжение от него озвучены поначалу негромко, но эти голоса звучат все сильнее и их все больше... Виктор Некрасов, Твардовский, Овечкин, Померанцев, Лифшиц, Щеглов... В начале 50-х начинаются восстания в лагерях. Страна движется к Оттепели.

С одной стороны, А. Зубов в своих заметках, признаваясь в дискусионности этих выводов, все же настаивает на том, что и после войны существует *осовеченное русское общество, но не советское общество*. То есть в глубине русское общество как-то выживало, *режим и его институты были советскими, а наука, культура и сам человек оставались русскими*. Что это значит? Вероятно, так приходится понимать автора, действует все та же русская логика: жестокое государство, больное общество — и хорошие люди, в част-

³ Прочитую многозначительные рассуждения А. Зубова о понятиях в интервью сетевому ресурсу ПОЛИТ.РУ 26 мая 2010 года: *Понятие «Отечественная» подразумевает, что все, кто сражался не со Сталиным, сражались против отечества. Это не соответствует внутренним убеждениям людей, которые воевали на другой стороне. Поэтому слово «отечественная» мы объясняем более иносказательно. Мы говорим, что постепенно из войны, которая была войной двух режимов, она стала войной двух народов. Эти два народа перешли в состояние конфликта, трагедии. И в этом состоянии каждый человек находил свой путь. У русского народа был уже страшный опыт жизни под коммунистическим владычеством, что объясняет, почему многие не воспринимали эту войну как свою, сдавались в плен, переходили на сторону врага. Известно, что под Сталинградом каждый шестой солдат Вермахта был гражданином СССР. Это вопиющие цифры! Такого никогда не было. Надо же дать объяснение, откуда столько предателей. И именно этот контекст массового предательства не позволяет нам называть эту войну «отечественной». Но постепенно, особенно после Сталинграда, в обществе начинает формироваться ощущение, что люди сражаются за Родину. — «Наша книга — это история не государства, а общества».* Интервью с доктором исторических наук, профессором МГИМО Андреем Зубовым. <http://www.polit.ru/analytics/2009/09/17/history.html>

ной жизни практикующие иногда гуманность и человеколюбие... Как если бы сокровенный и небывалый Китеж временами мерцал через муть исторических вод. Но много ли было таких примерных христиан, и что они изменили в судьбах России?

С другой стороны, из двух зол человек выбрал зло родное. *Смягчилось противостояние народа и власти, определявшее атмосферу 1930-х гг. Защита отечества от внешнего врага заставила пойти на компромисс с диктатурой и ее ценностями — бесчеловечными и противохристианскими. Возник «советский патриотизм», укрепивший диктатуру на долгие десятилетия. Появилось «советское имперское сознание»...* То есть некоторым рабам нравилось быть рабами: это тоже не новость. Чем дальше, тем больше формирует социальный климат негласная сделка между властью и обществом, упорядочивающая почти рабовладельческие отношения обещанием не кусаться слишком больно. Острые режимного зла притупляется, советская идейность малопомалу выхолащивается, номенклатурный деспотизм уже не столь кровожаден, но и общество помаленьку теряет мотивации к позитивно-автономной социальной инициативе. Забвение Бога упраздняет религиозный смысл общественного служения. Однако и идеалы социальной правды, справедливости, общественного договора вдохновляют не так уж многих отщепенцев.

Думается, результатом этого стала постепенная, но неуклонная деградация культуры, теряющей к концу XX века свои достижения и задвигающейся на периферию культуры мировой. Да и сам поздний Советский Союз теряет инициативу, чем дальше, тем больше становится сугубой провинцией в научном, технологическом и многих других аспектах. Этот тренд был продолжен и в конце XX — начале XXI века.

Впрочем, авторы книги здесь вряд ли со мной согласятся. Но характерно, что по объему история последних советских десятилетий занимает у них довольно небольшое место. Значительность уходит из русской жизни. Самое важное к середине века уже случилось.

4

Вы скажете: а как же финал столетия? Время, когда советский режим рухнул?

Да, советский путь в светлое будущее оказался путем в тупик, в мрачный и кровавый чулан истории, — и в конце концов жить в этом чулане не захотелось уже никому. Но можно согласиться: к этому моменту подошло *общество, разрушенное и нравственно опустошенное 70-летним тоталитарным господством*. Можно даже заострить: общество без альтернативной памяти, без четкого понимания исторической, социальной альтернативы совку.

Применительно к событиям рубежа 1980-х — 1990-х в книге даются довольно осторожные определения: массовое протестное движение против несправедливости, несвободы, произвола власть имущих... Я бы это движение рискнул назвать демократической революцией конца 1980-х — начала 1990-х годов. Однако от наименования правда не становится более прият-

ной: революция захлебнулась и не смогла решить многих задач. Реформы затем производились недемократично, наспех, второпях, в режиме цугванга. Свободы и товаров в магазинах стало больше, справедливости и солидарности больше не стало. И об этом в книге сказано немало.

В прежнюю, историческую Россию возврата нет, это ясно: дом сгорел, и пепелище заросло дурной травой. Вообще, новый век по-своему дожигает все, что осталось в прошлом, без перспективы возрождения.

Есть люди, которые вернулись к вере или впервые ее обрели. Авторы книги даже оптимистично говорят о *возрождении веры и религиозной ответственности в России*, ссылаясь, в частности, на рост числа храмов и монастырей. Для кого-то это аргумент. Но в целом русское общество не возродилось, возрождения России не случилось, да и вообще понятие «возрождения» выглядит очень неопределенно. Последствия былого богоотступничества далеко не преодолены, и как-то слишком мало признаков решимости их преодолеть, объединяющей значительную часть общества.

Свокорыстие и эгоизм слишком повсеместны, а правящие элиты дают тьму примеров духовного и интеллектуального упадка, морального разложения. Назвать бы их пигмеями, но настоящие пигмеи вправе обидеться.

Беспримерная историческая конвульсия XX века завершилась в новейшее время довольно позорным расслаблением, советское варварство плавно мутировало в постсоветское. На наших глазах сложилась какая-то особая страна, которая язвительно и издевательски называется в интернетном просторечьи — Эрэфией, Северной Нигерией, Рашкой и т. п., — с режимом, напоминающим какую-то тухлую латиноамериканскую диктатуру середины XX века, с *государственно-олигархическим капитализмом* и с инертным, атомизированным обществом посткатастрофического типа, весьма слабо напоминающим чаемое гражданское общество.

Но для авторов книги жалкое российское прозябание наших дней и содомские краски эпохи — еще не окончательный приговор. Только недобросовестные критики могут уличить их в избытке критицизма⁴.

Авторы цитируют Георгия Федотова: *в 1934 году он писал, что большевикам «удалось воспитать поколение, для которого уже нет ценности человеческой души — ни своей, ни чужой. Убить человека — все равно, что раздавить клопа. Любовь — случай животных, чистота — смешной вздор, истина — классовый или партийный утилитаризм. Когда схлынет волна революционного коллективизма, эта “мораль” станет на службу личного эгоизма».*

⁴ Примеров много. Болезненно самолюбивая, вздорно-обиженная реакция на книгу есть тоже в своем роде симптом глубокого и не всегда поправимого общественного расстройства. Далеко не самый злобный критик С. Мазур пишет о А. Зубове: *...автор выступает в роли грозного судьи или пророка, обличающего «род лукавый и прелюбодейный». Как будто автор желает сказать молодому поколению — с такой историей жить невозможно, а надо бежать из нее, куда глаза глядят.* — Сергей Мазур. Образ Латвии в учебнике «История России XX века» под редакцией А. Б. Зубова. <http://shh.neolain.lv/seminar25/alm%2012.mazzub.htm>.

Очевидно, что это предсказание не относится ко всем. Но ко многим: и на верхах, где политики беззащитно использовали свое положение для личного обогащения, и на низах, где детские дома полны брошенными детьми-сиротами при живых родителях. Нравственный распад, вызванный большевизмом, затруднил как реформы, так и повседневную жизнь. Жить несравненно спокойнее и проще, когда отношения с другими основаны на доверии, сотрудничестве, а не пронизаны подозрением: а вдруг он меня обманет?

Да, уже хочется наконец жить в великодушной стране добрых и щедрых людей, в стране творческого порыва и духовного подвига. От фиксации факта рассказ перетекает к наставлениям и упованиям. Утешительные надежды, которыми баюкают читателя А. Зубов и соавторы книги в ее последних главах, приходят иногда даже в слишком разительный контраст с основным содержанием повествования. В некоторых декларациях и вовсе, как говорится, без поллитры не разберешься, — например, в утверждении авторов, что президентом Путиным во время второго его срока была осознана необходимость преодоления национальной русской катастрофы XX в. и возрождения страны на докоммунистическом и некоммунистическом основании.

Снова тут про мифическое какое-то основание страны, как будто пребывающее в ожидании, пока на нем снова начнут строить идеальное общество по мудрому плану *Путина!* Эх-хе-хе...

5

...Может быть, все и кончено. Но зачем же тогда столько пережито, выстрадано и выплакано? Зачем нам дан этот неудобный опыт зрелости? И что все-таки мешает умудренным знаниями и опытом авторам книги сказать: Россия кончилась, родины больше нет, точка невозврата пройдена?

Возможно, это нежелание верить удручающим реалиям. Возможно, отсутствие фатализма и вера в свободного человека, который способен измениться к лучшему. Возможно, смирение перед Божьей волей и ожидание чудес, которые приходят иногда из таинственной и непостижимой глубины бытия. (Впрочем, после выхода книги некоторые из соавторов, например, о. Георгий Митрофанов, уже успели поделиться гораздо более мрачным видением русских настоящего и будущего, чем то, которое содержится в коллективном труде⁵.)

Однако естественней пока видеть итоговый смысл книги, о которой идет речь, не сугубо в чаянии лучшего, отчасти оправданном или совсем бесосно-

⁵ В репортаже с одной из презентаций читаем: *Уповаю на духовное возрождение России, профессор Зубов отметил: «Христианская интенция нашей книги в том, чтобы вселить надежду, чтобы пробудить от сна». «Мы уже опоздали с пробуждением», — парировал о. Георгий и добавил: «Эта книга хорошо показала, что ничего, кроме веры во Христа, у нас уже не осталось».* — *Зайцева Ю.* Новый труд по истории России XX века как пособие по покаянию. — <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=4&id=30917>

вательном. Эффект соучастия в событиях и процессах XX века по факту чтения и обдумывания «Истории...» является залогом чего-то важного. Книга воссоздает пространство памяти, позволяя мыслящему человеку с живой совестью реализовать единственно достойную личную позицию: жить Катастрофой, помнить о ней, совершать поступки и выбирать вектор жизни, исходя из этого. Держать спину ровней, чувствовать духовное родство с тихими героями «темных времен». Все-таки нельзя не верить, что есть и такое неусловное место, где вы по-братски обнимете тех, кто хоть в XVI-м, хоть в XX веке выбирал и выбирает духовный резистанс господствующим силам зла, сопротивление, пусть и без надежды на победу.

И, конечно, не будем зарекаться. Наверняка у России есть шанс на непозорное будущее. Пусть даже помимо привычных государственных и территориальных форм. Пусть хотя бы на почве религии, языка и культуры. Хотелось бы все-таки верить. Тогда значение предпринятого А. Zubовым с авторами труда конкретизируется.

По А. Zubову, история России XX в., особенно история тридцатипятилетия с 1917 по 1952 г., предельно трагична и изучать ее — мучительно больно. Поэтому многие ничего не хотят о ней знать. Но если потомки не будут сопереживать своим предкам, — то муки предков окажутся напрасными. Сопереживание нужно для исторического единства нации. Единство нельзя строить на лакированных мифах — мифы все равно распадутся. Единство можно строить лишь на поиске истины.

Очнется ли нация или построится заново и в каком числе, случится ли новая историческая мобилизация, и каковы будут ее очертания, но книга — это место встречи. Есть преступление и есть возмездие, но те, кто осознали причины и следствия, кто вместили в себя опыт исторического провала и волю к метанойе, люди, рассеянные в пространствах бытия, в огромном мире, становятся тем малым остатком, которое образует собой Россию духа, тем нерукотворным Градом Божьим, который обладает смыслом в хаосе и бессмыслице безумно-перверсивной «нашей Раши». И если есть в опустошенном и выгоревшем русском поле хоть для кого-то шанс опомниться и возможность перемены, то они появляются и потому, что еще случаются в нашей жизни и такие книги — спорные, противоречивые, но заставляющие думать и помогающие жить.

**КОММЕНТАРИЙ К СОБЫТИЯМ
РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ**

(январь — декабрь 2010 г.)

От редакции

Вот уже в четвертый раз традиционный для нас с 2002 года «Комментарий к событиям российской жизни» Виктора Шендеровича выходит в том самом формате, в котором выходит, так что уже и язык не поворачивается назвать этот формат «новым». Напомним читателю, что до 2009 года эта рубрика появлялась в каждом номере «Континента» и включала в себя достаточно обстоятельный обзор всех случившихся за квартал сколько-нибудь важных событий российской жизни, составленный из тех еженедельных обзоров, которые делал Виктор Шендерович сначала в рамках своих телепередач, а затем в эфире «Эха Москвы».

Но в 2008 году выходявшая на «Эхе» программа прекратила свое существование. Как объяснил сам Шендерович в своем «Комментарии», напечатанном в 138-м номере нашего журнала, это произошло из-за случившегося «кризиса жанра»: *Помните Авессалома Изнуренкова из «Двенадцати стульев»? Того, который выпускал не меньше шестидесяти острот в месяц... Вот и я в какой-то момент почувствовал себя таким Изнуренковым. Только мне было еще тяжелее: мои персонажи все время повторяются, причем самым прискорбным образом: они воруют, убивают, лгут и говорят патриотические пошлости — и ничего пятого, в общем, не делают. А я всякий раз должен был описывать их действия каким-то новым ходом, новой метафорой. У меня кончились метафоры... Все стало, как бы это поточнее выразиться, — предсказуемым. История, как предупреждал Салтыков-Щедрин, закончила течение свое...*

**Виктор
ШЕНДЕРОВИЧ**

— родился в 1958 г. в Москве. Окончил Институт культуры и аспирантуру Щукинского театрального училища по специальности «педагог по сценическому движению». Работал на ТВ (программы «Куклы», «Итого», «Бесплатный сыр»), на радиостанциях «Свобода» (передача «Все свободны») и «Эхо Москвы» («Плавленный сырок»). Автор книг «Семечки», «Театр одного Шендеровича», ««Здесь было НТВ» и другие истории», «Шендевроу» «Случай с йеху и другие истории нашего зоопарка», «Операция «Остров»» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

Вот тогда-то мы и решили сделать «Комментарий», во-первых, более редким, то есть нацеленным на подведение некоторых обобщающих итогов за достаточно длительный период нашей жизни. А, во-вторых, — в соответствии с тем, что при таком угле зрения неизбежно будет меняться и сама интонация, куда менее уже, естественно, предрасположенная к юмору и шуткам, — перевести «Комментарий» в форму живого диалога редакции с автором.

Предлагаемый ниже текст «Комментария» к событиям 2010 года появился в результате беседы в редакции, состоявшейся 20 декабря — через полторы недели после событий на Манежной площади и за полторы недели до вынесения второго приговора Михаилу Ходорковскому...

— Мы в четвертый раз предлагаем читателям Ваш «Комментарий» в форме беседы...

— И вы думаете, что я вам скажу что-нибудь новое?

— Но что-то ведь все-таки скажете — и новое тоже. Хотя мы прекрасно понимаем, что новое это уже не ново. Ведь мы и прекратили наши с Вами ежеквартальные встречи именно после того, как Вы сказали, что нового ничего нет, в связи с чем иссяк и Ваш юмор, потому что смеяться надо всем происходящим уже как-то стало невозможно...

— Давайте я все-таки вступлюсь за себя. Юмор, конечно, не кончился, просто я перешел на другие формы обобщения. Ну, например, написал вторую часть рассказа «Лужа» — первую когда-то читал Хазанов. Это рассказ 91-го года — история города Почесалова, который находится в окрестностях города Глупова. В 92-м году Хазанов это читал с довольно большим успехом, и персонажи рассказа еще были живы, — собственно, частично они и сейчас живы. Там Горбачев сидел в зале, дай ему Бог здоровья.

И вот спустя почти двадцать лет я написал вторую часть этой «Лужи» — о жизни города Почесалова в отчетный период, с 92-го... Собственно говоря, в каком-то смысле я попытался в эту хронику уместить все содержание «Плавленных сырков» — просто уже без фамилии Путин, без упоминания Байкалфинансгрупп, — какие-то общие ощущения...

Но в общем-то, вы правы — насчет юмора. Как комментировать Манежную?.. Как можно весело, озорно прокомментировать Манежную?

— Мы на это не рассчитываем и не к юмору обращаемся. Мы ведь недаром перешли на жанр таких вот ежегодных обобщений. Вы нам нужны и интересны здесь прежде всего как человек думающий, а не просто обладающий большим или меньшим юмористическим талантом. Нам интересна Ваша точка зрения на все то, что в 2010 году показалось Вам наиболее важным. Интересно

знать, какие сдвиги на нашем русском поле Вы видите. Короче — нам важен Ваш взгляд на итоги уходящего года...

— Да, собственно говоря, мы беседуем как раз в те дни, когда эти итоги застывают, просто, как гипс, на наших глазах. Потому что весь год прошел в некотором придыхании ожидания: вот сейчас плюшевый наш президент, этот маленький наш Илюша Муромец... Вот однажды утром мы проснемся, а он вдруг встанет во весь рост, и окажется, что рост большой — политический, я имею в виду, рост. Вот — вдруг окажется, что он, собственно, Горбачев... Что он скажет всё, что он подведет итог всему этому чудовищному путинскому десятилетию. Скажет: «Всё. Товарищи дорогие, господа, так больше нельзя. Возвращаем выборы, возвращаем свободную прессу, опираемся на общество... выпускаем Ходорковского, возвращаем в публичное поле оппозицию, начинаем разговаривать, начинаем слышать друг друга. Перестаем делить общество на визжащих сторонников вертикали и “пятую колонну”»...

— *Значит, такие ожидания были и у Вас?*

— Были. И я могу сказать, что это нормальные ожидания, как мне кажется, потому что история идет извилистыми путями, и есть тысячи примеров того, как коррупционеры и номенклатура меняли историю, — точнее, как она менялась через них. Собственно, Горбачев и Ельцин — тому подтверждение, и Мирабо тому подтверждение, и десятки еще случаев из мировой истории, когда самая что ни на есть органичная часть прошлого вдруг становилась кровотоком для будущего. Сколько угодно так судьба играет биографиями. Поэтому этого ожидали, и весь год прошел в этих ожиданиях. Все говорили друг другу: ой, не спугни, не спугни; не надо его критиковать, давай не будем; давай помягче, давай его не обижать... Ну посмотри, сейчас он опять что-то человеческое сказал... Вот опять какой-то знак. Смотри: все-таки Сколково, а не Байкалфинансгрупп, не Чечня. Вот все-таки... Ну смотри...

И ведь в самом деле какие-то вещи были сделаны с подачи людей, которые были отчасти приближены... В Уголовном кодексе действительно какое-то смягчение, сколько-то людей вышли на свободу или не сели. Действительно заработал немножко механизм помилования и т. д. То есть что-то происходило... Но существует то, что называется совокупный вектор. И вот этот совокупный вектор в какой-то момент времени вот так вот закаменеет гипсом, — и мы говорим: «оттепель» или «конец оттепели», хотя там и внутри оттепели был Новочеркасск, а внутри конца оттепели были еще какие-то потепления, какие-то публикации... То есть все одновременно происходит, но существует какая-то равнодействующая, какой-то вектор итоговый, — и мы говорим: «тридцать седьмой год», — имея в виду что-то ужасное, хотя и в тридцать седьмом году кто-то написал хорошую музыку, кто-то влюбился, а кого-то даже и выпустили, допустим... Но когда мы говорим: «тридцать седьмой год», то мы имеем в виду суммарный вектор, в кото-

ром загустело это время. И вот Манежная и прямой эфир Путина, сказавшего до вынесения приговора судом «вор должен сидеть в тюрьме», в каком-то смысле сгустили и определили, что это был за год и чем он закончился.

Итак, вот на сегодняшнее наше двадцатое декабря фашисты вышли в политическое поле совершенно очевидно открыто и откровенно. Милиция доказала (если это еще не требовало доказательств) свою абсолютную деградацию: они не способны защитить ни в Кушевской, ни в Гусь-Хрустальном, ни на Манежной... Причем и там, и там, и там, увы, прослеживаются политические мотивы, потому что и в Гусь-Хрустальном, как выясняется, главный бандит — человек из правящей партии, член политсовета, и Цапок в Кушевской получал средства напрямую из бюджета, что это все завязано напрямую... И Манежная, как потихонечку начинает выясняться, была не вполне результатом дилетантизма милиции; уже появляется некоторая информация о том, что это была часть большой игры — с очевидными политическими дивидендами для Путина. Очевидными, потому что этот «альфа-цапок», как его назвал Пионтковский, уже всех достал очень сильно, и когда альтернатива Путину — Сколково и какие-то демократические либеральные ожидания, ну хоть какие-то послабления, — то отток идет туда. А вот когда альтернативой Путину, Нургалиеву, власти, правительству выступают нацисты и погромы, тогда не до Пионтковского уже... Тогда такой коллективный радзиховский падает в ноги власти и говорит: «Ребята, все что угодно, только не они! Защитите!» И Путин говорит: сбрасывайте либеральные бороденки... Отчасти Путин безусловно прав: надо самим. На Путина уж надежды точно нет, потому что Путин, по-моему, не скрывал своего удовольствия от этого эпизода, очевидно качнувшего ситуацию в его сторону.

— *Кажется, это такая замена «маленькой победоносной войны»...*

— Разумеется, разумеется, — с тем же результатом, замечу. Потому что мы помним, как он победил в Чечне (см. все, что было там дальше). И ровно так же они «победят» фашизм. Сейчас они держат его на прикорме в качестве такого ужасика. Но если бы они все не были троечниками, я бы им напомнил одно место из фильма «Кабаре». Помните этот знаменитый эпизод — когда мирная песня «Tomorrow belongs to me» перерастает в фашистский марш? После этих кадров герой Майкла Йорка говорит: «Вы еще думаете, что сможете их остановить?»...

Да уж, лучше не забывать, что фашистов тоже подкармливали и раскручивали в противовес левым, точно так же, как сделали Сурков с Рогозиным. Но потом...

Этот джин очень легко из бутылки выходит, а обратно его в бутылку загнать — это стоит иногда пятьдесят миллионов жизней. Вторая мировая война — цена этого загона обратно, и то, как мы видим, навсегда не загнали...

Вот итог года. Вот он сгустился на сегодняшний момент так: от имени народа говорят подонки, а власть — та половина, та вторая голова, на ко-

торию так надеялись либералы, — ведет себя просто как плюшевая мягкая игрушка. Просто вообще нет президента. Этот человек в твиттере написал: *«Всё под контролем»*.

— *Что? В каком смысле?*

— Президент в Twitter'e, на сайте, написал по поводу Манежной в самом конце своей записи по итогам дня: *«В стране и в Москве — всё под контролем»*. То есть, спокойной ночи, милиция поработала, все хорошо. Это написал президент страны в Twitter... Уложился в сто сорок знаков, как полагаются... И всё.

— *А что, по-Вашему, надо было делать?*

— Об этом хорошо Пархоменко сказал на «Эхе Москвы»... В ту же ночь собирается чрезвычайное заседание Совета безопасности, отправляется в отставку министр внутренних дел, отправляется в отставку министр по делам молодежи — просто автоматически. А наутро — все на улицу! Все. Антифашистский митинг, — как делал Миттеран: когда Ле Пен выводит три тысячи националистов, через день Миттеран выводит семьсот тысяч. Это было после осквернения еврейских кладбищ, — семьсот тысяч человек прошли по Парижу вместе с Миттераном, во главе с президентом страны! И ответ на вопрос, кого представляют те три тысячи, отпадает: те три тысячи — это уже не французский народ, а маргиналы, а французский народ — те, которые оставили свои кафешки, бистро, дела, девушек и вышли...

Да, вот так все определяется в политике, так поступают президенты. А плюшевые игрушки, посаженные на стульчик подержать место, — местопреемники — поступают вот так. И лично для меня окончательный приговор этим ожиданиям — именно Манежная. Манежная и то, что за ней последовало. То есть, во-первых, то, что никто опять не понес наказания. Никто. Нургалиев? Такое ощущение, что он у нас пожизненный министр внутренних дел. И это понятно, потому что он обеспечивает лояльность власти. И больше ничего. То есть вот эта готовность «мочить», жестко подавлять врагов режима и быть абсолютно, потрясающе толерантным ко всему остальному, — это абсолютно устраивает власть. Значит, покрошенные палатки с шаурмой и лозунг «Е.ать Кавказ, е.ать!», который хором скандировали на Ленинградском шоссе еще за два дня до Манежной (и в котором не было найдено ничего экстремистского), и так далее, — это все, по-видимому, власть вполне устраивает... А ведь это привело прямо к Манежной, — они почувствовали силу. Это как тигр-людоед, попробовавший человеческой крови: теперь его уже не остановить, он уже ничего другого не захочет, — и дальше с ним «договариваться» уже нельзя: надо только противопоставлять силу. Они понимают только силу, — причем разную силу, не только милицейскую, разумеется. Но мы сидим преимущественно по фейсбукам...

Я некоторую отчаянную попытку сейчас делаю... Я назначил на двадцать шестое декабря митинг на Пушкинской площади под лозунгами «Россия без нацизма», «Москва для всех». А еще такой свежий лозунг — «Свобода. Равенство. Братство» (я бы перевел на французский, получилось бы очень красиво). Непартийный митинг. Сейчас уже по интернету пошло: Чулпан Хаматова, Евгений Миронов, Алексей Кортнев будут. Будет Юрий Шевчук, видимо, Кама Гинкас, Генриетта Яновская, Владимир Мирзоев, Сергей Гандлевский, Дмитрий Быков, Евгения Чирикова — люди. Люди. И знакомые, и, как в старом анекдоте про Яблочкину, — «из публики».

Вот если «публики» в Москве, вместе с нами, не наберется хотя бы несколько тысяч, если придут опять те же самые семьсот-восемьсот записных демократов, которые ходят на такие митинги, — это означает, что мы живем в фашистском государстве. Точка. Это означает, что эти подонки и покровители подонков будут разговаривать и дальше от имени народа. И все пойдет ровно в ту сторону — в их сторону, потому что большинство, как известно, текуче чрезвычайно. Большинство идет за силой. И управляют элиты, действительно; всем управляют элиты — и в Англии, и в Норвегии, и в Зимбабве. Вопрос только в том, что это за элиты, кто эти люди, которых народ себе выбирает в элиту... Если это Демущкин с компанией или Путин с компанией, — это одно. Если другие имена, — другое...

Да, мы ждем всех. Я сказал, что мы ждем правительство в полном составе. Это антифашистский митинг. Пожалуйста, приходите на наш митинг. Приходите — без партийных знамен, без всего — приходите. Путин придет — пусть приходит. Замечательно, пусть постоит среди антифашистов. Это его украсит*.

Время от времени надо настаивать на своих правилах игры. А правила сдвинулись еще раз. Они много раз сдвигались за это время и все примерно в одну сторону: примерно с 97-го — 98-го года они ползут только в сторону силовиков, только в сторону завинчивания гаек, только туда. Но теперь — выяснилось, что можно в открытую проповедовать фашизм. Можно рисовать свастику на Манежной — и за это ничего. Ничего — в отличие от группы «Война», активисты которой месяц уже сидят в СИЗО за то, что перевернули несколько милицейских автомобилей в Питере... Пусть это не самая лучшая инсталляция в их артистической карьере, но тем не менее... Они перевернули несколько милицейских машин — и месяц сидят в СИЗО! В Новосибирске задержан и подвергается серьезной угрозе Артем Лоскутов, организовавший так называемую монстрацию — шуточное такое действие. С ним работает Отдел «Э» — отдел по борьбе с экстремизмом. А свастика на Манежной — на здоровье. Это — новые правила игры. Теперь — вот такие... Еще раз. Еще одно сползание. И после этого выходит торжествующий Путин и говорит: ну, ребята, выбирайте... Значит, выбирайте: либо они, Путин с компанией, либо фашисты... Фашисты, которых они же собственноручно и вывели...

* См. послесловие «От редакции» в конце интервью.

— *Впервые откровенно шовинистические лозунги прозвучали, кажется, в предвыборных клипах партии «Родина»...*

— Да, там был лозунг «Очистим Москву от мусора», что в контексте азиатских физиономий на экране читалось абсолютно однозначно. Эти настроения специально подогревались. Сурков разогревал это. Сурков делал партию «Родина». Сурков лично за руку привел в политическое поле этих подонков. Пресса была заполнена информацией о связи нацистских лидеров с сотрудниками ФСБ, о, так сказать, ручном руководстве, о том, что всем известно...

И при этом только единицы понесли наказание за вал этнического насилия на улицах Москвы и Петербурга. В этом году, как и в прошлые годы, не было недели, чтобы не убили кого-нибудь на улице — черного, желтого... Недели не было! В каком-то смысле это ритуальные убийства, потому что убивали не человека, который что-то сделал плохое тем людям, которые убивали. Это было напоминание всем, в какой стране мы будем жить и по каким законам будем жить. Нам говорят: мы будем жить в стране, где можно резать желтого, черного. Это изменение правил игры, и оно окаменеет к концу года...

Значит, мы должны понять: не может быть надежды ни на кого, кроме самих себя. И это ожидание, что мы утром проснемся, а президент выйдет и скажет то, чего бы нам хотелось... что он вынет не черный платочек, а белый и махнет им, — это ожидание кончилось. Да, он махнет, никуда не денется, — если мы заставим его вынуть этот платочек! Но для этого должны приложить усилия *мы*. Мы должны, мы, общество. А у нас телега и лошадь стоят в обратном порядке...

И если бы двадцать шестого числа на антифашистский митинг вышли бы миллион человек... Ну хорошо, не миллион, — пусть скромнее, — скажем, четыреста тысяч, как в 90-м году на Манеже, — с требованием наказания виновных, отставки продажной милиции, которая не смогла этого предотвратить, если бы Первый и Второй канал это показали... Если бы, — я просто это фиксирую, — если бы так случилось, то тогда проблема нацизма решилась бы довольно быстро. Потому что выясняется, что от имени народа говорят вот эти люди — вот этот миллион. Мы говорим: мы — народ; нет, мы не будем по этим вашим правилам жить, не будем.

А если мы сидим тихо, либо прячемся на кухнях, либо просто уезжаем, потому что эмиграция принимает панический характер, панический; я сужу просто по своему кругу: люди просто уезжают, сейчас ведь не советское время, когда это было связано с какими-то сверх-усилиями, — человек просто покупает билет и улетает... да, просто сын-дочь отправляется учиться туда... человек покупает квартиру там... человек уезжает на Гоа на полгода, год, два... потому что просто не хочет жить здесь. Мы решаем таким образом свой личный вопрос, а страна остается — *этим*. Это простая история, *числительная* такая история.

Побеждает тот, кто настаивает на своих правилах. В политике только так, к сожалению. И важно, кто настоял, — вот этот тумблер: переключается или не переключается. Значит, сегодня эти с Манежной обнаружили в себе (под руководством власти) хорошие организационные способности. Они этот тумблер повернули, и его поворот изменил правила игры. Потому что шесть тысяч — десять тысяч проходящих такими маршами — это очень серьезный тумблер.

А сможем ли это сделать мы?.. Хотя нас гораздо больше, разумеется, — ну, в Москве, думаю, больше ста тысяч человек, которые внятно могли бы сказать, что для них фашизм активно неприемлем. Но эти сто тысяч... — поди их вытащи в одно место. Это же не пубертатные разгоряченные недоумки, которых так легко вывести: достаточно объявления vkontakte — и они все тут. А попробуй вывести нас...

Знаете, десятки людей мне уже за эти несколько дней, которые прошли с тех пор, как я объявил митинг, сказали: «Не, — ну что я пойду»... Не буду называть фамилии. Очень известные, достойные, уважаемые люди, за каждым из которых пришла бы сотня-другая, говорят: «Ну что ты, как я выйду»... — «Ты против фашизма?» — «Да, конечно, против»... Но выйти отказываются. Причем некоторых из них это прямо касается — в большей степени даже, чем меня: потому что евреи в погромном списке временно уступили первую строчку...

«Нет, — говорят, — ну как-то вот»... Кто уезжает, кто просто не хочет. Это понятная вещь. И их неявка — это значит гирька на *те* весы. Еще одна гирька. А сейчас определяются правила игры на очень длительный срок, я думаю.

И вот так это все загустевает. В такой вот гипс. Значит, 2010 год в этой номенклатурной истории по итогам Манежной рывком финишным за явным преимуществом выигрывает Путин, потому что Путин опирается на электорат, — другое дело, на какой, — на бюджетный электорат, полностью зависимый от него. А второй рукой, которой не видно, он тем временем возбуждает и поощряет нацистов. Такой вот вертеп, вот эти две руки над ширмой. А Медведев, — поскольку он не политик и никогда политиком не был (это Путин стал политиком на нашу голову, а Медведев не стал и боюсь, что не станет), — он не может опереться на народ, так как это сделали в свое время Горбачев или Ельцин. Он не может опереться на какую-то часть аудитории...

— Да нет, можно себе представить, что, выступи президент по телевидению, скажи, что он призывает всех выступить против фашизма... Скажи он это, и выйдут действительно миллионы людей... Это поступок, это рубикон, который вполне может быть пройден. Но президент совершенно не собирается этого делать.

— Так об этом я и говорю: он должен был организовать этот митинг, а не я. Не вешать нам лапшу, что всё под контролем, а сказать: «Я объявляю ми-

тинг против фашизма». И согласовали бы, я думаю. И охрана была бы хорошая. А сейчас мне говорят: вы не боитесь, что будут провокации? Я говорю: боюсь. Только это будут провокации властей. Потому что — еще раз: если милиция не может защитить несколько тысяч антифашистов, собравшихся в центре Москвы, будучи уведомлена об этом заранее, это означает, что власть в стране принадлежит фашистам. Точка. Никакого другого объяснения этому нет. Когда надо обеспечить безопасность Путина, то этот вопрос как-то решается. И почему-то вопрос о том, можно ли обеспечить безопасность «Наших», которых свозят автобусами, когда они митингуют, как-то не возникает. А тут — да...

И мне говорят: а ты не боишься? Многие боятся. И многие не придут именно потому, что боятся. Сам боюсь. И даже боюсь больше, чем они, потому что я еще понимаю и свою ответственность. Но точно также я понимаю, что если мы просто сидим по квартирам, то наиболее последовательным ответом на Манежную должна быть эмиграция. Вообще тут всего два последовательных ответа. Я понимаю людей, которые уезжают и говорят: «Пропадите пропадом, я не буду жить в этой стране. Я не борец, я не политик и не герой. Вот есть я, моя жена, мои дети, мои внуки... Вы сами по себе, а я сам по себе». Это ответ, который я понимаю. Второй ответ — попытаться изменить правила игры здесь. Все остальное мне кажется тяжелой формой страусиной болезни.

— Когда-то Ленин очень точно сказал, что равнодушие есть признак политической сытости. Это на самом деле так и есть, потому что равнодушие значит: ты все-таки это принимаешь.

— Молодец Ленин, но я бы даже сказал больше: равнодушие является политическим действием, невыход является политическим действием. Что ты сделал в этот день? Ты *не вышел*, и это значит, что ты способствовал торжеству других правил игры. Всё. В такие дни только так. Это где-нибудь в Бельгии можно позволить себе не ходить на выборы, потому что там две вегетарианские партии, между ними есть какая-то там разница, — ну ладно, пропущу разок. Можно понять человека, так рассуждающего, потому что, как бы ни кончились выборы, он все равно не проснется в концлагере или среди погромов. Но как можно оставаться здесь, рожать здесь детей, растить их здесь — и никак не способствовать тому, чтобы минимально эти дети росли в безопасности!..

Эта привычка искать безопасности у городского, который к тому же в доле с погромщиком... Ладно, русскую традицию мы не обсуждаем, мы ее констатируем. А самое отвратительное... Мне сегодня гораздо отвратительнее некоторые персонажи из моего же демократического лагеря, мои собственные знакомые, в прошлом иногда друзья, которые пожимают плечами и уходят в сторону. Для меня это означает, если говорить высоким штилем, предательство. Потому что — с них спрос.

С *этих-то*, на Манежной, спроса нет. Вот выяснилось, что одним из активистов был четырнадцатилетний пацан. Ну какой с него спрос! У него ботва вместо мозгов, пубертатный период: мышц много, мозгов ноль. Ну хорошо: «бей хачей!», — он страшно этим возбудился и смог возбудить огромное количество таких же недоумков, как он сам. С него спроса нет. Спрос с милиции, которая это не обнаружила на ранних этапах и не пресекла, не поговорила с папой и с мамой и с ним самим, не объяснила ему, — чтоб он повзрослел немножко. Чтоб он понял хотя бы, что это не будет безнаказанно. С милиции спрос. С власти, которая крышует такую милицию. С тех, кто этого пацана подбадривал. С политиков, которые на этом грели руки — от Жириновского до Лимонова. С них спрос.

Но тоже — какой спрос с Жириновского? Смешной разговор. Жириновский немедленно присоседился к народной энергии, Лимонов тоже. Они попытались оседлать эту энергию, направить ее в свое русло. Жириновский поддержал Ленинградку и эти волнения после убийства, призыв к «защите русских». Но мы видим, как осуществляется эта защита, каким образом. И Лимонов тоже говорит: дескать, не трусьте, это энергия масс, все правильно, кончайте свою либеральную истерику; вот так живет молодежь, правильно, молодцы: неповиновение! Но с ними понятно, там клейма ставить негде. Это, в общем, провокаторы, — люди, которые набирают на этом политический вес. Но где нормальные люди — знаковые, известные, элита — культурная, художественная, политическая? Люди, которые в Общественную палату входят, на телеканалах работают; люди, которых знают, видят, которые могут обратиться... Где они? Молчат. В тряпочку. Или что-то такое робкое пищат у себя в Общественной палате. Ну-ну, пропищал ты в Общественной палате. Что? Что решила твоя Общественная палата? Что она противопоставила нацистам? Вот эти люди... я к ним испытываю, честно говоря, тяжелое, густое чувство. Потому что это страшная мерзость и разочарование...

Но, с другой стороны, тут потеряешь — там найдешь. Понимаете, когда прекрасная Чулпан Хаматова откликается мгновенно и легко и говорит: да, я приду... Вот уж кажется, Чулпан Хаматова — вообще небожитель, благополучный человек, звезда, абсолютно заслуженно... Ее-то вроде бы это все не касается... Или Евгений Миронов, который говорит: да, конечно. Который никогда не участвовал ни в какой политике, не работал на НТВ, не вел программу «Свобода слова»... Вроде бы взятки гладки, артист и артист... Такая легкомысленная профессия вроде бы: текст напишут — сыграет...

— *Ну, артист артисту рознь.*

— Да, вот тут-то и выясняется, что артист артисту рознь.

— *Киркорова не приглашали? Или Максима Галкина?*

— Что вам сказать?.. Впрочем, повторяю: митинг открытый. Пускай приходят. Пусть придет Пугачева. Буду рад — Путину, Пугачевой. Пожалуй-ста: открытый митинг. Флагов только не надо партийных. Это человеческий митинг, приходите все. Уж кажется, такой общий знаменатель. Это же не за Каспарова, не за Рыжкова, не за Лимонова — не за тех, не за других. Это простая вещь: вот чтоб *zig хайль* не кричали, чтобы свастика не становилась бытом. Простая же вроде вещь, общий знаменатель очевидный, который должен, по моей логике, абсолютно мгновенно консолидировать миллионы людей — миллионы!

— *Виктор, а разве где-нибудь по телевидению показывали эти фашистские символы?*

— Нет, сейчас-то показали. И показали доблестную милицию, которая охраняет граждан. Разумеется! Это же Останкино, там-то все очень грамотно прокомментировано. Мне даже не надо это смотреть, я могу сказать сам, что они показали. Разумеется, они показали этих нацистов и показали милицию, которая противодействовала, не допустила. И, разумеется, никакого анализа действий милиции, никакого анализа причин...

— *Но для того, чтобы хоть какая-то часть общества откликнулась, обществу надо это смотреть. Может быть, те люди, которые отказываются выйти на Пушкинскую площадь, просто не понимают размеров угрозы.*

— Москва понимает. Москва-то понимает еще как! Ну и потом — есть интернет, телефон... Нет, простите меня, когда появляется информация о том, что они снова назначили встречу на Манежной и ОМОН подтягивается к Манежной, то я, назначивший встречу с другом на Большой Дмитровке или на Большой Никитской, переносу ее в другое место и сопоставляю движение ОМОНа с маршрутом моей дочери, которая едет из института, и звоню ей: давай не по той ветке поезжай, а по этой. Извините, десятки тысяч людей в Москве в этот день действовали ровно так же: люди себе-то не враги, ложку мимо рта не проносят. Просто одно дело — спрятаться, организовать так, чтобы эти подонки не вывалились непосредственно на тебя, другое дело — самоорганизоваться и выйти, и повернуть политический сюжет. Нет этого рефлекса, нет этой традиции. Вот это наш «особый путь» — сразу в ноги городовому, альфа-цапку нашему.

— *А казалось бы, немного времени прошло с 91-го...*

— Не успела накопиться традиция.

— *Все-таки к Белому дому вышло около семидесяти тысяч.*

— Да, конечно, но после этого было два десятилетия общественной деградации. Два десятилетия! В первые десять лет это была такая естественная деградация, носившая некоторый эволюционный характер, а потом деградация стала принципом, — то мы деградировали сами, а дальше стали *нас деградировать* еще дополнительно, начали объяснять, что демократия — это не для России, что должен быть один руководитель, что нам нужны вертикаль, порядок... И мы снова вернулись вот к этому абсолютно традиционному архетипу нашему.

— *Виктор, Вы правильно сказали, что в общем-то надеяться здесь на власти нельзя и не стоит ждать от них какой-то работы с той публикой, которая выступает под этими фашистскими лозунгами. Что мы должны сами... Но здесь есть один важный очень момент. Что касается собственно фашистской прослойки, то есть тех, кто является зачинщиками этого дела, это, конечно, организованная и направляемая сила. Но беда в том, что те искры, которые высекает эта организующая сила, ее лозунги и призывы моментально получают невероятную поддержку среди огромного числа населения, особенно молодого, которое убеждено, что «черножопые» действительно «захватили Москву»... И это сознательно направляемое недовольство — недовольство отнюдь не на пустом месте: оно спровоцировано на самом деле существующим положением дел... Оно спровоцировано тем, что делает власть, тем, какую внутреннюю политику она ведет. Вот как бороться с этим, с той абберрацией зрения? Какие, с Вашей точки зрения, здесь возможны пути?*

— Не надо изобретать велосипед. Это не делается щелчком тумблера. Это делается медленной ежедневной работой. Когда я шел в школу, советские газеты были полны кукулукланом, апартеидом и сообщениями о том, что черных не пускают в автобусы, сжигают и вешают... Сейчас мы с вами разговариваем — при Обаме. Это делается каждый день, это делается ежедневной гражданской работой.

— *Но в стране, где живет Обама, эта гражданская работа очень облегчена тем, что это можно делать гласно.*

— Совершенно верно. Это и у нас можно делать гласно. Но только этим надо заниматься. А пустота заполняется гноем. Это совершенно очевидно. Я уже не раз говорил: деградация не требует никаких усилий. Мой любимый образ: чтоб начать пахнуть, ничего делать не надо, это получается само — надо просто перестать мыться. Чтобы перестать пахнуть, тут уже надо предпринять усилия, а сползание вниз — оно естественно. Значит, ксенофобия — самый прямой, тупой, простой ответ для самого слаборазвитого человека. Потому что то, что ты белый, а он там черный или желтый — или наоборот, это видно. То, что он другой, это видно. Чтобы понимать что-то даль-

ше, что-то, чего не видно, требуется немножко больше мозгов. Значит, накапливать эти мозги, объяснять — это ежедневная работа в школах...

— А что объяснять? Что не желтые и не синие виноваты?

— Нет, начинать надо не с этого. Начинать надо с нашей африканской праматери. Надо объяснять, что все люди братья не метафорически, а буквально. Ввести в школах социальную антропологию как главный предмет. Вместо основ вот этой самой православной культуры, которая у нас оборачивается массовым окроплением школьников... как мою дочь когда-то... просто пришел в школу какой-то сумасшедший в рясе и опрыскал — вот и вся православная культура... А начинать надо с того, что объяснять, что мир населен разными людьми и все они — люди. В мягкие головы класть вот это. А если этого не класть, то эти головы потом заполнятся другим.

Вот и все. То есть не все. Но это ежедневная работа — школы, государства, общества, организаций и так далее, и так далее. Тогда через какое-то время получается Норвегия. Через какое-то очень длительное время, но получается. А если... Ксенофобия — самый простой прямой ответ, что тут говорить. История на Манежной и история в Кушевской — это одна история. Это история про продажную милицию и продажный закон, которые не в состоянии никого защитить...

— Не просто продажную. А вообще про внутреннюю политику государства, которая направлена на то, чтобы провоцировать гнев и недовольство народа, направлять в русло... Ведь это специально провоцируется...

— Нет, я не думаю, что те менты в Головинском УВД, которые отпустили дагестанцев, — отпустили их по указанию Суркова. Им просто дали бабки, и они побоялись с этими связываться, вот и все.

Но, с другой стороны, вы правы: это провоцирует. Провоцирует именно то, что такая у нас милиция, — и в Кушевской она такая, и в Гусь-Хрустальном. Власть, несменяемая коррупционная власть, при которой несменяемая коррупционная милиция, — вот общий знаменатель. Чтобы объяснить этот общий знаменатель, нужны усилия. Надо, чтобы телевидение говорило об этом, а не о том, что «понаехали тут». Вот и все. Это та работа, которой надо заниматься. Если государство не занимается этой работой или прямо начинает заниматься другой работой, вот тогда мы на выходе получаем то, что получаем.

И все-таки при общей безнадеге сегодняшней картины я хочу сказать, что никакой метафизической безвыходности нет. Завтрашнего дня нет. Я имею в виду, что нет никакой заданности и неотменимости завтрашнего дня. Завтрашний день будет такой, какими будут наши суммарные усилия сегодня. И не правы миллионы людей, которые поодиночке говорят о какой-то метафизике России... Да ты просто выйди сам и измени хоть что-то.

От редакции

Митинг на Пушкинской площади 26 декабря 2010 собрал около четырех тысяч человек. Путина на нем не было.

Нам показалось разумным опубликовать несколько выступлений, прозвучавших на этом митинге.

Елена БОННЭР (на митинге она не присутствовала, с трибуны было зачитано ее письмо). Я москвичка, еврейка «кавказской национальности». В 41-м защищала страну, в 45-м плакала от радости. В 53-м протестовала против «дела врачей». И все годы с весны 1937-го ждала, что какой-никакой, но вернется мама из карагандинского лагеря. А когда она вернулась, позвонила в дверь, я ее не узнала, приняла за нищенку. И все эти годы в снах заливалась слезами по моему расстрелянному папе. А у папы была язва желудка, и по вечерам он просил «Люся-джан, налей мне грелку, живот болит очень». И плакала по бабушке, растившей трех сирот 37-го года, сделавшей свой последний вздох в блокадном Ленинграде. И всю жизнь мучилась — виновата, что маму посадили, что я ее не узнала. Виновата, что отца расстреляли, что стоит на Востряковском кладбище памятник ему, а под памятником пустота. Виновата, что не осталась умирать в блокадном Ленинграде вместе с бабушкой. Родину мне, видите ли, надо было спасать! Родину! А теперь уже сил спасать родину нет. И даже нет сил самой себе налить грелку. И как ее спасать — родину? Как не знала, так и не знаю. Причислите меня к тем, кто 26-го придет на Пушкинскую. Считайте, что я пришла туда, опять спасать родину, хотя ноги не ходят.

Максим ВИТОРГАН (его письмо тоже было зачитано на Пушкинской площади)

Я не пойду на митинг: 28-го премьера, 26-го, 27-го прогоны. Первые и последние. Пишу это, чтобы оправдаться. Перед собой. Неловко. Но я уже там. На митинге. Спасибо тем, кто придумал и организовал. Спасибо тем, кто пришел. Спасибо, если нас много. Если нет, все равно, спасибо. Каждому. Давайте в порыве праведного гнева и яростного желания убрать коричневое дерьмо с улиц родного или неродного города не забудем о собственной ответственности. Ведь это «коричневое...» — наши дети. Взращенные в озлобленности, зависти, неуважении к личности... Как мы с ними, — так и они с нами. Ведь это мы позволили исказить и уничтожить само понятие «патриотизм». Превратить его в пустое махание флагами и крики «Рос-сия!» по любому поводу, желательно погромче, чтобы не слышать ничего другого. Мы позволили руководству государства делить народ на своих и чужих. Не только в лагерях на Селигере, но и в речах «лидера нации», для которого трусливое: «Это не я!» — похоже, становится любимым приемом и последним аргументом. Убили Политковскую? — Это не я! Мне же невыгодно! Чур-чур! Не готовы к лесным пожарам? — Это не я! Лесной кодекс при-

нимала Госдума! Остальное — это Лужков! А я вот, видите по телевизору? Покупаю новую технику для МЧС! Узнали меня? Низкий уровень жизни населения? Падение реальных доходов? — Так это же не я! Это «лихие 90-е»! Я вам лучше про индексацию пенсий расскажу! Выступление фашистов-националистов? — Это не я! Это оппозиция такая! Видите, что будет, если не я! И т. д. со всеми остановками. Точнее, без остановок. Во время просмотра последнего «общения с народом» пригрезился мне невидимый глазу титр: «Неприостановленный». Ну, да Бог ему судья... И, Бог даст, не только Бог.. Давайте же не уподобимся нашему премьеру и скажем: «Да, это я! Позволил, проморгал, довел... Это моя вина!.. Это моя лень, инертность, равнодушные...» Давайте вспомним, что не мы для власти, а власть для нас. Давайте будем ответственны за то, чему хлопаем, кому жмем руку, во что вступаем, в чем участвуем, что делаем и чего не делаем... Конечно, ничего не изменится. В одну секунду... Но давайте начнем. С себя. Мне кажется, уже пора... Я обязательно постараюсь прийти на митинг. Хотя бы на несколько минут...

Дмитрий БЫКОВ

Здравствуйте, дорогие друзья!

На некоторых сайтах и в некоторых телепрограммах мы обязательно узнаем сегодня вечером, что здесь стояло сто пятьдесят маргиналов. Это нормально. С годами наше число будет увеличиваться. А когда лет через десять-пятнадцать изменится тренд и станет модно вспоминать, как мы все здесь стояли бок о бок, наше число возрастет так же, как число людей, носивших с Лениным бревно. Мы еще узнаем, что на этом митинге было пятьдесят тысяч человек, и все они подробно вспомнят, как это было.

Некоторые говорят, что нам не очень повезло с погодой. По-моему, нам повезло идеально, потому что погода очень точно соответствует эпохе: как всякая дозволенная оттепель — тепло, но противно. При всем при этом я думаю, что Москва, безусловно, за нами. Мы пришли сюда — нас честно спрашивают, зачем, — мы можем ответить: мы пришли защитить честь российского флага, который нам очень нравится. Я часто читаю выступления людей, называющих себя националистами. К настоящему национализму, этическому, а не этническому, они, конечно, не имеют никакого отношения. У меня складывается ощущение, что они живут в какой-то очень маленькой и очень несчастной стране, где на всех ничего не хватает, где надо постоянно кого-то оттеснять, где нормальное состояние человека — это борьба за кусок и страшная злоба ко всем остальным. Я живу в совершенно другой стране. Мы живем в стране доброй, великой, огромной — в стране, у которой есть будущее, и мы прекрасно знаем, что это будущее за нами. Мы никогда не дадим отождествить Россию с людьми озлобленными, ничтожными и неумными.

Я счастлив вас всех видеть и хочу напомнить вам слова Блока, написанные в его дневнике в апреле 1917 года: *«Все будет хорошо, Россия будет великой. Но как долго ждать и как трудно дожидаться»...*

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

Девяностые годы, как мне представляется, были временем очень сложным, праздничным, несправедливым и трудным. И вся страна с непривычки, испугавшись этой трудности (с непривычки, потому что три-четыре поколения советских людей к такой картине мира не привыкли: мы ходили по линейке), — и вот, испугавшись этой трудности, страна подалась назад и попросила упростить ей картину мира. Она как бы сказала, что у нее затекли руки держать собственную свободу, не подержит ли за нее ее власть. И власть с охотой у нее эту свободу взяла. И в этой упрощенной картине мира мы дошли до последних пределов: нашу молодежь делят на «наших» и «не-наших». Теперь же картина сделалась вполне черно-белой: нас делят на блондинов и брюнетов. Мы здесь, потому что мы ужаснулись произошедшему. И я пожелаю нам удачи в том, чтобы вернуть жизни ее праздничную сложность.

Игорь ВИНОГРАДОВ

То, что произошло на Манежной, не было только и просто стихией. Фашизм, который там верховодил, верховодил там только потому, что был взлелеян и взращен. А когда фашизм выращивается, когда он культивируется, это делается для определенных целей. Из них две основные. Первая цель — напугать: если вы не хотите, чтобы было то, что на Манежной, голосуйте за нас, наша вертикаль спасет вас от этого. И вторая — разбить общество, разбить народ на стаи. Потому что стая всегда противостоит другой стае. Когда назначают (как правильно сказал однажды Дмитрий Быков) во враги кавказцев, это делают для того, чтобы скрыть, кто настоящий враг. Так вот, я хочу сказать, что будет немало попыток сделать и нас, сегодня здесь собравшихся, стаяй, сказать, что это либеральная стая, и натравить эту либеральную стаю на другую какую-то стаю. И это может не получиться только в том случае, если мы не дадим этого сделать. А мы не дадим этого сделать, если мы не будем забывать, что на Манежной площади были не только фашисты, но очень много и много молодых ребят, которые действительно не знают, куда приткнуться, в голове у которых полная каша и которые очень податливы поэтому на лозунги и речевки фашистов. Так вот эти ребята — они тоже народ, часть народа. Они наши дети. И отвечаем за них, за то, чтобы у них не каша была в голове, — мы и только мы. Потому что мы — не стая, мы — народ.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

в русской сетевой и бумажной периодике третьего квартала 2010 г.

Мы продолжаем знакомить читателей с актуальными публицистическими выступлениями (находя их в бумажной прессе и в Рунете), отличающимися либо оригинальностью и глубиной анализа, либо концептуальной четкостью, либо просто симптоматичностью. В этом обзоре предлагается изложение наиболее примечательных публикаций с сайтов chaskor.ru, ej.ru, free-russia.net, inliberty.ru grani.ru, regnum.ru, slon.ru, vz.ru, а также статей в бумажной прессе («Коммерсант», «Независимая газета»).

Общество

Большой резонанс вызвало выступление председателя правления Института современного развития **Игоря Юргенса** на пресс-конференции **«Что мешает модернизации России»** 15 сентября. Об этой речи на следующий день сообщила «Независимая газета» в статье под красноречивым названием **«В провалах модернизации виноват народ»**, поскольку именно к такому умозаключению и пришел Юргенс. *Объявленная президентом модернизация*, сказал он, *оказалась очень непростой задачей*. Основные помехи для ее решения — незаинтересованность большинства элиты и архаичность российского народа. Особенно подкачал народ, отставший настолько, что *ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем* окажется не раньше 2025 года. Безразличие нашего населения к инновациям, а также его низкую гражданскую активность глава президентского мозгового центра объясняет патернализмом и малой распространенностью городской урбанистической культуры. Для экономически активного населения России, указывает Юргенс, *характерна декавалификация (то есть потеря профессиональных навыков из-за невозможности работать по специальности), деградация, люмпенизация и даже дебилизация*. Гражданское участие и ответственность не имеют отношения к жизненным установкам большинства россиян, сказал Юргенс: *мы не граждане, а какое-то племя*. Иными словами, для модернизации в стране есть совокупная воля президента и премьер-министра, есть большой объем инвестиций, но человеческий капитал созреет для этого не раньше, чем через пятнадцать лет. Быстрее не получилось бы, подсчитал глава ИнСоРа, даже если бы *на месте Дмитрия Анатольевича был Владимир Владимирович или какой-нибудь гений — Черчилль, Кеннеди...* И тем не менее, считает Юргенс, не все так плохо: в стране сформировался средний класс — *маленький, мобильный и совместимый с западным*. Правда, по консервативным оценкам численность этого класса не превышает 7%, а по оптимистическим — 20% населения. *Этот*

средний класс, а также ориентированные на Россию, а не на зарубеж представители элиты и составляют достаточный ресурс для того, чтобы начать прогрессивные процессы, о которых говорит президент. Президент же делает для модернизации в сложных российских условиях все возможное, поэтому гражданам нужно всемерно поддерживать Дмитрия Медведева.

Заявление Юргенса вызвало шум. Характерны суждения **Андрея Пионтковского** («Жалобы Жлобов» — Грани.Ру, 20 сентября), всерьез заподозрившего, что глава ИнСоРа выполняет ответственное задание — *распилив солидный бюджет, доказать невозможность в России модернизации и глубоких реформ и, вылизав при этом до блеска обе тандемные задницы, научно обосновать абсолютную необходимость их дальнейшего пребывания во власти и собственности аж до 2024 года.* А всем остальным в ближайшие полтора десятилетия и не рыпаться. Сам же Пионтковский предлагает Юргенсу начать с *простейших гигиенических реформ, вроде мытья рук, — с освобождения политических заключенных, отмены политической цензуры на телевидении и т. п.* То есть с тех самых действий, которые были бы поддержаны не семьей, а восьмьюдесятью семью процентами российских граждан. С увольнения премьера, наконец, если он мешает таким гигиеническим мерам. Но если глава ИнСоРа с президентом Медведевым по каким-то причинам всего этого не могут, *тогда, —* вопрошает Юргенса Пионтковский, *— в чем же провинились 93 процента ваших соотечественников, которых вы и ваши коллеги, рафинированные, европейски просвещенные реформаторы, так оскорбляете своим презрением?* Вспоминая 90-е, Пионтковский пишет: *заглушая остатки собственной совести, системные либералы по законам психоанализа обвиняют во всех грехах людей, которые им верили и которых они обманули, ограбили и предали.*

Колумнист «Взгляда» **Дмитрий Соколов-Митрич** в статье «**Болезнь Юргенса**» (19 сентября) формулирует позицию Юргенса так: *у нас есть стратегия управления, универсальная для любого народа, а если народ никак не хочет ей соответствовать, — значит, это неправильный народ. Значит, его надо гнуть, «выпаривать», загонять пинками в единственно верную колею развития.* Соколов-Митрич называет такой подход большевистским и напоминает, что истории известны случаи, когда на экономические чудеса оказывался способен даже самый безнадежный народ, если его возглавлял человек, понимающий, *как этот народ активировать, как обратить его пассивы в активы.* Наши же реформаторы ничего подобного про свой народ за двадцать лет так и не поняли. Соколов-Митрич предлагает поумнеть и тоньше интерпретировать результаты социсследований, на которые ссылается Юргенс. *Дело в том, пишет он, что декларируемые желания человека чаще всего не совпадают с реальными. И если, например, кто-то говорит, что в России нужен новый Сталин, то, скорее всего, он совсем не обрадуется, если этот новый Сталин придет. Потому что на самом деле человек имел в виду совсем другое — элементарную справедливость и диктатуру закона. <...> А когда мы говорим, что от нас ничего не зависит, возможно, мы имеем в виду не психо-*

логический, а политический факт. А когда мы долдоним о какой-то своей общинности и соборности, то, возможно, таким образом мы просто повторяем мифы, которые надула нам в уши наша культурная элита. На самом же деле мы страшные индивидуалисты и даже в спорте нам ближе единоличные, а не командные дисциплины. И даже если мы утверждаем, что не хотим демократии и капитализма, не исключено, что на самом деле это означает: мы не хотим видеть смысл жизни в деньгах, для эффективного труда нам нужен какой-то смысл более высокого порядка. Мы не любим жить бессмысленно. Дайте нам смысл. А что до обнаруженных Юргенсом деквалификации, деградации, люмпенизации и даже дебилизации, — так это то, что бывает, когда народ перерастает свою элиту, когда у него появляются новые способности, но не появляется новых возможностей. В результате он начинает голосовать деструктивно — ногами и гробами. И для элиты это не только обидно, но и опасно. Настолько опасно, что до 2025 года она вряд ли дотянет.

Говорить о провале модернизации нет оснований, пишет Александр Ципко, поскольку команда модернизаторов никакой стратегии спасения России до сих пор не сформулировала («Что мешает модернизации России» — «Независимая газета», 20 октября). Да вдобавок к тому же люди, которым власть доверила заниматься разработкой этой стратегии, не знают ни своего народа, ни своей страны. О каком русском патернализме может идти речь, когда народ на самом деле не верит власти и больше не связывает свое благополучие с ней! О какой общинности! Когда наша беда в дичайшем, самом разнузданном индивидуализме, анархизме, когда каждый погружен в себя и, как показывают социологические исследования, не хочет даже пальцем пошевелить во благо Отечества. А между тем, замечает Ципко, индивидуализм тесно связан с неразвитостью личности. Личность как раз и предполагает... способность увидеться, что рядом с тобой есть другие люди со своими интересами. Надо научиться отличать стадность, неразвитость «я» от коллективизма как сознательного выбора, от потребности в кооперации, из которой выросло гражданское общество. Так что, указывает автор статьи, самые серьезные угрозы идут не от воображаемых «общинности» и «патриархальщины», а от прогрессирующего после 1991 года расчеловечивания значительной части нашего населения и прежде всего молодежи, которая лишена уже не только исторической памяти, но и самых простых человеческих чувств и эмоций, лишена тех понятий и смыслов, на которых и держится элементарная общинность.

Столкнувшись с критикой, Юргенс несколько скорректировал свой взгляд в интервью «Коммерсанту» 21 октября («Модернизация возможна, если элита почувствует себя гражданами России»). Он заявил, что, говоря об архаичности, имел в виду не народ, а элиту, которая поражена тургеневским синдромом. Суть синдрома такова: Иван Сергеевич с Полиной Виардо там веселится, а сюда приезжает, со своей деревеньки снимает оброк — и опять туда, в Париж. Народ же велик, хотя это величие в прошлом, а нынешнее поколение, в том числе элитарные круги, пока не сделали ничего для того, чтобы продлить это величие. Юргенс конкретизировал также то поло-

жительное, что было сделано президентом за последний год. Найлены точки роста, реиндустриализации и вступления в постиндустриальное общество: энергоэффективность и энергосбережение, ядерные технологии, космические технологии и телекоммуникации, медицинские технологии и фармацевтика, стратегические информационные технологии. Есть пилотный проект «Сколково», есть Санкт-Петербург, Москва, Тюмень, Ханты-Мансийский округ, *где хоть и на нефтяных долларах, но создана очень правильная социальная среда*, Сахалин, Новосибирск и Томск. *Эта цепочка точечных, очаговых центров от Санкт-Петербурга до Владивостока*, сказал Юргенс, *будет той интеллектуальной осью, которая обеспечит будущее нашей страны, если ось еще и подкрепит транспортным коридором, который мы хотим проложить от Санкт-Петербурга до Пуланы*. Пока же мы имеем дело с засильем бюрократизма, порожденным аморальным коммерческим беспределом, — но это потому, что *стратегия «быстро заработать и убежать» для нас еще не вполне в прошлом*. Далее Юргенс делает ряд других любопытных суждений, которые выдают в нем либерала-постепеновца, привыкшего сглаживать углы и терпеть рывтины политического рельефа.

В Ежедневном журнале социолог **Борис Дубин** («Пассивность, рассредоточенность, слабость: о границах так называемой массовой поддержки», 2 июня), анализируя результаты соцопросов, утверждает: *ни о каком доверии и поддержке первым лицам, доверии власти речи в сегодняшней России попросту нет*. Социальное вещество страны представляет собою своего рода рассеянную массу, для которой характерен *массовый отказ от собственной инициативы*. Просто большинство (от трех пятых до трех четвертей) взрослого населения России *сегодня ничего не может, ни на что не влияет и передоверяет инициативу первым лицам*. Люди в массе своей рассуждают примерно так: «такой образ власти нам привычен и претензий у нас нет». Важна, по наблюдениям Дубина, и другая, сравнительно новая характеристика власти, которую в определенном смысле можно назвать *достижением путинского президентства* (особенно второго срока): это власть, *которая не «достает»*. К тому же время от времени власть удостаивает население знаков внимания: *то в Пикалево придет, то вдруг о здоровье женщин взволнуется*. На фоне относительного благополучия 2006 — 2008 годов этого было достаточно, *люди забыли и думать о том, чтобы спрашивать с власти ответа: не достает, и ладно, уже хорошо*. Дубин полагает, что такая *неагрессивная опека с редкими знаками внимания* — одна из составляющих представления россиян о демократии, справедливости и свободе. То есть *свобода для российского большинства*, пишет он, — это *опека без «доставания»*. Следовательно, человек свободен постольку, поскольку он ни за что не отвечает. Причинами пассивности и такой вот «негативной свободы» (автору вспоминается тут герой Андрея Платонова, говоривший: «И ничего-то я не член») Дубин называет бедность российского населения, скудость самостоятельности и независимости, а с другой стороны, отсутствие солидарности, дефи-

цит связей, которые могли бы помочь человеку в реализации его устремлений и намерений, собственной свободы. В итоге *три четверти населения считают себя ни в каком отношении не влиятельными на любом социальном и политическом пространстве, за пределами собственного дома. По Дубину, установка на приспособление, на адаптацию — что-то вроде клещей, которые держат ситуацию в нынешнем состоянии, консервируя ее, но не доводя до необходимости каких-то изменений. Эти «клещи» можно описать так: гиперконтроль сверху, хотя и в нынешней мягкой или смягченной форме, с точечными уколами-напоминаниями о том, кто здесь хозяин и кому принадлежит верх горы. <...> такое же контролирующее и консервирующее устройство работает и снизу: это привычка на уровне массы. Таков, тоже мягкий, способ контроля массы над самой собой, способ самоконвоирования. Никто не высовывается, все присели и оказались примерно одинакового роста. «Активничать» никому не надо, не то привлечешь внимание начальства или какого-нибудь завистника.* Модернизация — да, конечно, кто же против, но только не нашими силами, не при нас и не здесь. С этим, по Дубину, связана и очень значимая, статистически выросшая за последние 10 лет характеристика самоопределения россиян: «мы» — это наше прошлое, наша история. Главное — лишь бы не быть в настоящем и, не дай Бог, отвечать за какое бы то ни было будущее. Кстати, замечает Дубин, отвечать за прошлое (поступки предков, действия прежних властей) россияне в большинстве своем тоже не хотят. И это ситуация, из которой никто не собирается выходить (зачем выходить, если почти всех устраивает то, что есть? к тому же никто не предлагает никаких альтернатив и не берет на себя ответственности за эти альтернативы). Так, пишет автор статьи, *плохие ситуации, плохие состояния приобретают характер нормальных и даже нормативных. В них работает большое количество механизмов, которые позволяют существовать, ничего не меняя, при известной сниженности запросов к себе и к другим.* Вместе с тем, отмечает Дубин, с недавнего времени заметно выросла доля людей, считающих, что за последние два года в стране стало меньше свободы, справедливости, законности, порядка, солидарности, что в ней поголовно отсутствует взаимное доверие. Одновременно — впервые за последнее десятилетие — в России стало больше проявлений гражданской активности.

О социальной пассивности населения рассуждает и **Дмитрий Бутрин** («Народная антиевгеника», Inliberty.ru, 8 сентября). У краеугольного камня российского политического сознания на одном торце написано: «Лишь бы не было войны», а с тыльной стороны расшифровано: «Лишь бы не было мобилизации», — едко замечает он. Инертность и индифферентность большинства приводят в отчаяние даже кремлевских политтехнологов: *Право слово, уж лучше бы бунтовали и требовали реформ — в этом случае можно было бы... сподвигнуть население на социальную модернизацию, на борьбу с отдельными недостатками в госуправлении или хотя бы на демографический взрыв... Но народ, который непрерывно (хотя и тихо, даже с некоторым уважением) уличают и попрекают то забвением идеалов строителей коммунизма, то неве-*

рием в будущее торжество демократии, то нежеланием инноваций, то презренной любовью к блатному шансону, продолжает безмолствовать, причем совсем не в пушкинском смысле — не мрачно-осуждающе, а скорее иронично-нигилистически... Однако, по мнению Бутрина, своей политической индифферентностью население защищает реальную ценность — собственную частную жизнь от вмешательства государства. *Идеальное государство в России*, пишет Бутрин, — это государство, которое можно не замечать, которое можно игнорировать, мимо которого в радости или нужде можно ходить всю жизнь так, будто его и не существует. Конечно, это эскапистская позиция, впрочем, как считает автор статьи, вполне естественная для народа, ставшего объектом самых невероятных государственных экспериментов в XX веке. Собственно, и «Единая Россия», по мнению Бутрина, во многом поддерживается населением не как мощная политическая сила, а как гарант неприхода к власти более агрессивных и радикальных оппонентов: она цинично используется как евнух при невесте, осаждаемой женихами. Так что нет никаких оснований ожидать, что шапку Мономаха вручат тому, кто пообещает восстановление и усиление государственных институтов и энергичное движение общества в сторону светлого будущего.

О том, «Откуда в России возьмется гражданское общество», рассуждает в своем блоге на slon.ru (6 сентября) Григорий Голосов. Идею о том, что в условиях авторитаризма можно вырастить гражданское общество, которое потом само собой породит демократию, он считает несбыточной утопией. Для демократии нужны политические изменения, пишет Голосов, есть также версия, что для этого нужно гражданское общество. Однако в России оно отсутствует, и создание его требует немало времени: лет на 20 хватит, как раз до конца того срока, который В. Путин однажды отвел на «ручное управление». Не случайно, иронизирует Голосов, одним из главных институциональных продуктов последних лет стали общественные палаты в центре и на периферии, которые как раз именно этим и занимаются: растят гражданское общество. Как будто демократия произойдет путем диалога между властями и обществом по разным, в основном, политически безобидным поводам. В ходе этого диалога государство научится уважать общество, полюбит его. Все устроится. Но, напоминает автор статьи, общественные организации способны стать основой гражданского общества лишь в том случае, если они сохраняют автономию от государства. Если же общественные организации теряют автономию, они становятся придатком государства. Да, это полезный придаток: одни НКО оказывают экспертные услуги, другие берут на себя какие-то вторичные функции, с которыми особенно плохо справляются чиновники. Но польза-то получается для государства, не для общества. Общественные организации могут сохранять автономию от государства при наличии политических свобод, политической демократии. А еще гражданскому обществу нужны деньги. Если найдутся бизнесмены, способные и желающие финансировать автономную общественную деятельность, то общественные организации обязательно возникнут.

Михаил Берг в статье «**Кто там шагает правой?**» (Ежедневный журнал, 4 августа) анализирует состав идей в современном российском обществе. Оказывается, в России зияюще отсутствует *позиция левых*. То есть левыми считают себя многие, однако далеко не всякая социально-ориентированная политика может называться левой. У нас, пишет Берг, политика как правило бывает *левой, по некоторым прихватам, в основном рекламного свойства, но правой — по сути*. И это касается почти всех *так называемых российских левых*, которые на поверку оказываются *в разной степени державными националистами, яростными или стеснительными патриотами, болельщиками сильной имперской России, которой не отдадим ни пяди, то есть никакими не левыми, а правыми*. Такова, продолжает Берг, *вся эта компания — от Эдички Лимонова до Геннадия Зюганова и «яблочного» Митрохина*, периодически дрожащая *от оскорбленной национальной гордости, не готовая отдать ни стоящего уже сотни тысяч жизней Кавказа, ни грузинской Абхазии и Южной Осетии, ни вероломством полученных японских Курил*. А между тем для России сегодня, в условиях тотального опьянения от примитивной буржуазности, необыкновенно важен авторитет именно левой позиции — *позиции без толки национализма и державного империализма; позиции защиты человека перед лицом государства, защиты общества, социума перед диктатом властной элиты, захватившей доминирующие роли в стране*. И некому сказать, горестно восклицает Берг: *российская политика на протяжении многих столетий преступна — потому что она великодержавная, колониальная, порабощающая; некому сказать, что Россия должна освободить себя и покоренные народы, предоставив им свободу*. А между тем, указывает Берг, *левая идея — это не Ленин в башке и наган в руке, а идея справедливости без великодержавия и национализма, потому что человек, любой, важнее родины и нации, так как человек реален, а нация — иллюзорна, и патриотизм — это идеология обмана неимущих имущими, которые выдают свои интересы за интересы общества*. *Практически всегда и везде*.

Тот же **М. Берг** в статье «**Воровская сторона**» (Ежедневный журнал, 18 августа) пишет: *Мы, воры, господа, воры,.. даже если сами почти ничего не украли, кроме рабочего времени, когда начальство ушло, но — воры, потому что живем (или вынуждены жить) по воровским понятиям в воровской малине по имени РФ. И даже если осуждаем всю эту петрушку, и видим это дно подробно, на семь футов под килем, и пытаемся изменить писанные законы, и апеллируем к разуму, и приводим доводы, подчас красноречивые. Все едино. Ибо смешно призывать не красть и не врать в воровской стране, у которой самая авторитетная мораль — блатная, а лицемерие естественно... И есть подозрение, что сначала надо изменить воровские понятия, чтобы они, как самые главные, изменили массовую культуру, потому что массовая культура в стране и есть то самое... <...> разве не симптоматично, что самые популярные у нас — вор и проститутка? Имея в виду, так сказать, лирических героев Высоцкого и Пугачевой. И это было до перестройки, потом в ее начале, не изменилось после, при Ельцине, утвердилось при Путине и тандеме, да и вряд ли изменится скоро*.

Государство. Власть

На сайте информационного агентства REGNUM публикуется доклад «Пространство империи: мечты и практика», с которым выступил 29 сентября главред этого медиапроекта **Модест Колеров**. Тема доклада — отношение к понятию *империя* и эволюция, пережитая им в общественном сознании последних двух десятилетий. Колеров обращает внимание на то, что идея империи, не так давно категорически отвергавшаяся, получает сегодня новую легитимацию: очень многие на постсоветском пространстве говорят о ней как о том, что имело много плюсов. Сегодня, считает докладчик, уже можно вспомнить, что в идеальном смысле империя — это *многоконфессиональное, многонациональное, континентальное или колониальное единство, которое позволяет содержать в государственном целом разные уровни общественного развития и даже разные системы власти за счет мягкой, построенной на шарнирной связи системы кооптации национальных традиций и национальных элит*. Понятно, что в 90-е годы концепт империи воспринимался совершенно иначе: мейнстримом того времени на постсоветском и посткоммунистическом пространстве был *процесс национального, а чаще всего — националистического, этнократического строительства*. Сегодня многое воспринимается совершенно по-другому, сегодня *отсутствует субъект имперской инициативы*. Но Россия тем не менее по-прежнему остается коммуникационным и ресурсным центром, а также глобальным рынком труда: *сколько бы западных украинцев ни уехало в Польшу или евреев — в Израиль, пространство России все равно будет вне конкуренции*. Осознание этого русскоязычного пространства, замечает докладчик, и для Польши, и для Литвы, и для Армении *становится уже очевидным признанием собственной свободы, собственных возможностей, собственных дополнительных дарований на рынке труда...* Однако, по словам Колерова, парадокс заключается в том, что *главными рупорами русского этнического национализма выступают нацимены, <...> для которых империя — большая ценность, чем для московской буржуазной публики*. В самой же России риторика имперского наследия выдыхается, а в сопредельных государствах в то же время набирает обороты квазиимперская или посткоммунистическая риторика, при том что русофобия там не уменьшается. А между тем, считает Колеров: *либо Россия существует так, как она существует — в качестве империи или квазиимперии, — либо ее не существует вообще*. Однако, по словам докладчика, в свое время *под сурдинку разговоров о едином наследии и при льготных ценах на энергоресурсы, на транзит, при абсолютно беспечной миграционной политике и так далее, все в новых независимых государствах делалось за счет России и на 128% воспитывало не проимперские или пророссийские, а совсем другие силы*. Сегодня Россия как естественный исторический, культурный, ресурсный, коммуникационный и рыночный центр постсоветского пространства оказалась для собственных отделившихся окраин даже не «дойной коровой», а тем складом, куда заходит каждый, совершенно не боясь кладовщика и даже не собираясь подкупать

его водкой. *Всякий к этому складу, к этой «стене плача», оснащенной миллионными розетками, может бесплатно подключиться и подзарядиться. Только это стена нашего плача...*

Большинство государств стремятся к общественному благу, пишет в статье **«Российское государство как инструмент личного обогащения»** (Ежедневный журнал, 19 июля) Михаил Делягин. Правда, само общественное благо иной раз трактуется поразительно извращенным образом. *Однако разница между государственными системами, созданными Ф. Д. Рузвельтом (который сделал свою страну лидером мира) и Пол Потом (намеревавшимся ради общего блага уничтожить 5 из 8 миллионов кампучийцев), все же, по-видимому, существенно меньше, чем между любой из них и современной российской государственной системой,* пишет Делягин. *Они обе стремились к общественному благу; российское же государство, насколько можно судить, искренне полагает себя инструментом личного обогащения образующих его чиновников. Это страшный диагноз, но лишь он позволяет объяснить и видимую неспособность к модернизации, и феерическую коррупцию, и откровенную безнаказанность открыто пренебрегающих своими обязанностями чиновников, и сообщения о намерении потратить на Олимпиаду в Сочи 39 млрд. долларов. Российское государство поразительно и необъяснимо неэффективно, только если рассматривать его с точки зрения интересов народа. Если же рассматривать его просто как машинку для личного обогащения, его действия представляются поразительно логичными и эффективными, а сформировавшийся класс клептократии — подлинным правящим классом современной России.*

Ту же тему Делягин развивает в статье **«Современная политическая анатомия»** (Ежедневный журнал, 15 сентября). *В России заботливо, по кирпичику и человеку, сложен уникальный тип государства, смыслом которого является не общественное благо, сколь угодно извращенно понятное, но личное обогащение образующих его чиновников,* пишет он. Понятно, что в подобных условиях не может быть никаких факторов развития, и страна задыхается от воровства, монополизма и деградации, а *все, кто имеет влияние, стремительно глупеют,* пишет автор статьи, *поскольку коррупция, воровство — вещи, несмотря на изощренность некоторых схем, примитивные. Если вы десять или даже пять лет подряд занимаетесь примитивным делом — вы глупеете. И мы видим, что именно это происходит с нашей властью.* По мнению Делягина, перспективы наши неутешительны. Он пишет: *В этой ситуации неизбежен... системный кризис: утрата государством контроля за всеми важными сферами общественной жизни, погружение общества в хаос. Вероятно, правящая бюрократия удержит стабильность до 2012 года: инстинкты самосохранения у нее есть. Но дальше — в 2013, 2014 годах — системный кризис неизбежен.* Однако помимо клептократии, по мнению Делягина, в стране существуют и иные силы. Так, пишет он, в ходе экономического кризиса у нас появился слой, способный стать носителем и выразителем социальных, патриотических и демократических ценностей. Сегодня люди, имеющие деньги на еду и одежду, но не на товары длительного пользования, составляют практически по-

ловину населения страны. Эти люди, с точки зрения социологии, средним классом не являющиеся, тем не менее считают себя таковыми. *В отличие от борющихся за выживание*, пишет Делягин, *они имеют возможность критически осмысливать окружающую действительность и задумываться о ее разумном устройстве*. Этим людям уже есть что терять. Им также есть чего хотеть, и они весьма болезненно воспринимают свою материальную (и не только) уязвимость. С другой стороны, отмечает автор статьи, на этих людей давит *непробиваемый социальный потолок*: самое устройство российского общества (Делягин характеризует его как *кастовое, клановое и предельно монополизированное*) не позволяет им даже надеяться на сколь-нибудь значимое повышение уровня благосостояния, не дает им не просто уверенности в завтрашнем дне, но даже и надежды на такую уверенность. И это при том, что таких людей в стране 48%. *Это новая социальная доминанта, это новое, пока молчаливое, большинство, которое, как и весь народ, не имеет своего политического представительства, не имеет возможности не то что реализовать свои насущные интересы, но даже услышать формулирующие их слова*, пишет Делягин. А вместе с тем *это люди, которых тошнит от повсеместной лжи, которые негодуют от агрессивного хамства власти, для которых уже сегодня значительно легче признаться в нетрадиционной сексуальной ориентации, чем в членстве в партии «Единая Россия»*. Этим людям обрыдли бесконечные реформы, им хочется нормальной жизни. Словом, считает Делягин, *это — готовая социальная база новой власти*. И те, кто сумеет овладеть этой силой и сделать ее своей социальной базой, *станут реальной властью и смогут поступить с нынешним российским государством по своему усмотрению*.

Более прикладной характер имеют соображения **Станислава Белковского**. На сайте slon.ru в цикле статей он резюмировал опыт нашей жизни с президентом Медведевым. Согласно Белковскому, тремя основными медведевскими брендами стали «модернизация», «оттепель» и «перезагрузка». О первой речь идет в статье **«Два года Медведева: модернизация отменяется»** (7 мая). Медведевский Кремль, пишет Белковский, утверждает, что намерен в ближайшее время, — судя по всему, до весны 2018 года, — осуществить полномасштабную модернизацию страны. При этом целостной концепции этой самой модернизации Кремль до сих пор не огласил. Хотя, замечает Белковский, само понятия «модернизация» ученым людям хорошо известно и понятно. Модернизацией в стране называется построение в ней общества модерна. Общество же модерна характеризуется несколькими ключевыми признаками, — прежде всего тем, что базовой единицей и социальным субъектом выступает здесь гражданин; нация формируется как сообщество равных, культурно однородных и социально солидарных людей; создается система массовых коммуникаций, связующих страну и нацию воедино — от дорог до СМИ. И наконец, едва ли не главная примета общества модерна — это формирование систем массовой социализации человека, который с детства попадает в объятия этих систем (прежде всего, образовательной) и пребывает в этих объятиях вплоть до старости... Словом, лю-

бой может убедиться, что ничего подобного в России и близко не образуется. *В последние 20 (постсоветских) лет, пишет Белковский, мы занимались преимущественно демодернизацией: происходил ползучий (в некоторых случаях — обвальный) распад вышеозначенных институтов модерна с заменой их на специфическое сочетание архаического базиса (деиндустриализированной экономики) с постмодернистской надстройкой (обществом тотального потребления).* И выйти из этого состояния к модерну, то есть *в каком-то смысле вперед и назад одновременно,* крайне тяжело. И если еще недавно могло показаться, что президент Медведев способен понять масштаб и сложность задачи, то, по мнению автора статьи, *сегодня мы можем с уверенностью говорить: при Дмитрие Медведеве модернизации в России не будет. Она отменилась, не начавшись.* Белковский не верит в медведевский инноград. Сколково, пишет он, — *это механизм распила крупных государственных денег, не имеющий к модернизации никакого предметного отношения.* Характерной кажется ему и законодательная отмена в 2010 году важнейшего, системообразующего института общества модерна — обязательной системы общего образования для всех. Читая в сердцах, Белковский заключает: *Вероятно, под модернизацией правящая элита современной РФ понимает ускоренное внедрение технологий (преимущественно, импортных, так как для разработки собственных надо (вос)создавать все ту же проклятую научную базу, а времени и денег — жалко), решающих две задачи: — энергосбережение, чтобы больше сырой нефти и природного газа могло идти на экспорт; — всемерную пролонгацию физической жизни человека, чтобы наиболее достойные могли пользоваться плодами общества потребления столь долго, сколь это возможно...*

Другой бренд Медведева — оттепель. Об этом идет речь в статье «**Два года Медведева: страна вечной оттепели**» (18 мая). Белковский дает рассматриваемому явлению следующую формулировку: *оттепель в современной России — это механизм максимальной интеграции (реинтеграции) в политико-экономическую систему системных игроков при одновременном максимально жестком отсечении игроков внесистемных.* Судя по высказываниям и действиям Медведева, пишет Белковский, президент вынес из истории страны один важный урок: *тот правитель, который пытается дать русскому народу свободу и демократию, как правило, кончает плохо.* Отсюда и цель — *реконсолидировать элиты на базе отрицания реальной демократии (которая, согласно нашей базовой либеральной философии, неизбежно приведет Россию в объятия красно-коричневого безумия),.. восстановить антидемократический консенсус путем устранения «крайностей», «перегибов» и «уродливых явлений» поздней путинщины.* Это, собственно, и делается. И все, кого устраивает система в целом и не устраивают лишь отдельные ее недостатки, должны возликовать: *президент Медведев помнит о вас и вернет вам перспективы, которые при втором сроке Путина считались почти утраченными.* Это, поясняет Белковский, и есть оттепель, главным врагом которой объявлен «экстремизм». У оттепели есть устойчивая социальная база, пишет автор, *в первую очередь: бизнес (освобожденный от части уголовных тягот) и постинтел-*

лигенция (часть бывшей советской интеллигенции, которая из всех свобод считает существенными две: право доступа к дарам общества потребления и свободу перемещения). Есть у нее и свои герои, «Павки Корчагины», носители «обыкновенных биографий в необыкновенное время». Белковский довольно подробно останавливается на одном из таких — бизнесмене Андрее Хартли.

Самым большим достижением президента за два года его кремлевского сидения стала перезагрузка отношений России с Западом («**Два года Медведева. Перезагрузка**» (7 июня)). Собственно, ради этой перезагрузки, пишет Белковский, Медведева и выдвинули в президенты те же самые люди, которые восемью годами прежде сделали хозяином Кремля Путина. *Формально «перезагрузка» (reset) была провозглашена 7 марта 2009 года в Женеве, в ходе встречи госсекретаря США Хиллари Клинтон и главы российского МИДа Сергея Лаврова. Переговорщики, не расшифровав смысл этого понятия, глубоко намекнули, что пришло время дружить — после нескольких лет вроде-как-вражды, спровоцированной неуклюжей политикой прежней, республиканской администрации США.* Белковский пробует дать точное определение понятия: *Перезагрузка — это согласие России стать полностью системным игроком в рамках однополярного (американоцентричного) мира в обмен на легализацию (легитимизацию) российских элит на Западе.* К этому стремился и Путин. Сначала все шло неплохо. Но примерно с 2004-го программа легализации начала отчаянно «сбоить». *Отчасти потому, пишет Белковский, что наши капиталовладельцы не совсем поняли: легализоваться на Западе — это значит играть по западным правилам, а не сразу положить ноги на стол, раз у тебя много денег (Запад такого не любит). Отчасти потому, что администрация Буша-Чейни действительно пыталась реанимировать легитимность Америки как мирового лидера за счет искусственной раскрутки «сил зла», которых США обязаны эсхатологически победить. И в число этих «сил зла» — нечаянно, совершено вопреки собственному желанию, — попала и путинская Россия как номинальная правопреемница СССР. О том, собственно, и была знаменитая мюнхенская речь нашего экс-президента: как же так, мы к вам со всей русской душой и со всеми деньгами, а вы нас — мордой о геополитический стол! То было не объявление холодной войны, а просто обиженный вопль вселенской жалобы на незаслуженную обиду. Короче говоря, ситуацию надо было исправлять. И вот явился Медведев, который по определению Белковского, есть то же самое, что Путин, но с либеральной улыбкой. Медведеву повезло. В январе 2009-го в Белом Доме воцарился Барак Обама. И началось главное: Америка поняла, что не надо больше бояться России. Что РФ — никакая не сверхдержава, а просто — крупная провинциальная страна. Типа Украины, только побольше и побогаче. Страна с глубоко коррумпированной элитой, чьи интересы так же не совпадают с чаяниями народа, как, скажем, в Пакистане. А значит — фундаментальная проблема взаимоотношений решается вовсе не конфронтацией, увеличивающей Москву безмерно в ее собственных глазах, а прижатием России к любящей однополярной груди.* Так с приходом Обамы сложилась новая концепция американского глобального

доминирования, вполне устраивающая авторитарную кремлевскую клептократию. В новой схеме, пишет Белковский, экспорт демократии более не нужен и даже вреден: *демократия за пределами евро-атлантического мира нередко приводит к власти внесистемных антиамериканских правителей (ахмадинежадов, чавесов и моралесов), в то время как авторитаризм по большей части оказывается системным и проамериканским. Нет больше возможности и экспортировать общество потребления: для того, чтобы бедные во всем мире стали небедными, у этого мира не хватит никаких ресурсов.* Обама и Медведев совпали в пространстве-времени, что и определило стартовый успех перезагрузки. *Америка хочет от России: а) постепенного отказа от рудиментов ялтинского (биполярного) мира, в первую очередь, — особого статуса РФ как ядерной державы, для чего и нужен новый Договор СНВ; б) поддержки в принципиальных вопросах борьбы против новых ядерных стран типа Ирана и КНДР. Россия хочет от Америки: признания своей правящей элиты нормальными «почтиевропейцами» (евро-американцами) со всеми вытекающими отсюда правами, включая право беспрепятственного распоряжения международными активами. Сегодня пакт на таких условиях реален, как никогда прежде.* Резюме Белковского таково: *остается пожелать Дмитрию Медведеву удачи. Чего еще желать правителю, который вдруг оказался у руля большой страны и, кажется, чем дальше, тем меньше понимает вопиющую природу этого казуса.*

Месяц спустя на том же сайте slop.ru **Белковский** размышляет о том, чем существенным Медведев отличается от Путина («ИРАДократия», 13 июля). Первое различие между ними — чисто стилистическое, пишет он. *Путин — классический бизнесмен из начала 1990-х. С паракриминальным мышлением и формальным юридическим образованием. Идеальный герой разборки. Говорун, представляющий интересы любой из сторон. Медведев — типичный корпоративный юрист. Для которого самое главное — правильно оформить решенные бизнес-задачи. Не отступив от формального права ни на йоту и, главное, не взяв на себя лишней ответственности за бизнес-результат. Форма — все, содержание, в общем-то, — ничто.* Второе различие — в масштабах и формате доступа к источникам информации. Путин — старомодный персонаж из галактики Гуттенберга, в то время как Медведев — человек интернет-эпохи. *Это значит, что у Медведева источников информации гораздо больше, а фильтр настроен гораздо хуже, чем у предшественника/соратника.* Впрочем, пишет Белковский, эти различия второстепенные. Третье же — и главное — различие в следующем. Когда (1999 — 2000) семья Бориса Ельцина и связанные с ней большие бизнесмены привели на президентский пост Владимира Путина, в стране в целом и в элитах, в частности, присутствовала уверенность, что власть в России — дело очень трудное и опасное. *Путин принимал власть не как рождественский подарок, но как бремя, ради друзей и соратников. Больше некому было — вот и согласился идти в президенты. Поэтому доминирующим ощущением второго президента... была тревога. Он понимал (понимает), что сидеть на русском престоле, так или иначе, — проклятое дело, как бы густ ни был золотой дождь и изыскан царственный ритуал.*

«Раб на галерах» — это не игра, а вольное или невольное признание в колоссальной психологической усталости. Когда же (2007 — 2008) все те же люди плюс Владимир Путин привели на президентский пост Дмитрия Медведева, возобладало представление, что власть в России — дело приятное и нехлопотное, ни больших рисков, ни существенных угроз: сидишь себе на троне и распределяешь сырьевые доходы... В таком мире, пишет Белковский, нет ни рабов, ни галер — только ультрасовременные гаджеты, один другого гламурней. Потому преобладающей эмоцией третьего президента стала эйфория. Проявляющаяся особо, когда Медведев встречается с иностранными лидерами высшей лиги. Уровня Барака Обамы и Ху Цзиньтао. Кажется, в такие минуты его вот-вот прорвет и он-таки скажет: «Смотри, мама, какие у меня теперь друзья!» Иными словами, если у Путина-президента сохранялось чувство русской обреченности, трясинности и непроходимости, то у Медведева этот нерв (необходимый, по Белковскому, каждому русскому правителю) атрофирован. В итоге зачастую на телеэкране третий президент РФ выглядит несерьезно: кажется, что он воспринимает власть как дорогую игрушку, данную ему на тестирование, — что-то вроде навороченного мобильника. Вон он занес палец — и уже появляется услужливая кнопка, чтобы нажать. Вот он нажал — и все закрутилось-завертелось. А что на самом деле ничего не работает — не царское дело про такие вещи думать. Поэтому, делает неожиданный вывод Белковский, Медведев, как ни странно, психологически готов к гораздо более радикальным решениям, чем Путин. Доказательством тому — признание Абхазии и Южной Осетии в августе 2008-го, не говоря уже о формальном изменении Конституции, чего Путин, то и дело фактически отступавший от духа Основного закона, все же избегал.

На этом же сайте в статье **«Призрак Химкинского леса, или Метель августа»** (27 августа) **Белковский** подмечает то, о чем в 2010 году временами говорили и другие. Меняется атмосфера. В вопросе о вырубке Химкинского леса Медведев уступил общественным активистам. Путин никогда не принимал и не менял решений под давлением протестующих сограждан. *В конце концов, прозорливо отмечает Белковский, после «дополнительного изучения» маршрут роковой дороги может и остаться неизменным — чем черт не шутит.* Главное не это. *Решение по Химкинскому лесу так или иначе аукнется России большими общественно-политическими последствиями, которых коллективный Кремль, должно быть, вовсе не хочет, и уж точно — пока не осознает.* Во-первых, решение Медведева стало сигналом гражданским активистам по всей стране: не все бесполезно, с властью можно говорить языком прямого действия. Во-вторых, был нанесен смертельный удар по политическому дискурсу «профессионального подонка», на котором, согласно Белковскому, держались все подкремлевские молодежные организации и в немалой степени сама «партия власти». (Дискурс профессионального подонка, сказано в статье, предполагает, что *преуспеть в современной РФ может только человек, который является подонком по специальности, то есть зарабатывает себе на жизнь посредством подчеркнутого и демонстративного не-*

брежения традиционными нравственными нормами. И вот внезапно выяснилось, что работа профподонка более не приносит желаемых результатов — ни заказчику, у которого от такой работы начинает сильно падать рейтинг, ни исполнителю.) В результате, пишет Белковский, вся совокупность объединений профподонков получила тяжелые повреждения, не совместимые с политической жизнью. На «Наших», МГЕРе и т. п. можно ставить крест. В-третьих, выдвижение в большую политику таких людей, как Юрий Шевчук, по мнению автора статьи, показало, что есть у нас люди, которые хотят не власти, но справедливости, то есть, стало быть, в России имеется строительный материал для контрэлита и не все тут одним монетократическим мирром мазаны. В-четвертых, даже вполне мейнстримные люди вдруг ощутили: в стране не все не так, как надо. А это, по мнению Белковского, значит, что перемены неизбежны и близки. *Призрак Химкинского леса, который бродит по России, — это провозвестник новой перестройки*, пишет он. Просто есть некоторая путаница в терминах. Многие думают, что перестройка — это революция сверху, на самом же деле, *перестройка — это попытка правящей корпорации в условиях кризиса и разложения Системы путем хаотической / бессистемной имитации реформ законсервировать Систему и избежать любой революции: и снизу, и сверху*. Именно так, по мнению Белковского, действовал во второй половине 1980-х Михаил Горбачев, который *вовсе не хотел ни демократии, ни гражданских свобод. Напротив — стремился путем косметического ремонта фасада и создания некоторых дополнительных стимулов для «активной части» тогдашнего населения укрепить «реальный социализм» и продлить его усталый век*. Но в периоды глубокого разложения и кризиса «косметический ремонт» ничего спасти уже не может. Так обстоит дело и сегодня: *накопление неэффективности системы, построенной на тотальной коррупции, приближается к критическому уровню. А власть тем временем не готова ни к каким преобразованиям, кроме сузубо формальных. Это и есть два необходимых слагаемых и предусловия перестройки*. Так что перемены не за горами: *погода — изменится*.

Алексей Сухов, главный редактор онлайн-журнала «Россия: Путь к свободе», в обширной статье подвел итоги путинской десятилетки («**Владимир Путин — реквием**»: free-russia.net, 7 сентября). В тексте много здравых суждений. Обратимся лишь к финальной части статьи. *Итак, чего же мы добились за десять лет? Политическая система в России так и не создана. Нет даже обычной для развитого мира двухпартийности. Есть одно сообщество прикормленных бюрократов, которые разбегутся сразу же, как только поймут, что поддерживать их никто сверху не будет, а снизу не захочет и не станет. Экономика так и осталась экономикой развивающейся страны. То есть мы так и будем в ближайшее время сырьевым придатком. И даже не только стран Европы и Америки, а наших ближайших восточных соседей, — например, Китая. Кроме того, мы умудрились развалить даже то, что у нас было: сегодня бизнес подмят под государство, основными рыночными рычагами являются откаты и взятки. Нами за десять лет не выиграно ни одной войны. Хотя с за-*

видной периодичностью мы воевали все десять лет. Потому что ни с одним из наших противников не заключен стопроцентный мир. И расхлебывать эту ситуацию еще предстоит или нам, или нашим потомкам. И более того, мы не чувствуем себя в безопасности у себя дома. Что же делать, как же быть? Тут Сухов трагически оптимистичен: во-первых, на выборы в 2012 году не ходите вовсе. И не признавать их результатов. Во-вторых же, что бы мы ни сказали, наши слова будут названы экстремизмом. Но и не надо ничего говорить — и так ясно. Наш народ умел много раз в истории сказать свое решительное НЕТ: самодержавию, фашистской оккупации, даже большевикам в 1991 году (лучше поздно, чем никогда). И если любая власть в России представляет собой абсолютное зло, то народ и без наших советов решит, что с этой властью делать. И обязательно одержит сокрушительную победу.

Россия и мир

Александр Храмчихин в статье «Тупик «стратегического партнерства»» (chaskor.ru, 27 августа) в очередной раз остановился на вопросе о месте России в мире. Китай, окончательно почувствовав свою силу, перешел в 2010 году в наступление по всем фронтам. Запад оказался в ловушке, в которую привел себя сам. Он клюнул на дешевизну китайской рабочей силы, ее неисчерпаемость, трудолюбие и безотказность при достаточно приемлемом качестве. А теперь деваться некуда. Китай потребовал технологий и повышения зарплаты рабочим. Многолетняя ситуация, когда сотни миллионов реальных создателей «китайского чуда» (рабочие и «рабоче-крестьяне») получали от этого чуда либо совсем немного, либо вообще ничего, становится нетерпимой. Китайское руководство решило, что пора делиться с народом, а то могут быть большие проблемы. Кроме того, в Пекине всерьез взялись за экологию. И предприятия теперь должны соблюдать все экологические нормы. Альтернативы у Запада нет. Он вынужден будет согласиться на новые условия (передачи технологий, повышения зарплат рабочим, выполнение экологических требований). Принципиальные изменения, пишет Храмчихин, происходят и в российско-китайских отношениях. *Как говорят в Одессе, свадьба изжила себя.* Сегодня «стратегическое партнерство» умирает, но ведь никакого *внутреннего содержания* в нем не было никогда. Было только разыгрывание карты друг друга против США. То есть и Москва, и Пекин шантажировали Вашингтон тем, что, если он будет слишком зарываться, партнерство из виртуального станет реальным. Однако больше это не нужно ни тем ни другим. Китай стал слишком силен и может разговаривать с США сам. Отношения Москвы с Пекином уже давно стали отношениями вассала с сюзереном, но даже в такой форме себя исчерпали. Следующий шаг — превращение в колонию, к чему в Кремле пока все-таки не готовы. Все военные технологии Китай из нас успешно выкачал, осталось только получить истребитель пятого поколения, но к этому Москва, опять же, не готова. Китай не просто украл у нас все доступные технологии, но и стал благо-

даря этому нашим прямым конкурентом на рынке вооружений. То есть покусился на самое святое, что есть у Кремля, — деньги. Пекин, считает Храмухин, в принципе не чувствует перед нами никаких обязательств ни в какой области, такого фактора, как «интересы России», для него ни в политике, ни в экономике просто не существует. Возможно, после этого в некоторых кремлевских головах наконец-то что-то провернулось и пришло определенное отрезвление. Начальник штаба Сухопутных войск РФ генерал-лейтенант Сергей Скоков, характеризуя потенциальные внешние угрозы, сказал: «Если мы говорим о востоке, то это может быть многомиллионная армия с традиционными подходами к ведению боевых действий: прямолинейно, с большим сосредоточением живой силы и огневых средств на отдельных направлениях». Впервые за постсоветскую историю России Китай был официально назван нашим потенциальным противником. В последнее время в Китае развернулась программа строительства шоссейных дорог вдоль границы с Россией. Как было объявлено официально — в целях развития туризма. Объяснение это не менее прелестно, чем строительство подземных убежищ под предлогом защиты от землетрясений. Хочется отметить, что по рокадным дорогам (то есть параллельным линии фронта) очень удобно перебрасывать войска. Без наличия рокад воевать сложно. Теперь у Китая с ними все будет нормально. Кроме того, Китай потребовал пересмотра границы по Амуру и Уссури <...> Не пересчитать заявлений наших официальных лиц всех рангов (вплоть до самых высших), которые после сдачи в 2004 году Китаю островов на Амуре заявляли, что теперь-то российско-китайская граница установлена навсегда. Теперь мы знаем, сколько длится «навсегда» в китайском варианте — пять лет. Можно себе представить, какой оглушительный визг стоял бы в наших СМИ, если бы границу по реке так нагло и открыто двигали Эстония, Грузия или Польша. А тут — тишина. Стратегическое партнерство... У нас нет возможности давить на Китай хоть каким-нибудь образом. К тому же ясно, что попытка изменить сложившуюся модель «партнерства» приведет к заметному охлаждению отношений с Пекином, а это всерьез страшно. Это на НАТО и США можно нести как на мертвых — ответа все равно не будет ни в какой форме. А тронуть дракона — очень рискованно. Реальное стратегическое партнерство Китай, видимо, будет устанавливать с Евросоюзом. Там огромный потребительский рынок, замечательные, по-настоящему современные технологии и при этом никаких внешнеполитических амбиций, которые могли бы создать Китаю проблемы в других регионах мира.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

**К 80-летию со дня рождения
Владимира Максимова (1930 – 1995)**

Елена СКАРЛЫГИНА

НЕУСПОКОЕННАЯ ДУША

Думаю, самое главное, что сегодня обрадовало бы Владимира Максимова, — это то, что его детище — журнал «Континент» — продолжает регулярно выходить на родине; при этом не только не захирел, но и обрел собственную, уникальную нишу среди российских «толстых» литературно-художественных журналов.

Так случилось, что как писатель, прозаик В. Максимов сегодня почти забыт, переиздания редки и не вызывают заметного читательского отклика. А ведь была у него в 1960 — 1970-е годы настоящая слава: романы «Семь дней творения» (1971), «Карантин» (1973) распространялись в самиздате и были опубликованы на Западе. Романы «Прощание из ниоткуда» (1974 — 1982), «Ковчег для незваных» (1976 — 1978), «Заглянуть в бездну» (1986), созданные уже в период эмиграции, печатались крупными тиражами в разных странах и становились предметом серьезного анализа в критике. К концу 70-х книги Максимова были изданы более чем на двадцати иностранных языках, был он награжден престижными литературными премиями, участвовал в международных писательских форумах, где слово его звучало весомо и авторитетно.

Когда Владимир Максимов утверждал, что «всю жизнь пишет одну книгу — о самом себе», он имел в виду главным образом общую философскую составляющую своих произведений. Нравственно-философская проблематика чрезвычайно характерна для его прозы, писатель находился под мощным воздействием творчества Достоевского. Даже если признать, что стиль

**Елена
СКАРЛЫГИНА**

— родилась в Магнитогорске. Окончила Факультет журналистики МГУ. Кандидат наук, доцент МГУ. Автор статей о русской литературе XX века и литературной журналистике, публиковавшихся в «Вопросах литературы», «Новом литературном обозрении», журналах «Общественные науки и современность», «Континент» и др. Автор книг «Неподцензурная русская культура 1960 – 1980-х годов и “третья волна” русской эмиграции» и «Критика 1950 – 1960-х годов XX века». Живет в Москве.

романов Максимова порой тяжеловат или излишне патетичен, эти недостатки формы всегда окупаются чрезвычайно искренней авторской интонацией. В жанровом отношении романы Максимова можно, пожалуй, определить как «идеологические», но суть этой «идеологии» — христианские ценности, сложный и полный испытаний путь человека к Богу. Взгляд писателя на русскую историю и революционные события 1917 года, в корне переменявшие ее ход, был глубоко выстрадавшим, трезвым и горьким. Химеры коммунизма, ради которых страдали и бессмысленно погибали миллионы русских людей, всегда яростно разоблачались им.

Владимир Максимов был человеком, глубоко и истово любившим Россию. Он не мог спокойно и равнодушно наблюдать, как погибает его родина под гнетом коммунистической власти. Так он оказался одним из активных участников диссидентского движения. Решительности, смелости, мужества ему было не занимать. В письме в Секретариат московского Союза писателей (от 15 мая 1973 года), уже зная о грядущем исключении, Владимир Максимов назвал эту организацию «вотчиной мелких политических мародеров, литературных торгашей — мелких бесов духовного паразитизма». Он убежденно и решительно поддержал Александра Солженицына в период беспрецедентной травли писателя на родине, а затем, уже в эмиграции, оставался одним из немногих, кто был близок Александру Исаевичу и его семье.

Выдавленный в эмиграцию, принужденный к ней, Владимир Максимов и там оставался человеком действия — решительным, волевым, неистовым в отстаивании собственных убеждений. Почти все современники, коллеги, друзья вспоминают о его жестком и взрывном характере. Но зададимся простым вопросом: смог бы человек с более мягким характером удержать на плаву корабль «Континента» в течение восемнадцати лет? Издавать русский «толстый» журнал в эмиграции чрезвычайно трудно — тем более, когда у этого издания много влиятельных врагов среди социалистов и коммунистов Запада, когда «третья волна» эмиграции расколота на непримиримые лагеря.

Сегодня, по прошествии многих лет, совершенно очевидно, что именно «Континент» стал делом жизни Владимира Максимова, пусть даже в ущерб его собственному писательскому творчеству. В 1978 году «Русская мысль» опубликовала большое интервью Кириллу Померанцеву (старейшему сотруднику газеты), в котором Максимов признавался, что «первые три года после эмиграции полностью ушли на организацию журнального дела», и лишь год назад писателю «удалось, наконец, дорваться до письменного стола» для работы над романом «Ковчег для незваных». *«Журнал, как вы знаете, — вампир, — пояснял Максимов интервьюеру. — Это известно каждому редактору. Журнал, газета — требуют тебя всего, всего человека. Этим надо жить. С этим просыпаешься и с этим засыпаешь. Ведь это же — живой организм, который внутренне, постепенно тебя выедаёт. Но дело стоит того: журнал принят, он читается в России, и мы будем идти до конца»¹.*

¹ «Русская мысль». Париж, 1978, 8 июня. № 3207.

Ведущее издание «третьей волны» эмиграции целенаправленно представляло свои страницы для прозы и поэзии авторов, подвергавшихся гонениям на родине: Бориса Чичибабина и Геннадия Айги, Сергея Гандлевского и Александра Сопровского, Венедикта Ерофеева и Лидии Чуковской, Владимира Корнилова и Фридриха Горенштейна, Инны Лиснянской и Семена Липкина. «Континент» писал о сложной творческой судьбе Юрия Любимова и Андрея Тарковского, Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской, рассказывал о живописи художников-нонконформистов, помещая на специальных вкладышах цветные репродукции их картин. Весьма значительным был, кроме того, поток самиздатских рукописей, поступавших в редакцию по тайным каналам.

«Континент» был журналом с ярко выраженным направлением — антикоммунистическим, антитоталитарным. Он поддерживал диссидентское, правозащитное движение в СССР и других социалистических странах, целенаправленно освещал в публицистических статьях самые болевые точки русской истории XX века, которые сознательно замалчивала официальная советская историография. Здесь из номера в номер печатались коллективные заявления и письма протеста, открывавшие миру глаза на преследования инакомыслящих в Советском Союзе и странах Восточной Европы. Максимов дружил с Эдуардом Кузнецовым и Владимиром Буковским, принимал участие в судьбе Петра Григоренко и его семьи, состоял в переписке с Кронидом Любарским и Александром Воронелем, помогал выехать в эмиграцию бывшим политзаключенным.

Лишенный гражданства, оказавшийся в весьма зрелом возрасте в положении изгнанника, Максимов никогда не терял духовную связь с родиной. К 50-летию Владимира Максимова Виолетта Иверни взяла у него развернутое интервью, которое было опубликовано в «Континенте». Редактор успешного журнала, шесть лет проживший к тому времени на Западе, говорил прежде всего о России, о Москве: *«И весь я там... Может, это и плохо, но я весь там. Вот я знаю здесь людей, близких мне, хорошо знакомых, они говорят: нет там больше ничего, ничего не осталось, все пусто, и связь прервалась. А я вот не могу — весь там. И все помню, всех помню»*... Чуть ниже он вновь подчеркивал: *«Но вот эмигрантом я себя никак не чувствую. Ко мне часто приходят люди, приехавшие из Москвы в туристскую поездку или в командировку, разговариваем мы, бывает, ночи напролет, и разговоры все те же, что были в Москве, и я никакой разницы между собой и ими не чувствую. Просто живем в разных городах, по разным адресам. Нет у меня ощущения оторванности»*².

В 1984 году, когда «Континенту» исполнилось десять лет, редакцию поздравили все ведущие издания русской эмиграции (за исключением, пожалуй, «Синтаксиса»). Георгий Владимов, редактировавший в то время «Грани», писал Максиму: *«Журнал нужен России, как свет в оконце; лишенная права говорить о самой себе, с ним она обретает мнение и вкус, философию,*

² «Континент». Париж, № 25 (1980, № 3).

нравственность, религию, а в целом — ответ на самую большую и жгучую тайну, особо тщательно от нее охраняемую, — как и чем жив ее народ и чем ему жить далее. Желая тебе крепости духа и спокойствия, с которыми только и можно вести корабль журнала меж рифов и мелей нашего зыбкого успеха, средь горечей и обид, поверх неудач и ошибок, — при этом, что-то все-таки откладывается в историю, как отложились уже несомненно эти сорок книжек «Континента»³.

В 2006 году мне довелось поработать в Историческом архиве Forchungstelle Osteuropa при Бременском университете (ФРГ), куда Максимов за несколько лет до смерти передал редакционный архив «Континента». Помню, как дрожащими от волнения руками я брала в руки пожелтевшие листочки, зачастую рукописные, и читала переписку Владимира Максимова с Андреем Сахаровым, с Романом Гулем, с Александром Солженицыным, с Эрнстом Неизвестным, с Василием Аксеновым и Виктором Некрасовым. Даже на фоне двух великих людей, пророков, посланных России в XX веке, — Александра Исаевича Солженицына и Андрея Дмитриевича Сахарова — фигура Максимова не мельчала, не казалась необязательной, возникшей по воле случая. Вставала за письмами редактора «Континента» личность крупная, яркая, с выстраданными убеждениями, за которые человек готов сражаться всерьез.

Возможно, в повседневной редакторской практике, в общении с авторами Максимов бывал излишне нетерпим, категоричен, но интересы дела он всегда ставил превыше всего. История «Континента» — это в том числе история личных расхождений, а затем и расставаний с людьми, которые совсем недавно казались товарищами по несчастью и единомышленниками. Справедливости ради следует сказать, что в истории не было ни одной эмиграции (будь то чешская, польская, немецкая и т. п.), которая сумела бы обойтись без конфликтов, интриг, внутренних противоречий и взаимных подозрений.

Всем известна многолетняя вражда между журналами «Континент» и «Синтаксис», которая привела к расколу вчерашних эмигрантов из СССР на два враждебных лагеря. Конфликт, начавшийся с редакционных разногласий и межличностных проблем, перерос в настоящее идейное противоборство. Столкнулись, как принято считать, представители консервативно-почвеннической и западнической моделей развития России. Но справедливости ради следует подчеркнуть, что многое в этом конфликте объяснялось и чисто человеческими причинами: непрощенными обидами, соперничеством, завышенными амбициями.

Одной из серьезнейших причин раскола среди представителей «третьей волны» русской эмиграции стало отношение к Солженицыну и его выступлениям в западной печати. Максимов относился к Александру Исаевичу с большим пиететом, о чем свидетельствует их весьма обширная личная переписка. Вместе с тем он обижался на Солженицына за то, что тот почти не

³ «Континент». Париж, № 40 (1984, № 2).

печатается в «Континенте» и ограничивается лишь советами по улучшению редакционной политики издания. (Однако, — замечу в скобках, — такие советы, очень внимательные и подробные, Солженицын Максимова все-таки давал. В архивах мне встречались документы такого рода. Так, в письме от 28 января 1979 года Солженицын писал, в частности:

«Вам... надо стремиться: чтобы ласково было душе от чтения Вашего журнала. Чтобы перевес страниц душевных над желчными был таков, что и через 20 и 40 лет в свободной России его был бы смысл почитать, чтоб не умерли его страницы, как умрут газетные».) В свою очередь супруги Синявские, Лев Копелев, Ефим Эткинд не могли простить Солженицыну статей «Образованщина» и «Наши плюралисты», а также многочисленных антизападнических, как они считали, выступлений в мировой печати. Максимова также обвиняли в отказе от демократических ценностей и диктаторских устремлениях после его яростной «Саги о носорогах» (1979), действительно, не свободной от крайностей. Но истина, как мне кажется, состоит в том, что ни шовинистами, ни националистами, ни сторонниками тоталитарной власти ни Солженицын, ни Максимов не были никогда (а ведь именно в этом их обвиняли!). У них были свои, выношенные и выстраданные представления о русской истории и русской национальной культуре. Прислушаемся к Науму Коржавину: *«Во все годы “застоя” “Континент” при всех своих неизбежных недостатках был флагманом свободной русской прессы. В нем при всей определенности и даже жесткости личных взглядов главного редактора имели возможность высказаться не только те, кто был согласен с религиозной и антисоциалистической линией журнала. Не допускал он только двух вещей — во-первых, поношения России и русского народа как средоточия пороков и единственного виновника всех бед человечества в XX веке. Во-вторых, всех видов шовинизма, в том числе и антисемитизма»*⁴.

Между различными «волнами» русской эмиграции существовало, как известно, взаимное недоверие, непонимание. Это было вызвано не только временной и поколенческой дистанцией, но и серьезными различиями в ментальности, в жизненном опыте. Вчерашние выходцы из СССР казались представителям «белой» эмиграции чужими, безнадежно «советскими». Тем важнее и плодотворнее усилия, которые Владимир Максимов предпринимал как человек и как редактор для налаживания контакта между эмиграциями. Он печатал в «Континенте» И. Чиннова и Ю. Иваска, В. Перелешина и Л. Ржевского, был хорошо знаком с А. Л. Толстой — дочерью Л. Н. Толстого — и призывал русскую эмиграцию помочь Толстовскому фонду, одной из старейших благотворительных организаций.

Последние годы жизни Максимова были невероятно драматичными. Поначалу не поверив в перестройку и гласность, он затем с большим уважением относился к Михаилу Горбачеву (и лично встречался с ним в Париже), но то направление, в котором стала развиваться Россия при Борисе Ельци-

⁴ «Континент». Москва, № 84 (1995, № 2).

не, категорически не принял. Свое выступление на международной встрече в Российской Академии Наук в июне 1993 года писатель назвал «Поминки по России».

«Нынешняя Россия — это омерзительная неолевашевская клоака, симбиоз вчерашних номенклатурных растлителей с откровенной и абсолютно безнаказанной уголовщиной, — говорил Владимир Емельянович. — И самое невыносимое и унижительное для меня состоит в том, что до этого позорного состояния ее довели те же самые, выражаясь по Щедрину, твердой души прохвосты, десятками лет растлевавшие страну, а нынче насех напялившие на себя демократическую одежку, из-под которой хорошо просматривается их старая коричневая шкура: недавние областные гауляйтеры, партийные журналисты и писатели, комсомольские запевалы, брежневские телеклоуны и творцы помпезных кино и театральных эпопей во славу родной партии и правительства. Господи, когда же Ты, наконец, избавишь Россию от этой прожорливой саранчи!»⁵

В октябре 1993 года вместе с Андреем Синявским, Марией Розановой и Петром Егидесом Максимов выступил с письмом протеста против танкового обстрела здания российского Парламента, против пролитой крови и человеческих жертв. Статья «Под сень надежную законов» была опубликована как в России, так и в эмиграции. Разразился скандал. Газета «Русская мысль», с которой Максимов тесно сотрудничал на протяжении многих лет, перестала печатать его статьи и не вспоминала о нем вплоть до самой его кончины.

Владимир Максимов дожил до краха коммунизма, падения советской власти и полного развала СССР, до великих исторических потрясений, которые провозглашались со страниц «Континента». Казалось бы, он мог вздохнуть с облегчением и с чувством исполненного долга. Но вместо чаемой для России новой, свободной и счастливой жизни он увидел страшное разграбление страны и торжество бывшей партийно-советской номенклатуры, воспользовавшейся победой демократической революции. Этого он пережить уже не смог. С этим потрясением, ощущением краха и чувством глубокого одиночества связана, возможно, и его последняя, смертельная болезнь — скоротечный рак. В поздние годы жизни Максимов печатался в «Советской России» и «Правде», что стало, конечно же, неожиданным и парадоксальным поворотом в его судьбе. Он вновь оказался инакомыслящим, и большинство изданий демократического толка закрыли перед ним дверь. Сборник страстной, исполненной подлинной горечи и гнева публицистики Максимова («Самоистребление»), вышел незадолго до его смерти.

«Горяч был во всем. Очень. Я его Шум и Ярость звал, — вспоминал Эдуард Кузнецов. — А надо было еще и Милосердие»⁶.

⁵ «Континент». Москва, № 77 (1993, № 3).

⁶ «Континент». Москва, № 84 (1995, № 2).

КАК ПОРОЖДАЮТСЯ МИФЫ

(мифы, а то и просто вранье)

Технику этого «порождения» я обнаружила, столкнувшись с неоднократно цитируемым сообщением Сергея Довлатова об отношении к нему Максимова (текст беру из первоисточника, здесь и далее все выделено мной):

«Правда, Максимов, что называется, сменил гнев на милость и печатает в № 39 мой рассказ, но и то: рассказ был ему отослан с холодным сопроводительным письмом (то есть, я встал, по Вашему выражению, в позу просителя), никакого ответа не получил, а затем косвенно, через общих знакомых услышал, что Максимов говорит: “Довлатов, конечно, ничтожество, но рассказ смешной, и мы его опубликуем...” Что-то в этом роде»¹.

И вот как это выглядит шагом дальше, уже на стадии литературного критика (в данном случае Владимира Бондаренко):

«Владимир Максимов, печатая его в своем “Континенте”, заметил: “Довлатов, конечно, ничтожество, но рассказ смешной, и мы его опубликуем”.

Уже не «косвенно», не «услышал» и не «что-то в этом роде», а как бы вполне достоверная цитата.

Странно, однако, что до рассказа, о котором идет речь в письме Сагаловскому², Максимов печатал рассказы «этого ничтожества» дважды, начиная с № 11, 1977 год, и еще дважды после.

Еще более странно, что за четыре с лишним года до этого письма Довлатов писал Игорю Ефимову:

«Горбаневская, подозревающая всех в отсутствии комплексов, тоже меня наобижала. <...> Сказала мне: “Лично я не испытываю по отношению к твоим рассказам большого энтузиазма”. Мне энтузиазм и не требуется.

¹ Довлатов — Науму Сагаловскому, 28.2.1984 // Письма к Науму Сагаловскому. Копии автографов из домашнего архива С. Д. в Нью-Йорке: <http://www.sergeidovlatov.com/books/sagal.html>

² Довлатов С. Представление // «Континент», 1984, № 39.

**Наталья
ГОРБАНЕВСКАЯ**

— родилась в 1936 г. в Москве, окончила филфак ЛГУ. Поэт, автор полутора десятков поэтических сборников. С 1967 г. — активная участница правозащитного движения, одна из основателей «Хроники текущих событий». В 1986 – 1992 гг. — заместитель главного редактора «Континента». Живет в Париже.

Просто у меня лежит записка от Максимова: “Присылайте все, что есть. Мы все тут ваши поклонники”»³.

Владимир Емельянович — как раз со свойственным ему энтузиазмом — «всех нас» искренне зачислил в поклонники Довлатова. Я и тогда не была особой поклонницей Довлатова (и сейчас таковой не стала), о чем, как видит читатель, честно ему сказала. Не эти ли мои слова пять лет спустя аукнулись приписанной Максимову — и имеющей все шансы войти в историю литературы — фразочкой?

Это, конечно, частный случай, как частный случай и по сей день раздуваемая недругами история о том, как Максимов выгнал из редакции и лишил куска хлеба Виктора Некрасова. Я уже не однажды опровергала этот, мягко говоря, миф. Может быть, стоит еще раз, но уже здесь, в родном «Континенте», привести посвященный этому отрывок из моего интервью Елене Скарлыгиной:

«Е. С. Вы сменили на посту заместителя главного редактора “Континента” Виктора Некрасова. Может быть, уже настала пора прояснить для российского читателя, для историков литературы и журналистики весьма важный вопрос: что послужило причиной выхода В. Некрасова из редколлегии? Известно, что он получал пенсию от “Континента”, что в первые годы эмиграции журнал оплатил дорогостоящее лечение тяжело больного писателя. На страницах “Континента” была опубликована его проза — “Записки зеваки”, “Взгляд и нечто”, “По обе стороны стены”. Видимо, существовал какой-то внутренний, личный конфликт между В. Максимовым и В. Некрасовым. Не могли бы вы раскрыть причины этого конфликта?»

Н. Г. Давно пора. Только уточним: не из редколлегии, а из редакции (как зам. главного редактора Некрасов не был членом редколлегии). Однажды я уже внесла в этот вопрос ясность, благодаря чему в интернетном обзоре XX века супругов Отрощенко формулировка “изгнан из редакции” (или что-то в этом роде) была заменена на “ушел из редакции”.

<...>

Никакого внутреннего, личного конфликта между Некрасовым и Максимовым не было. Просто когда по возрасту радио “Свобода” собиралось внештатнику Некрасову платить пенсию, то его предупредили, что пенсию ему будут платить, только если он уйдет из “Континента”. Не знаю, таким ли было реальное положение вещей или ему кто-то соврал: тот человек в Париже, который его об этом информировал, либо какой-то начальник этого человека, но Некрасов решил из “Континента” уйти и честно рассказал все обстоятельства Максимову. Максимов поставил меня на его место, но зарплату (никаких пенсий в “Континенте” не было) платил ему до конца жизни: я продолжала получать меньше и ничуть не обижалась»⁴.

³ 28.11.1979.

⁴ Горбаневская Н. «Показать, каким был журнал на самом деле...» // «Вопросы литературы». 2007. № 2.

Но, конечно, и до сих пор преобладают мифы более общие: о Максимове нетерпимом («нетолерантном»), враге демократии и плюрализма. Особенно яростно рисует такую картину некто Вадим Белоцерковский, о котором, помню, Владимир Емельянович сказал: *«Ну мы всегда готовы печатать материалы, с которыми мы не согласны, но это же ниже всякого уровня»* (по той же причине я этого автора и цитировать не собираюсь).

А вот Ежи Гедройц, например, полновластный хозяин в своей парижской «Культуре», как-то даже считал, что Максимов уж чересчур терпим: получив статью одного члена редколлегии с нападками на Солженицына, Владимир Емельянович оплатил ее перевод на разные языки и разослал русским и иностранным членам редколлегии с просьбой сообщить их мнение. Дело в том, что, — как читатели «Континента» могли прочесть в публикации той же Елены Скарлыгиной, — член редколлегии у нас имел «право опубликовать в “Континенте” любой материал (даже если таковой противоречит политическим и эстетическим принципам журнала), разумеется, сопроводив его собственным предисловием», и *«право “вето” на любой материал, готовящийся к публикации, разумеется, обосновав это “вето” достаточно вескими аргументами»*⁵. Гедройц считал, что он бы статью, смутившую Максимова, просто выбросил в корзину.

Не случайно Лев Лосев писал Максиму: *«Многие рты поразевали, когда я заговорил о беспрецедентной толерантности редакционной политики “Континента”, но это очень легко было доказать»*⁶. Действительно, широта горизонтов «Континента» парижских времен почти необъятна: достаточно посмотреть содержание номеров журнала. Кто только у нас ни печатался, включая всех врагов и критиков журнала, а исключая разве что случаи «ниже всякого уровня».

Очень смешно об этом говорил Василий Аксенов в интервью «МК-бульвар»:

*«Скажем, лидером эмигрантской литературы в восьмидесятые годы считался одно время Владимир Максимов. Он был естественным лидером, потому что он был главным редактором “Континента”. “Континента”, как единственного журнала, который платил приличные гонорары. И все хотели там... кстати говоря, великолепный журнал, плюралистический журнал. Он печатал там своих врагов, но он был человек ужасно нетерпимый. Страшно нетерпимый»*⁷.

Ужасно (ужжжасно!), страшно нетерпимый человек, который в своем великолепном, плюралистическом журнале печатал своих врагов. Эта парадоксальная картинка, может быть, имеет некоторый смысл, скажем, такой: человек — нетерпимый, а как редактор — полностью отрешенный от присущей ему нетерпимости. Но я (а я человек действи-

⁵ См.: Из архива журнала «Континент»// «Континент», 2006, № 129.

⁶ Там же.

⁷ «МК-бульвар», 15 – 21 февраля 1999 года.

тельно нетерпимый и с Максимовым часто спорила именно из-за его, как мне казалось, чрезмерной широты в редакционной политике) думаю, что Аксенов прав лишь отчасти, принимая за нетерпимость бурный темперамент.

Еще смешнее (но куда противнее) рассказы Саши Соколова, объявившего Максимова продолжателем традиций соцреализма, не допускавшим в журнал никакого «новаторства» (а я помню, как Максимов мне сказал: «*Пришла вчера проза. Это, конечно, не в моем вкусе. Но читал всю ночь, не мог оторваться*»). И автора, конечно, сразу напечатал). Поскольку «уровень» Соколова позволяет, приведу цитату из его интервью:

«...интересно, что в эмиграции оказались люди не только дерзающие, с новаторскими замашками вроде меня, но и бывшие соцреалисты, которые работали на советскую власть, были членами Союза писателей, и они продолжали в том же духе работать за границей.

— *Например?*

— *Самый яркий, наверное, пример — это Владимир Максимов. Человек, совершенно случайно получивший большие деньги на издательство “Континента”, он играл несколько не ту роль, которую мог бы играть. Окажись на его месте другой человек, человек более современных воззрений литературных, с каким-то более утонченным вкусом, — такой человек мог изменить ситуацию, направить течение литературы немного в другое русло. Увы, все сложилось не так. Особенно в Париже, который, конечно, был центром европейской эмигрантской литературы. В Париже был “Континент” с Максимовым, там же жила Наталья Горбаневская, работавшая с ним, плюс еще старая эмиграция. Все эти люди, объединив усилия, законсервировали литературу. И то, что печаталось, по крайней мере первые несколько лет, в “Континенте”, — все это просто социалистический реализм с обратным знаком был. И некоторым более молодым и новаторски настроенным людям приходилось очень сурово. Литературная борьба отнимала много сил, этих людей давили, им не давали прохода».*

Меня спросят: что же тут смешного? А смешно то, что это пишет писатель, напечатавший в «Континенте» свою «Палисандрию». Впрочем, по сравнению с тем, что в том же интервью Соколов говорит о Бродском (арестованном, как ему, видите ли, рассказали ленинградцы, «за продажу тряпок»!), вышеприведенная цитата выглядит образцом изящной литературной полемики.

Ту же полемику, но уже «ниже всякого уровня», поддержал некто Владимир Котляров, «гноснопрославленный» под псевдонимом Толстый. Но — извините за непочтение к покойникам, и извините, что я все-таки его процитирую:

«Максимов был не слишком талантливый человек. Вдобавок, некультурный. А на том уровне, на который он замахивался, это все же было обязательным. Он был о-очень некультурный человек. Поэтому в конце концов его бросили все — патриоты, евреи, диссиденты, западники и славянофилы. Он стал не интересен никому».

Никому? А вот замечательная запись в ЖЖ (Живом Журнале) молодой израильтянки наших дней, уроженки России:

«Созрел у меня большой пост о “своих” и “чужих”, о том, как преломляются взгляды многих правозащитников, и подумалось, что сегодня именно отношение к тому, что происходит у нас, является той “лакмусовой бумажкой”, которая и выявляет то, что было заложено уже давно.

А потом я нашла в сети статьи уже покойного Владимира Максимова, редактора “Континента” <...>

И поразились, насколько они актуальны, хотя Максимов писал их очень давно, о совсем другой действительности и совсем другой стране. Но многое из написанного можно отнести и к нам сегодняшним.

Вот для начала несколько цитат. “Мы не из левого лагеря, мы не из правого лагеря, мы — из концлагеря, — говорит Владимир Буковский. И о лапидарную обнаженность этой позиции разбиваются самые ухищренные построения интеллектуального истеблишмента на Западе» (далее следуют еще цитаты из «Саги о носорогах»).

Из комментариев к записи (это пишет кто-то постарше):

«О да, Максимов это класс! И всегда в точку. И как публицист и как писатель, кстати. Я все его книги залпом прочла когда-то, а уж “Сагу о носорогах” — и говорить нечего.

На “Континент” мы подписались в 74-м у сестры Максимова — Кати, которая со своим мужем жила тогда в Хайфе.

А сам Максимов приезжал сюда, мы были на встрече с ним. Умный и очень наш человек»...

Отвечает автор записи:

«Ты знаешь, я когда думала, о чем писать, решила почитать “Сагу о носорогах”, я ее толком никогда не читала, и наткнулась на этот сайт и не могла оторваться. Он не просто “наш”, он очень-очень наш. Надо будет и книги почитать, я как писателя его не очень знаю».

Еще из комментариев:

«Анечка, спасибо!

Читаю “Сагу” — БЛЕСК!!!

Надо будет Буковского перечитать, я его читал очень давно, еще там, и тогда для меня все его опасения насчет западного идиотизма были чистой теорией. Думаю, сейчас я сильно иначе его восприму».

И опять ответ автора записи:

«Я вчера утром зашла на этот сайт за цитатой и не могла оторваться, насколько все точно и актуально. Я теперь его прозу хочу почитать, я его почти не читала».

И этот энтузиазм — вокруг той самой «Саги о носорогах», за которую Максимова кто только ни клял! Кому-то, оказывается, и в XXI веке это интересно. Кто-то предпочитает читать самого Максимова, а не сочинителей мифов о нем... Жаль только, что нет в сети целиком номеров максимовского «Континента».

Стоит вспомнить и о том, каким редактором был Владимир Емельянович (тем более что где-то мне попались слова о том, что оба мы, Максимов и я, были редакторами из рук вон плохими. Это пишет поэт Слава Лён, тоже, кстати, печатавшийся в «Континенте»).

Прежде всего Максимов с самого начала выстроил структуру журнала. Сначала идут стихи и проза, занимавшие около (но обычно не больше) половины общего объема. А затем идут публицистика и критика, расположенные по рубрикам: некоторые из них встречаются не в каждом номере, но основные повторяются из номера в номер, и Владимир Емельянович всегда заботился о том, чтобы для этих рубрик нашелся высококачественный материал. Вероятно, самые главные из них — «Россия и действительность», «Восточноевропейский диалог», «Запад — Восток», «Религия в нашей жизни», «Литература и время». Вокруг них строилось все остальное: «Факты и свидетельства», «Истоки», «Искусство», рецензии и т. п. Плюс в каждом номере обязательное интервью, а со временем почти в каждом — то или иное «Специальное приложение». Эту структуру я восприняла еще до своего отъезда в эмиграцию, на основании первых пяти номеров журнала, прочитанных в Москве. До тех пор я знала Максимова лично, читала его прозу, знала его еще туманные предотъездные планы насчет журнала, но тут поняла, что и как редактор он (употребим стилистику израильских блогеров) «очень-очень мой». И журнал, судя по этим пяти номерам, — «очень-очень мой».

Пока я долетела до Вены, а из Вены (через полтора месяца) доехала до Парижа, где Максимов сразу взял меня в редакцию, шла работа уже над восьмым номером «Континента». Тут я могла своими глазами убедиться, как работает главный редактор. В редакции (при всех заменах на редакционных постах: главный, зам. главного, ответственный секретарь, зав. редакцией) всегда оставалось четыре человека, над журналом практически работало трое (т. е. без Некрасова: Виктор Платонович скорее «представительствовал»), но больше всего работы вкладывал сам Максимов⁸. Он не только формировал — «складывал» — номер, но и внимательнейшим образом прочитывал его от корки до корки, вставляя правки своим корявым, но разборчивым почерком (правая рука у него была изуродована). Нам, собственно, оставалось уже немного. И номер шел в типографию всегда в срок. Я же (на всех своих менявшихся постах) читала полученную из типографии корректуру, но Владимир Емельянович и сюда заглядывал. Скорее чтобы проверить, как выглядит номер, есть ли в нем цельность: в корректуре оно виднее, чем в пачке машинописей.

⁸ Следует, конечно, напомнить, что с самого начала и во все годы парижского «Континента» был в редакции и еще один сотрудник — нигде не объявленный, не оплачиваемый, но тянувший на себе гору черной работы. Это Татьяна Викторовна Максимова, для меня Таня, Володина жена.

Была у него забавная поговорка при обращении к заведомым противникам: «Присылайте текст, напечатаем как есть, ни одной запятой не исправим». Тут я, конечно, вмешивалась: «Нет, запятые все-таки исправим...» И исправляла.

Ссорилась я с ним (по всяким частностям) постоянно, хоть и не настолько, чтобы прекращать совместную работу. Проходило время, — и я обнаруживала, что прав был он. Ну и честно признавалась.

Когда меня позвали работать (сначала на полставки, потом и на полную) в «Русскую мысль», я, конечно, сразу пошла к Максиму: благословит — пойду, а нет — так нет. Благословил. Но в «Континенте» я оставалась и работала до самого его переезда в Москву.

Мне вообще повезло с главными редакторами: Владимир Емельянович Максимов в «Континенте», Ирина Алексеевна Иловайская в «Русской мысли», а теперь Ежи Помяновский в «Новой Польше». Ни с кем из них отношения не были безоблачными, я всегда лезла со своими мнениями, иногда по делу, иногда попусту, но до разрыва нигде не доходило. Зато работалось с ощущением плодотворности.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ — СУДЬБЫ СКРЕЩЕНИЯ

Наброски к воспоминаниям

Я познакомилась с Владимиром Емельяновичем Максимовым в Париже, в конце 1975 года. Я была тогда совсем еще свежей эмигранткой: в сентябре 1973 года я эмигрировала в Израиль, из Москвы, а уже в сентябре 1975 году получила стипендию французского правительства на учебу во Франции, где и провела следующие два года.

Тут мне придется сделать небольшой экскурс в собственную молодость. Как многие интеллигентные девочки, в отрочестве я мечтала стать литературным критиком или искусствоведом. Но годам к шестнадцати я поняла, что с моим более чем критическим отношением к советской власти мне не выдержать идеологической нагрузки, которая неизбежно сопровождала мою учебу и будущую профессиональную деятельность литкритика. Как видно, у меня уже в те годы все было на лице написано, потому что в конце девятого класса (я училась во французской спецшколе) классная руководительница, она же парторг школы, выгнала меня из своего класса за «несоветский взгляд», и моему отцу пришлось приложить немалые усилия, чтобы убедить директора школы перевести меня в параллельный класс.

Оставалась, конечно, профессия искусствоведа. Мой отец, известный московский юрист, специалист по авторскому праву, Марк Александрович Келлерман, полностью поддерживал эту идею. Каждый раз, когда кто-то из его знакомых отправлялся за границу, он просил привезти нам западные альбомы по живописи и не скупился на затраты. За несколько лет в нашей библиотеке собралось несколько десятков альбомов Скира и других престижных изданий, покрывавших все основное в западной живописи XX века. Разочарование произошло, когда мой отец решил все-таки выяснить, каковы шансы еврейской девочки поступить на факультет искусствоведения МГУ. Ответ, полученный из высокопоставленных источников, был прост: нужен блат не ниже уровня замминистра. Любовь к искусству и живой интерес к западному искусству XX века остались, но было ясно, что и на этом направлении мне не пробиться, поскольку такого блата у моего далеко не всемогущего отца не было.

К концу школы отец уговорил меня поступать в Плехановский: он, бедняга, верил в косыгинские реформы (на дворе стоял 1966 год), а заодно и

**Галина
АККЕРМАН**

— родилась в Москве, закончила филфак МГУ. Защитила докторат по истории религии в Сорбонне, ведет рубрики «Судьба идей» и «Религиозная хроника» на Международном французском радио, автор многочисленных эссе и литературный переводчик. Живет в Париже.

в социализм с человеческим лицом. Энтузиазма у меня не было изначально, а проучившись в Плешке три месяца, я поняла, что советской экономической заниматься никогда не буду, и из института ушла. Попробовала устроиться на работу, но ничего, кроме должности пионервожатой в районном доме пионеров либо ученицы иномашинистки в ТАССе, мне не подвернулось. Короче, надо было снова куда-то поступать. Тут-то я встретила случайно старого знакомого Льва Финкельберга, с которым мы были в одной компании, когда мне было пятнадцать, а ему семнадцать, а потом потеряли друг друга из виду.

К этому времени Лева учился на втором курсе классического отделения филфака МГУ, про которое я раньше даже не слышала. Идея мне понравилась — получить классическое образование со второй специальностью «русский язык и литература» и уйти в седую древность, подальше от гнусной действительности. И хотя претендентов на маленькое классическое отделение, где было всего пять мест, было около пятидесяти, конкурс я прошла: видимо, эта трудная и непрестижная по чиновничьим меркам специальность «блатных» не привлекала.

Не могу сказать, что я горела огнем на занятиях, но училась хорошо — в компании таких молодых людей, как Нина Брагинская, Валентин Асмус и Иосиф Зетеишвили, которые сегодня играют значительную роль в культурной и духовной жизни России, Литвы и Грузии. В отличие от них для меня выбор классической филологии был не жизненным призванием, а скорее некоей альтернативой тому, чем я мечтала заниматься с отрочества. Вторжение советских войск в Чехословакию в августе 1968 года лишь подтвердило для меня полную внутреннюю невозможность какой бы то ни было идеологической деятельности, связанной с современностью.

Надо сказать, к этому времени я уже перечитала весь джентльментский набор самиздата и тамиздата. В шестнадцать лет я познакомилась и сблизилась с друзьями моих родителей, Натальей Добржанской и ее мужем Виллом (его фамилию сейчас не вспомню), которые активно распространяли самиздат. Я начала ходить к ним тайком от родителей (которые поругивали советскую власть, но запрещенные издания читать принципиально не хотели), и они давали мне напечатанные на папиросной бумаге самиздатские материалы. У них же я прочитала «1984» Оруэлла, «Мы» Замятина и изданные за рубежом под псевдонимами книги Синявского и Даниэля, а затем мы вместе переживали процесс над ними. Я даже по неопытности перепечатывала кое-что из самиздатских материалов на отцовской машинке, пока не узнала, что по машинке нас можно было вычислить и у отца были бы неприятности. Ну а в восемнадцать лет я подружилась с Сашей Осповатом, сыном известного испаниста Льва Осповата, который близко дружил с Львом Копелевым. Нетрудно догадаться, что я сразу оказалась «в круге первом» читателей самиздата вообще и произведений Александра Солженицына, в частности. Так, «Раковый корпус» мы читали, передавая друг другу листы летом 1966 года в Жуковке, где снимали дачи мои родители, Осповаты и родители

еще одной нашей общей подруги Иры Кузнецовой, ставшей известной переводчицей с французского языка.

В девятнадцать лет я познакомилась с моим будущим мужем Владимиром Назаровым, который увлек меня лингвистикой. Способности к языкам у меня были очевидные (я уже в школьные годы освоила три иностранных языка — французский, испанский и английский), да и в математике я была сильна, иначе бы и в Плешку вступительные экзамены не сдала.

Володя работал библиотекарем в Институте русского языка АН, который был в конце 60-х и начале 70-х годов рассадником диссидентства: там работали многочисленные «подписанты». Среди них был замечательный ученый Виталий Шеворошкин, впоследствии эмигрировавший в США. Он-то и заинтересовал Володю и меня древними языками Малой Азии, в том числе хеттским — древнейшим индоевропейским языком с клинописной письменностью. А когда я была на третьем курсе, на соседнем истафке начал преподавать в качестве факультативного курса хеттский язык один из крупнейших российских филологов, культурологов и лингвистов Вячеслав Всеволодович Иванов.

Все, кто лично были знакомы с энциклопедически образованным Вячеславом Всеволодовичем, знают силу его обаяния: он никогда не пытался возвыситься над собеседником, даже если речь шла всего лишь о студентах, которые не обладали и тысячной долей его невероятных знаний, а словно поднимал собеседника до себя. Володя и я быстро стали завсегдатаями семинаров не только в Институте русского языка, но и в Институте языкознания, где работал Иванов. Постепенно мы познакомились с другими замечательными лингвистами — Владимиром Дыбо, Владимиром Топоровым, Андреем Зализняком и другими. Вскоре я предложила проводить у нас на дому семинары по изучению хеттского языка, и на них стала собираться вся элита сравнительного языкознания, которая в то же время была весьма единодушна в полном неприятии советской власти. Общение было профессиональным и дружеским, включая и обмен самиздатом.

Вполне естественно, что на пятом курсе, когда надо было выбирать тему диплома, я предложила Иванову написать работу под его руководством. Для деканата филфака это был *casus belli*, потому что Вячеслав Всеволодович был там *persona non grata* с 1958 года, когда он организовал студенческий протест в связи с кампанией травли Бориса Пастернака, с которым был дружен. Но для меня называться ученицей Иванова было честью, и последствий я не побоялась. Скрипя зубами, факультетское начальство дало мне разрешение на написание работы по древнехеттскому глаголу (что было весьма далеко от классической филологии) и утвердило Вячеслава Всеволодовича моим научным руководителем.

Мой последний университетский год был во многих отношениях замечательным. Мы с Володей, который всерьез увлекся сионизмом, были настроены на отъезд в Израиль, но в то же время до хрипоты вели споры с друзьями о том, имеем ли мы право уезжать или надо пытаться бороться с ре-

жимом, оказывая ему хотя бы интеллектуальное сопротивление. По мнению Иванова, каждый из нас способствовал своей научной или творческой деятельностью сохранению и умножению русской науки и культуры вопреки политическому режиму и поэтому каждый отъезд как бы вредил общему делу и попросту уменьшал количество приличных людей. Прямо он нас не уговаривал, но его позиция была четкой.

Столь же четкой была и позиция некоторых моих друзей, в частности, Нины Брагинской и Александра Осовата, ставшего известным славистом. Вопрос был в том, несем ли мы ответственность за российское прошлое, а стало быть, настоящее и будущее. Конечно, сегодня все это кажется юношеским максимализмом, но разные ответы на этот вопрос определили наши судьбы. Володя и я считали, что мы никак не отвечаем за действия режима — ни в настоящем, ни в прошлом, — и соответственно имеем право строить свою жизнь в стране, которая априорно признает нас своими гражданами, в Израиле. Нина же или Саша историческую ответственность признавали, а сотрудничать с режимом отказывались. Оба упорно занимались научной деятельностью, но при этом Нина много лет проработала лифтершей, а Саша числился литературным секретарем у Лидии Корнеевны Чуковской. Нина сделала настоящую научную карьеру лишь в постсоветской России, а Саша стал примерно двадцать лет назад профессором Лос-Анжелесского университета, но не порвал связи с Москвой, где он намерен окончательно поселиться после выхода на пенсию.

Дипломную работу я защитила с блеском, оппонентом у меня был Андрей Зализняк, который дал разработанной мной модели прото-хеттской глагольной системы очень высокую оценку. Хвалебным был и отзыв Вячеслава Всеволодовича, который тут же, правда, предупредил меня, чтобы я не расслаблялась, а тщательно готовилась с единственным госэкзамену — по научному коммунизму. У меня по всем имеющимся отметкам получался красный диплом, дававший право на аспирантуру, но предстоящий госэкзамен мог меня подвести.

На подготовку научного коммунизма была масса времени — больше недели. Это был конец мая или начало июня, погода стояла отличная, и я часами сидела на балконе, курила и пыталась освоить материалы по научному коммунизму, но весь этот абсурд не лез в голову. Впрочем, мне вряд ли помогла бы и отличная подготовка. Из двухсот человек на курсе я была единственной, кто получила на экзамене тройку, — передавать было нельзя, а дорога в аспирантуру оказалась закрытой из-за «низкой успеваемости по общественно-политическим дисциплинам». Мне элегантно отомстили за дерзость: мало того, что еврейка, так еще защищала диплом у неблагонадежного ученого.

Для Володи, стремившегося в Израиль, это был окончательный знак того, что надо «рвать когти», как он любил выражаться. Но я все же колебалась. Мои родители ехать никуда не собирались, я была единственной дочерью, а уезжать тогда в Израиль было — как отправляться на тот свет: с концами и без надежды когда-либо увидеться. Отец, который стремился дока-

зять мне, что и в СССР жить можно, приложил гигантские усилия, чтобы пристроить меня в Институт востоковедения АН. Пожилой египтолог Михаил Коростовцев, который руководил Отделом Древнего Востока, готов был меня взять младшим научно-техническим сотрудником, но отдел кадров этому противился: из института уже начали активно «ехать», и лишний кандидат на эмиграцию был ни к чему.

В конечном счете в устройстве моей судьбы принял участие писатель Константин Симонов, который был членом ЦК. Отец вел его юридические дела, и они были связаны долготелными дружескими отношениями. Уж не знаю, кому Симонов звонил, но меня таки взяли на временный двухмесячный контракт, который затем четыре раза продлевался, хотя в штат я так и не попала.

За месяцы работы в Институте востоковедения наши «сионистские» связи расширились: среди «отъезжантов» были многие слависты, востоковеды, лингвисты и вообще ученые. Перечислю лишь нескольких: физика Александра Воронеля, специалиста по исламскому средневековью Юрия Брегеля, китаиста Виталия Рубина, слависта Дмитрия Сегала, лингвиста Арона Долгопольского. Мы с Володей изучали иврит, ходили на еврейские семинары, оживленно обменивались там «новостями с родины», поддерживали отказников, среди которых были наши многочисленные новые друзья. Вопрос о том, имеем ли мы моральное право уезжать, в этом кругу больше не ставился. Мы на него отвечали «по Жаботинскому»: нам надо строить наше еврейское государство.

В ноябре 1973 года, в разгар войны на истощение, которая была продолжением войны Йом-Киппура, нам выдали разрешение на выезд. Перед отъездом мы устроили большой прощальный вечер, на котором публика четко делилась на две категории: те, кто намеревались быстро с нами воссоединиться (отказники и те, кто были в процессе подачи), и те, кого мы покидали, как нам представлялось, навсегда. Среди последних были и Нина Брагинская, и Саша Осповат, и Вячеслав Всеволодович Иванов, и десятки других — родных и близких друзей. В день нашего отлета в Шереметьево родители едва сдерживали слезы, и я до сих пор с сердцебиением вспоминаю, как мой отец залез на какую-то решетку, за которую провожавших уже не пускали, и отчаянно махал мне рукой, покуда не настало время идти на паспортный контроль.

В Израиле я сразу по приезде устроилась на работу в Иерусалимский университет: помогли друзья Лена и Дима Сегалы, которые прибыли в Израиль на несколько месяцев раньше. Однако взяли меня на кафедру ассириологии, — других вариантов не было, — и мне пришлось осваивать новую специальность, — из лингвиста-компаративиста с особым упором на хеттский язык я довольно быстро превратилась в полноценного хеттолога и даже ассириолога. Я преподавала на иврите не только хеттский язык, но и историю и археологию Хеттской империи, а также введение в аккадский язык. Все это потребовало от меня гигантских усилий, так что времени на размышления о своем месте в жизни как-то не оставалось.

Брак наш с Володей испытания эмиграцией не выдержал и довольно быстро распался. А летом 1975 года, незадолго до отъезда во Францию, где я собиралась писать диссертацию по хеттским строительным ритуалам, я познакомилась с человеком, который довольно сильно изменил ход моей жизни. Это был Михаил (для близких — Мелик) Агурский, сын переехавшего в СССР американского коммуниста Самуила Агурского, который вместе со Сталиным, от имени Комиссариата по еврейским национальным делам, закрывал еще в 20-е годы Центральное бюро еврейских общин, а в конце 30-х был репрессирован. Рассказывать о Мелике, который был на пятнадцать лет старше меня, сложно: он был человеком противоречивым, безумно живым и интересным. Википедия определяет его как «советского диссидента, публициста, литературоведа, ученого-кибернетика, историка, политолога, советолога, мемуариста, деятеля сионизма и профессора Еврейского университета в Иерусалиме». Судите сами...

Мелик, хотя он был женат, влюбился в меня и довольно быстро добился взаимности. После моего отъезда в Париж в сентябре 1975 года он начал регулярно навещать меня, а затем получил грант написание доктората под руководством известного французского историка и философа Алена Безансона, и мы поселились вместе в маленькой квартирке около бульвара Батиньоль. Именно Мелик, ставший широко известным в диссидентских кругах после участия в нашумевшем сборнике «Из-под глыб», познакомил меня с Владимиром Максимовым, и мы неоднократно бывали в уютной максимовской квартире на улице Лористон.

Ассириология Мелика никак не интересовала, зато он вовлек меня в круг своих интересов. Не могу сейчас вспомнить, начала ли я писать тогда же для «Континента». Может быть, написала несколько маленьких рецензий. Во всяком случае, во время совместной жизни с Меликом, которая продолжилась и после моего возвращения в Иерусалим осенью 1977 года, я вошла и в русский диссидентский круг в Париже, и в круг славистов. В Париже мы, в частности, дружили домами с Аленом Безансоном и Михаилом Геллером и, разумеется, с Владимиром Емельяновичем и его женой Таней. Так я вновь соприкоснулась с советской проблематикой, от которой, казалось бы, окончательно отошла. Мелик, собственно, и был примером человека, который совмещал сионистскую устремленность с сильным интересом к России и пытался разобраться в ее прошлом и настоящем.

В Иерусалиме мы обосновались в университетском хостеле: я оставила полученную от Сохнута квартиру Володе, который тем временем сошелся с известной эссеисткой Майей Каганской и сам стал увлекаться литературным анализом и критикой (в Израиле он взял имя Зеев Бар-Селла). Мелик дописывал свою «Идеологию национал-большевизма», которая была его докторской диссертацией, а я «добивала» свои хеттские ритуалы. Однако работать в университете мне было чем дальше, тем скучнее. Маленькая кафедра — одни и те же два профессора и несколько студентов, одни и те же скучные *parties* на американский лад, по случаю приезда иностранных коллег, один и тот же об-

рыдший зал в библиотеке. Иногда я сидела там и спрашивала себя: вот сейчас мне тридцать, до здешней пенсии еще тридцать пять лет, неужели я так и просижу их в этом пространстве, занимаясь интерпретацией мифов и ритуалов не существующей уже более трех тысяч лет цивилизации?

Постепенно менялось и мое отношение к жизни в Израиле. И Володя, и Мелик были искренними сионистами. Мелик даже купил дом на поселении в Текоа, куда он ездил раз в неделю навещать семью (у него были сын и дочь), и ему страшно там нравилось, а я все острее чувствовала несправедливость по отношению к арабам: в конце концов, это была их земля, а в новых кварталах Иерусалима и в его окрестностях их потихоньку выдавливали с насиженных веками мест. Втайне от Мелика, я голосовала за Движение за гражданские права Шуламит Алони. Хотя взрывы в общественных местах, особенно в Иерусалиме, были нередкими, иногда с множеством жертв, времена были относительно вегетарианскими: Арафат сидел еще в Ливане, и первая интифада еще не началась. Мне тогда казалось, что уравнивание в правах арабов и евреев может принести мир...

Но главным была не арабская проблема. Когда переезжаешь в новую страну, она либо постепенно становится твоей, либо в конце концов происходит отторжение. Примеров такого отторжения вокруг меня было много: друзья и знакомые, прибывшие, как я, в начале 1970-х, потихоньку уезжали, в основном, в США (как, например, Юрий Брегель), но иногда и в другие страны — в Канаду или Германию, как мой друг Леня Гиршович, скрипач и талантливый писатель. Конечно, в основном переезды были связаны с возможностью лучше устроиться за рубежом, но присутствовала и «невживленность» в ткань очень своеобразного и достаточно замкнутого на себе израильского общества, где коренные жители, сабры, были связаны общей службой в армии, общими войнами, киббуцными корнями, настоящим, а не нашим убогим ивритом, короче, особой ментальностью, в которую невозможно войти со стороны.

Да и хотелось ли вживаться? Как бы это объяснить? Когда я была девочкой, родственники со стороны моей покойной бабушки, Ольги Павловны Граевской (которой я обязана знанием с детства французского языка), регулярно собирались на дни рождения, свадьбы, поминки и прочие семейные мероприятия. У бабушки в Москве были брат и две сестры, у всех имелись дети и внуки, короче, народу за столом набиралось много. Люди это были разные, весьма разных политических взглядов (один пример: мужем внучатой племянницы моей бабушки, Киры, был Василий Аксенов, а ее мама Бетя, двоюродная сестра отца, была подполковником в отставке и яркой сталинисткой), но при этом, несмотря на ярые политические споры, все мы имели друг к другу какой-то сантимент. Радовались успехам, переживали болезни и смерти. Воленс-ноленс, к этой семье мы принадлежали, а стало быть, она имела на каждого из нас некие права.

Вот так и Израиль. Меня не оставляло ощущение, что я влилась в некую большую семью, где соседи имели право постучать в дверь и войти, не пред-

упредив заранее, где каждый мог меня спросить, сколько я зарабатываю или почему я живу с мужчиной, который намного меня старше, почему я не завожу детей, и так без конца. Подлинной «страной советов» был не Советский Союз, а маленький Израиль, который в те годы насчитывал лишь около трех миллионов еврейского населения. Вот эта «родственная» бесцеремонность в сочетании с невозможностью настоящей внутренней принадлежности начали исподтишка действовать на нервы.

Была, правда, большая русская община. Был замечательный филологический круг, сложившийся вокруг Дмитрия Сегала, Лазаря Флейшмана и нескольких других славистов, были русские журналы, в первую очередь «Время и мы» и «22». Не без импульса, исходившего от Мелика, я начала туда писать и даже вела регулярную рубрику художественной критики у Виктора Перельмана, в ежемесячном журнале «Время и мы». Так я познакомилась с большинством русских художников, приехавших в Израиль, в том числе с моим будущим вторым мужем, Самуилом (Сашей) Аккерманом.

И все-таки в самой русской общине было нечто, меня смущавшее. Был ли это запоздалый светский или религиозный сионизм неопитов, которые со слезами на глазах открывали свое еврейство и обращались в него со свойственной советским людям доверчивостью и способностью к самовнушению? Был ли это общий провинциализм, который не искупался островками столичной образованности? Была ли это столь же провинциальная уверенность, что именно в Израиле и именно в узком элитарном русском кругу сосредоточена соль земли? Сейчас уже не скажешь. Наверное, все вместе.

Как ни странно, лучшим моим другом в Израиле был все-таки не русский человек, а сабра немецкого происхождения, Арон Кемпинский, археолог Палестины и хеттолог. Мы вместе работали над хеттскими текстами, но наша дружба основывалась скорее на общих политических и литературно-художественных симпатиях. Арон был тонким знатоком западной литературы и живописи. В те годы гомосексуализм оставался еще табу в Израиле, но я одна из немногих не только знала про сексуальную ориентацию моего друга, но и была знакома с его возлюбленным, молодым арабом Ясиром с оккупированных территорий, который тайно проживал у Арона в Иерусалиме. Тайно, потому что палестинцы не имели права оставаться на ночь на израильской территории.

К 1980 году наши отношения с Меликом себя исчерпали. Не буду описывать тут наш довольно драматический разрыв, скажу только, что вскоре после защиты моей диссертации в Сорбонне (май 1980 года) я переехала в собственную квартиру, а Мелик вернулся к законной супруге Вере. Закончился еще один этап моей жизни. Как странно думать, что от него почти ничего не осталось. Разве что благодарность, которую Мелик выразил мне за помощь в работе над «Идеологией национал-большевизма», да несколько фотографий...

Год спустя я вышла замуж за Самуила (Сашу, как его с детства звали) Аккермана, художника из Западной Украины. Не все меня поняли, потому что Саша тогда был застенчивым и замкнутым молодым человеком, который

из-за своего «не столичного» акцента казался кое-кому провинциалом. На самом деле он уже в то время, почти тридцать лет назад, прекрасно знал еврейскую религию, философию и мистику, а также западную и русскую литературу, философию, искусство. В 2006 году мы поехали вместе на его родину, в деревню Макарово, посетили Мукачево и Ужгород, где он провел свою молодость вплоть до отъезда в Израиль, и меня еще в большей степени потрясло, что в такой глубинке сформировался настоящий интеллектуал, не говоря уж о большом художественном таланте.

Конечно, я не была чеховской Душечкой (смею на это надеяться, по крайней мере), но мои спутники жизни, каждый по-своему, позволили мне вырасти и расширить области собственных интересов. Общение с Сашей с самого начала было интенсивным и равноправным: мы друг друга не давили, а дополняли. Годы, совместно прожитые в Израиле, были самыми безоблачными в нашей теперь уже тридцатилетней жизни. Художественные выставки, поездки по стране, длительные прогулки по холмам вокруг Иерусалима и по Иудейской пустыне, регулярные походы в синематеку, расположенную в библейской Геенне, поездки в Париж и в Египет (в 1982 году были установлены дипломатические отношения между Израилем и Египтом, и мы тут же ринулись к древнеегипетским древностям), да и просто чтение вслух, на старинный манер, с большим серым котом на коленях, — казалось бы, я, наконец, обрела внутреннее равновесие.

В ноябре 1983 года родилась наша старшая дочь Ада. Она была упитанным красивым младенцем со складочками на руках и ногах, словно вышедшим с картины Ренессанса, и, пока она с визгом плескалась в надувном резиновом бассейне на террасе нашего нового иерусалимского дома, я многократно задавала себе вопрос, на который не находила ответа: хочу ли я, чтобы она росла в этой стране, служила в армии, стала саброй, как и полагалось ей по рождению? Два года спустя жизнь по-своему ответила на этот вопрос, и тут подходит, наконец, очередь рассказать о том самом «судьбы скрещеньи» с Владимиром Максимовым, которое привело к радикальному повороту в моей биографии.

Осенью 1984 года мы прибыли в Париж — Саша, Ада и я. Я получила мой первый «саббатикал» — годовой творческий отпуск, оплаченный Иерусалимским университетом. И хотя мы собирались пробыть в Париже только три месяца, а затем двинуться в Корнельский университет штата Нью-Йорк, где я должна была преподавать во втором триместре, мы как-то сразу начали устраиваться в Париже всерьез, словно подсознательно решение остаться там было уже принято — во всяком случае, мною. Сначала устроили Адочку в ясли, стали упорно искать возможности выставок для Саши, обзавелись какими-то хозяйственными предметами. Затем плюнули на контракт в Корнельском университете и сдали авиабилеты. Теперь было ясно, что уж саббатикал-то мы проведем на берегах Сены.

Быстро образовался и разнообразный круг знакомств: с одной стороны, коллеги-ассириологи, с другой — русские художники, слависты, французские евреи, с которыми мы были знакомы по Израилю. Не знаю, осмели-

лась бы я после перерыва в несколько лет и смены спутника жизни пойти к Максимову, но тут на нашем горизонте возник израильский знакомый — болгарский еврей Авраам Бен-Яков, работавший в Иерусалимском университете в должности «шнорера» (идишское слово для человека, который собирает пожертвования). Авраам и оказался тем связным, который не просто отвел меня по-новой к Владимиру Емельяновичу, но и рассказал о существовании новой организации под названием Интернационал Сопротивления, с которой он активно сотрудничал к качеству эмиссара по «спецпроектам». Он же отвел нас к нескольким парижским русским, а также познакомил с супругами Рутченко, которые распоряжались большой конторой по распространению тамиздата. Контора эта располагалась на улице Сент-Оноре, недалеко от метро Пирамиды, и там можно было получить издания маленького формата, на тончайшей бумаге, для нелегального ввоза в СССР, а заодно и для собственного пользования. Эта контора, куда мы часто заходили, помогла нам дополнить наше самообразование по части советской истории, истории ГУЛага, коммунистического движения. Было лишь маленькое «но» в походах к Рутченко: их контора располагалась в здании, в подвале которого находился какой-то рыбный склад, и надо было каждый раз задерживать дыхание и зажимать нос, чтобы до нее добраться.

Знакомство с Владимиром Емельяновичем возобновилось вскоре после нашего приезда в Париж, но реальное сотрудничество с ним началось лишь через год с лишним. Зимой 1984 — 1985 годов я все еще была погружена в хеттские мифы и ритуалы, пыталась трансформировать свой докторат в книжку и, собственно, сменила библиотечный зал в Иерусалиме на библиотеку в Париже — каждый день ходила заниматься в самое престижное учебное заведение Франции, Коллеж де Франс, где имеется прекрасный кабинет ассириологии. Я даже записалась на второй докторат, эквивалент докторской степени в России, который давал право на профессорскую должность.

Однако летом 1985 года, когда по идее надо было уже начинать готовиться к отъезду в Израиль: в октябре начинался новый учебный год, и мои курсы стояли в программе кафедры ассириологии, — события приняли неожиданный оборот. После длительного перерыва моим родителям удалось купить турпоездку в Болгарию, на Золотые пески, где до этого мы уже два раза встречались. Разумеется, мои родители были невыездными, но в организации этих поездок опять помог Константин Симонов. Сегодня кажется невероятным, что для разрешения на поездку в соцстрану родителям уехавшей в Израиль взрослой женщины нужно было вмешательство члена ЦК, но именно так обстояло дело.

Я приехала в Варну с Адой, но без Саши, который остался в Париже. Мы жили тогда очень скромно, и купить еще одну путевку на три недели казалось нам большой роскошью. Мои родители радостно возились с внучкой, которую они впервые видели живьем, но какая-то химия между ними не сработала. Буквально через три дня после приезда у Адочки начались истерические приступы такой силы, что мне пришлось досрочно уехать с ней в Париж.

В Париже я нашла хорошего детского психолога. Эта милая женщина объяснила, что у ребенка была слишком большая эмоциональная нагрузка из-за переездов из страны в страну и освоения сразу нескольких языков (иврит, русский, французский), начала заниматься с Адой игровой терапией и посоветовала создать ей на ближайшие год-два стабильное окружение, ничего не менять в нашей жизни. Теперь, четверть века спустя, я думаю, что эта рекомендация позволила мне осуществить подсознательное желание остаться в Париже. Ехать обратно в Израиль и так не хотелось, а тут была совершенно реальная уважительная причина, которую я могла объяснить коллегам по университету.

Я попросила год без сохранения содержания, и, соответственно, надо было думать о том, как прокормиться. Университетских денег хватало еще на три-четыре месяца, но к Новому году надо было найти работу. У Саши за год прошли две выставки, что-то продалось, однако рассчитывать на регулярные поступления не приходилось. По инерции я все еще ходила в библиотеку Коллеж де Франс, хотя отношение французских коллег ко мне резко изменилось, когда они услышали, что я собираюсь продлить свое пребывание во Франции. Из израильской приятельницы я внезапно превратилась в потенциальную конкурентку, а ведь речь идет о маленькой, замкнутой среде.

Шел уже декабрь, а варианты не находились. В один прекрасный день я решила посетить Владимира Емельяновича в надежде, что он мне что-то посоветует. Максимов стал расспрашивать меня о жизни, и после десяти минут разговора я впрямую спросила его о возможностях подработок. Внезапно он сказал мне: «Я могу взять вас на полную ставку в Интернационал Сопrotивления, политическим сотрудником. Выходите на работу со 2 января». Для меня это было полнейшей неожиданностью. Конечно, мы были знакомы к этому времени около десяти лет, но виделись считанные разы, и я никогда не занималась до того политической деятельностью.

2 января, в 9 утра, я явилась, как мне велел Владимир Емельянович, на Елисейские поля, где находилась контора Интернационала Сопrotивления (ИС). Это была трехкомнатная квартира с длинным коридором, из которого двери вели в комнаты. Комната дирекции находилась в конце коридора, там сидели сам Максимов, который был исполнительным директором организации, ее казначей, старик Александр Ниссен из старой эмиграции, и завхоз, пасынок писателя Виктора Некрасова Витя. Тогда все еще курили, и комната была пропитана табачным запахом. Максимов в нескольких словах объяснил мне, в чем будет состоять работа: надо было готовить акции ИС, добиваться участия в мероприятиях французской и прочей западной интеллигенции высокого калибра, писать пресс-релизы.

Затем он попросил меня подождать и вышел из комнаты. Через минуту раздались крики, хлопнула входная дверь. Покрасневший Максимов вошел в комнату и сказал, что он покажет мне мое рабочее место. Как выяснилось впоследствии, у него были испорчены отношения с одной из основательниц ИС, бывшей активисткой НТС Ольгой Свинцовой, и он попросту взял меня

на ее должность, поскандалив напоследок. Ольга, парижанка русского происхождения, с которой я познакомилась гораздо позже, стала заниматься исключительно проблемами Третьего мира: Афганистаном, Кубой, Анголой и т. п., но ей американские покровители сняли отдельный офис, а мне было поручено курировать Советский Союз и Восточную Европу вместе с уже работавшей в ИС Ренатой Лесник, молдавской диссиденткой, получившей политическое убежище во Франции в 1981 году. С Ренатой и с нашей французской секретаршей Шанталь мы делили одну небольшую комнату; одну, как я уже рассказала, занимала дирекция и администрация, а в третьей комнате орудовал политэмигрант из Анголы Эрбер, который занимался техобеспечением нашей конторы — печатал на громоздком не то ротаторе, не то гектографе наши информационные материалы и всяческие листовки, а также отвечал за исправное функционирование телетайпа и прочей техники.

Следов деятельности Интернационала Сопротивления осталось немного, и я, по-видимому, пропустила самые громкие, начальные годы его существования. Интернета еще в помине не было, и теперь, чтобы восстановить историю этой организации, приходится собирать по крохам воспоминания.

Создан был ИС не на пустом месте. В Париже, всегда отличавшемся бурной социальной активностью, была интеллектуальная среда, восставшая против марксистского засилия французской компартии и против советского тоталитаризма. Одни возмутились уже в 1956 году, после кровавых венгерских событий, другие продержались до подавления «Пражской весны», третьи прозрели после прочтения «Архипелага ГУЛАг», четвертые активизировались в связи с преследованиями диссидентов и отказами на выезд советским евреям, пятые — после советского вторжения в Афганистан. Среди критиков советского режима были, в основном, правые и крайне-правые, но были и крайне-левые, например, троцкисты. Коммунисты и даже социалисты в большинстве своем в те годы были на стороне СССР и «прогрессивного человечества».

Париж был и традиционным средоточием не только русской, но и всякой вообще политической эмиграции. Из Парижа велась и ведется до сих пор борьба с самыми разными режимами планеты (в этом толерантном городе находили пристанище представители самых разных эмиграций, даже такие впоследствии одиозные личности, как аятолла Хомейни и Пол Пот). Именно там собрался в 1970-е и 1980-е годы цвет литературной и художественной эмиграции из России, Польши, Чехословакии, Венгрии и других коммунистических стран. Именно там Владимир Максимов начал издавать в 1974 году журнал «Континент», ставший трибуной и всей этой эмиграции, и многих опальных авторов из СССР.

Созданию ИС предшествовало сплочение в течение нескольких лет довольно большой группы французской и европейской интеллигенции и политической эмиграции из СССР и других коммунистических стран. Так, в 1977 году, когда в Париж приехал Брежнев, парижская интеллигенция организовала огромный прием советским и восточноевропейским полит-

эмигрантам в театре Рекамье — в тот день, когда президент Жиска́р Дэстен устроил помпезный прием для Брежнева в своей загородной резиденции.

В конце 1970-х годов появился новый сюжет для совместного приложения сил: бедственное положение беженцев из Камбоджи, где зверствовали «красные кхмеры», и из занятого коммунистами Южного Вьетнама. За несколько лет Юго-Восточную Азию покинуло около трех миллионов человек, из которых от трехсот до пятисот тысяч человек, по разным оценкам, погибли в море. Один из снователей «Врачей без границ» Бернар Кушнер кинул тогда клич, чтобы собрать средства для «вьетнамского корабля». В 1979 году судно-госпиталь «Остров света» начало подбирать беженцев на джонках и лечить их у берегов Малайзии. Впоследствии были собраны средства, чтобы зафрахтовать еще несколько судов; активную роль в спасении людей сыграли также бретонские моряки. А в июне 1979 года состоялся исторический поход в Елисейский дворец, когда левый Жан-Поль Сартр и правый Реймон Арон пошли вместе с молодым философом Андре Глюксманом на прием к Жискару, чтобы поддержать просьбу принять во Франции «boat people», то есть людей, которым удалось спастись на лодках.

Кампания в защиту «boat people» была широко поддержана прессой. Собственно, начиная с публичных выступлений Бернара-Анри Леви и Андре Глюксмана в связи с публикацией на Западе солженицынского «Архипелага ГУЛАг», появился феномен «медийного интеллектуала», широко пользующегося СМИ для продвижения своих идей. Такими «медийными интеллектуалами» стали также Бернар Кушнер, Марек Хальтер и некоторые другие.

Советское вторжение в Афганистан стало еще одним поводом для многолетней мобилизации части западного, и в том числе французского, общественного мнения против советского руководства и в целом против коммунистических режимов. Сегодня, когда ООН осуждает каждую натовскую бомбардировку в Афганистане, в ходе которой погибло несколько десятков гражданских лиц, стоит вспомнить, что за десять лет советской операции там погибли 1 242 000 афганцев, из которых 80% были гражданскими лицами.

Именно эта мобилизация, похоже, сплотила ядро, образовавшееся в 1983 году международную организацию Интернационал Сопrotивления, которая должна была координировать деятельность всех антикоммунистических движений из соцстран и стран Третьего мира. Членами ИС стали более двадцати движений. «Мозг» советской политической эмиграции Владимир Буковский был уже тогда убежден, что поддержка повстанцев в Афганистане, Анголе, Эфиопии, Никарагуа и др. будет способствовать в конечном счете падению советского режима.

Поскольку я начала работать в ИС только с января 1986 года, о создании организации и ее первых годах я знаю только понаслышке или по нескольким, весьма кратким и неполным публикациям. Мне удалось найти на интернете французскую газетную статью, которая рассказывает о рождении ИС по инициативе Владимира Буковского и кубинского диссидента Арман-

до Вальядареса. Лозунг для организации был найден яркий: «Займитесь тоталитаризмами, покада они вас не заняли». 18 мая 1983 года ИС, — который пользовался поддержкой десятков видных интеллектуалов, писателей, деятелей культуры, таких как Реймон Арон, Хорхе Семпрун, Фернандо Аррабаль, Ив Монтан, Симона Вей, Сол Беллоу, Ален Безансон, Роберт Конквест, Марек Хальтер, Пьер Декс, Йегуди Менухин, Чеслав Милош, Симон Визенталь, Милован Джилас, Андре Глюксман, Бернар-Анри Леви, Сюзан Зонтаг, Эжен Ионеско, Жан-Франсуа Ревель, Норман Подгорец и многие другие, — провел свой первый митинг в знаменитом парижском зале «Мютюалите». Как там говорилось, «кто не борется против коммунизма, тот не может считаться антифашистом».

Особенно активную работу ИС проводил в связи с Афганистаном. Как рассказывает в одном своем интервью Владимир Буковский, было организовано радио «Свободный Кабул»: двадцать пять портативных трансляторов, которые создавали сетку по всей стране. Эти трансляторы были не только средствами радиовещания на местных языках, но и портативными средствами связи между группировками моджахедов. ИС занимался также вывозом из Афганистана советских дезертиров и военнопленных, которые готовы были выехать на Запад. В общей сложности удалось помочь пятнадцати или шестнадцати молодым парням, которые таким образом избежали страшной участи: моджахеды зверски обращались с советскими военнопленными, заставляли переходить в ислам, пытали, калечили, убивали. Как я читала, в Афганистан неоднократно ездила Ольга Свинцова, и проводились довольно сложные действия по освобождению советских солдат при содействии американской организации Freedom House, где этой проблематикой занималась американка русского происхождения Людмила Торн. Кроме того, ИС профинансировал издание и распространение в Кабуле псевдо-«Красной звезды»: на ее первой странице советский солдат ломал о колено автомат Калашникова, и крупными буквами было написано: «Долой войну — все по домам». В этой операции был задействован тогдашний сотрудник радио «Свободы», а в постсоветский период известный телеведущий Савик Шустер.

Были и многочисленные другие акции. Проводился, например, мониторинг переговоров советских летчиков и танкистов, базировавшихся в Чаде, — для того, чтобы предоставить американскому Сенату доказательства советского присутствия в этой стране. Группа журналистов из разных стран поехала в Никарагуа, а затем журналисты опубликовали материалы о преследовании там коммунистическим режимом племени индейцев мискито, которые жили в непроходимой сельве и помогали антикоммунистическим «контрас». Получалось, что сандинисты осуществляют геноцид в отношении индейцев, и эта информация, которую распространил ИС, легла прямо на стол французскому руководству, после чего Париж пересмотрел свое отношение к революционному режиму. С 1983 года в Советский Союз засылались в огромных количествах видеофильмы, которые завозили польские грузовики с двойным дном, по заданию «Солидарности». А готовил эти

видеофильмы и организовывал их перевод на русский язык совместно с женой Ларисой Герштейн еще один основатель ИС и первый его президент, бывший политзаключенный, знаменитый «самолетчик» Эдуард Кузнецов, который в то время работал в Мюнхене на радио «Свобода». Одной из последних крупных акций ИС до моего прихода в эту организацию был митинг в Гран Пале в день приезда в Париж нового генсека Михаила Горбачева в 1985 году. Тогда в наших кругах практически никто не верил в грядущую демократизацию советского общества.

Среди основателей ИС, помимо уже упомянутых Владимира Буковско-го, Владимира Максимова, Эдуарда Кузнецова, Армандо Вальядареса и Ольги Свинцовой, был еще один удивительный персонаж, ныне почти забытый Арман Малумян — герой французского сопротивления, который после войны поддался родительским уговорам и вернулся вместе с ними на «историческую родину», в Армению. Однако солнечной родиной семья наслаждалась недолго. Измученный атмосферой всеобщего страха, Арман стал навещать французское посольство, чтобы попытаться вернуться во Францию. 31 октября 1948 года его арестовали. Четырнадцать месяцев он просидел в одиночной камере, прошел через пытки. Наконец, был вынесен приговор — смертная казнь. Три месяца Арман вздрагивал, когда дверь в его камеру открывалась: он думал, что его поведут на расстрел. Потом ему объявили, что расстрел заменен двадцатью пятью годами лагерей. Арман был участником восстания заключенных Воркутинского лагеря. Он был освобожден и реабилитирован в 1956 году и тогда же получил право вернуться во Францию, где подал в суд на советскую власть и даже выиграл процесс.

Не знаю, было ли так с самого начала, но когда я пришла работать в ИС, практическим руководителем организации был Владимир Емельянович. На начало 1986 года он был исполнительным директором, Буковский — президентом, который жил в Кембридже и наезжал в Париж, Ниссен — казначеем, а как точно распределялись роли между остальными, — сказать не могу. Во всяком случае, Максимов, который работал полностью на добровольных началах (он получал зарплату от Шпрингера как главный редактор «Континента», а ИС только оплачивал ему некоторые расходы — поездки, телефон, деловые обеды в ресторане), каждый день приходил на работу как часы в девять утра и уходил между двенадцатью и часом. А уже во второй половине дня он занимался делами «Континента» и писал.

Для меня погружение в совершенно новую среду и работу было довольно сложным. Мои функции не были строго очерчены: то надо было переводить утреннюю прессу для Максимова, то названивать известным людям для участия в очередной акции или сбора подписей под очередным воззванием, то готовить или переводить разнообразные материалы, то принимать посетителей. Когда Авраам Бен-Яков в очередной раз прибыл в Париж и пришел к нам в гости в крошечную квартирку в Латинском Квартале, а затем увидел, как я работаю в ИС, он был поражен. Квартирка общим размером в тридцать пять квадратных метров на высоком пятом этаже без лифта

показалась ему, как он вежливо выразился, «слишком романтической», а на счет моей работы он сказал, что не понимает, как я променяла престижную университетскую карьеру на «работу секретарши».

Однако я сама так к этому не относилась. Мне работать было интересно, потому что я оказалась внезапно втянутой в деятельность, которая позволяла свести старые счеты с советской властью. Как я писала, я с молодости не принимала советский режим, но в настоящий диссидентский круг попасть не успела, и вот теперь мне была предоставлена возможность делать что-то полезное для «общего дела». За академическую карьеру я настолько не держалась, что когда через полгода после предоставления мне отпуска без содержания нужно было подтвердить, что я вернусь в Иерусалимский университет на следующий академический год, я без сожаления заявила моему шефу, профессору Хаиму Тадмору, о том, что остаюсь во Франции. Давний спор с друзьями молодости о том, несем ли мы ответственность за судьбы нашей родины, закончился в их пользу: я свою долю ответственности приняла, пусть уже и в эмиграции.

Деятельность ИС по самому своему характеру была достаточно конфиденциальной. Думаю, что я очень многого не знала, особенно в той части, которая касалась операций в Третьем мире. Понятно, что многие акции ИС в Афганистане, в Никарагуа, в Чаде, в Анголе и др. не могли проводиться без логистической помощи американских спецслужб, но у нас не было принято задавать лишние вопросы: Владимир Емельянович, с которым я не только виделась каждый день по утрам, но который исправно звонил мне после обеда, вечером и по уикендам, сообщал мне то, что считал нужным. Разумеется, я не задавала вопросов и относительно роли нашего американского «спонсора» господина Джолиса, который время от времени приезжал из США. Это был высокий лысоватый господин лет пятидесяти-шестидесяти с хитро прищуренными глазками.

Официально, Джолис, у которого был довольно крупный бизнес в области промышленных алмазов, был нашим «шнорером», то есть искал для нас — и весьма успешно — частные фонды в США (у ИС никогда не было государственного американского финансирования). На некоторых русских интернет-сайтах национально-патриотического толка о нем говорится как об офицере американских спецслужб, и сам Максимов, в отличие от Буковского, был уверен в принадлежности Джолиса к ЦРУ, хотя доказательств тому не было. Во всяком случае, я два-три раза обеспечивала перевод на встречах между Максимовым и Джолисом, который интересовался нашими проектами по Восточной Европе (по операциям в Третьем мире он встречался отдельно с Ольгой Свинцовой), и без труда заметила, что отношения между ними становились все более натянутыми. Максимов, который по-настоящему болел душой за Россию и органически не мог действовать по чьей-то указке, вообще не любил американцев и охотно повторял, что «американец — это вывернутый наизнанку совок». Он также любил приговаривать, что «нет ничего страшнее улыбки американца».

К счастью, наши европейские мероприятия явно интересовали Джолиса меньше, чем операции в Третьем мире. Собственно, помимо текучки, за два с небольшим года работы я сама принимала активное участие в организации двух больших акций. Моим боевым крещением стала большая правозащитная манифестация, называвшаяся «Хельсинкское зеркало». Максимов постоянно говорил, что мы должны каждый раз придумывать что-то оригинальное, чтобы заинтересовать прессу: ведь главным было добиться освещения наших акций в международных СМИ.

На сей раз придумано было следующее. 4 ноября 1986 года в Вене должно было открыться третье заседание Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (CSCE, будущее ОБСЕ) по последствиям подписания Хельсинкского акта, включавшего так называемую *третью корзину* о соблюдении прав человека, подписанную и советским руководством. Мы же решили параллельно провести в Вене большую выставку с участием примерно тридцати западных и эмигрантских правозащитных организаций, занимающихся правами человека в СССР и Восточной Европе. Каждая организация должна была представить свою работу, чтобы посетители могли убедиться в том, как на самом деле обстоят дела с правами человека в соцлагере.

Работа по подготовке этой акции была просто адской. Как мне припоминается, я нашла и обзвонила около двухсот организаций в разных странах, чтобы отобрать те тридцать, которые готовы были принять участие в выставке. Предполагалось, что каждая из них сама привезет и разместит на стендах свои материалы, а мой муж Саша будет только следить за общим оформлением огромного манежного зала в Вене, чтобы не было слишком большого разнobia. Еще более тяжелой работой был бесконечный обзвон известных людей, которых мы хотели пригласить на пресс-конференцию. Расходы мы, разумеется, оплачивали, но многие вели себя как настоящие примадонны, что приводило Владимира Емельяновича просто в ярость. Не буду цитировать тех бранных слов, которые он под горячую руку употреблял в отношении некоторых знаменитостей.

Конечно, я занималась этим не в одиночку, а вместе с Ренатой, которая была настолько предана работе, что даже держала за шкафом в нашей комнате матрасик. Иногда она так поздно засиживалась в конторе, что оставалась ночевать в этой насквозь прокуренной комнате. А за все технические аспекты — отправку писем, заказ авиабилетов и т. п. — отвечала Шанталь.

Параллельно с этой деятельностью я занималась и некоторыми другими делами. Так, в середине 1986 года Максимов попросил меня начать помогать в практических делах семье Андрея Тарковского, который переехал на последние месяцы жизни (он уже был смертельно болен раком) из Флоренции в Париж. Для меня это было тем большей честью, что мой отец был дружен с отцом Андрея, поэтом Арсением Тарковским. Арсения и его вторую жену Татьяну я знала с раннего детства и очень их любила, особенно мудрого, тонкого, остроумного Арсения, который удивительно умел общаться с

детьми. Каким-то образом, на расстоянии, я вновь как бы сближалась с делами отца, и от одного этого было тепло на сердце.

Андрея я в России не знала, он вырос с матерью и в доме у Арсения не бывал. У меня был огромный пиетет к нему с ранней молодости: никогда не забуду оглушающего впечатления, которое произвел на меня его фильм «Андрей Рублев», выпущенный в крайне ограниченный прокат в 1972 году. Когда я появилась впервые в квартире Тарковских в Париже, Андрей уже не вставал с постели. Общалась я, в основном, с его женой Ларисой, женщиной доброй, взбалмошной, избалованной и бесконечно преданной Андрею. Меня поразило, что они по-старомодному обращались друг к другу на «вы». По-французски она не знала ни слова, и я помогала ей с различными бумагами, письмами, звонками. Когда Андрей скончался 29 декабря 1986 года, похороны организовывали мы с Владимиром Емельяновичем.

Лариса в те дни получила огромное количество соболезнований от западных деятелей искусства, которые я ей переводила. Но самым поразительным было письмо от Жака Ширака, который был тогда одновременно премьер-министром и мэром Парижа. На двух страницах он прочувствованно и очень грамотно написал о фильмах Тарковского и заявил, что Франция позаботится о Ларисе и их сыне Андрее. Лариса была очень тронута, но совсем не думала, что письмо это будет иметь практические последствия. Однако буквально через несколько дней она позвонила мне и попросила срочно приехать. Дело было в том, что она получила письмо из префектуры, где ей предлагалось получение французского гражданства. К письму прилагался список из десятков документов, которые нужно было представить, чтобы подать на гражданство, в том числе такие бумаги, как свидетельства о первом браке и разводе и так далее. У Ларисы ни одного документа с собой не было, ведь решение остаться на Западе в 1984 году было достаточно спонтанным. Я позвонила по указанному телефону и объяснила ситуацию чиновнице на другом конце провода. Но очевидно, насчет Ларисы были прямые указания Ширака. Дама сказала мне, что надо всего лишь найти свидетелей, которые могут подтвердить подлинность сообщаемых Ларисой сведений. Наверное, этот был редчайший случай в современной французской истории, когда процедура получения гражданства продлилась не два-три года, как обычно, а от силы два месяца, причем без предоставления каких-либо документов. А несколько месяцев спустя Лариса получила другой подарок от Ширака — пятикомнатную «социальную» квартиру в одном из самых престижных кварталов Парижа, на авеню Моцарта в 16-м аррондисмане.

Это был уже второй случай за один год, когда я могла убедиться в том, насколько близко Жак Ширак принимал в те годы к сердцу судьбы российских диссидентов и деятелей культуры. В мае 1986 года Максимов попросил меня сопровождать Елену Боннер на прием к Жаку Шираку. Так я впервые очутилась в Матиньонском дворце и впервые встретила легендарную Елену Георгиевну. Мои переводческие услуги оказались невостребованными, потому что у Ширака была своя штатная переводчица, однако я присутствова-

ла на встрече и своими глазами видела, как у французского премьера навернулись слезы на глазах, когда он слушал рассказ Боннер об условиях жизни в ссылке в Горьком, где все еще томился Сахаров. В тот же день или на следующий я побывала с Еленой Георгиевной у Марек Хальтера, в его огромной квартире в Марэ. Марек возглавлял тогда ассоциацию под названием «Сахаровский институт», которая активно сотрудничала с ИС.

С легкой руки Владимира Емельяновича я познакомилась и с Мстиславом Ростроповичем. Максимов близко дружил и с Ростроповичами, и с Тарковскими, так что его рекомендация означала, что мне можно было доверять. В том же 1986 году я начала работать у Славы (он с первого дня знакомства потребовал, чтобы я его так называла) чем-то вроде личного секретаря. Ростропович сразу поразил меня колоссальной работоспособностью и организованностью: его программа была расписана на три года вперед, и он без конца перемещался по миру. В Париже у него была роскошная квартира на авеню Жорж Мандель в 16-м районе, которая была заставлена антикварными шкафами и сервантами со старинной российской посудой, хрусталем, статуэтками. Стены были увешаны картинами русских художников XVIII и XIX веков. Но жили Ростроповичи в этой барочной квартире лишь наездами, в основном, из-за Славиной загруженности: помимо собственных концертов он в течение многих лет был дирижером Национального симфонического оркестра в Вашингтоне.

Происходило наше общение обычно так. Слава звонил мне из разных концов света перед прилетом в Париж и просил приехать на следующий день к нему домой. Там его уже ждала гора писем на разных языках, которые я ему быстро прочитывала в русском переводе. Отвечал он практически всем, но многие его письма были просто стандартными ответами, например, отказами от предложений выступить с концертом. Однако иногда он диктовал интересные и содержательные ответы, в том числе знаменитостям и коронованным особам. Я записывала под его диктовку, затем дома переводила письма на английский или французский, печатала на его фирменной бумаге и приносила ему на подпись, а затем отправляла. Иногда мы вместе обедали, — у Ростроповичей была чудная московская домработница, которая готовила борщ, котлеты, гречневую кашу, и Слава с Галей явно предпочитали эту простую русскую кухню изысканной французской кулинарии.

Со своей стороны, я способствовала сближению между ИС и французским и международным ПЕН-клубами. Получилось это так. Незадолго до отъезда из СССР я познакомилась с французским писателем Анри Бонье, католиком и ярким антикоммунистом. По чистому недоразумению его пригласили в Союз на какое-то писательское мероприятие, а я — по такому же недоразумению — была там одной из переводчиц-фрилансеров. Поскольку моя покойная бабушка работала когда-то референтом по французской литературе в иностранной комиссии Союза писателей, меня там знали и три или четыре раза приглашали переводить иностранных писателей, когда была большая запарка. Собственно, на мероприятия в Москве я не была, а

мне предложили поехать на два или три дня в Узбекистан, куда европейских писателей вывезли на экскурсию. Стояла весна 1973 года, мой первый муж Володя и я еще не подали, но уже точно знали, что вот-вот подадим на выезд, но мы, вероятно, не были под плотным колпаком КГБ, — иначе не дать бы мне Бухары и Самарканда как своих ушей.

В Ташкенте наша группа оказалась ранним утром, после бессонной ночи в трясушемся самолете, но тем не менее нас сразу же повезли на выставку достижений народного хозяйства. После краткого обхода экспонатов нас повели на просмотр фильма о передовых методах уборки урожая. Я, естественно, тут же выскочила из зала под покровом темноты. Перед входом нервно ходил взад-вперед высокий, довольно молодой мужчина в светлом костюме, который, увидев меня, стал возбужденно объяснять мне, что во Франции он уже видел достаточно тракторов и что не за тем он, мол, приехал в Ташкент. Я сходу ответила ему, что это — обычная советская пропаганда, и предложила пойти в чайхану, чтобы пересидеть в тени. С нами «скооперировался» еще один очень пожилой литературный критик из Швейцарии по фамилии Абрабанель, который был хорошо знаком с Бонье. К вечеру наша тройка стала неразлучной, как будто мы были знакомы много лет. С Абрабанелем мои отношения потом не продолжились, да он вскоре и умер, а вот встреча с Анри, как я объясню позже, стала еще одним «судьбы скрещеньем».

По возвращении в Москву я даже успела организовать обед в ресторане «Славянский базар», где Бонье и Абрабанель встретились с несколькими друзьями-отказниками, в том числе с Сегалом и Брегелем. Бонье передал затем письмо от них с просьбой о помощи непосредственно президенту Жискару д'Эстену, и, действительно, обоих очень быстро выпустили. Правда, остается открытым вопрос о том, было ли это простым совпадением или результатом демарша Бонье. Как бы то ни было, по приезде в Париж в 1975 году я возобновила отношения с Бонье, который был тогда литературным директором крупного издательства «Альбен Мишель». Бонье и познакомил меня со своим старинным другом Александром Блоком, замечательным писателем русско-еврейского происхождения, который провоевал войну в Сопротивлении и взял там имя Жан Бло, превратившееся после войны в его писательский псевдоним.

Алекс, как его называли близкие, и его жена Надя, художница, дочь белого офицера, стали нашими парижскими друзьями. В прошлом оба они были юнесковскими переводчиками, а затем, заработав достаточно средств на жизнь, отдались целиком творческой деятельности. Алекс был в течение полутора десятков лет международным секретарем ПЕН-Клуба, и, хотя с Максимовым он был давно знаком, он именно в последний период деятельности ИС с большим рвением включился в нашу работу. Международный и Французский ПЕН-Клубы были нашими партнерами по двум последним громким мероприятиям ИС — «Хельсинкскому зеркалу» и «Парижскому Форуму», о котором речь пойдет чуть позже. На афише «Хельсинкского зеркала», правда, указано, что главным нашим партнером был парижский Са-

харовский институт, то есть организация Марека Хальтера, но мне не удается вспомнить, в чем состояла ее роль.

Макет этой афиши изготовил мой муж Саша: это — сильно стилизованный рисунок руки, держащей книгу, а в руку и в книгу, нарисованные малиново-красным на черном фоне, впивается колючая проволока. Ожидалось, что на пресс-конференцию придут многие знаменитости: наши партнеры Алекс Блок, Марек Хальтер и президент Французского ПЕН-Клуба Рене Тавернье, но также Ив Монтан, Эжен Ионеско, Франсуаза Саган, Симон Визенталь, Даниэль Кон-Бендит, Джейн Киркпатрик, диссиденты Юрий Орлов, Анатолий Щаранский, Александр Гинзбург, Леонид Плющ и другие. Разумеется, должно было прибыть и все руководство ИС — Буковский, Кузнецов, Малумян и Максимов, а заодно вездесущий мистер Джолис. Для знаменитостей были забронированы номера в шикарном венском отеле «Захер», где даже комнаты для прислуги, а не только сюиты-люкс, обставлены старинной мебелью и декорированы фресками, картинами, гардинами прошлых веков.

Для подготовки «площадки» в Вену заранее отправился Авраам Бен-Яков, к которому затем присоединился Саша. Но для себя и для Саши, а впоследствии и для менее «престижных» участников мероприятия Бен-Яков забронировал какой-то еврейский пансион, где незадолго до того произошел пожар. Жили там только религиозные евреи, потому что пансион был строго кошерным, но находиться там было неприятно, особенно в столовой, где все стены обгорели и были просто черными. Там даже еще не выветрился запах копоти. Это звучит как анекдот, но история подлинная: Саша привез с собой афиши для расклейки в городе, и одну афишу Бен-Яков повесил в столовой пансиона. На утро двое евреев в черных ермолках увидели афишу, и один спросил другого на идиш: «А почему Хельсинкское зеркало? Что, в Вене зеркала не хватает?»

Я сама оставалась еще несколько дней после Шашиного отъезда в Париже, потому что надо было до последнего вызванивать участников выставки и особенно «звезд», чтобы все прошло гладко. В последние дни перед открытием Максимов, который всегда переживал за каждое мероприятие, метался как лев по своему кабинету: он боялся провала, тем более что речь шла о чужой территории, где мы не знали, чего ожидать. Я уехала в Вену за три дня до открытия. Надо было встречать и размещать участников правозащитных организаций, сопровождать их в выставочный зал, помогать им развешивать экспонаты. Мы с Сашей буквально разрывались, тем более что многие привезли какие-то маленькие фотографии, листовки, не имеющие никакого вида, не позаботились о подписях. Саше пришлось самому писать названия организаций, чтобы это выглядело прилично. Ну а размещение в еврейском пансионе тоже не обошлось без эксцессов. Людмила Торн, например, прибыла из США в компании двух молодых парней, которых она вызволила из афганского плена. Вечером эти ребята напились, и надо было видеть, какими удивленными глазами пожилые израильские хасиды смотрели на парней с бодуна на следующее утро...

Владимир Емельянович приехал за день до открытия. Целая группа из Парижа, в том числе Александр Глезер, коллекционер и издатель журнала «Стрелец» (где я, кстати, регулярно печаталась), уже находилась на месте. Максимов заранее договорился с Глезером, что тот организует в нашем выставочном пространстве экспозицию художников нон-конформистов из своей коллекции. Однако Глезер большие работы из Монжерона тащить не стал, а привез в чемоданчике несколько рисунков и какую-то мятую тряпку соц-артовского толка. Когда он показал этот «джентльменский набор» Максиму, тот выдал такой трехэтажный мат, какого я в своей жизни не слышала. Действительно, у нас был выгорожен отдельный зал для этой выставки, о ней было сообщено прессе как о «гвозде программы», а показывать было нечего. К чести Глезера, который всегда был в теплых отношениях с Владимиром Емельяновичем, он не только не обиделся, но вышел из положения. За сутки Глезер успел объехать нескольких художников и знакомых, обосновавшихся в Вене, и собрать достаточно работ для вполне представительного показа неофициального российского искусства.

Последнее переживание было связано с приездом Натана Щаранского, которого освободили после многолетнего заключения в феврале 1986 года. Он был самым знаменитым еврейским узником совести, и его присутствие представлялось нам очень важным. Однако его жена Авиталь собралась как раз рожать, и в самый последний момент, к огромному разочарованию Максимова, выяснилось, что Натан не прилетит из Израиля. Не помню и присутствия Франсуазы Саган, но все остальные, если мне не изменяет память, приехали. Конечно, не все относились к нашим затеям с одинаковым рвением. Убежденный антикоммунист Эжен Ионеско, например, приехал со своей неразлучной женой Родикой на все три дня манифестации, а Ив Монтан — всего на несколько часов, не оставшись даже ночевать в роскошной сюите, которую мы для него забронировали.

Из рядовых участников запомнился какой-то дядечка из США, который привез складень с фотовыставкой, посвященной академику Сахарову. Пока Сахаров был в ссылке в Горьком, дядечку без конца приглашали на всяческие мероприятия по всему миру, оплачивая ему дорогу и проживание. Надо смотреть правде в глаза: для некоторых правозащитная деятельность на Западе была своего рода бизнесом. Но близкий круг ИС состоял, в основном, из действительно идейных людей. У меня сохранилось несколько фотографий тех дней, сделанных в Вене. На одной из них — Даниэль Кон-Бендит, Эдуард Кузнецов, Владимир Буковский, Леонид Плющ и я. Даже двадцать пять лет спустя никто из нас не изменил своим правозащитным убеждениям.

Несмотря на наши волнения и мелкие происшествия, в целом и пресс-конференция, и сама выставка (4–6 ноября 1986 года) прошли отлично. Выставочный зал размером в добрые 2000 кв. м был заполнен, публики было много, шума в прессе — тоже. По возвращении в Париж мы начали готовить сборник вырезок из прессы, как мы это делали обычно, для рассылки журналистам и нашим членам, да и Новый год уже был на носу.

Сразу после Нового года я поехала с трехлетней Адочкой кататься на лыжах в Швейцарию. Но в последний день нашей недельной путевки, пока дочка каталась на санках в детском клубе, я неудачно упала на заледеневшей лыжне и полностью порвала связки на колене. После операции в Париже я на два месяца выбыла из строя, а в больнице к тому же выяснилось, что я беременна второй дочерью.

Для Максимова это был тяжелый период. Его отношения с Джолисом испортились к концу 1986 года до такой степени, что тот угрожал прекратить свою деятельность по сбору фондов для нас, если Владимир Емельянович останется во главе организации. Выход был найден. Из Мюнхена был приглашен на место исполнительного директора Эдуард Кузнецов, взявший «саббатикал» на «Свободе». Соответственно, сложился своеобразный директорский триумвират из Максимова, который продолжал ходить на работу, Кузнецова и его жены Ларисы. Владимир Буковский по-прежнему фонтанировал идеями, но в основном на расстоянии — из Кембриджа — и лишь изредка навещался в Париж.

Для меня пребывание на больничном имело и свои плюсы, потому что я смогла посвятить много времени моему личному проекту — новому французскому изданию «Континента»¹. Владимир Емельянович этот проект целиком поддерживал, но готов был лишь на крошечное, заведомо недостаточное финансирование. В конце 1986 года мы с ним пошли на прием к французскому госсекретарю по правам человека Клоду Малюре, в прошлом одному из руководителей «Врачей без границ». Цель встречи была иной, но я упомянула о своем проекте «Континента», и неожиданно Малюре заявил, что даст годовой грант размером в 100 000 франков (15 000 евро по сегодняшним деньгам), если я найду издательскую поддержку.

Поддержку мне найти оказалось несложно: Анри Бонье предложил издавать журнал в своем издательстве, «Альбен Мишель». Идея была простой — грант должен был оплачивать издательские расходы, а макет, печать и распространение брал на себя «Альбен Мишель». С Максимовым мы с самого начала договорились «по-джентльменски»: я собиралась брать часть материалов из издания на русском, а часть — заказывать и отбирать сама. Я даже собрала отдельную редколлегию французского издания, куда вошли, помимо континентского костяка, несколько моих личных французских друзей и единомышленников, такие как Андре Глюксман, Алекс Блок, Михаил Геллер, Мари-Франс Ионеско (дочь Эжена), специалист по русскому авангарду Жан-Клод Маркаде, историк антисемитизма Леон Поляков, писатель Оливье Ролен, историк и эссеист Франсуа Фейто, историк коммунизма Бранко Лазич. С некоторыми из них я познакомилась благодаря Максиму в работе в ИС, с другими — при иных обстоятельствах. Так, на Жана-Клода Маркаде, нашего и по сей день ближайшего друга, мы вышли через худо-

¹ Первая попытка французского издания «Континента» была предпринята издательством «Галлимар» в 1970-е годы, но успеха не имела.

жественные круги, а с героем 1968 года, писателем и издателем Оливье Роленом я вообще познакомилась случайно: повесила в 1985 году, когда искала работу, объявление в Сорбонне, что даю уроки русского языка, и откликнулся на это объявление Ролен, который искал преподавателя перед своей поездкой в Россию. С Поляковым же и с Геллером я была знакома через Мелика Агурского, еще с 1970-х годов.

Каким это было увлекательным занятием — перелопачивать груды публикаций, искать авторов, заказывать им статьи и обсуждать их, переводить тексты на французский, самой брать интервью! Я, наконец, полностью была в той стихии, к которой с юности считала себя предназначенной. Первый номер французского «Континента» вышел в ноябре 1987 года, практически одновременно с последним крупным мероприятием ИС, парижским форумом «Литература поверх границ». Тем временем в конце сентября родилась моя младшая дочь Ольга. Я честно доработала в офисе вплоть до родов, а затем помогала в организации Форума из дому, в перерывах между кормлением грудью. Максимов звонил мне по много раз в день, было тяжело, но и выхода не было: как это пафосно ни звучит, но мы тогда горели на работе.

Быть может, издание французского «Континента» как-то больше сблизило нас именно с литераторами. Во всяком случае, Парижский Форум мы организовывали совместно: французский ПЕН-Клуб, Интернационал Сопротивления и журнал «Континент» (имелись в виду как русское, так и французское издания) под покровительством уже упомянутого Клода Малюре, госсекретаря по правам человека. Мы сняли большой зал в отеле «Парк Авеню» в 16-м районе Парижа, и помимо выступлений и дебатов там состоялась презентация французского издания «Континента».

Как всегда, основная работа состояла в вызывании больших имен, но свобода слова в СССР и Восточной Европе была, как видно, более «объединяющей» темой, чем помощь никарагуанским «контрас» или афганским моджахедам. Откликнулись на наше приглашение сорок известных писателей — из Франции и других европейских стран, из США, эмигранты из СССР и Восточной Европы, такие как лауреаты Нобелевской премии Иосиф Бродский и Чеслав Милош, один из основателей польского эмигрантского журнала «Культура» Густав Герлинг-Грудзинский, немецкий славист-литературовед Вольфганг Казак, французские историки коммунизма Анни Кригель и Бранко Лазич, американские писатели Уильям Стайрон и Эрика Йонг, Георгий Владимов, «сербский Толстой» Добрица Чосич, итальянский кинорежиссер Дамиано Дамиани, Владимир Войнович, левый американский интеллектуал-антикоммунист Мелвин Ласки, основатель Межнациональной радикальной партии Марко Панелла, американский журналист Арно де Борчтрейв, Эрнст Неизвестный и другие. Разумеется, приняла участие и наша «обойма»: Буковский, Кузнецов, Максимов, Малумян, Плющ, Безансон, Ионеско, Блок, Глюксман и, естественно, глава французского ПЕН-Клуба Рене Тавернье.

Материалы этого Форума я частично опубликовала во втором номере французского «Континента», который вышел в свет в апреле 1988 года. Выход этого номера проходил на фоне стремительного угасания ИС. Фактически, Форум стал нашей лебединой песней. В начале 1988 года нам, сотрудникам, было объявлено, что офис вскоре закроется и что надо искать другую работу. Перестройка шагала вперед, уровень свободы слова в СССР и в большинстве стран Восточной Европы стремительно рос, и наши американские спонсоры решили, по-видимому, что коммунизм рухнет без наших скромных усилий.

Параллельно, тучи сгустились и над моим детищем — «Континентом». В мае 1988 года госсекретариат по правам человека был упразднен, и Клод Малюре уже не мог далее помогать изданию. Мой друг Анри Бонье к тому времени потерял свою должность в «Альбен Мишель», а его преемник не намеревался материально поддерживать убыточное, как большинство журналов, издание. Денег из первого гранта оставалось на один номер, но я все же смогла организовать в Париже однодневный симпозиум на тему «Германия и будущее Европы» с весьма престижным составом участников и опубликовала в третьем — и последнем — номере материалы этой дискуссии о двух Германиях и перспективах их воссоединения. На обложке этого номера я поставила замечательное высказывание Александра Гинзбурга: «СССР — это единственная страна в мире, где за последние двадцать-тридцать лет не родился ни один коммунист». Вообще в этом номере довольно много материалов, которые не печатались в русском издании, в частности, отрывок из романа Леонида Гиршовича «Прайс» в переводе писательницы и переводчицы русского происхождения Любы Юргенсон.

Любе чрезвычайно понравился роман, который проецирует в несостоявшееся, к счастью, будущее массовую депортацию советских евреев при Сталине, и она, уже после публикации в «Континенте», на добровольных началах потихоньку перевела эту трудную прозу целиком и много лет спустя опубликовала. За последние годы Люба опубликовала еще один роман Гиршовича, «Обменные головы», и в настоящее время готовит третью его книгу. А мне остается только радоваться, что я оказалась у истоков этого творческого союза, поскольку была и остаюсь большой поклонницей таланта Гиршовича, который первые свои повести и рассказы опубликовал еще в конце 1970-х годов в израильском журнале «Время и мы».

С весны 1988 года я начала работать сначала внештатно, а затем как штатный журналист в русской редакции Международного Французского Радио, RFI. Об этой, еще не завершенной истории, я расскажу, когда придет время, особо. А параллельно продолжала складываться моя литературная карьера, начало которой было положено за время работы над изданием французского «Континента». В издании второго и третьего номеров «Континента» мне помогал французский журналист и писатель, специалист по России Пьер Лоррен, который стал впоследствии моим напарником по многим сделанным нами совместно литературным переводам.

В те годы Лоррен был близок к кругу убежденных антикоммунистов, сложившемуся вокруг Института социальной истории, основанного знаменитым историком коммунизма Борисом Сувариним. С самим Сувариним, скончавшимся в 1984 году, я познакомиться не успела, но постепенно, через ИС и через Максимова, сблизилась с его окружением — историками и общественными деятелями Бранко Лазичем (интервью с ним я опубликовала в первом номере французского «Континента»), Пьером Ригуло и Илиосом Яннакакисом, которые издавали журнал «Est-Ouest» («Восток-Запад»), посвященный проблемам коммунизма и истории коммунистических стран. Бранко Лазич скончался в 1998 году, а Ригуло и Яннакакис, которые и рекомендовали мне Пьера Лоррена, остаются по сей день друзьями и коллегами: вместе с ними я вхожу в редколлегию журнала «Histoire et Liberté» («История и свобода»), который заменил, в несколько ином формате, «Est-Ouest». Сохранился и Институт Социальной Истории, только из 16-го района Парижа он переехал в парижский пригород Нантер.

В 1988 году Анри Бонье, ставший после ухода из «Альбен Мишеля» советником крупного издательского концерна «Пресс де ля Сите», предложил мне попробовать свои силы в литературном переводе. Нашей первой, совместной с Пьером Лорреном, пробой пера стал перевод мемуаров Алексея Аджубея «В тени Хрущева», вышедших в свет в ноябре 1989 года. За двадцать с хвостиком лет я перевела, в соавторстве с Пьером или самостоятельно, около шестидесяти книг — художественную и документальную прозу. Среди моих авторов — Михаил Горбачев и Андрей Грачев, Евгения Альбац и Виталий Шенталинский, Александр Боршаговский и Александр Лебедь, Анна Политковская и Андрей Бабицкий, Виктор Пелевин и Дмитрий Быков, Светлана Алексиевич и Мария Рыбакова, Александра Маринина и Александр Зиновьев, и многие другие. Почти со всеми ними у меня сложились долготлетние дружеские отношения, и каждый из этих авторов достоин отдельной главы в моих будущих мемуарах. Некоторый вклад внесла я и в знакомство французской публики с авторами предыдущих эпох: Сергеем Параджановым, Виктором Брауном, Сергеем Эйзенштейном, Анной Шмидт, Мариусом Петипа (французский оригинал его мемуаров был утерян, и пришлось переводить его на французский со старого русского издания).

Я должна упомянуть тут еще нескольких моих друзей, с которыми я сблизилась во время работы в Интернационале Сопротивления и которые в дальнейшем сыграли определенную роль в моей литературной и журналистской деятельности. Не знаю, кого из них назвать первым, потому что речь идет о действительно близких друзьях — Леониде Плюше, Андре Глюксмане, Александре Гинзбурге, Владимире Буковском.

С Леней и Таней Плющами мы сдружились тем более легко, что они сразу полюбили и моего мужа Сашу. И мы, и Плющи болели душой не только за судьбы демократии в Восточной Европе, но и конкретно за судьбу Украины. Мне очень хотелось способствовать продвижению не только русской, но и

украинской литературы во Франции, и по совету Лени я опубликовала во французском «Континенте» притчу Мирослава Мариновича и стихи Василия Стуса. Позднее, в начале 1990-х, когда я недолгое время вела литературную серию в издательстве «Роше», я опубликовала замечательного автора украинского «ренессанса» 1920-х годов Миколу Хвильевого с предисловием Плюща, а также «пробила» издание книги самого Плюща «Украина: даешь Европу!». Именно благодаря Лене мы завязали массу контактов в Киеве, городе, в котором я бывала за последние двадцать лет столь же часто, как и в Москве. И по сей день для меня Ленья — эталон порядочности, политического чутья, доброты, бескорыстности.

Не могу сказать, что Александр Гинзбург был особо близок к ИС: он был одним из ведущих сотрудников «Русской мысли» и скорее освещал наши мероприятия, чем систематически в них участвовал. Я же в «Русскую мысль» навещалась лишь эпизодически: мне не очень нравилась патриархальная, немного «бабская» атмосфера в редакции, где бесконечно распивались чай и ходили по столам огромные раскормленные кошки. Публиковаться там мне почему-то никогда не хотелось, хотя рационального объяснения этому чувству у меня нет. В общем-то из всех сотрудников «Русской мысли» теплые, а затем и дружеские отношения у меня постепенно сложились лишь с Аликом и его женой Ариной, и в 1997 году я сильно переживала их увольнение из газеты, которой они отдали много лет своей жизни.

Благодаря Алику состоялось мое знакомство с Анной Политковской. Он позвонил мне в ноябре 1999 года, в первые месяцы второй чеченской войны, и спросил, читала ли я репортажи Политковской. Я о ней слышала, но статьи не читала: тогда интернет еще распространен не был, а «Новую газету» я не получала. Алик тут же подъехал и привез в авоське десяток статей Анны. «Это надо опубликовать книгой», — сказал он мне. Я быстро прочитала статьи и предложила сборник издательству «Робер Лаффон», где я ранее уже опубликовала несколько книг переводов, в том числе два тома «Литературных архивов Лубянки» Виталия Шенталинского. Дирекция «Лаффона» предложение приняла, и в январе 2000 года я уже приехала в Москву с издательницей для заключения контракта с Анной, а заодно и с Андреем Бабицким, незадолго до этого вырвавшимся из чеченского плена. Это была первая зарубежная публикация Анны (в мае 2000 года), положившая начало ее стремительной литературной карьере и нашей дружбе.

Близкими друзьями со времен ИС и по сей день остаются философ Андре Глюксман и его жена Фанфан. Это — отдельная, большая глава моей жизни, скажу только, что у нас есть целый общий круг французских и российских друзей и единомышленников, среди которых была и Анна. Я неоднократно публиковала интервью с Андре во французской и российской прессе, а теперь четверть века нашего общения будут увенчаны книгой, которую я готовлю: диалог между Глюксманом и Еленой Боннер, происходивший при моем посредничестве в течение недели несколько лет назад в Бостоне и идущий с тех пор по переписке.

С Володей Буковским у меня не было тесных контактов в период работы ИС: он приезжал наездами и был как бы начальником. На самом деле дружеские отношения начали складываться в 1996 году, когда я организовала в Париже симпозиум в память о Владимире Емельяновиче и впоследствии издала сборник материалов этого симпозиума². Затем, по следам этого симпозиума, мы даже попытались создать, совместно с Таней Максимовой, ассоциацию «Парижский клуб: от диссидентства к демократии», но в этом деле пороку надолго у нас не хватило. Осталась дружба — общение и взаимопомощь в издательских и человеческих делах. У меня много дарственных надписей на книгах, но одна из тех, которыми я особо горжусь, принадлежит Володе: «Гале, старой боевой подруге». От такой героической личности и человека безупречной репутации — это дорогого стоит.

Приятно вспомнить, что мои издательские контакты пошли на пользу Владимиру Емельяновичу. Для него конец советского периода был нелегким: в 1988 году закончилась эпопея ИС, «Континент» с 1991 года начал выходить в Москве, а в 1992 году Максимов передал бразды правления Игорю Виноградову. Во Франции Максимова не издавали с 1984 года, и он был рад, когда мое предложение издать «Звезду генерала Колчака» в издательстве «Орбан» (вошедшем в концерн «Пресс де ля Сите») было принято. Эта книга под заглавием «Белый адмирал» — в переводе замечательной стилистки Анн Кольдефи-Фокар, с которой я сблизилась на почве издания французского «Континента», — вышла в свет в мае 1989 года и была последним французским изданием Максимова.

В последние годы жизни Владимира Емельяновича мы эпизодически переэзванивались, но виделись очень редко. Мне были понятны его сомнения в «демократической России», его неприятие расстрела Белого дома, но я в первые годы ельцинского правления была настроена куда более оптимистически, хотя теперь вижу, что правда была где-то посередине. Однако мы сохранили личную привязанность друг к другу, — я его никогда ни в чем не предала и, со своей стороны, была и остаюсь ему благодарна за то, что при его непосредственном участии моя жизнь пошла по другому руслу — журналистскому, издательскому, литературному, человеческому.

² См. мою статью «Еще раз о диссидентах — об их роли в падении советского режима». — «Континент», № 128 (2006, № 2).

К 100-летию со дня смерти Льва Толстого

Владимир МОЖЕГОВ

ЗЕРКАЛО ЛЬВА ТОЛСТОГО

1. Историческая экспозиция

1

Пушкин заметил как-то, что каждого художника надо судить по тем законам, которые он сам для себя ставит. Думаю, мы вправе применить этот принцип и к Церкви (Софии — художнице мира). Чем, кем осознает себя сама Церковь? Церковь — тело Христово, Невеста Христова, мистическая основа мира, духовное сердце мира, для которого нет границ ни на небе, ни на земле. Вся вселенная призвана войти в Церковь, вся тварь — стать причастником Божьего бытия. Брошенная в самый эпицентр хаоса и распада, Церковь призвана преобразовать падший мир и вести его к спасению. Таковы ее мистическое самосознание и историческая миссия.

Конечно, то, что каждая тварь призвана, еще не значит, что каждая ответит на этот призыв. Понятно, что и мистический, и исторический аспекты природы и бытия Церкви вступают в противоречие с земной реальностью — ограниченной, темной, разделенной, тонушей в самолюбии и вражде. Как понятно и то, что сама Церковь состоит из людей земных, ограниченных, лишь в той или иной степени причастных ее безначальному свету. Во многом в силу этого существование Церкви предельно парадоксально. Церковь существует одновременно и в истории и в вечности, она есть и вечный мир, и нескончаемая война. Подчас трудно бывает отличить Церковь от ее «темного двойника», ее inferнальной тени. И единственным гарантом того, что врата ада не одолеют ее и ее историческая миссия окажется исполнена, остается ее вечный стержень — Сам распятый в земной реальности Бог, единственное непреходящее «небо на земле».

**Владимир
МОЖЕГОВ**

— родился в 1968 г. в Воркуте, окончил Академию кино и телевидения в Санкт-Петербурге. Публиковал работы на религиозно-философские, культурологические, историософские темы в «Московских новостях», «Литературной газете», «НГ-религиях», в «Русском журнале», журнале «Политический класс», «АПН», обзоре «Радонеж», альманахе «Илья» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Волоколамске.

Земная судьба Церкви предельно трагична. Бог явился на землю в образе раба. Принятие одного этого факта (*для иудея соблазн, для эллина безумие*) требовало невероятного усилия ума, действительного переворота сознания и мучительного преображения всей человеческой природы. И каждый из этапов этого «второго рождения» (как на уровне отдельного человека, так и на уровне всей целокупности Церкви) усеян костями человеческих помыслов и крушений.

Родившись в момент Пятидесятницы как маленькая иудейская секта, юная новозаветная Церковь понесла — сперва шепотом в катакомбах, потом все громче и громче — свою добрую весть о спасении человека из мрака природы. И в начале IV века мир сдался. Кесарь великой империи, объединившей практически весь средиземноморский и ближневосточный мир, фактически признал христианство официальной религией. Значение этого факта для судеб мира невозможно переоценить. После трех веков изнурительного подполья и постоянного страха Церковь не просто выходила на свет, но выходила с триумфом — как победительница. Сам могущественный император протягивал ей руку дружбы — могла ли она не ответить на этот жест?

Ощущение триумфа было так велико, что Церковь, кажется, даже не задумалась над последствиями. Не видно никаких сомнений, никакой рефлексии в виду этого рокового шага.

Впрочем, отрезвление наступило довольно скоро. Когда в 355 году на Миланском соборе взбешенный бесконечными спорами своих епископов император Констанций, сын Константина, ударив плашмя своим мечом по столу, крикнул: *“Моя воля — вот ваш канон”*. Но было уже поздно. С этих пор ребра Церкви неизменно «хрустели в объятиях государства» (Карташев)...

2

Конечно, превращение Церкви Христовой и вселенской в церковь имперскую свершилось не вдруг. Первые христианские общины ничем не напоминали будущих имперских соборов и иерархий. Христиане не строили храмов (ибо *«вы сами храмы живущего в вас духа»*), чурались клерикализма: *«А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник — Христос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится»* (Мф 23: 9-12).

Не были первые христианские общины и основанием новой религии (символично, что первым обвинением против христиан было обвинение в атеизме). Скорее, это были собрания друзей, ощущавших себя зачатком иного мира, нового народа, новых людей, живущих по законам иным. Лишь со II века у христиан начинают появляться храмы и все более усложняющаяся иерархия. И чем более слабела ясность первого откровения, тем более христианство, ставшее величайшим переворотом сознания, возвращалось к знакомым и привычным формам религии, из чрева которой вышло.

То, что решающий шаг (превращение в государственную религию) был сделан практически без рефлексии, говорит о том, что к IV веку эта метаморфоза свершилась.

Казалось бы, еще совсем недавно Тертуллиан говорил о христианах как «гражданах неба», для которых «любое отечество — чужбина и любая чужбина — отечество». Но уже через год после выхода Миланского эдикта о веротерпимости (313), выводящего Церковь из подполья, епископский собор в Арелате (совр. Арль) (314) предаёт анафеме всех уклоняющихся от службы в имперской армии. Уже тогда Церковь внутренне осознала себя имперской. Остальное было лишь делом времени. Против любви императора устоять оказалось сложнее, чем против гонений. Словно зачарованная, Церковь сама шла в логово льва.

Чем руководствовались епископы?

Самый важный ответ дает, возможно, Евсевий Кесарийский, описывая, как участники Никейского Собора, только что перенесшие ужасы гонения Диоклетиана, видя почести, которые им воздавал император, размышляли: *«не наступило ли уже Тысячелетнее Царство, обещанное Иоанном?»* Великая мечта о светлом завтра — вот чем были заморожены епископы: Римская империя станет христианской и распространит свет Христов по всему миру. Императора же христианство привлекло прежде всего своим универсализмом, своим *«ни иудея, ни эллина»*. Это была не религия одного народа, но учение, способное сплотить все народы империи. Так мечты епископов и мечты императора встретились. Для бытия Церкви признание ее Римской империей и признание ею империи стало поворотным, главным шагом ее исторического бытия за все минувшие полторы тысячи лет.

3

С точки зрения мистической природы Церкви, ее бурный роман с империей был явлением в высшей степени неоднозначным. Но Церковь будто теряет способность мыслить. И, наконец, в царствование Юстиниана случается неизбежное — формулируется официальный принцип отношения государства и Церкви: священство и царство исходят из одного Источника, при этом одному вверено управлять человеческим (мирским, телесным), другому — божественным (духовным миром). Это и есть знаменитая теория «симфонии», утверждающая имперский мир, подобно незыблемой «Троице»: Бог-Пантократор и две Его руки — священство и царство, — устраивающие первая — дела божественные, вторая — человеческие, охватывая при этом все человеческое бытие без остатка. Позднее этот абсолютистский теократический идеал будет выражен еще нагляднее: священство уподобится душе, а царство — телу империи. Свершается торжественный «мистический брак» Церкви и Империи, в котором двое становятся «одна плоть».

Но ведь свою сакраментальную природу Церковь сознает совершенно иначе! Церковь *сама есть тело*, которое сочетается Христу и глава которого есть Христос. В теории же «симфонии» Церковь фактически отка-

зывается от своего тела, которое замещается телом империи (т. е. происходит именно то, что мистически и происходит в браке: тело жены становится телом мужа). Удивительно! Церковь, Невеста Христова, становится законной женой императора и даже не в состоянии осознать всей двусмысленности своего положения, даже не пытается размышлять над своим роковым шагом! Христос отказался быть земным царем и основал Церковь Свою как пространство иного мира в мире сем. Но всего через три с половиной века, соблазненная золотым плодом империи, Церковь согласилась стать земной царицей, променяв свое небесное первородство за чечевичную похлебку царского двorca.

4

Брак с государством будет способствовать невиданному земному могуществу Церкви и всемирному распространению христианства. Но насаждаться отныне оно будет — и на Западе и на Востоке — огнем и мечом. А все онтологические перспективы Церкви резко сузятся. Прежде перед ней, свободной, были открыты небо и земля, отныне она заключена в границы империи. И неизбежно вслед за умалением самосознания Церкви сама христианская империя начнет гаснуть и скукоживаться, подобно шагреновой коже. Пока, наконец, от нее не останется лишь Константинополь — как памятник былой вселенской всечеловеческой мечте. Вопрос о земной власти расколется Церковь пополам. Возникнут грандиозные движения Возрождения и Реформации. Возникнет новый, расколотый на Восток и Запад европейский политический мир, все дальше уходящий от Церкви. Из законной жены Церковь превратится в служанку, а потом будет просто вышвырнута за порог окончательно секуляризовавшимся государством. Но за все полторы тысячи лет вопрос о настоящих отношениях между Церковью и государством так по-настоящему и не будет поставлен!

В Византии и Московии теократический характер государства никогда не был подвергнут сомнению. И в синодальный период, служба, по сути, светскому государству, Русская церковь продолжала ощущать себя имперской по духу, в глубине души мечтая о теократии. Мысль католических и протестантских теологов кружилась между словами Павла о *«всякой власти от Бога»* и евангельским *«отдавайте Богу Богово, а кесарю кесарево»*, стремясь найти идеальные отношения церковной и государственной власти. Но сама реальность Церкви — подобия государства (Ватикан) — оказывалась не меньшим «бревном в глазу», мешающим увидеть вещи ясно, чем византийское «небо на земле». И лишь XIX век — век крушения всех прежних идолов и кумиров — заставил взглянуть на привычные прежде вещи новыми глазами. И если прежде всякие сомнения от себя старались гнать, то теперь настало время слишком больших сомнений...

В наше время, когда Церковь переживает всеобъемлющий кризис своего т. н. *константиновского периода*, необходимость глубокой рефлексии и переосмысления ее настоящего и прошлого кажется давно назревшей. Более

обстоятельного рассмотрения этих вопросов автор предполагает коснуться в работе «**Церковь: вечное обновление**», которая будет предложена читателям «Континента» позже. Сегодня же мы затронем только один аспект отношений Церкви и государства, связанный с именем Льва Толстого.

2. Бунт непротавления

Бунт Толстого против государства и официальной церкви озарен светом личного откровения: Толстой вдруг осознает, что за все века христианства никто (оказывается!) не прочитал как следует Нагорную проповедь! Никто не заметил, что между ней и учением государственной церкви нет ничего общего! Никто не догадался, что государство с христианством не совместимо! *«Долго я не мог привыкнуть к той странной мысли, что после 1800 лет исповедания Христова закона миллиардами людей, посвятивших свою жизнь на изучение этого закона, теперь мне пришлось, как что-то новое, открывать закон Христа. Но как ни странно это было, это было так: учение Христа о непротавлении злу восстало предо мной, как что-то совершенно новое, о чем я не имел ни малейшего понятия»* («В чем моя вера»).

Толстой изумлен. Он не устает проверять себя (сверяясь с Евангелием и другими книгами) и снова и снова повторять: смотрите, прямо написано: *не протавься злону и т. д.* Мы же две тысячи лет живем по закону совершенно обратному: *«Все, чему меня учили, что меня окружает с детства (дать отпор обидчику, отомстить насилуем за оскорбление) построено на законе “зуб за зуб”, отвергнутом Христом... Все, чему учит нас Церковь — лишь беспрекословному повиновению царям и начальникам, лишь насилу, войне и казням “по воле Богом поставленных властей”»* («Исповедь»).

И с этим нельзя, конечно, не согласиться. Государство, которое решилось бы вдруг жить по закону Христа, должно было бы разоружиться, раздать все свои богатства нищим и следовать за Ним. То есть — перестать быть государством. Функция государства — ограничение и насилу. Христос же есть бесконечная любовь, Его власть — власть любви. Между двумя этими полюсами как будто нет ничего общего. Кроме одного — исторической реальности. А историческая реальность такова, что законы Христа принимаются, но не исполняются. И мир продолжает жить так, будто никогда не слышал Нагорной проповеди и слов о любви к врагам и т. д.

Желая разрешить это противоречие, Церковь говорит о несовершенстве мира, падшести человеческой природы: да, государство не совершенно, но без него было бы еще хуже, — воцарились бы анархия, беззаконие, разбой, право сильного. Да, человек не совершенен, он слушает, но не делает. Но если оставить его вовсе без идеала света, — пусть недосыгаемого, — он окончательно погрузится во тьму и озверет. И против этого, кажется, тоже возразить нечего. Именно так и была встречена проповедь Толстого в русских мыслящих кругах. Но и сам Толстой, конечно, все это хорошо знал. Он знал, что отвечает Церковь на его вопрошания. Но он знал также, что для него са-

мого слова Христа были реальнее самой реальности. В них была Истина, в то время как в реальности — ее полное забвение.

И Толстой отвечает на все эти доводы очень логично: *«Человеческой природе свойственно делать то, что лучше. И всякое учение о жизни людей есть только учение о том, что лучше для людей. Если людям показано, что им лучше делать, то как же они могут говорить, что они желают делать то, что лучше, но не могут? ...Люди дерутся за землю, за предметы, которые им нужны, и потом доходят до того, что делят все и называют это собственностью; они находят, что хотя и трудно учредить это, но так лучше, и держатся собственности; люди дерутся за жен, бросают детей, потом находят, что лучше, чтобы у каждого была своя семья; и, хотя очень трудно питать семью, люди держатся собственности, семьи и многого другого. И как только люди нашли, что так лучше, то как бы это трудно ни было, так и делают. Что же такое значит, что мы говорим: учение Христа прекрасно, жизнь по учению Христа лучше, чем та, которою мы живем; но мы не можем жить так, чтобы было лучше, потому что это “трудно”» («В чем моя вера»).*

Действительно, если учение Христа — несомненное благо для человека и если Церковь — это действительно Церковь и учит тому, что говорил Христос, то как же люди не послушали ее и не стали делать того, что для их же блага очевидно лучше во всех отношениях? Вывод Толстого: всему виной *«догматическая христианская вера»*, историческая Церковь, которая извратила учение Христа, вернув его к учению Моисея, к Ветхому Завету. Потому мы и живем по закону *«зуб за зуб»*, а не по закону: люби ближнего, прощай брата, не противься злому...

Как видим, логика и негодование Толстого против официальной Церкви вполне законны и совсем не так наивны. Они растут из осознания вопиющего противоречия между собственной глубокой интуитивной верой писателя в святость слов Христа и царящим вокруг насилием. Реальность Нагорной проповеди никак не соотнобразуется с реальностью видимо разложившейся Церкви, оправдывающей и благословляющей государственные казни. Этого вопиющего противоречия сердцу Толстого не вынести. И вывод кажется ясен: церковники извратили учение Христа. Вместо Бога, которого знает всякая человеческая душа, они придумали внешнего Бога-Идола, чьей тотальной власти и подчинили весь мир, для самих себя определив место его жрецов и вельмож. Оттого и получается у них этот странный вывод: *«учение Христа хорошо для людей, но не годится для людей»*. В то же время, уверен Толстой, устроить человеческую жизнь на земле просто: нужно лишь упразднить государство и официальную церковь и начать жить по евангельским заповедям Христа.

И опять же, при всей видимой наивности, трудно возразить на это по существу. Яркое пламя идеализма Толстого горит в атмосфере явного разложения и упадка и действительно бередит души. *«Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него*

свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост», — писал Александр Суворин. «Львом, при рыке которого оживает спящая пустыня» называл Толстого знаменитый петербургский юрист Анатолий Кони. В сущности, роль Толстого была ролью библейского пророка — того, кто напоминает погрязшим в разврате сынам дома Израилева вечные, но забытые ими истины. А отвечали ему, указывая на несовершенство собственной природы, эти самые погрязшие в разврате сыны Израилевы, даже не собиравшиеся отказываться от своего разврата. И здесь был корень конфликта. Если бы те, кого обличал Толстой, имели силы прислушаться к жгучим глаголам своего пророка и начали, хотя бы горько, соглашаться с ним, голос пророка, может, и помягчел бы и не дошел бы в своих пределах до «безумных глаголов»... Но слушать пророка способны люди — существа, у которых есть сердце. Государство же и его церковная канцелярия (консистерия) — это структуры, функции власти и идеологии.

И Христос, как мы знаем из Евангелия, мудро уклонялся от общения с властями и религиозными учителями. И лишь когда те сами, видя, что проповедь Его имеет успех, проявляли к нему ревнивый интерес, начинал их обличать в ответ на искушения. При этом дела Христа не расходились с Его словами. Он обличал фарисеев по любви к ним, указывая на проявившиеся сию минуту их низость и коварство. Призывая их самих увидеть и ужаснуться тем, что они творят. Пытается обратить их сердца к совести, и некоторые из них действительно оказывались тронуты этими прикосновениями.

Однако сама система остается неколебима. На то она и система — вещь неодушевленная. Система не способна к состраданию или мукам совести, она не способна меняться сама, она может быть либо взорвана изнутри, либо разрушена снаружи. Христос не был революционером, то есть разрушителем. Его революцией была победа над смертью, его победным флагом стало Воскресение.

Силой Христа Толстой совсем не обладал. Он ошибался. Он кипятился и нападал, со страстью бросался на холодные бездушные стены, представляя при этом своих врагов негодяями, невеждами и ничтожествами. Он был неумолим в своих требованиях, не сообразуясь ни с какой реальностью и здравым смыслом, всякий раз умудряясь довести до абсурда самую, казалось бы, ясную и невинную вещь.

Об учении Церкви он говорит с особой ядовитостью, ведь именно здесь видит корень зла! Вот как излагает он его в книге «В чем моя вера» задолго до отлучения: *«Учение этой веры в самом точном его выражении такое: личный Бог, существующий вечно, один в трех лицах, вдруг вздумал сотворить мир духов. Бог благой сотворил этот мир духов для их блага; но случилось, что один из духов сделался сам злым и потому несчастным. Прошло много времени, и Бог сотворил другой мир, вещественный, и человека тоже для его блага. Бог сотворил человека блаженным, бессмертным и безгрешным. Блаженство человека состояло в пользовании благом жизни без труда; бессмертие его со-*

стояло в том, что он всегда должен был так жить; безгрешность его состояла в том, что он не знал зла. Человек этот в раю был соблазнен тем духом первого творения, который сам собою сделался злым, и человек с тех пор пал, и стали рождаться такие же падшие люди, и с тех пор люди стали работать, болеть, страдать, умирать, бороться телесно и духовно, то есть воображаемый человек сделался действительным, таким, каким мы его знаем и которого не можем и не имеем права и основания вообразить себе иным».

Совершенно очевидно, что это раздраженное и едкое описание Катехизиса — никакое не учение Церкви, а лишь злая пародия на него. Или такое замечание: *«Православная Церковь! Я теперь с этим словом не могу уже соединить никакого другого понятия, как несколько нестриженных людей, очень самоуверенных, заблудших и малообразованных, в шелку и бархате, с панагиями бриллиантовыми, называемых архиереями и митрополитами, и тысячи других нестриженных людей, находящихся в самой дикой, рабской покорности у этих десятков, занятых тем, чтобы под видом совершения каких-то таинств обманывать и обирать народ»* («Исследование догматического богословия»).

В сущности — совершенно верное и справедливое описание исторической картины. Однако же слишком одностороннее, — во-первых, и слишком легко замещающее Церковь Христову церковью исторической, — во-вторых. Толстой, писавший это, был немилостив, беспощаден, неумолим. Наконец, он совсем не любил своих врагов. Вот что он писал, например, царю в декабре 1900 года об обер-прокуроре Святейшего Синода К. Победоносцеве: *«Из всех этих преступных дел самые гадкие и возмущающие душу всякого честного человека, это дела, творимые отвратительным, бессердечным, бессовестным советчиком вашим по религиозным делам, злодеем, имя которого, как образцового злодея, перейдет в историю — Победоносцевым».* Что же хотел автор этих строк получить в ответ на свои инвективы? Разве так обращался к своим врагам Христос?

Замечательно, что все заповеди Нагорной проповеди трактуя с неизменным завышением, Толстой именно заповедь о любви к врагам — такую, казалось бы, ясную, бьющую в самое сердце, — начинает резко понижать, заявляя, что речь здесь идет не о любви к *личным* врагам (любить которых по определению невозможно!), а о любви к врагам народа, то есть к другому народу. Здесь неумолимая логика писателя встречает свой камень преткновения. Его несносный рационализм не справляется с самым мистически глубоким словом Христа — словом, в котором, в сущности, и заключен *«весь закон и пророки»* в максимальном выражении. И именно здесь максимализм самого Толстого дает сбой.

«Люби Господа Бога всем сердцем твоим и ближнего своего как самого себя» — в этих двух заповедях весь Закон и пророки, говорит Христос. И это — закон Моисея (где слово «ближний», действительно, можно трактовать как синоним слову «иудей», единоведец, единоплеменник). Но Христос проясняет максимум до конца, до совершенства: *«сказано: „люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего“ . А Я говорю вам: любите врагов ваших,*

благословляйте проклинающих вас» (Мф 5:43). Неумолимая логика Толстого разбивается о совершенство этих слов. Враг есть враг — как же его можно любить? Однако именно здесь сокрыта настоящая глубина христианства. И не случайно св. Силуан Афонский именно на этом камне строит здание своей любви. «*Любовь к врагам — единственное, в чем заключается дух христианства. И если нет в тебе любви к врагам — значит нет в тебе и духа Божьего*», — говорит св. Силуан. Всё. И говорить больше не о чем. Точка.

Этот предельный нравственный закон — упор рычага рационализма, которым можно переворачивать Землю. И Толстой — кажется, именно из тех пророков, которым это под силу. Но увы! Он в упор не видит настоящей волшебной палочки перед своими глазами! Он недоверчиво отвергает ее и возлагает на престол нечто иное: *не противься злumu...* — максимум как раз таки предельно динамичную и иррациональную... Но внутри сердца Толстого именно она взрывается ликованием, становится его «эврикой». «*Место, которое было для меня ключом всего, было место из V главы Матфея, стих 39-й: “Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу”... Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит. И тотчас не то что появилось что-нибудь новое, а отпало все, что затемняло истину, и истина восстала предо мной во всем ее значении. “Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу”. Слова эти вдруг показались мне совершенно новыми, как будто я никогда не читал их прежде»* («В чем моя вера»). И именно из этой максимы Толстой сооружает настоящий культ, подобный тому, что делает Кант из своего «*никогда не лги*».

3. Одиночество Толстого

Закон Христа — это закон мира иного: *Богу Богово — кесарю кесарево*. Толстой заново открывает истину: закон Христа и законы общества-государства не совместимы. Закон Христа идеален. Из света этого идеала Толстой и Кант творят каждый свое ослепительное совершенство. Но жизнь не есть совершенство. Учение абсолютно и бескомпромиссно, а жизнь компромиссна и сложена из множества зияющих противоречий. Потому что и сам человек бесконечен в своих возможностях «яко бог». Выход из этой антиномии только один: будь максимально бескомпромиссен к себе, максимально прощая других. Об этом и говорит Христос.

Учение Христа, бескомпромиссно отличное от мира, брошено тем не менее в самую гущу мирового хаоса и утверждено здесь вечным актом жертвы. Должно ли оно сочетаться с хаосом? Церковь говорит, что мир заквашивается актом жертвы. Мир постепенно обновляется, просветляется и так спасается. Но значит ли это что Церковь должна вступать с царем хаоса в законный брак? Между этими вещами огромная разница! Одно дело — пропускать через себя зло мира, смиренно принимая все, вплоть до смерти... Совсем другое — сочетаться со злом (пусть даже с лучшим его укротителем — князем

мира), надеясь таким образом победить зло. Здесь вопиющая двусмысленность! Она и рождает возмущенный вопль Толстого. Гениальным чутьем художника Толстой ощущает самый нерв болезни. Но ошибается в диагностике. Что и не мудрено. Он не профессиональный врач, он лекарь-самоучка. Пусть и гениальный художник, но совсем не философ. У него иной дар. Он обретает мощь и крылья, когда видит реальных людей и читает их души; когда же пытается мыслить абстрактно — провал следует за провалом.

В оправдание Толстого нужно сказать, что общий уровень культуры в его время чрезвычайно низок. Толстой одинок. Он видит вокруг себя лишь невежественных попов, которые повторяют свои съеденные молью благоглупости. Да и уровень богословия немногим выше. Возьмем хорошо известное нам «Слово о смерти» Игнатия Брянчанинова. На сотнях страниц решается вопрос о местоположении ада (делается вывод о нахождении его в центре земли), следуют глубокомысленные рассуждения о телесности ангелов и т. д. Христу же во всех этих ученых размышлениях места не находится. И все это конечно не может не вызывать возмущения совестливого человека.

Так же низок уровень науки и уровень самосознания интеллигенции. Все это находится в каком-то уже закипающем, но еще первичном бульоне. У Толстого просто нет достойных собеседников, нет среды, в которой могла бы развернуться его мысль. Он заперт в своей Ясной Поляне — как в келье, его окружение — скорее секта учеников. Не приходится говорить и о богословском уровне самого Толстого. Он, — прямо скажем, — никакой. О. Иннокентий Павлов совершенно справедливо говорит, что все ошибки Толстого — есть по сути ошибки его времени, уровня тогдашней науки, исторических знаний, уровня эпохи, над которой возвышался Толстой. Но есть, думается, и более глубокие, онтологические причины этой неудачи.

4. Великая неудача

Кто-то из философов серебряного века писал, что «Война и мир» — книга гениальная, но не великая. Она остается множеством гениальных проникновений в человеческие характеры и движения души, но в итоге не собирается в единое величественное здание. Не хватает какой-то последней грани, какой-то последней завершающей целостности, которая бы кристаллизовала все. Что если бы Толстому это удалось, он превзошел бы Гомера и любого из великих. Но ему не удается. И сам, видимо, интуитивно понимая это, Толстой раздражается в эпилоге потоком моралистических рассуждений. Вместо одной заключительной вспышки, шелчка, завершающего божественный космос, — невнятное бормотание на темы исторической необходимости, разрушающие к тому же целостность романа.

В то же время внутри главного романа Толстого есть сцены, в которых можно видеть глубочайшие проникновения в сердце веры. Вот, например, описание ощущений Пьера Безухова, поправляющегося после тяжелой болезни и плена: *«То самое, чем он прежде мучился, чего он искал постоянно,*

цели жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цель жизни теперь не случайно не существовала для него только в настоящую минуту, но он чувствовал, что ее нет и не может быть. И это-то отсутствие цели давало ему то полное, радостное сознание свободы, которое в это время составляло его счастье. Он не мог иметь цели, потому что он теперь имел веру, — не веру в какие-нибудь правила, или слова, или мысли, но веру в живого, всегда ощущаемого Бога. Прежде он искал его в целях, которые он ставил себе. Это искание цели было только искание Бога; и вдруг он узнал в своем плену не словами, не рассуждениями, но непосредственным чувством то, что ему давно уж говорила нянюшка: что Бог вот он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной. Он испытывал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя. Он всю жизнь свою смотрел куда-то, поверх голов окружающих людей, а надо было не напрягать глаз, а только смотреть перед собой».

Интуиции веры Толстого глубоко верны... Но какая-то последняя целостность ускользает от его взгляда, здание не складывается¹.

Толстому, кажется, вообще не даются *самые* корневые вещи (те, которые так точно умеет определять Достоевский). Толстой весь в движении жизни, в ее бурном потоке, играющем всеми цветами отраженного солнца (может, именно потому он инстинктивно и ищет опору в рационализме?) Однако конечные вещи (то глубинное онтологическое ядро вещей, в которое всегда устремлен взгляд Достоевского) ускользают от него. И ускользают, может быть, именно потому, что он не смиряется перед тайной, перед туманом *дао*, перед «мраком Бога». Толстой с раздражением рассеивает всякий туман, который скрывает от его глаз простую и ясную правду. Но, возможно, в этом тумане и было сокрыто то главное, пронизывающее мир своим тусклым безжизненным светом. У Толстого есть свой свет. Но он включается, лишь когда писатель обращается к конкретному человеку (свет художественной формы). Когда же ему приходится оперировать абстракциями, он оказывается в мертвом холодном пространстве позитивизма. Ничего дурного в этом нет. Теория была ненавистна и Пушкину, но у Пушкина была мудрость не мыслить отвлеченно. А Толстой покусился...

Вообще, такое ощущение, что двум нашим великим глыбам — Достоевскому и Толстому достались в наследство от Пушкина одному вся глубина (сердце), а другому вся форма (видение играющего всеми красками бытия). Единственным достойным собеседником Толстого мог быть только Досто-

¹ Первый религиозный кризис самого Толстого рождается именно в это время. Первый мучительный приступ отчаяния и ужаса перед смертью Толстой переживает вскоре после окончания работы над «Войной и миром» (в сентябре 1869 года, по дороге в Пензенскую губернию) и позднее опишет его в рассказе «Записки сумасшедшего» (1884 – 1886).

евский. Как два идеальных полюса они могли поддержать «магнитное поле» страны, сохраняя ее от крушения. Но... как не увидели друг друга Серафим и Пушкин (две руки Бога), так же сторонились друг друга Достоевский и Толстой... И здесь вечная беда и корень трагедии России — ее вечного полярного раскола...

5. Великая неудача (продолжение)

Говоря о причинах неудачи Толстого, необходимо сделать еще два коротких замечания. Во-первых, хочется вспомнить слова епископа Антонина Грановского, обращенные к Александру Введенскому, лидеру движения за обновление Церкви 1920 — 1930-х годов: *«Обновление надо делать чистыми руками. Себя прежде обновить надо»*. Искреннего в своих порывах Введенского часто заносило слишком далеко за этические границы. Столь же неоднозначен в своем справедливом возмущении и порыве был и Толстой, соорудивший из своего *«не противься злumu»* настоящий железный таран для сокрушения церквей и правительств. А между тем само это «непротивление» уже существует, уже высказано и выражено в идеальной совершенной классической форме. Где же? Семен Франк указывает нам на единственного русского писателя, сумевшего дать «идеальный ответ на зло» — на Пушкина.

По Франку, уникальность Пушкина в том, что он никогда не пытается изменить мир, принимая его таким, как он есть, и приветствуя «своего брата» в каждом мирском воплощении. Универсализм Пушкина не только в способности перевоплощаться и чутко воспринимать иные культуры (как понимал это Достоевский), но в духовной открытости всем без исключения впечатлениям бытия: *«Душа его раскрыта для радостей жизни и для мрачного уныния и тоски, для гармонии и для дисгармонии в жизни, для диких, безумных страстей и мудрого стоического спокойствия, для одиночества и для общения, для аристократической утонченности и для простоты народной жизни, эпикуреизма и жертвенного героизма, для квиетизма и для творческой энергии, для гордости и для смирения, для непреклонного отстаивания свободы и для мудрого понимания смысла власти и подчинения»*².

Пушкин, по мысли Франка, понял (через сознание того, что все сущее несет отпечаток божественного и требует любви), что проблема зла не может быть решена путем его «устранения», но лишь путем его мужественного принятия как части своей вины, преодоления и угашения его в своем собственном духе (ибо центр зла расположен всюду в павшем мире, в том числе «в моем собственном бытии»). Он был единственным в русской литературе, принимающим *«дьявола рядом с пайой»*³. В его душе одинаково оправ-

² См.: Франк С. О задачах познания Пушкина. — В сб. Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. — М., 1990.

³ Франк С. Пушкин и духовный путь России. — В кн.: Досье: Приложение к «Литературной газете». 1990. Июнь (Мир Пушкина).

даны нравственная и блудная жизнь, поскольку та и другая приводят к возвращению домой и религиозному восхождению. Вооруженный таким смиренным всеприятием, Пушкин встречал зло щитом «мудрого невежества» и оставался невредимым: новое познание зла не обременяло его.

Однако после Пушкина, говорит Франк, русская литература покусилась на «борьбу со злом». На искушение зла Гоголь и Достоевский ответили объявлением войны злу, и их ответ обратился в демонический бунт против мира и его Творца (поскольку ни во что иное не может обратиться не пронизанное любовью и пребывающее только в чистом гневе и ненависти возмущение). Так, начиная с Гоголя русская литература, подняв знамена борьбы со злом, пошла по пути возмущения зла в мире. Видя свою задачу в разоблачении зла и борьбе с ним, она никогда не способна была принять как должное несовершенство мира. Это негодование на мировое зло и проложило, в конце концов, путь большевизму⁴.

Остается добавить, что знамя борьбы со злом, поднятое гениальной русской литературой, подхватила русская интеллигенция, отнюдь не отличающаяся гениальностью, неизбежно еще более редуцируя и опошляя его пафос, сводя его к одной лишь политической борьбе. Пройдя путем быстрой моральной деградации (о трагедии русской интеллигенции прекрасно писал Г. Федотов в работах «В защиту этики» и «Трагедия русской интеллигенции»), интеллигенция неизбежно кончила Лениным. В сущности, единственное, на что она оказалась способна, — открыть ворота большевизму.

Живым и чистым «зеркалом русской революции» стал, несомненно, и Толстой. На излете русской классической литературы он заново открыл «непротивление». Но, напоенный всеми ядами и испарениями русской жизни, не выдержал груза своего открытия, превратил его (абсолют «непротивления» плюс абсолют возмущения) в настоящую взрывчатку, которой не доставало только запала. Таким запалом и стало отлучение Толстого, расколовшее Россию пополам.

А теперь обратимся к истории этого отлучения, чтобы найти в ней недостающие звенья нашей цепи.

⁴ «Русское сознание тотчас же после Пушкина пошло — первоначально и в самых глубоких своих выражениях тоже по религиозным мотивам — по пути негодования на мировое зло, обличения зла и борьбы с ним (Гоголь, Лермонтов, Достоевский). Оно все стоит под знаком проблемы теодицеи. Оно мучится невыносимым и неразрешимым противоречием между несовершенством эмпирического мира и идеалом Божьей правды, Божьим замыслом мира. Оно все проникнуто мировой скорбью... и духом борьбы за правду. Совсем иначе Пушкин. <...> основная, определяющая религиозно-метафизическая установка Пушкина — иная: это установка сочувствия всему живому на земле, или, пользуясь его собственным термином, «благоволения»» (Франк С. Пушкин и духовный путь России).

6. История отлучения

В конце февраля 1901 года Российское телеграфное агентство сообщило об отлучении от Православной церкви известного писателя Льва Толстого. Новость мгновенно облетела мир, дав пищу мировым газетам и журналам на многие месяцы. Хотя в Российской империи специальным правительственным циркуляром запрещалось печатать известия, выражающие сочувствие писателю, новость горячо обсуждалась в каждом русском доме — от царских палат до крестьянских лачуг, где были хорошо известны двухкопеечные издания толстовского «Посредника». Вся Россия раскололась на два непримиримых лагеря — сочувствующих Толстому и проклиняющих его.

Что стояло за этими событиями? Идея отлучения возникла в Синоде еще в 1880-е годы, когда Толстой только развернул знамена своего похода против официальной церкви. Однако Александр III на предложение Синода, как говорят, заметил: «Ну уж нет; мученического венца я на него не надену». Тем дело и кончилось.

После смерти Александра III обер-прокурор Синода К. Победоносцев вновь начинает говорить о необходимости отлучения Толстого. Власть еще колебалась, но дело решил выход в свет в 1899 году романа «Воскресение», исполненного беспощадного обличительного пафоса. Лицемерие и ложь церковных обрядов есть отражение лжи и лицемерия всего уклада государственной жизни, утверждал Толстой своим романом, в героях которого легко узнавались известные лица. Сам Победоносцев был выведен тут в образе крайне отвратительного типа по фамилии Топоров. Вся российская действительность представлялась Толстому «живым трупом» (драма с таким названием будет написана годом позже), а единственным выходом из тупика оставалось «разрушить эту пакость» (говоря словами героя той же пьесы). Определенно, враг насилия и поборник непротивления Толстой звал к «ниспровержению основ». Этот метафизический парадокс должен был получить свое разрешение, и ответ не замедлил себя ждать.

В 1900 году первоприсутствующим в Синоде стал давний недоброжелатель Толстого митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский). Он и оказался главным инициатором отлучения. Похоже, что сам Победоносцев к этому времени уже начал сомневаться в целесообразности отлучения, полагая, что *«в складывающейся внутривластной ситуации такой акт будет воспринят как правительственная демонстрация, а не как давно ожидаемая верующими мера церковного воздействия»*⁵.

Однако Антоний настоял. *«Теперь в Синоде все пришли к мысли о необходимости обнародования в “Церковных Ведомостях” синодального суждения о графе Толстом»*, — писал он 11 февраля 1901 года обер-прокурору. Побе-

⁵ Фирсов С. Горький юбилей. К 100-летию со времени отлучения от Церкви Льва Толстого//НГ-Религии — 2001, № 5 (76).

доносцев сам написал первоначальный текст Определения; Антоний отредактировал его: смягчил тон и придал документу характер констатации самостоятельного отпадения Толстого от Церкви. Похоже, что императора не особо посвящали во все эти дела. Как явствует из письма Победоносцева от 25 февраля 1901 года Николаю II, окончательная редакция, согласование и сама публикация прошли мимо ведения государя. Победоносцеву приходится отвечать на негодование того относительно факта публикации Определения без высочайшего согласия. Победоносцев же напоминает императору, что неделю назад *«докладывал, что Синод вынужден к сему смутно, происходящую в народе, и многочисленными просьбами о том, чтобы высшая церковная власть сказала свое слово; что послание составляется в кратком и примирительном духе, о чем прилагается забота»*.

Из всего этого можно сделать вывод, что отлучение было личным предприятием Антония. Победоносцев, видя решимость разгневанных архиереев, «умыл руки», в тайне довольный таким исходом дела. Царя же старались особо не посвящать во избежание ненужных сбоев.

«Определение и послание Святейшего Правительствующего Синода о графе Льве Толстом» от 20–22 февраля (ст. ст.) 1901 года за подписью семи архиереев было опубликовано 24 февраля 1901 года в официальном органе Синода — журнале «Церковные Ведомости» и на следующий день распространено во всех основных газетах России.

Приведем полностью текст Определения:

Святейший Синод в своем попечении о чадах православной церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имел суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать, чрез напечатание в «Церковных Ведомостях», нижеследующее свое послание.

Посланию предпосылалась цитата из послания Павла Римлянам: «Молю вы, братие, блюдитесь от творящих, распри и раздоры, кроме учения, ему же вы научитесь, и уклонитесь от них» (Рим 16:17). Далее Определение гласило:

Изначала Церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях, утверждающихся на вере во Христа, Сына Бога Живаго. Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть Церкви святой, которая пребудет неодоленною вовеки. И в наши дни, Божиим попущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние,

явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь святая.

В своих сочинениях и письмах, в множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого Отечества нашего, он проповедует, с ревностью фанатика, ниспровержение всех догматов православной Церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живаго Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человеков и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает бессеменное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождества и по рождестве Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святаго Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнулся подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию. Все сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем неприкровоенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отторг себя сам от всякого общения с Церковью православною.

Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствуем пред всю Церковию к утверждению православных и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он, в конце дней своих, остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2 Тим. 2:25). Молимся, милосердый Господи, не хотяи смерти грешных, услыши и помилуй и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Нельзя не отметить взвешенность формулировок Синода, немало контрастирующих с гневным обличительным тоном самого Толстого (вспомним хотя бы письмо царю о Победоносцеве). Кстати, и анафема Толстому, вопреки расхожему мнению, официально не была провозглашена. С другой стороны, по-

нятно, что Синод, за которым стояла вся мощь государства, мог позволить себе быть холодно-сдержанным. Героическому же одиночке Толстому в его схватке с государством и Церковью оставалось лишь вызывать огонь на себя.

7. Последствия отлучения

Справедливы ли были обвинения Синода по адресу Толстого? Сам он в своем ответе на Определение Синода писал: *«То, что я отрекся от Церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо... То, что я отвергаю непонятную троицу и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную историю о боге, родившемся от девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо».*

С той же неумолимой последовательностью Толстой отвергал Божество Христа, почитание Божией Матери, крещение младенцев, прощение грехов на исповеди и прочие таинства Церкви, которые называл не иначе как *«низменным, грубым колдовством».* То же колдовство он видел в елеосвящении и миропомазании, в почитании икон и мощей. Причастие называл обоготворением плоти. Отвергал допущение разводов и освящение браков разведенных. Священников сравнивал с разбойником, который *«убивает целую семью... чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денег»*, и отзывался о них не иначе как об обманщиках, движимых выгодой и жадной наживы.

На все попытки убедить Толстого примириться с церковью и умереть православным он отвечал категорично: *«О примирении речи быть не может. Я умираю без всякой вражды или зла, а что такое церковь? Какое может быть примирение с таким неопределенным предметом?»*⁶ Незадолго до смерти, 22 января 1909 года, после визита тульского архиерея Парфения, он пишет в своем дневнике: *«повторяю, что возвратиться к церкви, причаститься перед смертью, я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки. И потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь. <...> Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы не воняло».*

Как видим, Победоносцев имел все основания писать Толстому: *«Ваша вера одна, а моя и церковная другая,.. наш Христос — не Ваш Христос...»* Обратившись же к собственному религиозному учению Льва Николаевича, мы, пожалуй, убедимся, что крайний радикализм и пафос отрицания всего, что не укладывается в прокрустово ложе его рационализма, могут поспорить и с «реакционностью» самого Победоносцева.

Каковы же оказались последствия отлучения? Правительственными и черносотенными публицистами, многими горячими головами на пространстве необъятной Руси «Определение» Синода было воспринято как коман-

⁶ Толстая С. Дневники (1897 – 1909).

да начать травлю писателя. «Тебя давно ждет виселица», «Смерть на носу», «Еретиков нужно убивать», «Теперь ты предан анафеме и пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты, старый черт... проклят будь!» — писали Толстому защитники церкви и престола. Некая Маркова из Москвы прислала в Ясную Поляну посылку с веревкой и сопроводительным письмом: «*Не утруждая правительство, можете сделать сами, нетрудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи*». И подпись «*русская мать*». В «Тульских Епархиальных Ведомостях» появилась заметка члена «Союза русского народа» А. Сопощко под заголовком «Замечательное явление с портретом графа Л. Н. Толстого»: «*Многими лицами и в том числе пишущим сии строки замечено удивительное явление с портретом Л. Н. Толстого. После отлучения Толстого от церкви определением богоучрежденной власти выражение лица графа Толстого приняло чисто сатанинский облик: стало не только злобно, но свирепо и угрюмо... Впечатление, получаемое от портрета гр. Толстого, объяснимо только присутствием около его портретов нечистой силы (бесов и их начальника дьявола), которым усердно послужил во вред человечеству трехкоаянный граф*».

«Из монастыря Глинская пустынь сообщали о злободневной картине, написанной на монастырской стене и изображающей графа Л. Н. Толстого, окруженного многочисленными грешниками. Изображение старика в блузе и шляпе сопровождалось следующим комментарием: «*Искоренитель религии и брачных союзов*». Возле картины, как сообщалось, то и дело толпятся богомольцы, а кто-нибудь из братии с пафосом дает соответствующие разъяснения: «— *Еретик он и богоненавистник! И куда смотрят! Рази так нужно? В пушку бы его зарядил — и бах! Лети к нехристям, за границу, графишка куцый!*»

И проповедь имеет успех. Из соседнего села Шальгина приходил к игумену крестыания-мясник и просил благословения на великий подвиг:

— *Пойду я к старику тому, разрушителю браков, — рассказывал крестьянин свой план, — как будто за советом, а там выхвачу нож из-за голенища, и — кончено!..*

— *Ревность твоя угодна богу, — ответил игумен, — а благословения не дам, потому, все-таки, придется отвечать...»*

Сплошной поток проклятий и угроз не прекращался до самой смерти Толстого. 14 июля 1908 года, в преддверие 80-летнего юбилея великого писателя московская газета «Новости дня» опубликовала молитву, будто бы сочиненную самим о. Иоанном Кронштадтским: «*Господи, умиротвори Россию ради церкви Твоей, ради нищих людей Твоих, прекрати мятеж и революцию, возьми с земли хулителя Твоего, злейшего и нераскаянного Льва Толстого и всех его горячих последователей...»*

В то же время со всех концов мира в Ясную Поляну летели письма и телеграммы с выражением горячей поддержки писателю, по городам России прокатились многолюдные демонстрации в его честь. Прошла волна открытых демонстративных заявлений о выходе из православия. В Париже в поддержку Толстого был издан публицистический сборник «Перо» (La Plume), в кото-

ром о своей солидарности заявили Золя, Метерлинк и многие другие известные литераторы.

Впреки ожиданиям Синода отлучение привело к необычайному распространению и популярности толстовских идей, что вынужден был признать в конце концов и сам Победоносцев. Было немало людей, особенно близких к власти, которым дело представлялось в достаточно ясном свете. В письме юрисконсульта кабинета Его Величества Н. А. Лебедева вполне ясно расставлены все точки над «i» :

«Прочитал сейчас указ Синода о Толстом. Что за глупость. Что за удовлетворение личного мщения. Ведь ясно, что это дело рук Победоносцева и что это он мстит Толстому... Теперь что же. Может быть, десятки тысяч читали запрещенные произведения Толстого в России, а теперь будут читать сотни тысяч... По смерти похоронят Толстого, как мученика за идею. На могилу его будут ходить на поклонение... Что меня огорчает, так это отсутствие в епископах духа любви и применения истин христианства... Они наряжаются в богатые одежды, упиваются и объедаются, наживают капиталы, будучи монахами, забывают о бедных и нуждающихся... Удалились от народа, построили дворцы, забыли келии, в которых жили Антонии и Феодосии... служат соблазном своим распутством... “Дом мой домом молитвы наречется”, они же сделали его вертепом разбойников... Все это горько и прискорбно...»

И все же возникает вопрос: зачем потребовалось Синоду отлучать Толстого? Неужели не нашлось людей, способных представить себе всех оглушительных последствий этого шага? Существует даже остроумное предположение, будто бюрократическая машина Русской церкви просто забуксовала перед дилеммой: как хоронить Толстого в случае его смерти. Да, действительно, неудобность и неопределенность — самая страшная вещь для бюрократа — вполне могли сыграть в истории отлучения решающую роль. Но все же вспомним, что зимою 1899 года, когда Толстой серьезно заболел, Синод уже издавал секретный циркуляр, в котором предписывал ввиду совершенного отпадения Толстого от Церкви отказать ему в погребении по церковным канонам. То есть решение в принципе было. На этом можно было бы и успокоиться. И все же вздумали дожать...

При этом самого митрополита Антония Вадковского вовсе нельзя назвать ни узким мракобесом, ни сановным вельможей (тем традиционным типом русского архиерея, который рисует в своем письме А. Лебедев). Это был человек во многом замечательный и незаурядный. Блестящий ученый-богослов, в молодости он вступил в брак с женщиной неизлечимо больной туберкулезом. Вскоре овдовев и потеряв двоих детей, молодой многообещающий ученый, статский советник, становится монахом и на духовном поприще совершает стремительную карьеру. Уже через несколько лет по протекции Победоносцева он становится ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии, рукополагается в епископы, входит в состав Святейшего Синода. И при этом ведет аскетический образ жизни, тратит огромные средства

на благотворительность. Антоний был принципиальным противником политической деятельности духовенства. Настаивал на исключении из законодательства формулировки «господствующая Церковь», полагая, что господство — нехристианская идея. Черносотенцы считали Антония отъявленным либералом, а будущие обновленцы — своим. Сам же владыка был человеком, несомненно, искренне болеющим за Церковь и при этом довольно широким взглядом. В деле Толстого им, вероятно, овладело искреннее негодование на слишком откровенные демарши писателя, искусно подогретое митрополитом Антонием Храповицким, человеком гораздо более консервативным. Дело Толстого могло принять принципиальный характер еще и вот по какой причине. Антоний был сторонником большей независимости Синода от государственной власти. Целесообразно или нет было отлучение Толстого с точки зрения политического момента и государственных интересов, но мятежный граф слишком откровенно заявил о себе как враге Церкви, — считал владыка Антоний, — и достоинство Церкви требовало адекватного ответа. Таким образом, «дело Толстого» становилось манифестом свободолюбивых амбиций Церкви и ее претензий на независимость в отношениях с государством. Вероятно, Победоносцев, более трезво оценивавший политическую обстановку, но при этом искренне симпатизировавший Антонию, понял его ревность и отступился, не желая ее отягощать. Шаткие мостки «симфонии», подточенные вековыми обидами Церкви на власть, мог бы поддерживать царь своей державной волей. И у Александра III хватило бы, конечно, ума и государственной мудрости осадить слишком опасную в данном случае ревность церковников. Но Николай II дарами своего отца не обладавший (к тому же с детства находившийся под гипнотическим влиянием Победоносцева), успокоенный мягкостью «определения» только махнул рукой. Что же до способных людей с воображением, то и на этот вопрос, увы, кажется, нетрудно ответить. «Безмолвное стадо» русских архиереев, даже если и были среди них разумные люди, способные представить себе последствия этого шага, просто не имела смелости подать голос.

Вероятнее же всего, причины произошедшего родственны русскому фатализму, русской судьбе, характеру самого Толстого и опасным поворотам русской души. Толстой задел самый болезненный нерв государственного бытия Церкви, невыносимо колот глаз своей «правдой». Причем делал это предельно неуклюже, выбирая самую неудачную форму, самый невозможный стиль, подставлялся как мог... В итоге, как и самому Толстому, Синоду не хватило пушкинской мудрости, христианского духа, — а в этом ведь и состоял весь вопрос! Вся эта история представляется чистой воды русской бешовщиной. Один бес подмывал Толстого, другой (или тот же самый) Победоносцева и Синод. Совместными усилиями, качнув сначала в одну, а затем в другую сторону, им удалось надломить основание, духовное тело страны не выдержало перегрузок. Зеркало треснуло.

Во всем этом есть какой-то трагический фатальный русский исход. Вспоминаются дуэль Пушкина с его *«чем кровавее — тем лучше»*... Чаада-

ев с его холодной самоубийственной решимостью (высказать все, во что бы то ни стало!)... Ищущий смерти Лермонтов... Катастрофическое столкновение Гоголя с Белинским... Это что-то темное, поднимающееся со дна русской души, окутывающий ее злой морок... Идущее вероятно от обреченности, от перекрытости всех путей, возможностей, от непрошибаемости всех стен — бессмысленно, отчаянно и беспощадно...

Но и ныне подлинные последствия этих событий едва ли в полной мере осознаны. Сегодня исследователи признают, что отлучение Толстого раскололо страну сверху донизу — от царских палат до крестьянских лачуг и, добавим мы, — стало генеральной репетицией Гражданской войны.

Толстого внимательно прочитал и немало почерпнул из него Ленин. Не без его деятельного участия это великое «зеркало русской души» (зеркало духовной Софии-Церкви) превратилось в «зеркало русской революции»... Зеркало Толстого могло стать щитом против демонов революции. В нем мог отразиться и исчезнуть василиск искушающего Россию зла. Увы, этого не произошло. Толстому не хватило пушкинской мудрости. Но кому же ее хватило?

Сохранилось письмо, в котором инициатор отлучения Толстого митр. Антоний отвечает своему корреспонденту, заявляющему, что определение Синода послужит «разрушению Церкви». Антоний, отвечая довольно натужно и желая перевести все в шутку, заключает: *«Первоначальный трагизм заменился, пожалуй, комизмом, а победа будет все же на стороне церкви»*. Очень скоро Антонию придется убедиться в том, как он ошибся. Конечно, не погрязшему в интригах бюрократическому Синоду было судить Толстого! Справедливо писал Василий Розанов: *«Толстой, при полной наличности ужасных и преступных его заблуждений, ошибок и дерзких слов, есть огромное религиозное явление, может быть, величайший феномен религиозной русской истории за 19 веков, хотя и искаженный. Но дуб, криво выросший, есть, однако, дуб, и не его судить механически формальному "учреждению"... Акт этот потряс веру русскую более, чем учение Толстого»*⁷.

Вопрос о Толстом нужно было смиренно оставлять на суд истории. Толстой был истинной душой России. А отлучение «души» от «тела» ни для кого еще не проходило безнаказанно. «Симфония» русской власти отразилась в зеркале Толстого трагическим расколом. Зеркало треснуло. И сквозь его трещину вошли в нашу историю демоны большевизма, которым Божьим попушением суждено было вскоре отлучить от власти и саму Русскую церковь...

8. Второе отлучение

Но то, о чем говорим мы, — отнюдь не только история. Наше сегодня (хотя и не видно в нем новых Толстых и Достоевских) ничем в сущности не отличается от нашего вчера. И сегодня вокруг все те же самые искушения

⁷ Розанов В. Об отлучении гр. Л. Толстого от Церкви. — В кн. Розанов В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.

и все то же самое зло. И — неизбежно приближающаяся развязка. Многие уже говорят о пространстве «опасных дат», в которое мы вступаем. Одна из них — столетие со смерти Толстого, накануне которого многие журналисты на Западе с удивлением замечали, что упоминание имени Толстого стало неполиткорректным в современной России. Утверждали, что имя Льва Толстого оказалось вычеркнуто из списка национальных «икон», что великий писатель стал в России «неличностью» по Оруэллу и называли происходящее «вторым отлучением».

Действительно, широко отмечаемое во всем мире столетие со дня смерти Толстого российской властью и истеблишментом было совершенно проигнорировано. Это и не удивительно. Анархист, воюющий с церковью, призывающий к упразднению государства, говорящий о безнравственности всякого патриотизма, — Толстой и сегодня остается слишком неудобен, слишком опасен.

В 2009 году, в рамках судебного дела о ликвидации местной религиозной организации «Свидетелей Иеговы», была проведена судебная экспертиза, в заключении которой фигурировала цитата из «Ответа Синоду» Льва Толстого: *«Я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения»*. Эта фраза была охарактеризована экспертами как *«формирующая негативное отношение к Русской православной Церкви»*, что делало Л. Н. Толстого подпадающим под закон об экстремизме... Это уже пахнет безумием. Но на самом деле есть лишь чистое зеркало нашей сегодняшней реальности...

Что ж, пора подводить итоги. В чем же было значение похода Толстого? Толстой гениальным чутьем художника ясно увидел самый нерв трагедии, всю неправду исторического бытия Церкви. Увидел то, мимо чего полторы тысячи лет проходили, не замечая, Августины, Максимы, Дамаскины, Фомы, Лютеры... Увидел, возмутился сердцем, но... так и не смог дать правильный ответ, надорвавшись своим знанием и болью. Он возмутился духом и с такой горячностью вступился за чистоту христианства, униженного тысячелетним имперским пленом, что выбросил из него практически все, включая Самого Христа-Бога, оставив один лишь кантовский моральный императив. Только вместо протестантско-кантовской «честности» у него вышло чисто русское кенотически-православное «непротивление». И это непротивление он поднял как флаг своей одинокой борьбы с государством и церковью.

Поход Толстого кончился неудачей. И ничего удивительного в этом, конечно, нет. Все бытие человека на земле есть одна великая неудача. Об этом — трагедия Адама, трагедия Христа. Но значение Толстого при всей его неудаче огромно. Одинокой глыбой он возвышается в самом начале катастрофического XX века, отбрасывая на него свою колоссальную тень. Все революции XX века (включая революцию хиппи), все народно-

освободительные движения, все социалистические, анархические, демократические утопии существуют во многом в тени этой тени. Только два имени: Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг, два прямых вывода из Толстого, — определяют его колоссальное значение. Освобождение целых рас и континентов, либерализация, деэлитизация общества и все то, что входит в комплекс проблем, образуемых отношениями Церкви и государства, — все это было бы просто невозможно без похода Толстого. Можно не сомневаться, что и дальше значение Толстого будет только расти.

Но что может сулить нам сегодня «второе отлучение» Толстого? Несмотря на то, что нынешние школьники едва помнят, кто такая Анна Каренина, а современному обывателю покажется смешным даже самый конфликт знаменитого романа, имя Толстого для нас гораздо больше чем символ. Если и была у России всемирная миссия, то исполнила ее не Российская империя и не Русская церковь, а великая русская литература. Толстой и Достоевский — два ее могучих крыла, и лететь на одном у русской «Птицы-Тройки» вряд ли получится. И если конфликт Толстого с Церковью не будет честно осмыслен и разрешен сегодня, то завтра, скорей всего, нас снова будут ждать великие потрясения.

«ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

К предстоящему возвращению Льва Толстого в христианско-общественный дискурс

Так повелось, что о великих людях Земли Российской у нас вспоминают не иначе, как в связи с их юбилеями. Вот, исполнилось в 1999 году 200 лет Пушкину, и стал он ненадолго «нашим всем», — пока осваивались юбилейные бюджеты. Далее этот ряд продолжили Гоголь и Чехов. А вот с Толстым этот номер не прошел. Хотя его юбилей был бы менее всего затратным. Толстовская фильмотека настолько богата, разнообразна, а главное — качественна, что ее надолго бы хватило для прокрутки по ТВ на радость российскому культурному слою из старшего поколения и для просвещения подрастающего. Однако этого не произошло. Владимир Можегов назвал такую ситуацию «вторым отлучением Льва Толстого»¹ и даже не стал уточнять, от чего теперь Толстого отлучили. Но, думаю, что прежде всего именно от российского ТВ, безусловно заменяющего у нас церковь, если иметь в виду ту ее социальную и культурную функцию, которая какой-никакой существовала еще в допетровскую пору, но давно уже исчезла в эпоху Толстого, а в наши дни и подавно отсутствует, как бы кому-то ни хотелось обратного и чего бы ни говорили в связи с этим функционеры РПЦ.

Почему Толстой снова «отлучен», писали многие, в т. ч. и автор этих строк, поскольку в печатных и сетевых СМИ, которыми в основном пользуется нынешний российский культурный слой, тема Толстого и отсутствие официоза в связи со 100-летием со дня его кончины как раз были отмечены, причем достаточно представительно. Не стану повторять сказанное в юбилейные дни. Толстой нынешним «вершителям судеб» России, безусловно, неудобен. Это в советское время можно было отделять по ленинскому ре-

¹ См. статью Можегова в «НГ-религиях», № 20, 17.11.2010, а также его обзор в разделе «Религия» настоящего номера.

**Иннокентий
ПАВЛОВ**

— родился в 1952 г. в Москве. Окончил Ленинградскую Духовную академию. Кандидат богословия. Преподает в Библейско-богословском институте св. ап. Андрея. В ноябре 2003 года принят в юрисдикцию Православной Церкви России (Истинно-Православной Церкви); секретарь Священного Синода ИПЦ. Автор книг «Библейская энциклопедия» и «Что такое христианство?», а также целого ряда работ по истории Церкви и статей на церковно-общественные темы, печатавшихся в русских и зарубежных журналах и газетах. Живет в Москве.

цепту «самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок» от «культу-
вирования самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».
Теперь же Толстого пришлось бы воспринимать целиком — и с его неорто-
доксальным христианством (и это при насаждении в школах пресловутых
ОПК), и с выросшей из него доктриной о ненасильственном сопротивле-
нии общественному злу, успешно реализованной Махатмой Ганди и Марти-
ном Лютером Кингом. Уверен, что последняя нынешней российской «эли-
те» особенно неприятна.

Правда, в тот прежний мой обзор на Портале «Кредо»² не успели вой-
ти материалы о Толстом, принадлежащие известным церковным интеллек-
туалам — священнику Георгию Кочеткову и исследователю Валентину Ни-
китину. Скажу прямо, эти публикации меня сильно разочаровали, посколь-
ку их цель оказалась та же, что была обозначена ранее церковным официо-
зом, — «закрыть» тему Толстого как христианского мыслителя.

Так, о. Георгий, заявивший было в начале своего интервью, что не следу-
ет «различать отношение к творчеству писателя и к нему самому», не нашел
ничего лучшего, как сказать далее о религиозных произведениях Толстого,
что «они не представляют собой особой литературной, а потому и духовной ценно-
сти», а затем весьма опрометчиво добавить, что «религиозная мысль Толсто-
го не была великой, а была, скорее, довольно слабой»³.

Никитин, в свою очередь, поддался известному искушению и вслед мно-
гим своим предшественникам поспешил увязать христианскую мысль зре-
лого (старше 55-ти лет) Толстого, его юношеские увлечения идеями Рус-
со и заявленное 27-летним писателем желание посвятить жизнь «основа-
нию новой религии, очищенной от веры и таинственности, религии практи-
ческой, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на зем-
ле». Затем из сказанного ранним Толстым Никитин сделал, на мой взгляд,
совершенно некогерентный вывод, а именно: «В этих словах, написанных в
1855 году, ясно сформулирована задача, вдохновившая впоследствии российских
коммунистов, особенно лидеров большевицкой фракции РСДРП, на воинствующий
атеизм и гонения на Церковь. Не случайно В. И. Ленин, ненавидевший ду-
ховенство, так превозносил Толстого, которого справедливо назвал “зеркалом
русской революции”»⁴.

² *Игумен Иннокентий (Павлов)*. Толстовские юбилеи. <http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=news&type=archive&day=13&month=12&year=2010&id=81374>

³ «Если бы не было проповеди непротивленчества Толстого, большевики бы не удержались в нашей стране». Интервью с ректором Свято-Филаретовского института профессором, священником Георгием Кочетковым. <http://predanie.org/content/view/1289/16/>.

⁴ *Никитин В.* Отлучение Льва Толстого от Церкви как урок и предостережение. Патриарх Кирилл и Синод РПЦ МП имеют канонические полномочия отменить Синодальный «акт об отпадении» писателя. <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1223>.

Следует сразу заметить, что выделенные в качестве цитаты слова Толстого даны Валентином Никитиным с существенными опущениями. Посему в своем месте мне придется полностью воспроизвести толстовскую дневниковую запись, благо она невелика, чтобы иметь отправную точку во взгляде на Толстого как на христианского мыслителя. Пока же обратимся к столь полюбившейся нынешним церковным авторам паре Толстой — Ленин⁵, в связи с тем, что написал Никитин. Понятно, что евангельское блаженство, а именно его имел в виду Толстой, весьма далеко отстоит от элементарного консюмеризма (удовлетворения самых насущных потребностей трудящихся), начертанного на знаменах марксизма.

Другое дело, что люди того поколения, к которому принадлежат и о. Г. Кочетков, и В. Никитин, и автор этих строк, свое знакомство с творчеством Толстого, еще сидя на школьной парте, начинали не иначе, как с буквального заучивания двух ленинских статей о Толстом, — написанных отнюдь не «вождем революции», а всего лишь посредственным лево-радикальным публицистом, соответственно, в 1908 (к 80-летию великого писателя) и в 1910 году (уже в качестве некролога по нему)⁶. Первую из них, уже в самом названии которой встречается ставшее затем крылатым определение, следует хорошенько припомнить, дабы критически оценить давно утративший свою «сакральность» ленинский текст и попробовать уяснить: чего же «зеркалом» был Толстой, да и был ли он им, вообще. Однако историко-критического разбора здесь прежде всего требует сам термин «русская революция», которым в 1908 году оперировал Ленин. Позднее он превратится в «Первую русскую революцию», тогда как два переворота 1917 года уже практически при Сталине, а именно в 1927 году, станут именовать «Февральской буржуазно-демократической» и «Великой Октябрьской Социалистической Революцией», соответственно. То, что имело место в 1905 — 1907 годах, к революции имеет довольно далекое отношение, поскольку в той смуте (надо заметить, официальный тогдашний термин *краснола* подходит здесь куда более) не было ни по-настоящему революционной идеи, ни движущего революционного социального слоя, а были лишь всплески глубоко сидящих в сознании немалого числа российского крестьянства и некоторой части рабочих криминальных настроений, которые большевики пытались, причем совершенно неудачно для себя, оседлать. Ленин и его последователи не были первыми в нашей стране, кто вину за собственные неудачи готовы свалить на кого угодно, только бы не увидеть причину в самих себе. Вот и стал Толстой «зеркалом русской революции», имея в виду ее поражение. В связи с этим Ленин в той первой своей

⁵ См: *Ткаченко А.* Лев Толстой и Церковь: война без мира? — «Фома», 2010, № 11; *Тихон (Шевкунов), архим.* Ответ президенту Российского книжного союза С. В. Степашину. — «Российская газета», № 5339, 18 ноября 2010.

⁶ *Ленин Н.* Лев Толстой как зеркало русской революции. — «Пролетарий», № 35, 1908; *его же,* Лев Толстой. — «Социал-демократ», № 18, 1910.

юбилейной статье о Толстом написал среди прочего буквально следующее: «Толстовские идеи, это — зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусости “хозяйственного мужичка”». Однако зададимся вопросом: а не слишком ли много чести захотел Ильич для «нашего крестьянского восстания»? Ведь свои христианско-общественные идеи Толстой стал формулировать задолго до российской крамолы начала XX века. И вовсе не в связи с мифической «заскорузлой трусостью» столь нелюбимого большевиками «хозяйственного мужичка». Да и сам тот мужичок, за весьма редкими исключениями, о них ведать не ведал.

Но в том-то и дело, что Толстой первым из всемирно значимых мыслителей стал отдавать себе отчет в том, что насильственное преобразование общества, под каким бы знаменем оно ни осуществлялось, в условиях общей гуманизации общественного сознания ни к чему хорошему привести не может и способно лишь породить новые тирании, куда худшие ввиду их лицемерности, чем прежние «традиционные». И не это ли Россия демонстрировала весь оставшийся XX век и еще продолжает демонстрировать? Вот и выходит, что все «русские революции» по сути таковыми не были. Февральско-мартовский переворот 1917 года не стал «буржуазно-демократической» революцией именно в виду крайней слабости российской буржуазии, точнее гражданского общества⁷, способного отстоять демократические ценности и институты. Это и позволило осуществить тот самый большевицкий Октябрьский переворот, когда под лозунгами радикальных социальных преобразований к власти пришел уже откровенно криминальный режим национальной измены.

И опять же виноват, оказывается, Толстой! Вот что в связи с этим говорит в своем интервью о. Г. Кочетков: «Да, у него (Толстого. — И. П.) была великая интуиция, да, он хотел бороться со злом, и само по себе это замечательно. Другое дело — как он это делал или предлагал делать. Кажется, Бердяев в “Философии свободного духа” сказал, что Лев Толстой сделал ошибку,

⁷ Не случайно в 1903 году Сергей Булгаков, в то время профессор политической экономии Киевского политехнического института, с тревогой писал о российской буржуазии, что она «еще слишком слаба, чтобы оказывать определяющее влияние на духовную жизнь народа». А ведь речь шла именно о нациообразующем слое российского общества. Особенно тревожило тогда Булгакова всемогущее государственной бюрократии, которая «по самому своему существу лишена духовных сил и может только внешним образом временно парализовать народное развитие», на пути которого стоят «вынужденный аскетизм и смирение, нищета и несправедливость». Посему национальную задачу для России он видел в «поднятии личности, ее прав, потребностей и имущественного благосостояния» (Булгаков С. Об экономическом идеале. — В сб. статей (1896-1903) «От марксизма к идеализму». — СПб., 1903). Читая теперь эту публичную лекцию почти 110-летней давности, понимаешь, что с тех пор в нашей стране мало чего изменилось именно в плане ее духовного развития и как актуально звучит теперь сказанное тогда С. Н. Булгаковым.

смешав вопросы внутреннего преодоления зла и внешнего ограничения злой воли или злого действия. Теперь, конечно, в нашей стране, уже зная всю столетнюю нашу историю, мы понимаем, как тяжело это на ней отразилось. Мы понимаем, что русское непротивленчество стало бичом для всего народа, для страны. Это сказалося на последствиях революции: может быть, если бы не было проповеди непротивленчества Толстого, большевики бы и не удержались так долго в нашей стране, да и вообще бы не удержались...»⁸

Вот уже и ярлычок готов: «русское непротивленчество». Но было ли оно вообще? Известно, что в нашей стране учение Толстого о непротивлении злу насилием имело совсем немного сторонников. Теперь, когда отечественная история истекшего столетия осталась почти без белых пятен, странно читать такое. Сопротивление большевизму, особенно в 1918 году, как раз было — и ненасильственное (демонстрации в Петрограде рабочих и интеллигенции в защиту Учредительного Собрания, где большевики оказались в меньшинстве), и силовое (Белое движение). Но в том-то и дело, что большевикам удалось в 1918 году удержать то, что я называю Собственно-Россией, т. е. территорию, где проживает большинство населения страны и где были сосредоточены (во всяком случае тогда) ее основные промышленные ресурсы, прежде всего связанные с вооружением. Это и позволило большевикам вождем путем невиданного террора, используя ситуацию экономической разрухи и голода, подчинить себе основную массу российского населения. При том что многие представители российской молодежи, — и не только рабоче-крестьянской, но и мелкобуржуазной, и интеллигентской, — увидели в сколоченной большевицким режимом Красной Армии нечто вроде социального лифта, как теперь выражаются социологи. Отрезвление наступило после Гражданской войны, когда вчерашним красноармейцам пришлось пополнить многомиллионную армию безработных и голодающих, что надолго отучило российские народные массы от проявления социальной активности. «За что боролись, на то и напоролись», — неоднократно слышал я в детстве от представителей того поколения эту воистину в годы НЭПа крылатую фразу, которую, понятно, нельзя было найти в советских учебниках.

Свою идею о пресловутом «русском непротивленчестве» о. Георгий черпнул у столь им любимого Николая Бердяева, хотя и несколько неряшливо на него сославшись. Дело в том, что в бердяевском наследии имеются три статьи о Толстом. Причем первая из них, написанная еще в 1911 году, специально посвящена религиозным воззрениям писателя⁹. Другая статья представляет собой небольшую заметку, основная мысль которой сводится к ставшему едва ли не общепринятым тезису о том, что *«Л. Толстой раздирается противоречием между своей могучей стихией, которая выражается в его гениальном искусстве, и своим рационалистическим сознанием, кото-*

⁸ <http://predanie.org/content/view/1289/16/>.

⁹ *Бердяев Н.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого. Собр. соч., т. 3. Париж, 1989.

рое выражается в его религиозно-нравственном учении»¹⁰. Что касается отмеченного Бердяевым толстовского «рационализма», то это мнение в свое время (1912 г.) хорошо оспорил Василий Зеньковский, отметивший, что «собственные религиозные концепции [Толстого] на каждом шагу имеют дело с непостижимой реальностью, — и “рационального”, в строгом смысле слова, у него почти нет и следа»¹¹.

Однако я теперь хочу обратиться к самой, пожалуй, антитолстовской статье Бердяева, написанной в 1918 году в качестве горячего отклика на октябрьский переворот и начавшуюся Гражданскую войну, — к статье, где автор заявляет, что «*русская революция являет собой своеобразное торжество толстовства*». Как же связаны Октябрь и толстовство? С точки зрения Бердяева, самым непосредственным образом, поскольку, пишет он, именно толстовство определяет «*русские моральные оценки*». Главный же антитолстовский тезис вынесен в самое начало статьи: «*В Толстом нет ничего пророческого, он ничего не предчувствовал и не предсказывал*»¹². Бердяев очевидно спешит скорее проговорить эту мысль (которая теперь, по прошествии без малого ста лет, представляется более чем спорной), поскольку и сам, уже, можно сказать, будучи беременным своим «Новым Средневековьем», претендует на роль такого пророка России. Однако последующее историческое развитие в XX веке, результатом которого стали глобальная цивилизация и постмодерн, ставящий на повестку дня вопрос о посткультуре, явно выдвигает в свои пророки именно Толстого.

Особое значение в связи с аксиологическим спором Бердяева с Толстым (а именно этот спор, как мне представляется, должен выйти на первый план в связи с нахождением Толстого в философском дискурсе) приобретает религиозный аспект. Теперь, когда христианское богословие в его эллинистическо-ортодоксальном модусе, безусловно, исчерпав себя, явно сходит с исторической сцены и уступает место научному изучению христианства как религии, — имея в виду прежде всего христианство оригинальное, или же самое раннее, — особую важность приобретает рассмотрение бердяевского персонализма на предмет его соответствия исходной христианской доктрине. Мне представляется, что Толстой, с его проповедью *жизни общей* во Христе, «*связанной с жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человечества*»¹³, пусть даже интуитивно, стоял гораздо ближе к главному новозаветному чаянию: *да будет Бог всяческая во всех* (1 Кор 15:28), чем Бердяев, настаивающий на «*утверждении всякого лика человеческого в Боге*»¹⁴. Не

¹⁰ Бердяев Н. Л. Толстой. Собр. соч. — Т. 3.

¹¹ Зеньковский В. Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого. — В сб. О религии Льва Толстого. — М., 1912.

¹² Бердяев Н. Духи русской революции. Ч. 3: Л. Толстой в русской революции. — В кн.: Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. — Пг., 1918.

¹³ Толстой Л. Н. В чем моя вера? — Ч. VIII.

¹⁴ Бердяев Н. Указ. соч.

стану сейчас далее развивать это свое наблюдение. Отмечу лишь, что учитываемая нынешнее переходное состояние отечественной философской мысли, тема Бердяев — Толстой вполне претендует на то, чтобы занять здесь приоритетное место, имея в виду не только религиозно-философский, но и другие аспекты, а именно историософский, культурологический и социально-этический, т. е. политический.

Теперь, наконец, воспроизведу ту дневниковую запись, которую молодой Толстой сделал еще в 1855 году и которая может служить ключом к его последующему творчеству как художественному, так и религиозному. Вот она: «*2, 3, 4 марта. В эти дни я два раза по нескольку часов писал свой проект о реформировании армии. Подвигается туго, но я не оставляю этой мысли. Нынче я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня*¹⁵.

Толстой написал это, будучи уже автором «Детства» (1850 — 1852), опубликованного в некрасовском «Современнике» и привлечшего внимание читающей России. Им (с 1852-го) вынашиваются «Казачи», которые выйдут в 1863 году и сразу же будут восприняты публикой и критикой в качестве несомненного шедевра. К этому времени написано «Отрочество» (1852 — 1854) и задумана «Юность» (1855 — 1857). Наконец, Толстой — ветеран Кавказской войны (участвовал в ней в 1851 — 1853 годах) и Дунайской кампании (участвовал в ней с января до ноября 1854 года). Данную запись он сделал, будучи боевым офицером-артиллеристом в Крымской кампании (с ноября 1854 по август 1855 года). Им уже написан «Севастополь в декабре 1854 года». А впереди — и беспримерная оборона Малахова кургана, когда массивная артиллерийская бомбардировка противника, казалось бы, не давала шансов уцелеть, и другие «Севастопольские рассказы», которые будет читать вся Россия, начиная с нового императора Александра II.

Я не случайно останавливаюсь на тех деталях, которые образуют контекст этой знаменательной дневниковой записи. Она сделана заслуженным офицером и уже признанным писателем, стоящим на пороге новых художественных свершений. Я думаю, что другая задача состоит в изучении толстовского христианского дискурса в связи с его художественным наследием. Очень важно проследить, как через творчество Толстого — и предыдущего, и в особенности последующего периода — просвечивала религиоз-

¹⁵ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах. — Т. 21. М., 1984.

ная мысль, как в его творениях отражалась реализация плана об основании «новой религии», точнее соответствующей развитию человечества религии Христа. Читая через призму толстовского религиозно-философского мировоззрения те же «Войну и мир» (1863 — 1869) и «Анну Каренину» (1873 — 1877), начинаешь понимать, что толстовский религиозный поворот 1880-х годов не был чем-то неожиданным, что он духовно вызревал, чему немало свидетельств можно найти в художественном творчестве писателя.

Завершить эти заметки я хочу экзегезой вышеприведенной дневниковой записи, служащей ключом к уже собственно религиозному творчеству Толстого, которое четверть века спустя станет сутью его жизни.

Итак, Лев Николаевич, еще вполне патриот и государственный деятель, озабочен состоянием Российской армии, нуждающейся в *реформировании*. Слово здесь подобрано как нельзя более удачно. Речь идет не просто о реформе, что предполагает лишь некоторое усовершенствование сложившейся системы, а о нахождение новой формы, вместо безусловно отжившей. Напомню, что та армия, в которой служил Толстой, еще с петровских времен формировалась из крепостных крестьян, которым в случае выпадения им рекрутского жребия приходилось четверть века тянуть солдатскую лямку, что полностью лишало их нормальной человеческой жизни. Понятно, что в условиях новых, более технологичных войн, — каковой и оказалась Крымская кампания, когда англо-французская коалиция, чьи войска формировались из свободных граждан, применила новые виды легкого (нарезные ружья) и тяжелого вооружения, — российское войско, формируемое по старинке, т. е. оставшееся, по сути, армией рабов с его устаревшим вооружением, несмотря на весь свой героизм, было обречено на поражение.

Далее Толстой считает необходимым отметить, что он *нынче причащался*. Судя по дате, дело было Великим постом, когда говеть были обязаны все православные подданные Российской империи, если они находились на государственной и прежде всего военной службе или же были учащимися. Однако, на мой взгляд, совершенно очевидно, что в данном случае для Льва Николаевича это было не исполнение установленного властью ритуала, как это чаще всего воспринималось в тогдашнем российском образованном обществе, но именно религиозный акт, с которым он связывает последующий разговор со своими товарищами-офицерами о *божественном и вере*.

И здесь начинается самое интересное. Толстой видит, что та ортодоксия, с ее синкретичными верованиями и практикой, которые разные исторические церкви преподносят в качестве христианства, явно не соответствует тому, что любой непредвзятый человек может почерпнуть из христианских первоисточников, в первую очередь из Евангелия. Он понимает, что в новое время уже невозможно верить так, как этому учили в поздней Античности (IV — V века) и в Средние века. Отсюда требование *новой религии, соответствующей развитию человечества*, но не религии новоизмышленной, а именно *религии Христа*, в том ее виде, в каком ее принес Христос. Очищение *от веры и таинственности* означает здесь отказ от исторических напластований

ортодоксии, уводящих людей, именующих себя христианами, от ежедневного исполнения конкретных и относящихся к этой жизни заповедей Христа в пользу ожидания «жизни будущего века», дверь в которую они надеются открыть ключом церковных «таинств». Отсюда требование *религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле.*

Слово *блаженство* здесь ключевое. Оно сразу адресует нас к Нагорной проповеди, этой «конституции Мессии», согласно воззрениям современных специалистов по новозаветному богословию¹⁶. Блаженство уже теперь, в этой земной жизни, как возвестил Иисус, имеют *нищие духом* и *изгнанные правды ради*, т. е. те, кто, с одной стороны, осознает свою нищету перед Богом, какими бы способностями, достижениями, властью и богатством он ни обладал, а с другой, кто готов претерпеть преследование, мирно и ненасильственно отстаивая справедливость¹⁷. Именно таковых *есть Царство Небесное* (Мф 5:3,10), т. е. они уже осознают себя под властью Бога, исполняя Его закон. И они теперь *блаженны*, что значит не просто счастливы, будучи лишенными скорбей от выпадающих на их долю забот, но именно удостоены от Бога благословения, о чем и говорит евангельское выражение о *великой награде на небесах* (Мф 5:12). Это блаженство не есть лишь наличие материального достатка, бороться за который вполне насильственно призывал обездоленных современник Толстого Карл Маркс. Это блаженство, при следовании Христовым заповедям, дает вставшему на этот путь нечто гораздо большее, приводя к той самой общей жизни в Сыне Человеческом, каковая, согласно учению оригинального христианства, возможна лишь *в любви*, которая никогда не исчезнет (1 Кор 13:8), а потому только одна и наследует вечность.

В заключение позволю себе два замечания, предваряющих предстоящее и на этот раз, надеюсь, глубокое и честное изучение религиозно-общественного наследия Толстого.

Первое. Хотя Лев Николаевич как истинное дитя своего времени, безусловно, был в курсе современной ему европейской мысли, он не принадлежал ни к рационалистам, ни тем более к либеральным христианам в духе Давида Штрауса или Эрнеста Ренана, как это может представляться при поверхностном взгляде. Более того, отвергая церковную ортодоксию как уводящую, согласно его воззрениям, от исполнения заповедей Христа, он также отвергал неверующих, «свободных» толкователей Его учения, видя в их сочинениях обратную сторону той же медали. Вот что он писал в связи с этим в 1884 году: «*Другие же, неверующие, свободные толкователи учения Христа, историки религий, — Штраусы, Ренаны и другие, — усвоив вполне церковное толкование о том, что учение Христа не имеет никакого прямого приложения к жизни, а есть мечтательное учение, утешающее слабоумных людей, пресерьезно говорят о том, что учение Христа годно было для пропове-*

¹⁶ См.: Лях Я. Благословен Грядущий во имя Господне. Пер. с польск. М., 2001.

¹⁷ Таково значение стоящего в евангельском оригинале греческого слова *δικαιοσύνη*, переводимого на славянский как *правда*.

дования диким обитателям захолустьев Галилеи, но нам, с нашей культурой, оно представляется только милою мечтою “*du charmant docteur*”¹⁸, как говорит Ренан»¹⁹. Таким образом, христианство для Толстого — это именно религиозная вера, призванная определять жизнь как индивидуального человека, так в перспективе и всего человечества.

Второе. Толстой, как уже наблюдалось многими, менее всего склонен к научному типу мышления. Посему его взгляд на христианство, черпаемый из первоисточников, должен быть охарактеризован как в высшей степени эклектичный. Собственно, это и не позволило вырасти толстовству в целостную христианскую доктрину, подобно тому, как это произошло, скажем, с учениями Лютера или Кальвина. Равно бессмысленно искать у Толстого и научного подхода к изучению им христианских первоисточников. Однако не следует вменять этого в вину Льву Николаевичу. Его гениальность в его интуиции, а совсем не в систематичности или научности. Его величайшей заслугой перед христианской мыслью является сама постановка проблемы: как жить во Христе здесь и сейчас, как быть блаженным уже теперь, согласно Христовым заповедям? Именно этому у Толстого и следует поучиться всем, кто теперь озабочен поиском Иисуса истории и Христа веры, с тем чтобы понять, что представляет собой оригинальное христианство без всех последующих исторических девиаций.

¹⁸ Обаятельного учителя (*франц.*), по мысли Ж. Э. Ренана — учителя морали.

¹⁹ Толстой Л. В чем моя вера? Ч. IV.

СМЕРТЬ ТОЛСТОГО В РУССКОЙ ПАМЯТИ

Правило жизни

«*Правило. Называть вещи по имени*», — записывает 22-летний Толстой в своем Дневнике, который будет вести до конца дней.

«Правилу» он будет следовать всю жизнь. Не только в привычном, нравственном смысле: я должен говорить правду себе и другим, чего бы мне это ни стоило, но — творчески, религиозно: «правду вещей» я призван выявить, выразить, вылепить сам. Созидание «вещной» правды — исток и тайна искусства. Вещи, в самом широком понимании слова, вовне и внутри нас искусство наделяет теми именами, в свободном их толковании, которые человек выносит на свет из опыта своей жизни. Имена или смыслы, формы, образы вещей, видимых и невидимых, зачинаются и вынашиваются во всяком человеке, художнику лишь дается способность родить их, ввести в мир, им созданный и доступный другим. Толстому она была дана в такой степени, что сделала его автором прозы, равную которой трудно найти во всей истории литературы. Он жил в век великих писателей: Диккенса, Бальзака, Стендаля, Флобера, Гоголя, Гончарова, Тургенева. Но Достоевский и он — вне этого ряда. Это иное измерение искусства, которое уже как бы и не укладывается в обычные его рамки.

Юношеская запись в «Дневнике» сделана по вполне житейскому поводу, но, если задуматься над ней, мы неожиданно сможем услышать в толстовском правиле какое-то эхо того «определения творчества», которое встречаем в первых строках Библии. Каждая из вещей наделяется подобающим ей именем, которое ей дает человек, говорит Книга Бытия: «*Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей*» (Быт 2:19). Спору нет, дистанция между Словом Божиим и случайной дневниковой записью неизмерима. Сопостав-

Владимир ЗЕЛИНСКИЙ

— родился в 1942 году. Окончил Филологический факультет МГУ. Автор книг «Приходящие в церковь», «Дабы уверовать в мир», «История Почаевской Лавры», «Открытие Слова», «Взыскую лица Твоего» и др., целого ряда богословских переводов и религиозно-философских статей на разных языках. В 1991 году был приглашен католическим Университетом г. Брешиа (Италия) преподавать русский язык и литературу. В Италии постоянно выступает с лекциями о православном богословии. Священник. Служит в православном приходе Всех скорбящих Радости. Живет в Брешии.

лять их не имеет смысла. Но вне всяких сопоставлений спросим: разве призвание искусства не состоит в этом выявлении обозначаемой человеком истины вещей, в наречении настоящих, человеческих их имен, которые принимает Творец? «Как в первый день создания» Он творит все новое и приводит к человеку образованные Им частицы бытия, чтобы мы очеловечили и назвали их, приобщившись к Его творению. Откликаясь, мы даем им имена, вводим их в словарь, память, обиход, делаем нашей реальностью, общей с Богом и людьми. Имя — это и слово, и средство, прикосновение, рисунок, и мысль, и оттиск того, что запечатлевается человеком. И вот что важно: дар наречения имен дается человеку-Адаму еще до его падения ради его устроения в мире, в перспективе его соработничества с Богом, дабы в каждой из вещей человек мог узнать ее Творца, чтобы каждое из имен вело к диалогу с Ним. Поздний Толстой, как мы знаем, не хотел слышать ни о каком Адаме (ни «историческом», ни аллегорическом), но прав был св. Григорий Богослов, сказавший, что Адам живет во всех нас. И адамов дар, призвание к именованию вещей, присущ каждому, хотя и в очень разной степени.

Называть вещи по именам — дело художника. Но оно может быть и приношением «своих» вещей Богу, служением религиозным. Иногда художник, тем более такого масштаба, как Толстой, ищет соединить в себе оба эти призвания. Однако после грехопадения, о котором писатель не желал и слышать, все человеческие дары стали существенно иными. «Наречение имен» вылилось в индивидуальное творчество — художественное, философское, научное, т. е. в устроение своего, а не Божьего мира, изведение его из себя, из своего «я», своего видения или мышления. Наделяя именем какую-то реальность, человек уже делает ее своей. Замыкает ее в себе, овладевает ею, пересоздает на свой лад. «Имена», слова, понятия, формулы, из которых строится его мир, художественный или научный, даже откликаясь Слову Творца, становятся его человеческим, только человеческим, достоянием. Чем одаренней художник, чем сильнее мыслитель, тем острее, глубже ощущается в нем эта изначальная двойственность: открытие мира, сотворенного Богом, и противопоставление ему мира, созданного человеком. Творческая мощь Толстого, т. е. небывалая его способность наделять именами-образами выявляемые им «вещи», создала его собственный «фрагмент мира», населенный действующими лицами, картинами, событиями, идеями, переживаниями, словом, целый универсум его «имен». Среди них не могло не найтись особого имени и для исповедания веры его.

Вера как суд

Главенствующее место, особенно во второй половине жизни Толстого, в его универсуме занимает религия, созданная им на основе собственной «правды вещей», того, что утверждалось им как доброе, ясное и понятное. Нравственность и разумность — это первые имена, которые он дает творимой им реальности, неотъемлемой частью которой становится его толстов-

ская вера. Толстой находит свою веру, исходя не столько из открытия им Бога, встречи с Ним, сколько на основе суда над верами других. Вера начинается у него с осуждения, она выносит свой приговор тому, что не вмещается в реальность, построенную разумом. Когда мы переходим от художественных произведений Толстого к публицистическим и философским, мы словно оказываемся в атмосфере судебного процесса. Но этот процесс обращен прежде всего на самого писателя. Если взять его многотомный Дневник, мы увидим, что основной мотив в нем — не столько даже описание своей жизни, сколько самовоспитание и самоанализ, скрытое или явное, но неизменно настойчивое вопрошание и испытание совести. Однако и в совести он остается один на один не с Богом, но с собой. В течение всей жизни Толстой — кающийся судья (как называет себя один из героев Каю), в этом источник его необыкновенной силы, но также и какого-то религиозного бессилия. Он вызывает на суд историю (последняя часть «Войны и мира»), искусство (Шекспира в особенности), но главный его суд — над Церковью и ее исповеданием. Потому что вера в сверхразумного, непостижимого Бога не вмещается в мир правды его «имен» — мыслей, идей, образов.

«Вера не может быть осуществлением ожидаемого, — спорит Толстой с ап. Павлом — так как вера есть душевное состояние, а осуществление ожидаемого есть внешнее событие, вера не есть также уверенность в невидимом, так как уверенность эта... основывается на доверии к свидетельству истины, доверие же и вера суть понятия различные... Вера есть сознание человеком такого своего положения в мире, которое обязывает его к известным поступкам» («В чем моя вера?»).

Апостольское определение веры в 11-й главе Послания к Евреям — одно из самых важных свидетельств Писания. Полнее и глубже оно передается поразительной славянской формулой: *«Есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых»*. В этой словесной иконе, если мы позволим предложить свое толкование, ответ Божий скрыт в уповании человека, в поиске или ожидании Бога таится «вещность», правда или имя ответа. Его имя — это Он сам, «Сущий», Тот, Кто есть, и Его бытие посылается нам как Слово или присутствие Божие. Слово или присутствие открывается в самом обращении человека к Богу, в доверии к Нему, в уверенности в Нем, ибо человек сотворен этим Словом и носит Его в себе. *«Ты вложил в меня упование у груди матери моей»* (Пс 21:10), — говорит Псалом. И вместе с тем «вещи» нашего упования «обличаются», в изначальном смысле — наделяются ликом, тем Лицом, перед которым, — когда мы узнаем его, — мы осознаем себя верующими. Вера рождается при узнавании этого Лица, она есть ответ вложенному в нас упованию. В уповании заключена не только эмоциональная, но и субстанциальная онтологическая основа веры: Бог отвечает человеку изнутри надежды.

Присутствие Бога в нас и укорененность в Нем христианской веры непосредственно связаны и с онтологичностью, бытийственной основой Церкви со всем догматическим и историческим ее телом, таинствами и преданиями.

В системе Толстого все это подвергается беспощадному суду. Универсум его «вещей» плотно запечатан: ничто, превосходящее здравый смысл, не прорывается через его стены. Вера для него — не то, что изначально связывает нас с Богом, но основа нравственного поступка. Чтобы доказать это, он готов спорить с самим Евангелием. «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*», — сказано в Прологе у Иоанна, но Толстой, когда принимается переводить его с греческого, хочет уместить Логос в обыденное наше Разумение, понятие бесконечно менее объемное, чем «Слово» у евангелиста. Слово — и звучание, и смысл, и текст, и разум, и воля, образ, и лицо, и свет, и наконец тайна. Тайна Слова совершается в Церкви как таинство, и потому именно оно, как и все, что остается за пределами Разумения, оказывается одним из главных обвиняемых на толстовском процессе. Таинство для Толстого есть укрытие и прикрытие, куда бежит историческое христианство, скрываясь от понятного, ясного Бога, требующего только добрых видимых дел. Оттого он так хочет разрушить это укрытие, вывести его на чистую воду. Ни для каких тайн у него нет места, все проверяется нравственным поступком, а нравственность — Евангелием, очищенным от всяких напластований, Евангелие — очевидной для писателя простотой Нагорной проповеди, Нагорная проповедь — неким всеобщим, данным всем разумным законом жизни.

Бог Толстого

В разоблачительной его философии встречается множество привычных нам слов — *жизнь, смерть, нравственность, разум, любовь, бог*, но живут они как бы сами по себе, вне той глубинной основы, которая придает им смысл и наполняет светом. Отсеченные от своих корней, они увядают, ссыхаются в назидательную мораль, которой неизвестно почему мы должны повиноваться. Настоящая их глубина приоткрывается в Личности, которая приносит Себя как дар и становится ближе к нам, чем мы сами. Их корни — в Боге Живом, и вне Бога все значимые слова, определяющие человеческое бытие в мире, наши понятия о добре, рассуждения о долге, наше ощущение вины и наше раскаяние остаются неприкаянными сиротами. Это метафизическое сиротство ощущается и в религии Толстого. Его проповедь не подымается к небу, не выводит на берег Божьей реки, текущей из рая, его учительство предлагает нам только мятущегося человека, оказавшегося в лабиринте у самого себя.

Если сравнить «Исповедь» Льва Толстого и бл. Августина, то главным, хоть и сокровенным лицом августиновой «Исповеди» выступает тот невидимый Собеседник, к Которому он, «истаевая сердцем» (Иов 19: 27), постоянно обращается. «*Славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих. Ты услаждаешь нас этим славословием, ибо Ты создал нас для себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе*». У Толстого нет этого невыразимого «Ты», адресата молитв, признаний и славословий, сердце его не знает покоя. Его «ты», по сути, он сам, мыслящий, судящий, мечущийся, пытающийся понять, утверждающий своего разумного бога как рачительно-

го Хозяина Жизни. Толстой сам пробивает себе дорогу к вере и ведет по ней своего читателя, но всякий раз словно наталкивается на препятствие, останавливаясь там, где рациональное упирается в непостижимое, где слову хочется умолкнуть и стать на колени, чтобы повторить вслед за Иоанном Крестителем: «*Тебе расти, а мне умяться*».

Что же это за препятствие, которое стоит между ним, Толстым, и Богом, в Которого он некогда верил, а потом потерял и хочет найти вновь? Живого Бога заслоняло для него то мертвое для веры христианское общество, в котором он жил. Не мог он, — да и не только он, но и миллионы людей «вплоть до сего дня» не могут, — принять, что люди «пользуются» Богом для своих религиозных потребностей, но отнюдь не живут в согласии с Его законом милосердия и любви. Наш религиозный опыт, оставаясь интимным и внутренним, в значительной мере обусловлен историей и средой, частью которой мы являемся. Толстой утверждает: вера в том кругу, к которому он принадлежал, была на 90% лицемерием, лишь в простом народе, в мужицкой среде, она была искренней, хотя и переполненной суевериями. К суевериям же он относил практически все, что не оправдывалось судом Разумения: таинства, обряды, посты, почитания икон, жития святых. Однако именно таинства, обряды, молитвы раскрывают тот глубочайший опыт Откровения, доступный как немногим избранныкам, встречавшим Бога лицом к лицу, так и неисчислимым массам людей, приобретаемых через эти таинства и молитвы к опыту веры, который соединяет их с Богом и между собой.

Однако никакого соединения людей между собой Толстой не видел и потому не мог принять свидетельства Церкви. «*То учение, — говорит он, — которое обещало мне соединить всех единою верою и любовью, это самое учение в лице своих лучших представителей сказало мне, что это всё люди, находящиеся во лжи, что то, что дает им силу жизни, есть искушение дьявола и что мы одни в обладании единой возможной истиной... И мне, полагавшему истину в единении любви, невольно бросилось в глаза то, что самое вероучение разрушает то, что оно должно произвести*» («Исповедь»).

Если все, что Бог хотел сказать людям, если вся любовь, которой Он возлюбил мир, уместились в словах и делах православной Церкви, не оставив за ее порогом ни крупинки божественного, то совершенно правильным, нравственным и спасительным был обычай сжигать еретика на костре, как при Алексее Михайловиче, а во времена, когда писалась толстовская «Исповедь», отсылать его в одиночное заключение. Сегодня в России заключение ему, как правило, не грозит. Но проблема, мучившая Толстого, остается и сегодня не менее болезненной: отвержение личности другого, отсечение ее от неба, добра и хранилища истины. Та истина, которая церковными устами провозглашает себя посольством милосердия Божия, становится бессердечной и беспощадной ко всем, кто находится за ее пределами. Толстой не мог принять того, что правоверие и послушание Церкви было для нее гораздо важнее живого, экзистенциального опыта христианства, понимаемого им как «*любовь, смирение, унижение, самоотвержение и возмездие добром за зло*».

Вопрос: «Кто ты?»

Конечно же, не он один проделал этот путь: от реальной исторической Церкви с ее видимыми всем пороками, невидимой святостью и духовным богатством — к ясности и якобы простоте Писания, как бы «очищенного» от исторических наростов, народных суеверий и «преданий старцев». Но Толстой с очень русской и жесткой решительностью пошел по этому проторенному пути, может быть, дальше всех. Чтобы удержать Христа-Проповедника, он отрекся (порой кажется, что чуть ли не насильно заставил себя отречься) от Христа Воскресшего; чтобы сохранить Евангелие как учительную Книгу жизни, он выбросил из него весть о спасении. В здании своего учения он заделал и залатал все «мистические» двери и окна, через которые в его веру могло бы проникнуть нечто, не подвластное его разумению. «Вещи» веры он назвал своими, переименованными, «толстовскими» именами, потому что старые священные имена — имена церковного Предания — стали для него именами ложными.

Ложными потому, что в глазах Толстого они приносили отравленные плоды. Самым ядовитым и нестерпимым из них было насилие, и Церковь, выступавшая от имени Христа, была косвенной или прямой соучастницей этого зла. Она освящала насилие государства или даже непосредственно прибегала к нему. Насилие, причем в любой его форме (войны, крепостничества, бесправия, нищеты), было для Толстого пределом лжи, которая ничем, — в том числе и будущим загробным блаженством, — не может быть оправдана. И потому его душа моралиста и художника постоянно затевает процесс над исторической жизнью Церкви, но не ради какого-то романтического богоборчества, но во имя некоего «страдающего брата», несчастье которого не давало ему покоя. Оно буквально хватает его за руки, приковывает взгляд, и под этим взглядом он судит общество и себя.

«Кто ты?» — вопрошает он после посещения ночлежного дома в Москве, пытаясь взглянуть на самого себя глазами нищих. — *Самодовольный ли богач, который хочет порадоваться на нашу нужду, развлечься от своей скуки и еще помучить нас, или ты то, что не бывает и не может быть, — человек, который жалеет нас? На всех лицах был этот вопрос* («Так что же нам делать?»). Задав этот вопрос себе, он в качестве ответа выстраивает новую религию. Задав его другим, «своим», он и обнаруживает, что христиан его круга чужое страдание особенно не тревожит. В начале его «Исповеди» мы встречаем признание, от которого не можем просто отмахнуться:

«По жизни человека, по делам его теперь, так и тогда никак нельзя узнать, верующий он или нет. Если и есть различие между явно исповедующими православие и отрицающими его, то не в пользу первых. Как теперь, так и тогда явное признание в исповедании православия большей частью встречалось в людях тупых, жестоких и безнравственных и считающих себя очень важными. Ум же, честность, прямота, добродушие и нравственность большей частью встречались в людях, признающих себя неверующими».

«На весах Иова»

Ум, честность, нравственность оказались для Толстого по ту сторону православной веры. От них пошла та уязвленность страданиями человеческими, которую когда-то исповедал радищевский «взгляд окрест». Уязвленность эта давно разоблачена и поставлена на место, ибо плодом ее стала в конце концов революция, многократно страдания человеческие умножившая. Это столь же верно, как и то, что Церковь, с которой боролся Толстой, особенно и не смотрела туда, куда смотрели его «честность и ум». Она была занята тем, что было выше или... ближе: грехом, запустением монастырей, безверием, расколом или, как в наши дни, влиянием на общество, глобализацией, ювенальной юстицией, грядущим Антихристом, в плане же земном — реституцией церковного имущества. Можно ли было утверждать, что в его, как и в наше, время и она была уязвлена «страданиями человеческими» или соблазнялась мечтой о некоем всечеловеческом братстве, где все наконец любят друг друга? Кто-то из великих писателей (не Лесков ли?) утверждал, что честного человека в России труднее встретить, чем святого. Еще труднее представить себе персонажей гоголевской, щедринской, Достоевской, толстовской России «братьями и сестрами во Христе», между тем, с точки зрения церковной, все или почти все они пребывали в евхаристическом общении. И откуда «братство во Христе» и жизнь на земле, пусть даже и в храме, будут разведены по совершенно разным, почти не соприкасающимся реальностям, кто-то (пусть и бесконечно ниже рангом Толстого) всегда шумно или тихо будет возвращать в такое братство пригласительный билет, апеллируя к своей христианской (или нехристианской) совести. Конечно, нам не составит труда сослаться на духовную нечистоту или даже слепоту толстовского «ока». Но что если Бог, одаривший художника такой зоркостью и беспокоейством взгляда, и нам что-то хотел поведать через эту зоркость?

Толстого в его время осудил не только Святейший Синод, о нем едко, умно, иногда жестко, хотя часто и сочувственно, высказались все корифеи русской религиозной мысли: Соловьев, Булгаков, Бердяев, Розанов, Мережковский, Флоренский, Шестов. Они высказали о нем множество точных, глубоких и безупречных вещей, ничуть не утративших своей силы. Но, разоблачив «религию в пределах только разума», они не могли разоблачить толстовскую боль. Измерив неглубокость его религиозной мысли, они не могли притупить остроту его взгляда. Тысячу раз указав ему на гордыню, они все же не перечеркнули глубины его покаяния. Мы привыкли почти механически разделять проповедника и художника, гения и злодея, растоптавшего то, что для нас священно. Но и там и здесь Толстой хотел следовать принятому им правилу: давать вещам имена, которые считал честными, и эта ослепившая честность навсегда разделила его с Церковью. Синод лишь холодно и торжественно подтвердил его самоотлучение (то, что потом стало называться «анафемой»), но синодальный акт от 1901 года был только определением позиций, противостоящих другу другу. В том давнем споре, в котором религиозно, логически,

мистически безусловно была права Церковь, что-то осталось от спора Иова с его друзьями, которые, с общепринятой религиозной точки зрения, были, наверное, «лучшими богословами». «На весах Иова» судьбы душ не всегда решаются исповеданиями и мировоззрениями, аргументами и словами. Иногда решающим аргументом становится молчание, последним словом — смерть.

Последнее обнищание

Смерть Льва Толстого 20 ноября 1910 года, как и его стремительное ночное бегство из Ясной Поляны непосредственно перед кончиной, была не только последней, но, может быть, и главной вестью его жизни. Он сказал ей больше, чем всеми религиозно-философскими своими сочинениями. И по сей день, столетие спустя, бегство и смерть остаются в нашей памяти одной из неразгаданных и трудных загадок. Этот, казалось, патетический жест, — вот так внезапно встать среди ночи, разбудив доктора, бежать, — был лишь последним всплеском глубочайшего духовного кризиса, который подтачивал Толстого десятилетиями. Так, как он жил раньше — писателем, проповедником, бариним, — он больше не мог жить. Толстой постоянно оглядывался на себя и, оглядываясь, понимал, что достиг того, о чем другие не могли и мечтать, но при этом изнутри он был нередко терзаем какой-то духовной пыткой, в истоке которой не мог до конца разобраться. Он упорно, болезненно уличал себя в неправедном богатстве и накоплении — денег, славы, земли — и искал освобождения от всего этого, принесения Богу данных ему богатств. Он всю жизнь жил мечтой о том, чтобы все отдать, обнищать, опроститься не только внешне, но и внутренне. Он хотел называть вещи своими именами, не просто называть, а соразмерять их с собственным существованием, но оно никак не соответствовало тем обетам, которые он хотел дать самому себе. И потому это внезапное, хоть и долго созревшее ночное его бегство было подобно уходу в монастырь и принесению обетов.

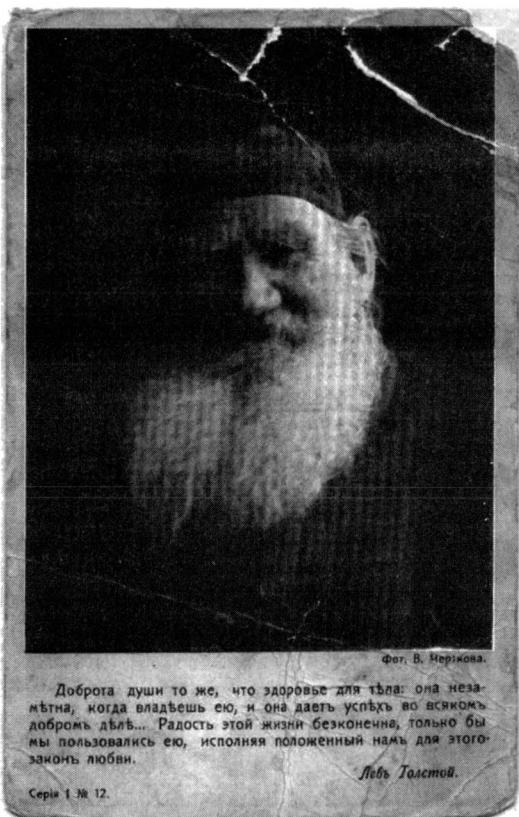
Эти обеты были в чем-то подобны монашеским, но главным из них был обет нестяжания. Публично, порой даже назойливо Толстой не раз каялся в похоти, у него было свое искушение властью, — хотел, *«чтобы все думали так, как я»*, — искал спасения от него в опрощении, в отказе от насилия. Но более всего, как ему казалось, он не исполнял обета бедности внутренней, евангельской нищеты. В своем «Дневнике», особенно в последние годы жизни, он часто признается, что для него мучительна безумная роскошь среди невыносимой нищеты, *«нищеты, среди которой я живу»*. Это был его спор с самим с собой, постоянный суд над собой. Жил он далеко не бедно, хотя и скромно, нарочито скромно, — достаточно посмотреть на фотографию его спальни, которую он покинул в ночь бегства. Однако «апостол нестяжания» все же оставался обладателем слишком многих вещей, которые находились в вопиющем противоречии с его «опрощающей» верой: у него были владения, просторный дом, слуги, графский титул, деньги, но, главное, огромное литературное наследие. Внешне все это выливалось

в конфликт с семьей, ибо ни Софья Андреевна, ни взрослые дети Толстого не имели никакого намерения все это достояние терять. Среди имущества, от которого он стремился освободиться, был и мощный, кряжистый его гений, далекий от всякой «нищеты духа», вместе со всем, что он этим гением приобрел. К концу жизни он стал слишком обременителен для Толстого, хотя он и радовался своей мировой славе и одновременно стыдился ее. Его бегство к смерти, которой он не мог не предчувствовать, было последним, отчаянным прорывом к обретению евангельской нищеты сердца и духа. Таким, думаю, и останется эта смерть в русской памяти.

Драма, пережитая лично Толстым, вместила в себя конфликт, определивший всю русскую историю последних двух веков. Конфликт этот заключался в непреодолимом противостоянии совести и государства, гуманизма и Церкви, таких, какими они сложились в России. Сегодня это противостояние проходит через новый этап и, судя по всему, будет столь же безвыходным, ибо оно унаследовало все родовые черты: непримиримость, взаимную глухоту, склонность судить и отсекал другого прежде, чем выслушать. Как отметил Бердяев («Духи русской революции»), абсолютное ненасилие Толстого и безмерное насилие, обращенное на всех и вся, русской революции суть лишь разные действия одной и той же драмы. Само толстовство давно принадлежит прошлому, но и сегодня отлучение Толстого имеет мало шансов быть отмененным или забытым. Гуманистическое сознание с его морализмом, бунтом и идеологиями и церковная вера, для которой все, что исходит от власти, освящается всеблагостью волей Божией, еще не нашли в России общего языка. И едва ли намерены его искать. Есть что-то болезненно парадоксальное в этой ситуации: величайший писатель, один из тех, благодаря кому Россия есть то, что она есть, ее подлинный и одновременно ложный пророк, и Церковь, хранительница неисчерпаемого духовного богатства, противостоят друг другу в нескончаемой культурной и духовной войне. И когда-нибудь должен возникнуть вопрос: возможно ли здесь примирение и прощение? Должна ли Церковь более повиноваться заповеди, которая осуждает всякую хулу на Духа Святого, или заповеди, повелевающей прощать даже своих врагов и хулителей? Наконец российский гуманизм за своими хлопотами об обделенных страдальцах в этом мире узнает ли когда-нибудь Христа не в маске моралиста, но в лике Спасителя?

Вопросы, пока несвоевременные и потому риторические. Формальное примирение сейчас не нужно ни Церкви, ни Толстому, ни духовным его потомкам. Оно может произойти лишь тогда, когда мы сами, изнутри нашей веры, узнаем голос Христа, пробивающийся через обличения толстовской совести. Когда сама Церковь откроет боль и уязвленность Толстого как невосстребованное, горькое, но целительное свое наследство. И тогда она сможет не только помириться с Толстым, но и станет называть вещи мира сего сострадательными, жесткими и правдивыми именами. Тогда она сможет и помолиться о нем, «презирая его прегрешения» и заблуждения, те заблуждения, которые ни тогда, ни теперь не могут поколебать камня, на котором она стоит.

Постскриптум. Свидетельство автора



Закончить мне хотелось бы хоть и малым, но личным свидетельством об одном эпизоде из последних дней жизни Толстого. Эпизод этот до самого недавнего времени оставался семейным преданием, никому, кроме автора сих строк, неизвестным.

В своей книге «Лев Толстой» Виктор Шкловский пишет о его уходе, описывая момент, когда, добравшись до станции, он сел в поезд:

«Вероятно, Толстой попал в вагон, которые тогда назывались “4-й класс”. В них скамейки были только с одной стороны. Внутри вагон окрашивали в мутно-серую краску. Когда верхние полки приподнимались, то они смыкались.

Маковицкий хотел постлать Льву Николаевичу плед. Тот отказался.

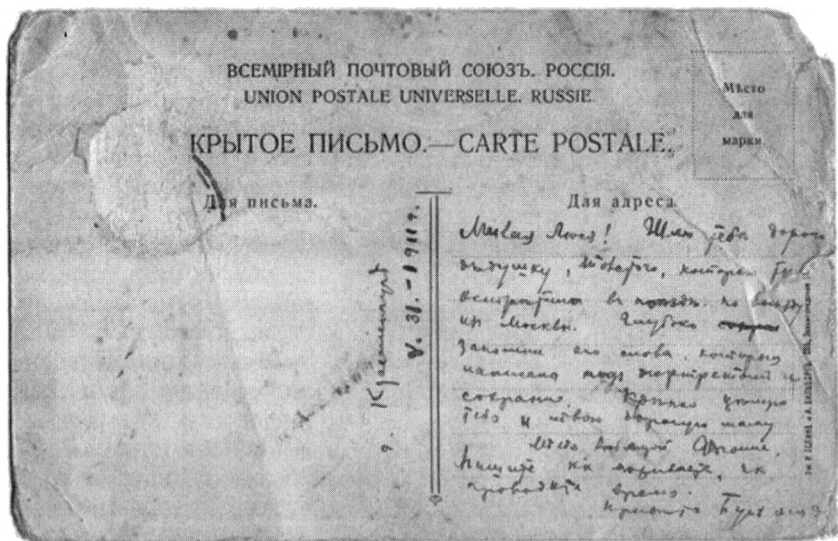
В вагоне было душно.

Толстой разделся. Он был в длинной черной рубашке до колен, высоких сапогах. Потом надел меховое пальто, зимнюю шапку и пошел на заднюю площадку: там стояли пять курильщиков. Пришлось идти на переднюю площадку. Там дуло, но было только трое — женщина с ребенком и мужик. Лев Николаевич приподнял воротник, сел на свою палку с раскладным сиденьем...

*Поезд остановился, — говорится через несколько строк, — нахлынула толпа новых пассажиров. Как раз напротив Льва Николаевича остановилась женщина с детьми. Лев Николаевич дал им место и больше не ложился...»**

Так оказалось, что той женщиной с ребенком, о которых упоминает Шкловский, следуя воспоминаниям лечащего врача Толстого Д. П. Ма-

* См.: Маковицкий Д. Уход Льва Николаевича. 1938 <http://feb-web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/Lg23446-.htm> (Прим. ред.).



ковицкого, была моя бабушка с матерью. В течение двух часов, когда они были вместе, Толстой охотно играл и разговаривал с девочкой. Он спрашивал, умеет ли она читать, давал ей решать какие-то простейшие задачки. По рассказам бабушки, он был целиком поглощен этим общением. На дворе была середина ноября, из окна дул резкий ветер со снегом, причем доктор Душан Маковицкий, сопровождавший Толстого, заботясь о свежем воздухе, старался держать окно открытым, а молодая женщина, беспокоясь о ребенке, постоянно его закрывала. Ветер, по ее словам, шел прямо на Толстого, который не обращал на него внимания. Через несколько дней он умер от воспаления легких на станции Астапово.

Бабушка и мать (Любовь Владимировна [1881 – 1969] и Елена Михайловна Вольфельд [1903 – 1983]) не раз рассказывали мне об этом. Единственное подтверждение, которое у меня осталось, ибо все действующие лица давно в могиле, — открытка с запиской, полученная мамой, с фотографией 80-летнего Льва Толстого от 31 мая 1911 года, посланная из Кременчуга: «Милая Люся! Шлю тебѣ дорогого дѣдушку, Толстого, которого, ты встрѣтила въ поѣздѣ по выезду из Москвы. Глубоко запомни его слова, которые написаны подъ портретомъ и сохрани. Крѣпко целую тебя и твою дорогую маму...» (Писал кто-то из близких, кто именно, не удалось разобрать).

Под портретом написано:

Доброта души то же, что здоровье для тѣла; она незамѣтна, когда владеешь ею, и она даетъ успех во всякомъ добромъ дѣле... Радость этой жизни безконечна, только бы мы пользовались ею, исполняя положенный намъ для этого законъ любви.

Левъ Толстой

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

в зеркале прессы

(сентябрь — ноябрь 2010)

(Краткий обзор)

1. «Собственность в обмен на покаяние»

В ноябре Госдума и Совет Федерации РФ приняли законопроект «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Таким образом, процесс возвращения РПЦ и другим российским конфессиям ранее принадлежавших им ценностей вышел из стадии законотворчества в практическую сферу.

Против принятия закона активно выступало музейное сообщество, но его мнение оказало на законодателей минимальное влияние.

Перед принятием закона в первом чтении в Госдуме прошли слушания, подготовленные Комитетом ГД по делам общественных объединений и религиозных организаций. По сообщению «*Новой газеты*» (17 сентября), на этих слушаниях не нашлось времени для выступления экспертов: *Вместо квалифицированных мнений высокое собрание слушало председателя Комитета Попова, который рассказывал о чудесах, случившихся в элитном поселке, построенном главой холдинга «Сапсан» Сергеем Шмаковым.*

«*Независимая газета*» (17 сентября) отмечает, что законопроект не предусматривает возможности совместного использования храмов церковью и музеем, хотя пример Третьяковской галереи показателен и достоин подражания.

Директор Музеев Московского Кремля Елена Гагарина убеждала парламентариев в том, что на сегодняшний день культурные ценности могут быть сохранены только в музее. «Учреждение музеев-заповедников позволило не только сохранить произведения искусства от их превращения в имущество, но и реставрировать их», — подчеркнула г-жа Гагарина. Правительственный законопроект, по мнению директора Музеев Кремля, оставляет неясным положение музеев-заповедников, а точнее, музеефицированных ансамблей монастырей, — пишет газета «Время новостей» (16 сентября).

Журнал «*Огонек*» (27 сентября) приводит развернутое мнение юриста Московской Патриархии инокини **Ксении (Чернеги)**: *Назначение законопроекта — просто урегулировать порядок передачи, а не регламентировать ту категорию имущества, на которую церковь вправе претендовать или не вправе претендовать <...> Сегодня не предусмотрено финансирование реставрационных работ на тех объектах, которые находятся в собственности церкви <...> Поезд ушел. Он ушел еще в мае этого года, когда был принят Федеральный закон № 83. По этому закону совместное использование храмов музеями и приходами, музеями и епархиями будет прекращено с 1 января 2011 года.*

После принятия в первом чтении законопроекта Общественная палата выступила с «Заключением». В этом документе, как пишет газета «*Коммер-*

сангЪ» (1 октября), авторы выражают опасение за сохранность переданного имущества и заявляют, что принятие законопроекта *повлечет за собой невозможность доступа к объектам для граждан иных вероисповеданий. Большую озабоченность ОП вызывает и то, что многие объекты культурного наследия не могут быть использованы при отправлении религиозных обрядов без нанесения им серьезного вреда.* В связи с этим предлагается *ввести экспертизу состояния объекта, результат которой должен предопределять решение о возможности его передачи.* Таким образом, предлагается отменить заявительный характер процедуры передачи государством того или иного религиозного имущества. Однако группа членов ОП выразила несогласие с этими выводами.

«Ежедневный журнал» (12 октября) конкретизирует претензии культурного сообщества к законопроекту: *Специалисты предлагают ужесточить закон. Они считают, что любой случай искажения, нанесения ущерба памятнику должен в обязательном порядке рассматриваться в суде. В порядке должны быть повышены размеры никого сегодня не пугающих штрафов, а в случаях нанесения непоправимого ущерба, тем более гибели памятника, — должна быть предусмотрена уголовная ответственность.*

Но это не главное. Музейщики предлагают полностью исключить из сферы действия закона памятники истории и культуры, как движимые, так и недвижимые. Да и вообще отказаться от понятия *«имущество религиозного назначения»* в применении к объектам культуры, получившим статус музейных памятников и ставших общенациональным культурным достоянием. При этом издание отмечает, что каковы бы ни были издержки *«церковной реституции»*, она имеет положительный характер. Так, в частности, необходимо закрепить собственника за памятниками церковной архитектуры, иначе большинство из них просто-напросто разрушится.

Продолжая тему, **«Газета. Ру»** (12 октября) ставит вопрос: *что будет с ветхими церквями и храмами, которые РПЦ не захочет брать в собственность? «В России еще очень много таких зданий, которые были переоборудованы советской властью под хозяйственные нужды или вовсе опустошены и стоят бесхозные. Часто они находятся в катастрофическом состоянии, и восстанавливать их слишком дорого и для государства, и тем более для религиозных организаций», — сказал эксперт комитета Госдумы по делам религиозных организаций Михаил Шахов. По его словам, пока члены рабочей группы не могут понять, как устранить эту прореху в законопроекте: «Теоретически за такими постройками должно следить государство, но пока на практике получается, что если церковь не затребует их в собственность, они так и будут медленно рушиться, никому не нужные».*

«Московский комсомолец» (27 октября) рассказывает об одной из попыток «музейщиков» найти компромисс с РПЦ МП. Искусствоведы составили полный свод храмов на территории РФ. И разбили его на три категории. В категорию № 1 они включили *памятники особо ценные и уязвимые по своему состоянию сохранности, требующие поддержания постоянного режима хранения и реставрационного наблюдения, а также широкого музейного показа.*

К категории № 2 знатоки культуры отнесли памятники церковного зодчества, которые все же допускают совместное пользование церкви и государственных музеев. Категория № 3 — для памятников, которые уже находятся в собственности церкви. Как показал дальнейший ход событий, поддержки у депутатов эти идеи не нашли.

17 ноября прошли вторые чтения, а 19 ноября законопроект был окончательно принят. Газета «**Время новостей**» (18 ноября) пишет, что законопроект не распространяет свое действие на предметы и коллекции, которые включены в состав музейного фонда России, а также на документы архивного и национального библиотечного фондов.

Светлана Солодовник в «**Ежедневном журнале**» (18 ноября) анализирует работу парламентариев: *Депутаты подготовили ко второму чтению 58 поправок. Представлявший законопроект председатель комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций Сергей Попов порекомендовал 18 поправок принять, а 40 отклонить. В числе принятых следующие: органы власти теперь обязаны предоставить выезжающим музеям или другим учреждениям культуры новое помещение, если самостоятельно они его найти не в состоянии. В законопроект включены положения о правилах доступа в здания и помещения, которые получают религиозные организации. Добавлены положения, которые обязывают религиозные организации также нести ответственность за полученные ценности. Нашли отражение в законопроекте и вопросы защиты прав арендаторов и граждан, которые проживают в передаваемых зданиях на условиях социального найма <...> Государство готово давать определенные суммы на реставрацию и восстановление церковной недвижимости, — в бюджете года на эти цели заложено более 2 млрд рублей, но это малые крохи. Так что процесс реституции в первую очередь коснется столиц и больших городов, где находятся самые лакомые куски недвижимости, которые к тому же легко можно сдать в аренду, — пишет Солодовник.*

«**Агентство политических новостей**» (24 ноября) отмечает, что государство решило избавиться от «непрофильных активов». На сегодняшний день в России насчитывается 6584 объекта культурного наследия федерального значения, из которых 6402 объекта принадлежат РПЦ. Существует также 4417 памятников регионального значения, из которых православным принадлежит 4241 объект. По мнению издания, церковь обязана ответить на «музейный вызов». И один из таких ответов — создание специального синодального Музейного отдела, который координировал бы работу по охране памятников истории и культуры внутри церковной ограды.

2. Столетие со дня смерти Л. Н. Толстого

Седьмого (20) ноября 1910 года на железнодорожной станции Астапово (тогда Тамбовской губернии, а ныне Тульской области) завершилась земная жизнь Льва Николаевича Толстого. Образ Толстого связан не только с литературой, но с самой Россией, с ее идентификационным кодом. Споры во-

круг толстовского учения до сих пор не утихают, хотя 100-летия со дня кончины писателя в России почти не заметили.

Владимир Можегов в «НГ-Религии» (17 ноября) пишет, что сегодня мы стали свидетелями «второго отлучения» Льва Толстого: *Современные школьники едва ли знают, кто такая Анна Каренина, современному обывателю сам конфликт знаменитого романа покажется смешным. Тем не менее само имя Толстого для нас больше чем символ. Если была у России всемирная миссия, то исполнила ее не империя и не Церковь, а великая русская литература. Толстой и Достоевский — два ее могучих крыла... И если конфликт Толстого с Церковью не будет честно осмыслен и разрешен сегодня, то завтра, не исключено, нас снова ждут великие потрясения.*

Тему отлучения писателя от Церкви подробно разбирает «Ежедневный журнал» (27 октября): *Синодальный документ был ошибкой. Он отрицательно сказался на взаимоотношениях церкви и культуры, способствовал отходу от церковной ограды многих мыслящих людей. Церковь отлучает только своих, в приложении к Толстому понятие «свой» не подходит. Да, формально он числился членом господствующей конфессии, как числились большинство верноподданных граждан Империи. Но если придерживаться такого формального принципа, Синоду следовало отлучить миллионы. Он не побоялся сделать архаический, фундаменталистский жест по отношению к великому писателю, и ничего не сделал с теми, кто действительно готовил кровавое месиво революции.*

В своем интервью газете «Кифа» (№ 14 [120]) священник **Георгий Кочетков** напоминает о неоднозначности взаимоотношений великого писателя с церковью: *Важно помнить, куда он поехал перед смертью. Он же поехал не к своим товарищам, ученикам, последователям, а в Оптину пустынь, да еще заехал в Шамординский монастырь, где была его сестра. Он покинул Ясную Поляну, читая «Братьев Карамазовых». Он позвал оптинского старца и ждал его, и только ближайшее окружение не допустило этой встречи. Эти подробности, действительно важные для духовной судьбы человека, часто забываются людьми. Нужно сказать, что и сегодня многие характеры в церкви опознаются по отношению к таким людям, как Толстой. Одни готовы лишь анафематствовать и жечь еретиков, а другие начинают разбираться. И приходят к выводу, что мы не должны ни в коем случае вмешиваться в Суд Божий. Господь — последний Судия! Мы должны дать свободу Богу действовать, а Толстой дал для этого повод: к 1910 году он действительно сильно изменился. Он не то, что совсем готов был принять всю церковную жизнь — он знал недостатки церкви, а она знала недостатки его, — но он не настаивал на тех позициях, которые проявил в 1901 году. Важно и то, что проект, подготовленный Победоносцевым для Синода, был смягчен самим Синодом уже тогда, в 1901 году.*

Позицию Патриаршего совета по культуре озвучил его ответственный секретарь, архимандрит **Тихон (Шевкунов)**. В «Российской газете» (18 ноября) был напечатан его ответ на обращение к патриарху Кириллу президента Российского книжного союза С. В. Степашина. В письме (оно также публикуется в номере) г-н Степашин спрашивает патриарха о возможности пу-

бличного проявления в той или иной форме чувств сострадания со стороны Церкви к великому писателю в канун скорбной даты.

О. Тихон заявил: *Несколько поколений православных читателей в нашей стране и за рубежом высоко ценят литературное творчество Л. Н. Толстого. Они благодарны ему за такие незабываемые, прекрасные произведения, как «Детство», «Отрочество», «Юность», «Хаджи-Мурат», «Война и мир», «Анна Каренина», «Смерть Ивана Ильича». Однако, поскольку примирение писателя с Церковью так и не произошло (Л. Н. Толстой публично не отказался от своих трагических духовных заблуждений), отлучение, которым он сам себя отверг от Церкви, снято быть не может. Это означает, что канонически его церковное поминовение невозможно. И все же сострадательное сердце любого христианина, читающего художественные произведения великого писателя, не может быть закрыто для искренней, смиренной молитвы о его душе.*

Интернет-издание «**Грани. Ру**» так комментирует эпистолу о. Тихона (23 ноября): *Шевкунов позволяет молиться о Толстом «в сердце» — хотя о сердце люди, которые, как Шевкунов, считают Толстого соучастником русской революции, знают еще меньше, чем об истории, и вместо сердца у них чернильница и сейф с партбилетами.*

В силу сложившихся обстоятельств любая публичная молитва о Толстом может вызвать ошутимое недовольство. Писателя легко осудить, заклеив его еретические взгляды. Но Церковь стоит на праведниках, молящихся за весь мир. Толстой, при всем негативе своих религиозных воззрений, принес немало добрых плодов своим читателям. И на это по-христиански следует ответить благодарностью. По канонам Церкви, за Толстого можно публично молиться как за отлученного от причастия. По сообщению информагентства «**Благовест-инфо**» (22 ноября), 20 ноября в одной из московских библиотек такая молитва прозвучала. Литераторы, общественные деятели, ученые помолвились об упокоении души Льва Николаевича Толстого.

3. Боголюбские сироты

Ситуация вокруг приюта при Боголюбском монастыре под Владимиром уже привлекала внимание общественности. В № 142 «Континент» рассказал о бегстве двух несовершеннолетних девочек из монастыря в 2009 году и вспыхнувшей вскоре в СМИ полемике о церковных приютах. Осенью 2010 года сюжет повторился. Из монастыря снова убежали воспитанницы, которые обратились за поддержкой в администрацию Владимирской области. И снова в обществе начались разговоры о необходимости ограничить права религиозных организаций в деле воспитания и образования детей-сирот. По сообщению «**НГ-Религии**» (3 ноября), Минобрнауки опубликовало письмо «О применении законодательства по опеке и попечительству в отношении несовершеннолетних», где говорится, что религиозные организации не могут осуществлять функции опекуна (попечителя) в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Юрисконсульт Московской патриархии **Ксения Чернега** восприняла письмо как попытку ограничить социальную деятельность РПЦ МП. *Церкви хотелось бы уверить общественность, что Боголюбский монастырь — только досадное пятно на светлой картине православного воспитания,* — комментирует ее высказывания газета.

В интернет-издании «**Православие и мир**» (29 октября) политолог и телеведущий **Максим Шевченко** обратил внимание на отсутствие в России единой правовой базы, которая бы регламентировала деятельность приютов. *Когда каждая религиозная организация устраивает свои социальные какие-то институты, социальные центры,* — сказал Шевченко, — *она просто не может в силу своей природы не проповедовать в этих центрах. Понятно, что мировоззрение тех людей, которые являются воспитателями или пастырями, неизменно будет прививаться, даже иногда достаточно упорно, тем, кто поступает в эти социальные учреждения.*

Ряд церковных деятелей (протоиерей **Андрей Кураев**, **Александр Дворкин**, о. **Александр Абрамов** и др.) заявили в СМИ, что Боголюбский монастырь под Владимиром во главе с о. Петром (Кучером) — оплот фундаменталистов в РПЦ МП и церковному руководству нужно что-то с этим делать.

Расследованием ситуации в Боголюбском приюте занялись светские и церковные комиссии. *Представители следственного комитета при Прокуратуре сообщили о возбуждении уголовного дела после заявления воспитанниц Свято-Боголюбского женского монастыря, рассказавших, что с ними жестоко обращались. Представитель Русской православной церкви отметил, что они, со своей стороны, также проводят новое расследование,* — пишет «**Газета.Ру**» (27 октября). Между тем дети из приюта были переведены в епархиальную школу-пансион в Суздале. Это стало причиной уже внутрицерковного конфликта. *В минувшее воскресенье у здания епархиальной школы в Суздале, куда были помещены вывезенные из приюта дети, собрался пикет из полусотни «боголюбовцев», требовавших отдать им детей,* — сообщили 11 ноября «**НГ-Регионы**». — *Среди пришедших на митинг были не только инокини, но и крепкие мужчины, и в школе серьезно опасались штурма со стороны взявших ее в осаду людей.* «Боголюбовцам» казалось, что стоит вернуть детей обратно, и ситуация разрешится сама собой.

Светлана Солодовник провела собственное журналистское расследование, результаты которого были опубликованы в «**Ежедневном журнале**» (25 октября). *Из монастыря опять сбежали девочки. Какие девочки, сразу возникает вопрос, ведь монастырский приют после прошлогодних событий расформировали и детей, 33 человека, отправили в суздальскую епархиальную школу-пансион? Оказывается, не совсем так. Трех девочек-одинадцатиклассниц оставили в монастыре, рассказывает руководитель отдела религиозного образования и катехизации Владимирской епархии священник Сергей Минин. В суздальском пансионе еще не было старших классов, к тому же девочки просили разрешения сдавать выпускные экзамены в привычной для них школе рядом с монастырем, где они до этого учились экстерном. После прихода девочек в мили-*

цию архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий издал указ, запрещающий всякое пребывание детей в монастыре <...> Схлынет волна проверок, и дети опять вернутся в монастырь. А некоторые наверняка никуда оттуда и не уезжали, их прячут по скитам, — утверждает Светлана Солодовник.

Но почему монастырь, несмотря на ряд скандалов, так заинтересован в сохранении приюта? Светлана Солодовник так отвечает на этот вопрос: *Почему монастырю выгодно, чтобы люди приезжали туда семьями? Если вся семья целиком живет и питается в монастыре, то и вопроса об оплате труда не возникает. Зачем, если Царь Небесный и так дает им кров и пищу? И многие действительно едут и находят в монастыре не только материальную поддержку, но и сплоченную семью, спаянную общими целями. Но дети очень мешают. Вот и стараются их отгородить от родителей, чтобы те поменьше думали «о мирских» глупостях. Еще хуже, если дети остались вне монастыря. Рано или поздно родителям приходится задуматься об их обеспечении. Тогда-то и встает неприятный вопрос о деньгах, который отцу Петру этим летом, похоже, урегулировать не удалось. Не потому ли он так срочно стал выцарапывать из суздальской школы детей (смешно думать, что родители сделали это по собственному почину, — по собственному почину они не делают ничего)?*

В ноябре следствие отказало в возбуждении уголовного дела по факту нарушения прав бывших воспитанников Боголюбского монастыря. **Борис Кли**н в «Известиях» (22 ноября) пишет о тактике епархиального руководства: *Детей, заявивших об истязаниях в монастыре и нашедших убежище в епархиальной школе-пансионе, по приказу архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия из этой школы исключают и передают родителям — адептам боголюбовской секты. С самого начала скандала на детей оказывалось беспрецедентное давление. Школу-пансион пикетировали прихожане Боголюбского монастыря, причем происходило это даже в ночное время. Но никаких мер по защите детей до сих пор не принято. Возможно, сыщики ждут, когда все дети сами откажутся от своих показаний.*

В то же время церковное руководство приняло реальные меры, чтобы Боголюбский монастырь больше не становился эпицентром скандала. По сообщению «Ежедневного журнала» (16 ноября), архиепископ Евлогий отправил на покой духовника Боголюбского монастыря архимандрита Петра (Кучера) и освободил от должности настоятельницу обители монахиню Георгию (Курчевскую), оставив при этом за о. Петром право жить в монастыре. Епархиальные строгости коснулись не только монастырского руководства, но и руководителя школы-приюта о. Виталия Рысева. «С целью оздоровления атмосферы» он освобожден от должности благочинного Суздальского района и больше не будет директором школы-пансиона, куда после прошлогодних событий отправили многих монастырских детей. Само учебное заведение предполагается преобразовать в обычную православную школу продленного дня, где дети уже не смогут жить.

Но даже это амбивалентное решение епархиальных властей вызвало взрыв недовольства фундаменталистов. Они провели ряд акций и пикетов

в Москве и во Владимире. Участники молитвенных стояний, представители православной общественности выразили глубокое беспокойство по поводу того, что духовник и настоятельница Свято-Боголюбского монастыря стали жертвами хорошо спланированной клеветнической кампании, что привело к отстранению архимандрита Петра и монахини Георгии от должностей и закрытию детского приюта, — пишет консервативная «Русская народная линия» (29 ноября).

Фундаменталисты требуют восстановить духовника и настоятельницу в их должностях. И, судя по их решимости, священноначалию РПЦ МП придется проявить не только твердость, но и мудрость, чтобы оздоровить ситуацию вокруг обители.

4. Международная богословская конференция

С 15 по 18 ноября в Москве прошла международная конференция, организованная Синодальной библейско-богословской комиссией Русской православной церкви. Тема представительного форума — «Жизнь во Христе: христианская нравственность, аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи». Среди более семидесяти участников встречи — православные богословы и ученые, а также представители других христианских традиций и светской академической науки.

Информагентство «Благовест-инфо» (15 ноября) подробно рассказало о первом дне работы форума. *Первое пленарное заседание конференции открыл Патриарх Кирилл. Приветствуя участников, он произнес речь, в которой особое внимание уделил значению богословия в современной жизни Православной Церкви. По его словам, имеет место разрыв богословия и практики церковной жизни, и необходимо приложить усилия, чтобы соединить их, причем с обеих сторон: богословы должны помочь «церковным практикам» в принятии важных решений, последним же необходимо прислушиваться к мнению богословов. «Богослову сегодня проще написать монографию, чем предложить церковной власти продуманное и обоснованное решение конкретной проблемы», — отметил Патриарх... В свою очередь, Председатель Синодальной библейско-богословской комиссии митрополит Минский и Слуцкий, Патриарший Экзарх всея Беларуси Филарет, глава оргкомитета конференции, кратко рассказал о том, как выбиралась тема для международного православного богословского форума, которые РПЦ устраивает каждые три года. По словам митрополита Филарета, было решено обратиться именно к актуальной теме.*

Наиболее полно работа конференции освещалась на портале «Богослов.Ру». Здесь не только помещены отчеты о работе представительного форума, но и вывешены все доклады участников. Помимо пленарных заседаний, работали секции: «Аскетическое предание Церкви», «Христианская нравственность» и «Вызовы современной эпохи». «Богослов.Ру» дает отчет об их работе. Вот, например, что говорится о работе секции «Христианская нравственность»: *Были озвучены девять докладов, так или иначе касающиеся со-*

отношения христианской и светской этики... архимандрит Кирилл (Говорун) в своем докладе рассказал о становлении европейской светской этики, пошедшей по пути автономизации от христианского персонализма. В докладе и его обсуждении была отмечена неразвитость православного нравственного богословия как самостоятельной дисциплины, прозвучал призыв, с одной стороны, к развитию православной этики, с другой, — к синтезу этики и богословия. Абсурдность существования формальной нерелигиозной этики и морали была показана в докладах проф. А. П. Козырева и проф. М. О. Шахова. В первом докладе было подчеркнуто, что этика не может быть мыслима без вопроса о существовании человека, был отмечен неутилитарный характер этики; во втором — логическая несостоятельность нерелигиозных этических построений... Д. М. Гзгян в своем докладе обсудил возможности применения аппарата школы «материальной этики ценностей» и прежде всего концепции иерархии ценностей в христианском нравственном богословии.

Оценивая работы конференции, «Ежедневный журнал» (17 ноября) отмечает, что первый день оставил впечатление парада представителей поместных церквей. Много академизма, узнаваемых с полуслова мифологем и ментальных конструкций. В другие дни эта тенденция сохранилась. Возможно, организаторы постарались увести наиболее спорные, проблематичные вещи за скобки, в кулуары, а в открытой дискуссии только обозначить волнующие многих вопросы. Да, были важные доклады, затрагивающие тему сексуальной аскетики в браке, проблему «выгорания священника» и т. п. Но они шли по касательной. Да, в работе форума приняли участие действительно крупные ученые, мыслители, церковные деятели. Достаточно назвать имена Сергея Хоружего, Ольги Седаковой, протоиерея Иоанна Бэра (США), игумена Петра (Мещеринова). Но метафизического сквозняка не хватало. Издание считает, что конференция при всех своих минусах имела и немало плюсов. Главный из них — интеллектуальное движение воздуха. К тому же, наработки форума будут использованы в работе межсоборного присутствия. Так что какой-то практический выход все же есть.

Газета «Кифа» поместила посвященное итогам конференции интервью с секретарем Синодальной библейско-богословской комиссии, проректором Общецерковной аспирантуры и докторантуры протоиереем **Владимиром Шмалием**. Предыдущие конференции были более академичными, — сказал он, — а на этой, как мне кажется, был в целом существенный выход в практику. Ведь сама по себе аскетика — это практика. Что же касается этики, поставлена серьезнейшая задача построения актуального нравственного богословия <...> Есть разные точки зрения на задачу богословских конференций. Кто-то получает огромное удовольствие от чисто академического собрания узких специалистов, где все говорят на своем «птичьем» языке. Там требуется такое знание контекста и такая эрудиция, что когда заходит профан, он вообще не понимает, о чем идет речь. Кому-то это кажется устаревшим, как стиль советской науки, как что-то кондовое, и он считает, что конференции нужно осовременивать и они должны иметь скорее

«ироничный» характер, там должно быть что-то нетривиальное, элемент игры, интриги, чуть ли не театральное действие. У всех свое видение. Но мне кажется, что мы, несмотря на критику и с одной, и с другой стороны, стараемся все-таки находить баланс. И спокойно выслушиваем критику с разных сторон.

5. К вопросу о преподавании «Основ православной культуры» в школе

В новом учебном году продолжилась апробация курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), который преподается сейчас в девятнадцати регионах. Напомним, что эксперимент по введению этого курса в школы начался 1 апреля 2010 года (с началом 4-й четверти) и продолжился в сентябре. В 2011 году к эксперименту подключатся еще несколько регионов — Ярославская область и Республика Марий Эл, но дискуссия о преподавании религии в школе по-прежнему остается острой.

Светлана Медведева, супруга президента России, возглавляющая Фонд социально-культурных инициатив, дала интервью православному журналу «Фома» (№ 9). Интервью первой леди России посвящено образованию, воспитанию, роли религии в современном обществе, воспроизводству традиций. В России, сказала она, нравственные ценности, как и повсюду в мире, глубоко связаны с религией <...> поэтому странно было бы говорить о нравственном воспитании в школе без опоры на опыт традиционных для народов нашей страны вероисповеданий.

Светлана Медведева сказала также, что *все религиозные традиции мира объединяет вера в существование объективного нравственного закона, следование которому ведет к благополучию, а пренебрежение им — к жизненному краху. Поскольку, как полагает первая леди России, религиозное образование — в той или другой форме — существует в большинстве европейских стран, то в этом отношении мы не вводим что-то новое, а лишь возвращаемся к общеевропейской практике, из которой мы, по известным историческим причинам, надолго выпали. Упомянув о том, что сегодняшние дети нередко приводят родителей в храмы, как о позитивном явлении, Светлана Медведева высказала пожелание относительно курса светской этики.*

Будет очень хорошо, — сказала она, — если приверженцы светского подхода к нравственному воспитанию смогут сделать интересный и продуктивный курс светской этики, поскольку сочетание духовной и светской культуры открывает ребенку более широкие возможности для личностного роста и гармоничного развития и делает весь процесс обучения более сбалансированным.

В конце сентября в Москве в Российской академии государственной службы состоялся симпозиум, посвященный итогам апробации комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Обсудить итоги собрались представители девятнадцати регионов, в которых проводится эксперимент, — ученые, государственные служащие, за-

нимающиеся проблемами государственно-конфессиональных отношений, представители кафедр социологии и религиоведения, представители конфессий, учителя и сотрудники региональных управлений образования, члены региональных Общественных палат.

По сообщению «Ежедневного журнала» (14 октября), большинство опрошенных учащихся (42,1%) осваивают модуль «Основы светской этики», 30,6% опрошенных изучают «Основы православной культуры», 20% — «Основы мировых религиозных культур», 5,2% — «Основы исламской культуры», 2% — «Основы буддийской культуры», 0,1% — «Основы иудейской культуры».

На совещании, пишет далее «Ежедневный журнал», высказывались разного рода недовольства. *Учителя недовольны выбранными для эксперимента классами — конец 4-го, начало 5-го. По их мнению, введение курса совпадает с непростым переходом от начальной школы к средней. Кроме того, они жаловались на нехватку учебников и пособий. В свою очередь, священнослужители недовольны давлением, которое, по их сведениям, оказывалось на учеников и родителей в некоторых регионах: дескать, директора школ отдают предпочтение светской этике и внушают родителям соответствующие взгляды <...> Правозащитники тоже недовольны давлением: грубостью и оскорбительными выражениями по отношению к представителям другой религии при выборе конфессионального курса <...> Мусульмане и неправославные христиане недовольны тем, что в ряде школ откровенно пропагандируется РПЦ МП <...> Родители недовольны тем, что дети перегружены, и считают, что предмет нужно сделать факультативным.*

Комментируя итоги симпозиума, «Учительская газета» (23 ноября) подчеркивает положительное в целом отношение родителей учеников, участвующих в апробации. В то же время Общественный совет рекомендовал пока не расширять географию эксперимента.

По мнению участников Общественного совета, *учебные пособия по новому курсу слишком скучные, учителям не хватает квалификации, и вообще курс может сформировать у детей неправильное отношение к религии и нравственности в целом.*

Издание приводит мнение члена общественного совета по нравственности г. Екатеринбурга **Михаила Буракова**: *Преподавание отдельных религиозных культур в общеобразовательной школе следует... приостановить. Обучение основам отдельных религиозных культур следует проводить лишь в воскресных школах соответствующих религий. Мы знаем, что аналогичного мнения придерживаются инициативные группы и в других регионах, где проводится эксперимент.*

Марианна Шахнович в «НГ-Религии» (3 ноября) высказалась за преподавание общего курса по истории религий. *Если мы хотим, чтобы в школах страны можно было развернуть преподавание и курса ОРКСЭ, и истории религий, то нужно готовить молодых учителей в педагогических университетах, читая им соответствующие курсы. К сожалению, в вузах, в том чис-*

ле и в педагогических, часы на преподавание религиоведения или истории религий сокращаются или упраздняются вообще из учебных планов, — пишет Шахнович.

Противники ОРКСЭ не устают подчеркивать, что сама форма эксперимента и выбор между религиями создали в школе определенное межрелигиозное напряжение. По мнению **Романа Лункина** («Ежедневный журнал», 14 октября), итогом эксперимента может стать открытая постановка целого ряда вопросов. Среди них — возможность ввести преподавание «Основ светской этики» и «Основ мировых религий» в обязательном порядке, а предметы по религии оставить факультативными, но с господдержкой.

Обзор подготовили Александра и Борис Колымагины

ВЕТЕР С ЗАПАДА

Западная идея в русской культуре¹.

Я начну стихами польского поэта Константы Ильдефонса Галчинского:

Ветер с Запада повеял,
Из Ронсара, из Боккаччо,
Из Кохановиуса.
Флора, хворост в печку чаше!
О весне, еще дрожащей,
Возвести, о sancta Musa!

Я переводила эти стихи в университетские годы. Конечно, Запад для Польши и Запад для России — не одно и то же. Для нас ветер из Польши — это уже ветер с Запада, и не раз, как известно, Запад приходил в Россию именно через Польшу. Но, как и в этих польских стихах, западный ветер был для меня ветром весеннего пробуждения, освобождения, поэтического вдохновения. На месте Кохановиуса (латинская форма имени первого классического польского поэта Яна Кохановского) я вполне могла бы представить имя Пушкина. В Пушкине веял то же весенний ветер с Запада, «из Ронсара, из Боккаччо».

Как известно, тема (или концепция, или миф) «Запада» стоит в центре всей российской истории послепетровского времени. Это не вопрос внеш-

¹ Выступление на Международной конференции, организованной движением *Russia cristiana* (Христианская Россия). Сериате, октябрь 2010.

**Ольга
СЕДАКОВА**

— родилась в 1949 г. в Москве. Окончила Филологический факультет МГУ и аспирантуру Института славяноведения. Поэт, прозаик, переводчик, автор многих книг, в том числе собрания сочинений в 2-х т. и тома избранного «Путешествие волхвов». Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник МГУ, почетный доктор богословия Европейского гуманитарного университета. Лауреат литературных премий Андрея Белого, Александра Солженицына, Альфреда Тёпфера, Европейской премии за поэзию, Ватиканской имени Владимира Соловьева и др., кавалер Ордена искусств и словесности Французской республики. Постоянный автор «Континента». Живет в Москве.

ней политики, это *внутренний* вопрос русской культуры, можно сказать, ее духовный вопрос. Ввиду «Запада», в постоянном сопоставлении с ним Россия ищет собственный образ (до XX века «Запад» означал Европу, теперь это и Америка, и часто в первую очередь Америка, но об этом позже). В полемике с «Западом» сложилась «русская идея» с ее акцентом на таинственной, непознаваемой сути России — непознаваемой для «европейца», в том числе, и русского европейца (то есть человека, образованного и воспитанного по западному, послеренессансному и послепросвещенческому образу):

Не поймет и не приметит
Гордый взор иноплеменный,
Что горит и тайно светит
В красоте твоей смиренной.

В этих знаменитых стихах Тютчева Россия противопоставлена Западу как нищая, кроткая, страдальческая, Христова страна — богатому, деловому и гордому безбожному соседу. Характерная антитеза славянофильской мысли. То, что «взор иноплеменный» может быть не высокомерным, а сочувственным или уважительным, просто не предполагается. О христианской традиции Запада речь в этом случае обычно не заходит. Если же заходит, западное христианство представляется карикатурной фигурой «иезуита», Тартюфа или Великого Инквизитора: зловещим образом коварного святоши². Но, заметим, и западные путешественники XVII — XIX веков не видят в «русской вере» ничего христианского («смесь буддизма с исламом», по словам Бальзака).

Я не собираюсь сегодня обсуждать «русскую идею», мысль России о себе³, всегда прямо или косвенно противопоставляющую себя «Западу», а то и всему остальному миру. Современный итальянский историк и дипломат, свидетель новейших событий, описал это настроение весьма сурово: «il paese si isola dal mondo e si perde nella narcisista contemplazione della propria originalita' o nella compiaciuta commiserazione dei propri vizi»⁴. Моя сегодняшняя тема — «европейская идея», или русская мысль о Западе.

² Интересно заметить, что этот карикатурный образ католицизма возник не из опыта реального общения с ним, а по большей части из антиклерикальной западной (особенно французской) беллетристики.

³ См. об этом: «Русская культура. Вводная лекция». — *Седокова О.* «Континент», № 142.

⁴ «Страна замыкается от мира и уходит в нарциссическое созерцание собственной самобытности или в растроганное оплакивание собственных пороков». Sergio Romano. *La Russia in bilico*. Mulino, 1989. P. 8.

Серджо Романо — историк, писатель, дипломат, один из ведущих итальянских журналистов. Посол Италии в Москве с сентября 1985-го до марта 1989-го. Книга «Россия перед решением», плод его русских впечатлений, прозвучала резким диссонансом в общем хоре западного энтузиазма по поводу горбачевских реформ. С. Романо предвидел многие драматические последствия, которые с неизбежностью должна была вызвать попытка реконструкции коммунистической системы.

«Европейская идея» не приобрела такой формульной простоты, как «русская идея». То, что принято называть российским «западничеством», включает в себя явления, различные до противоположности. Более того, определенный (и, быть может, самый известный) тип российского западничества исходит из того же мифа «Запада», что и его антагонисты «почвенники». Этот миф, как известно, небогат: «Запад» — материалистическая, духовно опустошенная цивилизация, мир механического рационализма, индивидуализма, техники, утилитаризма. И что же: совершенно тот же набор характеристик, но с положительным знаком (именно это «современно», «цивилизованно», так живут «умные люди», а не «наши дураки») имеет «Запад» в «низком» варианте русского западничества. Среди классических литературных персонажей его воплощают, к примеру, чеховский лакей Яша («Вишневый сад») или Смердяков Достоевского («Братья Карамазовы») и другие его «бесноватые» герои. Эта карикатурная реплика «Запада» (с лозунгами типа: «Все позволено!» или «Имею право!»), вероятно, покажется европейцу не менее экзотичной, чем самые архаичные местные обычаи. Российский нигилизм привык, по меньшей мере, с XVIII века (когда еще слово «нигилизм» не было в ходу), искать себе легитимизации в «западной современности». С западничеством этого типа связана тема «отсталости» России, идея «догонять» ушедший вперед мир или «не отстать» от него, «быть современными». Российские модники (в том числе интеллектуальные модники) невероятно догматичны.

«Запад» в другом, условно говоря, аристократическом или романтическом варианте («страна святых чудес» Версилова, «Подросток»), тоже представляет собой, в сущности, внутренний компонент русской культуры. Особое, ревностное благоговение перед гением европейской культуры («нам внятно всё», «мы любим эти священные камни больше, чем они сами!») — оригинально русский феномен (впрочем, он известен и в Новом Свете: случай Э. Паунда, Т. С. Элиота). Этот русский европейский идеализм уже в XIX веке был непримирим к «прозе» современной ему западной жизни, к «все-европейской желтой пыли», к тому, в чем российские рыцари Европы видели мелочность и холод буржуазного существования (ср. путевые заметки о европейских путешествиях Льва Толстого, Достоевского, Блока). Горячо любимая в своих художниках, героях, мыслителях, Европа не воспринималась ими в своих учреждениях и бытовых нормах. За их неприязнью к обыденности Запада незаметно даже простого желания понять и изучить строй этой жизни.

Тем не менее присутствие в русской культуре тяги к Европе идеальной, творческой и гуманистической, сильно и постоянно. Этот «европейский эрос» российской истории, который Мандельштам назвал «тоской по мировой культуре», любил в европейской цивилизации не асоциальный индивидуализм (как в смердяковском западничестве; как в западничестве «петиметров» XVIII века и нигилистов XIX), но наоборот: высоко развитую социальность, *gentle society*, уважение к человеку, «людскость», словами Ба-

тюшкова, которую «русские европейцы» хотели бы увидеть на родных берегах. Европа представлялась отсюда тем пространством, той ситуацией, в которой человек может (и уже смог) осуществить свои творческие и культурные возможности, свою человечность, «ум и талант»⁵. Это вековое культурное вдохновение как будто опровергает тот вывод, который Серджо Романо делает в уже упомянутой книге, — вывод о том, что Россия, в сущности, никогда не была заинтересована Западом как духовной и культурной реальностью («L'antica convinzione russa, che l'Occidente non e' cultura o spiritualita', ma "tecnica", vale a dire un prezioso deposito di strumenti e cognizioni tecniche di cui altri possono liberamente appropriarsi senza per questo rinunciare al proprio superiore sistema di valori»⁶). Однако вывод С. Романо безусловно справедлив в том отношении, что идеалистическое, гуманистическое, творческое «западничество» всегда принадлежало более или менее оппозиционным кругам русского образованного общества — и, тем самым, не отражалось на государственной позиции России, на характере официально предпринимаемых вестернизаций, которые были и остаются именно такими, как описал С. Романо.

Чтобы самым наглядным образом представить себе, как выглядело «высокое» русское западничество, стоит посетить русскую усадьбу начала двадцатого века, например, усадьбу художника В. Д. Поленова близ Тарусы. Европа присутствует там как культурный, моральный и даже религиозный образец (так, христианство воспринимается в кругу Поленовых не в традиционно православной, но в ренановской версии; тем не менее для крестьян Поленов строит православную церковь по собственному проекту, в котором соединяются элементы готики и северорусского зодчества). Просветительская и филантропическая деятельность семьи Поленовых (школы, больницы для крестьян, обучение крестьянских детей искусству), как и многих других дворянских семей в предреволюционное время, — несомненно, плод их «европейства». Тем удивительнее отчетливо местный, русский колорит, которым оказывается пропитан этот благоговейно воспринятый европейский христианский гуманизм.

Я думаю, что подобным образом дело происходило и с другой, первой культурной прививкой: с трансплантацией (как назвал этот процесс Д. Лихачев) византийских образцов в Древней Руси. Рецепция «европейского» в таких явлениях, как, скажем, русский портрет XVIII века, живопись А. Ива-

⁵ Ср. слова Пушкина: «Черт меня догадал с умом и талантом родиться в России». И первое, и второе, и ум, и талант, в российской действительности не только не почитаются, но стоят под подозрением.

⁶ «Старинное российское убеждение в том, что Запад представляет собой не культуру или духовность, но “технику”, иначе говоря, драгоценную копилку технических инструментов и навыков, которыми другие могут свободно воспользоваться, без того, чтобы отказываться для этого от собственной, высшей системы ценностей». *Op. cit.* P.130

нова, С. Щедрина и Венецианова, поэзия предпушкинской и пушкинской поры, музыка Глинки и Скрябина или художественные поиски Серебряного века, подобна адаптации византийских художественных образцов в допетровской Руси. Стремясь к универсализму (который в ту эпоху воплощал для русских не «Запад», а Константинополь) и нисколько не заботясь о *couleur local*, иконописцы и зодчие невольно давали проявиться этому *couleur local* во всей его свежести. И византизирующее, и европеизирующее течения русской культуры могут быть с равным основанием отнесены к той ее линии, которую Мандельштам назвал «эллинистической» (в противоположность другой, «местной» школе). И за византийским, и за европейским образцом всегда просвечивает их исток — классическая античность, греческая или латинская. И другой исток, словами Шатобриана, — «гений христианства». Я осмелюсь утверждать, что «гений христианства» русская культура воспринимала почти исключительно через светскую культуру.

Можно спросить, как этот «гений христианства», «тайна человека-христианина», который просвещенные люди России не могли не чувствовать в западной культуре⁷, относится к западному христианству *sensu stricto*: к церковному христианству Запада с его богословием, мистикой, дисциплинарным строем и т. п. Прежде всего, к католицизму, поскольку католицизм всегда занимало в русской мысли место, несопоставимое с протестантизмом. Конфронтации «Россия» — «Запад» в конфессиональном измерении отвечала пара «Православие» — «Католицизм» (интересно, что при самом значительном участии людей протестантской — лютеранской по преимуществу — традиции в российской истории, отношения с протестантизмом в России почему-то не стали культурной темой; толстовство, русский вариант протестантизма, явилось для образованного и церковного общества как совершенно неожиданная волна). Позднее православное самосознание, как и «русская идея», во многом строилось в полемике с католицизмом, в отталкивании от него. Апологеты Православия обычно отмечали, от каких «католических» недостатков свободна наша традиция — и какие православные достоинства не известны Западу. Приходило ли в голову посмотреть и на те достоинства, на те дары, которыми католическая традиция обладала и которых не доставало своей? Если приходило, как П. Чаадаеву, дело рано или поздно кончалось переходом в католицизм и, по известным причинам, эмиграцией. Но русские католики — отдельная тема. Нас инте-

⁷ См. в связи с этим замечательную рецензию Пушкина на перевод книги Сильвио Пеллико (1836): «Мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди Небесного Учителя. В позднейшие времена неизвестный творец книги «О подражании Иисусу Христу», Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным...» И далее: «Книга “*Dei doveri (degli uomini)*” устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, *тайну человека-христианина*».

ресует другая ситуация: сочувственное и глубокое внимание к другой традиции изнутри собственной, готовность чему-то учиться у нее, что-то с благодарностью принимать. И тут приходится сказать, что вплоть до позднейшего времени эта позиция в русской культуре остается почти неизвестной⁸.

Критика тех или иных сторон собственной традиции в православном богословии обыкновенно объясняет их как следствие «вестернизации», «проникновения латинства» (о. Георгий Флоровский, Христос Яннарас и многие другие). Благодаря этому устойчивому мнению мы, и не зная по существу аутентичной западной традиции, можем, как некий само собой разумеющийся факт, перечислить эти негативные «западные» особенности: подмена жизни в вере — «религиозностью»; Церкви — институцией; знания по соучастию — рациональным объектным познанием; молитвенного созерцания — медитацией или экстазом; образа — понятием или аллегорией, «сердца» — разделенными чувством и мыслью и т. п., и т. п. Так нас учили, и любой православный человек твердо знает расхожую критику католицизма и ее основные пункты. И увь, даже глубоко просвещенный прихожанин, как правило, не знаком ни с аутентичной католической традицией, ни с современными движениями западного христианства и темами его новейшей мысли, среди которых — глубокий интерес к восточному христианству и огромный любящий труд по его изучению. Образец этого — Russia Cristiana и ее основатель отец Романо Скальфи. Ничего подобного внутри православия мы не знаем. Движения с названием «Христианская Италия» представить у нас невозможно — пока, будем надеяться. Сердечная похвала христианскому Западу изнутри Православия в наши дни — слишком мало подготовленная вещь. Вдохновенному гимну православию, который представляет собой энциклика Иоанна Павла II «Orientale Lumen», не ответит пока ни один православный голос, который мог бы с той же глубиной и проникновением описать дары западного христианства. Мы только начинаем их узнавать.

И здесь мне хочется назвать три значительных имени, благодаря которым происходит это узнавание. Сергей Сергеевич Аверинцев, Наталья Леонидовна Трауберг и отец Георгий Чистяков. Все трое покинули нас в последние годы. Они учили своих читателей и слушателей, — может быть, впервые в русской истории, — слышать подлинный голос западного христианства. В их передаче мы услышали Фому Аквинского и Франциска, средневековую латинскую гимнографию и новую апологетику.. Мы услышали голос, который не может не тронуть христианскую душу, гениальный голос

⁸ Пушкин и в этом случае представляет собой удивительное исключение. Мемуаристка передает его разговор с молодым Хомяковым. На утверждение Хомякова, будто в России больше христианской любви, чем на Западе, Пушкин *ответил с некоторою досадою*: «Может быть. Я не мерил количество братской любви ни в России, ни на Западе; но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нет. А они были бы нам полезны». — Цит. по: Франк С. Этюды о Пушкине. Париж, 1987. С.105.

чистой веры. Мы увидели лица Божьих людей. Это начало встречи, которой уже не отменишь.

Но и до этой встречи с собственно церковным христианством нам есть за что благодарить европейский «гений христианства». Как я говорила, мы узнавали его из светской культуры. Можно вспомнить, что и Запад впервые узнал и полюбил православную традицию не в ее церковных выражениях, а в «русском романе», в Толстом и Достоевском. Европейские учителя России (и не только России: из бесед Вселенского Патриарха Афинагора мы знаем, какое значение в его духовной жизни имели «Отверженные» В. Гюго), могли чувствовать себя чрезвычайно далекими от всякой церковной традиции и от Рима — подобно тому, как и связь русских писателей с родной Церковью бывала небеспроблемна. Они могли даже бунтовать против нее, но то, что несли их сочинения, было впитано из этой многовековой христианской школы; они выражали ее красоту и ее творческие возможности, — что, может быть, особенно ясно для взгляда со стороны. «Святая русская литература» (как назвал ее Томас Манн), благодаря которой Запад впервые ощутил вкус православной духовности, Толстой и Достоевский и Чехов и многие другие — и воплощенная в их письме особая человечность и одухотворенность, поглощенность «последними вещами», «чем люди живы» (то, что для европейцев уже традиционно связывается с русским началом в искусстве) — были бы невозможны без европейских учителей, Диккенса, Гюго, Руссо, Шиллера, Рафаэля... Тех, в чьих созданиях европейский дух обнаруживал себя как дух христианской цивилизации, христианского социального гуманизма с его ценностями, в общем-то, почти экзотическими в российской действительности: с безусловной ценностью свободы и ничем не отменяемым уважением к человеку. Дух христианской Европы, как его узнавали писатели, художники, мыслители крепостной России, как его узнавали и мы в годы коммунистического рабства, был отрицанием унижения и насилия. И если за детским и юношеским чтением европейской классики мы вряд ли могли дать себе отчет в том, в каком отношении эти вещи находятся с истоком христианства и с его европейским развитием, мы несомненно узнавали лицо Г.-Х. Андерсена или лицо Ч. Диккенса как христианское лицо, и, тем самым, мы узнавали свободу как христианский дар, ту «тайную свободу», о которой говорил Блок вслед за Пушкиным. «Тайный» в церковно-славянском языке и у Пушкина значит «таинственный»: это не свобода в подполье, а таинственная свобода. Ведь свобода не менее таинственна, чем другие дары, которые, как сокровища Востока, перечисляет энциклика «Свет с Востока».

Свобода связана с другим даром, который приносил нам ветер с Запада: с реальным переживанием *настоящего*. О современном западном человеке Иоанн Павел II пишет: «Мы зачастую чувствуем себя сегодня пленниками настоящего; человек как будто утратил сознание своего участия в истории, в том, что было до него и что будет после. <...> Церкви Востока открывают нам дар особенно острого чувствования преемственности, которое но-

сит имена Предания и эсхатологического ожидания». С. Аверинцев, который всеми силами сопротивлялся культу плоского настоящего, писал: «Настоящее так важно потому, и только потому, что через него таинственная глубина прошлого и таинственная широта будущего раскрываются навстречу друг другу»⁹. Действительно, жизнь в плоском «настоящем», в «актуальном моменте» ужасна. Но мы знаем и другую опасность: за глубиной прошлого и широтой будущего, к которым обращен человек, он утрачивает чувство настоящего, того, что явно, здесь и сейчас, требует нового ответа или новой формы ответа. Вероятно, чтобы по-настоящему чувствовать настоящее, — как еще небывалое и уже решающее, — то есть помнить, что и прошлое было рядом таких настоящих, и будущее будет ничем другим, как настоящим, необходима свобода. Свобода личного решения, свобода от безличных структур: социальных, исторических, государственных, этнических и т. п., — от того в них, что репрессивно по отношению к интимной глубине личности, от безвоздушного пространства фатальности, которое они несут с собой. Но серьезнее — свобода от безысходной борьбы за власть или против власти под самыми разными лозунгами. Свобода не властвовать и не покоряться, а «даровать свободу» другим: утешенье, так глубоко переданное Пушкиным. Это утешение вдохновения, утешение творчества. И его нес нам западный ветер.

Несомненно, мы могли бы найти ключи этой свободы и в собственной традиции, в древних патериках, в рассказах о старцах и подвижниках, которые достигали головокружительной высоты такой — освобождающей — свободы, в живом опыте встреч с духовными людьми, в проповедническом слове нашего современника Антония Митрополита Сурожского. Но для рутинного церковного мнения и для многих православных публицистов наших дней свобода остается чужим и враждебным понятием, «западным», «интеллигентским», «нецерковным». Настоящее и современность воспринимаются как бесовский соблазн, от которого требуется обороняться «священными устоями» и «благими упованиями».

Итак, таинственная свобода и таинственное чувство настоящего — те дары, за которые я прежде всего хотела бы благодарить Запад. Христианские ценности свободы и человеческого достоинства на Западе из храмов и монастырей распространились в мир и стали общими основаниями гражданской цивилизации даже в ее нынешнем секуляризованном образе; в российском обществе они совсем не упрочены.

Теперь от исторической части я позволю себе перейти к мемуарной.

Массовому и официальному обращению к Западу (начатому Горбачевым как «возвращение к общечеловеческим ценностям») предшествовала другая «западная идея»: движение независимой творческой культуры.

Культурный авангард 70-х годов был, несомненно, обращен к Европе (в отличие от американистских 60-х). Образцом такого настроения может слу-

⁹ *Аверинцев С.* Две тысячи лет с Вергилием.

жить структурализм, школа культурологии с центрами в Тарту, Москве и Ленинграде, авангард отечественной гуманитарной науки 60-х — 70-х годов. Еще более широкую перспективу открывала мысль С. С. Аверинцева, который называл себя «средиземноморским почвенником». Труды Аверинцева соединяли в себе богословскую глубину, свойственную раннему славянофильству, с открытостью и рациональной ясностью, к которой всегда стремилась западническая традиция.

Научное культурное возрождение происходило на окраинах официальной культуры и казалось допущенным по странному недосмотру. По отношению к собственно творческим попыткам (поэзии, живописи, мысли) такого недосмотра допущено не было: новая творческая культура обитала в подполье. Недозволенная поэзия, живопись, музыка, театр несли в себе ту же «тоску по мировой культуре». Стремясь к «Западу», они вместе с тем стремились и к воссоединению с собственным Серебряным веком, последним российским прошлым, которого не осквернило люмпенство большевизма. Латинские названия стихотворных самиздатских книг (как *Exercitas exorcitans*, «Войско, изгоняющее бесов», — первая самиздатская книга Елены Шварц) сообщали своему читателю этот двойной вектор. В самиздатских списках ходили переводы философских сочинений (Хайдеггер, Ясперс, Бубер), христианских мыслителей (Ж. Маритен, Карл Барт, Бонхеффер, Тиллих, Честертон, Льюис). Сама возможность читать на других языках означала принадлежность определенному культурному кругу, иначе информированному (цензура иноязычных изданий не была такой жесткой) и воспринявшему иные умственные навыки, чем у тех, кто читал только по-русски. И поскольку этот элитарный по существу круг был узок, необычайную, творческую актуальность приобретало переводческое дело. Культурным событием становился не только — и, вероятно, не столько — перевод новейшей словесности, но и, скажем, переводы неоплатоника Прокла, или Фомы Аквинского. Эти переводы также могли прорваться или не прорваться сквозь цензуру. Так, английские апологеты, Льюис и Честертон, в переводах Н. Трауберг, ходили по рукам в машинописных копиях. Также обстояло дело с многими переводами В. В. Библихина. Временная и географическая дистанция не спасала от цензуры: ей подвергались даже нотные издания для детей: из «Тетради Анны Магдалены Бах» и «Детского альбома» Чайковского исчезали «религиозные» названия. Из рук в руки передавали самодельный перевод текста «Страстей» Баха (которые исполнялись только гастролерами; те, кто изучали «Страсти» в курсе истории музыки, о самом сюжете имели весьма туманное представление!). Тоска по «высокому Западу», хранителю двух искорененных режимом основ европейской цивилизации — классической античности и библейского наследия, — в 70-е годы была, я думаю, несравненно острее, чем в Золотом и Серебряном веке русской культуры: «страна святых чудес» виделась, словами Манделштама, из «львиного рва» советского одичания и бесчеловечности. Оттуда, из этой страны, доносилась речь свободного человека, каким нам представлялся каждый «западный» автор.

Актуальный, постиндустриальный Запад был при этом практически неизвестен. Сон о Европе располагался во вневременном, платоническом измерении — и кончался где-то на времени экзистенциализма. Пародию на тот образ «Европы», которым мы располагали, дает Венедикт Ерофеев в «заграничных» главах своих «Петушков». Итальянцы там занимаются исключительно пением и рисованием: один поет, другой его рисует, а тот поет о том, как этот рисует.

— Я была уверена, что никогда не увижу Вестминстера, — сказала я своему спутнику англичанину в Лондоне в ноябре 1989 года.

— Значит, вы сейчас в своем «никогда», in your never! — ответил он.

У Елены Шварц есть воспоминание о том, как она впервые из самолета увидела внизу очертания Лондона (в том же 89-м году) — и поняла, что вся прошлая жизнь кончилась и началась «жизнь после жизни».

В самом деле, нам пришлось оказаться в собственном «никогда», испытать тот шок, когда «элизиум теней», платоническое *al di la'* спускается с небес, оказывается на земле, перед глазами. Имена обретают своих носителей: вот *это* Сорбонна! А это — Арно! Наш «Запад» состоял из имен. Этих имен, дат, подробностей мы помнили несчетное множество. Впервые приехав в Париж или Кельн, С. Аверинцев мог вести по этим городам экскурсии для местных жителей.

Почему эти имена были нам так дороги? Они сообщали надежду, что мир не таков, как все то, что мы видим вокруг себя; что есть человеческий гений и человеческая жизнь. Среди ценностей, которые принимались нами как «европейские», первой, естественно, была, как я говорила, свобода, личная свобода. Свобода умственная и творческая, — и если политическая, то потому, что данный политический режим всего этого не допускал. От чего был свободен «свободный мир»? От «руководящей роли партии» и не менее руководящей роли КГБ, от «самого передового учения»: от идеологического унижения и надзора, от принудительного популизма и невежества. Экономическая свобода мало интересовала описываемый мной круг. Тяга к форме, к естественной сложности, к автономной красоте, к художественной новации, к интеллектуальному поиску, к исторической перспективе — все это называлось «Европой». Тоска по «Западу» была тоской по *душе*. Не случайно слово «душа» появляется в стихах молодого Бродского, посвященных Джону Донну, а свою «Молитву» Окуджава приписал Франсуа Вийону. Из плена воинствующего атеизма в России едва ли не впервые почувствовали, что Европа — христианский мир. Существенно и то, что «мировая культура» европейского гуманизма противостояла в нашем сознании не русской традиции (которая — в своем дореволюционном образе — располагалась в том же потустороннем мире), но исключительно советской. В отличие от старых западников и славянофилов, полюсом «Запада» была не «Россия», а «прекрасный новый мир». «Россия» располагалась там же, где «Запад»: там, где возможна душа, где возможна свобода и гений («святая Муза»).

Встреча с реальным Западом сместила его легендарный образ. Постмодернистская Европа после всех своих революций — потребительской, культурной, сексуальной, технологической, — Европа эпохи глобализма и массового общества оказалась слишком мало похожей на «страну святых чудес». Среди влиятельных и известных имен европейских современников мы не слышим того голоса «великого европейца», который привыкли чтить в России. Да, этим голосом говорил Иоанн Павел II, — но в светской культуре звучат совсем другие голоса. Ветер с Запада больше не несет ностальгии по Музе и душе — он несет актуальное искусство, акции, инсталляции и другие могильные вести. Он несет то, от чего мы когда-то бежали: популизм, беспросветный материализм, смерть автора, смерть композитора и множество других смертей... Так теперь выглядит «западная идея» в светской российской культуре. На этом печальном наблюдении мне и приходится кончить. Мы ждали ветра с Запада, европейцы — света с Востока. Осталось ли что-нибудь от этого ожидания?

Серьезная работа по изучению Европы и Америки как реальных систем происходит теперь в других областях: в экономической, юридической, социологической мысли. И это, в отличие от карикатурного «западничества» и «славянофильства» современного российского искусства и гуманитарной мысли, — действительно новое явление в российской истории.

УНИВЕРСАЛЬНОЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Философская, социологическая и политологическая мысль в российской периодике третьего квартала 2010 г.

Что такое человек? И как в условиях многообразия практик, языков, моральных установок и т. д. можно говорить о единстве человечества? Эти вопросы, столь актуальные в наш век глобальных проблем, не имеют простых решений, считает Григорий Гутнер, автор статьи «Идея человечности и единство человечества» («Страницы», № 14). Казалось бы, ответ дает кантовский категорический императив: каждый человек как разумное и свободное существо имеет возможность пользоваться собственным разумом и руководствоваться такими правилами, которые мог бы рекомендовать в качестве всеобщего морального закона. Всякий, кто способен подчиняться единому моральному законодательству, и есть человек, входящий вместе со всеми в единое сообщество разумных существ. Поступая морально, каждый, таким образом, представляет в своем лице все человечество. Проблема, однако, в том, пишет Гутнер, что *единое человечество — это только идея*, не выводимое из опыта *умопостигаемое понятие*. Единый моральный закон не является нормой для большинства и не выводим из разнообразных традиций, обычаев и привычек, которых придерживаются люди. Поэтому, по мнению автора статьи, было бы серьезной ошибкой рассматривать идею единства как некий проект будущего устройства человечества. К тому же и вообще, напоминает Гутнер, любой проект тотального устройства всего человечества ошибочен и опасен, что и было доказано всем ходом XX века. Впрочем, с помощью человеческих усилий такого единства все равно не достигнуть. Так что говорить о нем следует совсем в иной модальности: в модальности *надежды*. Поступая морально в кантовском смысле, т. е. полагая себя представителем всего человечества, мы действуем так, как если бы единство человечества действительно существовало, — по сути же лишь надеясь на это. И это допущение особого рода: оно не может быть проверено или опровергнуто с помощью наблюдений, не может быть выведено логически. Убеждение в подобном единстве человечества имеет, таким образом, *религиозную природу*, считает Гутнер.

Точно так же, по мнению автора статьи, обстоят дела с двумя другими аспектами человечности: свободой и разумностью. Уважая эти качества в себе и в другом человеке, мы также не можем рассматривать их как эмпирические. Ведь психология, социология и прочие сферы современного зна-

ния способны сегодня, как кажется, разоблачить любую нашу претензию на свободу и разумность. Актуальная наука в состоянии объяснить любой поступок, слово и жест человека соответствующими социальными, психическими и биологическими причинами. Но фактически то же самое показывает ведь и опыт христианской аскетики: мы не можем полагаться на свой разум, поскольку греховные страсти легко превращают его в свой инструмент. Познавая самого себя, человек все больше убеждается, что он — иррациональное существо, зависимое от инстинктов, психологических комплексов, страхов и т. п. То есть таким образом индивид не может знать себя как предполагающееся кантовской этикой разумное и свободное существо, он может лишь надеяться, что является таковым вопреки всему, — как и другой человек. Подобно надежде на единство человечества, эта надежда, заключает автор статьи, также имеет религиозную природу.

Пожалуй, сколько существует философия, столько она и озабочена проблемой собственной самоидентификации. Абдусалам Гусейнов в своей статье «Философия между наукой и религией» («Вопросы философии», № 8) вспоминает слова Бертрانا Рассела: *философия — ничейная земля, расположенная между наукой и теологией и подвергающаяся атакам с обеих сторон*. Предложенный Расселом образ ярко иллюстрирует двуединую природу философии: подобно науке, она апеллирует к разуму и является особого рода знанием о мире; но в то же время она есть особого рода отношение к действительности, образ жизни, верование и дело аксиологического выбора, и это роднит ее с религией. Располагаясь между наукой и религией, пишет Гусейнов, философия соединяет начальные основы сущего с конечными целями человеческого существования, которые формируются в качестве нормативной программы. Путь этот — эволюционный, и сегодня, по мнению автора статьи, философия в очередной раз оказалась на распутье. С одной стороны, она осознала, что решение этико-аксиологических проблем не может быть делом одной лишь веры, оно требует опоры на знания и активную деятельность, с другой, — что и средства только познавательно-технологического прогресса к такому решению не приведут. Искомому ответа нет ни в религиозной, ни в научной крайностях. Философия работает в промежутке между фактами науки и тайной откровения, необходимостью природы и мистикой жизни. Она — сугубо человеческое дело, и назначение ее заключается в том, чтобы в рамках социоприродной необходимости и сквозь нее прокладывать путь к предельным высотам нравственного совершенства. Сегодня, пишет Гусейнов, философия уже не может прятать себя, прикрываясь наукой, теологией, искусством. Она должна явиться обществу сама по себе — в полном сознании своей исключительной ответственности. Это, по мнению автора статьи, она сможет сделать, если вспомнит, что ответственна не просто за истину, а за такую истину, которая одновременно является долгом, то есть обозначает достойный путь жизни.

«Будущее не содержится в настоящем» — эта формула вынесена в заголовке интервью с Нобелевским лауреатом Ильей Пригожиным (1917 — 2003),

опубликованного «Вестником Европы» (№ 28 – 29). Текст беседы дает некоторое представление о взглядах пионера синергетики, одного из влиятельнейших ученых XX века. Принципиального противоречия между наукой и религией Пригожин не усматривает, поскольку наука, как и религия, обнаруживает величественную Вселенную, пронизанную креативностью, а религия, подобно науке, не способна ответить на все вопросы этого мира: *по ту сторону нашего знания распространяется беспредельная ночь незнания*. Однако, утверждает он, современная наука поневоле приходит к выводам о том, что мир продолжает развиваться, он *не закрыт или закончен*, что он *находится в становлении*, то есть к принципиально иному пониманию природы. Современная наука, утверждает Пригожин, *позволяет нам открывать мир, который сегодня является бесконечно более богатым, удивительным, изменяющимся, но также и более опасным, чем тот мир, который был открыт классической наукой*. Мы, говорит ученый, *все больше и больше понимаем мир как комплексное произведение, в котором красота и ужас существуют рядом*. Решительно не соглашаясь с тем, что достижения науки, технологий или информатики несут в себе опасность для человечества, Пригожин тем не менее утверждает: *К началу третьего тысячелетия мы устанавливаем, что дверь в будущее широко открыта... и, следовательно, наши решения имеют особенный вес <...> С увеличением наших знаний относительно комплексности и взаимозависимости природных процессов растет и наше понимание о глобальной ответственности человечества <...> мы начинаем осознавать, что в этой беспредельной, чрезвычайно многообразной Вселенной мы занимаем ничтожно маленькое и одновременно привилегированное место*.

О том, какие угрозы несет с собою стремительно меняющаяся наука, об опасностях *бездумного экспериментирования человека с самим собой* пишет **Владислав Лекторский**, убежденный, что констатировать эти опасности — дело именно философии («Философия, общество знания и перспективы человека» — «Вопросы философии», № 8). Человек неуклонно изменяет мир и самого себя, и в новых условиях всякий раз приходится снова решать одни и те же, казалось бы, вопросы. Для этого и нужна философия, которая, как отмечает Лекторский, *возникает в кризисной ситуации, когда привычное понимание мира и человека перестает удовлетворять тех, кто мыслит*. При этом философия не только строит картину мира, но пытается найти мосты между нею и миром повседневности. Не менее важна эта задача и в отношении мира науки, ведь начиная с XVII века научная картина мира исходит из представлений, откровенно противоречащих обыденному здравому смыслу. И сегодня, в веке XXI, отмечает автор статьи, научная проблематика продолжает наполняться непривычным смыслом, вместе с тем явно обнаруживая практическую значимость. Наука все больше срастается с технологиями, порождая феномен «технонауки». Посредством такой технонауки создается новая жизненная среда, которая, пишет Лекторский, *ставит под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и даже традиционные человеческие ценности*. Автор статьи говорит о вызовах, с ко-

торыми сталкивается современный человек. *Распространение новых информационных технологий, в частности, интернета, создает колоссальные возможности для манипулирования психикой. Исчезают непроходимые границы между моим и не-моим. Появляются новые ограничения человеческой свободы, возникает необходимость ее переосмысления... с помощью информационных технологий можно фабриковать знание о реальности, а тем самым до известной степени и саму реальность. Можно создавать виртуальное Я и в некотором смысле жить в виртуальном пространстве, в котором растворяются различия действительного мира и мира сновидения.* Лекторский специально останавливается на теме «транс-гуманизма» и «иммортализма», то есть движений, занятых конструированием человеческой телесности. *Сторонники этих движений, — пишет автор статьи, — исходят из того, что с помощью генной инженерии, нано-технологий, компьютерных и информационных технологий, воздействуя на генную и нервную систему человека и заменяя ряд органов на искусственные, можно сначала колоссально удлинить человеческую жизнь, а затем вообще сделать человека бессмертным.* Но такая победа науки над природой (теоретически вполне реальная, поскольку уже возможно вмешиваться в биологическую природу человека), пишет Лекторский, привела бы человечество не к бессмертию, а к самоубийству. Ведь исчезновение смерти повлекло бы за собой исчезновение *проблемы смерти, столь важной для всей исторически существовавшей культуры, и в конечном итоге означало бы исчезновение смысла человеческой жизни.* В этих условиях проблема смысла становится жизненно важной, следовательно, как считает Лекторский, неожиданно возрастает и роль философии. *В течение многих столетий, — пишет он, — наука и философия были предметом интереса весьма узкого круга людей, но все меняется сегодня, когда дело может коснуться каждого. Перспективы человечества, считает автор статьи, во многом связаны с тем, какую роль сможет играть философия в осмыслении созданного наукой и техникой нового мира и в ценностной ориентации в нем. Ибо речь идет о судьбе самого человека.*

«**Понадобятся ли завтра “общечеловеческие” ценности?**» — так назвала свою статью эксперт по международным финансам **Татьяна Булах** («Россия и мир», № 5). Мир после экономического кризиса, пишет она, уже не может жить так, как жил раньше, *мировой кризис из экономического превращается в политический, а такому последнему религиозному заблуждению человечества, как либерализм, приходит конец, — слишком много жертв и уступок было брошено на его алтарь.* Среди рисуемых автором экстремальных сценариев будущего — ликвидация среднего класса в глобальном масштабе, *пародия на Советский Союз под управлением глобального правительства и дальнейшее превращение планеты в один огромный невольничий рынок с вкраплением дворцов и утопающих в роскоши правителей.* Правда, Булах надеется на то, что в этот переломный момент истории именно Россия окажется способной *выдвинуть идеи и элиту, которая угадает и осуществит это малое, но необходимое приложение сил для спасения своего народа, своей страны, а может быть, и человечества.*

Если об угрозе нового тоталитаризма в мире Булах говорит исключительно с позиций российского мессианизма, то Александр Кустарев, автор статьи «**Заговор или заговёр? О белой и черной магии и о цензуре нарратива**» («Неприкосновенный запас», № 3 [71]), придерживается скорее универсалистских взглядов. В центре его внимания — законы, предусматривающие наказание за тот или иной нарратив, — например, за высказывания, разжигающие этническую рознь, одобряющие преступления нацизма или отрицающие таковые, критикующие действия стран антигитлеровской коалиции и пр. Касается это не только России, такая тенденция, пишет Кустарев, проявляется сейчас почти во всех «странах Севера» и повсюду воспринимается вдумчивыми гражданами очень скептически. Опасность такого рода цензуры для свободы слова очевидна, считает автор статьи. Однако в заговор со стороны «врагов свободы» он не верит. Недаром в некоторых случаях в роли такого «врага» выступает сама публика в целом, взыскующее психологического комфорта сплоченное большинство. И ограничение свободы высказываний в таких случаях — мера популистская, призванная заглушить общественные страхи. Какие, к примеру, страхи призваны «заговорить» подобные законодательства в России? Скорее, считает Кустарев, это даже не страхи, а кризис идентичности. Всматриваясь в свое прошлое, наша страна обнаруживает, что ей нечем хвастаться, и даже великая легенда о великой войне теперь подвергается ревизии. Отсюда национальная озабоченность переживается нами очень интенсивно (в чем, считает автор, Россия уступает разве что Израилю). Отсюда и значительная (до 60%) поддержка уголовной ответственности за отрицание роли СССР в победе в Великой Отечественной войне. Однако, продолжает Кустарев, особенность всех законов такого рода состоит в призрачности сферы их применения: ведь почти невозможно представить себе полноценный судебный процесс на основании такого закона. *Законодатели, — пишет он, — в этом случае выступают в роли магов, «заклинающих», «заговаривающих» опасности и порождаемые ими страхи. Риторика судебного приговора в данном случае технически используется как средство «заговорить» демонов прошлого, плохо проясненную и двусмысленную фактуру, смущающую картину героичности и святой непорочности прошлого. Суд и приговор оказываются магическим средством — способом «заколдовать» прошлое.* Короче говоря, это не «заговор», а — «заговёр». Тенденция «заколдовывать прошлое» — признак болезни, и выдаваемые Кустаревым терапевтические рекомендации заключаются в как можно более тщательном восстановлении реальной фактуры прошлого, дабы вытащить ее из подсознания.

Нынешняя российская власть и немалая часть населения продолжают говорить друг с другом на архаическом языке, считает Алексей Левинсон, что хорошо видно на примере «катынского дела» («**Фундаментализм и категория исторической вины**» — «Неприкосновенный запас», № 3). Архаической является идея вины «чужих» перед «своими», которую можно искупить только мстью. В то время как идея собственной вины или вины государства пе-

ред народом и неотъемлемая от нее идея раскаяния — это идея гражданская. Социологические исследования отношения общества к катынской трагедии показывают, что подавляющее большинство респондентов не слышали признания В. В. Путиным ответственности российского государства за эту трагедию, хотя премьер и сделал такое признание во время своего визита в Польшу. А все дело в том, что у Путина великолепный контакт со значительной частью российского общества, и люди прекрасно понимают, когда какие-либо заявления обращены не к ним, и просто их не воспринимают. Но одновременно с этим, пишет Левинсон, они выделяют и понимают послания, адресуемые им и выраженные на близком им языке. Так, для «своих» Путин обронил совсем другие слова — о том, что Сталин мстил за смерть тридцати тысяч красноармейцев, попавших в польский плен. Употребив слово «месть», российский премьер сделал для «своей» аудитории поступки Сталина не только понятными, но и правомерными: ведь месть, как уже говорилось, — это архаическая система регуляции отношений с противником. Почему же такое до сих пор возможно? — задается вопросом Левинсон. Ответ, на его взгляд, надо искать в российской традиции отторжения международного права. Ведь такое право, построенное на универсалистских принципах, крайне неудобно для произвола и самодержавного правления. Вместе с тем полностью изолировать себя от Запада у страны никогда не получалось, и собственный партикуляристский дискурс приходилось дополнять чуждым и власти, и народу дискурсом универсалистским. На универсалистских основаниях построена идеологическая система марксизма, что было удобно и как оружие в борьбе с самодержавием, и для объединения вокруг себя коммунистов всех стран. Однако в путинскую эпоху подобная вывеска за ненадобностью отставлена в сторону, о чем свидетельствуют утверждения о суверенной демократии и собственном пути России. Это, считает Левинсон, вовсе не оригинально: примеры рассуждений о «своем пути» многочисленны, и прикрывают они всюду одно и то же: произвол местных правящих элит, опирающийся на архаические конструкции массового сознания, при необходимости использующий то описанное выше «двоесловие» — разницу между внутренней и внешней речью, то выработку тотализирующего взгляда на мир. Все это, подводит итог автор статьи, — фундаментализм, в конечном счете отстаивающий особые права «своих» по отношению к «чужим».

Сегодняшняя Россия — это самореализация семидесятников, и именно этот факт определяет многие ее реалии, считают Елена и Дмитрий Травины, авторы статьи «Дети и отцы. Миф семидесятников о самих себе» («Звезда», № 7). Семидесятники, поясняют авторы, — это те, кто вошел в сознательную жизнь, после того как развеялись иллюзии хрущевской «оттепели», но до того, как началась горбачевская перестройка. Это герои эпохи, в которой, с одной стороны, уже не было мечты, но с другой — еще не имелось пространства для реальных дел. Это то поколение, которое первым после череды предыдущих не знало войны и для которого физиологические потребности — еда, жилье, элементарный комфорт и др. — в качестве первоочередных смени-

лись на потребности в самоуважении, признании, познаниях, успехе. Причем в головах людей этого поколения уже не было великих идей переустройства мира, характерных для шестидесятников: от скорого построения коммунизма до поворота сибирских рек. *Семидесятники поставили крест на «великих идеях» прошлого и занялись будничным настоящим, связанным с денежными накоплениями и зависящими от их размера маленькими радостями: от покупки мебельной стенки, цветного телевизора, нутриевой шубы или «жигуленка» до «доставания» книг.* Растет «частный сектор жизни» со своими правилами, отличными от общественных правил, спущенных сверху; «запрещенная» культура начинает откровенно функционировать наряду с «разрешенной». В СССР 70-х везде, еще сильнее, чем в 60-х, читали между строк, ища тайный смысл, а о пиетете по отношению к властям уже не было речи. Официоз делал заявления по поводу агрессивной внешней политики западных стран, а в жизни народ ломился за импортными товарами. Были, впрочем, в 70-е, отмечают авторы, и жажда мистики, и увлечение индийскими йогами, Рерихом и Кастанедой, и мода на крестные ходы, и богоискательство, и просто молитва Ксении Блаженной о сдаче экзамена по марксизму-ленинизму: многое способно было ужиться в голове семидесятника, не создавая никакого дискомфорта. Несмотря на коллективистские идеологию и традиции, формировался не виданный ранее индивидуализм, тип *«большего американца, чем многие американцы»*... Такой вот коллективный портрет эпохи 70-х, породившей тех, кто составили аудиторию «Пятого колеса» и «Взгляда», голосовали за демократов на выборах Верховного Совета СССР, а затем, поставив жирную точку на «человеческом лице» социализма, стали строить капитализм со «звериным оскалом» свободного хищника. И построили — мир своей мечты, в котором можно свободно путешествовать и пользоваться информацией, зарабатывать и тратить деньги. Правда, где-то там, «за бугром», сидят враги, которые мешают построить по-настоящему счастливое общество, поэтому надо быть бдительными и голосовать на выборах за тех, кто силен и способен дать достойный отпор агрессорам. Но это все мелочи, с которыми по-настоящему будет разбираться следующее поколение, качества которого еще только формируются, заключают авторы.

Вернемся в заключение к теме универсализма и поискам общечеловеческого дискурса. В № 9 «Вопросов философии» впервые опубликован русский перевод лекции **Джона Ролза** (1921 — 2002) **«Право народов»**, написанной еще в 1993 году. Цель Ролза, одного из самых цитируемых сегодня социальных мыслителей, — показать, как либеральные идеи справедливости (в частности, ранее сформулированная им идея *«справедливости как честности»*) могут служить основой международного права. Надо заметить, что у Ролза предпочтительными субъектами международных отношений являются не государства, а «общества» и «народы», сама мировая система представляется как «сообщество», состоящее из этих народов. (в соответствии с самим термином «международный»). Идея справедливости, указывает Ролз, неразрывно связана с идеей общественного договора, и *политический ли-*

берализм — не что иное, как *либеральная концепция справедливости, распространяющаяся на право народов*. Философ использует термин *хорошо организованное общество*, подразумевая под ним *общество мирное и не стремящееся к экспансии*, а кроме того общество, *система законодательства которого удовлетворяет определенным необходимым условиям легитимации в глазах его собственных граждан*, вследствие чего подобное общество *уважает основные права человека*. Ролз задается вопросами: *где должны быть установлены разумные ограничения толерантности? И какую форму приобретает толерантность по отношению к нелиберальным обществам?* Он пишет: *объективно говоря, неразумно требовать от всех режимов быть либеральными, иначе право народов само по себе перестанет выражать принцип толерантного отношения к другим рациональным вариантам устройства общества и не в состоянии будет найти разделяемый всеми базис для соглашения между народами. Так же, как гражданин в либеральном обществе должен уважать всеобъемлющие религиозные, философские и моральные доктрины других людей, подразумевая, что они соответствуют рациональной политической концепции справедливости, либеральное общество должно уважать другие общества, организованные по всеобъемлющим доктринам.* То есть либеральный подход по сути своей парадоксален: осуществляемый последовательно, он предполагает принципиальный отказ от требования ко всем режимам быть либеральными. Важно отметить, что универсализм Ролза основывается не на некоем всеобщем, полном и всеобъемлющем принципе справедливости. Напротив того, в концепции *справедливости как честности* принципы справедливости *не апеллируют ко всем субъектам, не обращаются к церквям и университетам, а также к институтам всех обществ, или к праву народов; нет, они сконструированы по принципу рациональной процедуры, в которой рациональные партии адаптируют принципы справедливости для каждого вида субъектов, как только возникает такая потребность.* Далее очень важен для Ролза принцип *завесы неведения*, в случае с правом народов он выглядит таким образом: *взаимодействующие партии, представляющие интересы своих народов, должны действовать как бы «вслепую», решительно ничего не зная о таких конкретных вещах, как размер территории, численность населения, экономические особенности и т. п. и имея в виду только общие человеческие ценности, что делает их максимально беспристрастными.* Для людей, согласившихся находиться в равной позиции такого рода, по мнению Ролза, честность оказывается выгоднее утилитаризма и люди с большой вероятностью выберут два принципа справедливости: принцип равенства возможностей всех участников взаимодействия и принцип толерантности к их фактическим различиям. Подобная система, по замыслу философа, позволяет считать равными субъектами международного права как либеральные, так и нелиберальные сообщества, помогая формировать взаимоприемлемые принципы отношения. Следующей стадией разработки Ролза является так называемая *неидеальная теория справедливости*, учитывающая существование тех народов и государств, которые *отказываются соглашать-*

ся с рациональным правом народов, а также неблагополучные сообщества, не могущие на текущий момент самостоятельно учредить справедливые и работоспособные институты, будь то либеральные или не либеральные. В отношении первых, являющихся непредсказуемыми и агрессивными «режимами вне закона», Ролз предпочитает философии практическую политическую мудрость: формирование всеми прочими, «хорошо организованными» народами альянсов и институтов типа ООН, где могли бы предаваться огласке несправедливости и жестокости со стороны тиранических и агрессивных режимов. Практика, считает Ролз, показывает, что даже и такие режимы небезразличны к критике. Что касается категории «неблагополучных», обязанность «хорошо организованных» сообществ по отношению к ним также не должна быть основана ни на каком специфически либеральном принципе, ограничиваясь удовлетворением лишь основных потребностей и прав человека.

Коцепция Ролза иллюстрирует парадоксальный характер либерализма: только отказ от его форсированного экспорта, своего рода «кеносис», и является подлинно либеральным образом действий. В то же время именно либеральный принцип «завесы неведения» способен обеспечить необходимые стартовые условия диалога. Эти же либеральные принципы оказываются имеющими и наибольший потенциал универсальности. Думается, работа Дж. Ролза — весьма полезное чтение у нас в России, где пока не укоренена традиция взаимоприемлемой честной договоренности: скорее, остается в силе традиционное «умение» жить, создавая друг другу невыносимые условия...

Обзор подготовил Дмитрий Матвеев

ПОЭТ С ЭПИТЕТОМ

Давид Самойлов, «великий русский поэт, наш недавний современник»... На поздних снимках видим страшноватого старика, слышим раздражительный окрик: «Надоели медитации у себя и у других». Есть ли средство избавиться от захлестнувшего русскую лирику самолюбования, от ее меланхолического буддизма, о котором писал Соловьев? Есть, учит Самойлов: оно — в сюжете, в энергичном повествовании в духе английских баллад. Стихотворение должно быть занимательно.

Самойлов умер в 1990 году в Эстонии, которую любил, в которой отдыхал от Москвы. Говорят, «Эстония уберегла его от эмиграции». Одно Э вместо другого Э: как мило! Действительно, Эстония — слабый Запад в затхлой большевистской Азиопе — помогала несколько умерить всеобщую в ту пору ностальгию по Западу сильному, настоящему. На безрыбье и рак рыба. Но что «уберегла» — постыдный вздор, красное Замоскворечье. Кому же это Запад мешал творить? Тютчеву, Тургеневу, Ходасевичу, Цветаевой, Набокову, Бродскому? Может, Мицкевичу? Эмиграция — сильнейший художественный прием, допинг, творческий трамплин, удешевляющий силы, — и она открыто, прямым текстом, была в этом качестве осознана Гоголем. Да только ли им? Разве не о том же и Жан-Жак говорил: «Если, не будучи проходимцем, хочешь своим словом служить истинному благу родины, не сочиняй в ее пределах»? Наоборот, Эстония, спасибо ей, уберегла Самойлова от России. Россия и есть единственная реальная опасность для русского поэта: не убьет, так сожрет, хуже того, — и это уж прямо высшая мера, — на пьедестал поставит: тут смерть полная, без права переписки.

**Юрий
КОЛКЕР**

— родился в 1946 г. в Ленинграде. Окончил Физико-механический факультет Ленинградского политехнического института, Защитил кандидатскую диссертацию по математической биологии. Попытки эмигрировать привели к исключению из советской научной жизни: работал оператором газовой котельной, публиковался в самиздате, редактировал самиздатский Ленинградский Еврейский Альманах. В 1984 выехал в Израиль, был сотрудником лаборатории биофизики растений Иерусалимского университета. В 1989 – 2002 гг. работал на русской службе Би-Би-Си в Лондоне. Выпустил семь сборников стихов, две книги литературных очерков и книгу воспоминаний. Девять книг издал как редактор и переводчик. Живет в Лондоне.

Страшноватый старик трех месяцев не дотянул до семидесяти. В молодости тоже Адонисом не значился. Смешно слышать, что с годами человек совершенствуется. Он свою внутреннюю программу разворачивает — и расплачивается за это морщинами, сединой, увяданием. Всё в человеке уже заключено, когда он молод; нужно только убрать лишний мрамор и освободить статую. Но и старости скажем спасибо. Прав Цицерон: старик счастливее молодого; его молодость с ним, а старость не каждому дана. Павел Коган и Михаил Кульчицкий ее не сподобились. Молодой Давид Кауфман, будущий Самойлов, дружил с ними в ИФЛИ, учился у них, старших начинающих; расстояние в год или два — пропасть, когда тебе восемнадцать. Эти юноши погибли на фронтах, остались грезой советской литературы. Мы так и не узнали, кто они, что и хорошо, а то бы, пожалуй, разочаровались. Самойлова шальная пуля только задела, он дошел до Германии — и стал «великим русским поэтом»... Сознают ли те, кто произносит эти сусальные формулы, что слово *поэт* никаких эпитетов перед собою не терпит? Любой эпитет снижает это слово. Русский поэт — меньше, чем поэт. Да-да, вы не слышали: великий поэт — меньше, чем поэт: потому что слово *великий* — разменная монета в устах малых. А вот *поэтом* — просто поэтом — называют обычно тех, кого этого титула не лишить.

При жизни Самойлов оставался на вторых ролях. До эпохи покупных премий не дожил. К старости — вырос: о нем, не без подсказки Анатолия Якобсона, пошел доброжелательный шепот. Дальше — смерть помогла. Мертвых не только у нас «уважают», это всюду так: умер физик — одним физиком меньше, умер поэт — одним поэтом больше. Наступила слава, негромкая, но именно та, которой душа ищет: когда умные и образованные люди знают и ценят поэта. Не позднее 1994-го появился о Самойлове телевизионный фильм, констатировавший величие. Поэтов не то что талантливых, этих всегда переизбыток, поэтов достойных и талантливых — не хватало. А тут — и талант, в котором нельзя усомниться, и внутренняя целостность, именуемая верностью себе, и философичность, и душевная работа, и мысль, и — честно прожитая жизнь. Самойлов не диссидентствовал, но патриотом был настоящим, пролил кровь за родину (не за квасную замоскворецкую, а за подлинную), вглядывался в ее историю и культуру. Ключевой вопрос — об отношении к советской власти — решил так: верил в эту власть, когда был молод, старался не замечать ее, когда перестал верить. Колебался вместе с линией, только не с партийной. Сам о себе сказал: в сороковые годы — любил сороковые, в шестидесятые — шестидесятые. За это не упрекнешь. Бодлер учит: мы не вправе презирать настоящее... Но нет, все-таки упрекнешь. Есть счет другой, выше бодлеровского. Есть грозный судия. За сиюминутное упрекнем по самому большому счету, по последнему: «Прошлое жадно глядится в грядущее. Нет настоящего. Жалкого — нет...» Именно по этому счету советская литература даже в своей лучшей части (при нескольких исключениях) не тянет на литературу без эпитета: даже отбросив идеологию, она не научилась парить, не смогла стать *над* местом и временем.

«Семидесятые, проклятые»

Так называемые годы застоя — пробный камень на подлинность. Дышать стало нечем. Россия сделалась чуланом, Москва — бедламом. Одни кинулись фиглярствовать на подмостках, другие угодничать, третьи, — мы о них никогда не узнаем, — погибли (ибо это ведь факт, что талант и талант выживания не всегда совпадают). Фиглярствовавшие места своего не понимали — и теперь особенно смешны. Они по сей день вздыхают ямбом: «литературой мы дышали» (что неправда, дешевой фрондой вы дышали); присурдинивают строку с нестерпимо пошлой рифмой «поговорить о Мандельштаме», — и обыватель кипятком писает, воображая, что это и есть поэзия.

Самойлов прошел между Симплегадами, повредив кормовое весло. Уцелел. Не вовсе отстранился от скоморохов: на эстраду с ними выходил, дружбой не брезговал; но в том гадюшнике, куда судьба его бросила, и деваться особенно было некуда: среда обязывала. В главном — уберется: писал с голоса, не на голос; уроков декламации не брал. Искал себя. В юности увлекался Мандельштамом, но в итоге выработал правило, в котором, соглашались с классиком, тут же возражает ему:

Поэзия должна быть странной,
шальной, бессмысленной, туманной
и вместе ясной, как стекло,
и всем понятной, как тепло...

Тут видна уступка дурному климату с плохим центральным отоплением. Чухонцев и Кушнер подписались бы под этой программой. Они тоже приняли подлую власть как данность, отрицали ее не лозунгами, а тайной свободой. Однако ж можно взглянуть и так: вторая часть программы Самойлова — пушкинская. Поэзия, что и говорить, есть Бог в святых мечтах земли, но разве существует такой климат, в котором поэту позволительно вовсе забыть о читателе? Стихи несут в себе надежду на отклик. Забыть о читателе значит перестать быть поэтом; не знать о читателе значит поэтом не стать, что мы и видим под всеми широтами. Ловкачи, недоумленные Уитменом, доискиваются только имени поэта, продадут за это имя мать и отца — и откровенно пишут в обход читателя, прямо для доцентов от литературы.

В 1970 году вышла книжка Самойлова «Дни». В ее названии, что уже приятно, преодолен ходульный шаблон — осточертевший, ставший прямо бедствием двучлен *какое-что*. Девяносто процентов названий стихотворных сборников устроено так: определение, за ним определяемое слово («Таврический сад», «Утренний снег», «Теплая земля», «Песочные часы» и т. п.). От этой пустоватой многозначительности скулы сводит. Старшие помнят, каким живительным бризом повеяло на минуту от названия «Конец прекрасной эпохи», но сейчас и оно недалеко отстоит от канонического квадратного двучлена: только тем и живо, что *трехчлен*, потому что нечетное число слов в названии — уже рукопожатие и надежда... Не то чтоб

словечко *дни* было такой уж находкой, нет; невольно спрашиваешь себя: а труды-то куды подевались? Но все-таки это название работало: своею краткостью и непритязательностью. Название, среди прочего, должно еще и то уметь выразить, что дело — не в названии.

Первое же стихотворение книги — несомненная удача:

Давай поедem в город,
Где мы с тобой бывали.
Года, как чемоданы,
Оставим на вокзале.

Года пускай хранятся,
А нам храниться поздно.
Нам будет чуть печально,
Но бодро и морозно. <...>

О, как я поздно понял,
Зачем я существую!
Зачем гоняет сердце
По жилам кровь живую.

И что порой напрасно
Давал страстям улечься!..
И что нельзя беречься,
И что нельзя беречься...

Просто и подлинно, не правда ли? Ясно, как стекло, понятно, как тепло. Попадание — в десятку: кто же к пятидесяти годам не сокрушается, что недобрал по части чувственных радостей? Такое найдет дорогу к сердцу каждого. Обнимитесь, миллионы! Оно, конечно, мелко вато рядом с Христом и Марией-Магдалиной, с Данте и Беатриче, с Абеяром и (старой) Элоизой, но зато живо и звучит так неожиданно по-человечески в эпоху Морального кодекса строителя коммунизма. Кто в ту эпоху не жил, не поймет еще одного измерения этих стихов: в них показан кукиш туповатому режиму; личное противопоставлено общему, соборно-коммунистическому. Но в одном эти стихи — насквозь советские: в их привязке в сегодняшнему, в их материалистической приземленности. Власть внутренне сочувствовала такому подходу: лишь бы не дать людям возможности всерьез вглядываться в прошлое и в будущее.

А вот и лучшее стихотворение книги, «Таллинская песенка»:

Хорошо уехать в Таллин,
Что уже снежком завален
И уже зимой застелен,
И увидеть Элен с Яном,
Да, увидеть Яна с Элен.

Мне ведь многого не надо,
Мой приезд почти бесцелен:
Побродить по ресторанам,
Постоять под снегопадом
И увидеть Яна с Элен.
Да, увидеть Элен с Яном.

И прислушаться к метелям,
Что шуруют о фрамугу,
И увидеть: Ян и Элен,
Да, увидеть — Ян и Элен
Улыбаются друг другу.

А однажды утром рано
Вновь отъехать от перрона
Прямо в сторону бурана,
Где уже не будет Элен,
Где уже не будет Яна.
Да, ни Элен и ни Яна...

Поразительно! Оказывается, счастливым можно быть даже в эти жуткие времена, во времена юго-восточного бурана из Московии. Штриховой портрет таллиннской пары великолепен. Жизнь в Эстонии, на малом Западе, где самый воздух напитан неприятием большевизма, имеет свои преимущества. Но тут не одна политика. Тут, в Эстонии, не только режим едва терпят, тут и русского духа не выносят; тут возможна любовь, какую под сенью Кремля не воспели: без цыганщины, гитары и деланного надрыва. Где русская пара, про которую сказано в качестве главной характеристики: «улыбаются друг другу»? Литература ее не знает. Запад, спору нет, прохладен и бережлив, рубаху на груди не рванет, штаны за хвост селедки не заложит, зато уж и положение женщины там куда более достойное, чем в задушевной Ниневи.

Отчего лирический герой уезжает в свою Московию? Поселился бы в Таллине, как в итоге поселился Самойлов, — и как мечтал поселиться другой москвич, тремя годами моложе. Помните: «Таллин, Таллин, город мой... поселюсь в тебе тайком под фамилией Межіров. Мне из местных старожилов кое-кто уже знаком...»? Но нет, лирическому герою надобно уезжать в город кровей. Поприще там, где буран. «Литературой мы дышали... поговорить о Мандельштаме...»

Кажется, я критикую не стихи, а жизнь, — но не в этом ли высшая похвала стихам? Пастернак, помнится, «ненавидел литературу, ненавидел поэзию». Приведенные стихи Самойлова — больше, чем «песенка»: они песня, почти песнь. По исполнению — были бы безукоризненны, если б не очень московская рифма с остаточной согласной: *надо—снегопадоМ*, и нарочито небрежная: *Элен—метелям*, — но сам-то автор, можете не сомневаться, считал их находками, а не безвкусицей.

Продолжу в том же духе: буду судить лирического героя — и тем косвенно похвалю поэта. Появись эти прекрасные стихи в нормальной стране в нормальное время, нам бы в голову не пришло усмотреть в них бестактности, но мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего. Как автор (если угодно, лирический герой) решается произнести при нас: «мне ведь многого не надо ... побродить по ресторанам...»? Кто из тогдашних сограждан Самойлова мог себе такое позволить? Большинство вообще никогда не бывало в ресторанах, во всю свою жизнь, а тут — «побродить»! Самая поездка в Таллин, праздная, «бесцельная», — кому она была по деньгам, по времени? Баловням судьбы, вольноотпущенникам режима. У людей рядовых, особенно у провинциалов, не было для такого ни денег, ни времени: весь горизонт застилала беспросветная, бессмысленная лямка и борьба с нищетой. В брежневские времена люди, случалось, с голоду умирали — да-да, а Москва, по своему обыкновению, этому не верит, несмотря на факты и свидетельства. Деньги ведь грязь.

И время — грязь. Особенная, чисто советская подлость лямки на единственного в стране работодателя состояла в том, что нищета не означала досуга: время было еще большим дефицитом, чем деньги. Как далеко нужно было отстоять от народа, от загнанного в чулан раба-соотечественника (предположительного читателя!), чтобы так красоваться перед ним своим привилегированным положением советского буржуа от словесности! Как нужно было верить, что люди по своему рождению делятся на писателей и читателей! Он, говорите, не нарочно? В этом и ужас. Мария-Антуанетта про хлеб и пирожные тоже сказала не нарочно, бессознательно. Аристократия, родовая, денежная или литфондовая, не снисходит до «простого человека» — или, что хуже, как раз именно снисходит до него. Жизнь свою, совсем не безоблачную, а в сороковые — и роковую, Самойлов прожил в том Версале, где времени был вагон, и не случалось, чтоб трех рублей до полочки не хватало.

Роковую... Кто прошел войну, кто жил при Сталине, тот вправе так сказать о своей жизни. Однако ж знаменитые слова «сороковые, роковые» не Самойлову принадлежат. И не Александру Кочеткову (у него «роковые сороковые» появляются в 1935). И не Блоку, хотя именно он произнес в прозе «сороковые, роковые» в 1921 году, применительно к 1840-м. Эти слова не принадлежат никому. Они языковая данность — совершенно как рифма *кровь—любовь*, самая русская из всех рифм. Они принадлежат всем. Тем самым — и литературной находкой не являются.

Другое лучшее стихотворение «Дней» — стихотворение «Пестель, поэт и Анна» — стало эмблемой Самойлова. Еще бы! Удача редкостная. Дивная философическая картинка, полная света и воздуха, гимн небесной России, на минуту просиявшей Европе и миру; баллада, воспевающая земную любовь: ту самую, чуть-чуть излишне чувственную с точки зрения Абелияра, излишне сиюминутную, ту, по которой Самойлов специализируется. Смешно цитировать это стихотворение, мы с вами его наизусть знаем, — и невозможно воздержаться: такая прелесть!

Там Анна пела с самого утра
И что-то шила или вышивала.
И песня, долетая со двора,
Ему невольно сердце волновала.

А Пестель думал: «Ах, как он рассеян!
Как на иголках! Мог бы хоть присесть!
Но, впрочем, что-то есть в нем, что-то есть.
И молод. И не станет фарисеем».
Он думал: «И, конечно, расцветет
Его талант, при должном направлень,
Когда себе Россия обретет
Свободу и достойное правлень».
— Позвольте мне чубук, я закурю.
— Пожалуйте огня.
— Благодарю.

А Пушкин думал: «Он весьма умен
И крепок духом. Видно, метит в Бруты.
Но времена для брутов слишком круты.
И не из брутов ли Наполеон?»

Шел разговор о равенстве сословий.
— Как всех равнять? Народы так бедны, —
Заметил Пушкин, — что и в наши дни
Для равенства достойных нет условий.
И потому дворянства назначенье —
Хранить народа честь и просвещенье.
— О, да, — ответил Пестель, — если трон
Находится в стране в руках деспота,
Тогда дворянства первая забота
Сменить основы власти и закон.
— Увы, — ответил Пушкин, — тех основ
Не пожалеет разве Пугачев...

Шел русский Брут. Глядел вослед ему
Российский гений с грустью без причины.
Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву.
В соседний двор вползла каруца цугом,
Залаял пес. На воздухе упругом
Качались ветки, полные листвою.
Стоял апрель. И жизнь была желанна.
Он вновь услышал — распевает Анна.
И задохнулся: «Анна! Боже мой!»

Мы сказали: прелесть; повторим: прелесть несомненная; за двестише

Деревья, как зеленые кувшины,
Хранили утра хлад и синеву...

преклоним колена перед бюстом поэта, перед черепом командора... — и тут же, не отходя от кассы, выложим претензии, потому что восхищение без размышления бесплодно.

У лучших из москвичей испорчен вкус; им словно слон на ухо наступил: они думают, что *рассеян—фарисеем* — хорошая рифма. Они думают, что такая рифма может преспокойно соседствовать с глагольной; эклектизма не чувят, носа не воротят. А эти рифмы: *бедны—дни*, *Ипсиантти—Данте*, — неужто нельзя было без них? Это — звуки не совсем сладкие, не совсем молитвенные. В стихах о Пушкине лучше было бы быть построже к себе. А однокоренные слова в рифме? Конечно, нас кинутся уверять, что *направленье—правленье* — художественный прием; что Самойлов этой суконкой Пестеля характеризует. Но мы не поверим.

Уж сколько раз твердили миру: рифма — соитие, космическое слияние, а не клоунада; приблизительность в рифме — то же, что приблизительность в любви. Не стоит куражиться под венцом: это дешевка. Никакой рифмой вы не удивите искушенного читателя, тем более поэта, — и не удивлению должно служить искусство, а восхищению. Это одно. А второе — вторая правда, лишь на первый взгляд конфликтующая с первой, — то, что рифма — никогда не солистка, ее партия скромна и вовсе не обязательна. Мы без нее обходились тысячелетиями. Стихи с выставляемой на показ рифмой — то же, что симфония для барабана без оркестра. Приглушенная московская рифма 1950 — 1960-х потому и оттянула на себя столько неподобающего ей внимания, что в советское время весь остальной оркестр, в стихах обязательный, был раскулачен, сослан на Колыму и расстрелян.

Еще две-три придирки. Чередование мужских и женских клаузул — не такой уж пустяк, когда пишешь гладким правильным пятитопным ямбом. Две нерифмующиеся однородные клаузулы подряд — всегда, без всякого изъятия, — портят впечатление, подсовывают подозрение, что автору мастерства не хватает. Зачем Самойлов так небрежен? Затем, что небрежность во всем, не только в рифме, считалась хорошим тоном, а бережность оставляли мальчикам в забаву. Так повелось у эстрадных кривляк, у дешевой фронды, писавшей на голос. Самойлов, не будучи душою с ними, подсел к скоморохам по дружбе — и не заметил, что сани чужие. Ну, и «каруца цугом» напоследок. Цугом ездили князя да набобы; это шик; а каруца — все-таки телега, не карета... И если бы она еще хоть заскрипела! А тут не скрип, тут две царапины подряд, — ца-цу — они-то и выдают неправду. Поэт ведь изображает звуком, одним звуком...

Весь этот разговор, однако ж, потому только возможен и нужен, что стихи замечательны. Восхищаясь, не будем восхищаться слепо.

Попутно отстраним упрек, не раз Самойлову брошенный, что он тут вышивает по канве. Самая ткань стихотворения свидетельствует: поэзия пер-

вична, даже когда она вторична (когда она отклик на прочитанное); был бы талант. Она, в некотором роде, даже и должна быть вторична, ведь суть ее — в создании *версии*. Самойлов пережил как событие своей жизни дневниковую запись Пушкина — и стихотворение стало событием для нас, стало чудом.

У этого чуда, чтобы закончить с ним, есть еще очень выятный оттенок, который невозможно обойти: этнический. Эти стихи, русские в квадрате, в тысяча первый раз свидетельствуют: культурная преемственность несопоставимо сильнее кровной. Самойлов — русский до мозга костей. Больше русский, чем Пушкин, который — прежде всего — европеец, самый европейский поэт Европы (по наблюдению Владимира Вейдле), а вместе с тем и африканец, переживает свое африканство, всегда помнит о нем (тут похвалим Россию: в современной ему Америке Пушкина бы в вагон для белых не пустили). Самойлову нет никакого дела до евреев, из которых он вышел. Его не тревожит антисемитизм русских дворян, того же Пестеля, а по мнению иных — и Пушкина. (Пестель, впрочем, был, собственно говоря, первым сионистом: собирался, в случае победы *русской правды*, под русскими штывками вывести всех евреев... в Палестину.) Предок Самойлова — Пушкин, а не царь Давид, и вот эти стихи — метрическое свидетельство. Составители книги *An Anthology of Jewish-Russian Literature: Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry*, под редакцией Максима Шраера (2006), проштудировали Самойлова от доски до доски — и не нашли у него ни малейших отголосков еврейской тематики. Включить в антологию оказалось нечего. В этой гипотезе (о существовании еврейского народа, еврейской культуры) поэт не нуждается.

Горсть

Горсть праха — вот что остается от человека, даже великого. Перед Богом, которого нет, все равны — равны этой горсти. Эстонская книга «Горсть» выходит в Москве за год до смерти Самойлова, в 1989-м.

В предисловии читаем: «Мне кажется, что я разучился писать...» Зачем это? Разве в умении дело? Вон Блок — тот уж точно разучился писать, когда гений покинул его: такого яственного срыва не видим ни у одного из русских поэтов, — и что же? Разве он перестал быть Блоком? Пораженья от победы ты сам не должен отличать, — потому что дело поэта не литература, а жизнь. Не для писания живем; не ради мастерства пишем, не ради хвастовства. Мечтою, не рассудком ежедневно возобновляем свое внутреннее право на имя поэта... и наступает день, когда возобновить не можем. Тогда, — хуже этого нет ничего, — появляется шарманка: «Имя Пушкинского дома в академии наук, звук привычный и знакомый, не пустой для сердца звук...» Ужас. Мумия Блока. Чучело орла. Но лучше пусть это заметят другие. Лучше даже в прошедшем времени не говорить о том, что ты был мастером, как это Самойлов делает, потому что ведь, чтобы «разучиться», нужно уметь, а умел ты или нет — разве это твое дело?

Говорят, Беатриче была горожанка,
Некрасивая, толстая, злая.
Но упала любовь на сурового Данта,
Как на камень серьга золотая.

Эта строфа — и стихотворение «Беатриче», ею начатое, — самое известное из позднего Самойлова. Похвалить тут нечего. Русская поговорка выражает суть любви сильнее. Первая строка попросту недопустима. Что Беатриче — не пейзаж, знают школьники. Не спасает и надежда, что запятая в конце строки воткнута безграмотным корректором; все равно оборвать строку на слове *горожанка* значило сделать на нем, этом слове, смысловое ударение. А дальше? Любовь — золотая серьга, падающая на камень, — метафора вздорная, притянутая за уши. Рифма *горожанка—Данте* — отталкивающе-манерная, на потребу советских дворян из дворовых, московских посетителей ресторанов. Да и Дант, конечно, не суров, а велеречив, — даже в «*Inferno*», не говоря уж о «*Новой жизни*», где он только что не слащав. Пушкин полусушутя называет его суровым — и назвал в связи с изнеженным итальянским сонетом, рядом с которым кто не суров. Самойлов не слышит, перенимает эпитет бездумно, механически.

Вся книга полна неудач. Стихи по временам становятся деревянными. Медитации — спору нет, надоели, ох, как надоели, — но собранные в «Горсти» баллады хуже медитаций: они надуманы, скучны, в них нет поэзии.

Неудачны и другие сюжетные вещи Самолова. Исключение — «Старый Дон-Жуан», не баллада, а лирический диалог с действующими лицами, где ремарки остроумно включаются в стихотворную ткань.

Ненасытные желанья!
Почему еще вы живы
На пороге умиранья?..
Неужели так, без спора,
Кончилась моя карьера?..
Каталина! Каталина!
(*Входит Череп Командора.*)

Разговор — все о том же: «как я поздно понял, зачем я существую»; тема — все та же: «не добрал». Повторяем это не упрека ради, наоборот. Непосредственность, рискованная откровенность — сильная сторона Самойлова; чувственность — неотъемлемая часть нашей жизни, и в поэзии она на авансцене (не всем же быть Петрарками да Абельярами); но, конечно, и толчок Самойлова эта тема обозначает сильно и рельефно.

Слова из предисловия к «Горсти» — не пустой звук. Да, Самойлов поздний, если и не разучился писать, то все же слабее Самойлова *Дней* его расцвета: стихотворение «Беатриче» не оставляет в этом сомнения. Просветления, осенившего в старости Пастернака, Самойлов не узнал. Новых волшебных звуков не услышал.

«Подобна голулю ковчега»

Самойлов оставил совершенно уникальный труд — «Книгу о русской рифме» (1982). Ничего такого до Самойлова не писали и после него не напишут. Поэта манил призрак научности. Он верил в эту новую схоластику — в академическое литературоведение, думал, что литературу можно и нужно исследовать «научными средствами».

Педантично и скрупулезно прошелся он по всей русской поэзии от Тредиаковского до брежневского застольного застоя. Заглянул в немецких философов. Дал пинка Шопенгауэру (и поделом: немец заврался). Как посольский особняк гнутой мебелью, обставил свой труд терминами и ссылками. Не забыл Якобсона Первого, Жирмунского, Лотмана. Всем сестрам — по серьгам. Хотел показать, что он, поэт, не одними только метафорами жив и рифмами, а может еще и ученым быть, в логике и в «ссылочном аппарате» толк знает: что он — не глупее ученого. Это удалось. Быть не глупее ученого — кому ума не доставало? В двадцатом веке мы таких ученых видели, что хоть всех святых выноси.

Книга написана умно, дельно — и не то что полна ошибок, а верна с точностью до наоборот.

«В поэзии, как и в любом ином проявлении духовной жизни человека, с развитием усложняются как содержание, так и элемент формы. Это закон развития. То же происходит и с рифмой... От низших единиц она продвигается к высшим...»

От низших — к высшим! От Пушкина к Пригову. Вот уж где «элемент формы» усложнился! Закон развития! Как рука у человека повернулась написать такое? От этого уши вянут.

И вот ведь, сколько глаза ни протирай, черным по белому написано: поэзия — «проявление духовной жизни». Нет-нет, перечитайте еще раз и спросите себя: над кем смеетесь? Можно быть атеистом; даже, в некотором роде, нельзя им не быть, — но, ей-богу, нельзя быть советским человеком до такой степени. Это ведь чисто советский подлог, большевистский кунштюк: что искусства *заменили* алтарь — и стали «духовностью». Тонкая, между прочим, подтасовка, иезуитская, как всегда у них, — а умный Самойлов попался, словно ребенок. Духовность без алтаря — противоречие в терминах. Искусства остаются искусствами только при алтаре, а без него — дыр-бул-шил да черный квадрат выходит, духовка, а не духовность. «На рынок! Там кричит желудок...»

Но алтарь все отдаляется от нас век от веку; Бог все мельчает день ото дня; не видит этого только слепой, — потому-то в искусствах, г-н Самойлов, не прогресс наблюдается, а регресс. Они все меньше нужны нам, эти искусства, вот и мельчают, а мобильный телефон, которого вы в руках не держали, и интернет (со строчной, не с прописной, вопреки чиновникам от языка), интернет, о котором вы, г-н Самойлов, не слыхивали, до которо-

го чуть-чуть не дожили, — они, не в пример стихам, нужны нам все больше. Чем больше интернета, тем меньше Бога (и духовности; и искусств, которые — вторая производная от алтаря). Прогресс цивилизации один к одному пересчитывается в регресс Бога. Гигиены Бог на дух не переносит. Нанотехнология ему поперек горла. Прогресс — затея мещанская, не божеская. На его знамени написано слово *суета* (а с другой стороны — *комфорт*). Его идея — сытость... а сытое брюхо к искусствам глухо. Неужели эти простые истины нужно напоминать? И кому? Поэту! Не честнее ли было бы (в интеллектуальном смысле, раз уж мы умные люди и атеисты) посмотреть горькой правде в глаза и сказать: значение поэзии в нашей жизни ничтожно, место поэта — карикатурно (недаром ведь в поэтах теперь ходят сплошь паяцы, конференсье да скоморохи)?

Развитие, не противное Богу (который нас покинул), человечеству известно, но к духовности отношения не имеет. Оно шло от халдеев к Птолемею, от Птолемея к Ньютону, от Ньютона к Эйнштейну, от Эйнштейна к Гелл-Манну. Есть и другая линия развития: «от людоедства к братству», как говорил Владимир Соловьев, — но он, теперь мы знаем, эту свою мысль не додумал, про гильотину забыл, Освенцима и ГУЛага не предвидел. Братства мы хлебнули, спасибо. Точнее было бы сказать: от жаркого родственного отношения к ближнему — к прохладному, сочувственному отношению к дальнему *и ближнему*, метафорически, — сделаем ручкой политической корректности, — от людоедства к политическому убежищу внукам людоедов. В первом случае развития имеем мысль, постигающую природу (а уж из нее, как из ящика Пандоры, сыплются крупной методы, включая мобильный телефон и интернет). Во втором случае — нравственное движение от я к мы, *напутствуемое идеей братства*, но охлаждающее и отчуждающее. Алтаря — нет, духовности — не видно. Как же сюда рифму приплетать? Какое, к черту, развитие, когда ее вчера не было и завтра не будет? Рифма — эфемериды в контексте мировой культуры. Рифма развивающаяся и усложняющаяся — сиюминутный, злободневный миф, вроде мифа о глобальном потеплении. И, однако ж, перед нами целый трактат, доказывающий, что *кровь—любовь* примитивнее, чем *чирикала—чернильница*! Ура. Да здравствует светлое будущее всего человечества.

Плиний-письмоводитель учит: нет книги настолько плохой, чтоб она была совершенно бесполезной. В книге Самойлова — тьма мелких истин на фоне обмана, нас, болезных, словно бы и возвышающего (развитие!), но нашу мысль — унижающего. Мелкие истины в книге Самойлова хвалить не станем. Отметим еще два промаха, пустяковых на фоне главной ошибки, но в глаза все-таки бросающихся.

Самойлов даже попытки не делает ответить на связанные между собою вопросы: зачем и почему рифма нам потребовалась, хотя мы обходились без нее пять тысяч лет; и что рифма делает в стихе, чем она прельстила нас? О втором промахе мне даже говорить больно. Самойлов умудрился написать книгу о русской рифме, не приведя самого замечательного стихотворения о

рифме в русской и мировой поэзии. Можно даже заподозрить, что это сделано намеренно, — потому что оно зачеркнуло бы его ученую книгу. Стихотворение это так и называется: «Рифма» — и принадлежит Боратынскому. Оно феноменально... но этот разговор лучше не продолжать, потому что — *не поймет и не заметит*. Да и как ему заметить? Своего второго по значению поэта Россия по сей день не прочла, даже имя его пишет с ошибкой, через *а* (что, не станем скрывать, нам кажется хамством). Привести здесь стихи Боратынского мы не хотим: щадим Самойлова. Заинтересованные заглянут в книгу (только пусть ищут этот шедевр не в «Литературных памятниках», где по дикому капризу составителя приведена ранняя версия, а не та, которую поэт нам завещал). Рифма у Боратынского — «подобна голубю ковчега», но там не только о ней речь, а еще и о месте поэта среди живущих. Понимание этого места предвосхищает сегодняшнее. До него и Пушкин не поднимался.

У Самойлова-поэта, как мы уже отметили, рифма эклектична, скомо-рошна. Она слишком часто выпирает из стихов, торчит и красуется, как аляповатая модница. Ей не хватает стройности и внутреннего достоинства. Но все же по временам — в рифме глагольной и точной — он, спасибо ему, угадывает главное: что рифма — только подательница благой вести, не сама благая весть.

Вносим Череп Командора

Самойлов — поэт. Это так много, что можно не продолжать. Это так мало в нашей сегодняшней луже, что придется продолжить. На великого не тянет (великих в двадцатом веке вообще не видим). Поэт слишком московский, слишком советский. Московский — в худшем значении этого нечистого слова: помнящий о подмостках, привязанный к сегодняшнему, приземленный. Советский — верящий, что служит народу, верящий, что народ реальность, а не литературная выдумка. Все, кто вырос в этом болоте, советские, но некоторые — более советские, чем другие, и он из этих некоторых. По фактуре стиха и языку, по ракурсу и заднику — Самойлов слишком принадлежит этому страшному семидесятилетию, этому гиблому месту. Он — поэт с эпитетом.

Конечно, Самойлов двумя головами выше эстрадных кривляк, вчерашних и сегодняшних. Он луч света в темном царстве. Он озаряет двадцатый век, который настолько же мельче девятнадцатого, насколько превосходит его числом томов и сочинителей. Но рядом с лучшими поэтами не то что первой, а даже и второй половины своего жалкого века Самойлов чувствует себя неуютно, — и мы ему этого соседства не навязываем.

*1 января 2006,
6 февраля 2010*

НОВЫЕ ВАРВАРЫ, ИЛИ ПРОГУЛКИ В САДАХ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ-3

Импровиз на темы стихов Рафаэля Шустеровича

Читать стихи Р. Ш. — нелегкое удовольствие.

Зато чего не узнаешь, осваивая не только текст, но и подтекст, и контекст.

Это фрейдовские «я», «оно» и «сверх-я» применительно к предмету, о котором идет речь.

А проанализировать поможет интернет. Только набери, параллельно с чтением, нужное слово в искалке — и последовательно узнаешь, *что* есть «хордовые», или «сарданыя», или «Тиасур», или «оригами»... ну, последнее и всякий знает. Конечно, случайно можно знать, кто такой, допустим, Ибн Батутта или кто такие «фелибры», а можно ненароком и не знать, и тогда, как сказано уже, выручит интернет; равно, встречаясь со строкой *«нет ничего в нас глубже кожи, так, валери?»* — можно случайно быть к ней готовым, — прочтя случайно же именно этот текст Поля Валери, случайно же запомнить его: *«Самое глубокое в нас — это кожа. Мы живем на поверхности кожи»*, — а можно и не запомнить, — зачем бы непременно это? — и опять верный интернет тут как тут — так, рафаэль?..

Словом, перед нами «ученая поэзия», в смысле «умная поэзия», в смысле «герметическая» — в смысле та традиция, что пошла, ближе всего, от человека, не так чтобы систематически образованного, но уж очень, до полоумия умного... — да, с него-то, с его стихов типа того «Ламарк», вся эта порча умных умов (как в пьесе «Вишневый сад» все это «несчастье-то» началось с «воли-то» — с отмены крепостного права) и пошла: типа не пойми чего. Конечно, нынче выход, как сказано уже, найден: кликай — см. выше. Да-да, чтобы хоть отчасти уяснить предмет лирического говорения, вопрошания и ответа, нужно бедному гуманитарии (каков есть я) обратиться все туда же, чтобы с обломовского дивана (каков есть мой) не вставать, а все-все узнать

**Юрий
МАЛЕЦКИЙ**

— родился в 1952 году в Куйбышеве (Самара). Окончил Филологический факультет Куйбышевского университета. Под псевдонимом Юрий Лapidус в 1986 году дебютировал в «Континенте» (повесть «На очереди», № 47–48). Печатался в «Знамени», «Новом мире», «Согласии» и др. журналах. Дважды вошел в шорт-лист претендентов на Букеровскую премию — с романом «Любью» (1996) и повестью «Конец иглы» (2007). Постоянный автор «Континента». С 1996 года живет в Германии.

без особого дискомфорта. Сегодня, в счастливые время дивайсов и гаджетов, можно любого гонгору и джонодонна издавать без комментариев. Нам расколоть их поможет гугл-хочуфсезнатть.

Впрочем, еще до Осип-милыча — Ломоносов: «*Поэзия есть сопряжение далековатых мыслей*». Вот, следовательно, еще раньше, чем вздумалось на шальную голову, вот с осьмнадцатого столетия «безумна и мудра», вот с каких пор повелось, по крайней мере, на Руси: читателя посылать далеко-далековато. Не все, конечно, посылают посланнически; один даже взял да и возразил однажды: поэзия должна быть глуповата. Должна, да не обязана. Так возразил бы возразившему Шустерович.

Да, нелегкая это работа его читать.

Между тем (поспешим возразить себе, чтобы читатель не вздумал отбросить текст в сторону и забыть насовсем об обоих авторах, авторе стихов и авторе нижеследующего о первом авторе), если не всякий раз, то в отдельно взятых частых случаях работа эта себя оправдывает: читая Рафаэля Шустеровича, получаешь-таки удовольствие.

Просто перед нами тот случай, когда стихи не хотят «вмещаться в шляпу». Причем степень их ершистости велика.

Что имею в виду?

Ну, во-первых, их очень много, они идут большими косяками — или вырастают кустами; при этом, во-вторых, они очень разные и разноуровневые, то есть совершенно не вставляются в единый корпус текста — в смысле качества. И совершенно вставляются — в смысле смысла, обеспечивающего их единство. В-третьих, они очень защищены — многознанием, профессионализмом и непохожестью на других. И совершенно беззащитны — своей похожестью.

Перепады уровня, повторим, очень сильны, — как будто писали несколько авторов, более или менее сильных.

Начну с менее. На мой вкус.

Вот был бы я — не дай Бог! — по профессии литературный критик и захотелось бы мне (спаси Господи) очередного нового автора «приложить» (то есть побить ногами... нет, чем только культурные люди ни занимаются...), — лучшей мишени, чем Р. Ш., некоторые «выбранные места» из него, — и не представить. И именно в силу специфики его творчества, о чем ниже.

Ну, хотя бы:

Опечатка ль, Элиза она иль Тереза,
итальянка ли, немка, — да что за дела! —
С кем разделите пропасть, о Людвиг нетрезвый?
Вас представить Элизе?! Элиза ушла.

Нет Элизы, и вот что: пускай — не бывало.
Ей одной так еще никогда не спалось.
Лучший сон — это все-таки сон без финала,
где очнуться для времени — не довелось.

Накопилось два века звериного зова,
Император прошел через Грасс на Париж,
он разбит — но упрямые призраки снова
вопрошают Элизу: Элиза, ты спишь?

Император отравлен — и алгеброй тронной
заялись Веллингтон, Талейран, Меттерних...
Под уверенный, свежий трезвон телефонный
по утрам абонентам уже не до них.

Знай, Элиза, что призраки необратимы,
знай, что ангелы необратимы вдвойне...
Не прикованы к мачте, куда-то летим мы —
пока длинные трели слышны в вышине.

Так. Красиво. Музыкально. «Художественная» тема: Бетховен, «К Элизе». Она же Тереза — Брунsvик? Мальфатти? Скорее первая... да в конце-то концов, какая разница, «что за дела?» — была бы «атмосфера», «аура». Как это: «Вы нам дайте... э... вообще закусочку». Да. Размер и тон: сразу «Фотокарточка» Пастернака и «Пьяный корабль» в переводе Антокольского. В общем, фантазийно — по законам красоты. То есть именно «через Грасс на Париж»: без Грасса фантазийного парфюма нет, а без Парижа тоже — кто б тот самый да парфюм «продал» без последнего?

Вообще история, искусство, культура, с позволения сказать, — комфортабельнейшее место для туризма и путевых рифмованных заметок.

Или:

Блондинка Рита и ты, Блинов,
Ушли, не оставив касаний, снов,
Закончен день говорунов,
Их всех разобрали.

Калитка, маленький тесный двор,
Деревья, забор, чугунный узор,
Моих муравьев немой разговор,
И вот стемнело.

Вам ничего не слышится тут родного до боли? Мне — что мы, кажется, под сенью таких, что ли, строчек: «Баба Настя, поди, померла, и Пестерев жив едва ли, а как жив, то пьяный сидит в подвале, или ладит из нашей кровати что-то, говорят, калитку не то ворота». Иль это мне только мнится?

А это вот:

мои герои
не желающие быть несчастными
с глазами грустными
с делами преимущественно частными

не стоящие на месте
если пьющие то не от горя
не ждущие милости
ни от земли ни от моря
небессмертные неосторожные
упрямые
безнадежные

— это не кажется слегка списанным из Слуцкого?

А то еще так...

Стоп. «Тут-то мы вас, батенька, и погавим»: тут кто-то во мне меня останавливает: «Юра, ну ты чего? Окстись. Ты же не критик какой. У тебя, говорят, кое-какая-то совесть по мере старения завелась — в том числе литературная. Вникни — ведь почему все вы в один голос: “Я критику не читаю” (а сами небось иной раз почитывают? ты сам, например; точно как Лоханкин втихаря ночью борщ из кастрюли лопал)? Да потому, что критики все больше не прямым своим делом, не критикой (греч. *Κριτική* — «искусство разбирать»), анализировать, а это значит — понимать толк, чтобы с толком толковать, а это неотменимо значит — внимательно, медленно читать, а вот этого они на дух не переносят) чаще всего занимаются, а тем, что им представляется их делом, на деле являясь самым легким, самым ничьим не-делом, а сущей безделицей — толком не посмотрев на людей, себя показать. Вот люди и обижаются (сначала), а пройдет год-другой-пятый, — они уже заматерели и на гадких сердцу критиков чихать хотели.

А какую бы критику сам ты назвал критикой? Чем, в частности, замечателен был Белинский? И почему любим, и читаем, и уважаем — не одними читателями, но и самими теми, о ком он писал? Да альтруистической энергией понимания со-понимания-сочувствия вместо самовлюбленной прухи стильного измордовыванья или пусть даже стильно-непонимающей комплиментарности. Вот и хорошо, вот, коль уж скоро ты решил этим — не своим — делом заняться, — вот такой настоящей-то критикой сам и попробуй заняться, чтобы хоть малость соответствовать правилам которые назначаешь.

И ведь тебе же очень, крайне — нравится вот такое, например, сочинение в стихах Р. Ш.:

Юдифь

Разбросаны простыни.
Он, обессиленный, спит.
Он спит — беззащитен,
как город, обложенный войском.
В углу — его меч,
филигранью украшенный щит,
и пахнет железом
и дымом, и потом, и воском

Ко мне возвращается
все, что ждало до сих пор:
война и осада,
и голод, и смертная рвота...
О, пусть все исчезнет —
останется этот шатер,
и двое на ложе,
и запахи воска и пота.

Тогда бы в безумьи
к мечу не тянулась рука,
тогда б до утра
мы дожили, и снова до ночи,
и жилка у горла
дрожала б часы и века,
и пальцы мои
не закрыли б любимые очи.

Да, и еще как нравится. Еще бы не нравилось. Удивительно прямой ход от грубой вещественности к тонкой существенности: от физиологичности к тончайшей если не духовности, то душевности (этот подкоп когда-то прорывал Вавилон, но не повезло: застрял в тесном месте именно на душевности, у него столь же грубо-духовитой, как и отправная точка физиологии). Удалось-таки! Поздравляю. Без дураков.

А еще того интереснее, по-моему: по существу, это антииудейское, — а может быть, именно истинно-иудейское, откуда рукой подать и до христианского, прочтении «Книги Юдифи» не только как героической саги (потом спародировано-сниженное в «Пышке» Мопассана — или ошибаюсь? Поправьте, кому не лень) из тех времен, когда евреи были большими, но в женском изводе темы Героя, — но и как песни песней о любви к врагу — до совсем тесной любви, без зазора между телами и душами. И по-моему, это удивительно — 2000 лет прошло, а где она, эта любовь к врагам, заповеданная Христом? Кажется, христиане прошли мимо слов Христа — а вот иудеи-не-иудеи-евреи-не-евреи (да разве их, евреев-то, поймешь? удивительное же дело — израильское право: галахически-религиозно, ты еврей, если рожден от евреев или хотя бы от еврейки, а светски, согласно нейтральному к религии государственному «закону о возвращении», алия, ты еврей, если не изменил религии отцов, — и в первую очередь, согрешил, перейдя в христианство! Ну все наоборот! Это только евреи поймут, — если, конечно, в отличие от меня, не изменят еврейству), они-то и напоминают: сия идея, иудеями отрицаемая, есть, однако, от евреев еще во времена Юдифи проистекшая, как вдохновенно поэтрит Шустерович. И хотя у Шустеровича речь идет не о христианской любви-прощении и сочувствии, а о любви-страсти, и хотя здесь, в сущности, прямо как у Корнелия, поэта-лауреата, долг побеждает страсть, но этим стихотворение не исчерпывается. Для меня, по край-

ней мере; по мне, так тут сквозит потайное, не знаю, осознанное ли самим автором, уже-едва-ли-не-христианское чувство, и сквозит оно не в словах, а где-то между словами, в самой нежности звуковых переливов ночной, подтренней свирели; в нежности прикосновения к другому, любимому человеку — закланному врагу.

Тонкая, но обжигающе страшная мысль о любви к врагу, не понятая ни тогда, иудеями, ни, похоже, сейчас много-многими христианами заветная мысль христианства (раз уж Сам Он на смертном кресте молился об убивающих его — и убивших, — чтоб им Отец не вменил убийства Бога — но ведь, согласно догмату — истине веры, и человека же, невинного человека, простое, ежедневное убийство человек, — совершенного с особой жестокостью и цинизмом); то — ведь нигде же, кроме христианства, этого не... — то вроде бы одно из самых главных сокровищ христианского мира, которое хоть один из нас-«христиан» — бережет ли? Осуществляет ли — хоть на мизинец? Нет, ну в самом-то деле, правда ли, что наше православное=правильно исповедующее Христа понимание вещей есть *понимание вещей?*..

Так, да? Ты и так умеешь? Тогда будем читать серьезно.
Вот нате вам.

Разве это вот может не нравиться:

стоит ли поисков дряхлый заросший дом
вон Иван Алексеич в том давнем набеге
вышел на крышу храм увидел и Сдом
и прислонил картину к шальной телеге

в семь заказать фокаччо и крем-брюле
под бормотание иерихонского горна
призрак любви витает а на столе
плавные блюда сменяются нерукотворно

город приподнят этот приподнят град
он золотой он светится в винной черни
свежие стены нежные говорят
линией неуловимой виолончели

в ближних холмах добыты известняки
только подать рукой и рука повисла
впрочем запасы камня невелики
невелики ресурсы ночного смысла

мы на окраине мира мы в центре сна
где серебрят оливы изнанку сада
перевитой оградой обнесена
каждая пядь сошедшего с неба града

выйди на крышу приснишь самому себе
чувствуешь крылья чешутся спится снится
лирой ли прислониться к печной трубе
или луной скользнуть к ледяной странице

Это тот случай, когда хочется самому переписать строчки, чтобы иметь удовольствие их привести и оставить без пресловутых комментариев, даже интернетовских — ну их в болото. И без них все тут слышится через немоту письменных строк, и без них все колышется, и льнет, и, тихо лучась, ласкает; а это и есть поэзия. Думаю, и Иван Алексеич, несмотря на свою нелюбовь к модернизму (о пост-модерне счастливо не слышал), не отказался бы вдыхать-выдыхать эти плавные строки.

И я говорю себе: «Что ты, в самом деле, все — бротски-ы-броцки? Это же все равно, что после Пушкина всякого, пишущего четырехстопным ямбом (да и просто всякого пишущего стихи по-русски) обвинять в пост-пушкинизме. Собственно, что сделал Бродский? Простую, но до него не то чтобы не возможную, но никому не представимую до него вещь: не то чтобы превратил ртуть в золото, но сравнял гармонию и алгебру, поверил логике *художественную* логикой *формальной* («наука о правильном мышлении», «наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности») и логикой *грамматической*. Как Пастернак показал в «Рождественской звезде», что в точке абсолюта абсолютная проза тождественна абсолютной поэзии и спроста излагается ею (т. е. показал, как это спроста *им* делается, если за дело берется *он*, мастер), так и Бродский показал, как логика развернутого до логического конца человеческого рассуждения становится логикой художественного высказывания; что всякое подлинное человеческое проявление едва ли не тождественно другому подлинному человеческому проявлению: скажем, проявление подлинного *ума* обязательно и закономерно есть проявление подлинного *чувства* и подлинной *воли*. Поэзия Бродского, как он и сам отмечал, повинуется логике языка, язык же грамматичен еще более, нежели семантичен (чему подтверждением пресловутая «глокая кудра» Щербы), а в грамматике Бродскому важнее всего синтаксис: подчинение, соподчинение, согласование, управление и тогда только — еще посмотрим — примыкание. Место и время — вот обстоятельства его образа поэтического действия.

Да, и когда Бродский открыл этот способ мыслить как способ мыслить и чувствовать художественно, более того, когда он показал, как *процесс* творения образа входит — запросто, правда? теперь, после него, запросто! — в *сам образ*, да? «как образ входит в образ», верно? в кино, например, это сделал Феллини в «Восьми с половиной» в 1963-м; поэзия должна была подождать несколько лет до зрелого Бродского, — но как скоро Бэ это таки сделал, так неизбежно и органично (а разве это плохо?) открыл путь в поэзию (без кавычек) всем, способным мыслить на развернутом, сам-с-собой-рассуждающем языке чувства; так из пункта Бэ и потекла дорога в пункты А, Вэ и так до Я (я не имею в виду мое «я», ё-мое). В том числе и в пункт Шэ.

Но это открытие значило, помимо прочего, что путь в лирику *в первую очередь* теперь открыт не лирикам, а умеющим точно рассуждать, точно мыслить: представителям «точных наук». Так в лирику приходят физики (к слову: я знаю о Р. Ш. то немногое, что почерпнул все в том же интернете: по специальности физик, заканчивал Саратовский университет, живет — и работает по специальности — где-то в Израиле), отчего в лирике поселяется метафизика; и моя ревность, ревность гуманитария: как посмели сунуться в нашу епархию? мы же не суем носа в их? — есть чувство вполне неверное: физика есть область специализации человеческого ума, тогда как лирика есть область всечеловеческого формулирования проживаемой жизни — на нормальном человеческом языке; в этом смысле Чехов неправ, обижаясь на то, что все понимают в литературе и медицине: эти две области до такой степени касаются жизненного опыта каждого, что в них каждый просто обязан понимать, в то время как формулу скорости света или там 2-й закон термодинамики можно и не знать (я, правда, знаю одного литератора, который знает этот закон: нет, не себя имею в виду, а — С. А. Лурье) и жить себе поживаючи (впрочем, сейчас куда как многие ухитряются и в литературе не рубить ни уха ни рыла и тоже жить поживаючи... Боже, что случилось с людьми... И что с ними еще станется, когда они плюнут слюной и на последнее — медицину, перестанут жить для здоровой биологической жизни, питаюсь проростками мунго-бобов, и соевым мясом, и соевым творогом тофу, а начнут жить, духовно и душевно поживаючи... Когда они распочтут последнее прибежище гуманизма — само великое и могучее *Веганство*...!).

Увлекся. Отмотаем назад.

«Итак, Атос нашел название: семейное дело.

Арамис нашел способ: послать слуг. Портос нашел средство...» — и так далее. В смысле: Бродский открыл сам способ, метод поэторить путем развернутой философски-художественной спекуляции, и те, кто этим способом воспользовался, столь же мало являются эпигонами Бродского, как караваджисты Рибера, Сурбаран и даже молодой Веласкес — эпигонами Караваджо. При том условии, что перенимает единственно — сам способ писания стихотворения как обнажающего свою структуру=ход дискурса мысль-чувство-выявления — в качестве конструирующего принципа писания (скажем, Мандельштам сам процесс дискурса скрывал, возможно, даже от самого себя, выдавая на-гора только результат, перекрывая втемную смысловую бездну; ему, как Шерлоку Холмсу, проще было решить задачу, нежели объяснить, как он ее решил; Бродский же откровенно приглашает на пиршество духа: «Мыслите с нами, мыслите, как мы, — нет, мыслите лучше нас»). Строй же «звуков, чувств и дум» — сохраняет *свой*. Тут у каждого свое «волшебство». В этом случае влияние Бродского можно будет определить попросту так: «Нет более увлекательного занятия, чем следить за мыслью великого человека».

Пушкин.

В самом деле, нет. Или нет, пожалуй, есть: проследивать, как искусство мысли великого художника слово-мысль-чувства — инспирирует собственные мысли других художников, служащих этой царственной триаде.

Вот и в нашем случае — именно физик показывает, что временами может быть изрядным лириком... Ну, скажем, лириком драматическим... или философским... И тогда уж, конечно, не вопреки, а благодаря введенной им сугубо интеллектуальной, если не интеллектуалистской, компоненте:

тибидабу

lo más profundo es la piel
посвящается Барселоне

I

долгие провода дальние страны в руку цветков
побереги от гитаны карманы и кошелек
рта в беззаботную летнюю пору не разевай
где поднимается медленно в гору старый трамвай

на горизонте флот гамилькара порт или грот
чья это рать вдали замелькала кто у ворот.
тают антенны и аттракционы грудью к волне
курсом по звездам определенным карго на дне

II

вот рукоделие, девочки-мойры прыснул смешок
мантия тверди мантия моря крестик стежок
нынче же ждите гостей антиподы двери раскрыв
первое бегство первой свободы первый разрыв

сон монгольфьера тьма монсеррата где-то гремит
встретятся ль заново небо вульгаты и сталагмит
мастер антонио за океаном твой пересказ
тропы ли страны там караваны скроются с глаз

III

грозы пророча миру и дому знай нострадам
где-то один обещает другому я тебе дам
купол и стропы ключи и крылья меч и огонь
каждую сказку сделаешь пылью только лишь тронь

дам тебе ур геркуланум и трою пурпур и синь
только над этой усталой горою руки раскинь
только найди себе камень откуда взмоешь ценой
опровержения глада и блуда над тишиной

IV

ибн ли батутта чертил эту карту иль геродот
в трещину ветреного заката море уйдет
в хрупкие клетки вдетые сферы горний балет
тысячи лет до нашей веры тысячи лет

авантюрист ты или вельможа но посмотри
нет ничего в нас глубже кожи — так, валери?
смыта сарданья песенка спета выставлен срок
выдай монету ровно в песету цену в цветок

Обалдеть, как четко и мерно, сколь метрономом-отсчитано. Если медь может быть звенящей, а кимвал бряцающим и в высоком смысле, то «сейчас как раз тот самый случай».

Не буду хвалить за «сказку сделаешь пылью» и «до нашей веры» — они сами себе похвала в наше время, когда все, повторяю, все словесные игры приелись (что касается песенной строчки, я думал, что все возможное выдано из нее обыгрываем Паперного: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать билью» — и примыкающим сюда довлатовским «русские народные кафки», ан нет); но этим двум если и дано примелькаться, то не в моей, будем надеяться, хоть немного благодарной памяти.

Но — «по факту»: при чем тут столько всего и сразу? Я еще помню, что Гамилькар Барка — карфагенский полководец, отец Ганнибала и, как считается, основатель Барселоны. Я еще понимаю, что «мастер Антонио», раз уж речь о Барселоне, — это, должно быть, вписавший свой город в историю архитектуры XX века Антонио Гауди; ну а где Гауди, там и трамвай — под него-то уже совсем почти слепой старик Гауди и попал, отчего и скончался. Но — «Вулгата», перевод на латинский Библии св. блаж. Иеронимом Стридонским на рубеже IV – V веков? И тут же «сталагмиты»? А последнее, вероятно, как-то связано с Гауди, его неоконченной главной работой — собором Святого семейства — и впрямь вылитой грядой огромных желтых сталагмитов... Ну, а «девочки-мойры», «мантия тверди» и «мантия моря»? «Сарданья»? А главное дело, по существу — здесь, конечно, разыгрывается мотив евангельского искушения Христа диаволом, — но «что вдруг»? при чем тут гора Тибидабу? И Нострадамус?

Я бывал в Барселоне. А вот забыл — стыд и срам экскурсоводу, — что — ну-ка, палочка-искалочка... ну-ка, гугла, давай выручай... а, вот: «*Название самой высокой точки Барселоны горы Тибидабу (Tibidabo) из слов, которыми Сатана искушает Христа: "Берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе (на латыни Tibi dabo), если, нав, поклонишься мне". Гора не то чтобы очень высока, всего 512 метров, но виды отсюда открываются и впрямь фантастические. Если вас застанет в Барселоне безоблачный солнечный день, проведите его на Тибидабу, — не пожалеете. Добраться сюда уже приключение: снача-*

ла на FGC до остановки *Avinguda del Tibidabo*, затем на антикварном «Синем трамвае» (*Tramvia Blau*; билет в одну сторону |2,20, туда и обратно |3,30) до маленькой площади Доктор-Андреу (*plaça de Doctor Andreu*), оттуда на фуникулере начала века (билет в одну сторону |2, туда и обратно |3) вверх до упора. Для желающих попасть в парк без пересадок запущен особый *Tibibus*, стартовый от входа в *El Corte Inglés* на площади Каталонии, но это, конечно, совсем не то. Самый современный вид на город открывается со смотровой площадки футуристической телебашни (*Torre de Collserola*; |4,40) работы Нормана Фостера, самый традиционный с допотопного чертова колеса в расположенном на вершине парке аттракционов (*Parc d'Ataccions Tibidabo*; расписание уточняйте заранее)».

Вот что сообщает верный интернет.

Добраться, значит, сюда — приключение.

А Р. Ш., значит, добрался. На том самом трамвае, едущем в ту самую гору. И расписание уточнил заранее. И не пожалел. И я не жалею о том, что он не пожалел: так и появилась на свет эта чеканная неразменная монетка. Неразменная песета в эру евро..

Ну, а коли так, то, может быть, чисто предположительно, Нострадамус тут при делах вот, допустим, как. Читаем из него... вот, скажем, это: «*Год 1999 и 7 месяцев. С неба явится Король устрашения (ужаса) восстановить великого Короля*»... Под первым Королем некоторые толкователи понимают сатану, под вторым — «Короля возвещенного», Христа. Так что же, сатана явится восстановить Христа? Или как? Но это вопрос, во всяком случае, не к поэту. Так или иначе, Нострадам тут действительно пророчит «миру и дому» грозы. Впрочем, их кто только *не* пророчил — и миру, и дому.

Но можно так истолковать? Почему нет.

В любом случае — игры с Р. Ш. заставляют попотеть. Но ведь это хорошо — для таких Обломовых, как я. Пока развяжешь все узелки, разгадаешь все загадки только одного этого стихотворения (сами видите, я далеко не все ответы на свои же вопросы к тексту — разыскал) — чего только, повторяю, НИ узнаешь. Впрочем, главное — не узнать. Главное — как говорил Леонардо: загадку надо не разгадывать, а перезагадывать. Вот это работа типа того творческая. Как в случае с Нострадамом.

Пойдем далее.

Сколько родилось на нашу голову крылатых фраз. «*Добрый вечер, Шамил*». «*Дошли до Берлина — дойдем и до Нью-Йорка*». «*ЦСКА — кони, Спартак — чемпион*». «*Народ — терпилы, деловые рулят!*». «*Похмелье уже сегодня!*». «*Ведь вы этого достойны*». Крылатый предвыборный слоган ЛДПР: «*За все ответите*». Глядишь — и ответят. Это уж не бонмо, а бон-по, зловеще-таинственная «черная религия» Тибета. Страшно без дураков. Но мы *это* го достойны.

Из таких крылатых — пернатое название романа нобелевского лауреата из ЮАР: «В ожидании варваров».

Мы живем в ожидании варваров. Но что, если вместо варваров (или вместе с ними) пришли, — а мы и не заметили, — новые цивилизаторы?

И колонизируют не пространства и народы, но — поселяясь в них, на них и среди них, зримо абсорбируясь в них, незримо, но явственно самими собой создают некие точки новой цивилизации. Или нет, не возьмем так много на себя, — не цивилизации, но культуры. Цивилизация имеет дело с цивилис: гражданами, граждански-государственным началом. Граждан много, без них нет града. Города и мира. Удел культурного человека — именно только удел. Пока он у дел, он и есть один, что в поле воин, обоснование точки культуры. А у дел он, пока хочет того. Пока может то.

Рок-бард, проездом из Костромы в Гималаи, заметил: «Есть те, кто верит, и те, кто смотрит из лож». Есть те, кому устраниться — проще, чем быть. И есть те, кто не может не быть. Пока их не устроят.

Рискну сказать: поколение — или два-три поколения — от выезжавших по израильской визе много куда до выезжавших прицельно в Германию в середине-конце 90-х, — хотели они того или нет, но они стали такими вот колонизаторами навыворот.

Это не эмигранты, а иммигранты.

Напомню: покидающие страну называются эмигрантами. Прибывающие в желаемую страну — иммигрантами.

В отличие от Вознесенского образца 1967 года, его «*Пес твой, эпоха, я вою у сонного ЦУМа — чую Кучума!*» (в лице поэта культура ужасается грядущему хаму-варвару и противостоит ему), Шустерович образца 2000-х никого не ждет и ничему не ужасается. Он не пророчит, а свидетельствует: уже вершится; и что? Чего, кого нам бояться, когда мы сами — они и есть: сам себе и варвар — «чужой», набежавший из пустыни, как самум, но и как занесенная в город самумом песчинка, и антиварвар-культуртрегер *своей*, варварской культуры. Но какой?

«Обычная ситуация» в истории: летописец пишет историю от лица уже состоявшейся (как он думает, во всяком случае) культуры-цивилизации — перед лицом приходящих-нас-при-шедших-у-шедших: «Погибоша аки обре» — варваров. Летописец Шустеровича (=хронограф Шустерович?) срывается с места и уходит вместе с варварами писать их летопись:

хронотопот

Каллиграф-хронописец неспешно вычерчивал вензели, зная сызмальства, где каждой строчке бывает предел, вроде жил — не тужил, пребывая в счастливом неведении, — но так жадно глядел на дорогу, так жарко глядел.

Можешь кистью водить по просторам родного папируса, на родимом пергаменте храбро ложиться на курс — сколько строк ни строчи, сколько сам же в себя ни копируйся, не осилить тебе этот едкий бродяжий искус.

Осыпались империи, семьи искали спасения,
города отдавались, а кто не отдался — сгорал...
Не от тех ли туменов сияние рдело на севере,
не от тех ли кибиток небес загорался опал?..

Он пошел, каллиграф, за ордой на моря на закатные,
он в верблюжьей корзине устроил себе кабинет, —
чтоб потомок неведомый слышал тот голос закадровый,
когда нет ни степей, ни туменов — и голоса нет.

Что это за место, о котором голос хронографа свидетельствует, что он там был и записывает: здесь не слышно никакого голоса? Это время-место, где неважно, *где* и *когда*, важно только — *что*: хронотоп, переходящий в топот пригредших (а с ними и хронограф в верблюжьей корзине); это место-время: нигде-здесь и когда-то-сейчас-всегда. Да, все равно где. Здесь, здесь, а теперь — здесь. Сейчас, и сейчас, и еще сейчас. Не где и когда важно, а — ...а что тогда важно? Кастанедовское «Место сборки» (самоидентичность) — это не место проживания, а — что тогда? Да вот, где проживает на самом деле мое «я», если не по месту жительства?

Играйте, греки. Грозите, персы. Летите, гунны. —
В таком-то веке, крутые перцы, косматы, юны.
Звучите, мессы. Гудите, струны. Смежайте веки.
Шумите, персы. Неситесь, гунны. Резвитесь, греки.

Пируйте, готы. Решайтесь, саксы. Ликуйте, персы.
Делитесь, квоты. Гудите, факсы. Ревите, «мерсы».
Наличьте чеки, метите лоты, сводите сальдо, —
Гребите, греки, шустрите, готы, старайтесь, скальды.

Берите доли от ввоза соли, от ввоза специй.
Вдохните воли. Засейте поле. Сиди, Бозций.
Язвите, парки. Святитесь, Пасхи. Скачите, скифы.
Пляшите, панки. Жирейте, папки. Кружите, грифы.

Всё на экране — берите страны, крушите скалы.
Вперед, парфяне. Вперед, норманны. Вперед, вандалы.
Пасти народы, учить фольклоры, снимая стрессы...
Летите, годы. Сияйте, горы. Грядите, персы.

Разумеется (разумеется, это только мне так разумеется, но почему-то думается — не ошибается), это заряжено выстреливающими отсюда — как... ну, «Петербург» Белого заряжен выстреливающим из него Гоголем — строчками Бродского:

Скрипи, перо. Черней, бумага.
Лети, минута.

Но это — их развитие по мере развертывания. Эти, последние, слова в «Пьянце Матеи», это яростное в своем окончательном спокойствии подбитие бабок, то, чем заканчивает Бродский, — есть только *начало*, отправной пункт Ш.: далее идет то, *что* чернеет на бумаге, *о чем* скрипит перо: приветствие-проклятие-вызывание-огня-на-себя-констатация-хроника ближайшего будущего-отдаленного прошлого. Все мы ищем настоящее, которого, в сущности, нет; или нет — есть: это точка нуля, где будущее, стремящееся назад и в лепешку разбиваясь о прошлое, стремящееся навстречу вперед, упраздняет и его, и себя, превращая в нуль. Но здесь-то, в этом аравийском месиве-крошеве, свете размолотых в луч скоростей, где все еще в прошлом все уже в будущем (и наоборот — все уже в прошлом все еще в будущем: «в таком-то веке» равно относится ко всем четырем потенциальным «еще» и «уже»), — здесь выясняется, что нуль — это таки число. Это уже что-то, на чем можно выстроить себя. Все, множимое на нуль, есть нуль (закадровый голос о том, что голоса нет); но, с другой стороны, «единое на потребу» *настоящее настоящее* только и рождается из нуля, возникающая на этой нулевой точке пересечения прошлого и будущего, в нулевой точке пространства-времени — в момент эмиграции-иммиграции в Большой Взрыв...

...Да, но кроме того и первое всего — какова энергетика взрыва. Вздрыбленная пена слов. Пену с губ облизав и получив *соленой пеной по губам*.

В бешеный сип срывающееся полнозвучие. Истовое до неистовства.

И тут мне приходит на память... Странные параллели приходят в дурные головы. И все же, в самом деле.

Как вам такое безответственно-«далековатое» (ну, пусть его, вдруг да поэтичнее будет) сопоставление с вышеприведенным текстом Р. Ш.:

Мы плывем из страны снега и льдов,
Полуночного солнца и свежих весенних ветров.
Молот богов ведет корабли наши в новые страны,
Сражаться с полчищами, крича: Valhalla! Я гряду!

Мчим молотьбою весел,
Наша цель — один лишь западный берег.
Мы плывем из страны снега и льдов,
Полуночного солнца и свежих весенних ветров.

Поля ваши прекрасно-зеленые нежно
Нашептывают кровавые рассказы
О том, как мы усмиряли потоки войн,
Мы — ваши повелители!

Мчим молотьбою весел,
Наша цель — один лишь западный берег.
Но сейчас лучше остановиться,
Чтоб в руинах лежащее — восстановить.
Ради мирных надежд в силах мы победить ныне,
Несмотря на все, что проиграли.

Что за текстовина такая стремная? Кто-то знает, а кто-то нет, да это и совсем не обязательно знать. Но я случайно, поколенчески, осведомлен, вот оно и пришло в дурную голову и — на всякий, опять же, случай: это неуклюжий подстрочник слов песни «Immigrant Song» великой и ужасной рок-группы Led Zeppelin, и тот не был молодым в начале 70-х, кто не слушал ее, отзываясь каждым биением сердца на роковый звук барабанов ударника группы Джона «Бонзо» Бонэма (этот роковый звук стал для него роковым в 1980, когда его обнаружили мертвым наутро после дружеской попойки), «тяжелым басом гремящий фугас» Джона Поль Джонса, иступленный запил гитары Джимми Пейджа и фантастически высокий, высоковольтно-электрический голос Роберта Планта; голос с содранной кожей. И мне кажется, что тогда же, когда и я, слушал его, затаив дыхание, Р. Ш. А если и нет — какие дела. То, что носится в воздухе, само оседает в сердцах, даже без огласовки и согласовки.

На «цеппелинов» каких только ни вешали — тогда, в 1970, и позже — собак. «Пресса, к слову сказать, — пишет один из интернетовских, в данном случае — для меня по крайней мере — безымянных, но толковых авторов разных блогов, форумов и порталов, — *поначалу приняла альбом настороженно: поэтика морских рейдов демонических викингов (Вальгалла, “молот богов”, битвы, милитаристский, агрессивный звук...) <...> Журналистам казалось, что гитарные риффы “цеппелинов” вызывают темные чувства из темных эпох (мистика, оккультизм и т. д.), отражают ультраправые, конквистадорско-колониальные взгляды (в контексте того времени “подозрение” более чем понятное) <...> Тогда еще была жива память о том, куда ведет “романтическое” прочтение мифов, увлечение рунами и скандинавским фольклором, военными братствами и т. д. (кстати, современная “готика” в этом смысле сохраняет свою амбивалентность: к примеру, в Европе наиболее истовыми поклонниками “Властелина колец” является культурно фашиствующая публика; в России же толкиенисты в большинстве своем — хиппи, космополиты...)*».

Да, в чем только ни обвиняли «ЛЗ».

У меня же, когда я уезжал уже в 1996 из Москвы в Германию, в ушах и душе звучало не ностальгическое что, а — это вот. «Иммигрант сонг». Время убытия и время прибытия считать одномоментно. А посвящена эта песня, между прочим (и это в пандан к нашему разговору, или, чтобы не умничать, кипятик ваш, а чай-сахар наши), исландцу Лейфуру Эриксону (970 — 1020) — сыну Эрика Рыжего (первооткрыватель Гренландии), первому европейцу, вступившему с командой своего драккара на земли Нового Света.

Как говорит пелевинский Чапаев, прежде чем бежать, подумай, не куда ты бежишь, а — откуда. Что ж, это максима эмигранта или внутреннего эмигранта. А истина иммигранта — всегда Новый для него — будь он и Старый — Свет. Пафос настоящего, призванного иммигранта — не создание русскоязычного гетто в израилях, лосанжелосах и брайтонбич, а конквистадорство, помноженное на пилигримство.

В данном случае — случае конкистадорства культурного — «внутреннее конкистадорство». Вот почва для обживания и обустройства наших новых кортесов в любой точке пожизненной конкисты, куда ни приведет судьба странствующего по волнам моря житейского: всем культурным наследием всего — овладеть-все унаследовать-всему поклониться-ничего-не-сжигая. Это такой вид не коммунального, но одинокого и обособленно-абсорбирующего все завоеванное по ходу, — такой вид изолированного коммунизма.

Да, собственно, почему еще поэзия Шустеровича легла мне на душу? А — она дает невысказанный, но сказуемый ответ.

На вопрос, последнее время меня занимающий: человек, давно уехавший на чужбину и уже сто лет в обед не ведающий ностальгии, а спокойно и ровно любящий родину издалека, впрочем, по-своему любящий уже и ту землю, где проживает, но не интегрировавшийся полностью — поздновато... да; и вот такой человек, остающийся русским, будь он трижды еврей, — есть ли у него понятие родины? А поскольку речь о человеке культуры, — какой культуры он считает себя носителем и худо ли бедно воспроизводителем?

И тут мне попались на глаза практически одновременно — подборка стихов Р. Ш. и текст письма М. Ямпольского по поводу вручения ему премии им. Андрея Белого.

Последнее, как увидит читатель, имеет столь прямое отношение к нашим баранам, что я позволю себе привести большую выдержку из него:

«Мы живем в мире, который, подобно взрыву Белого, расширяется и подвергает дисперсии старые связи — экономические, социальные, культурные. Наш мир — это мир расширяющегося рассеяния. И в этом мире распадающихся структур роль культуры меняется. Мне представляется, что главной ее задачей является противостояние нарастающей энтропии. Конечно, культура — это то порождение человека, которое издревле преобразовывало хаос реальности в значащие целостности. Роль эта остается за ней и сегодня, но в новых условиях исполнение этой роли требует иного сознания. Именно культура способна собрать в значимые “комки” рассыпающиеся корпускулы. Но эта сборка не должна быть насильственной... Мы должны противостоять нарастающей энтропии не панцирем неприятия, но пластикой понимания. Дисперсия культуры должна обнаружить в наших работах свою позитивную сторону. Взрыв, в котором мы существуем, отменяет культурные центры. Париж или Марбург сегодня — во многом пустые оболочки культурных ядер. С карты сметены места культурного паломничества. Мир дисперсии — это мир тотальной провинции. Бессмысленно пытаться сегодня возродить имперские центры культуры. Но отсутствие центров делает невозможным старые формы контроля над культурой. Ядра рассыпаются в элементарные частицы, которые обретают новую неслыханную дотоле свободу. В мире, где тоталитаризм черной тенью всегда стоит за спиной, такого рода дисперсия внушает надежду.

Процесс распада затрагивает сегодня само понятие национальной культуры, которое мы унаследовали от эпохи национальных государств, от XIX сто-

летия. На месте национальных культур возникают новые неопределенные образования, чьи границы сметены расширяющимся взрывом. И нам нужно понять, как вписаться в эти образования без границ, а не торопливо строить стены вокруг призрака национального наследия.

Премия Андрея Белого участвует в становлении новых культурных стратегий. Она строит карту, на которой фиксирует точки, в которых хаос преобразуется в форму. И карта эта не совпадает ни с какой географической зоной и не строится вокруг имперских центров национальной культуры. Она убедительно показывает, что русская культура сегодня имеет странную и меняющуюся географическую конфигурацию, например: Петербург — Вена — Нью-Йорк. И я благодарен судьбе, что мне выпало оказаться одной из точек на карте культурной дисперсии».

Мысль не бесспорная, но я не столько думаю, сколько позвоночником чувствую сходно; национальные культуры существуют, и это прекрасно; но процесс уже пошел, и вектор уже задан. Можно оставаться в пределах национальной культуры, — это и осмысленно, и оправдано. Но многие, слишком многие кукушата уже выпали из гнезда.

И пока одни встают в шеренгу, смыкаются в цепь носителей той или иной национальной культуры, другие — и их все больше — пополняют кочующие караваны в пространстве брошенных светил. От них-нас зависит, однако, стать сверкающей, а не гаснущей звездочкой дисперсии=распыления=рассеяния. *Диаспорность* (кружковость, стратность, внутренняя эмиграция, ..., .., — вариаций столько, сколько людей) культурной экзистенции, даже если живешь на родине, становится культурной стратегией, — да нет, больше — жилищем, крепостью и убежищем. Единственное, что нужно, — «не угашать духа», чтобы стать в полном смысле — хоть и кочующим (пусть кочующим на месте, как евреев 40 лет водили по пустыне), но — светилом.

Р. Ш. упивается именно «*Парижем или Марбургом*» (и собой, чувствующим себя в Париже или Марбурге как дома), но парадоксальным образом именно для того, чтобы, наоборот, вписаться в «*культурные образования без границ*», он потому и свой повсюду, что везде чужой, — и наоборот. При этом ностальгии он не чувствует, ему в хорошем смысле вполне комфортно в роли чужака-своея. Так чувствовал себя Вийон до сложения национальной культуры — и так чувствуют себя «новые культурные варвары» в ситуации пост-, «после нацкультуры».

Вернусь все же к «Играйте, греки...».

Вот — продолжение:

Прекрасной Елены не было, хмуро сказал Менелай,
Моя жена вздорная, малопривлекательная баба,
Но утром я слышал вещий вороний грай
Как раз перед заседанием штаба.

Молись Афине, Астарте иль Артемиде
Циничный бриз подвевает пространства холод.
Информационное прикрытие грабежа в Колхиде
Оказалось успешным. Требовался новый повод.

Блазнят сокровища левантйских портов,
Золото, стекло, пряности, мускус тамошних красоток,
Нос по ветру, вдохнешь ты уже готов,
Ахеец не может круглый год быть настолько кроток.

Напомню: женщин, как водится, не берут на борт.
Легенда обрастает живописными подробностями

За дело берутся сказители, побери их черт,
И вот полился гексамер, со всеми своими неровностями.

Когда отправляешься надолго к чужим берегам,
Становишься эротоманом и клептоманом...
В деревянном коне прятался один мальчуган,
Лазавший в форточки, дока шмонать по карманам.

Всего-то и надо было стянуть ключ от ворот,
Под утро засунуть в скважину, сделать два оборота,
А этот понарасказывал, что в утробе таился взвод,
А то, затаив дыхание, и целая рота.

Здесь Р. Ш. (кажется мне, не без тихого, потирающего онемевшие руки удовольствия) рассчитался с Мандельштамом — с его: «*Когда бы не Елена, / Что Троя вам одна, ахейские мужи?*». В этом отличие консерватора, или пусть и модерниста — от постмодерниста: трезвый, ироничный взгляд, ну это еще ладно, и у Бродского ведь тот же взгляд и о-очень трезвый ирониче-ский прищур, но там, где Бродский до полной гибели, как Пастернак, нет, как отрицаемый им Блок, всегда-серьезен, — там у Шустеровича в презент континиус со всею соответственной бергсоновской длительностью разворачи-вается «игра стеклянных бус»: игра с историей и в историю.

Тут, этаа... э... тут, само собой, поколенческая разница. Тем, кто жил в эпоху свершений, когда, имея возвышенный нрав, жить было довольно-таки трудно, поскольку, задрав красавице юбку, приходилось увидеть имен-но то, что и искали, тогда как *думали, что ищут* — новые дивные дивы, — тем жить в ту эпоху, конец которой именно в сих строках и обозначен, жить было довольно ностальгично.

Не так со следующими за ними — новыми дикими, узревшими Запад-ный Берег, будь он даже на Ближнем Востоке. Не фелибры, а фовисты, но не базелицы и не киферы (см., помимо упоминавшихся здесь «*фели-бров*», в и-нете также «*фовизм*» и «*новые дикие*»), а альпинисты и шахмати-

сты (каков, по собственному признанию в том же и-нете, Р. Ш.), — вот многогранные-то многостаночники, аж оторопь берет; нет, друг дорогой, не оторопь берет тебя, а зависть; человек же вообще от Бога предназначен к поли-деятельности... Ну ладно, вас поломали, но другим-то — оставьте самовыражаться на многих полях экзистенциальных сражений, но не под конвоем (это уж вариация, это я по ходу притырил из клевого стихотворения моего под-защитного; а вот возьму да каак рамахнусь ка-ак разбежусь да ка-ак засандалю, ка-ак соображу скобку на страницу: просил же покойный: *дай одного соловья-разбойника!* Вот, битте вам, одного — и, алаверды, даем! — Ну, хочется, если не возражаете, ну больно уж — не кланяются, но кивают, прядают головами деушки-ф-цвету; «Итак, записывайте рецепт», — как варивал славный Веничка; итак, читайте:

александр сергеич явился на бал в сапогах
пусть по ошибке но все одно не по форме
выводок дебютанток фактически распутал
им не к лицу порхать на некомильфоне

нет мельтешить с сачком на фамильных лугах
трогать соседских барышень за живое
он же пусть по ошибке на бал в сапогах
с бала взбешен но в карете но без конвоя

гнать бы ему коня в бессарабскую степь
легкий ковыль сливая в вольные волны
топчется меж четырех золоченых стен
где заводят пиры затевают войны

гнать бы ему кибитку в яйцкий простор
остужая бураном кипучий норов
где разносит оплоты емелька вор
где собирает виселицы суворов

верно придворный миньон опасная роль
и культура отделена от власти недавним декретом
но без присмотра всякая шваль и голь
и себя и ближнего величает поэтом

вольному воля сказал старик гераклит
буйному бойня добавил циник-историк
глянь кто-то в море давно по колено стоит
что за рыбку он ловит может не стоит, —

— безобразно вертикальная скобка, да? А почему, собственно? Может быть, просто никто не пробовал вытянуть скобки по вертикали? Ну точно, как я видел однажды в веницианском дворе — висела веревка с бельем отвес-

но, из третьего этажа, не доставая до тротуара; что ж, она выполняла свою функцию — сушила белье, не пачкая; а классное стихотвореньице, да? полный привет! вот и мне нравится — потирая онемевшие на холоду в экскурсии по ледовому задубевшему Брюгге — ну и зима же выдалась в этом году в Европе — руки).

Да, не так с новыми, культурными варварами. С ними не соскучишься — никакой ностальгии на новом месте... Вы что, безродные космополиты, и в самом деле без родины можете обойтись спокойно? Да как вам сказать... тут один такой, вообще-то российский патриот, судя по его письму-к-чаадаеву, как-то загнул: «Отечество нам — Царское Село!» А целый мир, заметьте, целый мир — то есть, инклюзируя по смыслу термина, и его шестая часть, — целый мир нам чужбина. И здраво, между прочим, то есть, между прочим, достаточно безумно, чтобы быть истинным; если, само собой, вместо пространственной горизонтали ввести временную вертикаль, — так оттуда, с временной высоты во все пространства так равно и получается: свои вроде как не свои, запросто поддаются о-чуждению; чужие вроде бы не совсем чужие, не трудно и о-своить. Так что мы его поддерживаем в его контра-, но вполне и про-патриотических начинаниях... так скажем, *точечного патриотизма*. Точка царского-села — это такая огромная малость, что ее нетрудно унести даже не на подошвах сапог, а в кармане души. В любой, самой последней прорехе этого кармана. И что же, нет на вас управы-ностальгии? Нет, никак нет. Нам и на Тибидабу не хуже, чем в Михайловском; мы, ахейцы, и в Тригорском, и в левантийских портах чувствуем себя как дома, — а главное, никогда, — вот лучшая прививка от ностальгической белиберды, — никогда не забываем, что мы здесь-езде, — и где ВэВэнаЖэ-и где ПэЭмЖэ, — в гостях.

Так от какого наследства мы отказываемся, унося родину в кармане души? С кем мы, мастера культуры, — в тот момент, когда мы над схваткой?

Как известно, на такие последние, «заднейшие» вопросы Будда отвечал благородным молчанием.

Да, так об «Играйте, греки...». Забыли? Я — нет.

Само собой, выстраивание параллельной, виртуальной истории не ново (я не говорю уже о том, что семантика мифа и, так скажем, сама структура мифа — жутко комфортны в том плане, что позволяют равно-душно, как и вся высокая поэзия, срезать многие его срезы, а стало быть, и затевать любые игры с ним: на наших глазах — «подстраивается» к любому, кто хочет с ним «*пожить и поиграть с людьми*»); что ново, так это остроумное применение марксистского материализма («экономический интерес», материальное хищничество как базисная «подкорка» деконструкции и развенчания идеализирующе-поэтизирующей «надстройки» мифа). Смешно, что для человека былинной ныне советской выучки ветхо-седо-брадатый сафа-оф Маркс — нов; но факт есть факт: эти стихи воспринимаются мной — не стерто. Заветное шкловское «очуждение» — произошло. И снова: дай мне высшую меру! Шустерович — дает. *Аффар жжот*. Что ты будешь делать.

беседа поэта с космополитом
всегда сведется к речам посполитым

поэту
тому вон сколько завещано
во-первых переходящая трещина
во-вторых чертежи Inferno и прочего
опороченного но не обесточенного

земля по кв. верстам
волны по счету
звезды по свету

художник по костюмам
обещан поэту

а что космополиту
у него и не налито

или вот скажем поэт а вот космополит
у поэта болит у него не болит
разве что космос болит у него
у космополита
у одного

Спор между поэтом и космополитом идет в душе самого поэта — и оно-го же — космополита. Так, по свидетельству вдовы, Мандельштам говорил, что в поэте непременно сидит в первую очередь Сальери, а потом уже Моцарт. У космополита болит только космос. Но этого достаточно, если космос одушевлен и не безличен; то есть космос отвечает на болезненный запрос к нему. Хотя ответ его своеобразен. Ответ оттуда вопрошающему Туда — это опять-таки огонь, вызванный на себя (а ты чего ожидал?). Хочешь быть красивым — поступай в Поэты. Хочешь ехидно-остроумным — двигай в космополиты. И увидишь — тебе отольются поэтовы слезки. Но ведь не заплачешь над самим собой, будучи меж собой и собой.

Да, пока не забыл. Хотя этого как раз забыть нельзя.

Еще и еще об огне, вызываемом себе на голову. Видимо, тема значима для автора, коль уж скоро он к ней возвращается, — вот она опять, в несколько ином модусе:

Ему обещали различие меж
большим и малым. Он ждет, хоть режь,
обещано — значит, будет дано,
он ждет — и уже давно.

И он применяет такой прием:
«ветер», — говорит, — «я вереск, прием!» —
и вот его накрывает порыв,
глаза на вранье закрыл.

Но есть и еще: когда огонь вызывает на себя не лирический герой, а, скажем так, герой эпический, не протагонист автора, а — ну, персонаж:

Там, у лифта, хрипит палач,
Забирает его паралич,
Револьвер поглубже упрячь,
Уходящий кадр увеличить:

Крупным планом берущий след
Царскосельский автомобиль,
Канегиссер, велосипед
Гон младенцев, старинный стиль.

Мы на зло им ответим злом,
Сколько есть там звезд, столько крат.
Загребай кормовым веслом,
Назовем этот ад «Ленинград».

Мотя к лифту, а в спину он,
Боевик, злодей, асмодей.
Чад бензинный, младенцев гон
На глазах обновленных людей.

Что да если обратный ход
Завести удастся часам.
Да поможет нам черный ход,
Да поможем мы небесам.

Брут на Цезаря точит нож,
Стариков укрывает плед,
Дом на Невском, белая ночь,
Канегиссер, велосипед.

Подробности желающий может найти в очерке Алданова «Убийство Урицкого». Мрачная констатация безысходности, замкнутого круга — из блоковского «Ночь. Улица...». Дыра черного хода, зловещая, как совесть тирана, — из песни. Тиран, палач — председатель питерской Чеки, но и тот, кто его убил, — тоже палач, на зло отвечающий злом, Брут, предательски подкарауливший и «поднявший нож» — вскинувший револьвер — на Цезаря; черная совесть тирана — против черного дела измены. На фоне белой ночи; в которую «не пришел, а ушел от нас белый Христос», — Галич, правильно я помню? Вот с тех пор, а то и раньше, начали мы отвечать злом на зло.

Ну, а ад этот, само собой, Ленинград (и если ранее мы видели, как Р. Ш. рассчитывается с Мандельштамом, то тут он решительно призывает его на помощь). На стыке всех возможных коннотаций и косвенных цитаций — *свой* трезвый прицел. И у читающего, если ему не лень, не «когнитивный диссонанс», а вполне даже когнитивный консонанс.

Начинаю понимать и помнить: прицел у Шустеровича, как бы он там ни ворожил и кого б ни привораживал, всегда — свой. И следовательно, «вторичность» его — не вторичность; кончина-его-не-кручина-а-только-ступень-для-него; тем-более-что-он-еще-и-альпинист.

Что поделаешь? Не без труда я, ленивый, но хотя б отчасти любопытный, — а иначе бросайте это дело, ей-богу, — овладеваю хотя бы начатками «искусства разбирать», а именно: беру свои начальные слова о вторичности — обратно. Извините, если что не так. Но если эти прямые, косвенные и скрытые цитаты, эти откровенные заимствования, прикровенные и даже сокровенные влияния — не заимствования и не влияния, а вливания чужой крови в свою, не становящейся от чьих-то чужих вливаний — менее живой, менее — не-водой, — да, что тогда? и как это все называется?.. ну, вот дай-ка приведу одно «*тихотворение*», по слову все того же помянутого тут не раз (да кто только в последние тридцать лет его не поминал) другого поэта, целиком — благо небольшое:

кто над нами вверх ногами
расправляет оригами
и изнанку заполняет
драгоценными слогами

кто развесил там покров
неохватных катастроф
дыры темновых материй
поглощенье дум и слов

под надзором гесперид
наверху звезда горит
и покуда не исчезла
со звездой говорит

Да, вот — как это называется, когда Заболоцкого крошат в салат с Лермонтовым (с точки зрения Гесперид, — почему бы и нет?), заправляя все это своею собственной заправкой — так, что все это удивительно съедобно?..

Тут я, в поисках названия, — необходимо для себя, — прихожу вот к чему: в случае Шустеровича мы имеем дело с — ближайший аналог — джазовой импровизацией. И сам автор подтвердил это опосредованно — отвечая на мой вопрос, переданный ему нашим общим знакомым: «*Тут подчеркивается мгновенный ассоциативный выбор (и по смыслу, и по созвучию) как одно из явлений при рождении текста, так же как и многообразие и чуть ли не хаотичность того материала, который собирается в душе пишущего, и из*

чего рождаются стихи». Причем автор комбинирует, условно говоря, приемы модально-ладового джаза (здесь — «ассоциации по смыслу»), если не фри-джаза — с, опять же на живую нитку, гармонической импровизацией хард-бопа («по созвучию»); и, надо сказать, флейтово-саксофонные рулады его, то кантиленные, то резко-диссонансные, очень даже виртуозны.

Чтобы пояснить, приведу фрагмент стихотворения, по поводу которого и задан был вопрос. Посвященного инвалиду Первой мировой, не георгиевскому кавалеру поэту не красавцу блезу сандрару:

наискось оглянешься времени в обрез
хордовые головы подняли с хорд
что же ты примолк однорукий блез
надо генерировать доход?

эй габриэла фелибр мистраль
или словарь не для всех для всех
только транссибирская магистраль
знай пробивайся как белочех

ветер пронизывающий ребро
сомма шампань упорхнул протез
проба пустоты на серебро
разбогатеешь как крез как блез

где бы между бейтов пэонов сутр
взять бы кипяточку avec plaisir
вот чем бы занялся тиасур
профиль римский
анфас чингизид

Не обязательно знать, нужно только поинтересоваться — но теперь скажу: и стоит того, чтобы поинтересоваться в тырнэте — кто такой «*фелибр*» и какова связь между Фредериком Мистраль и Габриэлой Мистраль, да еще и третьим — северо-западным ветром «мистраль», дующим на Юге, в Провансе, — а тогда уж сам наладишь смысловую велосипедную цепь и включишь сюда и Францию, т. е. героя прозы в стихах, а почему именно прозы-в-стихах при имени блез, но по фамилии не паскаль, — см. опять туда же; а тут уж вспыхнет — пусть тут же у кого и погаснет от о-балде-нения, а все ж — фелибр-верлибр, начавшийся в Европе с Верхарна-Аполлинера-Сандрара, — вот он, герой, приехали — мистерия мистрала — уфф! А там пойдет плясать губерния — замелькают и другие ассо-асо-цепочки: Сомма и Шампань — великие битвы 16-го года на Западном фронте, — ну, а где может гражданин Запада, каков есть швейцарский француз сандрар блез, где, как не на Западном фронте, может он потерять руку? А под больше не существующей рукой — открылось беззащитное отныне ребро, куда и свистит пронизывающий ветер («*проба пустоты*»); ну и так далее — не хочу ли-

шать читателя удовольствия самому расшифровать «Код Сандрарошустеревича» — тем более не бессмысленная же работа, в отличие от расшифровки «Кода да Винчи» (вранье расшифровывать — воду решетом носить).

А вот что северный ветер свистит в этом стихотворении во всю носовую завертку и пересвистывает сам себя, задувая в флейту джазовым осипше-переохлажденным соловьем-разбойником, как Хэрби Манн, не то Хьюберт Лоуз, а не то аж как Роланд Кёрк, — это уж будьте благонадежны. Аффтар не подведет. Мастер художественного — кроме шуток — свиста.

Вот еще что удивительно: вспомнив по удаленной, кажущейся совсем необязательно-случайной связи «Иммигрант сонг», вдруг видишь совсем в другом сочинении Р. Ш. слова «хордовые» и «хорд» — и опять возвращаешься к «цепелиновскому» песняку и сугубо, клятвенно-верностно, железно-броневое законо вычеркиваешь Рафаэля Шустеревича — в смысле обвинения в художественной вторичности — из проскрипция. Когда *так* «случайно» вдруг, непредсказуемо — сходятся смыслы посторонних друг другу читающего и пишущего — это извините меня. Чтобы так совпасть — двадцать лет учиться надо.

Вот смотрите: его «хордовые» — это (см. все там же) «*вторичноротые животные*». А «хорды» (там же) — «*социологическое: самый примитивный способ (общественной) организации*».

А ледцепелиновское — и мое с ними — *Fight to Horde*: «Сражаться с ордой» (толпами, полчищами, бандой — и тэдэ синоним. ряд) — смыкаются с вышестоящими шустеревичскими хордо-хордовыми — в такой вот рисунок; как это покойный Шукшин устами покойного Егора Прокудина? «Железное болеро!»... Во. Замнем для ясности. Которая, согласно семеновскому Мюллеру, «есть форма полного тумана». Сквозь который знай пробивайся, как белочех. Впрочем, пробьешься, удастся, если сдашь краснюкам Колчака. Ну, это пусть Сандрар Блез решает; хорошо хоть Блезу Паскалю таких математически нравственных, таких метафизически физиологических, шкурных задач решать не пришлось.

Силовые линии между саратовским и самарским неодостоевскими мальчиками, мною и им, малецким и шустеревичем, вольным писать чего изволит автором и свободным от любой чужой воли читателем — все-таки сходятся. «Они шли навстречу судьбе; они сближались» (так сближались Юрий Деточкин с Максимом Подберезовиковым, верно, да?), не слишком ведая (ну разве так, слегка), где пересекаются, но — отбирая общие поля значений у возможных полей сражений.

Поэтических, разумею.

Если моего разума хватит понять то, что здесь я же вполглаза наблюдаю в нехудожественно-самодетельный критико-анализирующий дислокацию перископ...

А что мне еще остается? Объективность? Какая, родные мои, какая такая может быть объективность, к чертям ее собачьим, у грешного человечка,

который, по определению Того, Кто его создал, есть *субъект* восприятия? И хорошо ведь, что не объект. Типа того сундук.

Остается мне — и тому, о ком пишу, — отвоевывать пространство у горизонта и время у вечности; остается оставаться новым культурным варваром — и стойко стоять на каждой позиции, куда пластично передвигаешься по воле — своей ли? как знать; остается плыть — и хорошо, если не без руля и без ветрил; ну и Бог в помощь... — а дальше уж одно: говоря словами нашего подсудитного:

Нет поддержки вернее ветра.
Так держать — пространство раскалывая,
Темноту отделяя от света.

Эта вахта начнется затемно...
Как там сказано кем-то из Рима:
Выживание — необязательно,
Навигация — необходима.

Дальше-тишина.

И все же кода — под занавес.

В этом завокательном варварском нашествии — нужно же не забывать и о возможном отступлении. О переносном тыле.

Шустерович, — кажется, я уже начинал, да не продолжил; чем и займись под занавес, — даже слишком хорошо окопался. Его голыми руками не возьмешь. В его цитадель просто так, без интернета, мало кто проникнет.

Но, во-первых, зачем же живого человека голыми руками брать.

А во-вторых, что с того, что читателей у Р. Ш., предвижу (хорошо, если ошибаюсь, очень хорошо), будет не совсем много. Может быть, их будет даже мало. Что, если очень мало?

Да ничего. Не в этом же дело, когда являешься точкой культурной дисперсии.

Дело в *самостоянии* человека, не нуждающегося ни в каких подпорках, вроде «национальной культуры» или «широкого читателя». Читают вообще — хоть сегодня и в особой частности — традиционно немногие. Кто говорит — пять процентов. Кто — один процент.

Но чтобы выстоять в ситуации нового — культурного — варварства, достаточно самого себя обнести стихотворным кремлем. И прибить на него свой же стихотворческий щит.

Конечно, при условии, что ты взыскательный художник.

Мне кажется, это условие соблюдено.

Все прочее — макулатура.

Занавес.

Р. С. Все-таки не удержусь и процитировать на бис — не себя, Шустеровича. Уж больно нравится вот это... вот... ага, вот оно. Ну правда, как тут удержишься, когда:

Редает облаков
летучая гряда,
таинственная тьма
приходит из-за моря.
Когда-то ты уйдешь,
когда-нибудь, когда,
когда-то ты уснешь,
ни с кем живым не вздора.

Редает облаков,
и памяти, и лет,
и что там ни гряда —
редает и редает.
И от земли тепло,
и из-за моря свет,
и наплывает тьма,
и вот уже владеет.

Но остается день —
неведомый пока —
целительный, связной —
благодаря природе,
когда по-над тобой
редают облака,
и небо в вышину,
еще светясь, уходит.

С кем состязается-то?

А ведь проигрывает не с сухим счетом, а? Как вам кажется?

Что ты будешь делать.

Редает и редает.

Владимир Высоцкий: через тридцать лет

В связи с тридцатилетием со дня смерти Владимира Высоцкого (1938 – 1980) в прессе широко обсуждалась тема его творчества и личности, высказывались самые разные точки зрения. Вносим и мы свою лепту в обсуждение этого неоднозначного, но, безусловно, крупного явления позднесоветской жизни.

Владимир МОЖЕГОВ

СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ ГАМЛЕТ

1

Говорят, Высоцкий — это целая эпоха. Для меня действительно так. Возраст Высоцкого — возраст моих родителей. Моя первая «встреча» с ним состоялась, когда мой собственный рост едва перевалил за плоскость обеденного стола. Помню огромную деревянную тумбу с катушечным магнитофоном, громоздящуюся где-то в вышине, откуда разносился по комнате экспрессивный хрип. Помню это немного пугающее, но более завораживающее действие. Ничего похожего по вибрациям в окружающем меня тогда мире не было. Звук пробивался за герметичные стенки аппарата откуда-то с иной стороны. Подобный двери в иной мир (именно так я его внутренне для себя маркировал), мир очень любопытный, в который я когда-нибудь непременно загляну.

Следующее отчетливое воспоминание — лето 80-го года. Мне уже было двенадцать. Всей семьей мы возвращались домой из какого-то долгого отпуска, в объезд закрытой на Олимпиаду Москвы. И в начале долгой областной вологодской дороги таксист сообщил новость: умер Высоцкий. И часа полтора, подсакивая на ухабах на заднем сидении, я впитывал этот хрип, уже начавший оформляться в моем сознании в осмысленные сюжеты: *чуть правее наклон — упадет, пропадет, чуть левее наклон — все равно не спасти,*

**Владимир
МОЖЕГОВ**

— родился в 1968 г. в Воркуте, окончил Академию кино и телевидения в Санкт-Петербурге. Публиковал работы на религиозно-философские, культурологические, историософские темы в «Московских новостях», «Литературной газете», «НГ-религиях», в «Русском журнале», журнале «Политический класс», «АПН», обзоре «Радонеж», альманахе «Илья» и др. Постоянный автор «Континента». Живет в Волоколамске.

но, должно быть, ему очень нужно пройти четыре четверти пути... Помню, эта именно песня врзалась тогда, вызвав те волны мурашек по коже, объем и интенсивность которых с тех пор всегда служили мне качественным критерием восприятия искусства.

Чем это было? Освобождением, наверное. Что, конечно, со всех сторон странно. Детерминированный всеми обстоятельствами места, времени, возраста, родительской опеки, правил и условностей советского бытия, в тесной кабине на не мною выбранной дороге к не мной намеченной цели? При том, что в самой песне ни слова не было о свободе: бездна внизу, бездна вверх, шаг влево — шаг вправо — неминуемая гибель... И все же ощущение было такое, что лопнул пузырь страха и радостное чувство (сладкий ужас) переполняет сердце — и можно глубоко дышать. Да, такое вот сладкое, смешанное с ужасом изумление — чувство освобождения.

В общем, приходится признать, что мое открытие Высоцкого совпало с моментом его смерти. Наверное, это даже можно назвать первой любовью (открытием шлюзов, через которые хлынули впечатления мира на новом уровне восприятия бытия), возможно, взрослением... Что-то иноприродное будням, но не праздник. Скорее — ощущение интенсивности жизни. Что-то похожее на погружение в лаву...

С этого времени я жадно слушал Высоцкого года, наверное, два или три. И с тех пор почти не возвращался к нему. Но песни, которые ранили тогда, навсегда остались где-то во внутренних тканях и в моменты, которые принято называть экзистенциальными, начинали оттуда звучать и ныть: ... *Прошли по тылам мы, держась, чтоб не резать их — сонных! — И тут я заметил, когда прокусили проход: Еще несмышленный, зеленый, но чуткий подсолнух уже повернулся верхушкой своей на восход... И нож в него, но счастлив он видеть на острие, зарезанный за то, что был опасен... Был он честного слова слуга, слуга и писал ей стихи на снегу, на снегу, к сожалению, тают снега, снега... Когда вода всемирного потопа вернулась вновь в границы берегов, из пены уходящего потока на берег тихо выбралась любовь. И растворилась в воздухе до срока, а срока было сорок сороков... К утру расстреляли притихшее горное, горное эхо. — И брызнули слезы, как камни, из раненых скал...*

2

Сегодня я бы мог сформулировать значение этих песен для себя более изысканно, допустим по Хайдеггеру: как подлинное бытие к смерти, противоположное бытию не подлинному, профанному. В каком-то смысле это стало для меня тем главным, что вообще могла дать уходящая эпоха. Позднее я узнавал Бродского, Тарковского, Венедикта Ерофеева, Солженицына... Каждый из них по-своему осмысливал советскую реальность (и ее метафизику). Но самым первым и непосредственным был Высоцкий. Рифмующимся со словами «родня», «родина», и это ощущение, — быть может, самое верное (и, наверное, не только для меня) его ощущение...

Совесьть эпохи? Такие эпитеты часто приходилось слышать. Действительно, в России поэт (который больше, чем поэт) заменяет и церковь (которая исторически как раз оказывается меньше, чем Церковь, составляя неразрывное целое с государством), и прочее общественно-культурное бытие (нет толком ни общественной, ни прочей дифференциации: только народ и власть, власть и народ). И единственной точкой сборки, полюсом, противоположным полюсу кесаря, оказывается поэт. Ключевский отзывался о средневековой Московии как об абсолютизме, ограниченном институте юродства. С тех пор ничего, в сущности, не изменилось, только место юрода занял поэт. А поэт в России это не просто больше, — это почти Адам. В том смысле, что его главная задача — давать имена вещам этого мира. Советский мир — слишком герметичный, иллюзорный, измышленный и тотальный. Все окружающие человека вещи в нем искажены. Подлинная реальность скрыта и подменена лозунгом. Задача поэта — пробиться к подлинным основаниям (за кремлевские звезды — к звездам настоящим), узнать их настоящие имена. Без этого вещи остаются в тени — неназванными — значит, неявленными, не существующими.

Высоцкий и не был конечно строителем космоса, подобным Пушкину. Но он был экзистенциальный поэт. Он был таким инстинктивным рывком за глотком свежего воздуха. С единственно насущной задачей — разбить окно, впустить воздух... Что-то в нем было от камикадзе... Его хрип — клочущий хаос еще не просветленной стихии... Еще не вполне осмысленной, как следует не отрефлексированной, но очень необходимой. В терминологии Цветаевой он был не великий, не большой, а — высокий поэт. То есть поэт с не слишком большим дарованием (чуть меньше, и уже не поэт, а просто герой, что неизмеримо больше), но горек тех вершин, на которых великий поэт оказывается всего лишь гостем.

Подлинность его поэзии профессионально отметил Бродский, указав на сложную составную рифму. Указал на рифму как признак поэта (*я человек дикий, для меня рифма главное*). И да, наверное, эта живая словесная лава, остывая, действительно сохранялась вихрящейся высокоорганизованной рифмой, удостоверяющей подлинность вдохновения. И несомненно, сам Высоцкий жил своим вдохновением как наркотиком (Бродский тоже, кстати, говорил о зависимости поэта от языка).

Бродский (поэт в терминологии Цветаевой великий) ощущал себя функцией языка.

Метафизика Высоцкого была проще, даже простоватей. Он был скорее функцией эпохи (причем именно — советской эпохи). Не совестью, нет. Совестью стремился быть и, наверное, действительно был Солженицын. (Фразу вроде «жить не по лжи» у Высоцкого трудно себе представить. Это типичный стиль «функции совести».) Он был скорее душой эпохи. «*Я был душой дурного общества*» — вот отлично характеризующая его строчка, так нравившаяся Ахматовой.

Если Солженицын был учителем нравов, то Высоцкий — чем-то вроде искрящегося провода замкнувшейся накоротко проводки. Или даже — сер-

дечным пульсом эпохи. А ведь это было время взрыва рок-революции на Западе! Высоцкий и стал, по всей видимости, русским полюсом этого бурного «окошения» мировой души. Не даром (и справедливо!) его называют «дедушкой русского рок-н-ролла». Все наши ведущие рокеры с неизменным уважением отзывались о нем. Многие посвящали песни и делали ссылки. Прямым наследником его энергетике был Башлачев. А славу «народного поэта» принял вслед за ним Цой — следующий наш истинно высокий поэт.

3

Надо бы сказать еще об одной aberrации восприятия Высоцкого. Его почему-то принято считать знаменем интеллигенции. Хотя никаким интеллигентским поэтом он, конечно, не был и в ордене русской интеллигенции ни минуты не состоял.

Хорошо помню, как слушал Высоцкого в машине своего дяди-шахтера. Интеллигентские поэты в машинах шахтеров не поют. Высоцкий — пел. То, что он стал знаменем интеллигенции, по моему, — просто недоразумение (как, скажем, с песней Цоя «Перемен», ставшей знаменем Перестройки, хотя говорится в ней о вещах гораздо более серьезных). И причина этого недоразумения, видимо, в характере самой нашей интеллигенции.

Личное мое отношение к нашей интеллигенции (оговорюсь, что подразумеваю под этим словом именно политический орден, а не интеллигентность как таковую) близко к чеховскому. Я тоже «не верю в нашу интеллигенцию», а «верю в отдельных людей». Я считаю, что интеллигенту пристало быть одному. И два интеллигента — это заведомо меньше одного. Тем более — партия. С Высоцким в этой среде произошло то же, что происходит с любыми партийными «знаменами», — обструкция и редукция. К «конфликту с властью» (единственному смыслу существования нашей интеллигенции) Высоцкий никак не сводился. При этом был он поэтом глубоко имперским по духу (как, скажем, Пушкин, как, кстати, Бродский). Но, как и у Пушкина и у Бродского, его темой была трагедия человека, простого маленького человека империи, иногда вырастающего до героя.

В нем (и это главная черта, магия его песен) был дар — принадлежать всем. Его равно слушали интеллигенты и шахтеры, ученые и министры... И это была имперская всеобъемность (слово *имперская* употреблено, конечно, в лучшем, пушкинском смысле слова — как относящееся к логосу, просвещающему до края земли, как близость всем и каждому). Но из всего Высоцкого наша интеллигенция усвоила лишь «*что-то воздуха мне мало*», так же как из всего Бродского: «*но ворюга мне милей, чем кровопийца*». Ничего хорошего из этого, естественно, не получилось (как, кстати, и из песни «Перемен»). Хорошую песню поняли превратно, в итоге вышли пошлость и глупость (как, впрочем, и из самой этой революции).

Часто спрашивают, что бы делал Высоцкий, доживи он до Перестройки? Мне лично трудно представить Высоцкого в столь пошлое время в любой

роли. Возможно, он и смог бы стать знаменем революции (конечно, не интеллигентской). Наверное, если бы на месте, допустим, Лимонова оказался Высоцкий, жизнь наша могла бы двинуться в гораздо более интересную сторону. Но мне все-таки кажется, что Высоцкий ушел вовремя. Он был певцом советской эпохи, душой этой эпохи. И умер именно в тот момент, когда эта душа отлетела.

К 80-му году Хрущев обещал построить коммунизм. Это была последняя великая мечта советского человека. На топливе этой мечты империя просуществовала свои последние двадцать лет. Но в 80-м вместо коммунизма партия устроила Олимпиаду. Эта пародия на двухнедельный коммунизм для избранных с впервые легализованной пепси-колой и джинсами стоила Высоцкому жизни. В прямом смысле. В последние годы Высоцкий, как известно, жил в состоянии глубокой наркотической зависимости. Морфины и опиаты не без риска доставали ему друзья через знакомых врачей. Но во время Олимпиады, когда вся Москва была наводнена милицией и агентами КГБ, все знакомые как один отказали. В состоянии ломки у него не выдержало сердце. И в этой смерти в точке последнего «прихода» советской системы, конечно, много символического и неслучайного.

Через десять лет перед такой же точкой обвала умер Цой. Два года назад — Летов. Есть, видимо, закономерность в том, что поэты, которых можно назвать голосом поколения, уходят перед очередным временем великих потрясений. Быть может, они выбираются в качестве лучшего материала для необходимой жертвы. А возможно, вся фишка в том, что, доведенный поэтом до определенной точки, дальше каждый должен думать и выплывать уже самостоятельно.

4

Но главной ипостасью Высоцкого был, конечно, Гамлет. Гамлет тоже, естественно, глубоко советский. Дух, внутренне раздвоенный, стоящий на рубеже времен и всякому времени чуждый (и снизу лед, и сверху). Чужой миру великих демонов и страшных преступлений прошлого и миру мелких проходимцев (и преступлений еще, быть может, более страшных), идущему ему на смену. Глядящий на все это с внутренним содроганием. *«Порвалась дней связующая нить, как мне обрывки их соединить?»* Он честно пытался стать проводом, соединяющим обрывы целой эпохи.

Плоть от плоти ее, он довел свой народ до рубежей новой эры и умер на грани. Помню одну его немножко пророческую песню, в которой среди прочих были такие слова: *я не люблю манежи и арены, где миллион меняют по рублю, пусть впереди большие перемены, я это никогда не полюблю.* Всю нашу постсоветскую эпоху можно, думаю, смело в них уложить. Право же, разве не этим все тридцать лет, прошедшие с его смерти, (со смерти эпохи) мы занимались, разменивая чистое золото великой (и безумной) мечты на медные гроши и голубые джинсы?

СОЗАВИСИМОСТЬ

Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего.

Рим 12:2.

Я не знаю занятия гаже,
чем всю жизнь проходить в призовых.

Георгий Яропольский

Иной певец подчас хрипнет.

Козьма Прутков

В начале августа, когда задымленность мешала разглядеть соседний дом, интернет взорвала видеозапись песни о волгоградских комбайнерах. Нечесанный парень рвал баянные мехи. Одно то, что песня звучала не под гитару, заведомо обращало на нее внимание. Но песня еще и была переполнена антигламурным пафосом: «в суши-барах они (комбайнеры, трактористы и пастухи. — М. К.) не бывают/ И в соляриях не загорают». Юзеры дружно решили, что народ, прозябающий в забвении, наконец запел сам о себе.

Петь о разных профессиях — славный обычай советских времен. Эдуард Хиль, помнится, разливался про лесорубов: «Привычны руки к топорам!» Нынешний корифей русского шансона (так теперь именуется «блатняк») Трофим (нынче многие выступают на сцене под дворовыми «погонялами») воспекает шоферов-дальнобойщиков. Но для пользователей соцсетей он слишком гламурен, официозен («шансоновцы» то и дело «зажигают» в Кремлевском дворце — зал переполнен), да еще и кокетливо подгнусавливает, как того требует жанр. В «Комбайнерах» видеорядом служат какая-то задрипанная кухня и, не менее, чем баянист, нетрезвый, его друган в немом восторге. Тип исполнителя совершенно не уголовный, но умеренно маргинальный. Эффект присутствия потрясающий! Правда, на мой взгляд, автор выдал себя с потрохами, упомянув в тексте два известных Санкт-петербургских супермаркета, о существовании коих волгоградские комбайнеры (трактористы, пастухи), боюсь, не догадываются. Перечисление узнаваемых предметов и явлений, номинализм, которым так безотказно

**Марина
КУДИМОВА**

— родилась в Тамбове. Окончила Тамбовский пединститут. Поэтические подборки, эссеистика, литературно-критические статьи публиковались в центральной периодике, в том числе и в журнале «Континент», автор пяти стихотворных сборников. Живет в Москве.

воздействует на потребителя и массовое искусство, и элитарное (Бродский), продлевается сельхозатрибутами:

Выпил C_2H_5OH ,
Сел на Ниву-Россельмаш,
На ДТ, Дон-500 или Т-150,
Покормил перед этим поросят.
И пошел он пахать, молотить ячмень,
Будет долгим-долгим-долгим твой рабочий день.
Но зато ты знаешь каждый винтик в тракторе внутри,
Получаешь за работу в месяц тыщи три.

Вскоре выяснилось, что песню сочинил и выложил в сеть отнюдь не волжский пейзажник, а питерский актер Игорь Растеряев. Тысячами кликов отозвалась точно угаданная им тоска слушателей по остросоциальной, живой, без обрыдлого глянца, ноте. Мало того. Простая точность деталей, в которых по одной версии живет Бог, а по другой — дьявол, явилась для многих юзеров настоящим откровением. Сотнями ссылок разнеслась песня по веб-просторам... На автора обрушилась пусть виртуальная, но слава.

Однако мысли мои по поводу «резонансной» песни носили отнюдь не продюсерский характер. Через интернет слава может посетить кого и когда угодно. Тем же способом, что и Растеряев, «раскрутился» не столь давно исполнитель совершенно другого направления — Петр Налич. Я же думала о том, что в России успех по-прежнему чреват культом. И еще о том, что способна сотворить с любым из нас обоюдоострая магия лицедейства. В связи с этим поневоле вспоминался главный лицедей времен моей молодости, которого похоронили в «личине» — costume и гриме Гамлета, — на мой взгляд, самой не его роли. Впрочем, как сказал немецкий режиссер Томас Остермайер: «Каждое поколение имеет Гамлета, какого заслужило». А в театральном costume хоронили, к примеру, главного Сида своей эпохи — великого Жерара Филипа.

Природа актерского дара изучена так же плохо, как и любого другого. Но если бы ее, не дай Бог, изучили, мир лишился бы одной из главных иллюзий, помогающих сладить с черной правдой небытия и несовершенства. Актерский обман далеко не всегда «возвышающий», но почти всегда отвлекающий. Актерское «я» размыто и подвижно. Никогда нельзя точно сказать, что здесь идет от личности, что от таланта, а что от диктата режиссера. До сих пор доподлинно не известно, кто сочинил трагедию о принце датском, — второстепенный актер Вильям Шекспир или который-нибудь из полутора десятков претендентов на его титул. В этом смысле никакого Шекспира, конечно, не существовало, как не существует твердого ответа на вопрос, почему нынешние юзеры безоговорочно поверили Растеряеву, а советские полуинтеллигенты уверовали во Владимира Высоцкого (поскольку речь тут именно о нем). Актер — не профессия, а некое особое состояние измененного сознания. Сродни наркотическому.

Восемнадцать лет назад «Континент» опубликовал мою статью¹. Речь там шла о преемственности барда Владимира Высоцкого по отношению к поэту Сергею Есенину, первому провозвестнику уголовного сознания. Судя по тому, что роль Высоцкого в развязывании криминального языка второй половины советского периода стала с тех времен общим местом, раскрыть тему, кажется, удалось. Виктор Пелевин в «Священной книге оборотня» писал — пусть и по другому поводу: *«...в русском уме очень сильны метастазы криминального кодекса чести. Любой серьезный человек, чем бы он ни занимался, подсознательно примеривается к нарам...»*

Но наиболее полно — и верно — раскрыл уголовное сознание в его эволюции Варлам Шаламов в очерке «Жульническая кровь». Шаламов писал: *«Страшный мишурный плащ уголовной романтики ярким маскарадным блеском привлекает юношу, мальчика, чтобы его отравить своим ядом навсегда»;* что этого гипотетического мальчика *«манит и извечная тяга юности к “плащу и шпаге”, к таинственной игре»;* что *«в блатарях он видит людей, которые бросают вызов обществу... Он сравнивает скучную, повседневную, скромную работу отца и матери с “трудом” воровского мира, где надо быть, кажется, только смелым... Мальчик не думает о том, сколько чужого труда и чужой человеческой крови нагрбил и тратит, не считая, этот его герой. Там есть всегда водка, “план”, кокаин, и мальчику дают выпить, и восторг подражания* (подчеркнуто мною. — М. К.) *охватывает его».*

Добавим, что носителем такого типа сознания народ, не зарекаясь от сумы и тюрьмы, далеко не всегда становится по своей воле. Его обрекает на это государство, если берется решать политические и экономические проблемы за счет свободы своих граждан. А вот художник, воплощающий индивидуальное начало, — по своей. Тюремный опыт, как и любой другой, художник переживает, исходя из принятой им системы образов и ценностей, даже если в целях выживания внешне соответствует законам зоны. Стихам Шаламова Колыма дала голос нового Экклезиаста. Александру Солодовникову помогла создать непревзойденные образцы духовной лирики, в том числе гениальное стихотворение «Тюрьма»:

Решетка ржавая, — спасибо;
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.

Осипа Мандельштама вполне можно представить «ботающим по фене»: чего стоит *«курва-Москва»*. Но невозможно вообразить его разделяющим отношение блатарей к миру и человеку. Именно такое разделение, а вовсе не «милость к падшим», лежит в основе романтической стилизации под

¹ Кудимова М. Ученик отступника, — «Континент». № 72 (№ 2, 1992).

криминальное сознание. Если Есенин переживал это как потерю человеческого облика («Я такой же, как вы, пропащий»), то Высоцкий долгое время вообще отрицал принадлежность к блатной субкультуре: «Первые мои песни — это дань времени. Это были так называемые дворовые, городские песни, еще их почему-то называли блатными. Это такая дань городскому романсу, который к тому времени был забыт... В каждой из этих песен была одна, как говорится, но пламенная страсть: в них было извечное стремление человека к свободе, к любимой женщине, к друзьям, к близким людям, была надежда на то, что его будут ждать»².

Блатными эти образцы творчества раннего Высоцкого называли не «почему-то», а по совершенно определенным признакам. Удачное определение блатной песни дал А. Башарин в статье «Блатная песня: terra incognita»: «...совокупность всех песен, герой которых — человек, причастный жизни вне закона, преступник или заключенный, а также песен, по тем или иным признакам... ассоциирующихся с подобными»³. «Блатная лирика» к городскому романсу имеет весьма опосредованное отношение. Да и дворовый фольклор не тождествен блатному, но альтернативен ему — призван не разжигать уголовные страсти, но преодолевать грубость и жестокость городских дворов. Владимир Маркин, первоклассный исполнитель дворовых песен, тонко чувствует очистительный пафос жанра и его откровенную искренность.

Высоцкий, если судить по его же песням, лукавил («Сколько блатных мои песни поет, /Сколько блатных еще съдут»). Он прекрасно понимал, что далеко не всякая аудитория сочувственно отнесется к «черному пистолету» и ножу в кармане. В интервью немецкой газете за два года до смерти бард прямо называет ранние песни «блатными» и говорит об их «псевдоромантике». Так «прикидывались» самосохранения ради многие советские писатели — Зощенко, Бабель. Надо заметить, что никого из крупных талантов лукавство не спасло. Михаил Рощин в аннотации к одному из дисков Высоцкого описал послевоенную приблатненную Москву с колоритом ее «дворов, рынков, очередей, сугробов, двухсменных школ, бань, пивных, киношек, парков, набережных, коммуналок, метро, ночных трамваев, электричек и вокзалов». Для Владимира Высоцкого, выкорыща именно такой Москвы, уголовщина была совершенно органичной формой самовыражения. В мире, где сидели или имели сидевших родственников почти все, трудно остаться не задемым романтикой «финки» и нагана:

На всех клифты казенные —
И флотские, и зонные,
И братья заблатненные
Имеются у всех.

² <http://www.pomnim-lyubim.ru/lspyn.php>.

³ Массовая культура на рубеже веков. Сб. статей. М. — СПб., 2005.

Разумеется, о «блатных» песнях Высоцкого, как справедливо указывают Андрей Скобелев и Сергей Шаулов, «*можно и должно говорить лишь условно*»⁴, особенно в сравнении с таким исполнителем форменного «блатняка», как Аркадий Звездин-Северный. В «блатном» цикле Высоцкого много иронии и пародирования «душещипательного» первоисточника. Но слушателей этих песен вряд ли интересуют эстетические тонкости. Они потребляют «продукт» в чистом виде и без закуски. «Удивление» Высоцкого столь широким распространением его первых песенок, сочинявшихся для друзей, тоже отдает хитрецей: друзьями тогдашнего Володи были вовсе не «плохие парни», а юноши из приличных семей, интеллектуалы. Но выросли они в тех же дворах, что и шпана, и вынуждены были говорить с ней на одном языке. По их реакции можно было предположить, что для начала карьеры интонация найдена безошибочно. Заявления адептов Высоцкого типа: «*В его поэзии обретают голос люди, прежде его не имевшие*»⁵, — не выдерживают критики, как и сравнения первых песен с романами Гюго и Достоевского. Просто этот материал певец знал лучше какого бы то ни было другого. А голос городской шпаны, увы, был при Высоцком достаточно громким и заметным и остается таким по сей день. Услышав его, нормальный человек должен бежать со всех ног. Да, Высоцкий перерос свои ранние опыты, но и уголовный мир не остался на уровне Промокашки из «Места встречи». Говорить о том, что песни «блатного» цикла слишком интеллектуальны для их адресатов, можно было лет сорок назад. Бандиты в станице Куцешской по старинке орудовали ножами, но преступления нынче совершаются и с использованием компьютерных технологий, приборов ночного видения, экстрасенсорики и нейролингвистического программирования.

Леонид Бахнов, вспоминая личные мальчишеские ощущения, тот самый шаламовский «*восторг подражания*», подчеркивал, что для его сверстников блатной песней «*насыщалась, быть может, самая ненасыщаемая потребность — тоска по братству, по причастности общей судьбе*»⁶. «Понятия», по которым жила шпана, то есть мальчишки, стремящиеся покорить блатной мир, заменяли им, сиротам, нравственные основы, попорченные войной. Даже если их отцы и выжили в боине Второй мировой, они вернулись к разбитым корытам. Многие стремительно спивались с круга. Сталинская амнистия вышвырнула на улицы городов целый букет уголовников разного пошиба. Пацанские идеалы — дружба, честь, верность — заведомо были приправлены блатной корпоративной подливой. Дружить здесь было круто только против кого-то. Честь подразумевала не сдавать только своих. Верность тоже играла в одни ворота: ее под страхом расправы была обязана хранить женщина, а потенциальный вор никаких обязательств на себя никогда не брал. И напрасно уговаривает нас Алексей Красноперов, что,

⁴ <http://www.blatt.dp.ua/>

⁵ http://www.bards.ru/press/press_show.php?id=1569.

⁶ Бахнов Л. Интеллигенция поет блатные песни, — «Новый мир», 1996, № 5.

мол, песни Высоцкого «не воспроизводят стиль мышления блатного»⁷. Еще как воспроизводят — иначе автор был бы плохим актером.

Уголовная псевдоромантика сыграла с Высоцким под конец злую шутку. Когда на экранах появился «мент» Жеглов, воровские авторитеты, уверенно считавшие исполнителя роли своим, отреклись от него. Надо сказать, поторопились. Высоцкий воплотил образ стража порядка, борющегося с ворами воровскими методами, раскалывающего классическое двуединство закона и порядка, утверждающего постулат бессилия закона против зла. Сделал он это, как многое в своей жизни, скорее всего, бессознательно, по таланту, а не убеждению. Но сериал «Место встречи изменить нельзя» стал первым в череде «бандитских» кинолент, хлынувших с экранов в 90-е. «Горбатый» и «Копченый» там явно переигрывают благостного Шарапова.

«Оборотни в погонах», между тем, считают Высоцкого не менее своим, чем бандиты, сантехники и олигархи. «*Может быть, в то время всей стране и нужен был такой ролевой герой, как из виртуальной реальности, к каждому поворачивающийся своей стороной?*»⁸ — предположение Владимира Бондаренко не лишено оснований. Но мне разговор «за всю Одессу» или «за всю среду» в принципе не интересен. Меня такая «всесвойскость» прежде всего и настораживает в оценке чьего бы то ни было творчества. Вайль и Генис не зря писали о том, что этика Высоцкого была присуща советской культуре 60 — 70-х, включая антисоветскую⁹.

Казус Высоцкого состоит в том, что актерская природа, в отличие от избирательной поэтической, требует нравиться всем. Сегодня едва ли не большая часть аудитории поющего надсаженным голосом актера перешла к радио «Шансон». Это доказывает, что его слушали, пока блатная эстетика была полузапретной. Во всяком случае, не афишировалась. Едва ли год продержалась в эфире радиостанция, создатели которой попытались вписать в цифровой формат авторскую песню. Вероятно, рейтинги не оправдали ожиданий, и хозяева эфира переключились на блатной и ресторанный репертуар и быстро стали отвязнее и безвкуснее «Шансона». Но, — что характерно, — проект «Весь Высоцкий» идет на этой частоте, и между Шуфутинским и Катей Огонек можно услышать: «*За меня невеста/ Отрыдает честно...*» Если это маркетинговый ход, надо признать его удачным. А психологически он просто безошибочен.

Но выросшие в уличной среде и так и не повзрослевшие мальчишки или поклонники «шансона» с бычьими шеями не одиноки. Первые опыты барда горячо поддержали такие представители культурной элиты, как Андрей Синявский, преподававший на курсе Высоцкого в Школе-студии МХАТ. Песен, в которых его бывший студент пытался прорваться в другой культурный контекст, Синявский, автор статьи «Отечество. Блатная

⁷ www.vsvysotsky.ru/post62867902.

⁸ Бондаренко В. Поединок со смертью, — «Москва», 2000, № 7.

⁹ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1998.

песня», впоследствии не принял. На знаменитое стихотворение Евтушенко: «Интеллигенция поет блатные песни./ И это вместо песен Красной Пресни», — Наум Коржавин, помнится, отозвался так: «Интеллигенция поет блатные песни/ — Вот результаты песен Красной Пресни». Возникновение моды на блатной репертуар в некриминальной среде попытался объяснить театровед Константин Рудницкий в статье «Песни Окуджавы и Высоцкого»: «...песни, которые лились с эстрады, с экрана и из черных тарелок репродукторов, знать не хотели ни о кровотокающих ранах недавней войны, ни о других социальных бедствиях...»¹⁰

Однако причины, породившие эту моду, к социальным и даже политическим несводимы. Здесь огромную роль сыграла вечная потребность интеллигенции в контркультурных кодах. Но то, что возникло как контркультура, постепенно вытеснило культуру. А в советской эстраде были ее подлинные образцы — от Шульженко до Магомаева. Проститутка Катька из повести Куприна «Яма» говорила: «Эту песню поют у нас на Молдаванке и на Пересыпи воры и хипесницы в трактирах». Ей и в голову не могло прийти, что «эту песню» запоют на федеральных каналах или что рейтинг главы государства взлетит до небес после выражения «мочить в сортире». Сколь же сильна в обывателе жажда чужого протеста, жажда риторики, за которую не надо нести личной ответственности, чтобы принять похмельную истерику: «Нет, ребята, все не так!» — за вышнюю правду и дерзость!

«Удача — это для толпы то же, что превосходство», — мысль Виктора Гюго. Тем, кто популярность считает истиной в последней инстанции, это сомнительное для настоящего поэта свойство кажется неопровержимым доказательством «народности». О Владимире Высоцком за минувшие годы написано и сказано, на первый взгляд, все. Нет — о нем написано и сказано с огромным излишком. Впрочем замолчать о том или ином персонаже исторического спектакля часто означает предупредить, а вовсе не спровоцировать его забвение. Культура является системой табу не по репрессивному признаку («Не то чтобы не знаю, — рассказывать нельзя», по словам Высоцкого), а по признаку самосохранности. Время от времени какие-то культурные ниши закрываются, давая возможность другим выступить на передний план. Так поле под паром отдыхает для будущего обилия. Сегодня популярность Высоцкого вроде бы вошла в берега и приняла достаточно разумные размеры. Но сам феномен никуда не делся.

К двадцатилетию со дня кончины актера и барда Москву украшали афиши с ошеломляющей «шапкой»: «Праздник “20 лет без Высоцкого”». Беспрецедентное «празднование» продолжилось и спустя еще десять лет. Все телеканалы, радиостанции и СМИ отметились программами, фильмами и публикациями, посвященными теперь уже тридцатилетию со дня ухода Высоцкого. Все аспекты его недолгой жизни попали в объективы и на страницы сайтов. Стоит ли добавлять к этому хору свои «пять копеек»? Высоцкого

¹⁰ «Театральная жизнь», 1987, № 15.

определенно слушают все меньше, и для нового поколения он не представляет никакой загадки, но вызывает стойкое недоумение. «*“Поколение пепси” недоумевает, как можно ругать их культуру, культуру MTV, в обществе, для которого хриплая пошлятина Высоцкого является эталоном*», — так писал Артем Акоюн в статье «Высоцкий и его поклонники. Феномен воинствующей посредственности»¹¹. Кажется, все-таки стоит. Ведь никто даже не попытался проникнуть в два тайника, связанных с феноменом Высоцкого и возникновением его культа. Первый — социология славы. Вторая — дискурс, согласно которому Владимир Высоцкий являлся выдающимся представителем контркультуры, чем и объяснялась его неслыханная популярность.

Мифология сопровождает славу, как птичка тари — носорога. Но миф и культ во многом противоположны. «Мифологизируемый», особенно при жизни, нагрузку мифа не всегда выдерживает и не всегда соответствует навязанному образу. Работая практически на том же приеме, что и Растеряев с его «Комбайнерами», — «ломовом» эффекте присутствия («реальный пацан»: сидел, летал, спускался в забой, ходил в горы, грузил арбузные фуры), — но не щадя живота этот прием форсируя, Владимир Высоцкий завоевал в нашей культуре пространство, которое не снилось никому из его современников. Почему так произошло? Только ли потому, что этим современникам сужден долгий век? Нет! Высоцкого и его фанатов объединяло нечто большее. Александр Галич, с которым Высоцкий жанрово и тематически шел след в след, не был принят массовым сознанием: в его песенных новеллах присутствует безошибочно узнаваемое отстранение от создаваемого образа. Жлоб и вертухай были масками, которые не прирастали к лицу исполнителя. Ни мифа, ни культа Галича никогда не существовало. Есть лишь его личная драма и его песни. Случай Высоцкого объясняется контркультурными ожиданиями общества, за которые были приняты субкультурные песни барда. Как пишет в комментариях к собственному посту Сергей Кузнецов, «*Высоцкий мог вообще никогда не слышать The Doors, а Пушкину, очевидно, было нужно читать Андре Шенье. То есть Пушкин — крупный деятель культуры, а Высоцкий — гениальный варвар*»¹². Это «варварство» и было принято за «свое», «народное».

Такие «заблуждения» характерны для гибридных эпох, в которых искусственно скрещены генетически различные «организмы». Советская культура, родившаяся из отрицания культуры классической, после экспериментов 20-х годов не сумела создать ничего специфического, кроме идеологем. Она подражала классике и бессознательно пародировала ее. Песенный феномен Высоцкого — той же природы. Будучи, несомненно, провозвестником контркультуры 80-х, содержательно он к ней отношения не имеет. К ней относится, скорее, культ актера и певца, который можно назвать опережающим: общество жаждало кумира, выходящего за рамки мертвого официоза, и сотворило его «из того, что было».

¹¹ «Русский Журнал», 2008, 25 января.

¹² skuzn.livejournal.com/446657.html.

Галич умер всего на три года раньше Высоцкого. Казалось бы, параметры эпохи, в которой им довелось жить и петь, совпадают. Но вынужденный отъезд вычеркнул Галича из списков живых задолго до физической кончины. Гораздо больше совпадений находишь при анализе 70-х и «нулевых» годов. 70-е, как и начало нового тысячелетия, были ужасно театральны. Недаром одним из их символов остался театр, где подвизался Высоцкий, а общая посещаемость зрительных залов достигла астрономической цифры — 117 млн человек (статистика с 1975 по 1980 год). Даже с учетом «культпоходного» обыкновения (солдаты, школьники и заводские коллективы не выбирали спектакли, на которые их водили строем) цифра действительно огромна. Чего искали люди 70-х в лицедействе? Ведь кормили их в основном «Большевиками», «Сталеварами» и «Заседанием парткома». Прежде всего, жаждали фантазии, которых жгуче не хватало в той ранжирной жизни. Не находили — но вождели. Сегодня выдумки так же не хватает в жизни офисной, но появились компьютерные игры, где каждый может сыграть своего Гамлета и убить своего Полония.

Еще 70-е годы были ужасно комичны. Недаром чуткий лицедей Высоцкий так отзывчиво смешил публику. Мы почти безостановочно тогда смеялись, но не от счастья молодости, а от невроза безысходности («Живи еще хоть четверть века — все будет так...»). Вот почти четверть века *так* и прожили. В безнадеге тоже присутствует свой мазохистский комфорт. Иван Денисович комфортно чувствовал себя на шконке после дня, прожитого «по понятиям». Ностальгирующие по 70-м как эталону стабильности очевидно с безысходностью ее и путают. Когда неожиданно кончилась великая халява и время потребовало слезть со шконки, те, кто втихаря проклинал безысходность, громче всех стал проклинать вероятность выхода. Проспали мы эту вероятность. Нынче невротическое комикование достигло градуса маниакальности, а самым инициативным и приспособляемым вновь оказалась уголовное начало.

Третьим объединяющим две эпохи знаком было повальное бесстыдство и, по выражению Варлама Шаламова, «великое смещение масштабов». Страна вступила в пору всеобщего саботажа, запоздалой антистахановщины, которая через два десятилетия страну и схряпала. Тянуть волюнку и гонять лодыря каждый сознательный и бессознательный гражданин считал делом чести, доблести и геройства. Свободное время несвободных людей, — так, пожалуй, можно охарактеризовать 70-е. Андрей Архангельский точно описал это состояние применительно к нашему персонажу: *«Для героя Высоцкого, условно говоря, не было проблемы “что есть” и “где жить”. Еще он был лишен страха потерять работу (то есть средства к существованию), и при этом у героя была масса — в сравнении с нами — свободного времени. Бесплатного времени — которое оплачивало государство...»*¹³

¹³ (<http://www.vz.ru/culture/2008/1/25/140146.html>).

Сегодня популярность «златоустого блатаря» (определение Андрея Вознесенского) кажется комнатным растением даже в сравнении с отечественными шоуменами — резидентами «Камеди клуб» и фиглярами из «Нашей Раши». На гребень своей вялой волны Высоцкого вынесла культурная автаркия времен «застоя». И то сказать: песня «Носики-курносики» явно не тянула на «Грэми». Мурманский поэт Дмитрий Коржов пишет: *«Значительная часть его песен целиком принадлежит времени — той эпохе, которую не слишком осмотрительно обозвали застоем (ну, осмотрительно или нет, а присохло намертво, — М. К.)»*¹⁴. Совершенно верное замечание, практически повторяющее слова Виктора Астафьева, дважды обращавшегося к моей работе «Ученик отступника»: *«...хриплый голос, выразивший хриплое, нездоровое время, уже не звучит повсеместно, и время его уйдет, как только будут ликвидированы недостатки нашей современной жизни»*¹⁵. «Недостатки», о которых идет речь, то есть, по словам Виктора Петровича, *«блатнятина, растленность, в души влезающая»*, как мы видим, не только не ликвидировались, но пронизали каждую клетку общества.

Но в записи Коржова дальше кроется обычное противоречие, когда дело касается Высоцкого: *«Он, как в XIX столетии Пушкин, стал настоящей энциклопедией русской жизни того времени»*. Значительная часть «песен» Пушкина принадлежит вечности, а «энциклопедическая» часть силою вещей все сильнее нуждается в сносках и комментариях. При этом эпоху Пушкина по-прежнему, пусть и с некоторыми затруднениями, можно изучать по собранию его сочинений. Постоянный автор «Континента», едва ли не самый тонкий эссеист нашего времени Владимир Можегов к двадцатилетию гибели Виктора Цоя написал: *«...шестидесятники и деревенщики... были все же явлениями духовно провинциальными, слишком советскими и слишком сектантскими по духу. Подлинная же революция духа требует тотальности, космической всеобщности и всечеловечности. Новый век есть новый век, и его голос — голос нового поколения. Именно такими вестниками новой эпохи становились голоса Пушкина и Блока»*¹⁶.

Александр Дугин тоже назвал Высоцкого энциклопедистом, но *«энциклопедистом позднесоветских штампов»*. Пушкин, с которым так любят сравнивать Высоцкого, в «Капитанской дочке» впервые упомянувший о существовании особого тайного языка каторжников, никогда не был своим ни в уголовной, ни в полицейской среде. И если в славе «солнца русской поэзии», увы, по сей день присутствует привкус официозного пиара, а в отношении к нему — следы школьной аллергии, то любовь (или нелюбовь) к

¹⁴ dmitry-korzhov.livejournal.com/.../24.

¹⁵ Николай Рубцов в воспоминаниях друзей: ранее не опубликованные стихотворения и материалы. — М., 2008.

¹⁶ <http://www.russ.ru/pole/Viktor-Coj.-Blagaya-vest-rok-n-rola>.

Пушкину всегда была и остается персональным переживанием. Пушкина знают благодаря пропаганде, школьной программе, многолетнему внедрению, а любят вопреки. Высоцкого — скорее наоборот.

Изучать время «застоя» по Высоцкому — все равно, что изучать живопись по татуировкам, а литературу — по рекламным слоганам. Стихотворный свод Пушкина непредставим без «Во глубине сибирских руд» или «Клеветникам России». Политическая отзывчивость, при всех условностях поэтического языка, смыслоорождения и ограничениях, связанных с самоцензурой, всегда была одним из векторов, определяющих значение русского поэта. Актуальные аллюзии у Высоцкого практически отсутствуют. Попробуйте отыскать хотя бы отголоски деятельности Сахарова и других диссидентов, хоть слово о смерти опального Хрущева, чьими советами Высоцкий пользовался. Ни единого намека не найти в его текстах об аресте и высылке Солженицына или обмене Буковского на Луиса Корвалана, увековеченном частушкой, и уж тем более — об оккупации Афганистана. А ведь все это — и многое другое — происходило в 70-е. Правда, ко времени вторжения в Афган Высоцкий был полностью «оккупирован» своим страшным недугом, и ему было уже не до международных конфликтов. Афганистан и поднял невиданную волну наркомании, — наркотики сопровождают войны, как маркитанты, — и стал для Высоцкого бесперебойным каналом поставки «лекарств».

Чтобы окончательно расквитаться с прошлым, оставлю короткое замечание по поводу второй бесконечно муссируемой темы песен Высоцкого — войны. В «Ученике отступника» я коснулась ее достаточно робко. Тема эта вообще не моя. В 1992 году еще не был напечатан роман Виктора Астафьева «Прокляты и убиты», ни тем более снят недавний шестикратно осканоненный фильм «Повелитель бури», предваряемый слоганом war is a drug (война — это наркотик). Слоган, который, вероятнее всего, не пригодился бы мне 18 лет назад, сейчас, когда я решила снова заговорить о Высоцком, оказался как нельзя более кстати.

У «народного» поэта Высоцкого будущие исследователи эпохи найдут издательское обыгрывание фамилии египетского лидера Насера, памфлеты об эмиграции евреев, письмо тамбовских рабочих руководителям компартии Китая. А также уйму общих слов, «деклараций о намерениях», которыми так изобиловала советская поэзия:

Если руки сложа
Наблюдал свысока,
А в борьбу не вступил
С подлецом, с палачом, —
Значит, в жизни ты был
Ни при чем, ни при чем!

Можно, конечно, как это сделал Андрей Окара, прочесть милую песенку «Москва — Одесса», написанную от нечего делать в ожидании самолета,

как молитву Святой Троице¹⁷. Но непредвзятость заставляет признать правоту Юрия Карабчиевского, который, сравнивая поэтику Высоцкого и Галича, писал, что песенный герой первого никогда не возвышается над обстоятельствами, ничего не видит дальше них и не способен ни на какие, даже пародийные, выводы: «...любое приближение к социальной тематике выдает в нем ограниченность человека толпы — отчасти естественную, отчасти искусственную, а порой даже очень искусную»¹⁸. Дмитрий Бавильский, в запале присовокупив к Высоцкому Окуджаву, назвал обоих бардов создателями «канона торжествующей приблизительности»¹⁹. Приблизительность была растворена в крови советской поэзии после Маяковского, а Высоцкий и Окуджава честно и безотчетно этой традиции ускользающих — или обманчивых — смыслов следовали.

Слава советского артиста и писателя регламентировалась принадлежностью или близостью к партийно-государственной верхушке. Не искусством, а количеством наград измерялось значение художника. Государство играло роль коварной возлюбленной: в любой момент могло изменить и лишиться ласки. Рудольф Нуриев, Иосиф Бродский, Александр Солженицын и Эрнст Неизвестный — каждый по своим причинам *рванули за флажки*, если воспользоваться образным рядом песни Высоцкого. Законы западной коммерции и шоу-бизнеса так или иначе коснулись в эмиграции всех, кто не стал шофером такси, а остался тем, кем уехал. Каждый повел себя согласно собственному кодексу чести.

Честолюбие помогло Высоцкому вывести «пятна красные флажков» с ткани судьбы, но уходить за пределы заграждения ему не было никакого резона. Оставшись внутри, он не нарушил регламент, но добился для себя серьезных в нем поправок. Он охотно пел для «больших людей», ходил к ним на приемы и писал письма с личными просьбами (однако все же не после расправы над своим учителем Синявским), при этом сохраняя маску человека, чуть ли не отталкивающего кормящую руку. Эта балансировка, безусловно, лишала Высоцкого многих привилегий, которыми в лукавой уверенности, что никто не понимает их ухищрений, пользовались его «старшие братья», не учившиеся в театральных вузах. Да, у него не вышло ни одной книги, ни одного диска-гиганта. Но преимуществ на арене славы такая позиция вечного канатоходца давала куда больше. Шестидесятники, поставившие на друга Платона, а не на истину, в конечном счете проиграли Высоцкому по всем статьям.

В единственной записи с концерта «битлов», которую назидания ради пустили в конце 60-х на Центральное телевидение, у нескольких, по-

¹⁷ <http://www.russ.ru/pole/Hot-nemnogo-esche-postoyat-na-krayu-vmeste-s-Vladimirom-Vysockim>.

¹⁸ *Карабчиевский Ю. И* вохровцы и ээки. Заметки о песнях Александра Галича. — «Нева» 1991, № 1.

¹⁹ http://old.russ.ru/krug/20011122_bav.html.

видимому, обкуренных девушек в зале делалась истерика. В восприятии абсолютного большинства жителей СССР этот стереотип — связь славы с чем-то болезненным, на грани кликушества — держался долго. «Лемешисты» и «козлисты», «сыры» и «сырихи» звезд театра и кино — все это приметы крупных городов. Но 70-е безвоздушные годы были, как ни крути, годами технологического прорыва. Цветной телевизор уже не бегали смотреть всей улицей к одному соседу. Песенные конкурсы транслировались из Сопота и Сан-Ремо на всю страну. Советское массовое сознание перевернулось на 180 градусов, и ему срочно понадобился фетиш «не хуже, чем у них». «Не хуже», но не «такой же».

16 февраля 1976 года в Набережных Челнах с конвейера сошел первый большегрузный автомобиль «КамАЗ» — подарок рабочих к XXV съезду КПСС. К чему приведен сей славный факт? К тому, что по легенде именно в Челнах во время гастролей Таганки, проходивших с 24 июня по 4 июля 1974 года, когда артисты вышли прогуляться, жильцы всех (всех!) новых типовых многоэтажек раскрыли окна и выставили на подоконники магнитофоны с песнями Высоцкого. Валерий Золотухин сделал из этого такой вывод: *«По-моему, многие из нас лишь тогда поняли размер его популярности в стране, если это вообще можно было понять»*. Все относительно. Положим, тот же Михаил Зощенко в 20-е годы, еще до изобретения магнитофонов, был в СССР знаменитее кинокомиком Макса Линдера. Вопрос: по росту ли Высоцкому и всем нам оказался этот «размер»? Как и положено мифу, он многократно преувеличен.

Юрий Шатин в работе «Поэтическая система Высоцкого» совершенно справедливо написал: *«Магнитофонная культура сыграла роль пускового механизма поэзии Высоцкого»*²⁰. На концертах и творческих вечерах Высоцкого десятки любителей выстраивали ряды магнитофонов вдоль сцены. Отрицать роль «магнитоиздата» в популярности Высоцкого нелепо. Но утверждать, что граждане СССР покупали магнитофоны, тратя на это значительно больше месячной зарплаты, специально для того, чтобы слушать песни Владимира Высоцкого, просто уморительно. Между тем официальный советский справочник «Народное хозяйство» сообщает, что в 1970 году в СССР было выпущено всего 1.192.000 магнитофонных аппаратов.

Такие индустриальные заповедники «развитого социализма», как Набережные Челны, снабжались, разумеется, несопоставимо лучше, чем любой райцентр. Вероятно, и магнитофоны на родине «КамАЗа» продавались по льготным ценам через профком. Но Россия на 80 процентов состоит из райцентров. «Валютный», по меткому слову Леонида Филатова, одного из самых достойных птенцов этого спецгнезда, театр на Таганке куда попало на гастроли не ездил. Сам Юрий Любимов называл свое детище «филиалом «Березки»». Зрители театра на Таганке в театральной мегалопосещаемости

²⁰ <http://otblesk.com/vysotsky/i-shat01.htm>.

70-х были ничтожной толикой: и зал мал, и билеты достать невозможно, а часто и не по средствам. О театральной работе Высоцкого слушатели почти не знали, и его напористый таганский пиар во время концертов не достигал цели, оставаясь оброком, выплачиваемым родному учреждению за бесконечные отлучки. Киноработы актера, конечно, видели, но далеко не все-ми Высоцкий мог бы похвастаться.

Копии джазовых композиций, «ролингов» или кабацких песенок Петра Лещенко процарапывались на рентгеновских пленках еще и в 70-х. Лично у меня первый «взфовский» транзисторный приемник появился уже после смерти Высоцкого, а первый «бобинник», — кажется, допотопный «Днепр», — и того позже. До тех пор я слышала барда, «звучащего из каждого окна», только на пластинках-миньонах, выпускаемых фирмой «Мелодия». Магнитофонная культура вообще прошла мимо меня, но это не мешает мне осознавать, что выросла она вовсе не из бардовской песни, а из многократного переписывания альбомов западных рок-групп.

В 70-е годы расцвели профессии валютного спекулянта и фарцовщика. Однако размеры «черного» и «серого» рынков импорта были пустячны. Магазины Внешпосылторга и сеть комиссионки обеспечивали товарами на 90% опять-таки номенклатуру и ее окружение плюс военнослужащих, которым повезло тянуть ляжку где-нибудь в малярийном Мозамбике, да специалистов, на 60-градусной жаре прокладывающих нефтепровод через африканскую пустыню. Магнитофонная культура обходилась стране недешево и требовала больших усилий и массы свободного времени. Процесс переписки с «мага» на «маг» длился много часов, а иногда и дней. Это был один из стилей тогдашней жизни, дающий наилучшее представление о степени занятости населения.

Если даже, учитывая старания спекулянтов и фарцовщиков, умножить 2 000 000 единиц выпускаемых магнитозаписывающих устройств на 5 (чего быть не могло, иначе «черный» рынок придушили бы за один день), получается, что Высоцкого слушали не более 10 000 000. Цифра весьма внушительная, но никакие допуски не приближают ее к чаемой. В 1970 году как раз прошла всесоюзная перепись населения. Согласно статистике, в СССР проживало 241,7 млн человек. Из них 44 процента — в сельской местности, где не то что магнитофона, а электроутюга в глаза не видели. Гиперкультовый сериал «Доктор Хаус» в рекордном 2008 году посмотрело 88,9 млн зрителей в мире²¹. При том, что «ящик» стоит теперь в каждом доме, у человечества, слава Богу, есть иные дела и интересы. Так, несомненно, было и в Советском Союзе. Но с характерной поправкой. Песни Высоцкого слушало ровно столько людей, сколько имело доступ к дефицитным «товарам народного потребления».

Что касается концертной деятельности, высококоведы подсчитали, что за свою карьеру их подопечный дал более тысячи концертов в СССР и за рубе-

²¹ <http://www.sovetika.ru/sssr/nas7901.htm>.

жом. Это — тема отдельная. Но для социологического анализа важно, что в абсолютном большинстве случаев Высоцкий пел в маленьких залах — в среднем не более чем на 200 — 300 мест, чаще — меньше. На «квартирниках» — домашних концертах — иногда собиралось всего несколько человек. Выступления во Дворцах спорта можно пересчитать по пальцам. Правда, Высоцкий широко применял практику так называемого «чёса»: давал столько концертов, сколько пробивали в данном регионе его ловкие администраторы. Однако вся бурная, нечеловечески трудоемкая гастрольная деятельность дала Высоцкому от силы 5 000 000 слушателей. Если учесть, что в основном это были те же люди, которые внимали ему в магнитофонных записях, их количество не выходит за рамки уже подсчитанного. Среди зрителей, впервые пришедших на концерт, как правило, две трети попадали туда случайно и поклонниками певца не становились. Булат Окуджава, которого Высоцкий считал своим учителем, относился к этому весьма трезво: «Собиралось, скажем, человек пятьсот, из которых пятьдесят знали, на что и зачем они пришли. А 450 было любопытных»²². В отсутствие копирайта и авторского права легко предположить, что вместо Высоцкого не так уж редко в счастливом неведении слушали его подражателей. Имя же им легион, и такое впечатление, что все добровольно подверглись операции на голосовых связках.

Но дело не в том, знал ли Высоцкого каждый оператор газовой котельной. В конце концов, Путин никогда не слышал Шевчука, что не помешало ему сделать неплохую карьеру. Аудитория знатного барда даже в уточненных параметрах позволяет вписать его творчество в массовую культуру второй половины прошлого века. Авторская песня претендовала на большее: при всей демократичности — гитаре и ковбойке — она стремилась занять нишу, совпадающую с интеллектуальной. Это «большее» в искусстве непременно означает «меньшее» в популярности. Эталон жанра в 70-е считался Юрий Визбор. Как справедливо заметил Юлий Ким, Визбор дал Высоцкому тему «мужественного романтизма», то есть отвлёк от «блатняка» и «задал тон» его гитаре. Сам Юлий Черсанович, по профессии школьный учитель, преподавал ученику с Большой Каретной урок гражданской иронии. Но Высоцкий учителя здесь не превзошел и «Песню пьяного Брежнева» не сочинил, оставаясь в рамках балагурства и каламбурства: как-никак, это были годы расцвета КВН.

Кульг Высоцкого, если иметь в виду его поэтическую доминанту, возрос на дрожжах массовой литературы, — точнее, опять-таки ее дефицита. Социолог Борис Дубин так атрибутировал это читиво: «...массовая словесность — литература правоописательная и правоучительная... в основе тут — динамичный сюжет и активный, показанный через события и поступки главный герой. Она опирается на эстетику отражения-подражания, "реалистична" как по поэтике, так и по объекту внимания (среди ее предметов, если вооб-

²² Цибульский М., Фурман Л. Высоцкий и Окуджава. — «Советская музыка», 1988, № 29.

ще не в центре действия, обязательно имеется социальная периферия или маргиналия...). Она критична по социальной направленности, но моралистична по идейному заряду и оптимистична по проблемной развязке. Наконец, она... доходит до читателя, минуя специализированные группы рецензентов, рекомендателей и интерпретаторов (литературную критику)²³.

Как ни старались советские поэты работать на приемах «отражения-подражания», прививка классической литературы создавала им мощный иммунитет. Даже Демьян Бедный, обладатель одной из самых богатых библиотек в СССР (по легенде, книги он подбирал во время обысков), то и дело сбивался с фольклорных имитаций на чистую «литературщину». «Гениальный варвар» Высоцкий, усвоивший несколько фольклорных приемов, такого иммунитета был лишен — и во многом благодаря уголовному штамму. Вор никогда не думает о том, на что его жертва купит хлеба. Но воровской фольклор требует оплакивать собственную долю и жалеть мать-старушку. Подоплеку этой жалости обнажил Шукшин в «Калине красной», где герой инкогнито встречается с матерью, которую не видел много лет, а после театрально рыдает, припав к матери-земле. В этиологии уголовного сознания нарочито лубочная картина Шукшина занимает более высокое место, чем стилизации Высоцкого: Шукшин ведал, из чего творит икону.

«Слухач» и самоучка Высоцкий актерским нутром, скорее, угадывал потребности своих будущих адептов. При этом он был истинным шестидесятником, только не советским, а, как правильно заметил Сергей Кузнецов, западного образца. Никто из великих рок-н-рольщиков «консерваториев не кончал». Все они ловили конъюнктурную волну мира «с ветра», а не вычитывали из книг. И Высоцкий «читал», кроме ролей, судьбы интересных людей, которыми так богата наша Отчизна и которые бесперебойно ему посылались. «Читал» и усердно «списывал» их безумные истории — в контексте XX века покруче «Мертвых душ» и «Ревизора». Почти все его песни созданы в репортерской погоне за «интересным», «жизненным» — по всем канонам массового чтения.

Возвращаясь к социологии славы, обозначим территорию. В качестве материала для сотворения кумира широкую публику привлекают ровно два типа лицедеев. Один, как Высоцкий, «такой же, как мы», узнаваемый в каждом жесте, но волею фортуны вознесшийся «главою непокорной» выше звезд. Другой, напротив, чужак и аристократ, мир которого исходно недосягаем, а потому исключает зависть. Такими любят, в таких неистово влюбляются, но подражать им, в отличие от первых, даже не пробуют. Самое интересное, что аудитория обоих типов на две трети взаимозаменяема. И у Высоцкого был такой соперник по «звучанию из всех окон» и альтер эго. Имя его Муслим Магомаев.

В блистательной судьбе «Орфея советской эстрады» тоже присутствует своего рода драматизм. Министерство культуры СССР в конце 60-х пере-

²³ http://old.russ.ru/krug/19991209_bdubin.html.

крыло ему контракт с парижской «Олимпией»: место певца раз и навсегда было зарезервировано на правительственных концертах. А ведь Муслим действительно имел все шансы стать первым советским артистом международного масштаба. В 1969 году на фестивале в Сопоте он получил первую премию, а в Каннах — «Золотую пластинку»: записи его песен разошлись тиражом 4,5 млн экземпляров. При жизни у него вышло более 45 пластинок, и, если умножить эту цифру хотя бы на 3 миллиона, выходит, что слушало его в разы больше людей, чем Высоцкого.

Магомаев собирал многотысячные стадионы, гастроли его по Советскому Союзу не поддаются подсчету, как и выступления на телевидении. При этом Муслима невозможно поставить рядом с «соловьями режима», такими как Иосиф Кобзон и Лев Лещенко. Он не спел ни одной песни, прославляющей партию и Ленина. Был в фаворе у Хрущева, Брежнева, Андропова, Алиева? Но Высоцкого первый принимал на даче в Петрове-Дальнем, второй и третий знали и слушали его песни. Андропов «отмазал» Высоцкого, когда в дремучем аппарате Сулова заговорили о высылке барда из страны по примеру Галича и Солженицына. Высоцкий был коротко знаком с дочерью «бровеносца» Галиной: она не раз выручала буйного артиста в самых отчаянных ситуациях. Что касается благоволения к Муслиму руководителя Азербайджана, то здесь необходимо принимать во внимание восточные традиции.

Магомаев не состоял в ВЛКСМ, не был членом КПСС, как, например, Окуджава. Не стал лауреатом ни Государственной, ни Ленинской премий. Его, как и Высоцкого, чтили и любили криминальные авторитеты? Да, но «социально близким» не считали — держали дистанцию. Никто из них не врал, что сидел с Муслимом на одних нарах. Он первым в Советском Союзе стал сочетать на концертах эстрадный репертуар с классическим, чем немало способствовал культурному росту публики. Что касается прижизненного признания, то в Ростове-на-Дону автомобиль с Магомаевым поклонницы носили на руках по городу. Его именем, равно как и именем Высоцкого, названа одна из малых планет Солнечной системы. Но когда в том же Ростове Магомаеву заплатили за концерт на переполненном стадионе 606 рублей вместо «ставочных» 202, ему на полгода запретили выступать за пределами Азербайджана. А Высоцкий по громкому ижевскому делу о «левых» концертах не проходил даже как свидетель.

Сопоставим — с поправкой на геополитические перемены — и масштаб похорон этих выдающихся представителей массового искусства. Магомаева хоронили как национального героя Азербайджана и даже, кажется, тоже в знаменитом «изделии № 6», особом гробу, — в таких совершали последний путь Брежнев, Сахаров и... «гонимый» Высоцкий. «Бунтарь» и «иноходец» лег в основание этого равностороннего треугольника: Брежнева хоронили — и чуть не уронили — спустя три года. Для «официального» Магомаева такой уровень прощания представляется совершенно естественным, да еще с учетом бакинского менталитета. Для остросоциального художника, выра-

зителя «народных дум», каким принято считать Высоцкого, пышность его похорон представляется нарушением границ жанра и вкуса, а всенародное горе отдает недостатком впечатлений — визуальным голодом.

Игорь Яркевич сравнил похороны Высоцкого и Сталина: «*Почти такой же народный энтузиазм и такое же ощущение коллективного оргазма*»²⁴. Сталина хоронило общество вассалов, воздающих последние почести сюзеру. Проводы в последний путь даже соседа по подъезду в России собирают вместе тех, кто искренне его любил, и тех, кто едва знал. В толпе вообще невозможно отделить скорбящих от любопытствующих. Однако общие черты двух похорон действительно просматриваются. Это черты культа. Культ — достройка объекта массовым сознанием до мифа, феномен культурной (чаще — квазикультурной) самоорганизации общества. Как ни пытались создать «железные пушкиноведы» культ Пушкина, их последовательно подстерегал провал. Образ гениального поэта не имело смысла достраивать — он стал мифом, минуя стадию культа. Марине Цветаевой «повезло» значительно меньше: ее культ возник благодаря Алле Пугачевой, спевшей романс на цветаевские стихи. В скором времени Цветаева стала любимицей гламурных дам и истероидных девиц, и великолепный миф женщины-поэта рухнул под их напором.

Культ был системе, взлелеянной Сталиным, нужнее мифа. Он был создан как раз сверху — пропагандой и сервильной советской литературой. Первый опыт применения политехнологий надо признать весьма удачным. Правда, без информационного «прицепа» в виде Ленина, которого к тому времени начали плотно подзабывать, Сталин как культовая фигура состояться бы не мог. Трагедия советского массового сознания в том, что оно «повелось» на эту провокацию и во многом пребывает в прельщении «стабильностью» и «порядком» по сей день. Похороны Высоцкого зафиксировали вступление доселе закрытого общества в эпоху информации, когда сведения распространяются независимо от официального сдерживания. В этом смысле культ Высоцкого — полная противоположность культа Сталина.

Пастернака провожали по признаку личного отношения к нему и убившей его власти: партийная пресса еще являлась для большинства единственным источником информации и мерилom истины. На похоронах Солженицына давки не наблюдалось — не из-за дождя, а из-за того, что смерть публичного человека стало возможно переживать, не выходя их дома. Высоцкого первым в СССР провожали по образцу западных знаменитостей — как человека, не принадлежащего себе и не имеющего права на частное бытие и небытие. При жизни он хорошо к этому подготовился. Менее чем через полгода, 14 декабря 1980-го, мир «объединился» вокруг праха убитого психопатом Джона Уинстона Оно Леннона. Биограф Альберт Голдман уверен, что в Центральном парке собралось в тот день не менее 100 тысяч человек²⁵.

²⁴ <http://yarkevich.livejournal.com/24208.html>.

²⁵ www.erlib.com/.../50/.

Вернемся к сопоставлению двух советских звезд первой величины. Магомаева от Высоцкого отличает главным образом творческое поведение. Высоцкий так до конца и не смог решить, где его подлинное место в искусстве. По словам близкого друга Ивана Дыховичного, его «что-то смущало» в славе барда, «но он хотел ее» (славы). Однако «когда он играл в театре, она была ему необходима гораздо в большей степени, чем когда он пел. Он спокойно перенес бы любую критику на свои стихи, на свои песни, но не на свои роли»²⁶. Это не мешало Высоцкому то и дело срывать спектакли, часто ставя под удар всю труппу, и при этом в любом состоянии мчаться на край света, чтобы спеть перед бригадой золотодобытчиков. Магомаев никогда не гнался за количеством концертов, полагая, что если артист поставил концертную деятельность на поток, ни о каком творчестве рассуждать всерьез невозможно.

Федор Раззаков, описывая поездку Высоцкого по Донбассу, указывает, что в один из дней «он дал сразу шесть (!) концертов... Марафон начался в 10 часов утра и закончился в 11 вечера»²⁷. Заметим, что в разгаре признания ставка Высоцкого была значительно выше магомаевской, а коллеги по Таганке отказывались участвовать с ним в сборных концертах, потому что звезде доставалась львиная доля скудного гонорара. Магомаев, переживший Высоцкого на 28 лет, дал зарок не выступать на сцене, как только почувствовал, что время начинает безжалостно разрушать — нет, не голос, а прекрасный образ, пленявший его поклонников. Он не участвовал в тусовках, не переквалифицировался в «народного артиста олигархических кругов». Он раз и навсегда очертил своеобразный круг верности самому себе и своим фанатам. В молодости не захотел стать солистом Большого театра, понимая, что опера перестала принадлежать массовой культуре. Не принял приглашения на роль Вронского в фильме «Анна Каренина». Не выставлял на вернисажах своих картин. Отказался от закладки именной звезды, не желая, чтобы по нему «ходили ногами». Он был предельно честен даже этнически: никогда не называл и не считал себя русским певцом, оставаясь сыном родившей его, воспитавшей и с почестями принявшей в себя земли.

В середине 70-х дефицит книг, которые хотела бы читать, да не могла приобрести «самая читающая страна», достиг апогея. Книги стали продаваться по талонам, которые можно было получить, сдав 20 кг макулатуры. Какие маркетинговые исследования привели к тому, что первой в серии «макулатурных» книг стала «Королева Марго», сказать трудно. Самым издаваемым в СССР писателем был в ту пору Леонид Брежнев. Тираж каждой его книги достигал 15 миллионов экземпляров. В то же время, по данным ВЦИОМ, произведения Толстого, Чехова, Пушкина и Лермонтова присутствовали лишь в каждой четвертой домашней библиотеке. С книжных полок сметалось все без разбора. Дефицит лишал людей одной из фундаментальных

²⁶ www.ng.ru/saturday/.../15_hamlet.html.

²⁷ Раззаков Ф. Владимир Высоцкий. Козырь в тайной войне. М., 2009.

человеческих привилегий — дара различения. Образ гоголевского Петрушки, читавшего ради процесса, вырос до эпических размеров.

Почему Высоцкого не издавали? Чем он был «опаснее» Евтушенко и Вознесенского? Идиотизм редакторов и цензоров и зависть литературных сверстников, разумеется, имели место. Но, кроме «литературной черни», существовал культурный ареопаг, находившийся в олимпийской недосягаемости, так что завидовать там никому не могли по определению. Станислав Куняев прав, когда говорит, что крупнейшие из старших современников барда — Ахматова, Твардовский, Леонов, Солженицын, Шолохов — ни слова не сказали о Высоцком и никак не отметили его соприсутствие²⁸. Не поняли нового языка? Но Ахматова приняла и полюбила Бродского, поэтика которого находилась в противофазе Серебряному веку.

Ответ прост... Высоцкий мог стать тем, кем стал, только не публикуя своих текстов. И я не допускаю мысли, что он не понимал этого, в отличие от апологетов его мученичества. Бумага — штука подлая. Она разоблачает все, что исполнительство камуфлирует интонацией и личным обаянием. Именно непечатность работала на безумную славу Высоцкого, тогда как Александру Галичу не добавляла абсолютно никаких дивидендов: число его слушателей оставалось стабильно невысоким. Факт же загадочной смерти Галича, в которой был якобы повинен неисправный магнитофон, мистически удостоверяет, что и распространение звукозаписывающей техники не всем создавало равные условия для популярности.

Голоду книжному сопутствовал голод акустический. Основным источником звука оставалось радио, причем не приемник с хотя бы несколькими диапазонами, а настенный репродуктор. «Вражеские голоса» слушал один процент жителей СССР, но, по чьему-то остроумному замечанию, «слушал очень внимательно». Остальные перебивались «Рабочим полднем». Изголодавшемуся слуху народа должны быть благодарны и Высоцкий, и поэты Большой спортивной арены (ПоБсы). Поэзия вернулась к средневековой традиции звучащего слова. Ретирата от книжной литературы к звуковой во многом подготовила сегодняшнюю отвычку от книги (культурного символа — с учетом смены носителей) как основного интеллектуального инструмента нации.

Площадной, популистский характер «громких читок» повлиял на русскую поэзию куда сильнее цензуры и «внутреннего редактора». Поэзия лишилась ореола аристократизма и пошла по пути упрощения, адаптации к уху толпы. Это привело к абсурдной ситуации, когда поэтов стало много больше, чем читателей (о чем пророчески предупреждал тот же Вознесенский), а обцененной лексики в стихах — больше, чем на улице, где некоторые все же до сих пор стесняются громко материться. Авторская, или бардовская, песня, благодаря гитаре еще более легкая для усвоения, чем ПоБса, явилась ей не культурной альтернативой, а рыночным конкурентом. Миха-

²⁸<http://www.zavtra.ru/denlit/038/81.html>.

ил Харитонов, может быть, с долей утрировки, но в целом точно описал этот феномен: «...для того, чтобы бардовская песня существовала, нужны следующие вещи. Во-первых, поэт, не обязательно хороший, даже лучше, чтобы средний, понятный. Во-вторых, этот поэт должен уметь петь, не обязательно хорошо, даже лучше, чтобы плохо, чтобы голос нормально ложился на запись без особых потерь красоты при многократном переписывании. И играть, — как вы уже догадались, не обязательно хорошо, желательно, наоборот, просто, чтобы желающие могли подобрать аккорды»²⁹.

Огромная популярность Райкина и только нарождающаяся — Жванецкого вывела Высоцкого на «смешное». Не забудем, что он жил в эпоху тотального анекдота. В опубликованной «МК-Урал» в августе 1999 года фонограмме, которая якобы писалась с ведома Высоцкого для КГБ, он сыплет анекдотами по любому поводу, как делали это советские обыватели той поры. Назвать его «потешные» песни сатирами после Галича неловко: по прошествии лет в них явственно различимо именно желание посмешить почтенную публику и тем заставить ее слушать еще внимательнее, ловя очередную остроумную реплику.

Песни «юморного» цикла, написанные в основном в сказовой форме, часто носят оттенок глумливости, то есть высмеивают то, что высмеиванию в приличном обществе не подлежит. Происходит это не потому, что Высоцкий сознательно хотел поизмываться над народом, о жизни которого он на своих вершинах не имел ровно никакого представления. Скорее всего, он был уверен, что высмеивает жлобов, как Зошенко или Галич. Но получилось, что автор надсмехается над теми в обширном смысле *голодными*, на стороне которых априори был русский социальный поэт — от Некрасова до Чичибабина.

Достаточно вспомнить песню «Поездка в город» о «самом непьющем из всех мужиков» (с неперменной артикуляцией «мужуков»), которого семья отрядила в Москву за покупками, а он по неведению попал в «Березку», где Высоцкий и иже с ним отоваривались дефицитом. Из деревни тогда бежали по 700 000 человек в год. «Соль земли» вымывалась с мест залегания, перекочевывала в маргинальное сословие лимитчиков со всеми вытекающими для страны последствиями. Сегодня «вот это желтое в тарелке» лежит в каждом супермаркете, но мужику до него не добраться и за него не расплатиться. Скорбное гоголевское «над кем смеетесь?!» аудитория, вчера перебравшаяся в город, пропустила мимо ушей. Аудитория интеллигентная вчитывала в эти невинные стилизации нечто диссидентское, «запрещенное», как, например, в песню об инструктаже передовика производства Коли перед загранкомандировкой, где он путает Будапешт с Улан-Батором. В стране, где поездка в Болгарию мнилась чем-то несбыточным, такая песня естественно вызывала ехидное хихиканье. Никому не приходило в голову, что автор давно решил для себя проблему с визой и выездом.

²⁹<http://www.rulife.ru/mode/article/503/>.

Герои «некриминальных» песен Высоцкого — либо победители, либо «недострелённые», «перехитрившие» слепой фатум. В военном цикле люди ради «эффекта присутствия» получают условные фамилии: «Так, Борисов, так, Леонов...» или «ЗК Васильев и Петров ЗК», примерно как в русских сказках архетипических Петуха и Кота ни с того ни с сего вдруг начинают величать Егоровым и Петровым. Но в целом имперский нерасчлененный космос с атомами вроде Василия Теркина ему чужд. Неожиданно появляется — и так же неожиданно исчезает — восточнославянский культ Матери-сырой земли («Ведь земля — это наша душа!»). Вообще же война привлекает Высоцкого приключенческой стороной, то бишь драматургией. Он ведь хотел лавров и сценариста, и режиссера, и, если бы представилась возможность, станцевал бы в балете. Высоцкий — Джек Лондон и Хемингуэй своего жанра, вечно кому-то доказывавший собственную неоспоримую мужественность. Как правило, это говорит о неизжитых юношеских комплексах.

Имитации «простонародного» языка в песнях тривиальны: Высоцкий «подделывался» под обезличенный и безграмотный язык лимитчика, мечтающего стать полноценным обладателем югославской «стенки». Слушателям Высоцкого льстило, что герой песен говорит языком улицы, на которой они выросли и которую счастливо покинули. Шоу-бизнес требует постоянного обновления репертуара, что не всегда способствует взыскательности художника. Поэтому насытившиеся беснованием публики поздние «битлы» прятались в студиях. Вечно голодный на славу Высоцкий не прекращал выступать с концертами до последних дней жизни, уже в полураспаде.

Если бы министр культуры Екатерина Фурцева дала добро на гастроли Beatles в СССР, массовая культура страны, скорее всего, пошла бы другой дорогой. Увы, сослагательного наклонения нет не только в истории, но и в культуре. Магомаев работал и жил в системе советского гламура, где успех оплачивался не столько деньгами, сколько дополнительными возможностями — спецраспределителями и «черными» ходами с телячьей вырезкой и черной икрой. Высоцкий со всеми своими BMW и «мерсами», тихоокеанскими круизами и женой — видной французской коммунисткой — хотел гламурно жить и антигламурно хрипеть. По двойному стандарту того же пошиба жительствоваали все, кому он яростно подражал и кто, в свою очередь, подражал Горькому: певец Челкаша в особняке Рябушинского — лучшая метафора этой раздвоенности. Конечно, традиционные — книжные — поэты-шестидесятники были гораздо осторожнее и знали меру, которой Высоцкий не знал ни в чем.

На обочине официальной эстрады с ряжеными «песнярами» бытовала эстрада ресторанная. Кутить с купеческим размахом и «раздачей денег населению» Высоцкий очень любил. Ресторанно-цыганский надрыв обеспечил лавры таким песням, как заезженные «Кони привередливые». Посмертная книга текстов барда, носящая осторожное и несколько стоматологическое название «Нерв», конечно же, должна была называться «Надрыв». Пропевать согласные Высоцкий научился у Шаляпина («Ва-доль па Пите-рэ-сэ-

кой...). Кажется, никто не заметил связи нашего героя с Лидией Руслановой. А ведь именно ей, гениально сочетавшей квазифольклорную поэтику («Ты помнишь, изменщик коварный...») с цыганской надрывностью Вари Паниной, Высоцкий обязан манерой, принесшей ему славу трагического хрипа эпохи. Ну и, разумеется, многим Высоцкий обязан Утесову, которого, рассказывают, сам Сталин на приеме в честь героев-полярников попросил спеть «С одесского кичмана/ Бежали два уркана». Не сдержал отец народов приступа ностальгии — «домашненького захотелось!» А надрыву бард выучился у двух великих — и по недоразумению не запрещенных большевиками поэтов — Блока и Маяковского.

Маяковский — надрывался, как никто до него, в лирике. Высоцкий в немногих лирических песнях перенял у «горлана-главаря» космические образы, но недотянул до космической подлинности. Тома написаны о том, сколь большую дань отдал цыганскому романсу Блок. К тому же он любил поэтов, каждый из которых отмечился антологическим романсом, — Григорьева, Полонского. «Цыганщина» в силу бедности смыслами поддается имитации, как никакая другая субкультура. Романс построен на клише и не стесняется клиширования. Текст в нем сплошь и рядом притянут за уши и является органичным продолжением — или дополнением — мелодики. Интонация исполнителя обращает «эния-забвения», как говаривал Лев Толстой, лично к каждому и достигает эффекта независимо от подготовленности и культуры слушателя.

Иван Дыховичный, знавший цену актерству, небезосновательно считал то, что зритель принимал в Высоцком за чистую монету, театральной маской. У Высоцкого, вопреки мнению апологетов, число песен, где он пытается эту маску сорвать, мизерно. Поэтому, когда он имитирует «исповедальность», его тексты неизбежно обрастают оборотами, типично воспроизводимыми в типичных речевых контекстах, то бишь штампами:

Я дышу и, значит, я люблю,
Я люблю и, значит, я живу.

Лирическая «Баллада о любви» явно писана от имени Творца. Она и начинается с всемирного Потопа. Но Бог избегает банальностей, а для песни они («эния-забвения») в самый раз.

Многие песни Высоцкого вообще созданы «в образе». Например, «Уходим под воду» («SOS») писалась для фильма «Особое мнение», хотя в него и не вошла. Столь любимая ээками песня «Их было восемь» с характерной строкой: «Ударил первым я тогда — так было надо», — сочинена для одного из таганских спектаклей. Даже едва ли не лучшая из песен барда — «Беда» — написана от лица женщины. Вообще не надо забывать, что Высоцкий работал в театре, развивавшем принципы театральной эстетики Бертольда Брехта, который тоже под гитару пел в спектаклях зонги собственного сочинения, рассчитанные на мгновенное запоминание и сильный эмоциональный эффект. Песня «Я не люблю», казалось бы, наконец приоткрывающая

лицо автора, Владимира Высоцкого, была написана для спектакля «Свой остров», то есть как зонг. И штампами массового сознания она набита под завязку. Протрезвев от надрыва, понимаешь, что ни один нормальный человек не любит ни «холодного цинизма», ни «уверенности сытой», ни «когда стреляют в спину». А уж «фатального исхода» тем паче. Самое оригинальное в этой песне — нелюбовь к «почестей игле». И не в почестях дело, которые Высоцкий-актер просто не в состоянии был не любить, а в игле. Кажется, впервые она появилась в тексте именно тогда, в 1969 году..

III

Любая попытка непредубежденно говорить о кумире масс сталкивается с массой препятствий. В литературоцентричной стране цитатность мышления не иссякает даже в условиях общей интернет-полуграмотности. «На что он руку поднимал?!» — рискует услышать всякий, кому истина дороже Платона. Когда вышла моя давняя статья, Кирилл Ковальджи бросился на защиту Высоцкого с цитатами из Пушкина наперевес (Пушкин, как нападение, в подобных случаях — лучшая защита): *«Столпник не может позволить себе кратковременного сошествия в кабак ради встречи со старым другом. А у поэта и “всемирный запой” случается. Поэт бывает “малодушно погружен” “в заботы суетного света” и “среди детей ничтожных мира” бывает — “всех ничтожней он”...»*³⁰ И т. д.

Упрекать Высоцкого в том, что он не выбрал подвиг столпничества, мне, честно говоря, не приходило в голову. Но тяжелейшая болезнь, сведшая идола миллионов в могилу в 42 года, не есть его — или его близких — личное дело. Всякий недуг, связанный со степенью публичности больного, а тем более с его без устали популяризируемым творчеством, как говорят психиатры, «накладывает негативный отпечаток на оценку деятельности субъекта». Николай Рубцов тоже страдал запоями, но сидел при этом в вологодской глуши, а не колесил с концертами по миру. Поэт ничем физиологически не отличается от простых смертных. Нейрофизиологически — может быть. Но это лишь ничем не подтвержденное допущение. Мандельштам любил сдобные булочки, что никак не изменяло его природу, а лишь давало поэту, — надемся, — кратковременное наслаждение. Но если бы Мандельштам «любил» морфин и кокаин, разговор был бы другой, поскольку химические вещества изменяют психику.

Вдохновение само по себе есть измененное состояние сознания, так же мало изученное, как феномен таланта, а тем более гения. Стимуляция извне, как показал минувший век — век отчаянных экспериментов человека с рассудком и всем, что выходит за его рамки, — не всегда служит надбавкой к творческому началу, зато бесперебойно убивает его носителей. После самоубийства Бориса Рыжего, по многим признакам наследника Есенина,

³⁰ Ковальджи К. Письмо в «Континент». — «Континент», № 94 (1992, № 4).

Высоцкого и Рубцова, критики и мемуаристы самозабвенно писали о том, что решение поэта было связано с невозможностью вынести некую боль. Но поэтические шедевры не создаются во время приступа стенокардии или при воспалении тройничного нерва. Поэзия есть акт преодоления метафизической боли — страдания — и преображения, претворения ее в слово. Не преображенное, не преодоленное страдание рождает плохие стихи. Рыжий писал хорошие, пусть и не вполне оригинальные. Самоубийство же является актом глубоко иррациональным независимо от того, сводит ли счеты с жизнью поэт или дворник. Впрочем, Борис Рыжий массовой культуре не принадлежал, с него и спрос иной.

70-е годы начались со смертей от передозировки двух стержневых фигур рок-культуры — Джими Хендрикса и Дженис Джоплин. Частная жизнь западной и русской звезды отличаются, как жизнь соседней по лестничной клетке и родственников, обретающихся на общей кухне. Смерть зачастую более сильный стимулятор моды, чем жизнь. В свою очередь мода исходно есть всегда подражание недоступному. Триада sex-drugs-rock-n-roll после гибели нескольких громких имен вышла из повиновения и за истекшие десятилетия убила миллионы обычных молодых людей, вероятно, могших как-то по-иному распорядиться собой. В 70-м же году Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) признала алкоголь наркотиком.

Выпивка извечно была дополнительным стимулятором художника, и никто так и не смог объяснить, связано ли это с невероятным расходом энергии или, напротив, подстегивает ее нехватку. И с наркотиками «мастера искусств» экспериментировать начали не в XX столетии. Ими баловались и Байрон, и Бодлер, и многие другие. Но лишь культуру 70-х можно в целом признать наркотизированной, — следовательно, созданной в особом даже по сравнению с вдохновением состоянии. К тому же 70-е знаменовали начало перехода от модерна к постмодерну. Русская культура — литература в первую очередь — оставалась глубоко морализированной и регулярной в смысле средств выражения. И когда после поднятия «железного занавеса» на сцену вышла новая труппа, оказалось, что господа артисты безнадежно опоздали к началу представления, а старый состав ни за что не хочет покидать прогнившие подмостки.

После триумфа Бродского ни один из русских художников слова не снижал мировой славы. Исключение составили самые консервативные жанры, как вокал, или самые неформализованные, как живопись. Высоцкий попал в своеобразный капкан. Он был, без сомнений, одним из первых постмодернистских артистов и притом вполне традиционным поэтом. Дело не в склонности к регулярным размерам и рифме. Западу была совершенно непонятна его социальность и масочность, целиком привязанная к местной почве и только на ней вызывающая адекватную реакцию. Постмодернистской была его жизнь с немотивированными страданиями и идущим от лицедейства, а не от реальных обстоятельств, надрывом. Тем же отличались Хендрикс и Джоплин, Моррисон и Кобейн. Не имея никаких видимых про-

блем, кроме непреодолимой тяги к самоистреблению, они рвались «из сил и из всех сухожилий», доказывая миру то, в чем сами не были уверены и что в сознании обычных людей укладывается в четкую формулировку: «с жиру бесятся». В то же время Боб Дилан, художник, жанрово очень близкий к Высоцкому, до сих пор активно работает, и каждый его новый альбом заставляет изумляться мастерству и вдохновению.

Мир, несомненно, лежит во зле, и это обстоятельство, возможно, самый сильный толчок к творчеству в мировой истории. Но XX век словно в насмешку дал в руки художнику мешок с деньгами, — об этом писал еще Ленин в статье «Партийная организация и партийная литература». Держась одной рукой за этот мешок, другой как-то совестно указывать миру путь к свободе. «Болезнь к смерти» многое оправдывает задним числом. Закавыка в том, что легитимное благосостояние западных звезд и разрешенное избранным партией и правительством советским художникам благоденствие с толикой бесчиния — разной экономической и моральной природы. Когда одна уральская старушка услышала пение Высоцкого, она вполне резонно спросила: «Чё он горюет-то?» Ответить ей, что человек из магнитофона не может с первого раза дозвониться в Париж, не повернулся язык. «В этом есть, как мне кажется, какой-то вычур», — как говорил о некоторых песнях Высоцкого Леонид Филатов.

Постмодернизм окончательно подорвал основу партийного постулата о принадлежности искусства народу. И постмодернистская нота Высоцкого апеллировала не к уральской старушке и не к таким, как она. В непритворной же, но совершенно ирреальной боли, которая терзала его, в минуту протрезвления сознается любой алкоголик. И он же в дни опьянения будет этой болью искусно спекулировать. Смерть Высоцкого длительное время была окутана тайной и поэтому вызвала бесчисленное множество кривотолков. Кто-то немного наивно, но, по сути, верно подметил, что если бы публике было известно о наркомании прославленного барда, он не стал бы таким прославленным. В России публичным людям прощают только те грехи, которыми грешно большинство. Действительно, в сети не редкость встретить такие записи: «*Читала о последних днях Высоцкого. Мое знание о том, что он был наркоманом, о его поведении на работе и в семье стало мне мешать воспринимать его талант*». Наши люди — моральные максималисты, и с этим ничего не поделаешь. Поэтому так часто они предпочитают ложь.

Связь творчества с той или иной патологией — идея эпохи модерна, любившей такие сближения. Американский психиатр Дональд Гудвин задал риторический вопрос: «*Может быть, у литературного дара и алкоголизма одни и те же корни?*» Словно подслушал покойного смоленского поэта Петра Боровикова, читавшего от безысходности свои стихи (надо сказать, весьма элитарные) где и кому угодно: «*Литература, в сущности, есть пьянство*». А ученые Университета Джона Хопкинса считают, что гения не следует лечить от маниакальной депрессии: это его нормальное состояние. Такого же мнения в отношении Высоцкого придерживается его фанат и исто-

вый собиратель Марк Цыбульский, психиатр по профессии³¹. Мнение, будто удел гениальных состоит в том, чтобы страдать различными отклонениями психики и тем радовать дюжинных, вызывает внутренний протест и заставляет задуматься, не лучше ли миру совсем обойтись без гениев. Мир, впрочем, в видах самосохранения, к этому постепенно и склоняется.

Публицист Александр Ткаченко (тезка покойного директора ПЕНцентра) писал где-то на просторах сети: *«Не стоит рассматривать человеческие пороки как приложение к гениальности. Алкоголизм и наркомания Высоцкого не были оборотной стороной его поэтического и актерского дарования... Когда искусство начинает требовать человека целиком, оно превращается в идола, требующего человеческих жертв... И сожгло его (Высоцкого, — М. К.) не творчество. Сожгли страсти»*. Да уж! Если бы человек таких страстей, как Высоцкий, был законченным трезвенником, дионисийское начало все равно взяло бы в нем верх. В юности его могла подвинуть к роковой зависимости генетика: в семье «злоупотребляли» две тетки и дед по материнской линии. Но, насколько известно, в огромной степени склонила мода: прикладываться к рюмке в интеллигентной среде к концу 50-х стало обыкновением. Из каждой тысячи выпивающих становятся алкоголиками от 10 до 45 человек. Высоцкий впервые попал в наркологическую клинику в 26 лет.

Но наиболее вероятной причиной столь раннего развития неизлечимого недуга была абсолютно неуправляемая, «рогожинская» природа актера. Талант она периодически обостряла, а организм убивала. Тяга к смерти, очевидно, имеет общие черты на всех континентах. Но Америка эпохи психоделической революции мало похожа на стремительно алкоголизирующуюся СССР 70-х. Государственная монополия на продажу спиртного вливалась в бюджет до 58 миллиардов «пьяных» рублей ежегодно — иначе 400-миллиардный бюджет треснул бы по всем швам. Бухую пустопорожность тех лет честнее всех изобразил в «Афоне» Георгий Данелия. Но герою картины — «маленький человек» в большой пустоте. Высоцкий был всенародным Афоней. Его «прорабатывали» на собраниях, увольняли, принимали назад и прощали, прощали, прощали. И, поскольку адский клубок его жизни стремительно разматывался в России, всегда находилась женщина, добровольно кладущая себя на алтарь спасения любимого, менее всего склонного спастись.

Вопрос, когда Высоцкий пристрастился к наркотикам, остается открытым. Связано это не столько с многолетним утаиванием прискорбного факта, сколько с общим пошехонским невежеством в данном вопросе. Недавно мне рассказали, как в маленьком русском городе в середине 80-х хозяева частного домовладения стали обнаруживать у себя на огороде невесть откуда берущиеся всходы конопли. Они боролись со злостным сорняком всеми способами — ничего не помогало, пока однажды не поймали ближайших соседей за сбором этой пакости, годящейся, по мнению потерпевших,

³¹ Газета «Взгляд», Сан-Франциско, № 337 (23 — 29 января 1999).

только на веники. Но даже после выяснения отношений никому не пришло в голову, зачем на самом деле соседи регулярно кидали в чужой огород семена каннабиса — рода однолетних лубоволокнистых растений семейства коноплевых. Только когда нагрянула милиция и борцов с сорняком призвали в понятия, они в ужасе прозрели: соседи просто-напросто варили «дурь» для внутреннего потребления и на продажу. Поэтому от их жилища так несло ацетоном — в нем вымачивали сырье.

Вениамин Смехов говорит о необычайном внутреннем резерве Высоцкого как одной из его личных тайн³²; сдается, однако, что время сняло с этой тайны завесу. Художник эпохи постмодерна получил за свои деньги возможность обеспечить себе перманентную Болдинскую осень. Симптоматика, по мнению наркологов, показывает, что Высоцкий стимулировал организм химическими препаратами активного действия задолго до даты, поставленной биографами. Только амфетамины дают возможность не спать по несколько суток, вселяют нечеловеческую бодрость и энергичность, обостряют восприятие и внимание. Недаром препараты этой группы выдавались во время Второй мировой войны американским солдатам. Наши обходились наркомовским жидким пайком.

Человеку несведущему весьма сложно обнаружить проявления «обколостости», особенно когда дело касается опытного наркомана. Если не следовать шаблону, будто человек, «закинувшись», немедленно начинает громко хохотать или «гонять мультики», то бишь галлюцинировать, химическая зависимость долгое время проявляется разве что повышенным тонусом, чего первоначально Высоцкий и добивался. Это потом его коллеги по сцене признали, что в последние годы он «ширился» во время спектакля и «лекарство» добрые друзья привозили ему прямо в гримерку. Одна из главных установок наркомана — не «спалиться», то есть как можно дольше не выказать признаков зависимости.

Марина Влади заверяет, что поняла, как далеко зашел Володя, чуть ли не за год до его смерти. Это более чем странно, если знать, что Влади пережила наркотическую беду со старшим сыном, а западные интеллектуалы того времени сплошь «сидели» кто на чем горазд и мерли безостановочно. Но если поверить словам «колдуны», то из этого следует, что супруг ее был на редкость социально адаптированным больным. Неосведомленность людей, окружавших Высоцкого, ничто по сравнению с беспомощностью медиков, якобы врачевавших, а на самом деле вольно или невольно убивавших его. По допотопности методики лечения «подобного подобным» и сумасбродности альтернативных способов мучительное умирание Высоцкого напоминает кончину Гоголя, которого погружали в холодную воду, затем обкладывали горячим хлебом, а затем приставляли к носу пивовок.

Психиатр-нарколог Петр Каменченко, никакого отношения не имевший к экзотическим способам лечения, гораздо позже дал такое заключе-

³² <http://vv.kulichki.net/ovys/kino/smexov.html>.

ние о смерти Высоцкого: «Умер он, скорее всего, от острой сердечной недостаточности, вызванной тяжелой абстиненцией, которая, в свою очередь, стала следствием алкоголизма, приема наркотиков и бесконтрольного употребления снотворных и успокоительных препаратов...»³³ Сергей Кузнецов пишет по тому же поводу: «Убиравший месячный запас “лекарства” за неделю, изображавший печеночные колики в приемном покое “скорой” и выпивавший залпом пол-литра водки, он и здесь оказался в международном контексте: именно так и заканчивались семидесятые, веселая эпоха широких клеш, платформ и веры в то, что кокаин не вызывает привыкания...»³⁴

Доктор Каменченко пытается непредвзято взглянуть на проблему наркомании 70-х: «...к наркомании в те годы в СССР относились не как к болезни, требующей серьезного лечения, а как к социальной язве и уголовному преступлению». Сталинское «нет человека — нет проблемы» сменилось едва ли не более циничным брежневским: «нет проблемы — нет человека». Компетентные люди утверждают, что проблема не только имела, но цвела буйным цветом. Просто денежной массы на руках находилось гораздо меньше, и наркоманы 70-х, как и книголюбы, потребляли все, что удавалось добыть. Транквилизаторы в сочетании с алкоголем были наиболее распространенным способом «утоления жажды». Большинство препаратов, из которых на кухне экстрагировался кайф, свободно продавались в аптеках и стоили копейки. В Ленинграде памятник Ленину у метро «Московская» с конца 60-х носил кодовое название «подзашиби косяк», а на Невском «нарики» не таясь запивали «колеса» водой из автоматов. В моем родном Тамбове только в середине 80-х появилась группа «идейных» марихуанщиков. Их «идеи» заключались в бесконечном обсуждении вопроса, «сдаются» или нет на «траву», толкании «телег» — чрезвычайно неизобретательных рассказов о чужих «глюках» — да перечислении имен «употребляющих» американских музыкантов, половину из которых «революционеры» отродясь не слышали.

Страдания близких наркомана холодному анализу не поддаются. Это ад. Конечно, онкологические больные тоже вовлекают родных в круг своих мытарств, но раком заболевают не по своей охоте. А кайф, что бы там ни говорили, человек изначально выбирает сам. Это уже дальше наркотик начинает управлять и властвовать, лишает воли и разума, — и если бы только кайфующего, — и убеждает «спасателей» вроде Егора Бычкова действовать средневековыми методами. Наркотизация общества песнями Высоцкого обнаруживается в самых апологетических воспоминаниях о его эпохе. Песни эти вызывают стойкое желание, говоря расширительно, «уколоться и забыться».

Вот мальчик 70-х приглашает друга сделать у него дома записи. «Возьми бутылку, — говорит он, — так принято». Счастливец комментирует это историческое событие спустя много лет: «Первый раз в жизни пью водку. Хмель

³³ vvsimakova.narod.ru/Problema.html.

³⁴ skuzn.livejournal.com/446657.html.

ударяет в голову. Чувствую себя сопричастным с чем-то космическим... Я невыразимо горд. Теперь у меня самого есть дома записи Высоцкого!» (если не ошибаюсь, это воспоминания уфимца Евгения Пиндрика). А вот цитата из сибирского писателя Василия Афонина: «Я всегда плакал, слушая эти песни... стоило услышать голос, меня охватывал озноб, печаль охватывала, черт подери. Самое лучшее тогда — выпить коньяку, водки»³⁵.

Снисходительная сочувственность к пьющим, особенно знаменитостям, в России до сих пор высока. Алкоголизм слывет не заболеванием, а следствием «переживаний». А выпивку на одну ступень с наркоманией вообще никто не ставит. Любой алкаш искренне презирает «торчков» и считает себя выше и здоровее них. Справедливо заметить, что тогда все поголовно, как выразился Василий Голованов, «слушали музыку самоубийц», если в нашем контексте подразумевать под самоубийством не только буквальное наложение на себя рук, а растянутое во времени сознательное саморазрушение. Но, во-первых, никто не имел такого влияния и харизмы, как Высоцкий, во-вторых, еще только предстоит выяснить, чем в России реально обернулся — теперь уже не для одного поколения — этот «гибельный восторг». Да, не все пристрастились к наркотикам, но почти все переболели — или продолжают болеть — созависимостью. Это обратная сторона любого культа.

Химическую зависимость лишь недавно признали семейным заболеванием и начали говорить и писать о неслыханной дотоле проблеме. Алкоголик зависит от бутылки, а близкие — от необходимости его опекать. Поэтому членов семьи алкоголика психологи называют созависимыми. Копируем с медицинского сайта: «... созависимый человек теряет свою собственную жизнь и начинает жить жизнью зависимого близкого... Созависимый человек нуждается в выздоровлении не меньше самого алкоголика или наркомана»³⁶. Социальные отношения в России глубоко семейственны. Дама, которая призналась, что «плохое поведение» Высоцкого мешает обожать его, как прежде, лишнее тому доказательство.

В созависимой среде роли четко обозначены. Там всегда присутствуют Преследователь и Спасатель. Один вечно пилит и проклинает («Чтоб ты сдох!»), другой вечно жалеет и пророчествует («Сдохнешь без меня под забором!»). Беда в том, что и тот, и другой одинаково мешают алкоголику и наркоману бороться с болезнью. Если перевести проблему в иную плоскость, то все мы «преследуем» государство, сидящее на сырьевой игле, и «спасаем» его, надеясь, что само по себе откуда-то возьмется толковое и честное правительство. В свою очередь государство, деря с нас три шкуры, не прекращает патерналистских потуг.

Родные наркомана годами ждут и свято верят, что в один прекрасный день он по своей воле «соскочит». Но у больного нет воли, и созависимые

³⁵ ubb.kulichki.com/ubb/Forum53/.../001180-4.html.

³⁶ www.vrc-alternativa.ru/.../sozavis.php.

постепенно тоже лишаются способности принимать решения и реализовывать их. Они начинают переносить свои проблемы вовне, валя вину, которая их мучает, на других людей, на систему, страну, Бога. Но это не избавляет от страха перед завтрашним днем — да что там! — нынешним вечером, а только усугубляет его. Страх порождает ригидность — «застывание» на некой психологической точке, сдвинуться с которой нет сил. И тогда наступает самое страшное: созависимые впадают в зависимость, теми же «лекарствами», с которыми боролись и от которых пытались спасти близкого человека, силясь избавиться себя от этой бездвигности.

Это, разумеется, метафоры социокультурного мазохизма, коему подвержены не только поклонники Высоцкого, но и все «застрявшие», душевно ригидные, кто переносит ностальгию по своей молодости на одно, пусть и самое знаковое, имя или на выдуманную, никогда не бывшую страну, оправдывая свой страх перед новыми вызовами патриотизмом и верностью идеалам. «Почестей игла» навредила Владимиру Высоцкому ничуть не меньше, чем игла медицинского шприца. Георгий Яропольский, чьи строки вынесены в эпиграф, напомнил мне слова Д. Дж. Сэлинджера: *«Успех деморализует, успех лишает стимула для дальнейшего творчества»*. Сэлинджер, последнюю треть жизни проведший фактически в затворе, знал, что говорит. Но для актера такой образ жизни невыносим.

Высоцкий, по преимуществу актер, был одновременно и зависим от наркотика государства, которое он ненавидел, и созависим в этом с большинством советских людей. Презрительно-прозрачный эвфимизм «совейский», придуманный Высоцким, многое объясняет в его истинном отношении к стране, руководителям которой он пел свои «антисоветские» песни. Муслирование идеи некоей несвободы, томившей его, — не более чем попытка оправдать эту несвободу и ее проявления в быту и творчестве. Внешне свободнее Высоцкого трудно подыскать личность, родившуюся в СССР не в семье Брежнева или Михалкова. Внутренняя же несвобода не зависит от места компактного проживания и социального положения. Высоцкий мог покинуть страну в любой момент — и не покидал. Мог уйти из театра — и не уходил. Мог упорядочить личную жизнь — и с каждым годом только больше ее запутывал. Неумение или нежелание справиться со страстями ни к экзистенциальной, ни к онтологической свободе отношения не имеют. Это глубоко личная проблема — на выходе трагедия — индивидуума. По этому поводу вспомнились стихи, — кажется, владимирского политолога Романа Евстифеева:

По радио поют, что нет причины для тоски,
И в этом ее главная причина.

То, что в первые годы после театрального вуза Высоцкий не получал главных ролей, — обычный штрих к биографии актера: все они поначалу вынуждены сидеть в карантине и зубрить боевой устав пехоты. Поведенческим аналогом Высоцкого можно считать знаменитого шансонье Сер-

жа Генсбура, мастера эпатажа, великого любовника и безобразника. Но Генсбур никогда не стоял навывтяжку на собрании, где его «прорабатывали». Он следовал собственным установкам без рефлексий, невзирая ни на какие моральные препятствия. Исполнял «Марсельезу» в стиле рэгги. Заставлял партнершу имитировать оргазм при записи шлягера. Сжигал 500-франковую купюру перед телекамерой. Не пытался избавиться от алкогольной зависимости, но, напротив, всячески ее культивировал. Эпатаж — не единственная стезя художника, — а Генсбур был выдающимся художником. Речь лишь о пресловутой свободе, которая, увы, достигается на 99 процентов за счет душевного и физического комфорта ближних и их способности понимать и прощать. В результате свободный от рождения выходец из Одессы Генсбур прожил на девять лет дольше Высоцкого и его последний альбом можно смело назвать вершиной творчества.

В очередном перепеве Горациева и пушкинского «Памятника» (стихотворение Высоцкого так же и называется) автор опасался, что после смерти подвергнется «суженью». Но его, напротив, непомерно «расширили», надув водородом возвеличивания и обнеся забором нерассуждающего охранительства. Можно, конечно, перевести стрелки на придуманного Тыняновым «лирического героя». Но корректно ли говорить о лирическом герое применительно к направлению, аттестующему себя как «авторская песня», и к поэту-актеру, писавшему и даже похороненному «в образе»?

Созависимость в России неотделима от создания культа. Культостроительство — выделение из социума той или иной фигуры и наделение ее демоническими или сакральными свойствами — берет начало в русском коллективизме. Современный философ Мирча Элиаде писал, что при встрече с сакральным человек соприкасается с совершенно иным миром, иными переживаниями, которые, в противоположность обычной жизни, наполнены ценностью и смыслом. Поиски смысла, которыми исторически озабочен русский человек, далеко не всегда приводят к истине, особенно когда дело касается искусства. Там действуют другие законы, во многом основанные на подмене или замещении любви. Человек отдает кумиру значительную часть любовного запаса, предназначенного тем, на кого ему часто наплевать. В этом таится сладость кумиротворения и его опасность. Алкоголик или наркоман играют в любой семье и коллективе роль этакого гения места, божка, которому вольно или невольно поклоняются все присутствующие, подстраиваясь под его прихоти и игнорируя собственные интересы и нужды.

«Подменная» любовь, любовь к кумиру, а не к человеку, не основанная на духовной трезвости, на четком разделении беды и терпящего бедствие, не только в фильмах Бергмана способна замкнуть человека в клетке созависимости. Любовь не должна мешать развитию и движению личности и превращаться в мономанию. Выздоровление от созависимости и приведение смещенных масштабов к параметрам, заданным истиной, — дело долгое и нелинейное. Андрей Архангельский ярко выразил противоречия в отношении к Владимиру Высоцкому: *«Мне жаль тех, кто в свое время не был подвер-*

жен его мощи, таланту, напору, — как жаль сегодня тех, кто вовремя не сумел расстаться с его влиянием, чтобы жить самому, своим умом, в новое время»³⁷.

Толстяк Чепмен убил Леннона, подсознательно надеясь преодолеть созависимость: *«Вот был преуспевающий человек, который в каком-то смысле держал мир на цепочке; и был я, даже не звено в этой цепочке, а просто человек без индивидуальности. И что-то во мне сломалось»³⁸.* Способ был выбран, что и говорить, экстремальный, раскольниковский. Но мотив-то ясен. Русская созависимость не менее, а часто более сладострастна и мазохистична, чем зависимость. Нам нравится «цепочка», приковывающая к чужой славе: наша самооценка неизмеримо ниже западной и представляется нам формой смирения и жертвенности, тогда как на самом деле паче всякой гордости. Избавление от «комплекса Чепмена» должно произойти до того, как созреет шальной план убийства.

Пока писалась эта статья, Игорь Растеряев сочинил и запустил в сеть новую песню — «Русская дорога». Это первая, может быть, со времен «Священной войны» духоподъемная, истинно народная песня, созданная по всем канонам массового искусства:

Вытри слезы, отдохни немного.
Я — русская дорога.
Отходи, а я тебя прикрою
грязью да водою...

Уйдет ли творчество Растеряева на обслуживание неизбежной слепой славы или ему — и нам всем — удастся на этот раз не впасть в созависимость, будет видно, причем очень скоро.

Просто нам завещана от Бога
Русская дорога, русская дорога...

³⁷ <http://www.vz.ru/culture/2008/1/25/140146.html>.

³⁸ http://www.beatles.ru/news/news.asp?news_id=2296.

ОПЫТ О СДВИГЕ

Критика ради критики — занятие праздное: о Высоцком написано и будет еще написано достаточно. Мне интересней понять через него особенности нашей толком не изученной страны, которая, при стойком постсоветском иммунитете к маниям и культам, продолжает числить его культовым автором. Он представляет сегодня не только литературный, но и социологический интерес — как одна из немногих консенсусных фигур в российской истории. У нас давно уже нет объединяющих ценностей, а все попытки обнаружить национального героя путем соцопросов выявляют картину столь пугающую, что страна начинает выглядеть безнадежно гиблым местом. Список любимцев современной России включает Сталина, Грозного, Гагарина, Жукова, Невского и — реже — Менделеева, причем ни одна из упомянутых фигур не воспринимается сущностно. Все давно сведены к клише, обусловленным отчасти интенсивностью пропаганды, отчасти катастрофичностью всеобщего оглупления: Сталин взял страну с сохой, а оставил с бомбой, Грозный укреплял государственность и расширял территории, Гагарин летал и улыбался, Жуков есть наш идеал полководца, не шадящего чужих жизней, Невский — сравнительно безобидный (за давностью) синтез Сталина и Жукова, а Менделеев в свободное от водки время изготавливал чемоданы на воздушном шаре, будучи наш родной гениальный чудак. На этом фоне Высоцкий — единственный, кого любят за дело, то есть за то, чем он занимался в действительности: его песни, цитаты, кинороли (от театральных работ почти ничего не сохранилось) остаются в читательском, зрительском и даже радиийном обиходе. Таксисты, поймав Высоцкого на «Шансоне» или «Ностальгии», не переключают. Люди, родившиеся после восьмидесятого, оперируют цитатами из «Утренней гимнастики» или «Что случилось в Африке» так же свободно, как мои ровесники, которые в том самом восьмидесятом, за отсутствием официальных под-

**Дмитрий
БЫКОВ**

— родился в 1967 г. в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Прозаик, поэт, публицист, сценарист, литературный критик, теле- и радиоведущий, колумнист в целом ряде изданий. Автор шести поэтических сборников, семи романов, сборника литературных сказок, пяти публицистических и сатирических книг, двух художественных биографий — Бориса Пастернака и Булата Окуджавы и т. д. Лауреат ряда литературных премий — в том числе «Большая книга», «Национальный бестселлер», Международная премия им. А. и Б. Стругацких. Живет в Москве.

тверждений, не верили в смерть Высоцкого, поскольку слухи о ней возникали ежегодно.

Высоцкого, думаю, любят в России за то, что он представляет нации ее идеальный образ: мы любим не только тех, с кем нам нравится разговаривать или спать, или появляться на людях, — а тех, с кем нравимся себе. Россия любит не столько Высоцкого, — было бы наивно ожидать от массового слушателя/читателя такой продвинутой, — сколько свои черты, воплощенные в нем.

Сразу хочу отметить модную в определенных снобских кругах мысль о том, что Высоцкий дорог стране не как поэт, а как персонаж масскульта. Пуризм при попытках определить, кто поэт, а кто нет, даже не забавен. Высоцкий — безусловный поэт, но в его так до конца и не определенном статусе (который и посмертная канонизация не спасает от некоторой двусмысленности: «бардов» у нас с советских времен пытаются числить по отдельному ведомству) тоже есть нечто глубоко русское, фирменно-национальное. В России есть априорное народное недоверие к профессионалам, к тем, кого официоз поставил лечить, учить или проповедовать, и потому случай Высоцкого глубже, чем простая полуподпольность, полулегальное существование, ореол запретности и т. д. В России почитается междисциплинарность, — будь Высоцкий просто поэтом, как старшие шестидесятники, он не стал бы явлением столь всенародным.

Это любопытный повод задуматься о том, что в России вообще почитается «сдвиг», в том числе профессиональный: прямое соответствие профессии выглядит узостью, специалист подобен флюсу, Россия чтит универсала, умеющего все и выступающего в каждой ипостаси чутью непрофессионально, — но не потому, что персонаж умеет меньше, а потому, напротив, что ему дано больше и к конкретной нише он не сводится. Понятие ниши как таковое вызывает в России традиционное недоверие, — прежде всего, думаю, потому, что любая рамочность в этой стране конституируется начальством, а начальство от народа резко отделено (народу так удобнее, да и оно не возражает). Наибольшим успехом пользуется то, что существует между жанрами, на стыке профессий, в поле, которое не ограничено жестко навязанными установлениями.

В этом смысле Высоцкий — явление идеальное: он и в поэзии существует на стыке литературы и театра, поскольку большинство его песен — в той или иной степени ролевые; он не диссидент (как Галич) и не официоз (как эстрада), не блатной (как Северный) и не интеллигент (как Окуджава, хотя и Окуджава слишком фольклорен для чистого «интеллигента»). В России приветствуется не то чтобы срывание всех и всяческих масок, — это никогда ей особенно не нравилось, разве что Ленину, — но ускользание из всех и всяческих рамок. Именно поэтому Александр Жолковский глубоко прав, усматривая современный извод начальственной цензуры в повсеместном внедрении понятия «формат».

Россия отрицает само понятие форматности и труднее всего поддается форматированию, поскольку наиболее распространенный здесь спо-

соб существования — в щелях, вне привычных ниш, в нерегламентированных и непредсказуемых пространствах. Все лучшее в советском искусстве семидесятых умудрялось существовать на пересечениях, вне классификаций: Стругацкие, чей истинный масштаб сегодня, кажется, очевиден даже злейшему ненавистнику фантастики, проходили по ведомству литературы детской и приключенческой (именно в «Библиотеке приключений» проскользнул в печать «Обитаемый остров», храброватый даже по нынешним временам). Тарковский, — казалось бы, чистый и даже академический архаус, — экспериментировал с жанровым кино: «Сталкера» и отчасти «Жертвоприношение» писали те же Стругацкие, «Солярис» делался по мотивам Лема. Кстати, всенародная слава «Архипелага», действительно прочитанного в самиздате огромной читательской массой при всей сложности текста и его травмирующей сути, объясняется отчасти тем, что и эта вещь написана на стыке жанров и ни к одному узаконенному формату не сводится.

Высоцкий — опыт побега из любых форматирующих определений: не просто «поэт-певец-актер», как стандартно перечисляли в первых разрешенных статьях о нем, но синтез всех этих занятий, ибо ни одно из них в его случае не существует обособленно. Разумеется, это опять-таки не значит, что его тексты многое теряют без музыки: музыка в них и так живет — в параномазии, в жестком и прихотливом ритме, — и голос слышен, ибо текст отчетливо интонирован, наделен множеством по-актерски точных деталей, отсылающих к конкретному рассказчику. Высоцкий — профессионал во всем и не специалист ни в чем, принадлежит всем сразу и никому конкретно и ни в одной из своих ролей не растворяется до конца, — в чем и материализуется еще один, более общий случай «русского лудвига»: в его случае особенно очевиден зазор, воздушная подушка между любой идеологией и ее носителем, любой социальной ролью и ее исполнителем.

Возможно, дело в размерах страны, а может быть, в ее роли: если рассматривать землю как нечто антропоморфное, нам отведена роль спины, неизменной, неподвижной, с позвоночником Уральского хребта посередине; спина должна быть стабильна, — и потому к России, при всех ее бурях, поныне так приложимо все, что говорилось о ней пятьсот, триста и сто лет назад. Чтобы страна оставалась в этом гомеостазисе, в ней не должно быть людей с убеждениями, с твердыми взглядами, — ибо такие взгляды предполагают действие, разрыв с невыносимым положением, а этого-то нам и нельзя в силу нашей всемирно-исторической роли. Могут быть и другие, менее метафизические и более прикладные объяснения, но факт остается фактом: Россия никогда не была в строгом смысле тоталитарна, ибо любая тотальность здесь разрушается «сдвигом», наличием дистанции между людьми и идеями. У нас никто себе не равен. Почвенники ведут себя как классические западники, защитники низов стремительно перенимают манеры верхов, церковные иерархи на поверку оказываются мздоимцами и развратниками, — такое случается везде, но у нас странным образом не вызывает осуждения: это скорее норма. Навязанная русским в качестве истории кро-

вавая пьеса так ужасна, что, если бы роли игрались всерьез, с полным «переживанием», злодейство стало бы повсеместным, всеобщим, непобедимым. Между тем классическая русская фигура — человеческий конвойный, раскаявшийся угнетатель, внезапно подмигивающий грабитель; только благодаря «зазору» и существует в стране все, что является целью и условием существования прочих государств. В России все это незаконно, без разрешения. Одним из первых этот русский закон сформулировал Полетика, а записал Вяземский, хотя приписывается эта фраза и Карамзину: строгость и бесчеловечность законов компенсированы небрежностью исполнения. Ровно на эту тему — несоответствие человека и его социальной роли — говорил я десять лет назад с ныне покойным другом Высоцкого Иваном Дыховичным¹: он считал этот закон фундаментальным для русского искусства. Но прямым его следствием становится и главное условие русской популярности: чтобы текст, или фильм, или любое художественное высказывание были здесь по-настоящему всенародно любимы, в них должна наличествовать ироническая либо стилизаторская дистанция, двойное зрение или, как ни мрачно это звучит, двойная мораль. Это может выглядеть цинизмом (а настоящее искусство часто упрекают именно в цинизме), а может — объемностью, амбивалентностью авторского зрения; главный русский эпический автор — Лев Толстой — потому и остается непревзойденным, что утверждает на письме то самое, что опровергает в теории.

В любой песне Высоцкого, — и особенно ярко эта особенность была заявлена в его дебютных сочинениях, в блатном цикле, который одинаково любим интеллигенцией и собственно блатотой, — ощущается то минимальный, а то и весьма значительный разрыв между исполнителем и героем: исполнитель выражается слишком громко и грамотно для блатного, не говоря уж о том, что шлейф используемых им литературных ассоциаций подозрительно длинен, а количество скрытых цитат дает работу уже пяти поколениям филологов. От аутентичных блатных песен герой Высоцкого отличается прежде всего самоиронией, — у реальных блатных с этим сложно, им подавай надрыв и красоту, — а слияние голосов героя и повествователя тут большая редкость, в отличие, скажем, от случая Зошенко. Высоцкий — весьма аккуратный стилизатор, избегающий вживаться в роль: это заметно уже в «Татуировке», в «Бодайбо», в «Я был душой дурного общества», написанных слишком хорошо для полного сходства с дворовым фольклором. Иную песню Окуджавы можно принять за окопную или народную, но песни Высоцкого — безошибочно авторские, и даже знаменитейший из его монологов «Банька по-белому» никак не тянет на народное творчество.

(Хотя и по манерам, и по образу жизни Высоцкий куда ближе Окуджавы к тому самому народу, — просто у Окуджавы зазор между героем и автором иногда исчезает, как в песне «Ах, война, она не год еще протянет» или

¹ <http://www.vashdosug.ru/cinema/article/5882/>

в романе кавалергарда. Удивительно, что Окуджава выстроил свой миф гораздо убедительней: для большинства слушателей оказалось шоком, что он почти не воевал; образ окопного ветерана, старого солдата сросся с его обликом, а о подлинной своей войне он рассказал только Юрию Росту, во второй половине восьмидесятых. Заметим, что большинство авторских мифологем Окуджавы — арбатское проживание, окопный опыт, кавказский характер — отлично прижились, даром что с реальностью соотносились весьма приблизительно, — тогда как поверить в лагерный либо дальнобойщичий опыт Высоцкого мог только завсегдатай шалмана, где такие истории обычно и рассказывались.)

«Банька», если уж на то пошло, стилизована скорей под Некрасова, под «Меж высоких хлебов», — и то построена гораздо изощренней, почему в строгом смысле и не ушла в фольклор: фольклорно то, что легко примеривается на себя, а у Высоцкого герой всегда обрисован гротескно, ярко, без особенного лиризма. Его монологи приятно произносить вслух — «Беня говорит смачно», — но в них невозможно поместиться с личным опытом: тесно от слов и реалий, ножа не всунешь. И уж конечно, лагерник, — если только он не интеллигент, загремевший по 58-й, — не споет о себе «И хлещу я березовым веничком по наследию мрачных времен».

Проблема, однако, в том, что упомянутый зазор весьма велик не только в стилизаторских, иронических, блатных песнях Высоцкого, а и в тех его лирических монологах, которые он произносил как будто от первого лица. Высоцкий вынужденно переносил стратегию ролевого поведения и на ту сферу, в которой раздвоение (в его случае — и расстройство) личности катастрофически противоположано. Что сделаешь, это особенность дарования, роднящая Высоцкого с его народом, обеспечившая любовь этого самого народа, но и послужившая источником вечного внутреннего разлада. То, что это осознавалось как трагедия, подтверждается гипертрофированным, болезненным вниманием Высоцкого к теме двойничества, — и тут вспоминаются не только иронические сочинения вроде «И вкусы и запросы мои странны», но и вполне серьезные тексты вроде «Мой черный человек в костюме сером». То, что черный человек в русской традиции — двойник, в доказательствах не нуждается (хотя весьма интересно было бы с этой точки зрения осмыслить моцартовского Черного человека: ведь тот, кто заказывает реквием, может быть и пророческой, всезнающей ипостасью души самого художника, хотя в реальности Реквием был заказан графом Вальзегом, обычным графоманом, скупавшим чужие сочинения и выдававшим за свои).

После Есенина, — а к нему Высоцкий типологически, психологически и даже физиологически даже ближе, чем Окуджава к Блоку, — черный человек однозначно выступает как персонализированная темная сторона авторской личности; символично, что своего черного человека Высоцкий написал за год до смерти, как и Есенин — своего. Напомним этот текст — не самый популярный, ибо это стихи, а не песня:

Мой черный человек в костюме сером!
Он был министром, домуправом, офицером,
Как злобный клоун он менял личины
И бил под дых, внезапно, без причины.

И, улыбаясь, мне ломали крылья,
Мой хрип порой похожим был на вой,
И я немел от боли и бессилья
И лишь шептал: «Спасибо, что живой».

Я суеверен был, искал приметы,
Что мол, пройдет, терпи, все ерунда...
Я даже прорывался в кабинеты
И зарекался: «Больше — никогда!»

Вокруг меня кликуши голосили:
«В Париж мотает, словно мы в Тюмень, —
Пора такого выгнать из России!
Давно пора, — видать, начальству лень».

Судачили про дачу и зарплату:
Мол, денег прорва, по ночам кую.
Я все отдам — берите без доплаты
Трехкомнатную камеру мою.

И мне давали добрые советы,
Чуть свысока похлопав по плечу,
Мои друзья — известные поэты:
Не стоит рифмовать «кричу — торчу».

И лопнула во мне терпенья жила, —
И я со смертью перешел на ты,
Она давно возле меня кружила,
Побаивалась только хрипоты.

Я от суда скрываться не намерен:
Коль призовут — отвечу на вопрос.
Я до секунд всю жизнь свою измерил
И худо-бедно, но тащил свой воз.

Но знаю я, что лживо, а что свято, —
Я это понял все-таки давно.
Мой путь один, всего один, ребята, —
Мне выбора, по счастью, не дано.

Это финальное заклинание призвано убедить, по всей видимости, не столько слушателя, сколько самого автора, — но, кажется, Высоцкий сам отлично понимал его декларативность. Проще всего было бы истолковать этот текст как проклятие всякого рода начальству, цензорам и стукачам, но «черный человек» — всегда зеркальное отражение автора, или во всяком случае его темная сторона. Высоцкий осознавал свою советскость, — и, может быть, прав замечательный прозаик Михаил Успенский, заметивший недавно: позднесоветская власть сделала две страшные ошибки, слишком долго считая Галича своим, а Высоцкого — чужим. Высоцкий в самом деле очень советское, в лучшем смысле, явление: ведь советский проект будет памятен не только и не столько бюрократией, репрессиями и запретами, но и установкой на сверхчеловеческое, на преодоление будней, на прорыв в непонятное и небывалое. В Высоцком все это есть, и вдохновлен он героической советской историей, и когда он говорит вместо «советский» — «совейский», это намекает прежде всего на «свойский».

Советское для Высоцкого так же органично, как для России в целом, и так же лично им освоено, и так же в нем неискоренимо — эту двойственность своего пути и авторского облика он ощущал постоянно, и это, в общем, почти универсальная советская ситуация: мы мало сейчас думаем и пишем о семидесятых, они выше и сложнее нашего понимания, а между тем отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, как каждый крупный и значимый автор позднесоветских времен решал для себя проблему сосуществования с официозом. Для кого-то, — как, скажем, для Евтушенко, — такая проблема была не столько трагедией, сколько вызовом и даже источником вдохновения: он в молодости заявил о себе — не без кокетства, но и не без героизма, бросающего перчатку советскому культу монолитов: «Я разный, я всклокоченный, я праздный...». (Это дало повод А. Иванову, подчас весьма ядовитому, заметить: «Сей популярнейший герой, отнюдь не начинающий, настолько разный, что порой взаимоисключающий», — что ж, и это интересно, и поэт, вытащивший это состояние души на уровень творческого осмысления, заслуживает благодарности: до него так не писали.) Для многих, — скажем, для Юнны Мориц, — все советское с начала семидесятых табуировано, это даже не эскапизм, а прямой бунт — в форме, к счастью, столь эстетически-продвинутой, что понимали только те, к кому автор прямо адресовался, а черным человекам в костюмах было не подкопаться, и они довольствовались гадостями по мелочам. Высоцкий был сложнее, публичней, народней, различней, советскую историю осознавал как свою, снобского аристократизма чуждался, — и потому собственная раздвоенность приводила его сначала к затяжным депрессиям, а затем, страшно сказать, и к творческому параличу.

Проблема Высоцкого в том, что в лирике — и гражданской, и даже любовной, — он становится подчас риторичен, многословен, куда только дается виртуозность обращения со словом, начинают звучать какие-то прямо советские обертоны, — в общем, если в сказке, притче, сатире, ролевом

монологе он легко выдерживает соревнование со статусными поэтами-современниками и многих из них кладет на лопатки, то в собственно лирическом монологе почти всегда проигрывает самому себе. И тогда, — с рефлексией у него все обстояло блестяще, — приходится «со смертью перейти на ты», то есть привлечь к литературе внелитературные обстоятельства. Елена Иваницкая когда-то написала в замечательной статье «Первый ученик»: Высоцкий форсирует голос и начинает играть со смертью там, где ощущает недостаточность своих литературных возможностей, — и недостаточность эта, добавим, обусловлена не масштабом таланта, а тем самым «сознанием своей правоты», которое Мандельштам называл не переменным условием поэзии, источником ее существования. Когда Высоцкий смеется или фантазирует, у него это сознание есть, но стоит ему заговорить от первого лица, — оно куда-то девается, задавленное двусмысленностью его собственного статуса, неопределенностью отношения к советской современности, непониманием будущего. (Вот почему, скажем, «Я не люблю» — такие плохие стихи, несмотря на отличные точечные попадания вроде «Я не люблю любое время года, в которое болею или пью». Характерна и вариативность двух ключевых строк: «И мне не жаль распятого Христа» — «Вот только жаль распятого Христа». Плохо не то, что эти строчки противоположны по смыслу. Плохо, что они взаимозаменяемы — и стихотворение не станет ни лучше, ни хуже от этой замены; это относится, увы, и к русскому христианству в целом, — говорю не о высоких личных образцах, а о массовом его восприятии, о равной готовности счесть христианским актом проявление милосердия или зверства, красную революцию или белую контрреволюцию.) Высоцкий с его темпераментом никак не создан для безвременья, — и трудно сомневаться, что после 1985 года ему стало бы не легче, ибо наружу вырвались не творческие и свободололюбивые силы, а усталость, упрощение, энергия распада. Если ему неуютно было в семидесятых, можно представить, как оно стало бы в девяностых, в которых диктат тупости и фальши был ничуть не слабей, а противопоставить ему было уже нечего.

Высоцкий чрезвычайно силен — и литературно, и музыкально, — там, где входит в роль, но там, где вынужден говорить от собственного лица, напоминает Эдмунда Кина из классического анекдота: он творит чудеса в постели, являясь к поклоннице в ролях Отелло или Калибана, но оказывается импотентом, придя к ней под собственным именем. Это не только личная драма Высоцкого, но, боюсь, спасительное условие существования самого российского социума, где любой с готовностью — и талантом! — примеряет на себя любую роль, одинаково легко оказываясь и палачом, и борцом, и сатрапом, и обывателем, и соратником Собчака, и оплотом новой тирании, но внутри у такого артиста — гниль и пустота, а вся его идентичность — набор масок. Россия гениально вылезает из любых ситуаций благодаря своему «сдвигу», зазору, отсутствию надежных самоотождествлений, — но эта тактика, идеальная для побегов, оказывается гибельной для развития. Вот почему творчество Высоцкого развивалось так недолго, а в последние годы,

после примерно десятилетнего ровного плато, отчетливо угасало; вот почему и Россия вот уже седьмой век крутится в плену самоповтора. Для развития нужен субъект, а для субъективации надо определиться; всякая же предельность, форматность и трезвость русскому сознанию сугубо чужды. Вот почему нашим национальным — и лирическим — героем оказывается, как правило, человек, который не заглядывает в себя, а заглянув, — видит там пустоту, бездну, отсутствие всяких основ. Высоцкий пил, разумеется, не ради самоподзавода, а ради обретения той самой цельности: ведь водка, в сущности, только затыкает один из внутренних голосов, а другому позволяет зазвучать в полную силу; это наилучший способ упроститься, ввести себя «в состояние силы», как иронически формулирует Борис Гребенщиков, но эта сила покупается ценой значительного обеднения. Для того, чтобы заглушить рефлексию, требуются все более сильные средства — экстремальные жесты, рискованные поступки, радикальные стратегии самоуничтожения, и потому русский национальный герой, будь он поэт или воин, редко живет долго.

Все сказанное наводит на довольно парадоксальный рецепт, — но только ради рецепта я и обратился сегодня к фигуре Высоцкого, не входящей в круг моих филологических интересов, но прочно остающейся в моем плей-листе: коль скоро русский сдвиг так спасителен, а ролевое несовпадение, становясь источником кризисов, порождает также и прекрасные тексты, стоит отказаться от надежд на подлинность, — Россия способна достичь наибольших успехов «не в своем качестве». Пресловутые поиски национальной идеи суть не что иное, как поиски комфортной и лестной роли, той самоидентификации, которая заставила бы нас, как Высоцкого, сочинять великие песни от имени Арапа Петра Великого или корабля на мели, но никак не от собственного лица.

Национальная идея — маска, в которой приятней всего что-нибудь делать, — нужна нациям, у которых нет национальной идентичности и морального консенсуса. Так Елизавета Васильева писала превосходные стихи от имени католической монахини или китайского странника, но почти ничего хорошего не могла написать от имени Елизаветы Васильевой. Так Россия — сельская, в сущности, и вызывающе нищая страна — смогла добиться в XX веке величайших прорывов, вообразив себя передовой космической сверхдержавой. Осталось придумать роль, в которой мы понравимся себе, — и нам обеспечен высочайший творческий взлет.

Написав все это, я, однако, призадумался, поскольку, в лучших традициях упомянутой амбивалентности, заметно противоречу себе. Любимейшая моя песня Высоцкого — та самая, которую и он многократно называл не только любимой, но и лучшей: это песенная поэма «Баллада о детстве» («Час зачатъ я помню неточно...»), отличающаяся как раз почти невероятной виртуозностью в сочетании с безоговорочной искренностью. И написана она сравнительно поздно — в 1975 году, и поется явно от собственного лица, поскольку все детали фотографически точны, и каждый легко при-

кидывает их на себя, хотя это все только и лично «высоцкое», начиная с погон, взятых у отца, и кончая перечнем коммунальных соседей. Здесь как-то достигнут синтез общего и личного, советского и свойского, ролевого и исповедального, и здесь слышен настоящий голос Высоцкого — без приблатненной скороговорки и романтической хрипоты; и таких шедевров у Высоцкого ведь немало. Это касается и «Нейтральной полосы», и «Баллады о борьбе», и «Райских яблок», и «Песни про старый дом на Новом Арбате», — иными словами, общепризнанных и бесспорных шедевров. То есть, значит, можно? И достигает Высоцкий этого уровня там, где поднимается над всеми принятыми самоидентификациями, перестает выбирать из предложенного списка личин и конструирует свою собственную, рукотворную, но безошибочно органичную. То есть где он перестает быть Владимиром Высоцким и прыгает на следующую ступеньку, демонстрируя тем самым наиболее актуальный русский выбор: здесь действительно нельзя быть самим собой. Можно либо играть, меняя маски, либо стать «собой плюс», то есть той следующей эволюционной ступенью, тем сверхчеловеком, по которому страстно истосковалась вся русская действительность. Быть просто человеком здесь недостаточно. О том, каковы условия этого прыжка, Высоцкий не рассказал ничего, — ясно, что сверхчеловека не отковывают ни опасности, ни прессинг, ни религия и уж тем более не алкоголь. По косвенным признакам можно судить, что серьезным шагом к такому превращению является внезапное — или, напротив, культивируемое — отвращение ко всему прежнему, да и ко всему окружающему; оно зафиксировано у Высоцкого во многих сочинениях, но особенно отчетливо — в песне «Случай в ресторане», той, где «Не надо подходить к чужим столам и отзываться, если окликают».

Судя по сегодняшнему почти тотальному отвращению, охватившему нас, мы как никогда близки к тому превращению, которое сделало из Высоцкого, пусть в немногих и не самых знаменитых образцах, национального гения. И жаль будет, если это благородное и плодотворное отвращение опять разрешится похмельной шуткой: «Хорошо, что вдова все смогла пережить, пожалела меня и взяла к себе жить».

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Третий квартал 2010 года

**А. «Дружба народов», «Знамя», «Москва»,
«Наш современник», «Новый мир», «Октябрь»**

Один из лучших романов года — **«Письмовник»** Михаила Шишкина («Знамя», № 7, 8). История хронологически размытая, завязывающаяся вроде бы в самом начале XX века, но очень быстро теряющая четкость временной привязки и явно приближающаяся к нашим дням. По форме — **роман в письмах**. Благоухающие красотой и свежестью чувств эпистолярны, спровоцированные разлукой любящих. Юный герой Володя уходит служить в армию и каким-то образом вдруг отправляется на старую полузабытую войну, в Китай (в деталях тщательно реконструированы отдельные перипетии т. н. боксерской войны — восстания ихэтуаней — 1900 — 1901 годов). Он вспоминает о блаженстве встреч дачным летом, мечтает о том, что жизнь снова соединит его с возлюбленной, и это единственное, что дает ему силы жить в кровавой каше. Героиня, Саша, его сначала ждет, а потом уже вроде бы не ждет. Тем более, что письма отправляются в пустоту: адресаты их не получают. Пока герой страдает от разлуки и военного абсурда, его возлюбленная поддается течению обстоятельств и выходит замуж. Герой, кажется, гибнет. Что же до героини, — она то ли еще та, то ли уже другая, и отец ее то дирижер, то полярный летчик. От счастливых эфемерид и прекрасных мнимостей юношеской влюбленности автор почти сразу переходит к суровым темам одиночества, старости и смерти, а психологическое и бытовое повествование мигрирует в сторону гротеска и экзистенциальной истерики. Саша десятилетиями тащит бремя жизни — неудачное замужество, тоскливые будни, смерть падчерицы, нелады с родителями, их болезни и умирание... Нелепое, беспощадное, одинокое и бессмысленное существование. Так живут все. Человек, — причем всякий человек, — у Шишкина достоин только жалости; сотканный из миражей и тщеты, человек обречен на страдание и смерть, и больше писателю нечего к этому добавить. Некоторые критики почему-то решили, что Шишкин нашел в романе смысл смерти. Вроде как ее (и все прочее) нужно просто принять в качестве данности, на манер Эпикура. Наверное, умом прозаик к этому и стремится. Но гораздо очевиднее его повествование отмечено стигматом неизлечимой раны, которую писатель тщетно пытается заговорить словами, утравивать потоком своего баснословно щедрого красноречия. Все же количество человеческих страдания и боли здесь явно перевешивает попытки как-то сгладить все это эстетически. Вопрос остается открытым, травма агностика разверста в пустоту для него вечность.

В некотором роде антипод Шишкину **Дмитрий Данилов**, в том числе в своем тексте **«Горизонтальное положение»** («Новый мир», № 9; журнальный вариант), который тоже назван **романом**. Шишкин играет словами, Данилов вроде бы не выбирает их, механически, равнодушно фиксируя поток жизни, несущий его героев из ниоткуда в никуда, и называя все, что попадает на глаза и под руку. Как говорится, песня акына. *Безымянный проезд от улицы Дмитриевского до Святоозерской улицы. Тротуар покрыт сплошным, хоть и тонким, слоем льда. Продвижение по обледенелому тротуару безымянного проезда. Быстро идти не получается. Очень скользко и неудобно. А что делать. Надо бы идти побыстрее, автобус 726 отправляется от остановки «Святоозерская улица» в 14.11. Надо бы не опоздать. Продвижение по обледенелому тротуару Святоозерской улицы. Тоже скользко. Попытки спешить, не очень удачные. Остановка «Святоозерская улица». Автобус должен прийти через три минуты. Ожидание автобуса. На скамеечке внутри остановочной будки сидит краснолицый дядька, экипированный для подледной рыбалки. Прибытие автобуса, посадка в автобус. Автобус МАЗ, новый, комфортабельный. Место у окна, хороший обзор. Петляние автобуса по улочкам города Люберцы. Улица 8 Марта, улица Льва Толстого, улица Попова. Вид улочек уныл. Серые кирпичные дома высотой от трех до пяти этажей. На улицах грязь, слякоть. На серых кирпичных домах тут и там висят вызывающе яркие вывески. Супермаркет. Салон связи. Стройматериалы. Наполнение автобуса пассажирами. Преобладают люди старшего и пожилого возраста...* Так начинается роман. Примерно так же и продолжается. На сей раз это повествование о себе, литераторе Данилове. Год жизни. Нью-Йорк, Москва, всякая российская глухомань... И заявленное в заглавии *горизонтальное положение* — как финал ежедневной житейской мути. Некоторым кажется, что смысл при этом как-то рождается сам собой. Пишут даже такое: *Роман Дмитрия Данилова — одна из самых долгожданных книг, срез эпохи, портрет поколения, близкое эхо русской классики*. Мне же продолжает казаться, что это ленивые заготовки душевного тунеядца, откуда куча банальностей типа: *Выхино — мрачное, отвертительное место*. В общем, если вы хотите видеть паралич творческой воли, читайте Данилова! Или даже можете вчитать туда социальные и экзистенциальные мотивации изображенной жизненной расслабухи.

Впрочем, в объеме небольшого **рассказа** такой минимализм иногда вполне убедителен. Скажем, в миниатюрах **Анатолия Гаврилова** («**Уже пишу**»: «Знамя», № 8). Хотя и здесь, на мой вкус, форма слишком давит на содержание.

«Дружба народов» в трех номерах (№ 7 — 9) представила **роман** алмаатинца **Николая Веревошкина** «**Зуб мамонта. Летопись мертвого города**». Это история целинного городка Степноморска, от его появления в 60-е — 70-е годы и до упадка в 90-х. Город этот мифологизирован автором как место рая, даже *центр рая*, где есть все для счастья: от музыкальной школы до театра, авиации и рыбалки с грибами-ягодами. Потому и люди здесь живут, достигшие практического совершенства: сильные, энергичные, умные, добрые.

Это была морозоустойчивая, головастая, выведенная в рискованной зоне породе целинных интеллигентов с телами атлетов и мозолистыми лапами пахарей, представители которой не только профессионально исполняли свои обязанности, что-то изобретали и сочиняли по ночам, но могли правильно забить гвоздь, накосить сено, а между делом занять первое место на районных соревнованиях по десятиборью. В основном это были молодые учителя. Один из таких Виктор Мамонтов — прекрасный учитель-физик, лучший комбайнер, рыбак и спортсмен, велосипедист и байдарочник, гитарист и певец, сочиняющий песни под псевдонимом Морковкин. Словом, он тот самый все-сторонне и гармонически развитый человек, скорое появление которого, мало в это веря, предрекали в те годы ученые-обществоведы. Виктор любит жонглировать мячом, скользить на лыжах, писать маслом космические пейзажи, конструировать велосоциаль, плести кресло-качалку, просто смотреть в телескоп на ночное небо. Все сбереженья он тратит на постройку парусника, вовлекая в этот процесс степноморцев... Вот так они жили. Новая эпоха снесла этот мирострой и заменила его хаосом. И вот нет ни света, ни тепла, дома ветшают, завод не работает, плотина дает трещины, дворец культуры и библиотека в запустенье... Без работы люди спиваются, наркоманят, опускаются. И Мамонтов, и прочие ездят на заработки в Россию. Гастарбайтерствуют. Легендарный первостроитель города прораб Павел Козлов теперь живет за счет того, что хоронит умирающих, и работы у него много. Кто виноват, и что делать? Думает на нетрезвом досуге Козлов, что и он сам виноват и как-то не так все начиналось, если столь печально кончается. С Козлова, однако, спрос не велик, — роману же, мне показалось, не хватает авторского осмысления происходящего, при том что талантливый выдумщик Веревошкин, как я понимаю, давно в теме: в 2003 году была издана его книга с тем же названием. Вспоминаю, как это было сделано Романом Солнцевым лет пять назад в практически не замеченном у нас его предсмертном романе «Золотое дно», где автор подводил итоги советской романтике Сибири 60-х — 70-х годов. Все эти сибирские и целинные проекты рая отличали чудовищная инфантильность и утопическая примитивность... Затопили деревню и снесли церковь при основании города, потревожили кости мамонта... В этом, что ли, грех основателей города? Почему, наделенные столькими добродетелями, не умеют они адекватно ответить на вызов исторических обстоятельств? Почему предпочитают бежать в более благополучные места? И Солнцев, и Веревошкин изобразили крах цивилизации без духовных корней, но магия советского рая как-то слишком увлажняет Веревошкину глаза, не позволяя трезво и ясно видеть причины и следствия.

Александр Проханов в романе «**Стеклодуб**» («Наш современник», № 8) представил типичного для своей прозы героя. Это безупречный и героический подполковник Суздальцев. Идеальная советская гайка великой спайки. В Афганистане Суздальцев верно и честно служит той стране, которая послала его воевать. Сначала невольно участвует в пытках пленных афганцев, потом сам попадает в плен, и пытаются уже его. Афганцев убивают, Суздальцев

выжил. И даже стал генералом. А страны не стало. И Суздальцев ослеп. Но на все, так сказать, воля Бога, которого Проханов на восточный манер величает метафорически Стеклодувом и представляет так: *Стеклодув был не благ, не человеколюбец, он был испытатель, исследователь. Ставил над Суздальцевым опыт, как ставят эксперимент над мышью. И бесполезно его умолять, бесполезно звать на помощь...* Финал мрачноват, как часто у Проханова. Про Суздальцева сказано так: *Жизнь его была прожита. Родина, которой служил, исчезла. Новые люди, казавшиеся ему мелкими и ничтожными, управляли страной. Морочили головы, говорили без умолку, бессмысленные и тщеславные...* (Заметим в скобках, что и сам писатель чуть не каждый день вещает нам ныне подолгу с телеэкрана и в радиоэфире.) Патетическая беллетристика.

В романе Николая Климонтовича «Спич» («Октябрь», № 8) московский эстет, театровед, киноман, человек вполне себе оранжерейный, как он сам себя рекомендовал, виньетка на полях культуры Евгений Евгеньевич оказался вдруг сдан внаем опасному восточному нуворишу-миллионеру Равилу Ибрагимову. Заключение привилегированным арестантом в комфортную золотую клетку, герой обитает в роскошном отеле в варварских татарских краях. В общем, интеллеktуал и гедонист с нетривиальными эротическими пристрастиями в гостях у хищного человека дела. Климонтовичем сообщаются биографии того и другого. Один как будто эллин, а другой — как словно римлянин. И вот теперь, сидя под арестом в роскошной гостинице посреди дикой скифской степи, Евгений Евгеньевич вспоминал молодое божоле в ноябре, когда на парижских бульварах уже начинают жарить каштаны и где однажды осенью за столиком уличного кафе под жаркой газовой жаровней одна пожилая англичанка приняла его и Ипполита за итальянцев; и фрески в капелле церкви Санта-Мария дель Кармине во Флоренции, на которые Ипполит молился; и горячий глинтвейн на улице рождественской Вены; и засыпанный разноцветным мусором бульжжик площади Сан-Марко с неотомимыми закопченными маврами над головой, неотомимо отбивавшими часы нашей земной жизни... Герой мается от безделья и, наконец, получает заказ написать спич, — как выясняется, похоронный: Ибрагимов заказал себе нечто вроде реквиема. Тут прошибает Евгения Евгеньевича страх: не собираются ли и его похоронить вместе с Ибрагимовым, как поступали в языческие времена с челядью?.. Затеяливая беллетристика.

В «Октябре» (№ 7) — начало нового романа Вацлава Михальского «Река времен. Ave Maria». Точнее, это все та же, давно известная читателю перманентная сага в исполнении автора. Новая часть сериала, продолжение непостижимо огромной эпопеи про разлученных злыми обстоятельствами сестер, графинь Мерзловских, которые являют миру красоту своих душ. После войны живущая в СССР Александра замужем за адмиралом Ванечкой, а любит вроде бы другого, ну а Мария в свой черед путешествует по Франции с любимым человеком, бодро филантропствует, а также нервически реагирует на испытанья, стоя у окна своего особняка с видом на мост Александра III. На сей раз Михальский заводит интригу вокруг беременности сестер, хотя беременность Марии оказывается ложной. В первый день они, ко-

нечно же, съели вкуснейшего ягненка на вертеле и изрядно выпили очень хорошего и вполне недорогого красного вина. А весь второй день приходили в себя после столь обильной трапезы. До трех часов дня провалялись в постели, похожей на маленькое футбольное поле, потом приняли ванну. В их распоряжении были две ваннных комнаты, облицованные розовым и голубоватым мрамором соответственно. — Так, мальчики — в голубую, девочки — в розовую! — дурашливо распорядилась Мария. — А потом гулять! А то города так и не увидим, проспим все на свете! Суровый критик Анкудинов говорит про домохозяек и про скудно-выморочную стилистику михальской прозы, стерильную, словно автоклав. Ну и я даже не знаю, чем ему возразить, а ведь нужно. Или нет?.. Впрочем, меня у Михальского радуют чистота акцентов и вкус к деталям. Скажем, появляется некий дядя Вася, старичок, что иногда, встретившись один на один с дворничихой Нюрой, хитро подмигивал ей и говорил отчетливым шепотом: «Эх, хороша советская власть, да больно долго тянется». Вот так и проза Михальского. Думаю, много еще мы узнаем нового про симпатичных, неугомонных графинюшек.

Роман Михаила Попова «Вивальди» («Москва», № 6, 7) — квазимистическое попури. Рассказчик по фамилии Печорин становится свидетелем и участником разных необъяснимых происшествий уголовно-окултного свойства. В какой-то момент он начинает замечать, что люди, от которых этого никак не ждешь, принялись совершать благородные поступки. Не иначе, как конец света близко. *Люди все в большем и большем числе обуреваемы демоном справедливости. А не есть ли именно изменение человеческой природы верный признак наступающего апокалипсиса? И что станет с нашей жизнью, если таких «справедливых» станет очень много?* Таковского рода мысли заводят героя в психушку. Впрочем, все не страшно, а временами и весело. Что касается Вивальди, то речь тут о призраке, похожем на композитора, чья внешность, скажем прямо, среднему читателю не очень-то памятна. Но у Попова именно призрак Вивальди, а не какой-нибудь пошлый расstreпа Бетховен, нападает в переходах метро на уличных музыкантов.

Илья Бояшов в повести «Каменная баба» («Октябрь», № 7) изобразил современную амазонку, Машку Угарову (она же «каменная баба»). Вышедшая с самого дна общества, она делает невероятную карьеру, становясь хозяйкой в московских постелях, на биржах и в банках, на светских раутах и в богемных застольях. От обшарпанной общаги лимитчиц до хором в высотке на Котельнической набережной. От безвестных грубых ухажеров до богатейших мачо столицы, чью голову сносит при одном звуке ее имени. От нищеты до роскоши. От безвестности до звезды шоу-бизнеса. А потом вдруг Угарова начала деревенеть, обратилась в мегадрево и была уничтожена, распилена лазерными пилами... Гротескная феерия, то ли притча, то ли сатира, то ли памфлет. Угарова у Бояшова — это, что ли, сама «наша Раша», нынешняя беспутная, азартная, вольная и бессмысленная страна. Ну и отчасти — гиперболический портрет Аллы Пугачевой, как намекает сам автор. Увлекательное чтение.

Нечто притчеобразное сотворил и Михаил Жутиков в «Москве» (№ 8). Перед нами записки мореплавателя. В повести «Остров Абсурдия» терпит крушение корабль и шестеро моряков разных национальностей попадают на остров Абсурдия, откуда никак не выбраться. Остров непростой — это как бы метафора (или аллегория) российской (или даже еще советской) жизни. Основной объем повести составляет описание нравов и обычаев обитателей острова. Абсурды — народ редкой доброты и веселости. Их доверчивость и простота безграничны — изумляет легкость, с которой их можно верить в чем угодно. Примеров просто не счесть. Эти славные люди не видели других островов и равнодушны к их существованию, зато тем убежденнее они гордятся своим — до того, что нередко со страстью (иные до содрогания!) бранят остальные. За труд по найму они получают окрашенные синей краской листья пальмы ХО (не столь редкой, сколь охраняемой) — и нужно видеть, как они радуются их получению! <...> Но еще более они бывают рады отдать их кому бы то ни было, обменять бог знает на что, потерять и, наконец, возможности вовсе бесплатного труда. В этом последнем случае бывает удивительно их ликование!.. Выглядит это до крайности старомодно. Сейчас так не пишут.

Кажется, неспроста представлены и восточные нравы султаната в повести петербуржца Юрия Юма «Странник» («Москва», № 9). ...Казна опустела враз. Подати собирали исправно, но далее деньги пропадали бесследно. Поначалу увеличили стражу. Не помогло. Тогда создали специальное ведомство по контролю за сохранением казны. Деньги стали пропадать еще быстрее. Создали еще одно министерство и назначили чрезвычайного визиря по борьбе с коррупцией, взяточничеством и казнокрадством. Истратили на это последние деньги. Чрезвычайный визирь вскрыл массу нарушений. Еще больше совершил сам. Деньги из казны пропадать не стали. Они перестали поступать туда, так как разворовывались еще раньше. Автор не без успеха подражает восточной витиеватой литературной речи.

Рассчитана на социальный резонанс дневниковая повесть «Исход» автора, скрывшегося под псевдонимом Dj Stalingrad («Знамя», № 9). Характерно уже, что ее предваряет несколькими словами главный редактор журнала Сергей Чупринин: Мои дети — не такие. И дети моих друзей, их однокашники, сослуживцы, приятели — тоже не такие. Герои, сюжетные повороты, реалии предлагаемого к обсуждению текста у благонамеренного читателя могут вызвать оторопь: неужели все это есть в современной России? Кое-кто, возможно, даже почувствует себя оскорбленным тем, как грязно и агрессивно эти молодые люди разговаривают друг с другом и с миром, как устраивают свою жизнь, власть каких моральных норм признают над собою. Они — принципиальные и убежденные маргиналы. Как маргинальна и сама повесть «Исход», подписанная условным именем и имеющая, сколько нам известно, хождение в Интернете, в слое радикальной молодежной субкультуры. Перед нами, по сути, самиздат, свидетельство о том, чего, по правде говоря, и знать-то не хочется, но знать все-таки необходимо. Потому что без этих голосов, без этих жизней наше представление о стране и народе будет тоже заведомо не-

полным. Откуда они? И куда идут? Достоверен ли образ мира, возникающий в повести и в сознании ее героев? И как по отношению к этой части нашего молодого поколения должно вести себя общество? Попробуем разобраться вместе. Автор текста был связан с субкультурой антифа (красных скинов), о трудных буднях и суровых праздниках которой он повествует с сильным энергетическим посылом. Главные враги антифа — неофашисты, с которыми они и сходятся регулярно врукопашную. Иногда насмерть. Герой идеалистичен, нервен, умен, благороден. Хочется ему сочувствовать. Тем более, что он сам вроде как понимает исчерпанность, инфантильность того способа активности, которую практиковал со своими товарищами. Исход — это уход от той борьбы, которую он вел, из России вообще. В сферу религиозных исканий. *Полезным и познавательным текстом* назвал повесть литератор Алексей Цветков, пребывающий в теме. Мне тоже кажется, что текст этот неплох, да и полезен. И для того, чтобы наше ленивое и апатичное общество познакомилось со своей бунтарской периферией. И для юных бунтарей — на раздумье о целях и средствах борьбы за идеал. В номере «Исход» обсуждают социологи, литераторы и психологи.

В повести Афанасия Мамедова «Умента была собака» («Дружба народов», № 9) немолодой бакинский милиционер Гюль-Бала при всей своей опытности и прожженности не может внутренне вместить в себя антиармянский погром. Да и переселяется он в квартиру, принадлежавшую армянам. Философствует на свой манер, мается. Лишь подружившись с оставленной прежними хозяевами в момент бегства собакой, он как-то успокаивается... Фон — объемная панорама пестрой восточной жизни, сдвинутой куда-то в хаос. Неплохая проза.

В повести самого, наверное, крупного современного киргизского прозаика Казата Акматова «Забывтая застава, или Тринадцать шагов Эрика Клаус» («Дружба народов», № 7; журнальный вариант) юная героиня-идеалистка Эрика Краус, волонтерша из Норвегии, едет на край света, в приграничный киргизский поселок Чет, учить детей английскому языку. Не все так просто в этом Чете. Всем здесь распоряжается начальник заставы полковник Бронза, прозванный местными киргизами «Каганом» — правителем. В общем, Чет у Акматова — это что-то вроде киргизского варианта станицы Кушевской. Мир беспредела. Социальная драма с любовными акцентами.

Повесть Александра Трапезникова «Игуменка (Парамонов и Параманов)» («Москва», № 8) — задушевное повествование о двух друзьях-приятелях с похожими фамилиями. Один ищет клад, другой ищет следы своего прадеда. Оба успешно. Ну и рассуждают о всяком-разном. Может ли собака попасть в рай, или о двух видах шахмат — русско-арийских наступательных и талмудических оборонительных: и тут евреи нагадили. Как не посочувствовать травмированному герою — вон каким соловьем разливается: *Так что, скажу больше, есть два пути в жизни у творческого человека. И не важно тут, какой он крови и почвы. Один — бездонная вялость, иезуитское лицемерие и мартышкино подражание, связанные с ложью и животными удовольствия-*

ми. Другой — тяжелые усилия совести и умное делание, сопряженные в основном с нуждой, гонениями и обильной болью. Но это человеческий путь, верный, ведущий к спасению души. Иные же спастись могут только самоуничтожившись, поскольку на них легло проклятие Агасфера. А спасение Агасфера только одно — в его же и гибели. Заполняя пространство повести болтовней героев, Трапезников иной раз выглядит эпигоном Пьещуха, у которого такие вещи получаются куда умелей и остроумней. Но здесь я ничего плохого не вижу. Мало в нашей словесности героев, желающих хоть как-то рассуждать на высокие темы, пусть и с привкусом жидоедства, столь свойственным философам охотнорядского пошиба. Пусть уж.

Противоречивые впечатления оставляет и **повесть** прозаика из США **Игоря Вишневецкого «Ленинград»** («Новый мир», № 9). Проза о блокаде; попытка современного взгляда на нее, как говорит сам автор. Проза мешается с верлибром, документ с выдумкой. Главный герой — композитор Глеб Альфани, которого именно в ответственные блокадные дни осеняет вдохновение, и рядом с трупным ужасом дворов и улиц он чувствует себя гением и счастливецом. У него есть подруга, изменяющая с ним мужу-офицеру. Возможно, в знак возмездия ее съедят людоеды возле Таврического сада. Аристократу-лингвисту Федору Четвертинскому является черт в образе офицера одновременно НКВД и Гестапо, вербует... Питерским критикам повесть резко не понравилась. Вадим Левенталь заметил, что блокадная тема выбрана ради эффекта, *чтобы было модно и красиво. Чтобы потом анализировать дискурсы и стратегии.* В этой повести отовсюду торчит *«роза сочинителя»*; *в каждой строчке — посмотрите на меня! А еще я вот так могу! А еще вот так!* Однако, пишет критик, для *самопрезентации и демонстрации своих возможностей* лучше выбрать другую тему. Виктор Топоров высказывается не менее резко: *к Ленинграду — и тем более к блокаде — эта литературно-музыкальная кадриль на костях никакого отношения не имеет.* Мне же кажется, что в обоих суждениях суть схвачена по касательной. Вишневецкий решил написать за Андреем Белым, за его «Петербургом», нечто в том же духе — о городе спустя эпоху. И, кстати, не скрывает этого преемства. Он ищет оккультно-мистический смысл блокады. Но вот сама символическая мистика и визионерство в формате Андрея Белого выглядят и сегодня, и во времена Великой Отечественной жутким анахронизмом. Да и тот смысловой мистико-эротический накал, который открывает для себя Вишневецкий в фактах блокады, не до конца убедителен. Но говорить об этом, наверное, нужно. И искать средства выражения того, что Левенталь считает невыразимым, тоже.

А вот у прозаика-дебютантки **Анны Немзер** в повести **«Плен»** («Знамя», № 7) поиска, чреватого риском, нет. *Сначала я думала написать цикл «Старики» — компилируя воспоминания моих бабушек, дедушек и их друзей. Но потом стало ясно, что так не получится. Сюжет разросся и ушел от реальных событий. Характеры сменились, герои появились новые; практически ни одной истории из воспоминаний не осталось — уж точно ни одной не осталось в не-*

измененном виде. Картинка рушилась, оставалась только атмосфера. Старик оказался ни при чем... Вещь явственно распадается на части и выглядит каким-то бродячим хаосом, при том, что рассказывать истории Немзер вроде бы умеет. Вероятно, не удалось свести воедино тот материал жизни, который был связан с воспоминаниями родственников и знакомых о перипетиях ушедшего века.

Ирина Мамаева в рассказе «**Бутыль**» («Дружба народов», № 9) изображает встречу братанов, Толяна и Коляна. Разошлись их пути, один кукует в деревне, другой преуспел в городе. А вот повстречались — и ищут бутыль самогона, закопанную много лет назад под каким-то деревом на берегу речки. Очень уж выпить хочется. То есть добавить. Уйму земли перекопали. Но — не нашлась бутыль. Однако не в этом дело. Просто молодость прошла, просто хочется чего-то повторить или заново прожить... Связать разорванные нити. Веселая и грустная история.

У **Елены Одиноквой** в рассказе «**Жених**» («Дружба народов», № 8) рассказчик — богемно-люмпенизированный питерский парень, который знает с приезжими таджиками, покуривает анашу, то помогает им, то ругается... *Единственная заслуга таджиков — в том, что они дешевле азеров. Они дешевле всех и не пьют. На самом деле, конечно, пьют, но стыдливо, по ночам, когда Аллах спит. Или под крышей, когда Аллаху не видно. И эти дешевки думают, что тоже могут вставить русским. Хрена те! Они помогают любому русскому ваньке чувствовать себя хозяином большой страны. Даже русские бомжи считают, что они круче таджиков. Даже русские блюда знают, что у таджиков маленький хер.* Но слова, сказанные напрямик, у Одиноквой редко выражают суть. Берешься пересказывать — и теряется главное: зыбкая, плавающая тональность, чередование презрения и сочувствия в отношении героя к своим восточным знакомым, трешинка одиночества и фатализма...

Моше Шанин в рассказе-айсберге «**Мои семнадцать**» («Дружба народов», № 8) дает серию набросков исповедального, как можно понять, характера. С долей снисходительной грусти автор повествует о некоторых центральных событиях детско-подросткового этапа своей жизни. *Дворовые пацаны, мы дружили истово, люто и яростно. Полутона в нашей палитре не держались. Мы знали белое, мы знали черное, мы знали, кто чего стоит, мы знали — что почем.* Но не все так однозначно.

У **Евгения Алехина** в рассказе «**Первый покойник**» («Знамя», № 7) уличный парнишка впервые столкнулся со смертью. Повесился его приятель-ровесник. У героев Алехина жизнь почти всегда примитивно-дремуча, но и откровенна в своей незамысловатости до последней нервной жилки. Юный автор даже любит этим инфантильно пококетничать, как будто он один такой искренний, а остальные врут. Но факт смерти смещает горизонт и придает значительность новому опыту.

Олег Ермаков в рассказе «**Афганская флейта**» («Новый мир», № 8, из книги «Арифметика войны») от первого лица рассказывает историю о том, как в Афганистане местный мальчишка отказался продать флейту советско-

му солдату. А тот хотел подарить ее дочке. Но и потом купить флейту не удалось, даже афганцы-посредники не помогли: взяли деньги вперед, а вместо инструмента всучили бликующие на ярком свету солнцезащитные очки, в которых легко можно стать жертвой афганского снайпера. Позднее рассказчик начитался книжек и стал подозревать, что истоки нежелания продавать флейту — мистические, дзенско-суфийские. И в странных посредниках рассказчик начинает видеть практикующих суфиев. Хорошо, конечно, что хотя бы спустя много лет Ермаков что-то интересное узнал про тот Восток, куда его герой пришел, как он считает, хранить мир (автор не спорит с этим и сегодня, нежно огорчаясь только неуклюжести «интернациональной помощи»). Не лучший рассказ Ермакова.

Борис Екимов в рассказе «Праздник» («Новый мир», № 7) изображает донскую неприкаянную, загулявшую и бандитствующую молодежь. А и куда ж ей деваться: ни стоящей работы, ни важной заботы. Социальный реализм.

В рассказе **Марии Галиной** «Подземное море» («Новый мир», № 7) один москвич задремал в трамвае, да и заехал в какое-то заколдованное место Москвы. В бесконечную промзону. *Одиночество обступило его вместе с дождем и темнотой. Вместе с одиночеством пришло внезапное понимание того, что он, Артемий Михайлович, — это всего-навсего теплое человеческое тело, отграниченное от окружающего мира сыровой одеждой и тяжелым намокившим пальто. Не сложная система связей и обязательств... а вот это белковое существо, стоящее под дождем в страшном, чужом, незнакомом, пустом городе. Это — я? — сказал он сам себе удивленно. Это и есть я? Вот это, стоящее здесь на мостовой? И все? Вся моя память, все прошлое, все, что нравится и не нравится, все — здесь?* Быличка-страшилка.

«**Б. Б.**» **Вячеслава Аносова** из Узбекистана («Дружба народов», № 7) — история о любви героя к женщине с трудной судьбой. История ее жизни и смерти. Все бы хорошо, но зачем так длинно и монотонно? К тому же «Б. Б.» — это вообще-то из названия романа Анатолия Наймана.

О победе цинической прагматики над идеализмом — рассказ **Дмитрия Фалеева** «По справедливости» («Октябрь», № 7). В поединке двух следователей побеждает старый, прожженный прагматик, умеющий вывести преступника на чистую воду. *Будешь действовать по закону — ничего не докажешь и никого не посадишь. А над вами — палочная система, план раскрываемости... Сам лучше меня знаешь! Это же разумный гуманизм!* Меж тем автор мог бы, кажется, быть внимательнее: в Ярославской области нет Каменецкого района, который упомянут им в первом предложении. Мне думается, что-то одно: или уж и область придумывать, или районы не путать. Или цинический разум все спишет?

Отличное собрание анекдотических историй с каким-то особым авторским сдвигом предьявил **Владимир Березин** в «Знамени» (№ 8, «Сорок пять слов»). Автор явно умнее и как-то даже значительнее того материала жизни, который описывает. Виртуозные байки без смысла и цели поэтому приобретают значение неких иероглифов судьбы.

Дорожная пастораль Юрия Серебрянского «Destination» («Дружба народов», № 8) — субъективно-импрессионистические заметки о путешествиях наблюдательного автора в разные страны и стороны света. Много подробностей.

Быль и случай — этому посвящены **рассказы Александра Шишова** («Новый мир», № 8). В рассказе «А. S.» товарищ детства просит рассказчика-музыканта узнать, что за скрипка досталась ему от деда-энкаведешника... Кажется, это был Страдивари. В рассказе «**В раю**» герой, будучи в Германии, зазевался и подвергся атаке пасущихся бычков. Но уцелел.

В рассказе **Евгении Добровой** «Двустволка» («Новый мир», № 9) вредная бабка Мартыниха берет на прицел дворовое свадебное пиршество. Свихнулась. Ну и ну.

Ольга Елагина в рассказе «Диоскурида» («Новый мир», № 9) поведала нехитрую историю о дачной любви пожилого умника-профессора и аспирантки. Аспирантка потом профессора бросила, но тот утешился после поездки в Рим. Между тем профессора беззаветно любила тетка рассказчицы...

Владимир Пронский в рассказе «Листопад» («Наш современник», № 8) поведал о социальной драме героя, который тяжело заболел, вкусив по этому поводу все прелести государственного равнодушия к человеку. Приходится адаптироваться.

Рассказ Аллы Боссарт «Барабанные палочки» («Октябрь», № 8), где фигурирует счастливое число 11, заставляет вспомнить не только пелевинские «Числа». Эта бойкая проза про авантюриста насыщена и аллюзиями по поводу «Пиковой дамы».

В рассказе **Андрея Геласимова** «Семейный случай» («Октябрь», № 8) родственники разыграли героя: сообщили, что у него умер отец. М-да. Этот зашедший ему в голову бред Геласимов старательно детализирует. Мастер же. Инженер челдуш.

У **Игоря Зотова** в рассказе «Богбандит» («Знамя», № 9) одинокий московский пенсионер, бывший учитель словесности, глумится над нищими. Такое у него хобби. Как выясняется, подоплека дела — глубокая обида на жизнь: когда-то от героя ушла женщина, убедившись в его неверности, и побирается теперь на паперти храма на «Третьяковской»... Такая у Зотова история.

В рассказе **Асара Эппеля** «Гангутский рубль» («Дружба народов», № 9) присутствуют советские коллекционеры и домашний кот-проньера. Знакомая дарит герою редкие монеты, а он их продает, часть денег отсылая дарительнице, не знающей истинной цены своих сокровищ. Пустоватая умелая проза.

Марина Бувайло из Лондона в рассказе «Отдам даром в хорошие руки» («Знамя», № 9) с сентиментальной теплинкой повествует о старинном буфете с оккультным секретом. Милый, душевный дамский пустяк.

Олег Хафизов в микроцикле рассказов «Страна цветов и безобразия» («Новый мир», № 7) вспоминает о поре юношеских безрассудств на картошке и в стройотряде, в Абхазии. В общем, тоже пустяки, глупые, но приятные.

В рассказе Людмилы Ворониной «Скиф» («Москва», № 8) деревенские супруги-старички любят друг с дружкой поспорить. А тут еще им открыл глаза племянник. И узнают они в себе скифов и сарматов. Ну не чушь ли?

МЕМОАРЫ. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ. ИСТОРИЯ

В трех журналах («Новый мир», № 7; «Октябрь», № 7; «Москва», № 9) опубликованы фрагменты готовящейся к выходу в серии ЖЗЛ книги **Андрей Платонов**, написанной **Алексеем Варламовым**. Добротные, тщательные тексты умелого исследователя.

А в № 8 «Октябрь» напечатаны главы из книги **Валерия Попова** «Довлатов», уже и изданной в серии ЖЗЛ. В принципе — о том, как Довлатову хотелось отделиться от своего героя.

Биофизик, молекулярный генетик **Валерий Сойфер** в главах книги воспоминаний «**Очень личная книга**» («Новый мир», № 8) продолжает вспоминать о выдающемся российском ученом Сергее Четверикове. Начало — см. «Новый мир», 2009, № 3 — 4. Генетика в России, с очень большим знанием дела.

Сочинение **Вадима Макшеева** «**Время, дороги, книги... Записки провинциального писателя**» («Знамя», № 8) — воспоминания о родителях, эмигрировавших после Октябрьского переворота, о детстве в Эстонии, о репрессиях после прихода туда Красной Армии, о гибели семьи... Макшеев выжил единственным в своей семье. Но от родителей он взял многое. *Довелось мне прожить с ними лишь пятнадцать лет, но и этого было достаточно, чтобы впитать и сохранить в себе то, что было ими заложено в моем детстве и отрочестве. В том числе и любовь к Книге.*

В «Новом мире» (№ 7) публикуются фрагменты книги **Нины Шнирман** «**Счастливая девочка**»: Вторая мировая война увидена здесь глазами пятилетнего ребенка. *Мы стоим около поезда — на настоящей железной дороге, около настоящего поезда. Мы едем в «Эвакуацию»! Нам с Анночкой все здесь очень нравится, и Тетя Витя с Дядей Зямой тоже стоят с нами. <...> Вагон такой же красивый, как на нашей Железной Дороге. Тетя Витя берет меня на руки и целует — у нее мокрое лицо, забыла вытереть после умывания. У Дяди Зямы щекочется борода. Папа высоко меня поднимает, улыбается и говорит: «Мар-тыш-ка!» Я тоже ему улыбаюсь!* И вот в таком духе от начала до конца.

Священник **Михаил Ардов** делится новой порцией мемуаров («**Довески**» — «Новый мир», № 8). *Память не унимается, признается он. Жанр Ардова — забавная ерундистика. Часто антисоветская. Много и на церковные темы. Году эдак в восемьдесят восьмом, будучи в Москве, я зашел в Скорбященский храм на Ордынке. Оттуда мы вышли с моим приятелем протоиереем Александром Шаргуновым. (А было это 23 февраля, на День Советской армии, по советским понятиям — «мужской праздник», так же как 8 марта — «женский».) И вот мы (два пятидесятилетних бородатых попа) выходим на улицу, а навстречу нам идут две девчонки лет по шестнадцати, совершенно пьяные... Одна из них нас заметила и произнесла: — С праздником, мальчики...*

Вячеслав Тетекин в заметках «**На южноафриканском направлении**» («Наш современник», № 8) рассказывает, как он, будучи советским функционером, помогал черным южноафриканцам бороться с апартеидом. Тратили деньги, плели интриги. *Как хотелось бы и всегда оставаться в этой гостеприимной и улыбчивой стране, смело смотрящей в будущее,* — сладко вздыхает Тетекин. Некстати вспомнилось, что вот не так давно крупнейший южноафриканский писатель Джозеф Кутзее свою родину покинул и перебрался в Австралию.

Покойная прима официозной тележурналистики брежневских времен **Нинель Шахова** в мемуарном очерке «**19 августа 1991...**» («Наш современник», № 8) по-своему оценивает изменения на телевидении в постсоветский период. *Это была трудная пора телевидения, она убрала из эфира действительно способных журналистов, думающих людей, образованных, интеллигентных. Что бы ни говорили, ни писали, — но эпоха интеллектуального телевидения кончалась.* Может, и так, но сама-то Шахова ни разу на экране не обнаружила, помнится, способности думать чуть иначе, чем велели ей партия и правительство. В этом смысле она должна бы радоваться, что еще при ее жизни новая плеяда тележурналистов научилась брать под козырек не хуже, чем умела она.

Обзор подготовил Евгений Ермолин

В. «Звезда», «Нева»

Маститый питерский автор **Владимир Кавторин** публикует в 7-м, 8-м номерах «Звезды» главы из объемистого романа «**Чужая собственная жизнь**». Время действия — скорее всего, начало 80-х, место — заштатный городишко с безликим именем Сосновск. Здесь прочно осел, обзаведясь женой и детьми, бывший столичный житель, талантливый гуманитарий Вадим Губов. Преподает в поселковой школе литературу и историю, сочиняет исторический роман. Увы, сказать, что губинский роман талантлив (а обширная глава из него у Кавторина представлена), трудновато: ничего особо примечательного — обычное довольно многословное письмо, для придания колорита кое-где уснащенное словоерсами. Вокруг героя клубятся его друзья, такие же неприкаемые гуманитарии. Несчастные все они люди, лишенные и стимула к жизни, и цели, а зачастую и любимого дела. Словом, тягучий, засасывающий быт российской провинциальной интеллигенции. Роман переполнен неясными, но довольно многословными губовскими томлениями и воспоминаниями, а также поистине бесконечными, длинными-предлинными разговорами о том о сем, а в общем ни о чем. К тому же герои романа поразительно неотличимы друг от друга: все болтливы, все несчастны, всех засасывает *убогий и хлипкий*, но на редкость устойчивый провинциальный быт.

Затем — резкий скачок в наше сумбурное время. Бедолагу Губова убил кто-то из его поселкового окружения, вдова его вышла замуж за другого, и вообще вся такая привычная, в чем-то даже уютная провинциальная жизнь развернулась на 180 градусов. Иных, естественно, уж нет, а тем, что далече, до нас вообще никакого дела нет. В общем, эдакий скорбный, несколько заунывный и монотонный рекем по ушедшей молодости и давно выброшенным на свалку мечтам и порывам...

Душераздирающие вещи творятся в повести **Евгения Каминского «Простая вещь»** («Звезда», № 8). Богатый ее герой, привыкший *обманывать доверчивых и смеяться над слабыми*, вдруг начинает испытывать угрызения совести и буквально бежит от себя в какой-то крымский городок. На юге этот беспрерывно кающийся грешник продолжает терзаться, нещадно залива-ет презрение к себе крепкими напитками, попутно сочувствуя обездоленным и несчастным, которых вдруг видит вокруг во множестве. Особенно его поражают пришедшие в столовую для бедных старуха-нищая и *вздерошенный мальчик с безжизненно опущенными плечами*, оказывающийся девочкой, дурочкой Наташей. И тогда герой делает следующее открытие: *эти нищие люди жили каждый день, каждое мгновение своей едва ли не растительной по способу существования, но абсолютно человеческой жизнью... Жизнь этих простых людей не имела ничего общего с жизнью мертвецов из его окружения, разделенных с жизнью собственной ненавистью ко всему живому*. И далее, столь же надрывно и проникновенно: *Развернувшись к нищим — настороженной старухе и дурочке Наташе, — он улыбался, несмотря на тошноту*. (Бедняга перепил.) *Ему хотелось обнять их, сделать для них что-нибудь из ряда вон выходящее, и вовсе не из жалости к чужой немощи, а от какого-то прежде ему неведомого, неуправляемого чувства, плавающего сейчас его сердце*.

Этот всем пресыщенный и ужасно совестливый герой, разочарованный баловень судьбы и обличитель нечестивцев, и минуты не может прожить без страстных потрясений, восторгов, слез и самобичеваний. Право, Чарская отдыхает. Недаром он, обновленный и просветленный, в конце повести приходит на вокзал и, видя массу приехавшего на отдых явно бездельного народа, превращается в проповедника *с помятым лицом и разбитыми очками* и, стоя у какого-то стенда, страстно призывает этот бездельный народ *отказаться от ИНН...*

Что-то, боюсь, разладилось в «Звезде»: иначе с чего бы она вдруг напроць утратила чувство юмора...

Примечательно, что по-настоящему сильная проза представлена на этот раз литературой отнюдь не о сегодняшнем дне, а о давно прошедшей войне. **«Без права на жизнь»** — так назвала свою повесть петербургская писательница **Маша** (таково ее полное имя) **Рольникайте**, в прошлом узница Вильнюсского гетто и двух фашистских концлагерей («Звезда», № 9). Ее героиня — молодая литовка по имени Гражина, оказавшаяся в оккупации. В ее городке происходит что-то непостижимое: евреев — от грудных младенцев до стариков — собирают в гетто, и проходит слух, что никуда их не отправляют,

а увозят за город и убивают. Среди этих несчастных — и давняя подруга Гражины. Прекрасно знающая, куда и зачем их всех везут, она тайком передает Гражине своего новорожденного ребенка: та ведь не еврейка, да и работает в приюте для подкидышей... Но никакого спасения теперь нет и быть не может, нет у этого малыша ни малейшего *права на жизнь*, он гибнет так же, как и его родители... В этой пронзительной повести нет ничего лишнего: все сдержано, немногословно и точно, ни единого пустого слова, ни одного ненужного персонажа.

А в «Неве» (№ 9) петербургский прозаик **Наталья Соколовская** представляет **рассказ «Тезки»**, такую же сдержанную, неприкрашенную историю. Пожилая кондукторша спустя двадцать лет вспоминает блокаду — тот момент, когда поняла, что двоих детей ей не прокормить и надо выбрать кого-то одного... Собственно, она и не выбирала: мальчик ее был посильнее, а вот девочка *легла*, рассказывает женщина своей 6-летней слушательнице. Дочка не умерла, тихонько продолжает женщина, *она просто заснула. Рассказывала... про школу, она ведь осенью в первый класс пошла, про деток, и все так медленнее говорила, медленнее, а потом и умолкла.* Похоронили ее достойно, на Серафимовском кладбище, только свезли ее туда не зимой, а когда потеплело. *А до того она здесь была, с нами. Стекла-то повывивало, снегу сюда намело по колена. А уж в апреле и отвезли.* Мотив смерти в рассказе ключевой. Для Соколовской характерно тщательное прописывание деталей, намертво врезающихся в память, вроде того *свеже-розового, с тонкими жировыми прожилками мяса*, скорее всего человеческого, на которое умирающие блокадники меняли последнее. За несколько картофелин пригородные жители спрашивали, говорит рассказчица, *набор столового серебра или хрустальные вазы, и торговаться с ними было бесполезно. Должно быть, эти крепко сбитые, плотные подпоясанные и, в сущности, незлые тетки подсознательно мстили «городским» за все то, что было проделано с ними и их семьями во время коллективизации.* Нечасто «Нева» балует читателей подобной прозой.

В том же номере «Невы» публикуется **авантюрный комикс Виталия Аксенова «Пушистые технологии викинга П. Сидорова»**. **Младший аналитик** Сидоров, специалист по *нечеткой логике и пушистым системам* — *новейшему направлению в прикладной математике*, по мановению некой волшебной палочки оказывается не кем иным, как *викингом в 33-м поколении и элитой Норвегии*, куда и едет по приглашению Королевского Двора. Как из рога изобилия, на *Сидорова-Нильсена* сыплются различные «бонусы» — звания, подарки, премии, приглашения на встречи с потомками викингов, профессорами, президентами фондов... Сквозь этот карнавал иногда проскакивают размышления «философского свойства» (*Все-таки я не что иное, как продукт Всеобъемлющей Неточности реального мира*) и грустные приписки к эсэмэскам жены Сидорова, вроде: *опять унитаз потек; в магазине куры подорожали; Бэбик заболел...* Тем временем Сидоров едет на остров Бали, где становится *великим брахмачари* — *человеком великой мудрости Бхатта*, отсюда — в Японию, где его торжественно принимают в общество японской

сакуры. На работе Сидорова делают *старшим агентом влияния*, призванным распространять светлое учение о *Пушистых системах* по всему миру. Но внезапно все возвращается на круги своя, норвежцы прекращают свой странный эксперимент в связи с тем, что *люди — это идиоты*, а Сидорову снится сон, где все — только белое и пушистое. Впрочем, от президента *Пушистых систем* Сидоров получает миллион евро, настоящий или карнавалный — непонятно. Легкое чтение для вагона метро.

Восьмой номер «Невы» представлен единственным прозаическим произведением — **романом Натальи Галкиной «Табернакль»**. Его действие, то и дело останавливающееся и пропадающее в разного рода лирических отступлениях и философских размышлениях, разворачивается в Мариинском приюте для детей-инвалидов в Петербурге. Несчастные дети, родившиеся с культями вместо рук и ног, дети-аутисты проводят время в своеобразных словесных играх-страшилках (*У солнца сегодня выходной день; Британские лорды — лодыри британские; Сидит дед, во сто шуб одет, кто его раздевает, тот слезы проливает. Это дедушка после инсульта*) и наблюдениях над серым больничным мирком, который в их воображении расцвечен яркими красками.

Заглавие романа отсылает читателя к традиционной парадигме христианских ценностей и связано с сюжетной линией ассоциативно и символически. По сюжету *Табернакль* — это макет Мариинского приюта, который один из сотрудников дарит рассказчице, символически — христианская дарохранительница, увенчанная крестом, а также *Tabernaculum, скиния, праздник кущей, время входа Господня в Ершалаим*. Для Галкиной сюжет явно вторичен, и на протяжении романа он почти не получает развития, первична же философско-лирическая стихия, на которой и сосредоточено внимание автора.

В 9-м номере «Невы» петербургский прозаик **Павел Мейлахс** радует читателя подборкой небольших талантливых **рассказов-зарисовок** под общим заглавием **«Разница»**. **«Образование души»** — о том, как гул сырого осеннего леса пробуждает в маленьком человечке внятные душевные движения. *Как будто я впервые услышал лес где-то в самом себе*. **«Ангелочки»** — контраст между замерзающими детишками и мужиками, жрущими самогон после тяжелого трудового дня. **«В начале славных дел»** — *наглотавшемуся нехороших таблеток школьнику* кажется, что он безнадежно опоздал в школу; когда же он туда приезжает, у него начинаются различные видения, и в конце концов выясняется, что уже вечер и школа заперта. **«Миллион алых роз»** — художник с хорошего бодуна продает дом и картины, чтобы завалить любимую актрису алыми розами. **«Поезд»** — центральный образ понимается как метафора жизни, где вагоны — это детство, юность и пр.

В «Неве», № 7 **Геннадий Прашкевич** публикует повесть **«После бала»**, описывающую суровые интернет-будни современного подростка и его непростые взаимоотношения с отцом — изобретателем *обэшек* (это такие браслеты, *повышающие силу духа и тела в тысячу раз*) и взбалмошной подружкой.

Наибольший интерес в повести вызывает, пожалуй, содержание эсэмэсок подружки, снабженных юморными комментариями главного героя (или антигероя — кому как понравится):

«Неужели я такая сексуальная, что жизнь меня так и трахает?»

Я слышал, что скоро выпустят мобилу с функцией блокировки изначально ненужных звонков.

«Еще один день оказался напрасной тратой макияжа».

Мне это фиолетово, но все равно отвлекся.

«Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы все калории пошли в сиськи».

... Лучше бы придумали компьютеры, которые по голосовой команде «блин!» отменяли бы все последние действия.

В финале повести нацепившая *обэзшку* Анька (подружка) становится, как и положено, *с ног до головы деловитой и красивой*. Сыптесь, обэзшки, как манна небесная, сделайте нас всех вечно молодыми и красивыми!

Куда интересней, да и жизненней, *маленькая повесть* в рассказах бывшей петербурженки, а ныне израильянки **Сони Тучинской «В переулке Ильича»** («Звезда», № 8). Середина 70-х, одна из бесчисленных в ту пору крошечных технических лабораторий, однако работающая не на оборону, а на что-то мирное. В общем, типичный рассадник советского вольномыслия. Запрещенные книги, то и дело переходящие от одного диссидентствующего сноба к другому, бурная личная жизнь, протекающая на глазах у всех, особо колоритные на тогдашнем сумеречном фоне фигуры. Одного из таких доморощенных снобов, пьяного до прозрачности, утащили, рассказывается в повести, в милицкий «обезьянник» и посадили под замок. Где он развлекал предельно девственных на предмет культуры дежурных типично антисоветскими фразами вроде: *Жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы, или Проповедники кнута, апостолы невежества, поборники обскурантизма и мракобесия, панегиристы татарских нравов — что вы делаете? Взгляните себе под ноги: ведь вы стоите над бездною!* И надо же — отпустили-таки парня, допустившего, сказано в повести, *в присутствии нескольких свидетелей оскорбительные высказывания в адрес всего советского народа*. Написано живо и весело.

В 20-е годы минувшего века разворачивается действие несколько мистического **рассказа** москвича **Алексея Пищулина «Она и они»** («Звезда», № 9). Только-только отгремела Гражданская, в Петрограде еще голодно и страшно. Девочка-сирота из разоренной дворянской семьи, детдомовка, попадает летом в одну из пустыющих и разбитых пригородных усадеб, в бывший господский дом, куда ребяташек привезли хоть немного отдохнуть и подкормиться. А вокруг него — огромный и запущенный парк с *заколдованным прудом и идиллическим островком посередине*. Заплывшая на островок девочка видит в воде какую-то невероятно прекрасную снежно-белую голову с греческими кудрями и классически выпуклым лбом, лежащую навзничь. То была, как выяснилось позже, голова от разбитой статуи. Ее красота поражает девочку, еще не отошедшую от голодной зимовки в заледевшем и замусоренном городе. То и дело она теперь приплывает на остро-

вок, не уставая любоваться красотой своего обожаемого друга. Ведь у нее и в самом деле могла быть совершенно другая жизнь в таком же прекрасном парке!.. Но однажды статуя обращается к ней другой стороной своего лица — то была, говорится в рассказе, *незнакомая старческая рожка, кривляющаяся и подмигивающая*. Двухликий Янус — вот кем оказался ее мистический друг. В одно роковое мгновение девочка взрослеет, расставшись с красивой иллюзией. Вот только дальше в ее весьма долгой жизни так и не было любви, — *потому что избранных она касается лишь однажды*. Красиво, ничего не скажешь. Даже слишком. А как многозначительно... В кого же эта бедная девочка, так никого и не полюбившая за многие годы, выросла?

Можно сказать, что главная героиня **рассказа Андрея Рубанова «Мудовые рыдания»** («Звезда», № 9) — огромная Россия, обдуренная и обманутая устроителями гигантских финансовых пирамид, грабительскими реформами, бесчисленными дефолтами, кризисами и другими постсоветскими фокусами. Бедному россиянину и сунуться куда-то страшно: кругом обманщики да шулеры. Родители героя, задумавшие было купить под Москвой дачный участок с домом, едва не вляпались в одну из многочисленных подставных фирм. Да Бог уберег. Правда, кончается рассказ хорошо — купили-таки домишко.

Дебютный **рассказ Софьи Минаевой «Люся»** («Звезда», № 7) написан от лица неудачливого юноши, смертельно напуганного вполне реальной перспективой отправиться в армию. Его, то ли ушедшего, то ли исключенного с истфака, пугает даже не сама армия, — он смертельно боится, что его *кто-то ударит по лицу*, а он должен будет это стерпеть. Рассказ буквально дышит этим страхом — нутряным, нескончаемым, иррациональным. Потому так болезненно близка герою его больная сестренка, девочка-дурочка Люся, в какой-то мере тоже изгой, как и он. Талантливый дебют.

Действие несомненно бредового (или ернического) **рассказа Дмитрия Глебова «Первая фаза»** («Нева», № 7) протекает в некоем современном офисе. Действующие лица — какой-то Староста, а также Картофельник — *гибрид кикиморы и домового*, извлеченный из мешка с картошкой, *бабушка-впальтишке*, убитая стаей голубей и лежащая теперь *в виде обглоданных белых костей*, но главное — некий бизнесмен-кооперативщик, превратившийся в писсуар, точнее, Писсуар-Призрак. Вот его-то развеселые и многомудрые байки и слушают обитатели офиса. А когда-то *он был не просто человеком, а либерал-демократом — его лучшие, наиболее активные годы пришлись на конец 80-х — самое начало 90-х годов. Время было непонятное, но судьбоносное*, сказано у автора. Но стал он как-то незаметно скатываться по наклонной плоскости, перестал *осознавать себя человеком* — и готово: превратился в писсуар. Зато теперь имеет полную возможность наблюдать за *миром ссущим*. Экие милые шуточки выдаются за юмор в «Неве». А другой герой рассказа — тот из человека превратился в макаронны с сосисками. И блюдо это с удовольствием и благодарностью съедает в голодные перестроечные годы его жена и трое детей. *Старые смыслы растворились бесследно, элегически*

говорится у автора в финале. Этой многозначительностью рассказ и заканчивается. Закачаешься.

Как выясняется при дальнейшем чтении 7-го номера «Невы», это еще цветочки. **Оганес Мартиросян** в подборке **рассказов-эссе «Убегающий мир»** предлагает читателю «размышлизмы» некоего героя (то ли это сам автор, то ли своеобразный его «двойник»). Размышляет этот герой обо всем, но особенно, разумеется, — о себе, любимом. Ну что ж, послушаем. *В последнее время я полюбил перец, жгучий красный перец. Но сейчас под рукой его не было. Выложил гречку, просыпав часть на пол, а несколько зерен на скатерть. Выругался, достал, что нашел, начал есть, обжигаясь. Будто бы вбирать семя, чтобы породить потом чудовище, как же неприятно есть, чем сильнее голод, тем ужасней. И этот член, он уже не встает на женщин. У женщины более мягкая плоть, она более подвластна времени, уступает ему, раздвигая ноги... Чай — это еще куда ни шло. Я отложил тарелку. Бросил в кружку пакетик «Акбара». Полторы ложки сахара, залитые кипятком.*

Неплохо, правда? Философично и ненавязчиво. Спасибо, «Нева», подсластила полутора ложками сахара нашу пресную и серую житуху.

НОН-ФИКШН

Рассказать стоит и о трех любопытных **мемуарных материалах** из «Звезды».

В № 7, 8 напечатаны **«Записи, заметки, случаи»** прозаика **Михаила Слонимского**, одного из знаменитых «Серапионовых братьев». Представитель известной петербургской династии, он буквально с младенчества знал лично таких людей, как философ Вл. Соловьев, историки А. Пыпин и М. Стасюлевич, литератор и ученый С. Венгеров, бывших друзьями отца. К воспоминаниям Слонимский обратился на склоне лет, и одним из стимулов их создания был *страх, что в печати под твоим именем появится что-нибудь совершенно несоответствующее твоим мнениям, взглядам, характеру.* Такого рода мемуаристика не интересной быть не может просто по определению. Чего стоят одни имена — А. Ахматова, К. Чуковский, М. Горький, О. Берггольц, М. Лозинский и многие другие. Но цепкая память автора сохранила и любопытные штришки — свидетельства времени, не связанные со знаменитостями. Вот, например, некто Лавриков, в 1960-е секретарь Ленинградского горкома партии, на одном из выступлений в Союзе писателей изрекший: *«Надо изменить методы разговора с людьми и развернуть борьбу за задушевность»...* А вот замечательный эпизод из оттепельных времен. Порожденные XX съездом партии новоявленные либералы из какого-то института распинаятся на общем собрании в любви к *низшим служащим*: *«Мы были невнимательны к низшим служащим; мы будем организовывать совместные культурные походы с низшими служащими»...* Сладко-сиропные речи льются до тех пор, пока на сцену не выходит плотник с короткой репликой: *«Скажу двум словам. Низшие служащие хотят, чтобы их оставили в покое».*

Писательница из Бостона **Людмила Штерн** в очерке **«Анна»** («Звезда», № 9) рассказывает о прихотливой судьбе женщины-адвоката, *звезды москов-*

ской адвокатуры, как называли в начале 50-х Анну Петровну Порецкую. Родом из заурядной семьи (отец ее был сельским фельдшером), она, будучи человеком талантливым и смелым, умудрилась поступить в... мореходное училище, куда девочек вообще не принимали. Правда, распоряжением Ворошилова ее все-таки оттуда исключили. Свою деятельность подлинного защитника людей от всякого рода несправедливостей Порецкая начала с 1935 года, когда, расхрабрившись, послала телеграмму на имя самого П. П. Постышева с просьбой вмешаться в дело и спасти незаконно репрессированного «за подкулачивание» родственника, высланного в Уссурийский край. А позже, во времена еще более страшные, она не боялась вступаться даже за осужденных по 58-й статье...

Петербургская писательница **Людмила Регина** в поэтичном очерке «Оллила» («Звезда», № 7) вспоминает жизнь своей семьи в маленьком дачном домике поселка Оллила (бывшая финская территория, присоединенная к СССР в 1940-м и ставшая безликим Солнечным). Кто только ни жил в этих благословенных местах, ныне обильно застроенных уродливо-богатыми особняками. А бывших фронтовиков и ветеранов, обитателей крошечных деревянных домиков, выселяют из них неведомо куда, причем под флагом особой заботы о старых петербуржцах. Не волнуйтесь, дескать, ветераны, мы построим для вас новое жилье, достойное вас! *Подозреваю, что уже тогда, в момент громкогоговорения*, сказано у автора, *земля была продана-подарена вовсе не старикам, а нужным людям. А стариков перебросили — подальше от залива, туда, где в мае-июне у подножия тех же дач стоит вода. К тому же до автобуса далеко, до больницы, до станции...* И далее: *Будь я губернатором, я бы оставила за Солнечным статус поселка для пожилых людей, для одиноких пенсионеров, для матерей с детьми — за доступную цену, конечно. Я бы построила здесь коттеджи на шведский манер, а Комарово превратила бы в литературный поселок; Репино — в художественно-музыкальный... Это им на роду написано. Но нас не спросили...*

Обзор подготовила Евгения Щеглова

ВСЁ В ПОРЯДКЕ

От редакции

Герман Садулаев — не просто постоянный автор «Континента», он в известной мере — наше открытие. Дело в том, что как прозаик Садулаев дебютировал в декабре 2005 года одновременно в двух изданиях — в журнале «Знамя» с повестью «Одна ласточка не делает весны» и в «Континенте» — с тетралогией «Апокрифы Чеченской войны». С тех пор всего за несколько лет Садулаев опубликовал восемь книг, стал одним из самых известных российских писателей и вошел в число тех молодых литераторов, которые были приглашены на встречу с премьер-министром России Владимиром Путиным.

24 октября 2010 года под броским заголовком «Известный писатель Герман Садулаев: «Главная проблема Чечни — не терроризм, а секс»» «Комсомольская правда» опубликовала интервью писателя Дмитрию Штешину¹. В интервью говорилось, в частности, о тех новых проблемах, которые возникли сегодня и с которыми чеченцы не стали кивались прежде. В том числе была затронута и тема, заявленная в названии интервью. Садулаев говорил о расшатывании моральных устоев в современной Чечне, о том, что стандарты поведения, навязываемые телевизором, вступают в конфликт с культурой традиционного общества, о том, что «вслух декларируются семейные ценности, а на деле молодежь эмэмэсками друг другу пересылает порнуху».

Через несколько дней вопрос об этом интервью был задан главе Чечни Рамзану Кадырову, принимавшему участие в телемосте на канале НТВ. В ответ на вопрос ведущего Вадима Такменева Кадыров заявил, что, во-первых, такого писателя нет, а, во-вторых, «если вот такие вещи пишет, он не чеченец и даже не мусульманин, даже не человек». Затем Кадыров назвал Садулаева шизофреником и пообещал, что обязательно найдет его родственников и попросит впредь проследить за публичными высказываниями «писателя, которого нет»².

Понятно, что упоминание о шалинских родственниках писателя и о том, что их легко найти, вызвало у тех, кому знакомо имя Рамзана Кадырова, достаточно неприятные ощущения...

¹ <http://kp.ru/daily/24580.5/750790/>.

² <http://www.openspace.ru/news/details/18490/>. Видеозапись этого монолога можно найти по адресу: <http://www.youtube.com/watch?v=jN15DUMI6rs>.

А еще через несколько дней, 3 ноября 2010 года, в Сети появилась статья чеченского омбудсмена Нурди Нухажиева «Кофейные видения “чеченского” писателя из Петербурга»³. 11 ноября в той же «Комсомольской правде» Садулаев опубликовал обращение, в котором вызвал Нухажиева на публичные дебаты. Одновременно с этим российские писатели, участники Гражданского литературного форума обратились к российскому омбудсмену Владимиру Лукину с официальным письмом, в котором просили защитить право Германа Садулаева на свободу слова и остановить травлю, которую устроили ему чеченские власти. Письмо подписали Захар Прилепин, Капитолина Кокшенева, Михаил Тарковский, Роман Сенчин, Василий Авченко, Сергей Шаргунов, Александр Потемкин и многие другие⁴.

Судьба Германа Садулаева, постоянного автора «Континента», близкого нам человека и писателя, далеко нам не безразлична. Именно поэтому мы решили поместить и в нашем журнале нижеследующий текст, первоначально размещенный на сайте Гражданского литературного форума России⁵.

Со мной всё в порядке.

Закутался в одеяло и составляю слова в строки. Маленькая, как спичечный коробок, комнатка дешевого отеля в Берлине. Зима настоящая, русская. А отопление жидкое, экономное, немецкое. Поэтому холодно.

Прямо напротив отеля вокзал Берлин-Шарлоттенбург. Сюда, на этот вокзал, поездом «Ost-West-Express» 15 мая 1922 года прибывает Марина Ивановна Цветаева со своей девятилетней дочерью. От вокзала на извозчике они едут в пансион, где их встречает Илья Эренбург. Пансион на Пражской площади. Рядом — кафе «Прагер диле», где в разное время и одновременно — Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Андрей Белый, Игорь Северянин, Максим Горький, Борис Пастернак...

Где-то здесь, недалеко, убит один Владимир Набоков, отец писателя. И родился другой Владимир Набоков — автор «Дара», герой «Дара», — кажется, он и сейчас бродит по Курфюрстендамму и Фридрихштрассе. Николай Бердяев пишет свое «Новое средневековье» — здесь. Но, нет. Не вся русская литература была сделана в Берлине. Николай Гоголь писал «Мертвые души» не в Берлине.

В Риме.

И все же.

³ В частности, по адресу: <http://www.grozny-inform.ru/main.mhtml?Part=17&PubID=21703>

⁴ Подробнее об этом можно прочесть, в частности, по адресу: http://www.mbudsmanrf.ru/index.php?option=com_ninjarssyndicator&feed_id=1&format=raw.

⁵ <http://www.glf.ru/svobodnaja-kafedra/vsjo-v-porjadke.html>.

Со мной все в порядке. Я в правильном месте. В правильном вагоне правильного поезда: «St. Petersburg — Berlin — Die Ewigkeit». Тоже, наверное, экспресс: все происходит слишком быстро.

За шесть лет в «бизнесе» «русской литературы» я дал тонны интервью. Наговорил, пожалуй, больше, чем написал в своих книгах, — а их восемь. Высказывался резко, нелицеприятно, критически. И, казалось, безнаказанно. Но это должно было кончиться: и вот вертлявый теле-шоумен указывает на меня сказочно могущественному, как волк Фенрир, сын Локи и Ангрбоды, Главе региона. И получает предсказуемую реакцию: я объявлен не чеченцем, не человеком, шизофреником, как писателя меня вообще не существует — еще, уже, или никогда не существовало. Команда получена: Уполномоченный по правам чеченского человека сочиняет длинную буллу с проскрипцией и анафемой и официально ее обнародует.

В одно мгновение на меня опускается мрак. Умолкает, казалось, навеки, телефон. Пусты входящие ящики почты.

Никто не пишет мертвым.

Мертвым никто не звонит.

Есть только один день, один день в году, когда мы можем набрать полузабытый номер и услышать знакомый голос. Но никто не знает, когда этот день. Нам всем нужны знаки. Ясные, понятные знаки — как горящий куст или камни, превращенные в хлеб. Я писал об этом в рассказе «День, когда звонишь мертвым». В рассказе, который почти никто не заметил в России, — а в Америке он был включен в антологию современной российской прозы.

Еще мне вдруг кажется, что романом «Шалинский рейд», где главный герой то ли спасает свой народ, жертвуя самим собой, то ли продает его мечты и идеалы за 30 сребренников Иудиного гонорара, я призвал на свою голову судьбу... Но, нет. Какая чушь. Что за пафос? Просто глупости и неумелые провокации.

Маленький человек, полунищий, больной, автор с более чем скромным и умеренным дарованием, не могу я никого ни спасти, ни погубить. Слухи о моей героической борьбе сильно преувеличены. У меня нет платформ, позиций и идеалов. Я просто живу.

Всё в порядке.

Гражданский Литературный Форум России обратился с письмом в мою защиту, в защиту права на свободу мнений и высказываний, о недопустимости разжигания розни и вражды, к российскому омбудсмену. Свои подписи под этим письмом поставили десятки писателей, литературных критиков, журналистов, библиотекарей, филологов, просто читателей и граждан. И не так важно, что ответа на обращение никогда не будет — откуда-то из Башен поступило указание в офис Уполномоченного и в центральные СМИ не реагировать: «тема закрыта».

Classified.

Не так важно. Лед был сломлен, мрак рассеян. Всё в порядке — благодаря вам, мои друзья. Спасибо. Не волнуйтесь за меня. У меня всё в порядке.

Чего не скажешь о Чеченской Республике. Мне рассказали о некоем собрании, расширенном заседании департамента по делам молодежи, где руководитель, образованный и интеллигентный вроде бы человек, клеймил, проклинал и распорядился изготовить и сжечь чучело меня. Я переспросил — про чучело. Дело в том, что я уже сказал об этом в эфире радио «Эхо Кавказа», но мне казалось, что я шучу. Нет, никаких шуток — действительно собирались жечь чучело.

А еще руководитель дал задание всем собравшимся. Оказывается, у меня есть страничка в социальной сети. Так вот, каждый из присутствующих должен зайти на мою страничку и написать на «стене», что я враг и предатель нации. Особо приветствуются специалисты по «взлому» — от них требуется, чтобы в моем «статусе» появилась эта фраза: предатель чеченского народа.

Собравшиеся кивали и делали пометки в своих ежедневниках: «Садулаев. Одноклассники.ру. Предатель».

Но никто ничего не написал.

И желающих изготовить чучело не нашлось: «Нет, все верно, так и нужно, но я сейчас очень занят, да я и не умею рукодельничать, у меня, извините, с детства руки не из того места растут, можете спросить моего дядю, пусть кто-нибудь другой, может, вы сами?..»

Всех учили одинаково, но никто не захотел стать первым учеником.

И это тоже — благородство. За которое народ моего отца, порой так жестко критикуемый мною, достоин уважения.

Иногда не быть первым учеником — единственное доступное нам проявление благородства.

Поэтому, всё в порядке, и с моим чучелом, и с моей страничкой в социальной сети.

Чего не скажешь о России. Много лет назад, когда чаши весов еще колебались, как раз в решающий день состоялась эта двусмысленная встреча писателей с Первым лицом. Кто-то гладил собаку, кто-то жаловался на жизнь, а русский писатель попросил о свободе для узников совести, о молодых парнях, искренне болеющих душой за Россию, протестовавших и получивших большие сроки, хотя не сделали ничего действительно опасного и предосудительного. И я, тогда еще «чеченский» писатель, просил: не ставить диктатора, не предавать нас еще один раз. Я напомнил, как Россия один раз уже предала русских в Чечне и тех чеченцев, которые сражались за Россию, оставив на произвол судьбы и тех и других. Я просил: не предавайте нас еще раз.

Наивная просьба!

Россия всегда предавала, предает и будет предавать. Особенно тех, кто предан ей.

«По улицам провинций метет суховея, Моя родина, как свинья, ест своих сыновей» — это не я сказал.

И что я?

В 1994-м году, перед началом Первой чеченской войны, сотни ополченцев, чеченских ребят, чеченцев, да, о них забыли, это забытый отряд, забы-

тый почище, чем «шестая рота», вошли в Грозный, чтобы свергнуть фашистский режим Дудаева, кровавый режим, на чьей ответственности зверства и притеснения русскоязычного населения, они, чеченцы, вошли в Грозный, чтобы свергнуть фашистов-соплеменников, они верили, что Россия поможет, — им обещали; с ними были и русские — в танках, правда, без формы и знаков отличия, но им обещали, что будут еще, что будут вертолеты в небе и ноты по межправительственным каналам с требованиями о прекращении огня и проведении выборов, что войдут русские миротворцы и обеспечат честные выборы, на которых режим Дудаева, державшийся уже только на страхе, не имел шансов, они шли освобождать Грозный, они верили.

Их расстреляли в центральном парке культуры и отдыха им. Кирова.

Не появились ни ноты, ни вертолеты.

Пустота, молчание и одиночество.

Парк культуры, скрип заржавевших аттракционов, автоматные очереди, разрывы гранат и глухие стоны умирающих. Одна большая яма под колесом обозрения, куда свалили тела, еще теплые и, может, даже живые — и разровняли бульдозером.

Где ты была, Россия?

Пушки в танках оказались заряжены пустыми болванками, или снаряды были подпорчены: они не разрывались. Танкистов взяли в плен и выставили на позор и поругание. Дудаевцы объявили: если Россия признает, что это ее солдаты, — они отпускают танкистов домой. Если Россия не признаёт танкистов своими солдатами, значит — это преступники, наемники. И они умрут. Они будут умирать мучительно. Долго.

Не успел трижды пропеть петух, как Россия отреклась от своих солдат.

Не успел трижды пропеть петух. Россия.

Флаг новой России — трехцветный: синий, белый, красный. Красный цвет — это кровь. Но это не кровь защитников Козельска, не кровь гарнизона Бреста и воинов-интернационалистов, пролитая в Афганистане. У новой России — новая кровь. Это кровь расстрелянных защитников Белого Дома, кровь чеченских ополченцев и русских танкистов, которых Россия предала, бросила, обрела.

А что я? Я в порядке. Эти ребята, чеченские ополченцы и русские танкисты, заплатили за свою веру в Россию судьбою, кровью, смертью. А я — только каким-то количеством нервных клеток. Ерунда. Тем более я не боролся ни за власть, ни с властью, я просто что-то брякнул о нравственном состоянии чеченского общества, да еще — о ужас! — про секс. Глупо сравнивать.

Это ведь совсем разные истории, правда?

Может, только одно объединяет: предательство.

Но я в порядке.

Всё в порядке, мама. Помните? Это первая песня рок-н-ролла. Первая песня, которую записал в любительской студии Элвис Пресли, — просто чтобы отправить своей маме звуковое письмо. It's all right, mama.

Иногда мне кажется, — и, наверное, в эти минуты я недалеко от истины, — что я никакой не писатель. Я просто маленький элвис пресли. И все, что я делаю, — это пишу одно звуковое письмо. Туда, куда не отправляется почта и куда невозможно позвонить, разве что в один только день, один день в году, — но я не знаю, когда этот день, у меня, как и у всех, — нет знаков. И все, что я хочу сказать: всё в порядке, мама. Не волнуйся за меня, мама, — у меня всё в порядке.

Теперь они вспоминают о тебе, о том, что ты была русской и православной. А, значит, я — «незаконнорожденный». Они хотели, чтобы я стыдился родства с тобой, чтобы я, по примеру многих, умалчивал, чтобы чувствовал себя второсортным — метис, полукровка, — а потому старался быть больше чеченцем, чем сами чеченцы. Но ты никогда не была униженной и скромной. Ты была уверенной и гордой, в чужом окружении сохраняла себя, свою русскость, свое православие. Ты была самой верной и честной женой, и ни одна собака ни в чем не могла тебя упрекнуть. Поэтому тебя уважали и даже боялись: ученики вздрагивали от твоего голоса, когда в нем появлялся металл. Ты была всегда любима своим мужем, моим отцом. И если кто-то изобрел «закон», по которому наша семья была «незаконной», то пусть он со своим «законом» отправляется в ад.

Когда молчали российские СМИ, у меня брали интервью европейские: я представлял английский перевод своей книги «I am a Chechen!»⁶, вышедший в уважаемом британском издательстве. Несколько позже, когда мы, русские писатели, справляли в Таллинне поминки по русской литературе, на которой только что был поставлен цветочный крест, меня спросил иностранный культуртрегер, над чем я работаю, и я сказал: «Well, I'm writing a new book titled as "Thanks God, I'm not a Chechen!"»⁷.

Если для того, чтобы считаться «чеченцем», я должен был отказаться от матери, или стыдиться матери, то я лучше откажусь от того, чтобы считаться «чеченцем». Тем более главный чеченец уже так решил и сказал, — что ж, берите, не жалко.

По-чеченски родина — это «даймохк», земля отцов. А родной язык — «неннан мотт», язык матери. Я получил два наследства — чеченскую землю от предков отца и русский язык от матери. Я был очень богат. Теперь мне отказано в праве на чеченскую землю. Но русский язык у меня остался. Это твой дар, мама, — и он ценнее всех сокровищ на свете.

У меня есть русский язык, и я в порядке, мама.

Самые мягкие из моих чеченских критиков говорят: тебе не стыдно? Но мне не стыдно за то, что я говорю правду, — стыдно должно быть тем, кто поступает вопреки морали и истине. Проблема не в том, кто назвал проблему, а в том, кто создал ее.

⁶ «Я — чеченец!»

⁷ Пишу книгу, которая будет называться «Слава Богу, я — не чеченец!».

Мне стыдно только перед своим отцом. Он хотел гордиться мной, а живет теперь в позоре, окруженный недобрым молчанием общества, жалостью друзей и презрением врагов. Он так хотел — больше, чем я, — чтобы мне дали какую-нибудь значительную российскую литературную премию, чтобы меня так отметили и признали — в пику злопыхателям. Чтобы он мог на этом утешиться и успокоиться. Но когда Россия чествовала своих сынов и защитников? Нет, но предавала и сдавала — слишком часто.

Прости меня, отец! И признайся себе: мы никогда не были своими там, не станем и теперь. Потом, когда мы все умрем, в Шали мне поставят памятник. Люди всегда так делают: сначала жгут чучело, потом ставят памятник. Но нам будет уже все равно. Так давай чувствовать и думать так, как будто все уже произошло, все случилось. И нам все равно: мы далеко.

Я не думаю, что на этом захолустном отеле, где я мерзну, коротая часы и дни, когда-нибудь повесят табличку с моим именем. Если в Берлине отмечать все дома, где останавливались и жили русские писатели, то Берлинский муниципалитет разорится на памятных досках. К тому же, это столица Германии, а не России: в Германии хватает своих писателей, немецких.

Германия — это их земля.

А что есть у нас, русских?

У нас нет своей земли. Мы лишены наследства. Мы незаконнорожденные дети Советского Союза. Сироты.

Мы покидаем свою землю, потому что она стала для нас чужой.

В Чеченской Республике все хорошо, все довольны и счастливы, никто не протестует, все поддерживают. Но почему тогда все уезжают — при первой возможности? Давно закончились войны, больше не бомбят и не убивают, — так почему же бегут? Это все сложнее: новое поколение плохо говорит по-русски и едва ли лучше по-английски или по-немецки, но все равно при первой возможности уезжает в большую Россию, а кому особенно повезло, — в Европу. И никто не хочет возвращаться обратно. Только узкий круг власти и охраны власти доволен жизнью, и то, я не уверен, не готовят ли они запасные аэродромы в заморских краях, по примеру старших коллег из Москвы?

Чечня не оскудеет людьми: сколько бы ни уезжало, женщины рожают еще больше. Прирост положительный.

А Россия?

Нет «проклятого совка», в прошлом — хаос и неурядицы, а люди бегут, бегут, бегут. Бегут от стабильности, от модернизации, из уютной гавани — бегут. Почти половина случайно опрошенных отвечают, что, если будут условия и возможность хорошо устроиться за границей, они без колебаний уедут. Значит, те, кто остались, — остались только из-за страха перед неопределенностью.

Салман Рушди пишет с горьким сарказмом, отвечая на тезис о «приблудных» скитальцах, лишенных родной земли: «Нам, эмигрантам, удалось то, о чем издревле мечтали люди, завидуя птицам. Мы победили земное притяжение и, образно говоря, обрели крылья».

Кажется, недолго уже осталось. Еще немного, и у русских вырастут крылья, они поднимутся над своими полями, реками и озерами и полетят, полетят туда, куда понесет их ветер.

Ветер дует с востока. Ветер дует с Востока и уносит на Запад. Это новое большое переселение народов. Пройдет лет двадцать, и все русское улетит, русское опадет, как белый пух одуванчиков, на луга Европы и Америки. А российские земли займут киргизы, казахи, узбеки, таджики: они тоже движутся с Востока на Запад. Если при этом они освободят часть своей земли, ее засеют китайцы. Ветер — один для всех.

Раньше говорили, что свет приходит с Востока.

Не знаю, не знаю, не вижу — свет. Чувствую — ветер.

Может, это с самого начала был не свет. А ветер.

Пройдет лет двадцать, и российское руководство, которое, конечно, не изменится за столь короткий срок, которое сохранится, благодаря обеспечению стабильности и преемственности, лет через двадцать то же самое российское руководство увидит себя во главе земли, населенной пришлыми племенами. Уже сейчас я вижу: нет ни одного дворника или уборщика в супермаркете со славянским лицом, — они притекают, как вода, снизу, но вода, найдя только щель, не перестает прибывать, пока уровни не сравниваются в сообщающихся сосудах.

Пройдет лет двадцать, — мы можем еще увидеть, мы можем не успеть умереть, — как русский, язык этнического меньшинства в сверхновой модернизированной России будет выглядеть нелепым анахронизмом в роли государственного языка. И руководство примет единственно правильное решение: в целях более глубокой и успешной интеграции в мировое сообщество сменить русский язык в качестве государственного на другой. Например, китайский. Потому что ветер — ветер продолжит дуть с Востока.

Что сделает руководство, которому будет все менее уютно в Кремле, окруженном ордами крылатых кочевников? Оно само поднимется в воздух и полетит. Худшее, что можно предположить, — оно найдет русских в их новой земле, чтобы снова возглавить.

Но почему-то мне кажется, что это у них не сработает.

Они готовят такой сценарий, — но это не работает уже сейчас. Их дети учатся в европейских университетах: страшно жить в России, в стране, цари которой настолько не верят в ее будущее, что боятся доверить подвластной им родине собственных детей, а прячут их за морем, где житье, говорят, не худо и много чудес! Но едва ли их детей пригласят в закрытые клубы вершителей судеб мира: они всего лишь незаконнорожденные для хозяев Запада. Они вывозят капиталы, но им не позволено покупать ничего по-настоящему ценного.

С их миллиардами они подобны Остапу Бендеру и его чемодану денег в Советской России: ни за какие деньги Остап не смог купить новый автомобиль, потому что автомобилями частным лицам не продают, — все, что он смог приобрести, только деталь от старой машины.

Их уже не пускают на стратегические высоты. Акции газопроводов, машиностроительных заводов, алмазных рудников? Нет, отказано. У вас есть деньги? Дело не в деньгах. Можете купить у нас автомобили и бриллианты. Яхты — пожалуйста. Предметы роскоши, потребления — в любом количестве. Средства производства — нет, отказано. Можете купить футбольный клуб. Хотя — болельщики уже выступают против. Можете купить недвижимость, — но все труднее, против выступают местные жители. Пока еще можно. Но не более того. Не более.

Наследники сворованных в России миллиардов никогда не будут магнатами, их участь — быть сибаритами, пока они не прокутят все до копейки. А дальше — мести улицы и мыть посуду в парижских кафе. Роли распределены. Деньги не имеют значения.

Поэтому у них ничего не получится. Запасные аэродромы не станут плацдармами нового могущества. Они теряют народ и потеряют страну. Зря они думают, что могут заменить один народ на другой и продолжить править землей, или заменить одну землю на другую и снова править народом.

Только Богу такое под силу.

В Коране сказано: напрасно вы считаете себя хозяевами судьбы и думаете, что Я буду вынужден терпеть ваши беззакония. Я могу в одно мгновение заменить и небо, и землю, и все народы, которые проживают на этой земле.

А что уносим с собою мы?

У нас нет ни миллиардов, ни миллионов. Все наше имущество — ах, не жалко и оставить. Нам и сложнее, и проще.

И все чаще думаешь над заповедью русских эмигрантов: мы должны покинуть Россию и унести ее на подошвах своих сапог, — пока еще есть, что уносить.

Что же мы уносим на подошвах своих сапог?

Что могу унести я?

Где моя родина, и что прилипло к подошвам моих ботинок?

Эразм Роттердамский сказал: «Моя родина там, где моя библиотека».

И я вспоминаю библиотеку в доме отца. Полные собрания сочинений русских классиков, собрания переводов, разрозненные тома, Большая Советская Энциклопедия, толстые многолетние подшивки «Литературки», полки с литературными журналами. Отец выписывал все издания, которые были доступны, хотя мало успевал читать сам. Сейчас читает еще меньше — время есть, но устают глаза. Это было для меня. И я вошел в этот мир, в мир слова. Чуть подрос — и уже сам покупал книги в богатом по тем временам шалинском книжном магазине. Там я купил Борхеса и узнал, что и он «родом из библиотеки». Потом отправлял книги в посылках из Ленинграда.

Многое было утеряно, роздано, даже сгорело в самодельной пече-буржуйке во время войны. Но эта священная пыль, пыль библиотек, осела — на моих ботинках и в моей душе.

Больше ничего у меня не было. И нет.

Наша родина. Я увидел, что я чувствую себя как дома на всем пространстве бывшего СССР — и в России, и в Беларуси, и в Эстонии. Везде, где до сих пор говорят по-русски. Развал Советского Союза остался для меня парадоксом, выдумкой, фикцией. Все это — до сих пор моя страна. Везде, где реял красный флаг и говорили на русском языке — моя земля.

А сейчас я в Берлине. В Шарлоттенбурге — так называется этот пригород, ставший районом, когда Берлин вырос до мегаполиса. Я раньше не знал, но Шарлоттенбург оказался очень русским районом. В плохом отеле, где я остановился, весь персонал говорит по-русски. Рядом магазины с русскими вывесками. Популярная у местных забегаловка: Russisch Pirogi. Пирогі действительно русские. И русские хачапури. И буфетчица — иначе ее и не назвать.

На улице тут и там слышна русская речь. Вокруг русские — только более улыбчивые и приветливые, чем у нас, в России.

Кажется, что проклятие сумрака, зла, угрюмости ядовитым облаком нависло над нашей землей, — но не над нашим народом. Люди, сбежав, становятся светлее и проще. Легче идут. Головы держат выше. Не сутулятся, не бычатыся — не так клонит к земле.

Может, дело не в проклятии, а в гравитации?

Может, у нас в России аномально сильная гравитация? Оттого и жить, и дышать и даже думать тяжело, сложно, всё — труд, напряжение.

А здесь, куда ни взглянешь, — легкость бытия. Вполне выносимая.

Наверное, это пока — по контрасту. Поживи дольше и почувствуешь местную гравитацию как свою, станешь ругать местные правительства и законы и ностальгировать по России, где якобы все такие «отзывчивые» и «душа нараспашку».

Пока я съел пару русских хачапури, я узнал о буфетчице и рассказал о себе больше, чем несколько лет «общаясь» с одной и той же ее коллегой в Петербурге. Собственно, про питерскую буфетчицу я до сих пор не знаю даже, как ее зовут.

Гравитация — даже языком шевелить тяжело.

И потом — всюду враги.

Одно утешение — березы.

В Лондоне я встретил друга, который живет там уже четыре года. Как водится, спросил: не тянет домой, не скучаешь по русским березам?

Он посмотрел на меня внимательно и сказал очень серьезно:

— Здесь полно берез.

Он сказал: в детстве бабушка всегда говорила мне, что березы растут только в России. Но оказалось, что это неправда. Я езжу в парк под Лондоном, гуляю. Там растут березы, сколько угодно берез.

У моего друга шотландская фамилия, он потомок эмигранта времен Екатерины Великой. Так что для него это практически репатриация. Тем более, оказалось, что с березами никаких проблем.

Хотя, я думаю, что одна проблема все же есть: он говорит и думает на русском языке, он русский.

Для меня Лондон стал русским городом, потому что я гулял по Лондону с русским другом, который говорил со мной на русском языке.

В Лондоне я вел программы и отвечал журналистам на английском, который англичане, наверное, из вежливости, хвалили. Я пытаюсь изучать немецкий. Может, скоро я выучу таблицу спряжений глаголов haben, sein, werden. Но никогда и ни на каком языке не смогу выразить себя так, как на русском, — этого не изменить.

И, нет, это не так, что родина для нас там, где говорят по-русски. Русский сам по себе и есть наша родина. И другой родины у нас больше нет. Наша родина — русский язык.

Друзья мои и читатели! Вы неправильно поняли, если подумали, что и я уже обосновался в Берлине. Я здесь совсем ненадолго и скоро вернусь к нашим... снегам? морозам? березам? Все это здесь тоже есть, но я вернусь — просто вернусь.

Еще недавно я сказал бы недругам: «Не дождетесь!» Но сейчас я не столь категоричен. Могут и дожждаться. В мою спину тоже дует ветер. И в их спины, — через несколько лет мы вполне можем встретиться на Трафальгарской площади или у Бранденбургских ворот.

Ветер все сильнее и сильнее. Тираж моей первой книжки на немецком языке в два с половиной раза больше, чем тираж моей последней книжки на русском. Меня один раз позвали провести встречу с читателями в российский регион — и за то же время четыре раза позвали на мероприятия в Европу. Британский визовый центр выдал мне интересную визу: сроком действия на 6 месяцев, количество дней 180. 180 дней — это и есть 6 месяцев! Оставайтесь с нами, мальчик. Нашим королем ты не будешь, у нас есть свои короли. Но и погибнуть, скорее всего, не дадут. Ветер все сильнее и сильнее.

Но пока речь не об этом.

Мы станем эмигрантами в собственной стране. Посмотрите на русских писателей! Кто-то месяцами живет за границей, на собственной «вилле» — даже если это просто садовый домик, или по грантам в благотворительных приютах. Один рубит себе избу в карельской глуши. Другой закрывается в родной деревне, в своей «Ясной Поляне» — это тоже побег. Те, кто еще в центре, в гуще, в водовороте — истончаются, истлевают, как лучина.

Мы эмигрируем в единственную доступную нам страну, в страну, где нам легко и без испытательных сроков выдают вид на жительство: в Русский Язык. Это наша репатриация. Возвращение на родину. Другой родины у нас нет.

Нам она нужна, родина, как всем. И мы думали, что нужны своей родине, — поэтому и трепыхались так, пылали и ярились. Но нас выставили в 24 часа. И у нас нет другого выбора, пока. Но мы в русском языке, и у нас всё в порядке.

Я не смог сказать, что мы эмигрируем в литературу. Потому что литература — это не только язык, но еще институции: издательства, критика, премии. Вся эта земная церковь, что должна быть тенью церкви небесной —

русского языка, стала частью той России, которой мы не нужны. Пара издательств скупила магазинные сети, и теперь на полках горами мусор, выпускаемый этими же самыми издательствами под именем «книг». Похоже, они скупил и премии. Отмечены книги случайные, проходные — все, что угодно, кроме того, что действительно составляет сегодня русскую литературу. И только случаем, ненароком выдвигаются и побеждают действительно значимые произведения — и с каждым годом все реже.

Мы еще не совсем покинули границы литературы. Но, кого смогли, они оттеснили в «провинцию» этой страны, на периферию, к дальним заставам. Чтобы не жгли глаголом. А если жгут, — так пусть едят себя сами. А на наши земли заселили неприхотливых гастарбайтеров. И сказали миру: вот она, русская литература!

Богомерзкое и гнусное, бездарное словоблудие про елду, манду и срачницу в лубочном стиле от «Космополитен» — лучший русский роман года. Вы меня простите за такую лексику, — но ведь не я решил, что это и есть русская литература.

Как же нужно ненавидеть русскую литературу и русский язык!

Что еще остается, как не эмигрировать из такой «литературы»?

У нас всё в порядке, мы эмигрируем.

Ничего страшного. Мы сохраним свою настоящую родину, и наша родина сохранит нас. Ни руководители регионов и страны, ни литературные институты не развеют нас как прах по ветру. Все пройдет, как пена морская. Останется настоящее. Всё в порядке, друзья. Всё в порядке.

...И пока я закончил это эссе, в маленьком, как спичечный коробок, номере дешевого русского отеля в Шарлоттенбурге стало значительно теплее...

4 декабря 2010 г., Берлин

Корректор — Ю. Н. Маслов

ЛР № 066469

Подписано в печать 12.04.2011. Формат 60x84/16. Бумага типографская.

Гарнитура «Ньютон». Печ. л. 35,00. Тираж 1350 экз.

Заказ № 2959

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
122099, Москва, Шубинский пер., 6

ШТАДЕН Генрих

ЗАПИСКИ О МОСКОВИИ

Т. 1: Публикация; Т. 2: Статьи и комментарии.

М.: Дрвелехранилище, 2008-2009

Записки Генриха Штадена были написаны исключительно в практических целях и неразрывно связаны с историей одного из трагических периодов русского средневековья — опричниной Ивана Грозного 1565 – 1572 гг. Авантюрист и предприниматель, учившийся на священника, но лишенный каких бы то ни было моральных устоев, мадеродер, чей взгляд на Россию — взгляд иностранца, преследовавшего своекорыстные цели обогащения любым путем. Наблюдательный немец, знавший русский язык, цепко примечал все то, из чего он мог извлечь выгоду, и заслужил вечную благодарность ученых, изучающих этот период. Неуемная активность, ведшая его по жизни весьма кривыми путями, нашла, в результате, выход в сочинительстве. В сочинении его есть точные и цинично-откровенные рассказы о вымогательстве и подлогах, убийствах, беззастенчивом взяточничестве высших (да и не только) приказных дельцов. «Записки» ярко воссоздают общую атмосферу эпохи.

В иностранной мемуаристике о России Штаден занимает особое место, поскольку его записки — это фактически приложение к грандиозному плану завоевания Московского царства, которое, по мысли немца-авантюриста, должен был предпринять император Священной Римской империи или шведский король. Правда, планы обнаружили некоторую легковесность представлений автора о возможностях подобного завоевания. Особая же ценность сочинения Штадена заключается в описании внутренней и отчасти внешней политики опричного времени, которое в собственно русских источниках нашло весьма небольшое отражение.

В книге приведен немецкий текст и два перевода на русский язык. Передача текста дополнена статьями о находке и изучении источника, о московской городской лексике и о символике снаряжения опричного воина, научно-справочным аппаратом и иллюстрациями.

Книги продаются в следующих московских магазинах:

ЖУРНАЛЬНЫЙ КИОСК «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» — Страстной бульвар, 8

«КНИГА» — Нижняя Радищевская, 2

ЛИТИНСТИТУТ, книжная лавка — Тверской бульвар, 25

«ФАЛАНСТЕР» — Мал. Гнезниковский пер., 12/27

